ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: **ПРАВО**

У ч р е д и т е л ь:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – *Ю. Н. Старилов,* д-р юрид. наук, проф. Заместители председателя – *Ю. А. Бубнов*, д-р филос. наук, проф.; *Д. В. Костин*, д-р физ.-мат. наук, доц. Координатор – *Н. М. Близняков*, канд. физ.-мат. наук, доц.
Члены совета: *В. Г. Артюхов*, д-р биол. наук, проф.; *В. Н. Глазьев*, д-р ист. наук, проф.; *Д. А. Ендовицкий*, д-р экон. наук, проф.; *А. С. Кравец*, д-р филос. наук, проф.; *А. А. Кретов*, д-р филол. наук, проф.; *С. А. Куролап*, д-р геогр. наук, проф.; *А. Д. Савко*, д-р геол.-минерал. наук, проф.; *А. А. Сирота*, д-р техн. наук, проф.; *В. В. Тулупов*, д-р филол. наук, проф.; *С. А. Шабров*, д-р физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – *Ю. Н. Старилов,* д-р юрид. наук, проф. Заместители главного редактора – *О. С. Рогачёва,* д-р юрид. наук, доц.; *Ю. Б. Носова,* канд. юрид. наук, доц. Ответственный секретарь – *О. Н. Шеменёва,* д-р юрид. наук, доц. Члены редколлегии: *А. И. Абдуллин*, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет); *Ю. В. Агибалов,* канд. экон. наук, доц. (РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал); *М. О. Баев,* д-р юрид. наук, проф.; *О. Ю. Бакаева*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *О. В. Баулин,* д-р юрид. наук, проф.; *К. Беше-Головко*, доктор права, приглашенный профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова); *П. Н. Бирюков,* д-р юрид. наук, проф.; *Т. М. Бялкина,* д-р юрид. наук, проф.; *А. Н. Вылегжанин*, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации); *Й. Деппе*, доктор права, международный эксперт GIZ (г. Эшборн, Германия); *Д. В. Зотов*, канд. юрид. наук, доц.; *Т. Д. Зражевская,* д-р юрид. наук, проф.; *С. Д. Князев,* д-р юрид. наук, проф. (Конституционный Суд, г. Санкт-Петербург); *С. Кодама*, доктор права, проф. (Университет Миэ, Япония); *Н. А. Лопашенко*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *Е. Б. Лупарев*, д-р юрид. наук, проф. (Кубанский государственный университет); *Н. Л. Лютов*, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)); *А. В. Малько,* д-р юрид. наук, проф. (Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)); *С. П. Матвеев*, д-р юрид. наук, доц.; *В. А. Мещеряков*, д-р юрид. наук, проф. (Центральный филиал Российского государственного университета правосудия); *Е. И. Носырева,* д-р юрид. наук, проф.; *К. К. Панько,* д-р юрид. наук, проф.; *С. В. Передерин,* д-р юрид. наук, проф.; *Р. А. Подопригора,* д-р юрид. наук, проф. (Конституционный Суд Республики Казахстан, г. Астана); *М. В. Сенцова (Карасёва),* д-р юрид. наук, проф.; *Ю. В. Сорокина,* д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Трухачёв,* д-р юрид. наук, проф.; *Л. В. Туманова,* д-р юрид. наук, проф. (ТвГу, г. Тверь); *Н. А. Шишкин,* заместитель Генерального прокурора РФ, канд. юрид. наук; *Л. Этель*, д-р юрид. наук, проф., ректор Университета в г. Белосток (Польша)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28322 от 08.06.2007

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук, утвержденный ВАК

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Адрес редакции и издателя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1,
Воронежский государственный университет.
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Право».
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Тел./факс: 8 (473) 255-07-19

© Воронежский государственный университет, 2025
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2025

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: **LAW**

F o u n d e r:

**Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»**

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL:

Chairman – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy chairmen – *Yu. A. Bubnov*, dr of philosophical sciences, prof.; *D. V. Kostin*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof. Coordinator – *N. M. Bliznyakov*, cand. of physical and mathematical sciences, associate prof. Members of editorial board: *V. G. Artyukhov*, dr of biological sciences, prof.; *V. N. Glazyev*, dr of historical sciences, prof.; *D. A. Endovitsky*, dr of economics sciences, prof.; *A. S. Kravets*, dr of philosophical sciences, prof.; *A. A. Kretov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Kurolap*, dr of geographical sciences, prof.; *A. D. Savko*, dr of geological and mineralogical sciences, prof.; *A. A. Sirota*, dr of technical sciences, prof.; *V. V. Tulupov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Shabrov*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.

EDITORIAL COMMITTEE OF SERIES:

Editor in chief – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy editors in chief – *O. S. Rogacheva*, dr of legal sciences, associate prof.; *Yu. B. Nosova,* cand. of legal sciences, associate prof. Executive secretary – *O. N. Shemeneva*, dr of legal sciences, associate prof. Members of editorial committee: *A. I. Abdullin*, dr of legal sciences, prof. (Kazan (Privolzhsky) Federal University); *Yu.V. Agibalov*, cand. of economic sciences, associate prof. (Voronezh branch of RANEPA); *M. O. Baev*, dr of legal sciences, prof.; *O. Yu. Bakaeva*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *O. V. Baulin*, dr of legal sciences, prof.; *K. Beshe-Golovko*, dr of law, visiting prof. (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); *P. N. Birukov*, dr of legal sciences, prof.; *T. M. Byalkina*, dr of legal sciences, prof.; *A. N. Vylegzhanin*, dr of legal sciences, prof. (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); *J. Deppe*, dr of law, international expert GIZ (Eshborn, Germany); *D. V. Zotov,* cand. of legal sciences, associate prof.; *T. D. Zrazhevskaya*, dr of legal sciences, prof.; *S. D. Knyazev*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court, St. Petersburg); *S. Kodama*, dr of law, prof. (University Mie, Japan); *N. A. Lopashenko*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *E. B. Luparev*, dr of legal sciences, prof. (Kuban State University); *N. L. Lyutov*, dr of legal sciences, associate prof. (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSUA)); *A. V. Malko,* dr of legal sciences, prof. (Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)); *S. P. Matveev*, dr of legal sciences, associate prof.; *V. A. Meshcheryakov*, dr of legal sciences, prof. (Central branch of the Russian State University of Justice); *E. I. Nosyreva*, dr of legal sciences, prof.; *K. K. Panko*, dr of legal sciences, prof.; *S. V. Perederin*, dr of legal sciences, prof.; *R. A. Podoprigora*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, Astana); *M. V. Sentsova* (*Karaseva*), dr of legal sciences, prof.; *Yu. V. Sorokina*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Trukhachev*, dr of legal sciences, prof.; *L. V. Tumanova*, dr of legal sciences, prof. (Tver State University); *N. A. Shishkin*, deputy of General Prosecutor of the Russian Federation, cand. of legal sciences; *L. Etel*, dr of legal sciences, prof., rektor of the University in Bialystok (Poland)

Registrated by Federal Service for Supervisions of Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИ № ФС77-28322 of 08.06.2007

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Legal sciences (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences; 5.1.2. Public law (state legal) sciences; 5.1.3. Private law (civilistic) sciences; 5.1.4. Criminal law sciences; 5.1.5. International legal sciences)

Editorial committee address: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Voronezh State University.
Editorial committee of «Proceedings of VSU. Series law»
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Tel./fax: 8 (473) 255-07-19

© Voronezh State University, 2025
© Desing, original-model. Publishing house of the Voronezh State University, 2025

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ПРАВО
Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Серия: Право. 2025. № 2 (61). Апрель – июнь

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Планы, проекты, намерения: к юбилею доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой гражданского права и процесса **Елены Ивановны Носыревой** 8

70-летие доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации **Петра Павловича Серкова** 11

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ НАУКИ

Сазонникова Е. В. Популяризация правовой науки в России: история и современность 13

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Бялкина Т. М. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением как условие эффективности муниципальной власти 23

Агибалов Ю. В. Становление и развитие местного самоуправления в России: от закона «О местном самоуправлении в Воронежской области» до законопроекта Клишаса – Крашенинникова 31

Таваралиев Х. Д. Институт приобретения гражданства в странах-учредителях БРИКС: общее и особенное 41

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Пенской А. В. На пути к централизации: «двоеначалие» в русском праве и проблема создания общерусского законодательства во второй половине XV – конце XVI века 50

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Матвеев С. П. Правовые гарантии информационных прав в Российской Федерации 59

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В. Еще раз о понятии гражданско-правового договора 66

Павлова М. С. Раскрытие доказательств в российском гражданском процессе: проблема концептуального выбора в развитии института 77

Гончарова И. Ю. Профессиональное представительство как средство обеспечения своевременности рассмотрения и разрешения дела судом 87

Крымский Д. И. «Ревитализация» идей процессуального сотрудничества – тренд современного гражданского процессуального права в России и за рубежом 91

Минакова И. Р. Унитарные и корпоративные юридические лица: проблема критерия разграничения 99

Хисамова Р. В. Особенности защиты прав детей в Интернете 105

Тищенко С. В., Кирсанова А. В. Особенности судебной защиты имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы 114

Зверев Д. Р. Скриншот как электронное доказательство в арбитражном судопроизводстве 119

Шелехова И. В. К вопросу о действии уголовно-процессуального закона во времени на территориях с неустойчивым правовым статусом 126

Логачев В. В. Создание Алиментного Фонда Российской Федерации.....131

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Передерин С. В. Административный регламент – источник трудового права.....139

Лифанова М. В., Сайфутдинова В. М. Методы воспитания, связанные с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника: регулирование в сфере трудового и уголовного права 147

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Мелаев М. К. Взаимодействие судебного примирителя с судом и участниками административного судопроизводства: характер правоотношений 156

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Глухова М. В. Актуальные направления развития законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации.....167

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Мардасова М. Е. Вопросы финансово-правового регулирования децентрализованных финансов отдельных видов некоммерческих организаций.....173

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Денисова А. В. Трансформация российского уголовного права в условиях специальной военной операции 179

Караваева Ю. С. О необходимости расширения круга субъектов уголовно наказуемого неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.....187

Шестак В. А., Чеботарь А. С. Наметившиеся тенденции в развитии киберпреступности 197

Пучнина М. Ю. Киберпреступления: понятие, виды, меры противодействия 203

Стельмах В. Ю. Проблемы реализации прокурором полномочий по надзору за предварительным расследованием 208

Рогова А. А. Проблемы уголовно-процессуальной защиты личных, общественных и государственных интересов, пострадавших в результате совершения преступления 215

Панько Н. К. Участие адвоката в собирании доказательств и процессе доказывания по уголовному делу: положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и их применение в действительности 221

Романова Г. В. Тактические и этические вопросы применения фотосъемки в уголовном судопроизводстве 230
Глушков М. Р. Цифровизация уголовного судопроизводства: к вопросу о понятии 238
Панаева Л. Е. Введение уголовной ответственности юридических лиц как перспективное направление в развитии российского уголовного законодательства 245

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Оганесян Т. Д. Динамическое толкование международных договоров и консенсус: эволюция подходов и анализ 254

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Власова А. С., **Михеева И. В**. Обязательно-рекомендательная модель инклюзивного образования в России как уникальная регулятивная конструкция 262

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ВОЛЯ, ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ: ВЗГЛЯДЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ДРУГИХ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ»

Глухова А. В. Фактор лидерства в политических процессах: между безволием и триумфом воли 270
Ищенко Е. Н. Философские споры о свободе воли в зеркале современной культуры 281
Кусаинова А. К. Согласие как юридическая форма волеизъявления: проблемы интерпретации в условиях работы с большими данными 287
Шеменева О. Н. Значение воли и волеизъявления при установлении происхождения детей 296
Поротиков А. И., Поротикова О. А. Автономия воли при выборе применимого права в отношениях, осложненных иностранным элементом: отдельные противоречия законодательства и проблемы правоприменения 301
Денисенко В. В. Интерсубъективность как характеристика воли гражданина в постклассической юриспруденции 309
Шапошников Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора 314
Саломатина М. С. «Меня уволили!», или Языковые признаки снижения волевой активности (в аспекте проблемы профессионального выгорания) 324
Зыкова Н. Ю., Грачев Н. П. Волевая регуляция как фактор психологического благополучия личности 330
Косарева Е. А. Влияние воли на формирование добросовестности в современном гражданском праве Российской Федерации 336
Артемова Ю. С. Роль волеизъявления арбитра и сторон арбитража при формировании состава третейского суда 340

ИНФОРМАЦИЯ

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей 350

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: LAW
First published in 2006
Published quarterly

Series: Law. 2025. № 2 (61). April – June

CONTENTS

CONGRATULATIONS TO THE ANNIVERSARIES

Plans, projects, intentions: for the anniversary of Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure **Elena Ivanovna Nosyreva** 8

70th anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation **Pyotr Pavlovich Serkov** 11

POPULARIZATION OF LEGAL SCIENCE

Sazonnikova E. V. Popularization of legal science in Russia: history and modernity 13

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Byalkina T. M. Interaction of local self-government bodies with the population as a condition for the effectiveness of municipal government 23

Agibalov Yu. V. Formation and development of local self-government in Russia: from the law «On local self-government in the Voronezh region» to the Klishas – Krasheninnikov draft law 31

Tavaraliev K. J. Institute for acquiring citizenship in BRICS founding countries: general and special 41

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Penskoy A. V. Towards centralization: «dual behavior» in russian law and the problem of creating a national russian legislation in the second half of the 15th – end of the 16th centuries 50

DIGITAL LAW. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Matveev S. P. Legal guarantees of information rights in the Russian Federation..... 59

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Lyubchik A. A., Minkova O. G., Scherbakova N. V. Once again on the concept of civil law contract 66

Pavlova M. S. Disclosure of evidence in russian civil proceedings: the problem of conceptual choice in the development of the institution 77

Goncharova I. Yu. Professional legal representation as a means of ensuring timeliness settlement of civil case 87

Krymskiy D. I. Revitalization of the ideas of procedural cooperation as a trend of modern civil procedure in Russia and abroad..... 91
Minakova I. R. Unitary and corporate legal entities: the problem of the criterion of differentiation 99
Khisamova R. V. Features of protection of children's rights on the Internet 105
Tishchenko S. V., Kirsanova A. V. Features of judicial protection of property rights of the Russian Federation to forest resources.....114
Zverev D. R. Screenshot as Electronic Evidence in Arbitration Proceedings.....119
Shelehova I. V. On the issue of the criminal procedure law operation in time in territories with unstable legal status.....126
Logachev V. V. Establishing the Alimony Fund of the Russian Federation 131

LABOR LAW

Perederin S. V. Administrative regulations – a source of labor law.....139
Lifanova M. V., Sayfutdinova V. M. Methods of education related to physical and (or) mental violence against the personality of the student, pupil: regulation in the field of labor and criminal law.....147

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Melayev M. K. Interaction of a judicial conciliator with the court and participants in administrative proceedings: the nature of legal relations 156

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Glukhova M. V. Modern directions of development of legislation on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation.....167

FINANCIAL LAW. TAX LAW. BUDGET LAW

Mardasova M. E. Issues of financial and legal regulation of decentralized finance of certain types of nonprofit organizations.....173

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCESS, CRIMINALISTICS

Denisova A. V. Transformation of Russian criminal law in the special military operation 179
Karavaeva Y. S. On the need to expand the range of subjects of criminally punishable non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor 187
Shestak V. A., Chebotar A. S. Emerging trends in cybercrime development.....197
Puchnina M. Yu. Cybercrimes: concept, types, counteraction measures 203
Stelmakh V. Yu. Challenges to the prosecutor's ability to oversee a preliminary investigation 208
Rogova A. A. Problems of criminal procedure protection of personal, public and state interests affected by the commitment of a crime 215
Panko N. K. Participation of a lawyer in the collection of evidenceand the process of proof in a criminal case: provisions of the criminal procedure code of the Russian federation and their application in reality 221
Romanova G. V. Tactical and ethical issues of the use of photography in criminal proceedings.....230
Glushkov M. R. Digitalization of criminal proceedings: on the question of the concept 238
Panaeva L. E. Introduction of criminal liability of legal entities as a perspective direction in the evolution of russian criminal legislation.....245

INTERNATIONAL LAW

Oganesian T. D. Dynamic interpretation of international treaties and consensus: evolution of approaches and analysis 254

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION

Vlasova A. S., Mikheeva I. V. Mandatory-Recommended Model of Inclusive Education in Russia as a Unique Regulatory Construct 262

V INTERNATIONAL INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC AND PRACTICAL SEMINAR "WILL, ITS FORMATION AND MANIFESTATION: VIEWS IN JURISPRUDENCE AND OTHER HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES"

Glukhova A. V. The leadership factor in political process: between weakness and triumph of will 270

Ishchenko E. N. Philosophical debates about free will in a mirror of contemporary culture 281

Kussainova A. K. Consent as a legal form of expression of will: problems of interpretation in the context of working with big data 287

Shemeneva O. N. The meaning of will and expression of will in identification the origin of children 296

Porotikov A. I., Porotikova O. A. Autonomy of will in choice of applicable law in relations complicated by a foreign element: certain contradictions in legislation and problems of law enforcement 301

Denisenko V. V. Intersubjectivity as a characteristic of a citizen's will in postclassical jurisprudence 309

Shaposhnikov E. A. The use of personal evidence when proving the will of the parties to the contract 314

Salomatina M. S. «I've been fired!», or Linguistic signs of decreased volitional activity (in terms of the problem of professional burnout) 324

Zykova N. Yu., Grachev N. P. Volitional regulation as a factor of psychological well-being of a personality 330

Kosareva E. A. The influence of will on the formation of good faith in the modern civil law of the Russian Federation 336

Artemova Iu. S. The role of the arbitrator and the parties in the composition of the arbitral tribunal 340

INFORMATION

Requirements for the submission, review and publication of scientific articles 352

ПЛАНЫ, ПРОЕКТЫ, НАМЕРЕНИЯ: К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАВЕДУЮЩЕЙ КАФЕДРОЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ НОСЫРЕВОЙ

PLANS, PROJECTS, INTENTIONS: FOR THE ANNIVERSARY OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HEAD OF THE DEPARTMENT OF CIVIL LAW AND PROCEDURE ELENA IVANOVNA NOSYREVA

7 июня 2025 г. отмечает юбилей заведующая кафедрой гражданского права и процесса, доктор юридических наук, профессор **Елена Ивановна Носырева**.

Е. И. Носырева

Кажется, совсем недавно на страницах этого журнала коллеги поздравляли Елену Ивановну с предыдущим юбилеем: делились с читателями связанными с ней историями из жизни, раскрывающими различные грани ее уникального стиля руководства кафедрой, научной работы, общения с коллегами, взаимоотношений с Учителем[1]. Мы желали Елене Ивановне выполнения планов, реализации проектов и новых намерений. И мы очень рады, что наши пожелания осуществились: за прошедшие пять лет были реализованы различные проекты под ее руководством, во многих из которых мы с удовольствием участвовали. Надеемся, что новые намерения тоже не заставят себя ждать.

В преддверии 7 июня 2025 г. хотелось бы поделиться с читателями журнала и, прежде всего, со студентами, посещающими занятия Елены Ивановны, тем, какова ее роль в развитии и популяризации альтернативных способов разрешения споров (АРС) в Российской Федерации. Эта сторона ее профессиональной деятельности – безусловное основание восхищаться и гордиться тем, что мы (и коллеги, и студенты) имеем возможность учиться и работать с таким выдающимся специалистом.

Е. И. Носырева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Государственный арбитраж и заключение хозяйственных договоров» в 1990 г. в Институте государства и права Академии наук СССР под руководством известнейшего юриста, ученого и практика Тамары Евгеньевны Абовой.

Дальнейшее исследование вопросов альтернативного разрешения и урегулирования споров Елена Ивановна проводила в Соединенных Штатах Америки, изучая законодательство и знакомясь с практикой в стране, в которой АРС на тот момент получили наибольшее распространение и развитие.

Результатом данного исследования в 2001 г. стала защита докторской диссертации на тему «Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США». В докторской диссертации, монографиях[2] и многочисленных научных

[1] См.: *Евтухович Е. А., Фильченко Д. Г., Фильченко И. Г., Шеменева О. Н.* Елена Ивановна Носырева – учитель, ученый, руководитель // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. Воронеж, 2020 . № 2 (41). С. 8–13.

[2] См.: *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж, 1999. 224 с. ; *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. 320 с.

статьях нашло отражение, систематизацию и анализ на предмет целесообразности заимствования в нашей стране множество альтернативных способов разрешения и урегулирования споров. И с этого момента ни одно значимое научное исследование в данной сфере невозможно без обращения к трудам Е. И. Носыревой. В этом смысле, по остроумному выражению профессора МГУ Е. А. Борисовой, Елена Ивановна в нашей стране – «пионер альтернативных способов разрешения споров».

После успешной защиты докторской диссертации Елена Ивановна не потеряла интерес к предмету своего исследования и не поменяла его, как это часто бывает в научной работе других ученых. Напротив, она проделала огромную работу, направленную на популяризацию и развитие в России альтернативных способов разрешения споров, и прежде всего таких перспективных в условиях нашей страны, как арбитраж и медиация.

Долгие годы Елена Ивановна входит в состав арбитров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, а также является практикующим профессиональным медиатором.

Елена Ивановна участвует в издании научной и учебной литературы по арбитражу[3] и медиации[4] в составе коллективов единомышленников – ведущих ученых и практиков из разных регионов нашей страны. Коллективом кафедры гражданского права и процесса под ее руководством была издана книга, посвященная наиболее распространенной на практике, но не получившей освещения в литературе примирительной процедуре – переговорам[5], где комплексно рассмотрены переговоры, направленные как на заключение договора, так и на урегулирование спора.

Е. И. Носырева входит в редакционную коллегию журнала «Третейский суд» – первого и единственного в России уникального тематического издания, представляющего актуальную и объективную информацию о становлении и развитии в России способов Альтернативного разрешения споров: третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража, посредничества (медиации) и др.

Другим направлением ее деятельности в сфере АРС является подготовка заключений на проекты федеральных законов по связанным с ними вопросам. Например, это заключение на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона "О третейский судах в Российской Федерации"», подготовленное по просьбе Воронежской областной Думы; заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»[6].

Благодаря авторитету Елены Ивановны Воронеж воспринимается в профессиональном сообществе как один из ведущих центров медиации. В связи с этим неслучайно после принятия в 2010 г. Закона о медиации Международная научно-практическая конференция «Развитие медиации в России: теория, практика, образование» состоялась 7–8 апреля 2011 г. на базе юридического факультета Воронежского государственного университета и собрала ведущих специалистов в данной сфере из многих регионов России и Республики Беларусь[7]. Данная конференция была самым масштабным, но, конечно же, не единственным научно-практическим мероприятием, посвященным АРС и организованным под руководством Е. И. Носыревой

В том же 2011 г. усилиями сотрудников кафедры гражданского права и процесса под ру-

[3] См., например: Международный коммерческий арбитраж : учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров [и др.] ; отв. ред. Т. А. Лунаева ; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. ; М., 2018. Вып. 9. 965 с. ; Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В. Н. Ануров, К. В. Егоров, А. В. Замазий [и др.] ; под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского. М., 2016. 352 с.

[4] См.: Медиация : учеб. для подготовки студентов по направлению 370302 – Конфликтология / А. Д. Карпенко, О. В. Аллахвердова, Д. Л. Давыденко [и др.]. СПб., 2016. 480 с. (Библиотека журнала «Третейский суд» ; вып. 8.)

[5] См.: Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М., 2023. 272 с.

[6] См.: Заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Третейский суд. 2012. № 1. С. 134–136.

[7] См.: Развитие медиации в России : теория, практика, образование : сб. ст. / О. В. Аллахвердова, Р. Ю. Банников, О. И. Величкова [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. ; Берлин, 2012. 320 с. (Библиотека медиатора ; кн. 4.)

ководством Е. И. Носыревой был основан Центр правовых инноваций и примирительных процедур Воронежского государственного университета. Целью его деятельности является содействие повышению престижа юридических профессий и создание условий для получения специалистами дополнительных профессиональных компетенций в сфере юридической деятельности. Одной из задач Центра является предоставление деловому сообществу и гражданам возможности альтернативного урегулирования конфликтов с помощью примирительных процедур, а также утверждение и развитие института медиации.

За 14 лет работы Центра культура АРС была интегрирована в профессиональные сообщества г. Воронежа, что послужило практическому применению процедуры медиации к правовым спорам. В нем прошли обучение и получили профессиональные навыки медиатора, а также иные навыки в сфере переговорных технологий тысячи специалистов из различных сфер образования, права, бизнеса, государственного управления. В рамках совместного проекта с министерством образования Воронежской области на территории г. Воронежа и Воронежской области была реализована программа повышения квалификации «Школьная медиация», и впоследствии службы медиации появились в школах. У студентов ВГУ появилась возможность проходить обучение по программе «Медиация. Базовый курс» до получения диплома о высшем образовании. А научно-практические мероприятия по тематике АРС сформировали интерес у обучающихся, что на сегодняшний день позволяет констатировать факт сформировавшегося студенческого сообщества – сообщества последователей культуры АРС.

Сотрудниками кафедры гражданского права и процесса под руководством Елены Ивановны был учрежден всероссийский студенческий конкурс по медиации на базе юридического факультета ВГУ. Он успешно проводился в 2017, 2018, 2019 гг. По инициативе студентов и при их активном участии конкурс возобновил свою работу в 2023, 2024 гг., значительно расширив число участников из других регионов. Надеемся, он и дальше будет развиваться и вызывать у студентов и практикующих юристов такой же интерес.

Студенты юридического факультета под руководством сотрудников кафедры – учеников Елены Ивановны занимают призовые места на престижных международных и всероссийских конкурсах по АРС, проводимых ведущими вузами страны: на Международном студенческом конкурсе по международному коммерческому арбитражу имени М. Г. Розенберга, на Международном студенческом конкурсе по бизнес-медиации IBMM–2025[8] и многих других мероприятиях. Тем самым подтверждая статус юридического факультета ВГУ как ведущего центра АРС.

В преддверии юбилея Елены Ивановны мы вспомнили лишь основные и наиболее значимые этапы и направления развития и популяризации альтернативных способов разрешения и урегулирования споров при ее участии, а также под ее руководством. Их значительно больше, многое еще предстоит сделать и многие планы еще только формируются в умах юристов разных поколений и из разных городов нашей страны, которых Елена Ивановна научила не только гражданскому процессуальному праву, но и тому, что договариваться – лучше, чем ссориться и судиться. И лучшее подтверждение тому – прекрасная дружеская атмосфера, которая царит на кафедре, которую возглавляет профессор Носырева, и на мероприятиях, проводимых под ее руководством.

Мы желаем Елене Ивановне счастья, здоровья, творческой энергии и много новых профессиональных успехов: как личных, так и успехов ее учеников. Благодаря ее работе множество людей становится чуть конструктивнее, договороспособнее и добрее.

Коллектив кафедры
гражданского права и процесса
юридического факультета
Воронежского государственного университета

[8] URL: http://www.law.vsu.ru/structure/civillaw/news.html#20250429

70-ЛЕТИЕ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПЕТРА ПАВЛОВИЧА СЕРКОВА

70TH ANNIVERSARY OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED LAWYER OF THE RUSSIAN FEDERATION, FIRST DEPUTY CHAIRMAN OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION PYOTR PAVLOVICH SERKOV

7 июля 1955 г. в с. Полдамасово Ульяновского района Ульяновской области родился **Петр Павлович Серков**, судьба которого будет неразрывно связана с правосудием.

П. П. Серков

1973 год стал для Петра Павловича временем испытаний и первых побед. Получив школьный аттестат, он шагнул во взрослую жизнь, совмещая учебу в профессиональном училище с работой в троллейбусном депо. Армейская закалка (1973–1975) добавила характеру твердости, а работа на радиоламповом заводе открыла дорогу к юриспруденции. Обучаясь во Всесоюзном юридическом заочном институте, будущий судья постигал право, сочетая теорию с практикой.

Его профессиональный взлет начался в 1981 г. в Железнодорожном районном суде г. Ульяновска, к 1995 г. был пройден путь от судьи районного суда до председателя Ульяновского областного суда.

2003 г. открыл новую главу – П. П. Серков был назначен заместителем председателя Верховного Суда Российской Федерации, в котором был председателем Судебной коллегии по административным делам.

В 2009 г. он был назначен на должность первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации. В 2024 г. на протяжении двух месяцев П. П. Серков исполнял обязанности Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Научная деятельность Петра Павловича Серкова представляет собой яркий пример органичного сочетания фундаментальной юридической науки и практической правоприменительной деятельности. Его работы стали значимым вкладом в развитие отечественной правовой мысли, а диссертации становились настольными книгами для юристов. В кандидатской диссертации «Смягчающие и отягчающие обстоятельства как средства обеспечения индивидуализации наказания» (2003) детально исследованы механизмы влияния различных факторов на меру ответственности. Работа стала значимым трудом в уголовно-правовой доктрине, предложив четкие критерии оценки обстоятельств, влияющих на судебное решение. Докторская диссертация «Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования» (2011) посвящена актуальным вопросам административного права и ответственности. Автор не только проанализировал существующие правовые коллизии, но и предложил конкретные механизмы оптимизации законо-

дательства, что нашло отражение в последующих реформах.

П. П. Серков является автором монографий «Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы» (2015), «Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика» (2014), «Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)» (2018), «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)» (2020), «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» (2023) и др.

Многочисленные статьи и комментарии Петра Павловича по вопросам судебного толкования, процессуальных особенностей административного судопроизводства и взаимодействия правовых институтов стали важным подспорьем для судей и правоведов.

Научные труды П. П. Серкова углубляют понимание сущности современной правовой политики, включают традиционные сферы правового регулирования, вопросы правопонимания, правовой определенности и неопределенности, точности правового воздействия на человека, общество и государство, способствуют развитию доктринальных основ юридической науки. Многие предложенные им идеи были реализованы в законодательстве и судебной практике, что подтверждает их востребованность. Научная деятельность Петра Павловича Серкова заслуживает высокой оценки за фундаментальность и прикладное значение его научных трудов. Они получили широкое признание в профессиональном сообществе, продолжают оставаться важным источником для исследователей и практиков, формируя основу для дальнейшего развития российской правовой системы.

Профессиональный путь Петра Павловича Серкова – это яркий пример преданности профессии, мудрости, неустанного стремления к справедливости и умения сочетать строгость закона с человечностью.

В этот знаменательный день желаем ему крепкого здоровья, благополучия, новых творческих свершений и вдохновения! Пусть мудрость и энергия юбиляра еще долгие годы служат примером для всех, кто стремится к знаниям и справедливости!

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право»

УДК 340
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/13-22

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ НАУКИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е. В. Сазонникова
Воронежский государственный университет

POPULARIZATION OF LEGAL SCIENCE IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

E. V. Sazonnikova
Voronezh State University

Аннотация: публикация посвящена проблематике популяризации правовой науки и приурочена к 105-летию юридического факультета ВГУ. Автор обращается к истории явления, раскрывает собственное понимание популяризации правовой науки, приходит к выводу о необходимости дальнейшего развития этого направления педагогической и просветительской деятельности в юриспруденции, уделяет отдельное внимание краеведческой тематике, в том числе прошлому и современному опыту популяризации права сотрудниками юридического факультета ВГУ.
Ключевые слова: право, популяризация, юридическое образование, юридическая педагогика, Н. П. Дружинин, Ю. Н. Старилов.

Abstract: the publication is devoted to the problems of popularization of legal science and is timed to coincide with the 105th anniversary of the Faculty of Law of the VSU. The author turns to the history of the phenomenon, reveals his own understanding of the popularization of legal science, comes to the conclusion that it is necessary to further develop this area of educational and pedagogical activity in jurisprudence, pays special attention to local history topics, including the past and modern experience of popularization of law by the staff of the legal faculty of the VSU.
Key words: law, popularization, legal education, legal pedagogy, N. P. Druzhinin, Yu. N. Starilov.

…чтобы правовое сознание было ясно, правильно, твердо, для этого оно должно опираться на возможно близкое знакомство с правом и действующими законами. Совершенно очевидно поэтому, что чем шире распространены юридические знания, тем яснее общее правосознание, тем тверже законы и тем точнее их применение.

Николай Петрович Дружинин*

Из истории популярного изложения права

У всякого явления есть своя история. Среди дошедших до нашего времени отечественных источников, опубликованных в XIX в., есть книги, посвященные популярному изложению права.

Видный русский общественный деятель Н. П. Дружинин, один из основоположников по-

* *Дружинин Н. П.* Предисловие (Значение юридических знаний. Необходимость широкого их распространения. План и содержание книги) // Русское государственное гражданское и уголовное право в популярном изложении. СПб., 1899. С. 5.

Дружинин Николай Петрович (1858, Ярославская губ. – 1941, Ленинград) – русский ученый, журналист, общественный деятель, педагог и популяризатор науки. См.: URL: https://ru.wikipedia.org/?curid=7486234&oldid=133789648 (дата обращения: 21.01.2025).

© Сазонникова Е. В., 2025

пуляризации права в нашей стране, в письме издателю Ф. Ф. Павленкову от 30 ноября 1893 г. писал: «*Трудно понять, какие причины создают подобное явление, – почему рядом с богатейшей специальною юридическою литературою нет популярной юридической литературы, почему при большом числе лиц, юридически образованных, сведения о законах распространяются крайне слабо? …Необходимость популяризации права бесспорна и несомненна*»[1]. Юридическая литература Н. П. Дружинина была предназначена для широкого круга читателей, для тех, у кого нет юридического образования[2]; особенно много сил он вложил в оказание правовой помощи крестьянам[3].

Н. П. Дружинин[4]

В своей книге «Русское государственное гражданское и уголовное право в популярном изложении» (1899), обращаясь к читателю, Н. П. Дружинин обозначил цель своего труда так: «*цель автора – облегчить не подготовленному специально читателю переход к другим, более обширным и глубоким трудам по соответствующим отраслям права*». Он обращал внимание, что для «*большей доступности и слог изложения принят возможно простой, свободный от иностранных выражений и – соответственно предмету – точный*»[5].

Важное значение в конце XIX – начале XX в. для популяризации права имели отечественные печатные издания. Так, по свидетельству профессора Л. Я. Лесмента, очень популярной в тот период была юридическая еженедельная газета «Право», издававшаяся с 1898 по 1917 г.[6] В ней публиковались новые нормативные правовые акты, комментарии к ним, статьи по имеющимся в ближайшей практике вопросам гражданского, уголовного и административного права, важнейшие иностранные законы, выдающиеся судебные дела и случаи из практики судебных и административных учреждений, отчеты о важнейших процессах, хроника, диспуты и заседания юридических сообществ, в приложении – оригинальные и переводные статьи по юридическим наукам[7].

В Воронежской губернии с 1838 по 1917 г. издавалась газета «Воронежские губернские ведомости», долгое время являвшаяся единственным органом местной прессы. Газета разделялась на официальную и неофициальную части. В официальной части печатались общие правительственные постановления и распоряжения местного начальства, а также официальные известия, имеющие важное значение; неофициальная часть в целом представляла собой собрание материалов из жизни и истории края[8].

---

[1] Цит. по: *Таточенко В. В.* Вклад популяризатора юридических знаний Н. П. Дружинина в гражданско-правовое воспитание населения Ярославской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 40.

[2] См., например: *Дружинин Н. П.* Что такое конституция и зачем она нужна народу? СПб., 1906. 24 с.

[3] См., например: *Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян : исследование. СПб., 1897. 385 с. ; *Его же.* Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912. 296 с.

[4] Фото Н. П. Дружинина взято с сайта Российской национальной библиотеки. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/new_materials_2015/druginin.php (дата обращения: 15.01.2025).

[5] *Дружинин Н. П.* Предисловие (Значение юридических знаний. Необходимость широкого их распространения. План и содержание книги). С. 20.

[6] См.: *Лесмент Л. Я.* О популярности юридического издания 75 лет назад // Советское право: Юридический бюллетень. 1976. № 3. С. 170.

[7] См.: Право : еженедельная юридическая газета. 1898. № 1 (8 нояб.) – 4 (20 дек.) / ред.-изд.: М. В. Гессен, Н. И. Лазаревский. СПб., 1898. URL: https://vivaldi.nlr.ru/pn000115347/view/#page= (дата обращения: 17.01.2025). В первом номере газеты, в частности, была напечатана её программа, поименованы будущие авторы.

[8] См. подробнее: Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей : Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников / сост. д. чл. Воронеж. губ. стат. ком. Н. В. Воскресенский. Воронеж, 1888. Т. 1. 523, XXXII с.

Николай Васильевич Воскресенский (1839–1904) с конца 1882 г. по 1884 г. совместно с редактором руководил неофициальной частью «Воронежских губернских ведомостей» (См.: Указ. соч. С. 14). Н. В. Воскресенский писал: «*Губернские Ведомости должны иметь то значение и тот характер, которые требуют от них достоинство Правительства и польза дела*» (Там же. С. 8).

В развитии краеведческого знания о древних правовых памятниках, касающихся Воронежской губернии и их популяризации в XIX в., колоссальна заслуга Николая Ивановича Второва (1818–1865) и Константина Осиповича Александрова-Дольника (1815–1889)[9], оказавшихся по воле судьбы в середине XIX в. в Воронеже. Здесь они проделали огромную работу по разбору, изучению и публикации архивных документов XVII – нач. XVIII в. по истории Воронежской и соседних губерний, обнаруженных ими в подвалах губернского правления в 1849 г. В 1850–1853 гг. Н. И. Второв и К. О. Александров-Дольник издали три сборника документов под названием «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и части Азова» (известны также под образными названиями «Второвские акты», «Второвские короба», «Второвское собрание»), представляющие богатый материал для изучения истории Воронежского края, его административного устройства, экономики[10]. Также по их инициативе с 1856 г. губернский статистический комитет впервые в стране стал издавать «Памятные книжки» – справочники по всем областям жизни Воронежа и губернии. В этих ежегодных изданиях с конца XIX в. стали публиковать нормативные правовые акты[11].

Качественно иной виток развития популяризации права состоялся в советское время. На самых первых порах, когда советское право только формировалось, новые юридические кадры ещё не появились, в значительной степени образовательные задачи, поставленные советской властью, решались дореволюционной профессурой, оставшейся в стране. Так, в Воронежской губернии много сил в юридическое образование народных масс вложили правоведы, заложившие основы юридического образования в Воронежском государственном университете: А. С. Невзоров, Н. И. Щукин, Л. А. Шалланд, В. Э. Грабарь, С. А. Петровский, В. И. Курдиновский, И. Л. Ямзин и др.[12]

Впоследствии популяризация советского права (или, как её в основном именовали в то время, правовая пропаганда) получила большое развитие. Университетам в этом деле всегда отводилась особенная роль[13].

С 1947 г. в работу по популяризации права активно включилась просветительская и пропагандистская организация Всесоюзное общество «Знание» (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний). Востребованными формами популярного изложения права были лекции, беседы, в том числе беседы в судебных процессах, в подшефных агитпунктах в ходе избирательных кампаний; широко практиковались выходы юристов к рабочим на предприятия, поездки по районам области. Например, преподаватели юридического факультета ВГУ регулярно выступали с лекциями, а также проводили встречи с населением в формате «вечер вопросов и ответов» в Центральном лектории общества «Знание».

«*Все лучшие умственные силы, бывшие в Воронеже, не исключая и нашего славного поэта Никитина, сделали свой вклад для неофициальной части "Губернских Ведомостей"*» (Там же. С. 4).

[9] См. о Н. И. Второве и К. О. Александрове-Дольнике подробнее: *Акиньшин А. Н.* Исследователь земли Воронежской. Об историке, этнографе, статистике Николае Ивановиче Второве (1818–1865) // Московский журнал. 2018. № 9. С. 2–11. URL: http://mosjour.ru/2018099466 (дата обращения: 16.01.2025) ; *Его же.* Второв Николай Иванович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред. О. Н. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 85–86 ; *Его же.* Александров-Дольник Константин Осипович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. С. 13.

В Воронеже вокруг Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника возник кружок интеллигенции (так называемый «второвский кружок»), сыгравший большую роль в развитии культурной жизни Воронежа и губернии. В число его участников входил, например, поэт И. С. Никитин. – *прим. Е. С.*

[10] Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и части Азова / собраны и изданы К. Александровым-Дольником и Н. Второвым. Воронеж, 1852 (2015). Кн. 2. XI, 202, 99, VIII с., 1 л. карт. URL: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217656 (дата обращения: 15.01.2025).

[11] См. об этом, например: *Сазонникова Е. В.* Обязательные постановления губернатора Воронежской губернии, опубликованные в «Памятных книжках Воронежской губернии» (1913–1916) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 53–60.

[12] См.: *Сазонникова Е. В.* Юридический факультет Воронежского государственного университета. В начале пути. 1918. Воронеж, 2017. С. 18–49.

[13] Согласно Типовому уставу университетов РСФСР (утв. Наркомпросом РСФСР 30.03.1932 г.) на университеты возлагалось «распространение научных производственно-технических и общественно-политических знаний среди широких масс трудящихся в целях повышения их производственной и политической активности и культурного уровня». – *прим. Е. С.*

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЛЕКТОРИИ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Сегодня в 19 часов — вечер вопросов и ответов на тему: «Советский закон на страже интересов трудящихся».

Ответы дадут кандидаты юридических наук О. В. Смирнов, В. Н. Скобелкин, А. К. Кравцов, Н. А. Сыродоев, работники облсобеса и облпрофсовета.

«**В Центральном лектории общества "Знание".** *Сегодня, в 19 часов – вечер вопросов и ответов на тему: "Советский закон на страже интересов трудящихся". Ответы дадут кандидаты юридических наук О. В. Смирнов, В. Н. Скобелкин, А. К. Кравцов, Н. А. Сыродоев, работники облсобеса и облпрофсовета». (Коммуна. 1966. 15 марта. С. 4)*[14].

В стране существенными тиражами издавалась научно-популярная юридическая литература по разным отраслям права, методические рекомендации и указания по организации правовой пропаганды[15].

В настоящее время в России сформирована правовая основа популяризации науки, оформившая важнейшие подходы в данном направлении. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации популяризация науки определена в качестве одной из задач, направленной на обеспечение защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти[16]. В соответствии с Основами государственной культурной политики Российской Федерации социальные науки отнесены к сфере реализации государственной культурной политики (см. п. 5)[17] и поставлены задачи их приоритетного развития, проведения необходимых фундаментальных и прикладных исследований и повышения качества подготовки научных и научно-педагогических кадров. Решение этих задач необходимо в том числе и в отношении правовой науки как науки социальной.

О понятии популяризации правовой науки

Популяризация правовой науки представляет собой активную творческую деятельность – публичное представление и распространение правовых научных знаний, знаний о выдающихся правоведах, научных и образовательных организациях в сфере права в доступной форме в целях правового просвещения населения.

Цели популяризации в отношении права: представить правовые научные знания как легкодоступную для восприятия информацию; заложить во всём обществе, и в частности у юристов, понимание права как совокупности юридических норм должного поведения; укоренить уважение к юридическому образованию как к части цивилизационной культуры[18].

В ряде случаев в законодательстве прямо закреплена необходимость популяризации нормативных правовых актов, органов публичной власти, правовых явлений или процессов. Например, Торгово-промышленная палата Российской Федерации обеспечивает развитие и популяризацию третейского разбирательства и медиации, повышение квалификации третейских судей и посредников[19]; Экспертный совет при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации задействован в популяризации деятельности уполномоченных по правам человека в Российской Федерации[20].

Популяризация правовой науки способствует увеличению числа людей, интересующихся правом, совершенствованию правовой культуры личности; представляет юридическую специальность как важную форму человеческой деятельности; развивает творческие способности применительно к правовым начинаниям; формирует уважительное отношение к праву.

Наиболее успешно популяризация права проводится на базе организаций, располагаю-

[14] В тексте объявления опечатки в инициалах О. В. Смирнова и фамилии Н. А. Сыродоева.

[15] См., например: Во имя человека. Из опыта пропаганды правовых знаний : сб. статей. Л., 1974. 72 с. ; Вопросы теории и практики правовой пропаганды / под ред. Д. А. Керимова, Л. И. Спиридоновой. Л., 1973. 109 с.

[16] См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[17] См.: Основы государственной культурной политики : утв. указом Президента Рос. Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] См. подробнее: *Бабурин С. Н.* Место юридического образования в цивилизационной культуре // Вестник Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 2 (38). С. 12–18.

[19] См.: О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации (ч. 5 ст. 3) : закон Рос. Федерации от 7 июля 1993 г. № 5340-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] См.: Об Экспертном совете при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации (подп. 15 п. 2.2) : распоряжение Уполномоченного по правам человека в РФ от 13 октября 2016 г. № 67 // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2016. № 1.

щих кадровыми и материально-техническими ресурсами, деятельность которых отличается высоким качеством и результативностью[21]. Это в первую очередь крупнейшие научные юридические учреждения, юридические вузы и юридические факультеты университетов нашей страны, но не только. Важно отметить роль отечественных издательств, специализирующихся на выпуске в свет правовой литературы. Так, старейшее юридическое издательство «Юридическая литература» было создано в России более 100 лет назад, в декабре 1917 г., как специализированное издательское отделение Народного комиссариата юстиции РСФСР[22].

Некоторые *целевые аудитории популяризации правовой науки* и роль популяризации в их отношении:

– для обучающихся по основным общеобразовательным программам популяризация права способствует расширению кругозора, содействует привлекательности правовой науки, осознанности выбора будущей профессии;

– для обучающихся по основным профессиональным образовательным программам популяризация права является одним из компонентов правовой подготовки, оказывающим влияние на будущую профессиональную деятельность (в особенности при обучении по юридическим направлениями и специальностям);

– для взрослых людей, независимо от возраста и образования, благодаря популяризации права возникают новые круги общения, формируется настрой на дальнейшее личностное развитие;

– для педагогических работников, научных сотрудников и служащих органов публичной власти разные практики популяризации права могут применяться при повышении квалификации.

Необычные направления популяризации правовой науки

Заслуживают отдельного внимания такие направления популяризации правовой науки, как популяризация естественных наук в контексте проблем, возникающих на стыке взаимодействия естественных наук и правовой науки[23]; популяризация права стран Древнего мира и его влияния на современное право (большой вклад в популяризацию права древневосточных и античных цивилизаций на юридическом факультете ВГУ вносит доцент Ю. А. Иванов[24]).

Своеобразное направление в популяризации права утвердилось за тематической филателией. По тематике коллекционирования почтовых марок выделяют марки, посвященные правителям, органам публичной власти, государственным праздникам, наградам, символам, правовым актам. Почтовые марки, эмитированные в ознаменование правовых актов, могут быть посвящены конституции и иным законам государства, международно-правовым актам, видным правоведам, крупным научным и образовательным юридическим центрам подготовки кадров и разработки правовых актов. Почтовые марки как знаки почтовой оплаты относятся к достижениям правовой культуры, являются элементом правового наследия, так как представляют право в художественной форме.

Нельзя обойти вниманием популяризацию права в поэтической форме представителями юридических профессий. Отрадно подчеркнуть, что в книге, посвященной истории юридического факультета ВГУ, есть глава, в которой собраны стихи на юридическую тематику, написанные преподавателями, студентами, выпускниками разных лет (авторы сочинений: Н. А. Боброва, И. А. Кожемяко, К. В. Курсакова, О. А. Лесовик, А. Г. Нестругин, В. А. Панюшкин, Е. Е. Смолицкая, С. В. Судакова, Т. А. Фролова)[25].

---

[21] См.: *Заиченко С. А.* Центры превосходства в системе современной научной политики // Форсайт. 2008. № 1. С. 42.

[22] См. историю на сайте издательства «Юридическая литература». URL: http://www.jurizdat.ru/phouse (дата обращения: 19.01.2025).

[23] См.: *Заикин С. С.* Естественные науки и их популяризация : проблемы взаимодействия и соотношения с правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 72–82.

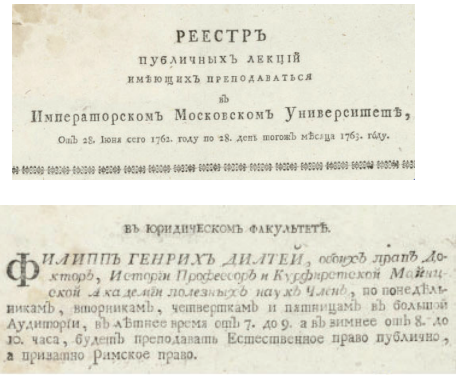
[24] См., например: *Иванов Ю. А.* История государства и права зарубежных стран : учебник : в 4 т. Воронеж, 2020. Т. 1: Государство и право древневосточных цивилизаций. 272 с. ; Т. 2: История государства и права античной цивилизации. 276 с.

[25] См.: *Сазонникова Е. В.* Перешагнув рубеж столетья… Воронеж, 2022. С. 117–147.

Примером популяризации института выборов и избирательного права в поэтической форме является стихотворение профессора Н. А. Бобровой, посвященное конституционной ценности активного избирательного права. См.: *Боброва Н. А.* Ещё раз о конституционной ценности активного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 2–6.

Публичная лекция как форма популяризации правовой науки

Практика публичных (или открытых) лекций в отечественной истории популяризации науки является традиционной и неразрывно связана с историей университетов в России. Так, в реестре публичных лекций, читаемых в 1762/1763 уч. г. в Императорском Московском университете, содержались сведения о чтении профессором Ф. Г. Дильтеем на юридическом факультете римского права «приватно» (как отмечает профессор В. А. Томсинов, лекции для всех желающих в тот период назывались приватными[26]).



РЕЕСТРЪ
ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЙ
ИМѢЮЩИХЪ ПРЕПОДАВАТЬСЯ
ВЪ
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
Отъ 28. іюня сего 1762. году по 28. день того жъ мѣсяца 1763. году.

ВЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ.

ФИЛИППЪ ГЕНРИХЪ ДИЛТЕЙ, обоихъ правъ Докторъ, Исторіи Профессоръ и Курфюрстской Майнцской Академіи полезныхъ наукъ Членъ, по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ въ большой Аудиторіи, въ лѣтнее время отъ 7. до 9. а въ зимнее отъ 8. до 10. часа, будетъ преподавать Естественное право публично, а приватно Римское право.

Реестр публичных лекций имеющих преподаваться в Императорском Московском университете от 28 июня сего 1762 году по 28 день того же месяца 1763 году.

В юридическом факультете. Филипп Генрих Дилтей, обоих прав Доктор, Истории Профессор и Курфюрстской Майнцской Академии полезных наук Член, по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам в большой Аудитории, в летнее время от 7 до 9, а в зимнее от 8 до 10 часа, будет преподавать Естественное право публично, а приватно Римское право[27].

В начале XIX в Н. М. Карамзин так писал о цели проведения публичных лекций: «*В сие счастливое для Наук время мудрое наше Правительство размножило их источники в России и открыло им новые способы действовать на ум народа. К числу сих способов принадлежат и публичные лекции Московского университета. Цель их есть та, чтобы самым тем людям, которые не думают и не могут исключительно посвятить себя ученому состоянию, сообщать сведения и понятия о Науках любопытнейших*»[28].

Впоследствии чтение публичных лекций университетскими профессорами стало привычным явлением городской жизни в России, одной из востребованных форм взаимодействия университета и города, в котором он размещался[29].

Такое положение вещей сохраняется и поныне. На юридическом факультете ВГУ регулярно проходят публичные (или, как их тоже называют, открытые) лекции. 11 ноября 2022 г., накануне дня рождения юрфака ВГУ, декан факультета профессор Ю. Н. Старилов прочитал лекцию на тему «Вклад первого декана юридического факультета ВГУ профессора Льва Адамировича Шалланда в теорию конституционного контроля (конституционной юстиции)», которая основывалась на опубликованной в 1905 г. статье Л. А. Шалланда «Верховный Суд и конституционные гарантии».

Нередко профессоров юридического факультета ВГУ приглашают прочитать публичные лекции в других учебных заведениях России, а на площадке юридического факультета читают лекции приглашенные профессора из других городов. Так, 22 сентября 2023 г. состоялась публичная лекция президента Ассоциации юридических вузов, доктора юридических наук, профессора Сергея Николаевича Бабурина на тему «Современный российский конституционализм». Он рассказал об истории создания Конституции Российской Федерации от первого лица. Важнейшими темами выступления стали содержание и значение конституционной реформы 2020 г.

Несмотря на то что сегодня научная коммуникация активно ведется онлайн, хочется выразить надежду и уверенность, что виртуальная публичная лекция не вытеснит лекции, читаемые вживую.

[26] См.: *Томсинов В. А.* Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2015. № 2. С. 5, 6.

[27] См.: Реестр публичных лекций имеющих преподаваться в Императорском Московском университете // Сайт НЭБ. 000200_000018_RU_NLR_A1_34818 (дата обращения: 16.01.2025).

[28] *Карамзин Н. М.* О публичном преподавании наук в Московском университете (1803 г.). Текст публикации на сайте «Летопись Московского университета». URL: http://letopis.msu.ru/content/karamzin-nm-o-publichnom-prepodavanii-nauk-v-moskovskom-universitete (дата обращения: 17.01.2025).

[29] См. подробнее: *Грибовский М. В.* Публичные лекции университетских профессоров как явление городской жизни в России на рубеже XIX–XX веков // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 57–71.

Заслуживает внимания инициатива фракции политической партии «Новые люди» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации о проведении эксперимента по предоставлению гражданам России возможности посещать лекции в ведущих вузах в качестве вольных слушателей по наиболее востребованным направлениям по собственной инициативе и необходимости закрепления понятия «вольнослушатель» в нормативных правовых актах[30].

Популяризация правовой науки в научном наследии выдающихся ученых

В письменном научном творчестве выдающихся ученых-правоведов можно увидеть разные примеры популяризации правовой науки. Например, у декана юридического факультета ВГУ доктора юридических наук, профессора Юрия Николаевича Старилова есть публикации, посвященные видным правоведам, известным научным трудам; публикации, подготовленные по случаю юбилеев юридического факультета ВГУ, органов публичной власти, научных изданий и т. д.[31]; важно отметить издания с автобиографическим и мемуарным содержанием[32].

Таким образом, в отечественной правовой науке возникновение и становление популярного изложения права неразрывно связано с университетской традицией, в Воронеже – с Воронежским государственным университетом и входящим в его состав юридическим факультетом.

Сегодня не только имеется значимое наследие, посвященное популярному изложению права, но и постоянно внедряются новые приемы и формы, ориентированные на разные социальные группы, развиваются новые направления популяризации правовой науки. При этом публичная университетская лекция – старейшая форма популяризации правовой науки – сохраняет своё ключевое значение.

Научные публикации, посвященные собственно феномену популяризации правовой науки, не только помогают лучше постичь сущность этого явления, но и способствуют сохранению правового культурного наследия и доведению его до разных слоев общества (другими словами, сегодня имеется социальный запрос на популяризацию самой популяризации правовой науки и её популяризаторов).

Популяризация правовой науки – проблематика, достойная того, чтобы стать предметом отдельного внимания при подготовке юристов по образовательным программам высшего образования (в особенности по программам магистратуры и подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), поскольку выпускники этих программ готовятся к научно-исследовательской и педагогической деятельности) и программам повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава юридических факультетов вузов и учебных заведений.

[30] См.: «Новые люди» призвали ввести возможность посещать лекции в вузах вольными слушателями // Сайт АНО «Редакция Парламентского телевидения ГД ФС РФ». URL: https://dumatv.ru/news/novie-lyudi-prizvali-vvesti-vozmozhnost-poseschat-lektsii-v-vuzah-volnimi-slushatelyami (дата обращения: 17.01.2025).

[31] См., например: *Старилов Ю. Н.* Профессор Евгений Евгеньевич Тонков – педагог, ученый, правовед (к 60-летию со дня рождения) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 10–12. *Его же.* Докторская диссертация Давыдова Константина Владимировича – большой шаг в развитии теории административных процедур и конструктивная основа для позитивного развития российского административного законодательства // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 33–36 ; 100 лет юридическому факультету ВГУ : глубокие традиции, притягательность, основательность, признание / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2022. 622 с. ; *Старилов Ю. Н.* К 300-летию российской прокуратуры // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 10–13. *Его же.* Вестник ВГУ (Серия: Право) : юбилейный 50-й выпуск! // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 3(50). С. 9–12.

[32] См.: Воронежская школа административного права : четверть века научного поиска / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2023. 704 с. (Юбилеи, конференции, форумы; вып. 15) ; *Старилов Ю. Н.* Из публикаций последних лет : воспоминания, идеи, мнения, сомнения… : сб. избр. науч. трудов. Воронеж, 2010. 640 с.

Библиографический список

Акиньшин А. Н. Исследователь земли Воронежской. Об историке, этнографе, статистике Николае Ивановиче Второве (1818–1865) // Московский журнал. 2018. № 9. С.2–11.

Бабурин С. Н. Место юридического образования в цивилизационной культуре // Вестник Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 2 (38). С. 12–18.

Боброва Н. А. Ещё раз о конституционной ценности активного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 2–6.

Во имя человека. Из опыта пропаганды правовых знаний : сб. статей. Л. : Лениздат, 1974. 72 с.

Вопросы теории и практики правовой пропаганды / под ред. Д. А. Керимова, Л. И. Спиридоновой. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 109 с.

Воронежская историко-культурная энциклопедия : персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. 518 с.

Воронежская школа административного права : четверть века научного поиска / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. 704 с. (Юбилеи, конференции, форумы; вып. 15).

Грибовский М. В. Публичные лекции университетских профессоров как явление городской жизни в России на рубеже XIX–XX веков // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 57–71.

Дружинин Н. П. Русское государственное, гражданское и уголовное право в популярном изложении. СПб. : О. Н. Попова, 1899. XX, 186 с.

Дружинин Н. П. Юридическое положение крестьян : исследование. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1897. V, 385, 7 с.

Дружинин Н. П. Что такое конституция и зачем она нужна народу?. СПб. : Кн. магазин «Наша жизнь», 1906. 24 с.

Дружинин Н. П. Право и личность крестьянина. Ярославль : Тип. К. Ф. Некрасова, 1912. 296 с.

Заикин С. С. Естественные науки и их популяризация : проблемы взаимодействия и соотношения с правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 72–82.

Заиченко С. А. Центры превосходства в системе современной научной политики // Форсайт. 2008. № 1. С. 42–50.

Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран : учебник : в 4 т. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. Т. 1 : Государство и право древневосточных цивилизаций. 272 с. ; Т. 2 : История государства и права античной цивилизации. 276 с.

Карамзин Н. М. О публичном преподавании наук в Московском университете (1803 г.). Текст публикации на сайте «Летопись Московского университета». URL: http://letopis.msu.ru/content/karamzin-nm-o-publichnom-prepodavanii-nauk-v-moskovskom-universitete

Лесмент Л. Я. О популярности юридического издания 75 лет назад // Советское право: Юридический бюллетень. 1976. № 3 (май – июнь). С. 170.

Пятидесятилетие Воронежских губернских ведомостей : Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников / сост. д. чл. Воронеж. губ. стат. ком. Н. В. Воскресенский. Воронеж : Типолитогр. губерн. правления, 1888. Т. 1. 523, XXXII с.

Сазонникова Е. В. Юридический факультет Воронежского государственного университета. В начале пути. 1918 : монография. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. 136 с.

Сазонникова Е. В. Перешагнув рубеж столетья… Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. 242 с.

Сазонникова Е. В. Обязательные постановления губернатора Воронежской губернии, опубликованные в «Памятных книжках Воронежской губернии» (1913–1916) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1. С. 53–60.

Старилов Ю. Н. Из публикаций последних лет : воспоминания, идеи, мнения, сомнения… : сб. избр. науч. трудов. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. 640 с.

Старилов Ю. Н. Профессор Евгений Евгеньевич Тонков – педагог, ученый, правовед (к 60-летию со дня рождения) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 10–12.

Старилов Ю. Н. Докторская диссертация Давыдова Константина Владимировича – большой шаг в развитии теории административных процедур и конструктивная основа для позитивного развития российского административного законодательства // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 33–36.

Старилов Ю. Н. К 300-летию российской прокуратуры // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 10–13.

Старилов Ю. Н. Вестник ВГУ (Серия: Право) : юбилейный 50-й выпуск! // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 9–12.

Таточенко В. В. Вклад популяризатора юридических знаний Н. П. Дружинина в гражданско-правовое воспитание населения Ярославской губернии в конце XIX начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 39–42.

Томсинов В. А. Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2015. № 2. С. 3–21.

100 лет юридическому факультету ВГУ : глубокие традиции, притягательность, основательность, признание / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. 622 с.

References

Akinshin A. N. Explorer of the Voronezh land. About the historian, ethnographer, statistician Nikolai Ivanovich Vtorov (1818–1865) // Moscow Journal. 2018. No. 9. P. 2–11.

Baburin S. N. The place of legal education in civilizational culture // Bulletin of Moscow University S. Yu. Witte. Series 2: Legal sciences. 2023. No. 2 (38). P. 12–18.

Bobrova N. A. Once again about the constitutional value of active suffrage // Constitutional and municipal law. 2024. No. 5. P. 2–6.

In the name of man. From the experience of promoting legal knowledge: Collection of articles. Leningrad : Lenizdat, 1974. 72 p.

Questions of theory and practice of legal propaganda / eds. D. A. Kerimov, L. I. Spiridonova. Leningrad : Publishing house Leningr. University, 1973. 109 p.

Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia : personalities / ch. ed. O. G. Lasunsky. Voronezh : Center for Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2006. 518 p.

Voronezh school of administrative law : a quarter of a century of scientific research / ed. Yu. N. Starilov. Voronezh : VSU Publishing House, 2023. 704 p. (Anniversaries, conferences, forums; issue 15).

Gribovsky M. V. Public lectures by university professors as a phenomenon of urban life in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries // New historical bulletin. 2017. No. 2 (52). P. 57–71.

Druzhinin N. P. Russian state, civil and criminal law in a popular presentation. St. Petersburg : O. N. Popova, 1899. XX, 186 p.

Druzhinin N. P. Legal status of peasants : research. St. Petersburg : Tip. M. Merkusheva, 1897. V, 385, 7 p.

Druzhinin N. P. What is a constitution and why do the people need it?. St. Petersburg : Book. store "Our Life", 1906. 24 p.

Druzhinin N. P. The right and personality of a peasant. Yaroslavl : type by K. F. Nekrasov, 1912. 296 p.

Zaikin S. S. Natural sciences and their popularization : problems of interaction and relationships with law // Current problems of Russian law. 2022. Vol. 17, no. 10 (143). P. 72–82.

Zaichenko S. A. Centers of excellence in the system of modern scientific policy // Foresight. 2008. No. 1. P. 42–50.

Ivanov Yu. A. History of state and law of foreign countries. Textbook. In 4 volumes. Voronezh : VSU Publishing House, 2020. Vol. 1. State and law of ancient Eastern civilizations. 272 p.; Vol. 2. History of the state and law of ancient civilization. 276 p.

Karamzin N. M. On public teaching of sciences at Moscow University (1803) / Text of the publication on the website "Chronicle of Moscow University". URL: http://letopis.msu.ru/content/karamzin-nm-o-publichnom-prepodavanii-nauk-v-moskovskom-universitete

Lesment L. Ya. On the popularity of a legal publication 75 years ago // Soviet law: Legal bulletin. 1976. No. 3 (May–June). P. 170.

Fiftieth anniversary of the Voronezh Provincial Gazette: Historical essay with biographies of editors and employees / Comp. d. member Voronezh. lips stat. com. N. V. Voskresensky. Voronezh : Tipolytogr. governor Board, 1888. T. 1. 523, XXXII p.

Sazonnikova E. V. Faculty of Law, Voronezh State University. At the beginning of the journey. 1918 : monograph. Voronezh : VSU Publishing House, 2017. 136 p.

Sazonnikova E. V. Stepping over the turn of the century... Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2022. 242 p.

Sazonnikova E. V. Mandatory decrees of the Governor of the Voronezh province, published in the "Memorial books of the Voronezh province" (1913–1916) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 1. P. 53–60.

Starilov Yu. N. From the publications of recent years: memories, ideas, opinions, doubts... : collection of selected scientific works. Voronezh : Publishing house of Voronezh State University, 2010. 640 p.

Starilov Yu. N. Professor Evgeny Evgenievich Tonkov – teacher, scientist, jurist (to the 60th anniversary of his birth) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2018. No. 4 (35). P. 10–12.

Starilov Yu. N. The doctoral dissertation of Davydov Konstantin Vladimirovich is a big step in the development of the theory of administrative procedures and a constructive basis for the positive development of Russian administrative legislation // Journal of Administration – intensive legal proceedings. 2021. No. 4. P. 33–36.

Starilov Yu. N. To the 300th anniversary of the Russian Prosecutor's Office // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Great. 2021. No. 4 (47). P. 10–13.

Starilov Yu. N. Bulletin of the VSU (Series: Law) : jubilee 50th launch! // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 3 (50). P. 9–12.

Tatochenko V. V. The contribution of the popularizer of legal knowledge N.P. Druzhinin to the civil law education of the population of the Yaroslavl province at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2011. No. 3. P. 39–42.

Tomsinov V. A. The first professor of the Faculty of Law of Moscow University Philipp Heinrich Dilthey (1723–1781) // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 11. Law. 2015. No. 2. P. 3–21.

100 years of the Faculty of Law of VSU: deep traditions, attractiveness, thoroughness, recognition / ed.Yu. N. Starilov. Voronezh : Publishing House of VSU, 2022. 622 p.

Воронежский государственный университет
Сазонникова Е. В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права
E-mail: sazon75@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Для цитирования:
Сазонникова Е. В. Популяризация правовой науки в России: история и современность // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 13–22. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/13-22

Voronezh State University
Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of Constitutional and Municipal Law Department
E-mail: sazon75@mail.ru

Received: 22.01.2025

For citation:
Sazonnikova E. V. Popularization of legal science in Russia: history and modernity // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 2 (61). P. 13–22. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/13-22

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342.5
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/23-30

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Т. М. Бялкина
Воронежский государственный университет

INTERACTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES WITH THE POPULATION AS A CONDITION FOR THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL GOVERNMENT

T. M. Byalkina
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена вопросам взаимодействия органов местного самоуправления с населением муниципальных образований в целях более эффективного решения вопросов местного значения, совершенствования правового регулирования и практики применения существующего механизма такого взаимодействия, а также развития его новых форм и направлений.
Ключевые слова: органы местного самоуправления, население муниципального образования, направления взаимодействия, формирование органов муниципальной власти, решение вопросов местного значения.

Abstract: the article is devoted to the issues of interaction between local governments and the population of municipalities in order to more effectively address issues of local importance, improve legal regulation and practice of applying the existing mechanism of such interaction, as well as the development of its new forms and directions.
Key words: local self-government bodies, the population of the municipality, areas of interaction, formation of municipal authorities, resolution of issues of local importance.

В условиях подготовки к очередной муниципальной реформе вновь стал актуальным вопрос о том, каким должно быть местное самоуправление в нашей стране, какие его характеристики и качества наиболее значимы и необходимы. Определяющими в этом случае, на наш взгляд, должны быть конституционные основы местного самоуправления, закрепленные прежде всего в первой главе Конституции Российской Федерации, а именно положения ее ст. 3, относящей местное самоуправление к одной из форм народовластия. Сейчас в науке конституционного и муниципального права приоритетное внимание уделяется анализу положения органов местного самоуправления в единой системе публичной власти, взаимоотношениям данных органов с органами государственной власти. Значительно меньше говорится о необходимости развития местного самоуправления именно в качестве формы осуществления населением своей власти.

Важнейшим критерием реальности местного самоуправления является фактическая, подлинная, а не просто юридически декларируемая возможность населения участвовать в местных делах как непосредственно, так и через формируемые им органы муниципальной власти. Местное самоуправление выступает в качестве

© Бялкина Т. М., 2025

одной из важнейших конституционных ценностей, поскольку оно предоставляет возможность населению самому решать важнейшие вопросы своего жизнеобеспечения на территории своего проживания, определять приоритеты развития муниципалитетов, формировать чувство ответственности за происходящее в своем городе, селе, поселке и др., без чего не бывает подлинного народовластия.

Данный тезис в настоящее время является идеальной моделью, потому что для ее достижения необходимо обоюдное желание как со стороны населения, так и со стороны органов местного самоуправления, требуются совместные усилия по созданию соответствующих условий. В последнее время часто констатируется, что жители муниципальных образований не стремятся принимать участие в решении местных проблем, возлагая всю ответственность за это на органы местного самоуправления. В связи с этим полагаем целесообразным проанализировать основные причины сложившейся ситуации, а также сформулировать некоторые рекомендации, направленные на решение данной проблемы.

В качестве одной из важнейших причин развития тенденции отчуждения населения от местной власти следует отметить те направления трансформации законодательства о местном самоуправлении, которые происходили в последнее десятилетие. Главным стало усиление влияния органов государственной власти на все аспекты организации и функционирования субъектов муниципальной власти, что привело даже к появлению специальных терминов «огосударствление местного самоуправления», «встраивание органов местного самоуправления в систему органов государственной власти» и т. п. Эти процессы сопровождались сокращением возможности населения участвовать в формировании органов местного самоуправления, влиять на принимаемые ими решения.

Не отрицая важности укрепления единства системы публичной власти в целях обеспечения эффективного ее функционирования, совершенствования механизмов взаимодействия всех ее органов, как по вертикали, так и по горизонтали, следует подчеркнуть, что это всё же лишь одна сторона медали. Не менее значимым является развитие взаимодействия органов публичной власти, и прежде всего органов местного самоуправления, непосредственно с населением. Местное самоуправление в современных условиях может быть успешным только при обоих этих условиях – взаимодействии его органов как с органами государственной власти, так и с населением своих муниципальных образований. Не случайно в доктрине конституционного и муниципального права наибольшую популярность приобрела теория о дуалистической, государственно-общественной природе власти местного самоуправления[1]. Взаимодействием с государственной властью не исчерпывается задача укрепления муниципальной власти, необходимо развивать также ее общественную составляющую. Иными словами, муниципальная власть может быть устойчивой только при опоре на оба своих источника.

Важность этого аспекта ярко проявилась в нынешних сложных условиях существования нашего государства, когда в ходе специальной военной операции (СВО) органам местной власти пришлось столкнуться с невиданными ранее ситуациями, самим решать новые проблемы, связанные со спасением жизни людей, эвакуацией, защитой от обстрелов и т. п. Именно в трудных жизненных ситуациях в большинстве случаев мы наблюдаем наибольшую сплоченность жителей и их представителей – органов муниципальной власти. Прошедшие 6–8 сентября 2024 г. выборы продемонстрировали непривычно высокую явку избирателей, в том числе и на муниципальном уровне, чего не наблюдалось до СВО. К примеру, в Воронежской области выборы в органы местного самоуправления прошли в 12 муниципальных районах, явка избирателей по области составила 67,78 %[2].

Однако деятельность органов местной власти, направленная на укрепление взаимодействия с населением, должна осуществляться не только в экстремальных ситуациях, но и в повседневной жизни. Поэтому одним из направлений грядущей муниципальной реформы должно стать развитие механизмов подобного взаимодействия, в том числе и посредством совершенствования уже существующих, а также внедрения новых форм непосредственной демократии в местном самоуправлении.

К числу наиболее важных возможностей населения влиять на органы муниципальной вла-

[1] См., например: *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. Т. 1. С. 355.

[2] URL: http://www.voronezh.izbirkom.ru/news/16709/

сти относится участие в их формировании. Речь идет прежде всего о муниципальных выборах. В настоящее время всё большее распространение получают пропорциональная и смешанные избирательные системы на выборах депутатов представительных органов местного самоуправления. Их применение означает, что выдвижение кандидатов в этих случаях осуществляется федеральными политическими партиями. То обстоятельство, что в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[3] подобная возможность на муниципальных выборах предоставлена и другим общественным объединениям, соответствующим установленным в данном законе критериям, сути дела не меняет, поскольку это практически неработающая норма. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости исправления данной ситуации путем закрепления, к примеру, возможности создания местных политических партий («ратушных партий», как их иногда называют). Также стоит подумать о целесообразности применения на муниципальных выборах открытых списков кандидатов, с тем чтобы избиратели могли отдавать предпочтение конкретным личностям из списка.

С переходом на одноуровневую систему муниципальных образований, как это предлагает проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – законопроект № 40361-8)[4], который должен заменить собой действующий Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ)[5], практика проведения муниципальных выборов по мажоритарной избирательной системе практически сойдет на нет вместе с ликвидацией поселений, в которых она пока еще применяется.

Аналогичная ситуация складывается на выборах глав муниципальных образований, которые в настоящее время превратились фактически в назначение данных должностных лиц посредством процедуры конкурсного отбора, при решающей роли в этом процессе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Население не имеет никаких возможностей влияния на этот процесс. В законопроекте № 40361-8 вместо конкурса предусмотрено избрание главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, что ситуацию существенно не меняет. Можно говорить о том, что данный вариант укрепляет единство системы публичной власти. Тем не менее складывается определенный парадокс: высших должностных лиц в системе государственной власти (Президента Российской Федерации, глав регионов) избирают на всеобщих выборах, а высших должностных лиц местного самоуправления – уровня власти, наиболее приближенного к населению – избирать самому населению законодатель не доверяет.

В складывающейся ситуации стоит подумать над тем, чтобы предоставить жителям муниципальных образований хотя бы минимальную возможность участия в подобных выборах. В законопроекте № 40361-8 (ст. 19) закреплено следующее: «Порядок предварительного рассмотрения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации и представления представительному органу муниципального образования кандидатов на должность главы муниципального образования устанавливается законом субъекта Российской Федерации».

Полагаем, что в этих законах субъектов РФ целесообразно предусмотреть, к примеру, варианты предварительного обсуждения возможных кандидатов на должность главы муниципального образования такими субъектами, как общественные палаты муниципальных образований, местные отделения политических партий, другие структуры гражданского общества, которые будут направлять свои предложения главе региона. Возможно также рейтинговое голосование населения по предложенным кандидатурам на официальных сайтах представительных органов, их обсуждение на собраниях (конференциях) представителей ТОС, сельских старост и т. п. В любом случае закрепление возможности уча-

[3] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

[4] Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: http:// sozd.duma.gov.ru

[5] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

стия населения в предварительном отборе кандидатов, обсуждении их программ и планов деятельности, безусловно, послужит демократизации данной процедуры, укреплению связей избранных органов с населением.

В формировании исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления (местных администраций) население напрямую не участвует. Однако опосредованная возможность была закреплена в 2024 г. поправкой в Федеральный закон № 131-ФЗ[6]. В новой части 8.1 ст. 37 сказано: «Уставом муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации могут быть предусмотрены право представительного органа муниципального образования принимать участие в формировании местной администрации, в том числе в утверждении или согласовании назначения на должность заместителей главы местной администрации, руководителей отраслевых (функциональных) и (или) территориальных органов местной администрации, а также формы и порядок такого участия». В связи с этим логичным представляется закрепление права представительного органа инициировать в определенных случаях досрочное прекращение полномочий тех лиц в местной администрации, в чьем назначении на должность данный орган участвовал (выражение недоверия и т. п.).

Рассмотренная выше ситуация с выборами депутатов представительных органов и глав муниципальных образований является основной причиной того, что отзыв как право населения досрочно прекратить полномочия избранных им лиц на практике не работает. Можно ли в этом случае согласиться с тем, что исключение положений об отзыве из законопроекта № 40361-8 обосновано? Полагаем, что в сложившейся ситуации необходим комплексный подход к вопросам формирования органов местного самоуправления населением и ответственности перед населением выборных лиц. Если возобладает тенденция, при которой население перестанет быть основным субъектом, принимающим решение о составе выборных органов местного самоуправления, нормы об отзыве, конечно, превратятся в фикцию.

Главными выразителями мнения населения должны выступать депутаты представительных органов муниципальных образований. Федеральный закон № 131-ФЗ закрепляет положения о проведении встреч депутатов с избирателями, необходимости создания для этого определенных условий (ст. 40). Так, в Уставе городского округа г. Воронеж говорится, что депутат городской Думы отчитывается перед избирателями о своей работе не реже одного раза в год, периодически информирует их о работе городской Думы, а также не реже одного раза в месяц проводит прием избирателей (ст. 37)[7]. Однако ответственности депутатов за недобросовестное отношение к исполнению данной обязанности в законе не предусмотрено.

Предложенный в законопроекте № 40361-8 вариант муниципальной реформы существенно снижает роль представительной демократии на местном уровне. Если произойдет укрупнение муниципальных образований до уровня городских и муниципальных округов, то, соответственно, вместе с сокращением числа муниципальных образований резко снизится и количество представительных органов. В городах, иных крупных населенных пунктах, входящих в состав округов, предполагается создание лишь территориальных подразделений местных администраций данных округов. Это порождает проблему еще большего отдаления органов местного самоуправления от населения и, тем самым, снижения их непосредственного взаимодействия, а отсюда и утраты доверия жителей органам, на формирование которых они никак повлиять не могут. Территориальное общественной самоуправление, старосты сельских населенных пунктов вряд ли смогут полноценно заменить собой избираемые населением органы народного представительства.

Более активно в последнее время развиваются формы взаимодействия населения и органов местного самоуправления, связанные с финансовым и иным участием жителей в решении вопросов местного значения. Помимо традиционных возможностей органов местного самоуправления привлекать жителей к социально значимым работам, предусмотренным ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 131-ФЗ, в законодательстве появились новые формы такого участия. Так, в соответствии со ст. 26.1 данного

[6] О внесении изменения в статью 37 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 22 июля 2024 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 31. Ст. 4469.

[7] URL: https://gorduma-voronezh.ru/pravovye-akty/ustav-voronezha/

закона инициативная группа жителей численностью не менее 10 граждан, достигших 16-летнего возраста и проживающих на территории соответствующего муниципального образования, органы территориального общественного самоуправления, староста сельского населенного пункта вправе внести в местную администрацию инициативный проект в целях реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для жителей муниципального образования или его части, по решению вопросов местного значения или иных вопросов, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления. Если это предусмотрено нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования, то такое право может быть предоставлено также иным лицам, осуществляющим деятельность на территории данного муниципального образования.

В инициативном проекте, помимо иной информации, указываются сведения о планируемом (возможном) финансовом, имущественном и (или) трудовом участии заинтересованных лиц в реализации данного проекта. Должно быть также указание на объем средств местного бюджета в случае, если предполагается использование этих средств на реализацию инициативного проекта, за исключением планируемого объема инициативных платежей.

Инициативный проект до его внесения в местную администрацию подлежит рассмотрению на сходе, собрании или конференции граждан, в том числе на собрании или конференции граждан по вопросам осуществления территориального общественного самоуправления, в целях обсуждения инициативного проекта, определения его соответствия интересам жителей муниципального образования или его части, целесообразности реализации инициативного проекта, а также принятия сходом, собранием или конференцией граждан решения о поддержке инициативного проекта.

Поступившие в администрацию инициативные проекты проходят конкурсный отбор, который возлагается на коллегиальный орган (комиссию), порядок формирования и деятельности которого определяется нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

Информация о рассмотрении инициативного проекта местной администрацией, ходе реализации инициативного проекта, в том числе об использовании денежных средств, имущественном и (или) трудовом участии заинтересованных в его реализации лиц, подлежит опубликованию (обнародованию) и размещению на официальном сайте муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Отчет местной администрации об итогах реализации инициативного проекта размещается в том же порядке в течение 30 календарных дней со дня завершения реализации инициативного проекта.

В резолюции XXIV Российского муниципального Форума, состоявшегося 23–27 сентября 2024 г. в г. Анапе, пос. Витязево, отмечается, что «…в ситуации невозможности существенного увеличения доходной базы местных бюджетов важную роль играют инициативное бюджетирование и самообложение граждан; эти инструменты используются органами местного самоуправления, но недостаточно широко»[8].

В рамках данного Форума обсуждались вопросы, связанные с практиками вовлечения населения в решение вопросов и реализацию проектов повышения комфортности среды для его жизнедеятельности. Одной из наиболее распространенных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, прежде всего участия по повышению комфортности среды для его жизнедеятельности, является территориальное общественное самоуправление. Отмечалось, что законодательство предусматривает возможность финансовой поддержки территориального общественного самоуправления за счет средств местного бюджета, однако остаются нерешенными вопросы в допустимых законодательством способах такой поддержки, трактуемые контрольно-надзорными органами различно в разных субъектах Российской Федерации[9]. Поэтому в рекомендациях Форума было предложено Федеральному Собранию РФ и законодательным органам субъектов РФ урегулировать вопрос финансовой поддержки деятельности органов территориального общественного самоуправления. Органам местного самоуправления рекомендовано повысить внимание к использованию и развитию форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления при

[8] Вопросы местного самоуправления. 2024. № 6 (112). С. 37.

[9] См.: Там же. С. 38.

планировании и осуществлении мероприятий по повышению комфортности среды для жизнедеятельности населения[10].

Законодательство предусматривает обязательное участие населения в обсуждении проектов планов стратегического развития муниципального образования, генеральных планов и др. в форме публичных (общественных) слушаний. К сожалению, эти процедуры нередко организуются формально, случается, что реальное мнение населения в итоговых документах искажается, и жители затем с недоумением узнают, что они согласились с высотной застройкой в районах одноэтажных частных домов, со строительством торгово-развлекательных центров на территориях парков, скверов, в других местах, предназначенных для отдыха, и т. п. Полагаем необходимым расширять практику обсуждения на публичных слушаниях проектов и иных нормативных правовых актов, причем не только тех, перечень которых прямо указан в ст. 28 Федерального закона № 131-ФЗ. Важно предварительно размещать данные проекты на официальных сайтах органов местного самоуправления в сети Интернет в целях ознакомления населения, а также сбора и учета замечаний и предложений местных жителей.

В рамках обсуждаемой тематики вопрос информированности населения, в том числе содержания официальных сайтов органов местного самоуправления, своевременности их обновления, наполнения действительно необходимой информацией, приобретает особое значение. Следует отметить, что эта проблематика находится в центре внимания сегодняшней муниципальной политики, для ее совершенствования, в числе прочего, проводятся Всероссийские конкурсы на лучший муниципальный сайт. Так, лучшими сайтами по итогам XXI Всероссийского конкурса в 2024 г. стали муниципальные сайты администрации г. Новокузнецка Кемеровской области (лучший сайт городского округа), администрации Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (лучший сайт муниципального района (округа)), администрации сельского поселения Долгоруковский сельсовет Долгоруковского муниципального района Липецкой области (лучший сайт сельского поселения), а также сайт Думы Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (лучший сайт представительного органа муниципального образования) и официальный портал администрация г. Иркутска (лучший сайт центра субъекта РФ). Лучшим сайтом ассоциации (объединения) муниципальных образований признан сайт Ассоциации «Совет муниципальных образований Мурманской области»[11].

Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[12] (ст. 10) предусмотрено, что в случае если орган местного самоуправления и подведомственная ему организация не имеют возможности создать официальные сайты, информация об их деятельности может размещаться на официальном сайте субъекта Российской Федерации, в границах которого находится соответствующее муниципальное образование либо на территории которого находится соответствующая подведомственная организация. Информация о деятельности органов местного самоуправления поселений, входящих в муниципальный район, и подведомственных органам местного самоуправления поселений организаций может размещаться на официальном сайте этого муниципального района.

Официальные сайты и официальные страницы взаимодействуют с федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в порядке и в соответствии с требованиями, которые утверждаются Правительством Российской Федерации.

Взаимодействие органов местного самоуправления с населением должно осуществляться также с использованием новых форм, современных технологий, в том числе развития обмена информацией посредством социальных сетей, мессенджеров и других интернет-ресурсов.

Правительство РФ обязало государственные органы и органы местного самоуправления создать официальные страницы в соцсетях

[10] Вопросы местного самоуправления. 2024. № 6 (112). С. 40.

[11] Итоги XXI Всероссийского конкурса «Лучший муниципальный сайт» // Вопросы местного самоуправления. 2024. № 6 (112). С. 75.

[12] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7. Ст. 776.

«ВКонтакте» и «Одноклассники»[13]. Тем не менее вопросы правовой регламентации интернет-взаимодействия населения и органов публичной власти требуют своего дальнейшего совершенствования[14].

Качество взаимодействия органов местного самоуправления с населением отражается, в том числе, при оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления органами государственной власти субъектов РФ, поскольку в перечень показателей, утвержденный Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607[15], включен такой, как удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления (процент от числа опрошенных).

Таким образом, реальное местное самоуправление – это улица с двусторонним движением, при котором и население, и органы муниципальной власти заинтересованы в совместной работе. Если люди будут чувствовать, что органы местной власти признают их право участвовать в управлении своими делами, по-настоящему доверяют им и уважают их мнение, то и активность жителей, их желание способствовать в различных формах решению местных проблем существенно возрастет. В связи с этим данное направление развития местного самоуправления также должно быть в центре внимания предстоящей муниципальной реформы.

[13] Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц : распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 Г. № 2523-р.

[14] Подробнее об этом см.: *Скокова А. Н.* Публично-правовое регулирование цифрового взаимодействия органов государственной власти и населения в субъектах Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2024. 228 с. URL: http://www.science.vsu.ru/disserinfo&cand=3521

[15] Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов : Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 18. Ст. 2003.

Библиографический список

Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. Т. 1. 864 с.

Итоги XXI Всероссийского конкурса «Лучший муниципальный сайт» // Вопросы местного самоуправления. 2024. № 6 (112). С. 75–77.

Резолюция XXIV Российского муниципального Форума, состоявшегося 23–27 сентября 2024 г. в г. Анапе, пос. Витязево // Вопросы местного самоуправления. 2024. № 6 (112). С. 37–41.

Скокова А. Н. Публично-правовое регулирование цифрового взаимодействия органов государственной власти и населения в субъектах Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2024. 228 с. URL: http://www.science.vsu.ru/disserinfo&cand=3521

References

Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. Course : tutorial : in 2 vol. 6th ed. Moscow : Norma : Infra-m, 2019. Vol. 1. 864 p.

Results All-Russian competition «The best municipal website» // Questions local Self-government. 2024. No 6 (112). P. 75–77.

Resolution of the Russian Municipal Forum, held 23-27 September 2024 Anapa, POS. Vityazevo // Questions local Self-government. 2024. No 6 (112). P. 37–41.

Skokova A. N. Public-legal regulation digital interactions governmental authorities and populations in the Russian Federation : cand. legal. sci. dis. Voronezh, 2024. 228 p. URL: http://www.science.vsu.ru/disserinfo&cand=3521

Воронежский государственный университет
Бялкина Т. М., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
E-mail: tbyalkina@yandex.ru

Voronezh State University
Byalkina T. M., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law
E-mail: tbyalkina@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Для цитирования:
Бялкина Т. М. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением как условие эффективности муниципальной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 23–30. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/23-30

Received: 13.01.2025

For citation:
Byalkina T. M. Interaction of local self-government bodies with the population as a condition for the effectiveness of municipal government // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 23–30. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/23-30

УДК 342.5
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/31-40

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ОТ ЗАКОНА «О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ» ДО ЗАКОНОПРОЕКТА КЛИШАСА – КРАШЕНИННИКОВА

Ю. В. Агибалов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронежский филиал)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: FROM THE LAW «ON LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE VORONEZH REGION» TO THE KLISHAS – KRASHENINNIKOV DRAFT LAW

Yu. V. Agibalov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh branch)

Аннотация: статья посвящена роли и значению Закона Воронежской области «О местном самоуправлении в Воронежской области» в формировании и становлении законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации. Даны краткая характеристика основных этапов реформы и критический анализ отдельных положений законопроекта Клишаса – Крашенинникова.
Ключевые слова: Единая система публичной власти, местное самоуправление, реформа.

Abstract: the article is devoted to the role and significance of the Law of the Voronezh Region «On Local Self-Government in the Voronezh Region» in the formation and development of legislation on local self-government in the Russian Federation. It provides a brief description of the main stages of the reform and a critical analysis of individual provisions of the Klishas – Krasheninnikov Bill.
Key words: Unified system of public authority, local self-government, reform.

Реформа местного самоуправления в России связана с принятием Указа Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Указ № 1760)[1]. Указом № 1760 была прекращена деятельность городских и районных советов народных депутатов с передачей их функций соответствующим местным администрациям и утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы (далее – Положение). В соответствии с Положением органами местного самоуправления в городах, сельских поселениях, других населенных пунктах являются выборные и другие органы местного самоуправления – собрание представителей (дума, муниципальный комитет и т. п.), глава местного самоуправления (глава администрации, мэр, староста и т. п.). В районах местное самоуправление осуществляется главой местного самоуправления (главой администрации района), а также может быть образован орган местного самоуправления, формируемый из представителей органов местного самоуправления городских и сельских поселений, а в сельсове-

[1] О реформе местного самоуправления в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. № 1760 // Собр. актов Президента РФ и Правительства РФ. 1993. № 44. Ст. 4188.

© Агибалов Ю. В., 2025

тах – главой местного самоуправления (главой администрации сельсовета), а также может быть образован орган местного самоуправления, формируемый из представителей органов местного самоуправления сельских поселений. Представительный орган работает, как правило, на непостоянной основе и созывается на свои заседания соответствующим главой местного самоуправления (главой администрации). К компетенции представительного органа Положением было отнесено решение следующих вопросов:

– утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении;

– установление местных налогов и сборов;

– утверждение программы развития соответствующих территорий;

– принятие положение (устава) о местном самоуправлении;

– осуществление контроля за деятельностью главы местного самоуправления (главы администрации)[2].

Указом Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г. № 2265 «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» органам местного самоуправления предоставлено право самостоятельно утверждать перечень объектов (имущества), составляющих муниципальную собственность, а также предписывалось считать исчерпывающим перечень полномочий представительного органа местного самоуправления, предусмотренных Положением[3].

Конституционная реформа в России 1993 г. коренным образом изменила место и роль местного самоуправления в России. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила местное самоуправление одной из основ конституционного строя, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В соответствии с Конституцией РФ установление общих принципов организации местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации[4]. В этих условиях большая роль отводилась субъектам Российской Федерации, впервые в истории получившим возможность принимать свои региональные законы.

1. Роль и значение Закона «О местном самоуправлении в Воронежской области» для формирования и развития местного самоуправления в России

Воронежская областная Дума одной из первых в России приняла основополагающие законы, регулирующие вопросы местного самоуправления[5]. В отсутствие федерального закона, определяющего общие принципы организации местного самоуправления в России, принятый Воронежской областной Думой в декабре 1994 г. Закон «О местном самоуправлении в Воронежской области» (далее – Закон № 8-з) имел исключительно большое значение. Он регулировал важнейшие вопросы организации и деятельности местного самоуправления на территории Воронежской области. В соответствии с Законом № 8-З местное самоуправление в Воронежской области осуществлялось на всей территории Воронежской области в муниципальных образованиях на двух уровнях. Муниципальные образования первого вида – это районы и города, образованные в границах самостоятельных административно-территориальных единиц Воронежской области и второго вида: города, сельсоветы, села, поселки, иные сельские поселения в границах районов. Система органов местного самоуправления включала в себя обязательное наличие представительных органов и других органов местного самоуправления. В муниципальном образовании могут создаваться исполнительные органы. Уставом муниципального образования (далее – Устав) может быть предусмотрена должность главы муниципального образования – выборного должностного лица местного самоуправления (ст. 14, 15 и 26 Закона №8-З).

[2] Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы : утв. Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. № 1760.

[3] О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г. № 2265.

[4] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

[5] О местном самоуправлении в Воронежской области : закон Воронежской области от 28 декабря 1994 г. № 8-з ; О статусе депутата представительного органа местного самоуправления в Воронежской области : закон Воронежской области от 21 марта 1995 г. № 12-з ; О муниципальной службе в Воронежской области : закон Воронежской области от 15 апреля 1996 г. № 50-з ; О статусе выборного должностного лица местного самоуправления : закон Воронежской области от 27 октября 1999 г. № 118-11-з.

В Воронежской области глава муниципального образования мог избираться населением либо депутатами из своего состава. Законом предусматривалась возможность замещения главой муниципального образования должности руководителя исполнительного органа. Конкретный способ избрания главы муниципального образования и порядок замещения должности руководителя исполнительного органа определялся Уставом.

В Законе № 8-з были закреплены положения о подотчетности и подконтрольности органов местного самоуправления: представительный орган был подотчетен и подконтролен только населению муниципального образования, а иные органы и должностные лица местного самоуправления подотчетны и подконтрольны населению непосредственно и представительному органу. Руководитель исполнительного органа, а также иные должностные лица были обязаны представлять отчет представительному органу о своей деятельности и исполнении принятых представительным органом местного самоуправления актов в порядке и в сроки, установленные Уставом и актами представительного органа. Законом № 8-з была предусмотрена возможность отзыва депутатов, выборных должностных лиц и выражения недоверия должностным лицам местного самоуправления. Представительный орган мог выразить недоверие должностным лицам, назначение которых в соответствии с Уставом осуществляется по согласованию с представительным органом местного самоуправления, а также был вправе освободить от должности избранное им из своего состава выборное должностное лицо, назначенных им руководителя исполнительного органа, иных должностных лиц по основаниям, установленным федеральными законами.

Это были новеллы в законодательстве о местном самоуправлении в Российской Федерации. Многие его нормы сохраняют свою актуальность и воспроизведены в действующем законодательстве. Так, двухуровневая территориальная организация местного самоуправления; обязательное наличие представительных и исполнительных органов в структуре органов местного самоуправления; возможность отзыва депутата и выборного должностного лица местного самоуправления впервые были закреплены на федеральном уровне только в 2003 г., с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ)[6], а подотчетность главы администрации представительному органу, удаление главы муниципального образования в отставку представительным органом – в 2009 г. Федеральным законом от 7 мая 2009 г. № 90-ФЗ[7].

Первый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» был принят в августе 1995 г. и носил рамочный характер[8]. Он предоставил субъектам Российской Федерации право осуществлять собственное правовое регулирование по широкому спектру вопросов, касающихся местного самоуправления.

2. Организация местного самоуправления в Воронежской области

В Воронежской области в соответствии с федеральным законодательством и Законом № 8-з во всех муниципальных образованиях области были приняты уставы муниципальных образований, сформировано 34 представительных органа местного самоуправления районов и г. Воронежа и г. Нововоронежа, а также 515 представительных органов местного самоуправления городов, поселков и сельсоветов. Во всех муниципальных образованиях были образованы исполнительные органы. В уставах большинства муниципальных образований были предусмотрены два варианта избрания глав муниципальных образований:

а) населением – он являлся по должности главой администрации, председательствовал на заседании представительного органа;

б) депутатами – являлся председателем представительного органа и возглавлял администрацию[9].

[6] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

[7] О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 7 мая 2009 г. № 90-ФЗ.

[8] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ.

[9] См.: *Агибалов Ю. В.* Местное самоуправление : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Воронеж : Науч. кн., 2022. С. 65.

Анализ практики организации местного самоуправления, проведенный администрацией области по поручению главы администрации Воронежской области И. М. Шабанова, показал, что представительные органы имели не только различные наименования, но и численность депутатов: от 14 в Каширском до 64 в Верхнемамонском районах, – не отличающихся между собой по численности населения. В Уставах муниципальных образований закреплялись различные варианты замещения должностей главы местного самоуправления и главы администрации. И. М. Шабанов обратился к представительным органам местного самоуправления с предложением обсудить на своих заседаниях следующие предложения:

– определиться с единым названием районных представительных органов, а именно – «районный Совет народных депутатов»;

– уточнить численность депутатов районных представительных органов: в сельских районах – 25–31 депутат, а в районах с городами – от 39 до 45 депутатов;

– закрепить в уставах единый порядок избрания глав местного самоуправления районов из числа депутатов районных представительных органов или замещения должности главы администрации по контракту[10].

В случае поддержки депутатами его предложений рекомендовалось предоставить главе администрации, как и депутатам районного Совета, право вносить свои предложения в представительные органы районов по кандидатурам на должность глав местного самоуправления (администраций), такое же право предоставить и главам местного самоуправления (администраций) районов, соответственно, по главам местного самоуправления городов местного значения, поселков, сел и сельсоветов, расположенных на их территориях. Это должно было стать конкретным шагом в повышении управляемости, укреплении вертикали власти и согласованности действий органов государственной власти и местного самоуправления[11].

Обращение главы администрации области И. М. Шабанова было обсуждено и поддержано в большинстве муниципальных образований Воронежской области. Эта инициатива главы администрации И. М. Шабанова была воспринята неоднозначно. Представитель Президента РФ в Воронежской области Б. С. Кузнецов обвинил губернатора в нарушении законодательства и вмешательстве органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления. Время подтвердило целесообразность принятой нормы, сегодня в Законопроекте Клишаса – Крашенинникова (далее – Законопроект), принятом Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении, предлагается в качестве одного из вариантов «избрания главы муниципального образования – по предложению высшего должностного лица субъекта Российской Федерации»[12].

В Воронежской области на 1 января 2002 г. местное самоуправление осуществлялось в 34 муниципальных образованиях первого вида (районы, г. Воронеж и г. Нововоронеж) и 497 муниципальных образованиях второго вида (села, поселки, города). Во всех муниципальных образованиях были сформированы представительные и исполнительные органы местного самоуправления. В 9 муниципальных образованиях первого вида и 272 муниципальных образованиях второго вида глава муниципального образования избирался населением, возглавлял администрацию и председательствовал на заседаниях представительного органа. В 23 муниципальных образованиях первого вида и 196 муниципальных образованиях второго вида глава муниципального образования избирался из числа депутатов, возглавлял представительный и исполнительный органы. В г. Воронеже и г. Нововоронеже глава муниципального образования избирался населением и возглавлял администрацию, а представительный орган (городскую Думу) – председатель, избираемый из числа депутатов. В 33 муниципальных образованиях второго вида глава администрации был назначен по контракту на срок полномочий представительного органа[13].

[10] См.: Становление системы местного самоуправления : опыт, проблемы, перспектива : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 1999. С. 9–10.

[11] См.: *Агибалов Ю. В.* Местное самоуправление. С. 68.

[12] Проект 40361-8 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL://https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (дата обращения: 13.12.2024 г.).

[13] См.: *Агибалов Ю. В.* Местное самоуправление. С. 69.

3. Реформирование местного самоуправления в Российской Федерации: основные этапы

3.1. Реформа местного самоуправления 2003 года

Первая реформа местного самоуправления в России связана с принятием Закона № 131-ФЗ). Данным законом была изменена территориальная организация местного самоуправления, предусматривающая повсеместное введение двух уровней организации местного самоуправления. В отличие от Закона № 154-ФЗ в ст. 14–16 Закона № 131-ФЗ сделана попытка разграничить вопросы местного значения для поселений, муниципальных районов и городских округов. В ст. 34–37 Закона № 131-ФЗ подробно регулировались вопросы структуры органов местного самоуправления: закреплены нормы, в соответствии с которыми муниципальным образованиям предписано в обязательном порядке, не только какие органы создавать, но и кто и в каких случаях их должен возглавлять. Законом № 131-ФЗ введен институт отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления.

После вступления этого закона в силу в полном объеме законодательные органы власти субъектов Российской Федерации лишились права регулировать своими законами даже те сферы местного самоуправления, которые никак не урегулированы на федеральном уровне, а принятые ими действующие законы должны быть признаны утратившими силу.

В Воронежской области муниципальные образования должны были привести свои Уставы в соответствие действующему законодательстве, в части избрания глав муниципальных образований. В Законе № 131-ФЗ глава муниципального образования был назван высшим должностным лицом муниципального образования. В Воронежской области только в четырех муниципальных образованиях, где главы муниципальных образований являлись главами администраций, в их статусе ничего не изменилось. Многие главы муниципальных образований, после приведения уставов в соответствие действующему законодательству, решили идти на муниципальные выборы, с тем чтобы занять должность главы муниципального образования.

Проведенная реформа местного самоуправления на практике нередко приводила к конфликту между главами муниципальных образований, возглавляющих представительный орган, и главами администраций, фактически осуществляющих управление муниципальными образованиями.

В 2009 г., по инициативе губернатора области А. В. Гордеева, в уставы муниципальных образований были внесены изменения, согласно которым глава муниципального образования, избранный из числа депутатов, возглавляет представительный орган и осуществляет свои полномочия на непостоянной основе. Главы администраций назначались представительным органом на контрактной основе по результатам конкурса. Это позволило в области ликвидировать «двоевластие»[14].

3.2. Муниципальная реформа 2014 года

Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ (далее – Закон № 136-ФЗ) значительно расширил полномочия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Субъекты Федерации получили право:

– устанавливать порядок формирования представительного органа муниципального района и избрания глав муниципальных образований;

– закреплять за сельскими поселениями вопросы местного значения;

– осуществлять перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации;

– устанавливать двухуровневую модель местного самоуправления в городских округах[15].

Воронежская областная Дума, получив дополнительные права, приняла решение предоставить органам местного самоуправления возможность самостоятельно устанавливать порядок избрания глав муниципальных образований и формирования представительных органов му-

[14] См.: *Агибалов Ю. В.* Местное самоуправление. С. 77–78.

[15] См.: О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ.

ниципальных районов и закреплять в уставах муниципальных образований[16].

За прошедшие годы таким правом воспользовались депутаты Воронежской городской Думы, Аннинского, Лискинского, Новоусманского и Новохоперского муниципальных районов, изменив положения уставов муниципальных образований, определяющих порядок избрания главы муниципального образования. В этих муниципальных образованиях глава муниципального образования стал избираться представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, и возглавлять местную администрацию, а представительный орган возглавляет председатель представительного органа, избираемый из числа депутатов[17].

3.3. Реформирование местного самоуправления в 2015–2024 годах

За период с 2015 по 2024 г. в Закон № 131-ФЗ были внесены изменения и дополнения, в том числе касающиеся порядка избрания и статуса органов местного самоуправления, видов муниципальных образований, 113 федеральными законами. Среди них необходимо выделить законы, которые вызвали широкую дискуссию, как в органах местного самоуправления, так и в научном сообществе.

Первый – Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ[18]**.** Этим законом представительным органам муниципального образования предоставлялось право избирать главу муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. В Воронежской области на 1 января 2022 г. сложились два варианта замещения должности главы муниципального образования в муниципальных районах и городских округах:

1) глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава и исполняет обязанности председателя представительного органа на непостоянной основе. Этот вариант предусмотрен уставами 15 муниципальных районов и двух городских округов. Администрацию района или городского округа возглавляет глава администрации, назначенный представительным органом на должность по контракту по результатам конкурса;

2) глава муниципального образования избирается представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, по результатам конкурса и возглавляет администрацию. Такая модель закреплена в уставах 16 муниципальных районов и в городском округе город Воронеж. Представительный орган возглавляет председатель, избранный из числа депутатов, и работает на непостоянной основе (кроме г. Воронежа).

В поселениях вариантов замещения должности главы муниципального образования больше. В 14 городских поселениях глава избирается представительным органом из числа депутатов и возглавляет представительный орган, в 5 – из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, по результатам конкурса и возглавляет администрацию, а в 7 – населением и возглавляет администрацию. В большинстве сельских поселениях главой муниципального образования является глава администрации, выполняющей функции председателя Совета независимо от формы избрания – населением или из числа депутатов. Уставами некоторых сельских поселений предусмотрено избрание главы муниципального образования из числа депутатов, который возглавляет представительный орган, или из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и который возглавляет администрацию[19].

Второй – Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ.[20] Этим законом вводится новый вид муниципального образования – «муниципальный округ», а также предусматривается возможность упразднения поселений и муниципальных районов с образованием муниципаль-

[16] О порядке формирования органов местного самоуправления в Воронежской области и о сроках их полномочий : закон Воронежской области от 14 ноября 2014 г. № 149-ОЗ.

[17] См.: *Агибалов Ю. В.* Местное самоуправление. С. 89.

[18] О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ.

[19] См.: *Агибалов Ю. В.* Становление и развитие института главы муниципального образования в России : теоретические и правовые основы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 4. С. 359.

[20] О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ.

ных округов. Для реализации этого закона был предусмотрен переходный период до 1 января 2025 г. В Воронежской области возможность перехода на модель образования муниципального округа обсуждалась по инициативе главы муниципального образования Новохопёрского муниципального района В. Т. Петрова на круглом столе в г. Новохопёрске 10 марта 2021 г. В обсуждении приняли участие депутаты и главы муниципальных образований района, представители политических партий и общественных организаций района, ученые ВИЭСУ. Депутаты органов местного самоуправления и главы поселений, представители институтов гражданского общества района с участием ученых отметили как преимущества, так и недостатки преобразования существующей структуры управления в районе в единый муниципальный округ. В Новохоперском муниципальном районе более 60 населенных пунктов, в абсолютном большинстве которых нет не только органов местного самоуправления, но органов общественной самодеятельности. Связующим звеном между администрацией района и населением выступают главы администраций поселений и депутаты. В случае преобразования района в муниципальный округ не будет ни глав, ни депутатов. Очевидно, что вместо администраций поселений будут работать специалисты (территориальные отделы) администрации муниципального округа, возможно, даже с тем же объемом полномочий и функций (но без статуса главы муниципального образования). По мнению практических работников, предлагаемый вариант предпочтителен для главы муниципального образования, который приходит в район как эффективный менеджер, и, как правило, не связанный с муниципальным образованием, и не собирается нести ответственность перед населением. Его главной задачей является решение поставленных перед ним задач с минимальными финансовыми затратами на аппарат. Работа для него в муниципалитете как трамплин для карьерного роста. Он не считает нужным встречаться с населением, его не волнует дистанция между гражданином и властью, и т. д.

По итогам обсуждения участники высказались против преобразования муниципального района в муниципальный округ[21]. Этот закон не нашел поддержки муниципальными образованиями Воронежской области. По данным на 1 декабря 2024 г. в Воронежской области не появилось ни одного муниципального округа.

4. Местное самоуправление в системе публичной власти: законопроект Клишаса – Крашенинникова

Законопроект Клишаса – Крашенинникова принят в первом чтении Государственной Думой 25 января 2022 г. По сравнению с Законом № 131-ФЗ в нем значительно расширены полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в области местного самоуправления. В Законопроекте принципиально меняется территориальная организация местного самоуправления. Местное самоуправление должно осуществляться в городских и муниципальных округах, а также на внутригородской территории города федерального значения. По заявлению председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинникова, на 11 ноября 2024 г. 20 субъектов РФ перешли на одноуровневое местное самоуправление[22]. Законопроектом предполагается внести изменения в формы осуществления населением местного самоуправления. В законопроекте исключены такие формы непосредственного осуществления местного самоуправления населением, как голосование по отзыву депутата и выборного должностного лица местного самоуправления, а также голосование по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования, а вместо них добавлено территориальное общественное самоуправление.

Среди форм участия населения в местном самоуправлении остались только пять: опрос; публичные слушания, общественные обсуждения; собрание граждан; инициативные проекты; староста сельского населенного пункта.

Не вызывает сомнения предложенная в Законопроекте норма, в соответствии с которой глава муниципального образования может избираться представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Представительному органу выс-

[21] См.: *Агибалов Ю. В.* Местное самоуправление. С. 117.

[22] См.: В Госдуме ко второму чтению готовится закон о реформе местного самоуправления // Рос. газета. URL: https://rg.ru/2024/11/11/nachalnikov-popraviat.html (дата обращения: 24.11.2024 г.).

шее должностное лицо субъекта Российской Федерации представляет для проведения голосования кандидатов на должность главы (по смыслу Законопроекта не менее двух кандидатов). Кто и в каком порядке предлагает высшему должностному лицу кандидатов или он сам определяет этих кандидатов, по каким критериям, не ясно. Законопроектом предлагается закрепить порядок предварительного рассмотрения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации и представления представительному органу муниципального образования кандидатов на должность главы муниципального образования законом субъекта Российской Федерации.

Вызывает сомнение целесообразность закрепления в ст. 19 Законопроекта нормы, в соответствии с которой глава муниципального образования, возглавляющий местную администрацию, одновременно замещает государственную должность субъекта Российской Федерации и муниципальную должность. Федеральным законодательством государственные должности образуются для непосредственного исполнения полномочий органов государственной власти. В соответствии со ст. 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

В связи с этим возникают вопросы:

1. Если эта норма будет принята, то как это будет реализовываться на практике?

2. Какими гарантиями будет обладать глава муниципального образования и какую он будет нести ответственность в этом случае – как лицо, замещающее муниципальную или государственную должность?

3. Чем этот глава принципиально отличается от главы муниципального образования, возглавляющего представительный орган?

Вызывает также сомнение предложенная норма, в соответствии с которой в случае избрания главы муниципального образования представительным органом из своего состава, в соответствии с законом субъекта Российской Федерации и уставом муниципального образования, он слагает полномочия депутата представительного органа. Очевидно, что это положение должно распространяться на главу муниципального образования, возглавляющего местную администрацию, а в случае если он возглавляет представительный орган, по нашему мнению, он должен оставаться депутатом.

Законопроект предусматривает осуществление местного самоуправления в городских и муниципальных округах. В структуру местной администрации городского округа, муниципального округа, как правило, входят территориальные органы местной администрации. В случае принятия этого Законопроекта в районе необходимо будет создавать территориальные отделы на базе действующих администраций поселений. Статус территориальных органов должен быть закреплен в федеральном законодательстве, в котором необходимо предусмотреть возможность участия населения в назначении руководителя этого территориального органа. Законопроектом предусмотрена норма, в соответствии с которой при наличии в структуре местной администрации территориальных органов местной администрации местная администрация формируется в виде коллегиального органа. Руководители территориальных и отраслевых (функциональных) (при наличии) органов местной администрации замещают муниципальные должности.

Как это будет осуществляться на практике, пока не ясно! Какой статус будет у этого коллегиального органа? Какие решения будет принимать этот коллегиальный орган, если в Законопроекте закреплена норма о том, что местной администрацией руководит глава администрации на принципах единоначалия?

После принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в России предстоит провести работу по включению органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. Для этого требуется внесение изменений в действующее законодательство. Наиболее предпочтительным нам представляется вариант, в соответствии с которым в действующий Федеральный закон № 131-ФЗ вносится специальная глава «Органы местного самоуправления в системе публичной власти» и осуществляется корректировка отдельных статей закона, в соответствии с принятыми поправками в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

Свой вариант реформирования местного самоуправления предложил судья Конституционного Суда Российской Федерации доктор юридических наук профессор А. Н. Кокотов. Он считает, что действующая в России модель местного самоуправления не вполне органична для крупных муниципальных образований (тех же городских округов). В них не только значителен объем государственных вопросов, но и необходимо широкое управленческое присутствие государственных органов, тогда как совместное решение гражданами местных дел затруднено из-за больших размеров соответствующих муниципальных образований. Включение данных территорий в структуру органов государственной власти существенно бы приблизило в них государство к населению, не подрывая самостоятельности местного самоуправления, способствуя усилению системных связей государственных и муниципальных органов в конституционном механизме публичной власти[23]. По его мнению, Конституция РФ позволяет провести реформу, в результате которой органы местного самоуправления городских округов могут быть заменены на органы государственного управления, которые должны формироваться местным населением, а не органами власти субъекта Российской Федерации. Местные государственные территории, в случае их создания, должны обладать тем же уровнем самостоятельности, что и муниципальные образования. При этом местное самоуправление должно осуществляться в поселениях на всей территории России[24].

В России сегодня обсуждается третий вариант – законопроект Клишаса – Крашенинникова. В случае его принятия Государственной Думой предстоит новая реформа местного самоуправления, которая, по мнению одного из авторов законопроекта, будет проходить на протяжении десяти лет.

Очевидно, что к этому должны готовиться не только муниципальные образования, но и органы государственной власти всех уровней. Предстоит большая работа по приведению уставов муниципальных образований и других нормативных правовых актов, формирование системы управления в поселениях, в которых будут упразднены органы местного самоуправления. Более чувствительным для органов местного самоуправления будет проблема нехватки квалифицированных кадров в муниципальных образованиях, обладающих необходимыми компетенциями. Эту проблему органы местного самоуправления не способны решить самостоятельно.

[23] См.: *Кокотов А. Н.* Совершенствование конституционной модели местного самоуправления в России // Вестник Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2020. № 4 (41). С. 118.

[24] См.: Там же. С. 119–120.

Библиографический список

Агибалов Ю. В. Местное самоуправление : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Воронеж : Науч. кн., 2022. 288 с.

Агибалов Ю. В. Становление и развитие института главы муниципального образования в России : теоретические и правовые основы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 4. С. 353–365.

Кокотов А. Н. Совершенствование конституционной модели местного самоуправления в России // Вестник Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2020. № 4 (41). С. 116–123.

Становление системы местного самоуправления : опыт, проблемы, перспектива : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 1999.

References

Agibalov Yu. V. Local self-government : a textbook. 4th ed., revised. and additional. Voronezh : Scientific Book, 2022. 288 p.

Agibalov Yu. V. Formation and development of the institution of the head of a municipality in Russia : theoretical and legal foundations // Vestnik of VSU. Law Series. 2022. No. 4. P. 353–365.

Kokotov A. N. Improvement of the constitutional model of local self-government in Russia // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (41). P. 116–123.

Formation of the local self-government system : experience, problems, prospects : Materials of the interregional scientific and practical conference. Voronezh : Center for Spiritual Revival of the Black Earth Region, 1999.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронежский филиал)

Агибалов Ю. В., кандидат экономических наук, доцент, профессор, председатель Совета Воронежского регионального отделения Ассоциации юристов России, проректор по научной работе ВИЭСУ

E-mail: ayv1957@yandex.ru

Поступила в редакцию: 22.12.2024

Для цитирования:

Агибалов Ю. В. Становление и развитие местного самоуправления в России: от закона «О местном самоуправлении в Воронежской области» до законопроекта Клишаса – Крашенинникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 31–40. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/31-40

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh branch)

Agibalov Y. V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, Chairman of the Council of the Voronezh Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia, Vice-Rector for Research at VIESU

E-mail: ayv1957@yandex.ru

Received: 22.12.2024

For citation:

Agibalov Yu. V. Formation and development of local self-government in Russia: from the law «On local self-government in the Voronezh Region» to the Klishas – Krasheninnikov Draft Law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 31–40. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/31-40

УДК 342.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/41-49

ИНСТИТУТ ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА В СТРАНАХ-УЧРЕДИТЕЛЯХ БРИКС: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Х. Д. Таваралиев
Воронежский государственный университет

INSTITUTE FOR ACQUIRING CITIZENSHIP IN BRICS FOUNDING COUNTRIES: GENERAL AND SPECIAL

K. J. Tavaraliev
Voronezh State University

Аннотация: основное внимание уделяется особенностям законодательства стран-учредителей БРИКС в области гражданства, принципам, на которых основывается процесс его получения, а также правовым рамкам приобретения гражданства по различным основаниям. На основе сравнительного анализа выявляются общие тенденции и специфические черты, присущие каждой стране, что позволяет сделать выводы о состоянии и перспективах института гражданства в рамках БРИКС.
Ключевые слова: гражданство, принципы гражданства, БРИКС, основания приобретения гражданства.

Abstract: this article focuses on the specifics of the legislation of the BRICS founding countries in the field of citizenship, the principles on which the process of obtaining it is based, and analyzes the legal framework for acquiring citizenship on various grounds. Based on a comparative analysis, general trends and specific features inherent in each country are identified, which allows us to draw conclusions about the state and prospects of the institution of citizenship within the framework of the BRICS.
Key words: citizenship, principles of citizenship, BRICS, grounds for acquiring citizenship.

16 июня 2009 г. было основано международное объединение БРИК, включавшее четыре государства-члена: Бразилию, Россию, Индию и Китай. В 2010 г. была принята Южно-Африканская Республика, и после этого объединение стало называться БРИКС.

БРИКС представляет собой экономический и политический союз, который стремится увеличивать свое влияние на мировой арене, отстаивая интересы развивающихся стран, а также стремится к построению взаимовыгодных и гармоничных отношений между странами. Одной из ключевых тем, которая становится всё более актуальной в контексте глобализации, является право на гражданство. В различных странах существуют механизмы и институты приобретения гражданства, отражающие специфику политической, экономической и социальной ситуации в каждом из этих государств. В вопросах приобретения гражданства эти государства демонстрируют как общие принципы, так и уникальные особенности, отражающие их исторические, культурные и правовые традиции.

БРИКС стремится создать новые направления сотрудничества в различных сферах и наполнить их актуальным содержанием. Цели создания БРИКС многообразны и охватывают широкий спектр аспектов, включая экономическое развитие, политическое сотрудничество, технологические инновации и социальные изменения.

© Таваралиев Х. Д., 2025

Исторический контекст. Идея создания объединения БРИКС зародилась в начале 2000-х гг. в контексте изменения глобальной политики и экономики. После финансового кризиса 2008 г. на мировую арену вышли новые экономические игроки, которые начали оспаривать влияние традиционных западных держав. Страны БРИКС, обладая значительными природными ресурсами и быстро развивающимися экономиками, стали ключевыми игроками в новой геополитической реальности.

Важным этапом в развитии БРИКС стало первое встречное заседание министров иностранных дел в 2006 г., на котором обсуждались общие интересы в области экономического и политического сотрудничества. В 2009 г. состоялся первый саммит БРИКС в Екатеринбурге, что дало толчок к углублению взаимосвязей между странами-учредителями.

Основными целями БРИКС были обозначены[1]:

А. Экономическое сотрудничество. Одна из ключевых целей создания БРИКС заключается в формировании экономического сотрудничества между развивающимися странами. Участники объединения стремятся создать устойчивую платформу для обсуждения экономических вопросов, активизации торговли и инвестиций. В рамках БРИКС инициируются проекты, которые способствуют развитию инфраструктуры, повышения качества жизни населения, создания новых рабочих мест и увеличения объемов внешней торговли.

К примеру, создание Нового банка развития (НБР) в 2014 г. стало важным шагом к обеспечению финансирования инфраструктурных проектов в странах БРИКС и других развивающихся государствах. Этот банк призван предоставить альтернативу западным финансовым институтам, что делает БРИКС важным игроком на международной финансовой арене.

Б. Политическое влияние. Поддержка многосторонности и построение справедливой глобальной архитектуры – одна из основополагающих целей БРИКС. Участники объединения выступают за изменения в международных институтах, таких как Всемирная организация торговли и Международный валютный фонд, с целью обеспечения большей репрезентативности развивающихся стран. БРИКС нацеливается на уменьшение зависимости от доминирующих позиций западных стран и создание многополярного мира, где интересы развивающихся стран будут учтены.

В. Социальное развитие и устойчивое развитие. БРИКС также стремится к социальному развитию и улучшению качества жизни граждан стран-участниц. Программы сотрудничества нацелены на борьбу с бедностью, неравенством и обеспечением социальных прав. Участники объединения обмениваются успешными практиками в области образования, здравоохранения и социальной защищенности, что способствует повышению уровня жизни в странах БРИКС.

Важной целью является также развитие технологий и устойчивое развитие, что актуально в условиях глобальных климатических изменений. Страны БРИКС активно обсуждают вопросы экологии, энергоэффективности и устойчивого использования ресурсов, что делает их партнерами в борьбе с глобальными вызовами.

Г. Культурное сотрудничество. Культурное взаимодействие играет важную роль в укреплении связей между странами БРИКС. Участники объединения обмениваются культурными и образовательными программами, что способствует лучшему пониманию между народами и укреплению взаимного доверия. Это включает в себя совместные проекты в сфере науки, искусства и образования, а также проведение культурных мероприятий, направленных на обмен знаниями и опытом.

Д. Влияние на глобальную политическую и экономическую арену. Создание БРИКС оказало значительное влияние на глобальную политическую и экономическую арену. Объединение представляет собой альтернативу традиционным западным структурам и институтам, создавая новые механизмы для сотрудничества развивающихся стран. БРИКС стало важным форумом для обсуждения глобальных вопросов, таких как изменение климата, торговые войны и международная безопасность.

В последние годы группа БРИКС смогла стать платформой для обсуждения актуальных мировых вопросов, выработки совместных позиций и реализации демократических подходов к международному сотрудничеству. Это открывает новые горизонты для объединения голосов стран,

[1] См.: Стратегия экономического партнерства БРИКС. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

стремящихся к более справедливому и устойчивому миру.

Также следует указать на важнейшие ценности, которые отражены в девизе БРИКС: «Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста»[2]. Этот девиз, предложенный в год председательства Российской Федерации в БРИКС (2020 г.), отражал создание и укрепление важнейших ценностей для альянса и всего мира, на что направлены усилия государств-участников.

Таким образом, цели создания БРИКС охватывают широкий спектр аспектов, начиная от экономического сотрудничества и политического влияния до социальных и культурных инициатив. Объединение стран-учредителей стремится создать сбалансированную и устойчивую платформу для обсуждения важных вопросов современности. БРИКС не только способствует улучшению экономических условий стран-участниц, но и ведет к изменению глобальной политической картины, создавая пространство для более равноправного и справедливого международного взаимодействия. БРИКС стал символом надежд развивающихся стран на более равноправное место в мировой политике и экономике, что, в конечном счете, служит интересам не только его членов, но и всей международной системы в целом.

С. А. Авакьян справедливо отмечает: «Любой закон о гражданстве обязательно определяет тех лиц, которые относятся к числу граждан соответствующего государства»[3]. Д. Э. Кайбышева подтверждает слова С. А. Авакьяна и подчеркивает: «Перечень способов приобретения гражданства не является закрытым. Это позволяет рассматривать регулирование Федерального закона о гражданстве как динамичную модель, способную к рецепции новых общественных отношений»[4]. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать законодательство о гражданстве (в том числе институт приобретения гражданства) как живую систему, реагирующую на изменение общественных отношений.

Институт приобретения гражданства в законодательстве стран БРИКС является важным инструментом для гармонизации отношений. Наблюдается тенденция к сближению правового регулирования, особое внимание уделяется институту двойного гражданства. Страны-участники БРИКС стремятся найти баланс между обеспечением прав граждан и предотвращением злоупотреблений в законодательном регулировании вопросов гражданства. Развитие института приобретения гражданства в странах БРИКС способствует укреплению сотрудничества и интеграции в рамках объединения, а также созданию более благоприятных условий для мобильности граждан и развития экономических связей. Обратимся к конституционно-правовым основам приобретения гражданства в странах БРИКС.

Бразилия. Приобретение гражданства Бразилии регулируется Конституцией Федеративной Республики Бразилия, согласно которой все дети, рожденные на территории страны, автоматически получают гражданство Бразилии, за исключением детей иностранных дипломатов (ст. 12)[5].

Основными требованиями для получения гражданства являются знание португальского языка (уровень B1), отсутствие судимостей и проживание на территории страны более четырех лет.

На ускоренную процедуру получения гражданства Бразилии могут претендовать лица, вступившие в брак (заявление можно подать через год после заключения брака), выходцы из португалоязычных стран (через год после подачи заявления), а также лица с выдающимися профессиональными, научными или творческими способностями и достижениями (через два года после подачи заявления о приобретении гражданства).

Для получения гражданства без соблюдения вышеуказанных требований необходимо, чтобы иностранное лицо проживало на территории страны более 15 лет.

В октябре 2023 г. были внесены поправки в Конституцию Федеративной Республики

[2] *Ануфриева Л. П.* Расширение БРИКС в свете принципов международного права / Л. П. Ануфриева // Правосудие. 2023. Т. 5, № 4. С. 159.

[3] *Авакьян С. А.* Россия : гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 56.

[4] *Кайбышева Д. Э.* Основания и порядок приобретения гражданства Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-i-poryadok-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 20.03.2025).

[5] Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. URL: www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 11.01.2025).

Бразилия, согласно которым граждане Бразилии могут утратить свое гражданство в случае отмены судом решения о приеме в связи с деятельностью, связанной с процессом их натурализации, или деятельностью, наносящей ущерб национальным интересам страны (параграф 4 ст. 12 Конституции Бразилии). Следует заметить, что в последние годы правительство Бразилии начало ужесточать миграционные законы. Например, повышена ответственность за нарушение миграционного законодательства, введены более жесткие требования к документации, усилен надзор за деятельностью миграционных агентов, ужесточились санкции за подделку документов[6]. Это вызвано как внутренними экономическими трудностями, так и желанием контролировать потоки мигрантов из соседних стран.

Российская Федерация. Термин «гражданство» употребляется в Конституции РФ 1993 г.[7] в 14 статьях (6, 62, 63, 71, 77, 78, 81, 89, 95, 97, 103, 110, 119, 129), относящихся к различным главам Основного Закона, в том числе и к первой главе «Основы конституционного строя», что подтверждает значимость данного института для нашей страны.

Базовым законом, регулирующим вопрос приобретения гражданства Российской Федерации, является Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[8].

Гражданство Российской Федерации приобретается по следующим основаниям (ст. 12): 1) по рождению; 2) в результате приема в гражданство Российской Федерации; 3) в результате признания гражданином Российской Федерации; 4) в результате выбора гражданства Российской Федерации при изменении Государственной границы Российской Федерации (оптации); 5) в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Приобрести гражданство России могут иностранные лица, если они прожили в стране более пяти лет со дня принятия решения о выдаче вида на жительство в России (ст. 15). Также выделяется отдельная категория иностранных граждан и лиц без гражданства, которые могут получить гражданство в упрощенном порядке (ст. 16):

А. Без учета требования о проживании в стране более пяти лет со дня принятия решения о выдаче вида на жительство в России:

1) заключившие контракт о прохождении службы в Вооруженных Силах РФ, других войсках или воинских формированиях на срок не менее одного года;

2) проживающие в РФ не менее одного года и признанные беженцами или получившие политическое убежище на территории РФ.

Б. Имеющие вид на жительство (независимо от срока проживания), приобретают гражданство РФ без учета основных требований, предъявляемых для натурализации (срока проживания, знания русского языка, знания истории и основ законодательства РФ) (некоторые примеры):

1) родились или постоянно проживали на территории РСФСР и являлись гражданами СССР;

2) имеют сына или дочь, являющихся гражданами РФ и проживающих в РФ;

3) состоят в браке с гражданином РФ, проживающим в РФ, и имеют общего ребенка;

4) успешно освоили в РФ образовательную программу высшего образования по очной форме обучения и получили документ об образовании и о квалификации с отличием.

Стоит также отметить, что процесс получения гражданства в России уникален тем, что подразумевает различные основания натурализации для иностранных граждан, имеющих родственные связи с россиянами (ст. 16). Эта особенность подчеркивает важность личных связей в российском обществе, где семья и родственные узы играют важную роль. Важно отметить, что Россия активно использует механизм упрощенной натурализации для определенных групп граждан, таких как этнические русские, что отражает культурные и исторические особенности страны и ее стремление поддержать связь с соотечественниками за пределами страны. На уровне законодательства Россия также предлагает упрощенные процедуры для граждан бывших советских республик, что является отражением исторической памяти и культурной бли-

[6] См.: Как изменились законы о гражданстве Бразилии в последние годы. URL: https://vnz.su/articles/kak-izmenilis-zakony-o-grazhdanstve-brazilii-v-poslednie-gody/?ysclid=m7z8cpzk1476937658 (дата обращения: 07.03.2025).

[7] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. №1-ФКЗ от 14.03.2020 г.) // Рос. газета. 2020. 4 июля.

[8] О гражданстве Российской Федерации : федер. закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

зости. В законе «О гражданстве» слово «СССР» употребляется двадцать раз. Также в подтверждение данных доводов ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ закрепляет: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР».

Закон «О гражданстве» 2023 г. закрепил легальные определения «двойного» и «множественного» гражданства (ст. 4):

– двойное гражданство – наличие у гражданина России гражданства иностранного государства, с которым заключен международный договор о двойном гражданстве;

– множественное гражданство – наличие у гражданина России гражданства иностранного государства, с которым не заключен международный договор о двойном гражданстве.

Наличие в законе терминов «двойное» и «множественное гражданство» указывает на отсутствие запрета на наличие гражданства другого государства.

Также следует заметить, что в отличие от большинства стран БРИКС Россия имеет довольно строгие процедуры получения гражданства, которые усиливаются в условиях политической нестабильности и миграционных кризисов. Дополнительно к общим требованиям россиян к натурализации, властям предъявляются требования к проверке безопасности новых граждан, что делает процесс более длительным и сложным.

На фоне обсуждений о миграционной политике часто поднимается вопрос о правовом статусе коренных народов. В России сохраняется особый статус некоторых этнических групп, что позволяет им иметь определенные льготы при получении гражданства. Это может быть интерпретировано как форма защиты культурной множественности внутри страны.

В заключение можно отметить, что институт гражданства в России имеет свои уникальные черты, формируемые как историческими, так и современными факторами. Хотя существуют общие черты с другими странами БРИКС, такие как стремление к интеграции и наличие множества оснований приобретения гражданства, российская модель остается достаточно специфичной, отражая культурные, политические и экономические реалии страны. Это подчеркивает важность изучения институтов гражданства в многостороннем контексте, позволяя более глубоко осмыслить динамику глобальных миграционных потоков и изменения, происходящие в сфере правового статуса человека в современном мире.

Индия. Основными законодательными актами, регулирующими вопросы приобретения гражданства, являются Конституция Республики Индии[9] и Закон «О гражданстве» (1955 г.)[10]. Важной особенностью является наличие закона о гражданстве для беженцев и выходцев из соседних стран, таких как Пакистан и Бангладеш, что создает сложные аспекты в правоприменении и интеграции. Натурализация индийских мигрантов требует 11 лет проживания в стране и соблюдения дополнительных условий, таких как знание местных языков и культурных норм.

После отделения Пакистана от Индии в 1947 г. законы о гражданстве в Индии изначально носили несветский характер. Индийские мусульмане, мигрировавшие в Западный Пакистан после раздела и стремившиеся вернуться в Индию, могли стать гражданами только в случае получения разрешения на «постоянное переселение», что значительно затрудняло их возвращение. Кандидат должен был указывать свою религию и информацию об имуществе в Индии[11].

Закон Индии «О гражданстве» детально регламентирует приобретение гражданства по рождению и по происхождению (ст. 3, 4):

– лица, родившиеся в период с 26 января 1950 г. по 1 июля 1987 г., автоматически получали гражданство по рождению независимо от национальности их родителей, а по происхождению – если родители являлись гражданами Индии;

– лица, родившиеся с 1 июля 1987 г. по 3 декабря 2004 г., получали индийское гражданство по рождению и по происхождению, если хотя бы один из их родителей был гражданином Индии;

– лица, родившиеся после 3 декабря 2004 г., считаются гражданами Индии по рождению, только если оба их родителя являются гражданами Индии или если один из родителей являет-

[9] Конституция Республики Индия от 26 ноября 1949 г. // Конституции государств Азии. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Норма, 2010. Т. 2: Средняя Азия и Индостан.С. 177–448.

[10] Закон о гражданстве Индии от 30 декабря 1955 г. URL: https://www.indiacode.mc.in/bitstream/123456789/1522/1/a1955-57.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

[11] См.: *Пронякина С. Ю.* Сравнительный анализ правового регулирования вопросов двойного гражданства в странах межгосударственного объединения БРИКС // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 44.

ся гражданином Индии, а другой – не нелегальным мигрантом на момент рождения; по происхождению – в случае регистрации в дипломатическом представительстве Индии в течение установленного срока (ст. 3).

Лица, не являющиеся гражданами Индии, для получения гражданства должны знать один из официальных языков и проживать на территории страны 12 лет. При вступлении в брак с гражданином Индии или если лицо является родителем гражданина Индии, этот срок сокращается до семи лет.

Стоит заметить, что Конституция Индии не предусматривает двойное гражданство. Кроме того, Индия периодически пересматривает законы, касающиеся гражданства, особенно в свете миграционных потоков, вызванных конфликтами между соседними странами в сторону их ужесточения (например, усложнения приобретения гражданства для граждан соседних стран). «Все последующие поправки, которые вносились в Закон о гражданстве Индии, только затрудняли либо исключали некоторые категории граждан в возможности получения гражданства. Поэтому в стране, среди ее граждан, стала возрастать напряженность, неуверенность и беспокойство за свой нынешний статус нахождения в стране»[12].

Китай. Китайская Народная Республика придерживается строгой политики в отношении гражданства. Иностранцы, желающие натурализоваться, сталкиваются с жесткими правилами. Процесс натурализации является чрезвычайно сложным и требует постоянного проживания в Китае, внесения значительного финансового вклада в экономику и невозможности иметь двойное гражданство. Это отражает целенаправленную миграционную политику Китая, ориентированную на сохранение монокультурной идентичности. Китай имеет одни из самых строгих законов о гражданстве в мире. Приобретение гражданства Китая регулируется Законом «О гражданстве Китайской Народной Республики» (1980 г.)[13].

По рождению каждый ребенок автоматически получает гражданство Китая, если один из родителей имеет китайское гражданство (независимо от места рождения) или если оба родителя являются лицами без гражданства и проживают несколько лет в стране, при условии что ребенок родился на территории Китая.

Приобретение гражданства в порядке натурализации в Китае имеет определенные особенности. В соответствии с данным основанием гражданство Китая можно получить при наличии близких родственников, имеющих гражданство Китая (в том числе и при воссоединении семьи), или в случае длительного проживания на территории страны с соблюдением следующих требований: знание китайского языка, отсутствие судимостей, соблюдение законов страны, наличие источника дохода. Существуют и другие легитимные способы: вступление в брак (более пяти лет), инвестиции в развитие страны, внесение значимого вклада в развитие страны, трудоустройство после окончания учебы. «На практике получить гражданство КНР, не являясь китайцем по нации – практически невозможно…»[14].

Как уже было отмечено, закон о гражданстве Китая не предусматривает двойного гражданства, поэтому получение гражданином Китая гражданства иностранного государства является основанием для утраты китайского гражданства.

В последние годы Китай всё чаще осуществляет политику «умной миграции», направленную на привлечение квалифицированных работников, однако процесс получения гражданства остается относительно закрытым.

Южно-Африканская Республика. «Статья 3 Конституции ЮАР, также озаглавленная “Гражданство”, предусматривает общее южноафриканское гражданство, равные права, преимущества и ответственность, а также наличие национального законодательства по определенным вопросам гражданства, таким, например, как его приобретение»[15]. Основным законом, регулирующим вопрос приобретения гражданства

[12] *Якимчук А. А.* Особенности получения и прекращения гражданства в Индии // Гуманитарные науки в современном вузе : вчера, сегодня, завтра : материалы III междунар. науч. конф. : в 2 т. (Санкт-Петербург, 11 декабря 2020 г.). СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2020. Т. 1. С. 556.

[13] Закон о гражданстве КНР от 10 сентября 1980 г. URL: https://www.immd.gov.hk/eng/residents/immigration/chinese/law.html (дата обращения: 11.01.2025).

[14] *Эриашвили Н. Д., Гордеев И. В., Осавелюк А. М.* Конституционные права и обязанности иностранных граждан на въезд в КНР и получения гражданства // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 273.

[15] *Клаарен Джонатан.* Конституционное регулирование гражданства в ЮАР // СКО. 2010. № 5 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-regulirovanie-grazhdanstva-v-yuzhno-afrikanskoy-respublike (дата обращения: 09.03.2025).

ЮАР, является Закон «О гражданстве Южной Африки»[16].

По рождению и происхождению в Южно-Африканской Республике действуют правила, аналогичные тем, что существуют в Китае.

Приобрести гражданство ЮАР могут иностранные лица, если они прожили в стране более пяти лет с постоянным видом на жительство. Также получить гражданство в порядке натурализации могут иностранцы, имеющие вид на жительство и проживающие в ЮАР с рождения; несовершеннолетние дети натурализованного гражданина ЮАР, усыновленные гражданами ЮАР; супруг гражданина ЮАР после двух лет брака (ст. 4).

Каждый гражданин ЮАР может отказаться от своего гражданства. Лица, ранее утратившие гражданство ЮАР, могут восстановить его, если причины, по которым они были лишены гражданства, больше не существуют в законодательстве ЮАР (ст. 7).

Согласно упомянутому выше закону министр внутренних дел может аннулировать гражданство натурализованного лица в случае заключения в тюрьму на срок более 12 месяцев (ст. 8).

Относительно вопроса двойного гражданства закреплены следующие правила. В ЮАР предусмотрено двойное гражданство, но с некоторыми ограничениями. Перед получением гражданства необходимо подать заявление и получить разрешение от министра внутренних дел на сохранение своего гражданства посредством любого добровольного и официального акта (кроме вступления в брак) (ст. 5).

В последние годы страны БРИКС стали важными игроками на мировой арене, что неизбежно влияет на многие аспекты национального законодательства, включая вопросы, связанные с гражданством.

В данной работе мы рассмотрели и проанализировали институт приобретения гражданства в контексте стран-учредителей БРИКС, а именно: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, – подходы к гражданству в которых разнообразны и отражают особенности каждой из них, но позволяют утверждать, что прослеживаются определенные тенденции к их сближению.

Векторы развития, наблюдающиеся в бразильской системе гражданства, указывают на стремление к строгому контролю миграционных потоков, в то время как индийская и российская политика, несмотря на свои строгие требования, продолжает быть гибкой для определенных категорий иностранцев.

Китай и Южноафриканская Республика иллюстрируют противоположные вызовы, связанные с закрытостью или избыточной бюрократией в процессе получения гражданства, что ставит под сомнение возможность интеграции квалифицированных специалистов и мигрантов.

Приобретение гражданства в странах БРИКС демонстрирует разнообразие подходов, связанных с культурными, историческими и экономическими факторами. Страны группы всё больше осознают значение миграционных потоков и влияние на свои общества, что приводит к адаптации законодательства и политики в области гражданства. В условиях глобализации, когда мобильность населения продолжает увеличиваться, работа над упрощением процессов получения гражданства и созданием инклюзивных практик становится важным аспектом для каждой из стран. Это, в свою очередь, влияет не только на развитие внутренней политики, но и на международные отношения, формируя новые парадигмы в области прав человека и социального взаимодействия.

В большинстве стран БРИКС существуют принципы приобретения гражданства, такие как по праву крови, по праву почвы. Например, в Бразилии акцент делается на право почвы, что связано с историческими корнями и многообразием населения, в то время как в России и Индии более популярно право крови. Китай же, переживший множество исторических изменений, придерживается строгой политики в отношении натурализации, что делает приобретение гражданства для иностранцев сложным и длительным процессом.

Особое внимание следует уделить и политическим аспектам: в странах БРИКС наблюдается стремление к более гибким и открытым правовым механизмам, направленным на привлечение иностранных инвесторов, специалистов и рабочих. Соответствующие законодательные инициативы в России и ЮАР, например, позволяют иностранцам на более благоприятных условиях получать гражданство, что подчеркивает важность международной миграции и взаимовыгодных экономических связей.

[16] Закон о гражданстве ЮАР от 6 октября 1995 г. № 88. URL: http://www.immigration-sa.co.za/pdf/1995citizenship.pdf (дата обращения: 03.01.2025).

Тем не менее, несмотря на общие тенденции, каждое государство сохраняет собственные уникальные черты, значительно влияющие на процесс гражданства. Это является отражением разной степени политической стабильности, экономических условий, а также культурных и социальных ожиданий от новых граждан.

В заключение следует отметить, что процесс приобретения гражданства в странах БРИКС – это многогранное явление, которое требует глубокого анализа. Разнообразие подходов к гражданству отражает реальные вызовы, стоящие перед каждой страной, и открывает возможности для дальнейшего международного сотрудничества. Понимание общей картины, а также особенностей каждого из государств позволит более эффективно справляться с миграционными вызовами и разрабатывать адаптированные стратегии. Таким образом, институт приобретения гражданства в странах БРИКС является не только юридической, но и социально-экономической категорией, которая требует внимания не только со стороны правоведов, но и со стороны социологов, экономистов и политологов, стремящихся глубже понять динамику международных отношений и роль гражданства в них. Несмотря на некоторые общие черты каждое государство имеет свои специфические особенности, что свидетельствует о многообразии подходов на глобальной арене. В условиях активной глобализации и углубления международных отношений государства БРИКС будут вынуждены адаптировать свои политики в области гражданства, что, в свою очередь, будет способствовать новым вызовам и возможностям в будущем.

Выводы, основанные на анализе систем гражданства в странах БРИКС, могут служить основой для дальнейших исследований и реформ в области миграционного законодательства как в этих, так и других странах, пытающихся найти баланс между экономическими потребностями и социальными вызовами. Институт приобретения гражданства очень важен для формирования национальной идентичности, социального согласия и экономической стабильности в странах-учредителях БРИКС.

Библиографический список

Авакьян С. А. Россия : гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 643 с.

Ануфриева Л. П. Расширение БРИКС в свете принципов международного права / Л. П. Ануфриева // Правосудие. 2023. Т. 5, № 4. С. 155–174.

Кайбышева Д. Э. Основания и порядок приобретения гражданства Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-i-poryadok-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii

Клаарен Джонатан. Конституционное регулирование гражданства в ЮАР // СКО. 2010. № 5 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-regulirovanie-grazhdanstva-v-yuzhno-afrikanskoy-respublike

Пронякина С. Ю. Сравнительный анализ правового регулирования вопросов двойного гражданства в странах межгосударственного объединения БРИКС // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 42–46.

Эриашвили Н. Д., Гордеев И. В., Осавелюк А. М. Конституционные права и обязанности иностранных граждан на въезд в КНР и получения гражданства // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 271–274.

Якимчук А. А. Особенности получения и прекращения гражданства в Индии // Гуманитарные науки в современном вузе : вчера, сегодня, завтра : материалы III междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 11 декабря 2020 г.) : в 2 т. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2020. Т. 1. С. 549–557.

References

Avakyan S. A. Russia: citizenship, foreigners, foreign migration. St. Petersburg : Jurid. Center Press, 2003. 643 p.

Anufrieva L. P. BRICS expansion in the light of the principles of international law // Justice. 2023. T. 5. No. 4. P. 155–174.

Kaibysheva D. E. Grounds and procedure for acquiring citizenship of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 6–3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-i-poryadok-priobreteniya-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii

Klaaren Jonathan. Constitutional regulation of citizenship in South Africa // North Kazakhstan Region. 2010. No. 5 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-regulirovanie-grazhdanstva-v-yuzhno-afrikanskoy-respublike

Pronyakina S. Yu. Comparative analysis of the legal regulation of dual citizenship issues in the countries of the BRICS interstate association // Constitutional and municipal law. 2023. No. 7. P. 42–46.

Eriashvili N. D., Gordeev I. V., Osavelyuk A. M. Constitutional rights and obligations of foreign citizens to enter the PRC and obtain citizenship // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 2. P. 271–274.

Yakimchuk A. A. Features of obtaining and termination of citizenship in India // Humanities in a modern university : yesterday, today, tomorrow : materials of the III International. Scientific. Conf. (St. Petersburg, December 11, 2020) : in 2 vol. St. Petersburg : St. Petersburg. State. Un-T Prom. Technology and Design, 2020. Vol. 1. P. 549–557.

Воронежский государственный университет

Таваралиев Х. Д., аспирант кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина

E-mail: Jtavaraliev@gmail.com

Поступила в редакцию: 20.03.2025

Для цитирования:

Таваралиев Х. Д. Институт приобретения гражданства в странах-учредителях БРИКС: общее и особенное // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 41–49. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/41-49

Voronezh State University

Tavaraliev K. J., Post-graduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V. S. Osnovin

E-mail: Jtavaraliev@gmail.com

Received: 20.03.2025

For citation:

Tavaraliev K. J. Institute for acquiring citizenship in BRICS founding countries: general and special // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 41–49. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/41-49

УДК 94(47).04=161.1(051)"+"(470+571)
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/50-58

НА ПУТИ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: «ДВОЕНАЧАЛИЕ» В РУССКОМ ПРАВЕ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ОБЩЕРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – КОНЦЕ XVI ВЕКА

А. В. Пенской
Адвокатская палата Белгородской области

TOWARDS CENTRALIZATION: «DUAL BEHAVIOR» IN RUSSIAN LAW AND THE PROBLEM OF CREATING A NATIONAL RUSSIAN LEGISLATION IN THE SECOND HALF OF THE 15TH – END OF THE 16TH CENTURIES

A. V. Penskoy
Bar Chamber of the Belgorod Region

Аннотация: в исторической традиции устоялось наименование образовавшегося во 2-й половине XV в. Русского государства «централизованным». Вместе с тем четкого и недвусмысленного определения сущности этого термина в отечественной исторической литературе нет, а имеющиеся определения носят расплывчатый и туманный характер. Эта неопределенность связана с тем, что сама по себе «централизованность» представляет собой сложный и многоплановый политико-правовой феномен, и процессы централизации власти на разных уровнях протекали с разной скоростью. Раннемодерные государства по этой причине являлись недоцентрализованными. Автор статьи доказывает этот тезис на примере «двоеначалия» русского права в эпоху «долгого XVI в.» (середина XV – середина XVII в.). В это время коронное право сосуществовало с обычным правом. При этом обычное право по своей значимости не уступало праву коронному. Это было связано с институциональной слабостью раннемодерного государства. Не обладая развитой «мускулатурой» власти, оно было вынуждено искать поддержки «снизу». Эта вынужденная необходимость способствовала консервации традиционной правовой культуры и обычного права как ее неотъемлемого компонента. В результате правовое поле раннемодерных государств, в том числе и Русского, на деле представляло собой сшитое на скорую руку «лоскутное одеяло». И до тех пор, пока такое положение сохранялось, говорить о завершенности процессов централизации преждевременно.
Ключевые слова: раннее Новое время, государство, право, реформы, традиция, централизация, закон, обычай, Россия.

Abstract: in the historical tradition, the name of the Russian state formed in the second half of the 15th century has become established as «centralized». At the same time, there is no clear and unambiguous definition of the essence of this term in Russian historical literature, and the existing definitions are vague and nebulous. This uncertainty is due to the fact that «centralization» itself is a complex and multifaceted political and legal phenomenon, and the processes of centralization of power at different levels proceeded at different speeds. For this reason, early modern states were under-centralized. The author of the article proves this thesis using the example of the «dual authority» of Russian law in the era of the «long 16th century» (mid-15th – mid-17th centuries). At that time, crown law coexisted with customary law. At the same time, customary law was not inferior in importance to crown law. This was due to the institutional weakness of the early modern state. Lacking the developed «muscles» of power,

© Пенской А. В., 2025

it was forced to seek support «from below». This forced necessity contributed to the conservation of traditional legal culture and customary law as its integral component. As a result, the legal field of early modern states, including the Russian one, was in fact a hastily stitched «patchwork quilt». And as long as this situation persisted, it was premature to talk about the completion of centralization processes.

Key words: Early Modern, state, law, reforms, tradition, centralization, lex, custom, Russia.

Почти 30 лет назад отечественный историк А. А. Смирнов, анализируя процессы формирования Русского государства, высказал любопытный тезис. По его мнению (с которым трудно не согласиться), «военная централизация была достигнута гораздо раньше, чем политическая или экономическая, – уже при Иване III»[1]. Мысль любопытная и неординарная, однако не получившая в отечественной исторической и историко-правовой науке дальнейшего развития. Между тем, если взять ее на вооружение и попробовать расширить поле зрения и обратиться к другим аспектам формирования пресловутого централизованного государства на Руси, не только к политическим, военным или экономическим, то нетрудно будет заметить, что эта «централизация» вовсе не завершилась при Иване III. Да и при его сыне Василии и внуке Иване ее тоже нельзя полагать полностью завершенной. Если рассматривать процесс централизации как многоуровневый и разноплановый, то этот процесс растянулся на длительный период, фактически на весь русский «долгий XVI век (который, как отмечал французский историк Ф. Бродель, захватывает время с середины XV по середину XVII в.[2], а для России укладывается в промежуток времени между окончанием феодальной усобицы 2-й четв. XV в. и принятием Соборного уложения 1649 г.). Незавершенность процессов централизации Русского государства в это время была связана, помимо всего прочего, и с незавершенностью формирования единого юридического поля на его территории, сохранением множества пережитков правовой «старины», что вело неизбежно к складыванию своеобразного «лоскутного» и многослойного его вида.

Такой тезис на первый взгляд может показаться противоречащим тому, что знаем мы едва ли не со школьной скамьи. Классическая формула, определяющая сущность централизованного государства, гласит, что «образование централизованного государства включало в себя два взаимосвязанных процесса: **формирование единой государственной территории за счет объединения русских земель** и установление **реальной власти** единого монарха над всей этой территорией (выделено мной. – *А. П.*)…»[3]. Для сравнения – тридцатью пятью годами ранее, в 1949 г., видный отечественный историк К. В. Базилевич в своей программной статье так характеризовал фундаментальные признаки централизованного государства: «Основными признаками централизованного государства являются центральные органы управления, распространяющие свое действие на всю территорию страны; развитие общего законодательства, которое поглощает или отменяет местные законы; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частных иммунитетных прав, единая организация военных сил, непосредственно подчиненных верховной власти»[4].

Сопоставляя два этих определения, краткое в первом случае и пространное во втором, нетрудно заметить, что отечественная наука за эти годы свой подход к проблеме практически не изменила. Вопрос считался решенным, и, как отмечал санкт-петербургский историк А. И. Филюшкин, «несмотря на общепризнанность концепции РЦГ (Русское централизованное государство. – *А. П.*), в отечественной науке так и не было дано четкого определения, что же из себя представляло единое Русское государство в институциональном плане. Попытки решения этой проблемы предпринимались в основном в историко-правовой сфере, где ученые оперировали терминами «монархия», «абсолютная монархия», «сословно-представительная монархия». Что же касается организации государственного

[1] *Смирнов А. А.* Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35. Ср.: *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 433–434.

[2] См., например: *Braudel F.* The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London, 1974. Vol. II. P. 893–895.

[3] Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 8.

[4] *Базилевич К. В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 71.

тела России XV–XVI вв., то авторы полагали, что определения «единое» или «централизованное» вполне достаточно. Под этим понималось прежде всего государство, унифицированное в административном и институциональном плане, хотя историки тут же делали массу оговорок о «недоразвитости» того или иного института…»[5].

Следовательно, если попытаться обобщить сказанное выше и обозначить ключевые характеристики Русского государства в его завершенном виде как централизованного, то его определение принимает следующий вид – это политическое образование, унифицированное в административном и институциональном плане, обладающее четко очерченной территорией, на которую распространяется власть великого князя, и закон, выражающий его волю, един для всех на всей этой территории. Эту картину ярко и образно выразил немецкий авантюрист Г. Штаден в своих «Записках о Московии». По его словам, Иван IV, «добился того, так как по всей Русской земле, т. е. под его державой, единая вера, единый вес, единая мера, что он один и правит, что всё, что он велит, должно свершиться, а от всего, что он запретит, следует отказаться»[6]. Одним словом, если принять на веру слова Штадена, Иван сумел добиться практической реализации известного французского выражения: «Un Dieu, un Roy, une Foy, une Loy». Установив на всей территории Русского государства не только одну веру и одну меру, но и один закон, первый русский царь завершил дело, начатое его прадедом, делом и отцом и довел до конца дело централизации на Руси. Но так ли это на самом деле?

Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем мнение австралийского историка Р. Скрибнера, который отмечал, что традиционно, изучая историю государства и права в эпоху раннего Нового времени, исследователи концентрируют свое внимание на институциональной стороне вопроса, на анализе особенностей прескриптивного права. При этом они намного меньше уделяют изучению того, с какими реальными трудностями и проблемами сталкивается государство, преследуя свои цели[7]. Между тем, как отмечала американский русист Н. Коллман, в последние десятилетия обозначился поворот к изучению именно этой практической стороны государственного строительства в эпоху раннего Нового времени – т. е. тогда, когда как раз и складывались повсеместно политические образования, которые принято именовать централизованными: «Примерно с 1970-х гг. историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю), анализируя стратегии управления, централизации и формирования суверенитета». При этом одним из направлений, в которых велись и продолжают проводиться эти исследования, продолжала она, стало изучение так называемых «жил власти» («sinews of power»), которые включали в себя не только новые налоги и бюрократические структуры и институты, но и новые кодификации законов и судебные системы[8]. Таким образом, проблемы, связанные с развитием законодательства и судебных практик в раннее Новое время, входят в число приоритетных тем для современных исследований в области изучения истории раннемодерных государства и права.

Исследования в этой области дали любопытные и неожиданные результаты, которые показывают, что на деле между политической, административной и юридической повседневностью, с одной стороны, теорией и декларациями в раннее Новое время – с другой, существовала дистанция, которая, конечно, со временем сокращалась, но так и не была полностью преодолена. Главный вывод, к которому пришли исследователи – не следует преувеличивать силу централизующихся государств[9]. Почему? Ответ на этот вопрос дает, к примеру, отечественный исследователь К. В. Петров. В ряде своих работ он подчеркивал, что раннемодерное государство было слабым институционально. И его возможности влиять на общество, принуждать своих подданных действовать так, как нужно ему, навязывать им свою волю были ограничены[10]. На

[5] *Филюшкин А. И.* Московская неонатальная империя : к вопросу о категориях политической практики // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. 2009. Вып. 2. С. 5.

[6] *Штаден Г. фон*. Записки о Московии. М., 2008. Т. I: Публикация. С. 203, 205.

[7] См.: *Scribner R. W.* Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe. Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday / eds. E. I. Kouri, Tom Scott. London, 1987. P. 103.

[8] См.: *Kollmann N. S.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. P. 1.

[9] См.: *Kollmann N. S.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. P. 2.

[10] См.: *Петров К. В.* Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник

это же обстоятельство указывал и ряд зарубежных историков, которые отмечали, что отношения верховной власти, персонифицированной в образе монарха, и влиятельных местных элит, корпораций, общин и т. п. строились не только и не столько на насилии, сколько на компромиссе и переговорах[11].

Впрочем, иначе и быть не могло в условиях, когда суверенность верховной власти носила преимущественно обращенный наружу характер, тогда как внутри страны она в значительной степени сохраняла свой традиционный средневековый «фрагментированный» (Ч. Тилли[12]) вид. Эта фрагментированность, обусловленная институциональной слабостью верховной власти, неразвитостью ее «мускулатуры», неизбежно вела к тому, что, как отмечал К. Борки, государство было вынуждено «делить контроль с разнообразными посредническими организациями и с провинциальными элитами, религиозными структурами, органами местного самоуправления и другими многочисленными привилегированными институтами»[13]. В результате, подчеркивал академик Н. Н. Покровский, политическая система в раннемодерных государствах, и в России в том числе, имела бинарную структуру, «государство» – «общество», и, не имея возможности в своих действиях доходить до конкретной личности, власть вынуждена была опираться так или иначе на те самые посреднические структуры в лице первичных социальных общностей. Однако, оказывая поддержку верховной власти, эти первичные социальные общности рассчитывали, и не без оснований, на определенную взаимность с «той» стороны. На практике же это означало, как отмечал исследователь, что эти первичные социальные общности обладали политической субъектностью и могли оказывать влияние на верховную власть, отстаивая свои интересы и привилегии[14].

Эта политическая субъектность имела самое непосредственное отношение к сохранению «недоцентрализации» в правовой сфере. Приведем одно любопытное наблюдение, сделанное в свое время русским историком Н. П. Павловым-Сильванским. Он писал, что «**существо средневековой общины** … **заключается не в общинном землевладении, а в самоуправлении** (выделено мной. – *А. П.*)…». Сущность же этого самоуправления, продолжал далее свою мысль исследователь, состояла в том что «в основе этого мирского самоуправления лежит территориальная власть мира на землю, связывающая нескольких собственников в одно сплоченное целое и обусловливающая все их права и обязанности по отношению к миру». И далее следовал важный для нас тезис: «Из этой высшей территориальной власти общины проистекает ее право на лиц, владеющих участками общинной земли, **в отношении дани и в отношении суда и расправы** (выделено мной. – *А. П.*)…»[15].

Итак, политическая субъектность местных социумов, тех самых первичных социальных ячеек в лице всякого рода «корпораций» (крестьянские и городские общины, дворянские сообщества и пр.) заключалась прежде всего в том, что они решали фискальные вопросы и отвечали за суд и расправу на своем локальном уровне. Однако это непременно вело к тому, что здесь, на местах, в провинции, сохранялись местные же юридические обычаи, правовая «старина», переменить которую верховная власть оказывалась не в силах в силу ряда вполне объективных обстоятельств. Во-первых, в силу упомянутой выше институциональной слабости она не обладала необходимым административным ресурсом, чтобы заменить обычное право коронным (хотя, безусловно, и стремилась это сделать). Во-вторых, не меньшим препятствием на пути замены «старины» нормами «княжого» права был настрой «земли». Государство и его персональное воплощение в лице монарха могло более или менее успешно выполнять свои функции только в том случае, если «земля» гарантировала ему свою лояльность. Эта же лояльность, по замечанию Н. Коллманн, зависела от того, насколько монарх соответствует тем требованиям, которые предъявляло к нему, как к истинному, «прямому» государю, общество: «Легитимность

1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М. ; СПб., 2008. С. 376.

[11] См., например: *Brewer J., Hellmuth E.* Introduction // Rethinking Leviathan : the Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, 1999. P. 12.

[12] См.: *Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford, 1990. P. 21.

[13] *Barkey K.* Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, 2008. P. 10.

[14] См.: *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 5–6.

[15] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 200, 201.

основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе»[16].

Наконец, сами правители, воспитанные в традиционном обществе в традиционном же духе, не были склонны с ходу отказываться от привычной и позволявшей более или менее исправно функционировать формирующемуся государственному механизму «старины», предпочитая улучшать ее постепенно, малыми шагами (и под предлогом возвращения порушенной при предшественниках традиции). Характерным в этом отношении было выступление Ивана IV перед церковными иерархами на знаменитом Стоглавом соборе – молодой царь, обращаясь к собравшимся, заявил буквально следующее: «Благословися есми у вас тогды же Судебник **исправити по старине** (выделено нами. – *А. П.*)…», и далее – «а которые обычеи в прежние времена после отца нашего, великого князя Василия Ивановича всея Руси, и до сего настоящего времени поизшаталося или в самовластии учинено по своим волям или в **предние законы, которые порушены или ослабно дело** (выделено мной. – *А. П.*)…»[17].

Таким образом, Иван полагал, что для восстановления законности и правосудия необходимо вернуть «старину» времен его отца и деда, которая была «порушена» боярским самовластием в годы его малолетства. Любопытное наблюдение, анализируя выступление царя перед соборными отцами, сделал отечественный историк М. М. Кром. Он писал, что «идеалы царя и его советников сугубо консервативны и пронизаны христианской моралью», почему «в этом контексте радикальный разрыв с прошлым был просто невозможен: новое допускалось лишь под видом «возврата» к обычаям предков и путем постепенного изменения («исправления») сложившегося порядка»[18].

В результате сплетения всех этих факторов сложилась ситуация, оказавшаяся весьма устойчивой к внешним воздействиям, когда одновременно действовали (и взаимодействовали) сразу две системы права – коронная, опиравшаяся на писаные правовые нормы, и вполне традиционная, опиравшаяся на неписаное, обычное право. Русский историк-правовед А. Н. Филиппов характеризовал эту двойственность, сложившуюся в эпоху Средневековья и продолжившую свое существование в московский период развития русской государственности права, следующим образом. В Русской земле в эти столетия «действует *двоеначалие*: рядом с законодательной властью, нормирующей правовые отношения, действует, как творческая сила, и обычное право народа»[19]. При этом, что любопытно, на протяжении долгого времени обычное, «земское», право доминировало над коронным, «княжим».

Смещение баланса в системе правового «двоеначалия» в сторону «земского» права и сохранение этого перекоса на протяжении долгого времени было обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. Отечественный медиевист А. Я. Гуревич, характеризуя особенности правовой культуры эпохи Средневековья, отмечал, что **«писаное средневековое право отличалось крайней фрагментарностью и неполнотой, оно не систематизировано, многие стороны жизни не нормированы законодательно** (выделено намимной **– *А. П.*)…»,** почему само собой выходило так, что «руководствоваться в жизни можно и нужно было не только статьями конкретных законов и предписаний, но и нормами, нигде не зафиксированными и, тем не менее, соответствующими понятию справедливости и правопорядка»[20].

Эта фрагментированность и неполнота писаного «княжого» права, столь характерные для средневекового права и унаследованные от него правом раннемодерным, были обусловлены не в последнюю очередь особенностями развития средневековой культуры – с ее четким разделение на образованных literati и необразованных illiterate. На Руси это разделение усугублялось еще и отмеченным британским славистом С. Франклиным замедленным развитием «формальной» письменности, востребованной именно в административно-правовой сфе-

[16] *Kollmann N. S.* Op. cit. P. 416.

[17] Стоглав. Текст. Словоуказатель. М. ; СПб., 2015. С. 53, 54.

[18] *Кром М. М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 162.

[19] *Филиппов А. Н.* Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. Год 7. 9. XIII. С. 58–59.

[20] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 150.

ре. Консервативное и патриархальное русское общество, всецело принадлежащее к аграрным обществам «Первой волны» (Э. Тоффлер), вполне удовлетворенное эффективностью привычных механизмов социальной регуляции, не испытывало острой необходимости в замене их на иные[21]. Свою роль в этом сыграло и отмеченное В. М. Живовым отсутствие «римской прививки» – с соответствующим легальным дискурсом, социальными, административными, правовыми и иными институциями[22]. В итоге, как отмечал К. В. Петров, «в представлениях людей той эпохи именно (правовой) обычай имел безусловный авторитет», и даже верховная власть, которая в рамках письменной традиции наделялась огромной властью (и ответственностью)[23], принимала это и, как подметил М. А. Дьяконов, не только исключала действие обычая, но сама ставила себя под его защиту и санкцию[24].

Не забудем при этом также и другую особенность правовой культуры той эпохи, на которую обращал внимание уже упомянутый выше А. Я. Гуревич: «Поскольку средневековое общество в значительной мере оставалось бесписьменным и ни крестьяне, ни значительная часть феодалов не была грамотна, то для них писаные законы вообще имели мало смысла. Поэтому даже тогда, когда многие положения права были зафиксированы, на практике сообразовывались не столько с буквой закона, сколько с духом обычая. Руководствовали памятью о том, как в подобных случаях поступали прежде, как толкуют право знающие люди»[25]. Для Руси, с ее неразвитой (по сравнению с латинским Западом) городской культурой, это обстоятельство имело немаловажное значение.

Устойчивости и воспроизводимости «двоеначалия» русского права в эпоху раннего Нового времени способствовала и отмеченная Ю. Г. Алексеевым его характерная черта. В своем исследовании о Судебнике Ивана III он отмечал, что «Судебник определяет общие нормы, уставные грамоты учитывают местные особенности, "пошлину", "старину"»; и далее еще одно важное замечание: «Централизация не исключает внимания к местным конкретным реалиям – в этом одна из особенностей судебно-административной системы, создаваемой Судебником»[26]. Такое «распределение обязанностей» между коронным, «княжим», и обычным, «земским», правом было обусловлено тем, что, как справедливо отмечал К. В. Петров, они регулировали разные общественные отношения. Первое, образно говоря, устанавливало правила игры (а государство брало на себя обязанность следить за тем, чтоб участники ее соблюдали эти правила), а второе наполняло эти правила реальным содержанием, исходя и применяясь к местным реалиям и условиям.

Наконец, last but not least, памятуя о той важной роли, которую играла «земля» в управлении государством, о сохранении ею немалой доли политической и иной субъектности, в том числе и в правовой сфере, отметим еще одну важную в социальном и политическом отношениях роль обычного права, о которой писал А. Я. Гуревич. По его словам, с которыми трудно не согласиться, «уступая закону, писаному праву в стройности, систематичности, недвусмысленности и законченности, **обычай** оказывался творческим фактором средневекового права, **был средством, дававшим возможность самым различным слоям и группам общества участвовать в выработке и истолковании права** (выделено мной. **– *А. П.*)…»[27]. На практике это вело к тому, что те самые первичные социальные общности, всякого рода «общины»-«корпорации», о которых шла речь выше, на деле могли реализовывать свое право на самоуправление (которое они полагали своей законной, освященной традицией, привилегией) в рамках, зафиксированных «стариной». И покуситься на это их право верховная власть, связанная по рукам и ногам неразвитостью «жил власти», той самой институциональной слабостью, о которой говорилось

[21] См.: *Franklin S.* Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2004. P. 185, 277. Ср.: *Clanchy T. M.* From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford, 1993. P. 41.

[22] См.: *Живов В. М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 296.

[23] См., например: *Витлин В. Э.* В поисках идеала : представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в. М. ; СПб., 2021. С. 138 ; *Михайлова И. Б.* И здесь сошлись все царства… Очерки по истории государева двора в России XVI в. : повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 19.

[24] См.: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 155.

[25] *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 152.

[26] *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 316.

[27] *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 153.

выше, не рисковала, поскольку осознавала, что в противном случае она легко может лишиться легитимности. К чему это могло привести на практике – ответ на этот вопрос дает судьба династии Годуновых и Лжедмитрия I.

Характерной чертой развития правовой системы и культуры Русского государства в раннее Новое время было двоеначалие, сосуществование и даже конкуренция[28] права обычного, «земского», и коронного, «княжого». При этом обычное право в глазах и самой «земли», и власти долгое время имело приоритет. Верша правосудие, судьи должны были неизбежно учитывать это, выбирая при вынесении приговора между Законом, который олицетворяли нормы «княжого» права, и Правдой, основывавшейся на «земском» праве. В этих условиях, когда верховенство Закона над Правдой было совершенно неочевидно ни для подданных, ни для властителей, говорить о процессах централизации в правовой сфере даже к концу XVI в. было бы преждевременно. Если и можно говорить о единстве закона на всей территории Русского государства, то, пожалуй, только в одной, процессуальной сфере (и отчасти – в уголовной, в той ее части, что касалась особо опасных преступлений – душегубства, татьбы, разбоя и крамолы). Всё же остальное находилось во власти обычая, в результате чего правовое поле фрагментировалось как по вертикали (неотъемлемым элементом этой вертикали были иммунитетные права, которыми верховная власть щедро делилась и с «корпорациями», и с отдельными землепользователями, светскими и духовными), так и по горизонтали (действенность местных правовых обычаев подтверждалась верховной властью посредством разного рода жалованных грамот). В этих условиях общерусское законодательство развивалось медленно, эволюционным путем – верховная власть постепенно расширяла сферу своей юрисдикции, распространяя свое влияние на все новые и новые области, мотивируя эти свои действия, с одной стороны, необходимостью «реновации» «старины», а с другой – необходимостью же выполнения своего долга перед «землей» (в том числе и в качестве ответа на челобитья «снизу»). И на этом пути можно выделить два важнейших поворотных момента – пресловутые «реформы» так называемой «Избранной рады» в середине XVI в. и принятие Соборного уложения 1649 г. В ходе первых область применения «княжого» права была существенно расширена, а одобрение спустя столетие Земским собором уложения, пусть и не всеобъемлющего, обозначила решающий поворот в деле создания действительно единого закона для всей страны (по крайней мере, большей ее части).

[28] См., например: *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 155.

Библиографический список

Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск : Наука, 1991 240 с.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 464 с.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.

Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 65–90.

Витлин В. Э. В поисках идеала : представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. 400 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 17–262.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб. : Наука, 2005. 383 с.

Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки слав. культуры, 2002. С. 291–305.

Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 256 с.

Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства… Очерки по истории государева двора в России XVI в. : повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 648 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М. : Наука, 1988. 696 с.

Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008. С. 365–382.

Российское законодательство X–XX веков. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.

Смирнов А. А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35.

Стоглав. Текст. Словоуказатель. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 320 с.

Филиппов А. Н. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. Год 7. 9. XIII. С. 56–71.

Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя : к вопросу о категориях политической практики // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. 2009. Вып. 2. С. 5–20.

Штаден Г. фон. Записки о Московии. М. : Древлехранилище, 2008. Т. I: Публикация. 582 с.

Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 342 p.

Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London : Harper & Row, 1974. Vol. II. 1375 p.

Brewer J., Hellmuth E. Introduction // Rethinking Leviathan : the Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York : Cambridge University Press, 1999. P. 1–22.

Clanchy T. M. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford : Blackwell Publishers, 1993. 407 p.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 325 p.

Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Scribner R. W. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe. Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday / eds. E. I. Kouri, Tom Scott. London : Palgrave Macmillan, 1987. P. 103–120.

Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford : Basil Blackwell, 1990. XI. 269 p.

References

Alekseev Yu. G. Sovereign of all Rus'. Novosibirsk : Nauka, 1991, 240 p.

Alekseev Yu. G. Campaigns of Russian troops under Ivan III. St. Petersburg : Publishing house of St. Petersburg University, 2007. 464 p.

Alekseev Yu. G. Sudebnik of Ivan III. Tradition and reform. St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2001. 448 p.

Bazilevich K. V. Experience of periodization of the history of the USSR in the feudal period // Questions of History. 1949. No. 11. P. 65–90.

Vitlin V. E. In search of the ideal : ideas about the power of the sovereign in Russian journalism of the first third of the 16th century. Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2021. 400 p.

Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture // Gurevich A. Ya. Selected Works. The Medieval World. SPb. : Publishing House of St. Petersburg University, 2007. P. 17–262.

Dyakonov M. A. Essays on the Social and State System of Ancient Rus'. St. Petersburg : Nauka, 2005. 383 p.

Zhivov V. M. History of Russian Law as a Linguistic Semiotic Problem. Postscriptum // Zhivov V. M. Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture. Moscow : Languages of Slavic Culture, 2002. P. 291–305.

Krom M. M. Birth of the State. Muscovite Rus' of the 15th–16th Centuries. Moscow : New Literary Review, 2018. 256 p.

Mikhailova I. B. And here all the kingdoms came together… Essays on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th century : everyday and festive culture, semantics of etiquette and rituals. St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2010. 648 p.

Pavlov-Silvansky N. P. Feudalism in Russia. Moscow : Nauka, 1988. 696 p.

Petrov K. V. Did the Sudebnik of 1497 have the significance of law in its modern sense? (Regarding the article by S. N. Kisterev «The Grand Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century») // Essays on feudal Russia. Issue 12. Moscow ; St. Petersburg : Alliance-Archeo, 2008. P. 365–382.

Russian legislation of the 10th–20th centuries. T. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow : Legal Literature, 1984. 520 p.

Smirnov A. A. State of the fighting nation // Rodina. 1994. No. 9. P. 34–38.

Stoglav. Text. Word index. Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 320 p.

Filippov A. N. Folk customary law as historical material // Russian thought. 1886. Year 7. 9. XIII. P. 56–71.

Filyushkin A. I. Moscow neonatal empire : on the issue of the categories of political practice // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History. 2009. Issue 2. P. 5–20.

Staden G. Notes on Muscovy. Moscow : Drevlekhranilishche, 2008. T. I: Publication. 582 p.

Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 342 p.

Braudel Fernan. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London : Harper & Row, 1974. Vol. II. 1375 p.

Brewer J., Hellmuth E. Introduction // Rethinking Leviathan : The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York : Cambridge University Press, 1999. P. 1–22.

Clanchy T. M. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford : Blackwell Publishers, 1993. 407 p.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 325 p.

Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Scribner R. W. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe. Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday / eds. E. I. Kouri, Tom Scott. London : Palgrave Macmillan, 1987. P. 103–120.

Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford : Basil Blackwell, 1990. XI. 269 p.

Адвокатская палата Белгородской области
Пенской А. В., адвокат
E-mail: apenskoj91@gmail.com

Поступила в редакцию: 27.02.2025

Для цитирования:
Пенской А. В. На пути к централизации: «двоеначалие» в русском праве и проблема создания общерусского законодательства во второй половине XV – конце XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 50–58. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/50-58

Bar Chamber of the Belgorod Region
Penskoy A. V., lawyer
E-mail: apenskoj91@gmail.com

Received: 27.02.2025

For citation:
Penskoy A. V. Towards centralization: «dual behavior» in Russian law and the problem of creating a national Russian legislation in the second half of the 15th – end of the 16th centuries // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 50–58. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/50-58

УДК 347.44
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/59-65

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. П. Матвеев
Воронежский государственный университет

LEGAL GUARANTEES OF INFORMATION RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

S. P. Matveev
Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются вопросы правового регулирования обеспечения гарантий информационных прав граждан в условиях цифровизации общества. На основе понимания информационных прав как неотъемлемой части фундаментальных прав человека анализируется с теоретической и практической точки зрения понимание феномена «цензура». Высказывается мнение по поводу использования в законодательстве Российской Федерации двух терминов, обозначающих цензуру: «позитивная цензура» и «незаконная цензура». Акцентируется внимание на вопросе нарушения информационных прав граждан в сфере потребительского рынка, а также в области оказания рекламных услуг.
Ключевые слова: информация, конституция, информационные права, цензура, информационные технологии, публичное пространство.

Abstract: the article examines the issues of legal regulation of ensuring guarantees of information rights of citizens in the context of the information revolution. Based on the understanding of information rights as an integral part of fundamental human rights, the understanding of the phenomenon of "censorship" is analyzed from a theoretical and practical point of view. An opinion is expressed regarding the use of two terms denoting censorship in the legislation of the Russian Federation: "positive censorship" and "illegal censorship". Attention is focused on the issue of violation of information rights of citizens in the consumer market, as well as in the provision of advertising services.
Key words: information, constitution, information rights, censorship, information technology, public space.

Актуальность проблематики гарантий информационных прав граждан объясняется высокой значимостью информации в жизни человека, поскольку человек с момента рождения взаимодействует с окружающим миром и познает его с помощью получаемой визуальной, звуковой, тактильной и иных видов информации. Наряду с этим информационные права являются неотъемлемой частью фундаментальных прав человека и по этой причине нуждаются в соответствующей правовой защите.

Современный мир уже невозможно представить без информационных технологий, которые играют ключевую роль в обществе, оказывая значительное влияние на различные сферы жизни. Кроме того, информационные технологии существенно изменили способы общения между людьми. Социальные сети, электронная почта, мессенджеры и видеозвонки делают общение быстрее и доступнее, стирая географические границы. Это помогает субъектам информационного пространства поддерживать связи, делиться информацией, приобретающей статус важнейшего стратегического ресурса государства.

Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что информационные тех-

© Матвеев С. П., 2025

нологии могут вызывать ряд вредных последствий и представлять собой серьезные вызовы для общества. В эпоху цифровых технологий личные данные пользователей становятся уязвимыми. Часто компании собирают, хранят и обрабатывают информацию о своих клиентах, что может привести к утечкам данных, взломам и несанкционированному доступу к ним. Это ставит под угрозу частную жизнь пользователей и вызывает обеспокоенность по поводу защиты личной информации, нарушает информационные права граждан.

Системы искусственного интеллекта требуют огромных объемов данных для обучения и оптимизации. Сбор, обработка и хранение личной информации пользователей могут происходить без их ведома или согласия, что ведет к серьезным нарушениям информационных прав. Некоторые технологии, такие как распознавание лиц и анализ поведения, угрожают анонимности пользователей и дают возможность фиксировать, а также отслеживать действия субъектов в публичных местах.

В то же время законодательство, регулирующее использование искусственного интеллекта и защиту личной информации, часто отстает от стремительного развития технологий. Это создает проблемы, которые могут привести к нарушениям прав пользователей, включая отсутствие четких правил по ответственности за действия ИИ-систем в случае ущерба.

Проблемы в информационной среде активно обсуждаются в юридической литературе. Так, А. А. Смольяков отмечает: «В условиях постоянного роста цифровизации всех сфер жизнеобеспечения личности, получившей огромное развитие, в том числе и на государственном уровне, в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и вынужденной изоляцией граждан, особое значение приобретает обеспечение безопасности и защиты персональных данных личности»[1].

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в информационной сфере, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, выступая на Петербургском международном юридическом форуме, отметил: «С одной стороны, государство не должно оставлять человека в сети интернет один на один с преступными посягательствами на его права, законные интересы и имущество, с другой стороны, применяемые меры (технологии) противодействия преступности не должны превращаться в чрезмерные ограничения…»[2]. Сложную ситуацию в сфере нарушения информационных прав подтверждают данные судебной статистики. Так, по сведениям Российского агентства правовой и судебной информации, количество судебных дел, предметом рассмотрения которых являлось нарушение законодательства о персональных данных, за период с 2021 по 2023 г. увеличилось более чем в полтора раза[3].

Рассматривая вопросы защиты информационных прав граждан, необходимо прежде всего обратиться к определению правовой природы категории «информационные права». Нельзя не отметить тот факт, что проблематика информационных прав в настоящее время характеризуется повышенным вниманием ученых, что находит свое отражение в юридической литературе и диссертационных исследованиях[4]. Различающиеся точки зрения ученых в отношении понимания «информационных прав» свидетельствуют о неоднозначности и сложности объяснения данного феномена. Например, включение в Гражданский кодекс РФ понятия «цифровые права» (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ) повлекло за собой, как указывается в специальной литературе, разногласие в определении дефиниции таких прав[5]. Понятие цифровых прав, закрепленное в Гражданском кодексе РФ, применимо только к гражданским имущественным правоотношениям, действующим в информационной среде. Такое представление о цифровых правах никак не может ассоциировать их с правами информационными, поскольку последние с общепри-

[1] *Смольяков А. А.* К вопросу о защите прав и свобод человека и гражданина в контексте информационной безопасности личности // Закон. Право. Государство. 2022. № 2 (34). С. 346.

[2] URL: http://www.ksrf.ru/RU/PRESS-SRV/SMI/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=5748

[3] URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/73

[4] См., например: *Павлов И. Ю.* Правовое обеспечение доступа к официальной информации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008 ; *Камалова Г. Г.* Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020 ; *Сустина Т. И.* Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023 ; и др.

[5] См.: *Ситдикова Р. И., Ситдиков Р. Б.* Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 78.

нятой точки зрения охватывают более широкий диапазон конституционных прав человека: право на свободу слова и выражение мнения; право на доступ к информации; право на неприкосновенность частной жизни; право на защиту персональных данных; право на информационную безопасность и защиту от киберпреступлений.

Представляется, что в самом общем плане информационные права граждан можно определить как совокупность прав, которые обеспечивают защиту личной информации, право на доступ к информации, а также право на свободу слова и выражения мнений. Эти права предопределяются международными стандартами и национальным законодательством и направлены на защиту индивидуальных интересов.

Информационные права и свободы человека и гражданина зафиксированы как в международных документах, так и в национальном законодательстве. К числу международных документов относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. Проанализировав тексты указанных документов, можно отметить следующие факты: во всех указанных актах провозглашается свобода каждого на выражение своего мнения без вмешательства публичных властей; предусмотрена законодательная возможность государств при определенных условиях ограничивать установленные в законодательстве права граждан; не употребляется термин «цензура».

В Российской Федерации информационные права граждан закреплены в Конституции РФ, а также в иных нормативных правовых актах, перманентно совершенствуются нормы, предназначенные для защиты информационных прав и свобод граждан. Тем не менее имеющийся в распоряжении государства правовой механизм не обеспечивает надлежащей защиты рассматриваемых прав граждан. В связи с этим в современном публичном пространстве активно цитируется ст. 29 Конституции РФ, гарантирующая каждому свободу мысли и слова, в которой каждая из пяти частей является гарантией информационных прав. Особое внимание при изучении данной статьи привлекает ч. 5, декларирующая свободу массовой информации и запрет цензуры. В рассматриваемой норме применены два термина, являющиеся антонимами: «свобода» и «цензура». Однако свобода невозможна в условиях действия цензуры. Именно поэтому ч. 5 ст. 29 завершается дополнительной гарантией (в отличие от указанных выше международных документов) реализации права на свободу посредством установления запрета на цензуру.

Учитывая тот факт, что информационные права и цензура объективным образом связаны между собой, необходимо обратиться к вопросу о трактовке цензуры.

Еще с момента своего появления цензура стала предметом острых дискуссий ее сторонников и противников. Как указывается в исторических источниках, в Древней Греции в IV в. до н. э. философ Сократ являлся противником цензуры и отстаивал свободу слова. Как сторонник цензуры упоминается философ Платон, он заявлял о необходимости защиты детей от вредной информации: «Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало…».

Само же понимание цензуры многократно изменялось с течением времени. В Толковом словаре В. Даля 2016 г. «цензура» определяется как учреждение для просмотра, одобрения и запрещения для печати рукописи[6]. Более развернутое определение цензуры содержится в ст. 3 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», полностью посвященной цензуре. Цензура массовой информации определяется как требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно накладывать запрет на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, – такие действия не допускаются. Более того, в развитие ч. 5 ст. 29 Конституции РФ в ст. 3 Закона «О средствах массовой информации» декларируется запрет на «создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации».

Тем не менее следует обратить внимание на тот факт, что порядок применения цензуры

[6] См.: *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка : иллюстрированное издание. М., 2016. С. 843.

предусмотрен в нормах действующего законодательства. К числу таких законов, в частности, относятся: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»; Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»; Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле»; Федеральный закон от 26 мая1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Однако в перечисленных нормативных актах понятие цензуры не дается, а только регламентируются условия ее применения. Таким образом, сложившийся в законодательстве вакуум в области определения цензуры порождает естественные дискуссии о ее правовой природе. Как и в прежние времена, цензура имеет и сторонников, и противников. Так, А. Б. Эктумаев полагает, что «под цензурой следует понимать систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание общественных интересов, поддержку существующей формы правления и политического режима[7]. С точки зрения Е. А. Агаповой, «цензура – это фактор процесса консолидации, …основа обеспечения стабильности в обществе»[8]. Позитивное отношение к цензуре демонстрируют К. М. Паронян и Е. А. Апольский, считающие, что «категории “цензура” и “ограничение свободы информации” не тождественны, а, следовательно, цензурой следует считать неправомерное ограничение свободы информации, либо же ее неправомерный полный запрет… Вместе с тем допустимое и вводимое в соответствии с законодательством РФ и с целью защиты прав и законных интересов личности, общества и государства ограничение свободы информации можно считать “позитивной цензурой”»[9]. А. В. Щипков рассматривает цензуру как неотъемлемый атрибут общества: «Можно утверждать, что цензура – это точно такой же социальный институт, как полиция, армия, нотариат или здравоохранение»[10].

Практическим результатом исследований в этой области является, в частности, предложение о необходимости закрепления в законе базового определения цензуры, что будет способствовать ее единообразному применению во всех необходимых сферах.

Наряду с этим исходя из посыла о том, что современная цензура является не системой запретов, а системой «фильтров», как это называется в заграничном законодательстве, ряд авторов предлагают ввести иной термин вместо неблагозвучного «цензура», что, как полагают, возможно уменьшит количество сторонников ее запрета. Например, в практике применения интернет-ресурсов среди медиасубъектов распространен термин «контентная фильтрация» как замена термина «цензура». Тем не менее изменение термина «цензура» вряд ли уменьшит число ее противников, так как критика с их стороны прежде всего направлена на методы, способы, пределы, цели осуществления цензуры со стороны государства, а не сам термин. В связи с вопросом об определении легальных цензурных действий со стороны государства представляется обоснованной компромиссная позиция К. М. Пароняна и Е. А. Апольского, предлагающих ввести в оборот термин «позитивная цензура». Такое решение позволит более четко отграничивать «позитивную цензуру» от «незаконной цензуры».

В современном обществе цензура осуществляется не всегда явно. Например, нередки случаи, когда требования о запрете цензуры пытаются обойти, маскируя цензуру: в социальных сетях пишут о том, что в процессе аккредитации журналистов навязываются договоры о политкорректности между СМИ и органами власти. Подобные противоправные действия должны

[7] См.: *Эктумаев А. Б.* Конституционно-правовое развитие цензуры : история и современность // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 4 (73). С. 77.

[8] *Агапова Е. А.* Философия цензуры : социокультурный и диахронический аспекты : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2013. С. 1–2.

[9] *Паронян К. М., Апольский Е. А.* Цензура и правомерное ограничение свободы информации в России (доктринальные и нормативно-правовые основания) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9, № 3. С. 48.

[10] *Щипков А. В.* Тайные смыслы цензуры // Парламентская газета. 2022. 1 апр.

рассматриваться как навязывание незаконной цензуры журналистских сообщений и материалов и нарушение информационных прав. Тем не менее в законодательстве прямо не установлена ответственность за подобные действия.

В наше время в научной среде продолжаются дискуссии о соотношении прав, свобод и цензуры. Как отмечается в специальной литературе, этому способствует неопределенность конституционной категории «цензура». В частности, обращается внимание на следующие обстоятельства. В соответствии с Конституцией РФ цензура запрещена, но в целом ряде действующих законов предусматривается обязательное осуществление цензуры. Кроме того, возникают вопросы об абсолютности действия запрета цензуры и соотношении запрета цензуры с деятельностью Роскомнадзора. В связи с этим в юридической литературе предлагаются варианты толкования ч. 5 ст. 29 Конституции РФ. Так, «обществу в стабильном состоянии цензура не нужна, и поэтому не применяется. Именно эта логика лежит в основании новеллы 29-й статьи Конституции РФ, которая гласит, что «цензура запрещается»[11]. Другой пример: «юридическое содержание конституционного запрета цензуры состоит в соблюдении государством пассивной обязанности не осуществлять действий, определяемых как цензура»[12].

Приведенные выше выводы и заключения, несмотря на их логичность и обоснованность, являются вариантами авторского толкования смысла ч. 5 ст. 29, в самой же норме однозначно указано: «цензура запрещается», – то есть по смыслу текста запрет цензуры является абсолютным. Однако наряду с этим ст. 55, 56 Конституции РФ предусматривают законодательную возможность для государства ограничивать права и свободы человека и гражданина при определенных обстоятельствах, указанных в этих статьях.

В связи с этим в целях нивелирования неопределенности конституционной категории «цензура» целесообразно дополнить ч. 5 ст. 29 Конституции РФ указанием на условия законной активизации цензурной деятельности, как это сделано в ст. 20 Конституции РФ в отношении права на жизнь. Часть 1 ст. 20 Конституции РФ гарантирует право на жизнь. Можно ли усомниться в абсолютности этого неотъемлемого права человека, основываясь на ч. 1 рассматриваемой статьи? Однако ч. 2 устанавливает условия исключения из правила ч. 1. Такой подход к формулированию норм права был известен еще со времен Древнего Рима. Nulla regula sine exceptione – нет правила без исключения. Данный постулат соответствует и современным правилам законотворчества, и международной практике.

Нарушение информационных прав субъектов возможно не только в связи с действием цензуры. В нашей жизни такие нарушения часто становятся повседневной обыденностью. Например, выставленный в Интернете ассортимент товаров, указанный в каталоге продавца, не соответствует реальному наличию их в магазине, цены на товары в информационных сетях нередко не указываются вообще. Тем не менее быстро меняющаяся ситуация в ценовой политике, как оправдание несоответствия заявленных и фактических цен, не может служить законным оправданием, поскольку информация, не соответствующая действительности, размещенная публично, противоречит законодательству и является нарушением информационных прав.

Еще один пример относится к маркировке товаров. Назначение маркировки товаров состоит в том, чтобы предоставить необходимую информацию о товаре потребителю. Маркировка товаров является обязанностью производителя, продавца. Но, к сожалению, эта обязанность нередко выполняется халатно, а именно: даты изготовления товара и срока годности проштампованы нечетко или таким цветом, который не виден на фоне упаковки товара; указывается неполная информация о товаре; инструкции по применению товара напечатаны таким мелким шрифтом, что его можно рассмотреть только с помощью увеличительного стекла, и такие попытки со стороны покупателей нередко можно наблюдать в магазинах.

Между тем требования к маркировке продукции установлены Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», техническими регламентами. Следовательно, нестандартная маркировка на-

[11] См.: *Щипков А. В.* Указ. соч.

[12] *Куликова С. А.* Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации : содержание и проблемы реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Пенза, 2019. С. 14.

рушает нормативно установленные требования, и такие действия также являются нарушением информационных прав субъектов.

Однако, несмотря на правовые запреты, указанные правонарушения продолжаются, и такая ситуация требует соответствующего правового решения.

В современной российской информационной среде в последние годы появляется много иностранных слов. Использование их в межличностных отношениях никак не ограничивается. Однако применение иностранных терминов в публичном пространстве должно соответствовать требованиям закона, в данном случае – Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», в котором обозначены нормативные правила применения иностранных слов в публичном информационном пространстве.

В соответствии с ч. 6 ст. 1 указанного закона употребление иностранных слов при использовании русского языка как государственного языка РФ допускается в том случае, если иностранные слова не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и предусмотрены в перечне нормативных словарей. Данное правило вводится с 2025 г. Однако уже сейчас возникают вопросы. Правила использования иностранных слов в русскоязычном тексте во многом дублируются в законах «О государственном языке», «О защите прав потребителей», «О рекламе». При этом их толкование может не совпадать и повлечь неодинаковую практику применения, по сути, одних и тех же правил. В Законе «О государственном языке» не определено понятие «общеупотребительный аналог». Пока эти вопросы остаются без ответа.

Как указано в соответствующих источниках, реклама в России начала применяться еще в X в. А 15 апреля 1855 г. в Берлине под звуки специально сочиненной по такому случаю «Рекламной польки» при большом стечении публики была установлена первая цилиндрическая афишная тумба. Однако с течением времени технологии рекламной деятельности существенно изменились, особенно в наступившую эпоху информационных технологий.

Реклама – это специализированная информация о товарах, услугах, ценах и других сведениях, необходимых в сфере потребительского рынка. Ее интенсивность объясняется возможностью не только сообщить информацию о товарах, услугах, но и возможностью позиционирования торговых марок, создания конкурентных преимуществ и других возможностей.

При этом современная рекламная деятельность не лишена недостатков. Она отрицательно влияет не только на желание потребителей покупать те или иные товары, либо получать услуги, но и нарушает информационные права граждан. К числу таких факторов относится: непомерно навязчивая реклама, которая приводит к негативному восприятию как рекламируемой продукции, так и производящей компании; интенсивность и настойчивость рекламы возрастает до такой степени, что ее можно сравнить с тотальной вакцинацией либо зомбированием населения; одновременный, синхронный по времени показ рекламы на разных каналах; неэтичное, бескультурное содержание некоторых рекламных материалов. Однако если обратиться к Федеральному закону от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», то его нормы не позволяют бороться ни с рекламным перенасыщением, ни с одновременной демонстрацией рекламы, ни с кажущимся чрезмерно громким звуком рекламы. А ст. 14.3. КоАП «Нарушение законодательства о рекламе» не предусматривает ответственности за указанные действия.

Отдельные нормы указанного закона также вызывают вопросы. Так, в ст. 14 запрещается прерывание телепрограммы или телепередачи рекламой, но это правило не распространяется на рекламу спонсора. Таким образом, в отличие от других реклама спонсора может быть показана без предупреждения о ее начале. Получается, назначение данной нормы – застать телезрителя врасплох, чтобы он не успел уменьшить звук телевизора или переключиться на другой канал? Представляется, что такая цель нормы противоречит здравому смыслу.

Улучшить ситуацию в сфере рекламной деятельности можно. С одной стороны, следует организовать большее числа специализированных рекламных каналов на телевидении, создать рекламные цифровые платформы. С другой стороны, необходимо повысить ответственность рекламораспространителей, распространителей спама за несанкционированное распространение своей информационной продукции.

Библиографический список

Агапова Е. А. Философия цензуры : социокультурный и диахронический аспекты : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2013. С. 1.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка : иллюстрированное издание. М. : Э, 2016. С. 843.

Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020.

Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации : содержание и проблемы реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Пенза, 2019. С. 14.

Павлов И. Ю. Правовое обеспечение доступа к официальной информации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

Паронян К. М., Апольский Е. А. Цензура и правомерное ограничение свободы информации в России (доктринальные и нормативно-правовые основания) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9, № 3. С. 48.

Ситдикова Р. И., Ситдиков Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 78.

Смольяков А. А. К вопросу о защите прав и свобод человека и гражданина в контексте информационной безопасности личности // Закон. Право. Государство. 2022. № 2 (34). С. 346.

Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

Щипков А. В. Тайные смыслы цензуры // Парламентская газета. 2022. 1 апр.

Эктумаев А. Б. Конституционно-правовое развитие цензуры : история и современность // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 4 (73). С. 77.

References

Agapova E. A. Philosophy of censorship : socio-cultural and diachronic aspects : dr. legal sci. abstr. dis. Rostov-on-Don, 2013. P. 1.

Dal V. I. Explanatory dictionary of the Russian language : illustrated edition. Moscow : E, 2016. P. 843.

Kamalova G. G. Legal Assurance of Information Confidentiality in Conditions of Information Society Development : dr. legal sci. abstr. dis. Moscow, 2020.

Kulikova S. A. Constitutional ban on censorship in the Russian Federation : content and problems of implementation : dr. legal sci. abstr. dis. Penza, 2019. P. 14.

Pavlov I. Yu. Legal support of access to official information : cand. legal sci. abstr. dis. Moscow, 2008.

Paronyan K. M., Apolsky E. A. Censorship and legal restriction of freedom of information in Russia (doctrinal and normative legal grounds) // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 48.

Sitdikova R. I., Sitdikov R. B. Digital rights as a new type of property rights // Property relations in the Russian Federation. 2018. № 9. С. 78.

Smolyakov A. A. On the issue of protecting the rights and freedoms of man and citizen in the context of personal information security // Law. Right. State. 2022. No. 2 (34). P. 346.

Sustina T. I. Legal support of information security of imperfect years in the context of digital transformation of society : dr. legal sci. abstr. dis. Moscow, 2023.

Shchipkov A. V. Secret meanings of censorship // Parliamentary newspaper. 2022. April 1.

Ektumaev A. B. Constitutional and legal development of censorship : history and modernity // Eurasian Union of Scientists (ESU). 2020. No. 4 (73). P. 77.

Воронежский государственный университет

Матвеев С. П., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и административного процессуального права

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Поступила в редакцию: 21.01.2025

Для цитирования:

Матвеев С. П. Правовые гарантии информационных прав в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 59–65. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/59-65

Voronezh State University

Matveev S. P., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Administrative and Administrative Procedural Law Department

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Received: 21.01.2025

For citation:

Matveev S. P. Legal guarantees of information rights in the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 59–65. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/59-65

УДК 347.44
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/66-76

ЕЩЕ РАЗ О ПОНЯТИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

А. А. Любчик, О. Г. Минкова, Н. В. Щербакова
Мелитопольский государственный университет

ONCE AGAIN ON THE CONCEPT OF CIVIL LAW CONTRACT

A. A. Lyubchik, O. G. Minkova, N. V. Scherbakova
Melitopol State University

Аннотация: проведен анализ научных взглядов на понятие и сущность гражданско-правового договора. Исследованы научные подходы к определению договора дореволюционных российских авторов, представителей советской юридической школы и современных исследователей данного понятия. Обоснован тезис о том, что в юриспруденции принято, согласно правилам юридической техники, каждому юридическому явлению «присваивать» самостоятельное юридическое понятие. Аргументирован критический подход авторов к научной позиции некоторых ученых, обосновывающих многозначность понятия гражданско-правового договора. Сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в формулировку понятия договора в ст. 420 ГК РФ.
Ключевые слова: гражданско-правовой договор, законодательная формулировка понятия договора, однозначность и многозначность понятия договора, нарушение принципов юридической техники, договор в юридической доктрине, корректировка понятия договора в законодательстве.

Abstract: the article analyses scientific views on the concept and essence of civil law contract. Scientific approaches to the definition of the contract of pre-revolutionary Russian authors, representatives of the Soviet legal school and modern researchers of this concept were investigated. The thesis is substantiated that in jurisprudence it is customary, according to the rules of legal technique, to 'assign' an independent legal concept to each legal phenomenon. The authors' critical approach to the scientific position of some scientists who justify the multivalence of the concept of civil-law contract is argued. Specific proposals to amend the wording of the concept of contract formulated in Article 420 of the Civil Code of the Russian Federation are formulated.
Key words: civil law contract, legislative formulation of the concept of contract, unambiguity and multivalence of the concept of contract, violation of the principles of legal technique, doctrinal discussion on the concept of contract, adjustment of the concept of contract in the legislation.

Одно из самых простых положений в гражданском праве – это закрепленное в ст. 420 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) понятие договора. Данное положение никогда не вызывало проблем с пониманием его сущности ни у студентов, ни у юристов-практиков. Законодатель также четко формулирует это понятие, придерживается его сущности в статьях ГК РФ и других законах. Подзаконные акты федеральных государственных органов и нормативно-правовые акты субъектов Федерации не создавали прецедентов противоречивого закрепления данного понятия. Судебная практика также не сталкивается с проблемами правоприменения, основанными на различной интерпретации этого понятия.

Казалось бы, чем можно обосновать актуальность статьи с указанным названием? Однако актуальность этой темы – явление непреходящее, она, судя по количеству статей, ей посвященных, является не самой последней проблемой в науке гражданского права. Многие учебники, учебные пособия, монографии, иные научные труды считают необходимым включать в свой контент

© Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В., 2025

альтернативные мнения о сущности понятия «договор» в гражданском праве и неудачности его формулировки в ст. 420 ГК РФ. В общем, как указывали Б. М. Гонгало и П. В. Крашенинников, «о договоре написаны фолианты, могущие образовать не одну библиотеку. И будет еще много написано»[1].

Как видим, научная деятельность иногда дает всплески ничем не обоснованной активности и не всегда преследует цель повышения доступности законодательства, единообразного правоприменения и стройности юридических конструкций, понятных настоящим и будущим юристам.

Учитывая наличие научной дискуссии о различной интерпретации понятия «договор» («гражданско-правовой договор»), научной общественности крайне необходимо прийти к общему знаменателю в понимании сущности и терминологической определенности этого важного элемента отечественных правотворческого и правоприменительного механизмов. Этот элемент является юридическим инструментом или составляющим многочисленных юридических конструкций.

Итак, общий посыл исследователей, обосновывающих многозначность понятия «договор в гражданском праве», заключается в том, что ст. 420 ГК РФ некорректно (или неполно) формулирует данное понятие. Эта некорректность некоторыми авторами обосновывается как не включение в него иных (нескольких) значений этого понятия (кроме законодательного: «…договор – это соглашение…»). Другие обосновывают такую некорректность с позиции необходимости замены в законодательной формулировке слов «…это соглашение…» на словосочетание «…это правовой акт…». Рассмотрим указанные научные позиции.

О том, что понятие гражданско-правового договора (в дальнейшем – договор) имеет несколько значений, в научных публикациях пишут давно. Многие современные авторы также пытаются обосновывать этот тезис. Так, по мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, в гражданском праве «…охват различных понятий одним и тем же термином весьма распространен …думается, что использование в различных вариантах термина “договор” никаких неудобств не повлечет. Необходимо лишь иметь в виду, что речь идет об омонимах»[2]. Данное высказывание авторы дополнительно обосновывают некоторыми примерами таких понятий, как: «…обязательство» – правоотношение и его элемент; «предприятие» – объект и субъект права; «право» – в объективном и субъективном смысле.

Если авторы под гражданским правом имели в виду отрасль права, то с таким подходом по использованию одного термина к нескольким правовым явлениям трудно согласиться. *Правотворческий орган не должен использовать один и тот же юридический термин для обозначения разных понятий и не использует*. Это противоречило бы принципам логики, эффективности и единообразия правоприменительной деятельности, а также языковым правилам юридической техники. Указанные правила подробно охарактеризованы в науке и никогда не подвергались сомнению. К ним относятся: ясность, точность, доступность правовых актов[3].

В связи с этим уместно привести мнение В. М. Баранова, который указывает, что к языку юристов относят: язык правовой науки, язык юридических документов и разговорный юридический язык. Так вот ко второму виду относятся следующие особенности: «…сухость изложения, сознательный отказ от элементов художественной речи, стремление к точности и однозначности выражения…»[4].

Что касается терминов, приведенных как примеры многозначности понятий, нужно учитывать, что в нормативных актах термин «обязательство» определен только как правоотношение (ст. 307 ГК). Термин «обязательство» как структурный элемент обязательственных правоотношений применяется только в разговорном юридическом языке, и то неверно. С точки зрения сложившейся в юридической доктрине теоретической конструкции правоотношения, их содержанием являются права и обязанности, но не обязательства.

---

[1] *Гонгало Б. М., Крашенинников П. В.* Общеизвестное о договоре // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. статей, посвященный 70-летию С. А. Хохлова. М., 2011. С. 231–246.

[2] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : общие положения. 3-е изд., стереот. М. : Статут, 1997. 476 с.

[3] См.: *Томин В. А.* Юридическая техника : учеб. пособие. СПб. С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. 84 с.

[4] Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. 648 с.

Термин «предприятие» также в законодательстве применяется только в значении имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности (ст. 132 ГК). Субъекта права с названием «предприятие» не существует. В ст. 113 ГК действительно идет речь о субъекте права – юридическом лице, который действует в организационно-правовой форме – «унитарное предприятие». Как видим, и термины разные, и значения их разные. Добавление к термину еще одного слова или нескольких слов приводит к появлению нового термина, например: договор подряда (ст. 702 ГК), договор бытового подряда (ст. 730 ГК), договор строительного подряда (ст. 740 ГК). Очевидно, что никто не будет утверждать, что это один и тот же термин, но с несколькими значениями.

Приведенный в качестве примера многозначности термин «право» в нормативных актах не раскрывается, а в доктрине ответственными авторами употребляется всегда либо в словосочетании «объективное право», либо «субъективное право». Как видим, термины и их значения разные и даже не пересекаются.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что законотворческие органы должны применять юридические термины, которые имеют одно значение. Они должны быть понятны и лаконичны настолько, чтобы пользователь нормативного акта или правоприменительный орган смогли в них обнаружить те существенные признаки, которые отличают это понятие от похожих.

Если же мы говорим о доктринальном понятии «договор», то нужно помнить слова известного российского ученого-цивилиста А. П. Сергеева, о том, что целями науки гражданского права являются: «…разработка и теоретическая систематизация объективных знаний о гражданском праве, а также выработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по его совершенствованию»[5]. Отсюда вывод, если гражданское законодательство, а тем более Гражданский кодекс РФ, содержит легальное определение понятия «договор», то поводами его критиковать выступают указание на проблемы, которые оно создает в правоприменении, и формулировка предложений по их минимизации или устранению путем совершенствования законодательства.

Рассмотрим аргументы сторонников многозначности термина «договор». По мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, договор в его первом значении – это юридический факт. Значит, резюмируют авторы, он должен обладать всеми его основополагающими признаками. Договоры также являются сделками, а значит, представляют собой действия граждан и юридических лиц: «…направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК)»[6]. В отношении последнего определения нужно отметить, что оно не отражает сущности понятия «договор» (отсутствует указание на согласованность воли нескольких субъектов). Также давать одно юридическое понятие через другое юридическое понятие – это не самый лучший способ сделать законодательство понятнее и доступнее для основных его пользователей – физических лиц (в том числе без юридического образования).

Итак, договор – это юридический факт (со всеми вытекающими последствиями). Однако в науке ведется спор не о том, является ли договор юридическим фактом. Да, является, как и многие действия и события (рождение человека, затопление квартиры соседом, правонарушения, правомерные юридические поступки, нормативно-правовые и иные правовые акты и др.). Однако ни у кого не возникает мысли в само понятие нормативно-правового акта включить его свойство быть юридическим фактом.

Свойство договора вызывать юридические последствия – это одно из его свойств, которое отражается в его легальном определении. Как известно, легальное определение договора содержится в ч. 1 ст. 420 ГК РФ: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Однако указанные авторы, сторонники многозначности понятия «договор», не предлагают иных определений этого понятия, а просто предлагают каждое из свойств договора также называть договором. «Амонимы» противопоказаны в юриспруденции, поэтому их в ней и нет, как нет их и в законодательстве. Такой подход к правотворчеству (с использованием одинаковых терминов

[5] Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. Т. 1. 1040 с.

[6] *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч.

к различным юридическим понятиям) свидетельствовал бы не только о скудности словарного запаса у правотворческого органа, но и о полном его непонимании механизма и принципов правового регулирования общественных отношений. Подобный подход противоречит принципам юридической техники и привнес бы дополнительные проблемы в процессе непосредственной правореализации и правоприменительной деятельности. Такой же подход мы видим и в учебнике под редакцией А. П. Сергеева, в котором констатируется, что договор – это многозначное понятие и его понимают как соглашение, а значит, это «…разновидность сделок, которые, в свою очередь, являются юридическими фактами». Второе значение: «…правоотношение, которое возникает между сторонами в связи с заключением ими договора». Третье значение договора: «…документ, которым оформляется взаимоотношения сторон, связанных с заключением ими договора»[7]. Там же указывается, что действующее законодательство все эти три значения договора использует, но не приводится тому примеров. Также, по мнению авторов, правоприменительные органы и доктрина не испытывают: «…особых затруднений при определении значения данного термина. Обычно оно довольно просто устанавливается из контекста, в котором употреблен данный термин»[8].

Да, действительно правоприменительные органы разберутся, когда речь идет о соглашении, когда о правоотношении, а когда о документе. Но мы не можем «жертвовать» интересами простых граждан (физических лиц), которые не имеют представления о таких тонкостях. Закон должен защищать их права и законные интересы, они имеют право на понятный закон, однозначность терминов, отсутствие искусственно созданных условий (в том числе и в научных трудах) для усложнения обязательных для них правил поведения. Трудно будет человеку объяснить, как это устроено, если сказать, *что на основании договора – юридического факта заключается договор – сделка, которая является договором – соглашением сторон, закрепляется этот договор в договоре – документе для того, чтобы возник договор – правоотношение.* А именно это допускают, а некоторые и прямо предлагают, соглашаясь с мнением о многозначности термина «договор». Этот подход еще более необъясним в сложившихся условиях, когда существует легальное определение договора и при этом правоприменительная практика не испытывает затруднений с интерпретацией этого термина.

Что касается сферы правоприменения, то действительно единообразное легальное определение понятия «договор» не дает повода правоприменителям втягиваться в бесконечные споры о его понятии и сущности. В науке же многие авторы предпочитают не соглашаться с единообразным подходом к понятию со стороны законодателя, и это есть искусственная проблема, которая не создает условий для единообразного подхода к усвоению учебного материала будущими юристами и, как следствие, воспроизводит проблему для научной дискуссии в будущем.

Что касается мнения о том, что договор – это правоотношение, то здесь можно привести мнение И. В. Бекленищевой, которая указывает, что гражданско-правовой договор означает правоотношение, возникающее в связи с заключением его сторонами договора[9]. Такой подход перечеркивает стройную систему норм и положений гражданского права. Только в тот момент, когда соглашение между сторонами договора достигнуто и его оформили в соответствии с законодательством, возникают правоотношения, основанные на его условиях. Не может быть договор основанием возникновения и следствием одновременно – это уже противоречит не только здравому смыслу, но и законам логики.

Цель сторон при заключении договора – согласовать (сейчас) свою волю, определить его условия и придать требуемую законом или соглашением сторон форму. Момент подписания письменной формы договора (или получением акцепта при устной форме) является основанием считать его заключенным. С этого момента его можно толковать, на него (его условия) можно ссылаться, вносить в него изменения, признавать незаключенным, расторгнуть, исполнять. Ничего этого нельзя сделать с такими правовыми явлениями, которые называются «правоотношение» или «юридический факт».

Целью правоотношения, возникшего вследствие заключения договора, является надлежащие *выполнение (в будущем)* условий, включен-

[7] Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. Т. 1.

[8] Там же.

[9] См.: *Бекленищева И. В.* Гражданско-правовой договор : классическая традиция и современные тенденции. М. : Статут, 2006. 202 с.

ных в договор. Даже если договор исполняется при его заключении (покупка продуктов в магазине), всё равно сначала заключение договора, а потом его исполнение.

Содержание договора составляют его согласованные условия, *содержанием правоотношения – взаимные права и обязанности* участников возникшего правоотношения. Трудно (даже при желании) себе представить, как эти два разных понятия будет обозначать один термин. И для чего? Какая в этом необходимость?

В подтверждение данного вывода можно привести слова выдающегося ученого-цивилиста О. С. Йоффе: «Права и обязанности образуют содержание обязательства, но не породившего его договора, а совокупность условий составляет содержание соглашения, но не обязательства, которое из него возникло»[10]. Там же автор указывает, что нельзя объединить в одном понятии юридический факт и его правовые последствия, как невозможно в одном понятии объединить соглашение сторон и возникшее в результате этого правоотношение.

Трудно не согласиться с автором, но, как видим, дискуссия продолжается. Говоря о научном наследии О. С. Йоффе, которому некоторые авторы приписывают поддержку многозначности понятия «договор»[11], нужно указать, что именно он был категорическим сторонником однозначности этого понятия. Для подтверждения этого достаточно внимательно прочитать его высказывания в предыдущем абзаце этой статьи. Также автор утверждал, что юридическое событие как юридический факт вызывает определенные юридические последствия, тогда как договор, кроме этого, определяет содержание правомочий и конкретные обязанности сторон возникающих на его основе правоотношений[12]. Тем самым автор акцентирует внимание на большей функциональности понятия «договор» по сравнению с понятием «юридический факт». Там же автор указывает, что понятие «сделка» шире понятия «договор».

По поводу многозначности понятия «договор» О. С. Йоффе указывал, что это понятие не всегда употребляется в одном значении слова. Однако автор в своем достаточно объемном труде не счел нужным подробно рассматривать аргументы сторонников многозначности этого термина. Он ограничился только констатацией этого факта и прямо указал цель своего труда: «Здесь же договор изучается только как юридический факт, т. е. как соглашение, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений».

М. Ф. Казанцев, анализируя высказывания о многозначности понятия «договор», отмечал, что уже сам факт многозначности такого важного понятия должен побуждать науку указать на причины таких различий в понимании этого термина[13]. Он последовательно и логично обосновывает доводы против того, чтобы основной сущностью понятия «договор» были: юридический факт, сделка, правоотношение, документ. Мы согласны с такой позицией автора.

Сам автор занимает позицию: «Одно понятие – один термин». В этом его мнение перекликается с позицией виднейших европейских ученых-цивилистов, таких как Ф. К. Савиньи и Ю. Барон[14]; позицией известных представителей российской и советской цивилистики[15]: К. Н. Анненкова, И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца, Г. Ф. Шершеневича, О. А. Красавчикова. Такого же мнения придерживаются современные авторы – Б. И. Пугинский, А. Г. Карапетов, В. А. Белов[16]; и др.

---

[10] *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М. : Госюриздат, 1975. 466 с.

[11] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч.

[12] См.: *Иоффе О. С.* Указ. соч.

[13] См.: *Казанцев М. Ф.* Понимание гражданско-правового договора : традиционные взгляды и новые подходы // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 257–282.

[14] См.: *Савиньи Ф. К.* Обязательственное право / пер. [и предисл.] В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. XXXVI, 2, 600, II с. ; *Барон Ю.* Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. Петражицкого. Киев, 1888. Вып. 1. (Кн. 1: Общая часть). 168 с.

[15] См.: *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. 2-е. изд. СПб., 1901. Т. III: Права обязательственные. 491 с. ; *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1950. 416 с. ; *Шершеневич Г. Ф.* Избранное / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. Т. 5: Учебник русского гражданского права. 832 с. ; *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.

[16] См.: *Пугинский Б. И.* Договор // Рос. юрид. энцикл. / гл. ред. А. Я. Сухарев. М. : Инфра-М, 1999. 1110 с. ; Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с. ; *Белов В. А.* К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права 2007. № 24, Т. 7. С. 239–258.

Однако в самой сущности понятия «договор» М. Ф. Казанцев придерживается иного мнения. Оно не совпадает с позицией перечисленных авторов, которые подходят к договору как к соглашению двух или нескольких лиц, направленному на установление, изменение или прекращение юридического правоотношения, и, соответственно, с содержанием ст. 420 ГК РФ. Автор указывает: «Легальное определение (и подобные ему доктринальные определения) договора некорректно, прежде всего потому, что в нем договор определяется через соглашение»[17]. Автор отмечает, что, согласно словарям, «договор» и «соглашение» являются синонимами, это тождественные понятия, имеют один и тот же объем, определяют один и тот же предмет. Также автор акцентирует внимание на том, что эти понятия в правовой сфере также тождественны и имеют одинаковое юридическое значение. Даже ГК РФ в ч. 1 применяет термин «соглашение» около 100 раз и всегда «…в том же значении, что и термин "договор"». Автор приходит к выводу, что понятия «договор» и «соглашение» «…в гражданском праве идентичны, а стало быть, определение договора через соглашение логически некорректно»[18].

Трудно согласиться с такими выводами автора. Конечно же, эти понятия применяются в законодательстве как тождественные, но только в том случае, если из контекста нормативного правового акта понятно, что речь идет о договоре. Контекст ст. 6 ГК РФ, на которую в качестве примера ссылается автор, недвусмысленно показывает, что под «соглашением» сторон подразумевается именно договор, описанный в ст. 420 ГК, т. е. направленный на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

И, конечно же, понятие «соглашение» не тождественно понятию «договор» в гражданском праве. Разве будет договором соглашение с несовершеннолетним за пределами его гражданской дееспособности? Не будет в гражданско-правовом смысле договором соглашение с пороком воли, пороком субъектного состава, пороком формы, направленное на нарушение основ правопорядка и нравственности и др. Это же очевидно.

Очевидно также и то, что через понятие «соглашение» раскрывают сущность понятия «договор» как словари, так и законодатель в связи с тем, что это самый понятный (в том числе для граждан) и короткий путь. Раскрытие понятия «договор» через понятия «сделка», «юридический факт», «правомерные действия» неоправданно усложнило бы понимание простыми гражданами (без юридического образования) сущности этого понятия. Такой подход потребовал бы от них дополнительных усилий, чтобы разобраться в понятиях и видах сделок, юридических фактов, действий, событий и т. д.

Мы считаем, что в целях создания условий для единообразной реализации (соблюдения, использования, исполнения, применения) норм права юридические термины в них должны закрепляться более ответственно, особенно в кодифицированных нормативных правовых актах. Если нормативно закреплен термин «договор», то именно его целесообразно использовать (не соглашение, а тем более обязательство), что также будет способствовать прекращению подобных научных дискуссий.

В свою очередь, В. Ф. Казанцев так описывает свое видение понятия договора: «Гражданско-правовой договор как изначально юридическое явление имеет свою первичную юридическую сущность – сущность правового акта… обладает вторичным юридическим свойством – свойством юридического факта»[19]. Также автор указывает, что важен юридический смысл того, чтобы отнести договор к правовым актам, регулирующим общественные отношения. В этом смысле: «…тезис о том, что гражданско-правовой договор по своей юридической природе относится к роду правовых актов, уже может претендовать на научную свежесть».

Трудно согласиться не только с «научной свежестью» указанного тезиса, но и с логикой изложения позиции автора. Сущность договорного регулирования поведения участников общественных отношений в юридической доктрине – хорошо исследованная тема, и дискуссия по этому поводу отсутствует. А вот какой вид и содержание должно иметь понятие договора, автор не указывает. Нет предложений по формулировке этого понятия для замены имеющегося в ст. 420 ГК РФ.

Автор указывает, что договор близок к закону, как юридическое явление, и они относятся к правовым актам. Однако в доктрине не выработано

[17] *Казанцев М. Ф.* Указ. соч.

[18] Там же.

[19] Там же.

таны единые подходы к понятию, признакам и видам правовых актов.

Так, А. Н. Артамовнов указывает, что *юридические документы делятся на нормативные документы, ненормативные документы, документы, фиксирующие юридические факты, интерпретационные документы*. Среди всех разновидностей юридических документов *правовыми актами являются только нормативные правовые акты, правоприменительные и интерпретационные акты*[20]. Там же автор дает понятие правового акта и отмечает, что это официальный письменный документ, который принят правомочным субъектом (государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо) и имеет обязательную силу. *Правовой акт направлен на регулирование общественных отношений и выражает властное веление.*

Другими словами, ненормативные договоры (в том числе гражданско-правовые) не имеют признаков правовых актов. Отсутствуют в них такие описанные автором признаки: 1) субъекты его издания (орган, организация, должностное лицо) должны иметь компетенцию выступать от имени государства, народа, населения, организации; 2) его текст четко структурирован, соответствует юридической технике (имеют разделы, главы, части пункты и др.), используются юридические термины и обязательные реквизиты.

Л. П. Рассказов имеет противоположное мнение и указывает, что индивидуальные правовые акты – это акты государственных органов, негосударственных организаций, должностных, а также частных лиц. Они *вызывают определенные правовые последствия для конкретных субъектов в результате решения конкретного дела* (акт о регистрации брака, договор купли-продажи, постановление о наложении штрафа и т. д.)[21]. Другими словами, гражданско-правовые договоры автор относит к правовым актам. Данная позиция представляется недостаточно аргументированной и вызывает вопросы. Например, какое отношение имеет договор купли-продажи (или иной договор) к «…результату решения конкретного дела».

Не углубляясь в тонкости высказанных правовых позиций авторов, отметим очевидность отсутствия в доктрине единого мнения не только в отношении видов правовых актов, но даже на сущность этого термина. Отсюда можно сделать вывод о нецелесообразности использования в понятии гражданско-правового договора словосочетания «правовой акт».

Интересна своей обоснованностью и логичностью позиция А. Д. Корецкого, который не остановился на простой критике легального понятия договора, но и предложил свой вариант. Автор определяет гражданско-правовой договор как «…*выраженные в требуемой законодательством форме согласованные намерения двух или более лиц совершить друг в отношении друга (или третьих лиц) действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений и в силу закона достаточные для наступления указанных последствий* в целях осуществления личных, как правило, имущественных интересов»[22].

По нашему мнению, это наиболее точная формулировка договора, которая не только указывает на то, что договор – это согласованные намерения сторон, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, но и подчеркивает необходимость придания этому соглашению требуемой законом формы. Автор применил удачное словосочетание, заменившее термин «соглашение» на «согласованные намерения». Слово «намерения» означает «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-либо»[23]. Это словосочетание автоматически обнуляет претензии к формулировке со стороны некоторых авторов, утверждающих, что соглашение и договор – это слова «одного объема и предмета».

Однако и в данной формулировке присутствуют изъяны. В частности, целью заключения договора могут быть не только личные интересы, но и интересы третьих лиц или даже общественные интересы (договор дарения частной коллекции картин городской общине или общественной организации).

Сформулировав жизнеспособное и юридически логичное понятие договора, А. Д. Корецкий указывает, что он поддерживает «…господ-

[20] См.: *Артамонов А. Н.* Правовые акты в Российской Федерации : учеб. пособие. Брянск, 2018. 108 с.

[21] См.: *Рассказов Л. П.* Теория государства и права : учебник. М. : РИОР, 2009. С. 407.

[22] *Корецкий А. Д.* Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений : автореф. дис.… д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. 58 с.

[23] Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингв. исследований. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma237116.htm?cmd=0&istext=1

ствующий в науке плюралистический подход к определению юридической природы договора»[24]. Там же, анализируя разные подходы к понятию гражданско-правового договора, автор приходит к выводу, что «…юридическая природа договора должна определяться не только в виде абстрактного понятия, но и применительно к каждому конкретному его типу». Ученый утверждает, что вследствие многозначности понятие «договор» состав его элементов (количественный и качественный) зависит от аспекта, в котором мы рассматриваем данное явление. Самой удачной моделью, определяющей юридическую природу гражданско-правового договора, автор считает «…ту, которая определяет ее как модель юридического отношения и юридический факт одновременно. Исходная же правовая природа договора едина для всех его типов и представляет собой форму объективации непозитивного права (форму права)».

Другими словами, автор утверждает следующее:

– один и то же термин (слово, словосочетание) в юриспруденции может означать несколько юридических понятий. Такой тезис противоречит принципам юридической техники, которые не являются дискуссионными в юридической доктрине. В юридической доктрине указывается, что «на международном и доктринальном уровне сложилось единообразное понимание того, что «потребитель» нормативного правового акта не должен сталкиваться с неоднозначностью использованных в нем терминов, а само изложение нормативного материала должно быть последовательным и непротиворечивым»[25];

– автор является сторонником подхода к понятию договора как юридического отношения и юридического факта одновременно. Это значит, что сформулированная им дефиниция не подходит для такого подхода к понятию договора. Такой подход вообще не предполагает обязательного наличия согласованности намерений сторон договора;

– существует «абстрактная» правовая природа договора, она является единой для всех его типов (автор не поясняет, что понимается под типами договора), а еще у каждого типа договоров существует своя юридическая природа. Такая многоярусная конструкция понятия договора вызывает больше вопросов, чем ответов. Например, как соотносятся «абстрактная» правовая природа договора и правовая природа конкретного «типа» договора? Нужно ли еще несколько законодательно закрепленных понятий гражданско-правового договора для каждого его «типа»? Если не нужно, то почему? Если нужно, почему автор не попытался в диссертационном исследовании их сформулировать или о такой необходимости прямо указать?

– автор относит исходную правовую природу договора к форме права. В юриспруденции под формой права понимаются источники права, и гражданско-правовой договор, как известно, не является в российском праве его источником (формой).

В заключение анализа позиции А. Д. Корецкого отметим, что тезисы, им сформулированные, не вносят ясности в разрешение искусственной, но научной дискуссии о понятии гражданско-правового договора.

Очень четко о различиях понятий «договор» и «правоотношение», которое возникает в результате его заключения, высказался О. А. Красавчиков. Ученый указывал, чтобы избежать разночтений понятий договора и правоотношения, следует именовать договором (сделкой) явление, которое закрепляет ст. 26 ГК (сегодня аналогом этой статьи является ст. 153 ГК РФ), т. е. «…действие, которое направлено на движение правоотношения»[26]. Там же автор указывает, что правоотношение, возникающее на основании этого договора, правильнее и точнее называть договорным правоотношением.

В. А. Белов также предельно четко и логично утверждает, что обязательство – это только один из вариантов юридических последствий заключения договоров[27]. Автор соглашается с утверждением И. Б. Новицкого о том, что необходимо выделять обязательственный договор – соглашение двух или нескольких лиц, направленное на установление обязательства (в отличие от вещноправовых договоров)[28].

---

[24] *Корецкий А. Д.* Указ. соч.

[25] *Любчик А. А., Мавлиханова Р. В.* Проблемы юридической техники как фактор сдерживания интеграции новых регионов в правовое поле России // Рос. юрид. журнал. 2024. № 2 (155). С. 72–81.

[26] *Красавчиков О. А.* Указ. соч.

[27] См.: *Белов В. А.* Указ. соч.

[28] См.: *Новицкий И. Б.* Очерки гражданского права : материалы к курсу лекций : (пособие для слушателей автора). II: Обязательственное право. А: Общие понятия. М., 1921. 208 с.

Как видим, договор и обязательство (правоотношение) очень трудно перепутать, а тем более объединить одним понятием.

В заключение исследования нужно отметить, что понятие договора в ст. 420 ГК РФ всё же необходимо корректировать. Очевидно, что без дополнений законодательная формулировка под понятием договора объединяет не только юридически правильно оформленные соглашения, но любые соглашения, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Ничтожные и оспоримые сделки (соглашения) также входят в указанное понятие.

Можно, конечно, задать вопрос авторам о цели, с которой так необходимо внести изменения в понятие договора, если нет проблем в правоприменительной практике с интерпретацией этого термина. Тем более в ГК РФ есть указания на форму сделок (ст. 168 ГК) и форму договоров (ст. 434 ГК), которые содержат нужные ответы. Считаем, что наличие в разных статьях различных свойств договора, во-первых, усложняет конкретным, самым многочисленным «потребителям» законодательства его понимание, а значит, и реализацию своих прав. Во-вторых, если ст. 420 ГК называется «Понятие договора», то и ее содержание должно в полной мере ему соответствовать.

По нашему мнению, *договор – это оформленные в соответствии с законодательством или условиями, совместно в нем сформулированными его сторонами, согласованные намерения двух или более лиц, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей*.

Соответственно, такие намерения могут фиксироваться на материальном носителе (документы письменные или электронные). Юридическим последствием заключения таких договоров является возникновение различных правоотношений (обязательственных, вещных).

Библиографический список

Анненков К. Н. Система русского гражданского права. 2-е. изд. СПб., 1901. Т. III: Права обязательственные. 491 с.

Артамонов А. Н. Правовые акты в Российской Федерации : учеб. пособие. Брянск, 2018. 108 с.

Барон Ю. Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. Петражицкого. Киев, 1888. Вып. 1. (Кн. 1: Общая часть). 168 с.

Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор : классическая традиция и современные тенденции. М. : Статут, 2006. 202 с.

Белов В. А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права 2007. № 24, Т. 7. С. 239–258.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : общие положения. 3-е изд., стереот. М. : Статут, 1997. 476 с.

Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Общеизвестное о договоре // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. статей, посвященный 70-летию С. А. Хохлова. М., 2011. С. 231–246.

Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. Т. 1. 1040 с.

Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.

Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Госюриздат, 1975. 466 с.

Казанцев М. Ф. Понимание гражданско-правового договора : традиционные взгляды и новые подходы // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 257–282.

Корецкий А. Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. 58 с.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.

Любчик А. А., Мавлиханова Р. В. Проблемы юридической техники как фактор сдерживания интеграции новых регионов в правовое поле России // Рос. юрид. журнал. 2024. № 2 (155). С. 72–81.

Новицкий И. Б. Очерки гражданского права : материалы к курсу лекций : (пособие для слушателей автора). II: Обязательственное право. A: Общие понятия. М., 1921. 208 с.

Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1950. 416 с.

Пугинский Б. И. Договор // Рос. юрид. энцикл. / гл. ред. А. Я. Сухарев. М. : Инфра-М, 1999. 1110 с.

Рассказов Л. П. Теория государства и права : учебник. М. : РИОР, 2009. 464 с.

Савиньи Ф. К. Обязательственное право / пер. [и предисл.] В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. XXXVI, 2, 600, II с.

Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингв. исследований.

4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma237116.htm?cmd=0&istext=1

Томин В. А. Юридическая техника : учеб. пособие. СПб. С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. 84 с.

Шершеневич Г. Ф. Избранное / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. Т. 5: Учебник русского гражданского права. 832 с.

Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. 648 с.

References

Annenkov K. N. System of Russian Civil Law. 2nd edition. St. Petersburg, 1901. Vol. III: Obligatory rights. 491 p.

Artamonov A. N. Legal acts in the Russian Federation : textbook. Bryansk, 2018. 108 p.

Baron Y. The system of Roman civil law / trans. with German. L. Petrazhitsky. Kiev, 1888. Vol. 1. (Book 1. General part). 168 p.

Beklenishcheva I. V. Civil-law contract : classical tradition and modern trends. Moscow : Statut, 2006. 202 p.

Belov V. A. To the question about the correlation of the concepts of obligation and contract // Vestnik of Civil Law. 2007. No 24. T. 7. P. 239–258.

Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law : General provisions. 3rd ed., stereotype. Moscow : Statute. 1997. 476 p.

Gongalo B. M., Krasheninnikov P. V. Common knowledge about the contract // Development of the main ideas of the Civil Code of Russia in modern legislation and judicial practice : Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of S. A. Khokhlov. Moscow, 2011. P. 231–246.

Civil law : textbook : in 3 vol. / ed. by A. P. Sergeyev. 2nd ed., rev. and supplement. Moscow : Prospect, 2020. Vol. 1. 1040 p.

Contractual and obligatory law (general part) : article-by-article commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / ed. by A. G. Karapetov. Moscow : M-Logos, 2017. 1120 p.

Ioffe O. S. Obligatory law. Moscow : Gosyurizdat, 1975. 466 p.

Kazantsev M. F. Understanding of a civil-law contract : traditional views and new approaches // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. 2002. Vol. 3. P. 257–282.

Koretsky A. D. Theory of contractual regulation of civil-law relations : dr. legal sci. dis. abstr. Rostov-on-Don, 2007. 58 p.

Krasavchikov O. A. Legal facts in the Soviet civil law. Moscow : Gosyurizdat, 1958. 183 p.

Lyubchik A. A., Mavlikhanova R. V. Problems of legal technique as a factor inhibiting the integration of new regions into the legal field of Russia // Russian Law Journal. 2024. No 2 (155). P. 72–81.

Novitskiy I. B. Sketches of Civil Law : Materials for the course of lectures (Manual for the author's students). II: Law of Obligation. A: General concepts. Moscow, 1921. 208 p.

Novitskiy I. B., Luntz L. A. General doctrine of obligation. Moscow : Gosurizdat, 1950. 416 p.

Puginsky B. I. Contract // Russian Legal Encyclopaedia / editor-in-Chief A. Y. Sukharev. Moscow : Infra-M, 1999. 1110 p.

Rasskazov L. P. Theory of state and law: textbook. Moscow : RIOR, 2009. 464 p.

Savigny F. K. Law of Obligation / transl. [and preface] V. Fuchs and N. Mandro. Moscow, 1876. XXXVI. 2. 600. II p.

Dictionary of the Russian Language : in 4 vol. / RAS, Institute of Linguistic Research ; ed. by A. P. Evgenieva. 4th ed. Moscow : Rus. yaz : Polygraphresursy, 1999. (Electronic version). URL: https: // feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma 23711 6.htm?cmd=0&istext=1

Tomin V. A. Legal technique : textbook. St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2015. 84 p.

Shershenevich G. F. Selected / Introductory word, compiled by P. V. Krasheninnikov. Moscow : Statute, 2017. Vol. 5: Textbook of Russian civil law 832 p.

Legal technique : textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow : Prospect, 2021. 648 p.

Мелитопольский государственный университет

Любчик А. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публично-правовых дисциплин

E-mail: lyubchikaa@mail.ru

Melitopol State University

Lyubchik A. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines

E-mail: lyubchikaa@mail.ru

Минкова О. Г., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета
E-mail: minkovaolgaurist @yandex.ru
Щербакова Н. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, заместитель декана по научно-исследовательской работе
E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru

Поступила в редакцию: 11.12.2024

Для цитирования:
Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В. Еще раз о понятии гражданско-правового договора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 66–76. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/66-76

Minkova O. G., Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law
E-mail: minkovaolgaurist @yandex.ru
Scherbakova N. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Deputy Dean for Research
E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru

Received: 11.12.2024

For citation:
Lyubchik A. A., Minkova O. G., Scherbakova N. V. Once again on the concept of civil law contract // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 66–76. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/66-76

УДК 347
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/77-86

РАСКРЫТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВЫБОРА В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА

М. С. Павлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DISCLOSURE OF EVIDENCE IN RUSSIAN CIVIL PROCEEDINGS: THE PROBLEM OF CONCEPTUAL CHOICE IN THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION

M. S. Pavlova

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: институт раскрытия доказательств является одним из важных элементов гражданского судопроизводства, обеспечивающим правовую определенность и справедливость судебных разбирательств. В последние годы в российском гражданском процессе наблюдается ряд изменений и попыток совершенствования законодательства, включая вопросы, связанные с раскрытием доказательств. Упомянутые инициативы частично реализованы в рамках процессуальной реформы 2018 г., однако фрагментарный подход к их имплементации создал ряд трудностей для правотворчества и правоприменения. В данном исследовании предполагается определить основные проблемы, препятствующие созданию эффективных регулятивных механизмов, связанных с раскрытием доказательств в рамках гражданского процесса. Результаты исследования говорят о том, что по сей день институт раскрытия доказательств остается практически не регламентированным в современном российском гражданском процессе. Таким образом, законотворческие инициативы по внедрению института раскрытия доказательств в гражданский процесс не имплементированы в полном объеме. Результаты и выводы данного исследования представляют интерес для специалистов юридических специальностей, практикующих в отраслях гражданского права и процесса.
Ключевые слова: раскрытие доказательств, стадия подготовки дела к судебному разбирательству, информация, судебное доказывание, гражданский процесс.

Abstract: the institution of evidence disclosure constitutes one of the fundamental elements of civil litigation, ensuring legal certainty and fairness in judicial proceedings. In recent years, the Russian civil procedure has undergone a series of changes and attempts at legislative improvement, including issues related to evidence disclosure. Some of these initiatives were partially implemented within the framework of the 2018 procedural reform; however, the fragmented approach to their incorporation has given rise to several challenges for lawmaking and law enforcement. This study aims to identify the key issues hindering the establishment of effective regulatory mechanisms concerning evidence disclosure in civil proceedings. The findings indicate that, to this day, the institution of evidence disclosure remains largely unregulated within the modern Russian civil process. Consequently, legislative initiatives to integrate evidence disclosure into civil procedure have not been fully implemented. The findings and conclusions of this study are of particular interest to legal professionals specializing in civil law and procedure.
Key words: disclosure of evidence, the stage of preparing the case for trial, information, judicial evidence, civil procedure.

© Павлова М. С., 2025

Институт раскрытия доказательств получил наиболее широкое распространение в странах англо-саксонской правовой семьи. Исторически он восходит к английским судам справедливости, которые впервые ввели практику об обязанности участников процесса до начала заседания сообщать источники сведений о фактах[1]. Позже данный подход был воспринят американским законодателем. Несомненным преимуществом правового регулирования процедуры раскрытия в этих странах является подробная регламентация процессуальных действий сторон, их представителей и офицера по раскрытию (в Англии), правил о неразглашении раскрываемых документов, порядка привлечения к ответственности при злоупотреблении процессуальными правами (например, при введении в заблуждение оппонента), правил обмена аффедевитами (документ, содержащий список всех относимых к делу доказательств, об исчерпывающем характере которого сторона приносит присягу), этапов обмена информацией и др.[2].

В странах континентального права, напротив, нормы о раскрытии доказательств не популяризированы, а возможности сторон по принудительному получению сведений друг от друга существенно сужены. Например, в немецком законодательстве отсутствует отдельная процедура досудебного раскрытия доказательств, которая не является самостоятельным этапом судебного доказывания. Соответственно, не предусмотрены обязанности сторон по досудебному раскрытию, представлению и исследованию документов[3]. В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом (Code de procédure civile) Франции стороны обязаны своевременно извещать друг друга о доказательствах и фактических доводах, которыми они обосновывают свои исковые требования, при этом Кодекс обращает внимание на добровольность представления соответствующих сведений. В случае если сторона добровольно не извещает другие стороны процесса об имеющихся у нее доказательствах предусмотрено право обратиться к суду за выдачей судебного предписания[4].

Для российской правовой системы данный институт также не является новеллой. Он был известен еще законодательству Российской Империи, впервые получив закрепление в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. (далее – УГС)[5] и введя правило об обязанности истца приложить к исковому «прошению» заверенные его подписью копии самого заявления и приложенные к нему документы по количеству ответчиков (п. 5 ст. 263 УГС). Обмен состязательными документами должен был осуществляться до слушания дела – строго в пределах стадии подготовки дела к судебному разбирательству в установленные сроки.

В советский период, несмотря на переосмысление роли суда как участника гражданского процесса в сторону усиления его роли и снижение состязательных начал судопроизводства, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. в ст. 78 сохранил норму об обязанности лиц представлять исковые заявления и документы с копиями по количеству участников[6]. Аналогичное правило содержалось в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 г.[7], при этом согласно абз. 15 ст. 142 и абз. 9 ст. 107 Кодекса суд сам в процессе подготовки дела к судебному разбирательству направлял копии материалов ответчику, а истцу – копии отзыва ответчика. Однако отметим, что детальная правовая регламентация порядка раскрытия доказательств в советских процессуальных кодексах отсутствовала.

[1] См.: *Kudryavtseva E. V.* Disclosure of evidence in Russian and English civil procedure // Herald of Civil Procedure. 2019. Vol. 288. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/hdcvpu2019&div=22&id=&page= (дата обращения: 01.04.2025).

[2] См.: *Brown D. K.* Evidence disclosure and discovery in common law jurisdictions // The Oxford Handbook of Criminal Process (2018). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3165520 (дата обращения: 01.04.2025).

[3] См.: *Кайзер Ю. В.* Институт раскрытия доказательств в процессуальном законодательстве Германии и Российской Федерации : сравнительно-правовой анализ // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2009. № 4 (21). С. 165–168.

[4] См.: *Локтаева А. А.* Особенности института раскрытия доказательств в романо-германской правовой семье // Скиф. 2020. № 7 (47).

[5] Устав гражданского судопроизводства Российской Империи 1864 г. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/3.html (дата обращения: 01.04.2025).

[6] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/gAjLmYZ4lo7_U5P9J7d_V (дата обращения: 01.04.2025).

[7] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 1964 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/16_grazhd_proc_kodeks (дата обращения: 01.04.2025).

В постсоветствую эпоху принятие новых процессуальных кодексов сопровождалось усиливающейся приверженностью законотворческой мысли к последовательному и более системному развитию норм о раскрытии доказательств. Примечательно, что в ч. 3 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)[8] речь идет не только об обязанности лиц, участвующих в деле, раскрыть доказательства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания, но также и о праве лица ссылаться только на те доказательства, с которыми другие участники процесса были ознакомлены заблаговременно (ч. 4 ст. 65 АПК РФ), что являлось новеллой для законодательства того времени. В Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ[9]) нормы о раскрытии, закрепившие обязанность каждого лица, участвующего в деле, раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено самим кодексом, стали результатом реформы 2018 г.[10]. В области административного судопроизводства институт раскрытия доказательств не получил подробной правовой регламентации. Так, законодатель ограничился только указанием на то, что обязанность по направлению копий административного искового заявления и приложенных к нему документов возложена на административного истца, обладающего государственными или иными публичными полномочиями, в то время как для граждан и организаций по смыслу нормы ч. 7 ст. 125 Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ[11]) это является правом. Несмотря на внесенные изменения правовое регулирование данного института по-прежнему носит фрагментарный характер и имеет определенные отличия в зависимости от вида судопроизводства, что приводит к разным подходам судов к толкованию и применению соответствующих правоположений.

В доктрине отечественного процессуального права проблема заблаговременного извещения участников процесса и обмена состязательными документами неоднократно становилась предметом исследований, среди которых следует отметить труды А. А. Лим[12], Ю. В. Архиповой[13], Ю. В. Кайзер[14], А. Д. Лозовицкой[15], А. С. Салманидиной[16], В. А. Власенко[17] и др. Учеными в разное время были поставлены вопросы о влиянии раскрытия доказательств на эффективность правосудия, его взаимосвязи с этапами судебного доказывания и принципами процесса, сроках и порядке направления документов участниками процесса друг другу, процессуальных санкциях за несвоевременное раскрытие доказательств, способах направления соответствующей информации, видах раскрываемых доказательств и др. В своих работах особое внимание исследователи уделяли пониманию данного института, предпринимая попытки обосновать его правовую природу, сформулировать характерные признаки и дать определение. Например, А. С. Салманидина предлагает рассматривать его в качестве принципа своевременного раскрытия доказательств[18], Ю. В. Архипова относит принадлежность института раскрытия доказа-

[8] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[9] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

[10] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Рос. газета. 2018. № 272. 4 дек.

[11] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

[12] См.: *Лим А. А.* Распределение обязанности доказывания в арбитражном процессе по российскому законодательству : дис. … канд. юрид. наук. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2008. С. 201.

[13] См.: *Архипова Ю. В.* Раскрытие доказательств в арбитражном процессе : исковое производство : дис. … канд. юрид. наук. М. : Рос. акад. правосудия, 2011. С. 203.

[14] См.: *Кайзер Ю.В.* Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 2012. С. 265.

[15] См.: *Лозовицкая А. Д.* Раскрытие доказательств в гражданском процессе Англии : дис.… канд. юрид. наук. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 233.

[16] См.: *Салманидина А. С.* Принципы судебного доказывания в гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук. Саратов : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2022. С. 257.

[17] См.: *Власенко В. А.* Представление и исследование доказательств в цивилистическом процессе : дис.… канд. юрид. наук. М. : Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2024. С. 237.

[18] См.: *Салманидина А. С.* Указ. соч. С. 257.

тельств к инициальной фазе доказательственной деятельности сторон арбитражного процесса, включающей в себя указание на факты, обозначение и представление доказательств[19], в то время как А. А. Лим считает его обязанностью и предлагает термин «бремя раскрытия доказательств»[20].

По нашему мнению, наиболее неэффективным и непоследовательным является подход российского законодателя, положенный в основу при введении норм о раскрытии доказательств в орбиту гражданского процесса. В рамках существующей нормативно-правовой формализации в ГПК РФ регулирование института не содействует достижению целей и задач гражданского судопроизводства, в первую очередь, не реализуется задача правильного и своевременного рассмотрения дела. В данном случае речь идет не о формальном определении термина и не о механическом заимствовании зарубежного опыта. Полагаем необходимым, прежде всего, на концептуальном уровне решить вопрос о целесообразности закрепления соответствующих норм в ГПК РФ и месте раскрытия среди институтов процессуального права (принцип процесса, этап судебного доказывания, условие реализации права на иск, правило доказывания, условие допуска судом конкретных сведений в процесс и т. д.), и исходя из этого регламентировать в Кодексе процессуальную форму – конкретный процессуальный порядок, систему совершения последовательных действий, что предполагает определение момента раскрытия с указанием на его императивный / диспозитивный характер, субъектов и объектов (содержание) раскрытия, сроков направления необходимой информации участвующим в деле лицам, возможных неблагоприятных последствий при нарушении порядка раскрытия, видах раскрытия и т. д.

Автором поставлены следующие задачи:

1) изучить законодательные подходы к правовой регламентации института раскрытия доказательств в гражданском процессе;

2) исследовать правовую природу института раскрытия доказательств;

3) изучить проблему терминологии;

4) охарактеризовать с точки зрения действующих в гражданском процессуальном законодательстве РФ норм порядок совершения процессуальных действий при раскрытии доказательств;

5) определить целесообразность внедрения института раскрытия доказательств по гражданским делам.

Целью настоящего исследования является общетеоретический анализ в области правового регулирования порядка раскрытия доказательств в российском гражданском процессе.

Материалы и методы

Методологической базой исследования являются общенаучные (описание, обобщение, моделирование, анализ) и частноправовые методы (сравнение, формально-юридический метод). В частности, метод описания использовался при осмыслении теоретических подходов к исследованию данного института в доктрине гражданского процессуального права. Анализ был положен в основу изучения норм ГПК РФ, регламентирующих порядок раскрытия доказательств, результатом которого стали выводы об их противоречивом характере и терминологических несоответствиях. Системный подход позволил определить связи института раскрытия доказательств с иными институтами гражданского процессуального права. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении отечественной модели и моделей, исторически сложившихся в зарубежных странах.

Проведенное исследование предопределило вывод о незавершенном характере реформы по внедрению института раскрытия доказательств в гражданский процесс и неэффективности действующей редакции норм ГПК РФ в силу отсутствия подробной процессуальной формы, регулирующей систему последовательных действий, направленных на раскрытие доказательств.

Результаты

В отличие от системы англо-саксонского права, в которой исторически сложилась развитая и подробно законодательно регламентированная модель раскрытия доказательств, в российском гражданском процессе, несмотря на наличие ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, полностью отсутствует единая концепция данного института, равно как и подробное правовое регулирование порядка совершения действий по обмену состязательными документами между участниками.

[19] См.: *Архипова Ю. В.* Указ. соч. С. 203.

[20] *Лим А. А.* Указ. соч. С. 201.

Подход законодателя к раскрытию доказательств: неопределенный характер норм в ГПК РФ

Анализ норм ГПК РФ, прямо или косвенно затрагивающих институт раскрытия доказательств, не позволяет сделать однозначный вывод ни о модели, положенной в основу данного института, ни о закреплении детального и, что немаловажно, понятного участникам процесса механизма реализации на практике соответствующих правоположений. Так, можно выделить следующие законодательные подходы к пониманию раскрытия доказательств как правового явления:

1. Раскрытие доказательств – это обязанность.

Такой вывод следует, во-первых, из содержания ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, в которой прямо указано на долженствование каждого лица, участвующего в деле, раскрыть доказательства перед другими участвующими в деле лицами; во-вторых, данная норма структурно расположена в ст. 56 Кодекса, поименованной как «Обязанность доказывания»[21]. Таким образом, законодатель, как может показаться на первый взгляд, прямо позиционирует раскрытие как обязанность. При этом в самой конструкции нормы ч. 3 ст. 56 ГПК РФ изначально заложены некоторые противоречия теории о субъектах, объектах и содержании правоотношения.

Так, по смыслу указанной нормы Кодекса управомоченными субъектами, в интересах которых совершаются положительные действия по раскрытию соответствующих сведений о фактах (т. е. исполняется обязанность по раскрытию), являются иные, помимо истца, участвующие в деле лица. В связи с этим отметим, что в праве неисполнение обязанности сопряжено с применением мер юридической ответственности и наступлением неблагоприятных последствий. Однако, во-первых, ГПК РФ не содержит норм, которые бы предоставляли иным участвующим в деле лицам (управомоченным субъектам) право требовать от истца (обязанного субъекта) направления им имеющихся у него материалов (сведений, документов, информации и т. д.), т. е. совершения в их интересах положительных действий. В силу ст. 149 ГПК РФ соответствующее ходатайство стороны могут заявить перед судьей в порядке подготовки дела к судебному разбирательству, но речь идет о процедуре истребования, а не о раскрытии доказательств. Во-вторых, в равной степени Кодекс также прямо не регулирует вопрос о применении мер юридической ответственности за ненаправление копий процессуальных документов участникам процесса (т. е. за неисполнение обязанности, по смыслу ст. 56 ГПК РФ). Отметим, что суды в своих решениях факт нераскрытия доказательств нередко квалифицируют как недобросовестное процессуальное поведение стороны[22], но, повторимся, ГПК РФ не предусматривает санкции за злоупотребления процессуальными правами (возможно взыскание компенсации за фактическую потерю времени). Тем не менее по гражданским делам сложилась практика, в силу которой суды прямо указывают, что из ч. 3 ст. 56 ГПК РФ не следует право судов отказывать в приобщении к материалам дела доказательства, по каким-либо причинам не указанного лицом, участвующим в деле, в исковом заявлении или не представленного суду на стадии подготовки дела к судебному разбирательству; суд выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались[23].

Изложенное позволяет заключить, что законодатель, обозначив в ГПК РФ раскрытие как обязанность, не предусмотрел ни конкретного содержания такой обязанности, ни механизма ее реализации, в силу чего соответствующие нормы Кодекса носят недоработанный и противоречивый характер.

2. Раскрытие доказательств – это правило доказывания.

С точки зрения юридической техники, возможность отнесения раскрытия доказательств к

[21] В судебной практике также указывается на императивный характер правила, закрепленного в ч. 3 ст. 56 ГПК РФ. См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2024 г. № 88-23897/2024 (УИД 24RS0018-01-2021-003576-22) ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2024 г. № 88-10536/2024 (УИД 52RS0013-01-2020-000049-64) ; и др.

[22] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2025 г. № 88-1026/2025 (УИД 22RS0015-01-2023-005867-83) ; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2025 г. № 88-1108/2025 (88-24019/2024) (УИД 66RS0057-01-2024-000634-56).

[23] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 марта 2024 № 88-6727/2024 по делу № 2-385/2023 (УИД 77RS0033-02-2022-018757-49) ; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2023 г. № 88-15935/2023 (УИД 55RS0026-01-2022-002318-91).

одному из правил доказывания логически следует из той же ст. 56 ГПК РФ, регулирующей распределение бремени доказывания: нормы о раскрытии доказательств структурно расположены в статье о правиле доказывания. Однако ни из ст. 56 ГПК РФ, ни в целом из содержания Кодекса не следует, выделяет ли законодатель раскрытие в качестве отдельного и самостоятельного правила доказывания либо придает ему специальный характер, а, возможно, включает его в основное правило доказывания как дополнительный, конкретизирующий способ, служащий цели представления информации в суд.

3. Раскрытие доказательств – это право.

Повторимся, с нашей точки зрения, введение норм о раскрытии доказательств в ГПК РФ не в полной мере учитывает конструкцию правоотношения.

Права, наряду с обязанностями, составляют содержание правоотношения. Право есть мера дозволенного поведения в рамках, установленных законом, предусматривающая возможность выбора варианта поведения. С одной стороны, формулировка ч. 3 ст. 56 ГПК РФ не предоставляет истцу альтернативу в виде отказа от направления участвующим в деле лицам копий подаваемых в суд документов. С другой стороны, в случае неисполнения такой обязанности гражданское процессуальное законодательство содержит нормы, при которых соответствующие действия за истца выполняет суд: так, согласно ч. 3 ст. 114 ГПК РФ одновременно с судебной повесткой или иным судебным извещением, адресованными ответчику, судья направляет копию искового заявления. Непредставление до начала судебного заседания копий процессуальных документов в судебной практике рассматривается как нарушение[24]. Более того, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству стороны передают друг другу копии доказательств, обосновывающих фактические основания иска (ч. 1 ст. 149 ГПК РФ). Следовательно, полагаем, что при наличии подобных положений в Кодексе у истца есть возможность выбора, а именно: раскрывать или не раскрывать ответчику имеющуюся у него информацию при подаче искового заявления в зависимости от его жизненных обстоятельств, выбранной процессуальной стратегии и т. д.

Таким образом, несмотря на наличие долженствования в ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, иные нормы ГПК РФ позволяют рассматривать раскрытие доказательств также как право. В связи с этим отметим следующее.

Конструкция правоотношений предполагает наличие как управомоченного, так и противостоящего ему обязанного субъекта, гарантирующего реализацию права. Если исходить из допущения того, что раскрытие может быть правом, встает закономерный вопрос о том, кого, по смыслу ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, считать такими обязанными субъектами. Раскрытие адресовано участвующим в деле лицам, однако в процессуальном законе не обозначено, в чем конкретно состоит корреспондирующая обязанность таких лиц по отношению к истцу. Полагаем, речь может идти о получении документов, направлении в суд или истцу подтверждения их принятия. Более того, с учетом норм ГПК РФ о назначении судом срока для раскрытия доказательств, а также направлении судом ответчику на стадии подготовки дела к судебному разбирательству вместе с судебной повесткой копий процессуальных документов возникают два закономерных вопроса: первый – о субъектах, второй – о порядке раскрытия доказательств. В первом случае речь идет о том, кто является обязанным, а кто – управомоченным лицом: суд, ответчик или иные лица, участвующие в деле?

Таким образом, тезис о том, что раскрытие доказательств может быть рассмотрено также как право, косвенно находит свое подтверждение в нормах ГПК РФ. При этом законодательные формулировки, положенные в основу редакции ч. 3 ст. 56 Кодекса, пока носят фрагментарный характер, не всегда соответствуют иным положениям Кодекса об обмене процессуальными документами и вступают в некоторое противоречие с общепринятой конструкцией правоотношения.

4. Раскрытие доказательств – условие реализации права на иск.

Во второй половине прошлого столетия профессором М. А. Гурвичем была обоснована теория предпосылок права на предъявление иска[25],

[24] Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 16 декабря 2020 г. № 33-859/2020 по делу № 2-2038/2020 ; Определение Приморского краевого суда от 13 февраля 2012 г. по делу № 33-1279 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2006 № 3-Г06-5 ; и др.

[25] См.: *Гурвич М. А.* Право на иск. М. : Акад. наук СССР, 1949.

которая нашла свое выражение в действующем законодательстве о гражданском судопроизводстве, в частности в нормах ГПК РФ о форме и содержании искового заявления, прилагаемых к нему документах и последствиях несоблюдения предусмотренных процессуальным законом требований при подаче искового заявления.

В соответствии со ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению прилагаются уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов. По смыслу ч. 1 ст. 136 и ч. 3 ст. 56 ГПК РФ при несоблюдении данного требования судья выносит определение об оставлении заявления без движения, в котором назначает срок для направления необходимых документов, а при неисполнении указанного требования в установленный судом срок исковое заявление возвращается и считается неподанным, что, однако, не препятствует повторной подаче тождественного иска (п. 7 ст. 135 ГПК РФ).

Проанализированные выше нормы ГПК РФ позволяют сделать вывод о том, что институт раскрытия доказательств следует рассматривать также в контексте его связи и влияния на иные институты гражданского процессуального права, поскольку надлежащее выполнение истцом действий по извещению иных участников процесса о подаваемых им документах в суд предопределяет не только сам факт их принятия судом, но и более быстрое решение вопроса о возбуждении производства по делу (при соблюдении иных установленных ГПК РФ требований). Однако, несмотря на последствия, которые возникают при неисполнении норм ГПК РФ о раскрытии доказательств, полагаем, что данный институт не следует рассматривать исключительно как условие реализации права на иск, игнорируя его иные черты и элементы, а также проявления на разных стадиях гражданского процесса, что пока не позволяет точно определить место, роль и значение, которое законодатель отводит ему в Кодексе.

5. Раскрытие доказательств – этап судебного доказывания.

С нашей точки зрения, правовые конструкции ГПК РФ и подход, взятый за основу законодателем (фрагментарное, казуистичное и непоследовательное изложение норм о раскрытии в различные по своему предмету правового регулирования статьи Кодекса) не позволяют прийти к однозначному выводу о том, является ли раскрытие этапом судебного доказывания, определение которого на законодательном уровне отсутствует. Наиболее общее понимание, сложившееся в доктрине, сводится к тому, что это есть способ познания реальной действительности, мыслительная и процессуальная деятельность суда и участвующих в деле лиц, в процессе которой суд переходит от вероятных суждений к истинному знанию; эта деятельность по установлению юридически значимых фактов, осуществляемая в регламентированной законом форме[26]. Этапами данной деятельности являются определение предмета доказывания, собирание и представление доказательств, исследование доказательств, оценка доказательств. Не углубляясь в научную дискуссию о соотношении действий по раскрытию и представлению доказательств, отметим, что по смыслу нормы ч. 1 ст. 57 ГПК РФ копии документов *представляются* в суд (а не участвующим в деле лицам, перед ними они раскрываются). Следовательно, законодатель, с одной стороны, прямо разграничивает представление, адресованное суду, как этап доказывания, и раскрытие, адресованное иным участникам процесса. С другой стороны, далее в той же статье Кодекса речь идет о направлении или вручении судом участвующим в деле лицам отсутствующих у них копий документов (уже собранных и представленных истцом в суд), что схоже с действиями по раскрытию, но уже осуществляемыми судом в рамках начавшейся деятельности по доказыванию. Повторимся, что подобные законодательные конструкции, ограниченные общими формулировками, не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, является ли раскрытие этапом судебного доказывания. Примечательно, что Верховный Суд РФ отождествляет раскрытие доказательств с их представлением, понимая под раскрытием представление участвующим в деле лицом по своей инициативе и предложению суда другим лицам, участвующим в деле, и суду всех имеющихся у него доказательств, на основании ко-

[26] См.: *Треушников М. К.* Доказательства и доказывание в судебном гражданском процессе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982 ; *Юдельсон К. С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М. : Госюриздат, 1951. С. 33 ; *Решетникова И. В., Ярков В. В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М. : Норма, 1999 ; *Баулин О. В.* Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М. : Городец, 2004 ; и др.

торых могут быть установлены обстоятельства, обосновывающие его требования и возражения, а также в случае невозможности самостоятельного получения доказательства от лица, у которого оно находится, указание на такое доказательство, сопровождающееся ходатайством о его истребовании судом (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде»)[27].

Далее подчеркнем, что, несмотря на расположение в ГПК РФ норм о раскрытии доказательств в статье «Обязанность доказывания», считаем ошибочным относить данную деятельность к судебному доказыванию, поскольку при извещении истцом иных участвующих в деле лиц об имеющихся у него сведениях, которыми он планирует обосновывать свою позицию в суде, в принципе пока еще недопустимо вести речь о наличии судебных доказательств. Последние есть, согласно ст. 56 ГПК РФ, полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Таким образом, сведения о фактах становятся судебными доказательствами при условии проверки законности источника получения соответствующей информации, а также соблюдения установленного законом порядка их исследования и оценки. Данная деятельность осуществляется при неизменном участии суда, более того, именно суд дает окончательную оценку изученным фактам, обстоятельствам и т. д., мотивированно обосновывая или не обосновывая ими принятое по делу решение. Следовательно, на этапе направления документов противоположной стороне, *а не суду*, у истца пока еще нет никаких судебных доказательств, а оперирует он лишь некоторой известной ему информацией, которая, по его мнению, подтверждает заявленные им исковые требования, однако ни одно действие в области доказывания ни истцом, ни судом пока еще не осуществляется. В связи с этим отметим также и неудачную терминологию: указание на раскрытие именно доказательств в данном случае нелогично и не соответствует природе сведений, на которые ссылается истец. Последние пока еще не являются судебными доказательствами. Полагаем возможным в наименовании института отказаться от термина «доказательства», заменив его, например, на «известная истцу информация об обстоятельствах дела», «находящаяся у истца информация об обстоятельствах дела», «обстоятельства (документы, информация), обосновывающие требования истца», и т. п.

Проведенный выше анализ норм ГПК РФ показывает, что законодатель пока не определился с ответом на вопрос о том, стоит ли относить раскрытие к этапам судебного доказывания. По нашему мнению, вследствие несовпадения субъектов и правовой природы сведений (содержания) относить его к доказательственной деятельности ошибочно. Раскрытие предшествует судебному доказыванию, ускоряет процесс доказывания, в целом способствуя реализации принципа процессуальной экономии: в идеальной конструкции предполагается, что ответчик, заранее ознакомившись с позицией истца, придет в судебное заседание подготовленным и не станет заявлять ходатайство о его отложении, для того чтобы изучить тот или иной документ, неожиданно представленный другой стороной.

Анализ норм ГПК РФ, прямо и косвенно закрепляющих институт раскрытия доказательств, позволяет сделать следующие выводы.

1. Данный институт практически не регламентирован в современном российском гражданском процессе. На сегодня Кодекс содержит несколько статей, расположенных в разных по предмету своего правового регулирования главах, в частности гл. 56 «Доказательства и доказывание», гл. 12 «Предъявление иска», гл. 14 «Подготовка дела к судебному разбирательству». Подход законодателя к его регламентации можно охарактеризовать как фрагментарный и неподробный, что приводит к появлению пробелов, разночтениям и различному толкованию соответствующих правоположений, порождая противоречия в судебной практике. Комплексный анализ нормы ч. 3 ст. 56 ГПК РФ во взаимосвязи с иными институтами гражданского процесса позволил выявить определенную дихотомию института раскрытия доказательств, сочетающего в себе черты как императивного, так и диспозитивного метода правового регулирования. По нашему мнению, сложившаяся ситуация обусловлена отсутствием изначально, еще

[27] О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на этапе принятия решения о введении данных норм в российский гражданский процесс, четко разработанной и соответствующей специфике отечественного законодательства конкретной концепции института раскрытия доказательств. В качестве положительного примера можно привести опыт таких стран, как США и Англия, в которых взяты за основу определенные модели, предполагающие разработку подробного порядка совершения действий по досудебному исследованию и истребованию (в частности, регламентировано участие суда на данном этапе), направлению, представлению и т. д. процессуальным оппонентам информации об известных обстоятельствах дела. С течением времени принятые концепции в результате процессуальных реформ приобрели устоявшуюся структуру. Напротив, отечественный законодатель, механически заимствовав идею о раскрытии, пока не предложил понятного механизма реализации на практике норм ГПК РФ, что не позволяет однозначно понять его мысль о месте данного института в гражданском судопроизводстве.

2. Полагаем, правовое регулирование института раскрытия в гражданском процессе в том виде, в котором оно было предложено в 2018 г. и за семь лет не претерпело значительных изменений, скорее является не благом, а усложнением процесса. По-прежнему в законодательстве не нашли своего отражения вопросы о предмете и объеме раскрытия доказательств; субъектах, в отношении которых раскрытие производится; роли суда и объеме его процессуальных действий, степени активности судьи; стадии судопроизводства, на которой следует производить соответствующие действия по раскрытию информации (весьма дискуссионной является проблема раскрытия на досудебной стадии); надлежащих способах раскрытия; процессуальных последствиях неознакомления участниками друг друга с имеющимися у них материалами; степени и пределах раскрытия доказательств. Отдельного внимания заслуживает проблема электронного раскрытия.

На основании изложенного полагаем, что институт раскрытия доказательств, введенный в гражданский процесс в 2018 г. путем механического заимствования опыта зарубежных стран, не привнес принципиально новых регуляторов, способствующих более быстрому и правильному разрешению дел. Ранее ГПК РФ также содержал механизмы, позволяющие заблаговременно уведомить процессуальных оппонентов об имеющихся у них аргументах по отношению к друг другу (ст. 114 ГПК РФ и др.). Следовательно, при отсутствии принятой за основу единой концепции, опирающейся на специфику исторического развития отечественного процессуального законодательства и не вступающей в противоречие с действующими нормами ГПК РФ, которые на сегодня также позволяют участникам процесса до начала судебного заседания обменяться документами, механическое включение нормы о раскрытии доказательств в ч. 3 ст. 56 ГПК РФ представляется бессмысленным и неэффективным.

Библиографический список

Архипова Ю. В. Раскрытие доказательств в арбитражном процессе : исковое производство : дис. … канд. юрид. наук. М. : Рос. акад. правосудия, 2011.

Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М. : Городец, 2004.

Власенко В. А. Представление и исследование доказательств в цивилистическом процессе : дис. … канд. юрид. наук. М. : Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2024. С. 237.

Гурвич М. А. Право на иск. М. : Акад. наук СССР, 1949.

Кайзер Ю. В. Институт раскрытия доказательств в процессуальном законодательстве Германии и Российской Федерации : сравнительно-правовой анализ // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2009. № 4 (21). С. 165–168.

Кайзер Ю. В. Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 2012. С. 265.

Лим А. А. Распределение обязанности доказывания в арбитражном процессе по российскому законодательству : дис. … канд. юрид. наук. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2008. С. 201.

Лозовицкая А. Д. Раскрытие доказательств в гражданском процессе Англии : дис. … канд. юрид. наук. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 233.

Локтаева А. А. Особенности института раскрытия доказательств в романо-германской правовой семье // Скиф. 2020. № 7 (47).

Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М. : Норма, 1999.

Салманидина А. С. Принципы судебного доказывания в гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук. Саратов : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2022.

Треушников М. К. Доказательства и доказывание в судебном гражданском процессе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М. : Госюриздат, 1951. С. 33.

Brown D. K. Evidence disclosure and discovery in common law jurisdictions // The Oxford Handbook of Criminal Process (2018). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3165520

Kudryavtseva E. V. Disclosure of evidence in Russian and English civil procedure // Herald of Civil Procedure. 2019. Vol. 288. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/hdcvpu2019&div=22&id=&page=

References

Arkhipova Yu. V. Disclosure of evidence in arbitration proceedings : claim proceedings : cand. legal sci. dis. Moscow : Russian Academy of Justice, 2011.

Baulin O. V. Burden of proof in civil cases. Moscow : Gorodets, 2004.

Vlasenko V. A. Presentation and examination of evidence in civil proceedings : cand. legal sci. dis. Moscow : Baltic Federal University named after Immanuel Kant, 2024.

Gurvich M. A. Right to sue. Moscow : Academy of Sciences, 1949.

Kaiser Yu. V. Institute of Disclosure of Evidence in the Procedural Legislation of Germany and the Russian Federation : a Comparative Legal Analysis // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2009. No. 4 (21). P. 165–168.

Kaiser Yu. V. Disclosure of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings : cand. legal sci. dis. Ekaterinburg : Ural State Legal. Acad., 2012.

Lim A. A. Distribution of the Burden of Proof in Arbitration Proceedings under Russian Legislation : cand. legal sci. dis. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2008.

Lozovitskaya A. D. Disclosure of Evidence in Civil Proceedings in England : cand. legal sci. dis. Moscow : Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2021.

Loktaeva A. A. Features of the Institute of Disclosure of Evidence in the Romano-Germanic Legal Family // Skif. 2020. No. 7 (47).

Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. Civil law and civil procedure in modern Russia. Moscow : Norma, 1999.

Salmanidina A. S. Principles of judicial evidence in civil proceedings : cand. legal sci. dis. Saratov : Kazan (Volga Region) Federal University, 2022.

Treushnikov M. K. Evidence and proof in judicial civil proceedings. Moscow : Publishing house of Moscow University, 1982.

Yudelson K. S. The problem of proof in Soviet civil proceedings. Moscow : Gosyurizdat, 1951.

Brown D. K. Evidence disclosure and discovery in common law jurisdictions // The Oxford Handbook of Criminal Process (2018). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3165520

Kudryavtseva E. V. Disclosure of evidence in Russian and English civil procedure // Herald of Civil Procedure. 2019. Vol. 288. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/hdcvpu2019&div=22&id=&page=

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Павлова М. С., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права факультета права

E-mail: margo.pavlova.1977@rambler.ru

Поступила в редакцию: 25.12.2024

Для цитирования:

Павлова М. С. Раскрытие доказательств в российском гражданском процессе: проблема концептуального выбора в развитии института // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 77–86. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/77-86

National Research University «Higher School of Economics»

Pavlova M. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Private Law of the Law Faculty

E-mail: margo.pavlova.1977@rambler.ru

Received: 25.12.2024

For citation:

Pavlova M. S. Disclosure of evidence in Russian civil proceedings: the problem of conceptual choice in the development of the institution // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 77–86. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/77-86

УДК 347.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/87-90

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОЕВРЕМЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛА СУДОМ

И. Ю. Гончарова
Воронежский государственный университет

PROFESSIONAL LEGAL REPRESENTATION AS A MEANS OF ENSURING TIMELINESS SETTLEMENT OF CIVIL CASE

I. Yu. Goncharova
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена такому факту влияния на продолжительность рассмотрения гражданского дела в суде, как профессиональное представительство сторон спора. Проанализирована эффективность, рациональность поведения участников судопроизводства на различных стадиях гражданского процесса, которым профессиональный юрист оказывает содействие в реализации их прав и обязанностей.
Ключевые слова: профессиональное юридическое представительство, своевременность защиты прав, продолжительность судебного разбирательства.

Abstract: the article is devoted to such a fact of influence on the length of proceeding in court as professional legal representation of the parties to the litigation. The efficiency, rationality of conduct of participants in the proceedings at various stages of the civil process is analyzed, which the legal profession assists in the exercise of their rights and duties.
Key words: professional legal representation, timeliness settlement of civil case, protecting rights in court, the length of proceeding in court.

В современном обществе, в котором значительное количество людей стремится преодолеть любые возникающие жизненные проблемы и неурядицы в максимально короткие сроки, при этом сведя к минимуму свои трудозатраты, является актуальным вопрос о несвоевременности и, как следствие этого, недостаточной эффективности защиты прав в суде. Поиск идеала правосудия по гражданским делам с минимальными временными издержками до настоящего времени не исчерпал себя и остается нерешенной задачей с множеством условий.

Существенное влияние на своевременность разрешения возникшего между участниками гражданско-правовых отношений спора оказывает продолжительность рассмотрения дела в суде, которая является одним из наиболее значимых показателей разумности и эффективности судебного разбирательства[1].

Факторов, влияющих на продолжительность рассмотрения дела в суде, довольно много: сложность самого гражданско-правового спора, своевременность обращения за защитой нарушенного права, достаточность и эффективность действий участников гражданского процесса, наличие пробелов в правовом регулировании, неясность и двусмысленность подлежащих применению нормативно-правовых актов, невозможность получения необходимых доказательств в течение срока рассмотрения дела, возникновение объективных препятствий (стихийные бедствия, катастрофы и прочее), следствием которых является значительное затягивание разрешения спора, и мн. др.

© Гончарова И. Ю., 2025

[1] См.: *Киреева Е. Ю.* Динамичность гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 85.

К числу влияющих на продолжительность судебного разбирательства обстоятельств следует отнести профессиональное представительство[2] сторон при рассмотрении дела судом.

Не будет секретом, что в современном российском обществе правовая грамотность населения, которое обращается за судебной защитой, остается на достаточно низком уровне. При этом в рамках действующей гражданско-процессуальной модели судопроизводства от активности, рациональной разумности и нормативной обоснованности действий самих участников процесса зависит многое.

Большинство лиц, обращающихся за судебной защитой, ранее не имели опыта участия в судебных тяжбах, в связи с чем не знают о существовании различных стадий гражданского процесса, не осведомлены о том, в какой форме следует выразить свое материально-правовое требование, какие доказательства и в каком объеме надлежит представить суду, какова роль и особенности поведения каждого из участников судебного разбирательства, какие существуют процессуальные сроки и каково их влияние на ход и результат разрешения спора, что следует предпринять в случае несогласия с судебным постановлением и, наконец, каков порядок исполнения судебного акта. Довольно часто наличие обозначенных пробелов у лица, не обращающегося к услугам профессионального представителя, существенным образом влияет на продолжительность судебного разбирательства и, как следствие, на своевременность и эффективность защиты нарушенных прав.

В результате толкования положений ст. 46 Конституции Российской Федерации[3] следует признать, что доступность правосудия законодателем не ставится в зависимость от наличия или отсутствия у лиц, обращающихся в суд, знаний в области юриспруденции или же наймом профессионального представителя, наделенного юридическим образованием и (или) статусом адвоката.

Однако остается без ответа вопрос о том, будет ли в данном случае наиболее быстрой, эффективной и, что немаловажно, своевременной защита прав, основанная лишь на жизненном опыте лица, обращающегося в суд, его обывательском представлении и понимании существа возникшего спора, нормативно-правового регулирования сложившихся правоотношений, формы и способа изложения имеющегося требования (притязания).

Сформулированный вопрос приобретает еще большую актуальность в случаях внесения изменений в законодательство.

Так, с 1 октября 2019 г. и до настоящего времени неоднократно были подвергнуты редактированию со стороны законодателя положения ст. 131 и 132 ГПК РФ[4], которыми установлены требования к форме и содержанию искового заявления, а также определен перечень документов, прилагаемых к иску[5].

Казалось, довольно простые для понимания и применения условия о необходимости указания в заявлении обязательных данных об истце и ответчике на практике нередко становятся причиной оставления иска без движения.

Рядовой обыватель, повседневная деятельность которого никак не связана с областью юриспруденции и который вряд ли следит за происходящими законодательными изменениями, в большинстве случаев допустит ошибки в оформлении своих требований, чем ненамеренно затянет судебное разрешение спора. В свою очередь, профессиональный юрист, осуществляющий подготовку иска (заявления), с меньшей вероятностью совершит подобные ошибки, а следовательно, будет нивелирован риск отложения момента принятия судом искового заявления к производству и возбуждения гражданского дела.

Безусловно, не каждое обращение в судебные органы требует от заявителей юридиче-

[2] Под профессиональным представителем необходимо, прежде всего, понимать специалиста, уровень квалификации которого отвечает стандартам освоения программы высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) «Юриспруденция».

[3] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Доступ из справю-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

[5] См., в частности: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 26.07.2019) ; О внесении изменений в статью 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2023 г. № 80-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

ских знаний и навыков. К примеру, заявления об ознакомлении с материалами гражданского дела, выдаче копий судебных актов или же выдаче исполнительного листа в наименьшей степени формализованы по своему содержанию и могут быть составлены без помощи профессионального представителя, однако необходимо учитывать, что данные обращения в большинстве случаев не влияют на продолжительность судебного разбирательства в целом, зачастую находятся за его рамками и не направлены на достижение цели восстановления нарушенных прав в разумный срок.

Немало трудностей возникает у участников процесса, не обладающих юридическими знаниями на профессиональном уровне, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, которая представляет собой самостоятельную стадию производства в суде первой инстанции и включает совокупность действий, направленных на обеспечение своевременного и правильного разрешения дела[6].

Например, положениями ст. 149 ГПК РФ определено, что истец и ответчик на стадии подготовки дела к судебному разбирательству заявляют перед судьей ходатайства об истребовании доказательств, которые они не могут получить самостоятельно без помощи суда.

Нередки случаи, когда стороны данное право своевременно не реализуют, полагая, что соответствующее ходатайство может быть ими заявлено в любой момент происходящего судебного процесса, вплоть до удаления суда в совещательную комнату. Подобное отношение участвующих в деле лиц негативно сказывается на качестве и полноте проводимой судом подготовки, влечет в последующем отложение судебного разбирательства, является причиной перерывов, волокиты, а в ряде случаев приводит к принятию незаконных и/или необоснованных судебных актов. Наличие в данном случае у участников спора профессионального представителя, который в силу характера своей деятельности осведомлен об особенностях источников доказательственной информации, порядке предоставления доказательств, способе их получения и условиях, при которых суд может оказать содействие в их истребовании, будет иметь существенное значение для своевременности разрешения имеющегося спора.

Отсутствие содействия квалифицированного юриста при рассмотрении дела по существу нередко влияет на поведение лиц, участвующих в деле, при исследовании доказательств: допросе свидетелей, исследовании письменных и вещественных доказательств, опросах эксперта, специалиста.

Часто, заявив ходатайство о вызове и допросе свидетеля, истец или ответчик без помощи профессионального юриста не могут объяснить, какие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, данное лицо сообщит суду. Также сложности возникают при определении количества требующихся (подлежащих) к допросу свидетелей (в представлении большинства обывателей – чем больше будет вызвано и допрошено свидетелей, тем более убедительна и весома позиция стороны, чьи доводы подтверждают их показания), что негативно сказывается на продолжительности судебного процесса. Суд, самостоятельно определяя пределы доказывания, наделен правом отказать как истцу, так и ответчику в удовлетворении ходатайств о допросе тех свидетелей, показания которых не являются относимыми доказательствами, однако данное обстоятельство нередко становится понятным лишь после начала допроса, на проведение которого требуется время, которое может отсутствовать как у суда, так и у самих участников гражданского дела.

Значимую роль играет наличие юридических знаний на профессиональном уровне при формулировке вопросов и в процессе их постановки перед свидетелями. Нередки случаи, когда сторона спора, самостоятельно защищающая свои права и законные интересы, задает неверно построенные, без учета юридической техники, вопросы свидетелю по обстоятельствам, напрямую не связанным с существом разрешаемого материально-правового требования, опосредованно относящиеся к нему либо же вовсе направленные на выяснение обстоятельств, выходящих за пределы рассматриваемого спора. В таких ситуациях суд вынужден вмешиваться в ход допроса, перефразировать поставленные вопросы, что ведет к избыточному затягиванию стадии судебного разбирательства.

Особое значение профессиональное юридическое сопровождение деятельности участников

[6] См.: Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев, А. Т. Боннер [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : Велби : Проспект, 2004. С. 233.

процесса приобретает в случаях установления сокращенных сроков рассмотрения гражданского дела, к примеру, при разрешении требований о восстановлении на работе. Сам характер защищаемого истцом права, его особая ценность и важность, а также, в преобладающем большинстве случаев, фактическое неравенство сторон спора, когда ответчиком является более сильное с экономической точки зрения лицо, требуют юридической поддержки, которая может быть оказана квалифицированным специалистом.

Актуальность вопроса о профессиональном представительстве не утрачивается при обжаловании состоявшихся судебных постановлений. При определенных обстоятельствах указанная актуальность даже возрастает. Так, нередки случаи, связанные с тем, что в качестве уважительной причины для восстановления пропущенного процессуального срока на апелляционное обжалование судебного решения заявителями указывается отсутствие у них юридических знаний и возникшая в связи с этим необходимость обращения за помощью к профессиональному юристу[7].

Профессиональное представительство, таким образом, проявляет свое влияние на своевременность рассмотрения судами дел. Осуществление правового сопровождения профессиональным юристом позволяет обеспечить соблюдение положений процессуального законодательства о сроках рассмотрения дела, что, в свою очередь, выступает гарантией прав и интересов участвующих в деле лиц.

Библиографический список

Киреева Е. Ю. Динамичность гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2.

Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев, А. Т. Боннер [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : Велби : Проспект, 2004.

References

Kireeva E. Y. Dynamism of the civil process // Bulletin of the Civil Procedure. 2018. No. 2.

Civil procedural law : textbook / S. A. Alyokhina, V. V. Blazheev, A. T. Bonner [et al.] ; ed. M. S. Shakaryan. Moscow : Velbi : Prospekt, 2004.

[7] См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2023 г. № 8Г-8565/2023, 88-9470/2023 ; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 г. по делу № 88-4726/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

Воронежский государственный университет
Гончарова И. Ю., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: irinaaprelskay@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.01.2025

Для цитирования:
Гончарова И. Ю. Профессиональное представительство как средство обеспечения своевременности рассмотрения и разрешения дела судом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 87–90. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/87-90

Voronezh State University
Goncharova I. Yu., Post-graduate Student of the Civil Law and Procedure Department
E-mail: irinaaprelskay@mail.ru

Received: 17.01.2025

For citation:
Goncharova I. Yu. Professional legal representation as a means of ensuring timeliness settlement of civil case // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 87–90. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/87-90

УДК 347.91/.95
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/91-98

«РЕВИТАЛИЗАЦИЯ» ИДЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА – ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Д. И. Крымский
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«REVITALIZATION» OF THE IDEAS OF PROCEDURAL COOPERATION AS A TREND OF MODERN CIVIL PROCEDURE IN RUSSIA AND ABROAD

D. I. Krymskiy
National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: текущее состояние научного дискурса в сфере гражданского процессуального права свидетельствует о всё большем обращении к ценностным категориям и ориентирам, определяющим смысл и содержание процессуальной политики и системы судопроизводства. Идеи процессуального сотрудничества, хорошо знакомые процессуалистам второй половины XIX – первой половины XX в., получают «новую жизнь» в работах современных исследователей. Такие идеи, положенные в основу судебного процесса по гражданским делам, находящиеся в системной связи с востребованным сегодня мирным урегулированием споров, могут задать ценностно-ориентированный вектор развития процессуальной системы и произвести ее калибровку в целях достижения социального блага.
Ключевые слова: гражданское судопроизводство, принципы гражданского судопроизводства, процессуальное сотрудничество, процессуальная добросовестность, зарубежный гражданский процесс.

Abstract: the current state of scientific discourse in the sphere of civil procedural law indicates an increasing attention to value categories and guidelines that determine the meaning and content of procedural policy and the system of legal proceedings. The ideas of procedural cooperation, well known to proceduralists of the second half of the 19th – first half of the 20th century, are given a «new life» in the works of modern researchers. Such ideas, forming the basis of the court procedure in civil disputes, having systemic connection with the amicable dispute resolution, can determine a value-oriented vector for the development of the procedural system and help its calibration to achieve the social good.
Key words: civil procedure, principles of civil procedure, procedural cooperation, good faith principle, civil procedure of foreign countries.

Современный этап развития общественных отношений, характеризующийся их всё более стремительным изменением в сторону усложнения и потому не всегда успевающим за ними нормативным регулированием, предопределяет, что на первый план выходят фундаментальные ценности, т. е. основы, принципы, заложенные и определяющие смысл правосудия, формирующие его неизменное ядро.

Нельзя не зафиксировать со всей очевидностью наметившийся за последние годы «ренессанс» научного и правоприменительного интереса к вопросам процессуальной добросовестности[1], процессуальной ответственности, а также

© Крымский Д. И., 2025

[1] См., например: *Федина А. С.* Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 133–144 ; *Аболонин В. О.* Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 2–8 ;

тесно связанным с этим вопросам о злоупотреблении процессуальными правами[2] и выявлении новых аспектов и подходов к этим и смежным правовым феноменам.

Несмотря на сохраняющееся отсутствие четкой доктринальной проработки добросовестности именно как принципа судопроизводства[3], с опорой на зарубежный опыт регулирования и доктрину можно утверждать, что следующей стадией после «осознания» добросовестности следует признать оформление идей сотрудничества и принципа сотрудничества[4], т. е. некой «кооперативной» модели взаимодействия всех участников процесса как между собой, так и участников с судьей. Это созвучно высказываемым на высоком уровне потребностям в «новой культуре судебного разбирательства» и некой «среды доверия», которые выглядят в глазах правоприменителя весьма желанными[5].

Текущий виток научного интереса к вопросам справедливости[6], разумности, добросовестности и запрету злоупотребления процессуальными правами в ходе судопроизводства создает благоприятную почву для дальнейших шагов в направлении развития концепции сотрудничества в судопроизводстве, чему посвящаются новейшие диссертационные исследования[7]. Заметим, что в материальном праве также наблюдается интерес к вопросам сотрудничества и содействия во взаимоотношениях сторон обязательства, что в целом представляется естественным для частно-правовых отношений[8].

Фокина М. А. Злоупотребление процессуальными правами : соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48–62 ; *Какурина М. В.* Злоупотребление процессуальным правом и судебное усмотрение // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 1 (40). Отметим и знаковую зарубежную работу – сборник под редакцией М. Таруффо «Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness» (1999).

[2] См., например, диссертации Я. В. Греля «Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе» (2006), А. И. Приходько «Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения» (2006), А. В. Юдина «Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве» (2009), В. О. Аболонина «Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии» (2008), М. А. Боловнева «Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами» (2018), А. А. Жукова «Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве» (2022), М. Р. Загидуллина «Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы» (2022), А. В. Яхимовича «Эстоппель в гражданском судопроизводстве» (2022), а также монографию М. Л. Гальперина «Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики» (2011). Из современных зарубежных исследований можно отметить, например: *Paul Sabbagh*. La responsabilité civile judiciaire. LexisNexis Canada, 2023 ; *Raphaël Lescop*. L'abus de procédure en droit québécois. Éditions Yvon Blais, 2014 ; *Sabrina Saint-Louis*. Le pouvoir de sanctionner l'abus de procédure. Éditions Yvon Blais, 2020 ; *Korol O.* Abuse of Procedural Rights Prevention as an Element of Judge and Parties Cooperation Principle in Civil Procedure // Teisė. 2020. Vol. 114. P. 161–168.

[3] В этом направлении, тем не менее, есть определенное развитие. Нельзя не упомянуть диссертационное исследование: *Коренченко Р. Е.* Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 209 с.

[4] См., например: *Грегер Р.* Сотрудничество как процессуальная максима // Закон. 2016. № 1. С. 76–83 ; *Аболонин В. О.* Указ. соч. ; *Шеменева О. Н.* Развитие идеи о сотрудничестве сторон в ходе реформы гражданского процессуального законодательства 2018–2019 гг. // Реформа гражданского процесса 2018–2019 гг. : содержание и последствия : коллективная монография / под ред. М. А. Фокиной. М., 2021. С. 309–339 ; *Стасюк И. В.* Процессуальное сотрудничество суда и лиц, участвующих в деле, в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Юрист. 2012. № 1. С. 26–32 ; *Фокина М. А.* Договорные элементы в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 118–130.

[5] Верховный Суд РФ, высказываясь по вопросу увеличения государственных пошлин, отмечал, что подобные изменения будут «стимулировать добровольное исполнение сторонами принятых на себя обязательств, а в случае разногласий – мирное урегулирование правовых конфликтов альтернативным образом», а конечным результатом станет «формирование правовой культуры, в рамках которой обращение в суд должно рассматриваться в качестве такого способа защиты, использование которого целесообразно в случае, если иные (внесудебные) инструменты разрешения спора исчерпаны, что в целом будет формировать у участников процесса уважительное отношение к контрагентам, закону и суду». Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/33790/ (дата обращения: 05.02.2025).

[6] См., например: *Афанасьев Л. С.* Справедливость в современном цивилистическом процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

[7] См.: *Логинова Д. А.* Сотрудничество суда и сторон в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 191 с.

[8] См., например: *Орешин Е. И., Суспицына И. И.* Принцип содействия сторон в исполнении обязательства : советский анахронизм или эффективный правовой инструмент? // Закон. 2012. № 11. С. 129–136 ;

Как правило, вопросы сотрудничества как некой парадигмы рассматриваются в контексте и взаимосвязи с такими категориями, как активность суда в судопроизводстве (роль и место суда, судейское руководство процессом, управление движением дела и т. д.[9]), доказывание (обязанность сотрудничества в представлении и исследовании доказательств, «обязанность правды», объективная истина и т. д.), примирительные процедуры (имея в виду их согласительность, основанность на договоренности и взаимодействии, содействии между участниками).

Справедливо отметить, тем не менее, что сама постановка этого вопроса ненова. Например, зарубежные авторы в 60-е гг. отмечали, что исключительно состязательная концепция гражданского процесса издавна вызывала критику в западноевропейской доктрине (Италии, Франции, Германии), представители которой в той или иной степени видели необходимость *сотрудничества сторон и судьи* в гражданском судопроизводстве, признавая, что этот процесс служит не только интересам сторон, но и интересам государства, поскольку он направлен на обеспечение правопорядка, т. е. гражданское судопроизводство – институт не только частного, но и общественного порядка. Вследствие этого представители континентальной доктрины хотели бы сделать судью более активным в гражданском процессе, предоставив ему право инициативы в поиске доказательств и настаивая на необходимости установления объективной истины в судебном процессе: некоторые процессуальные законы того времени (например, Польский кодекс 1930 г.), расширили полномочия судей и сферу их инициативы, что отвечало тенденции, направленной на дополнение принципа состязательности некоторыми инкцизиционными началами[10].

Речь идет фактически об индоктринации этого принципа, его теоретическом осмыслении и трансляции в конкретные правовые нормы. В современных французских работах отмечается, что принцип сотрудничества между сторонами и судьей (обязанность «лояльного сотрудничества», принцип лояльности[11]) распространяется на большинство руководящих начал процесса, за исключением права на защиту и принципа состязательности[12]. Эта концепция во многом восходит[13] к взглядам А. Менгера и Ф. Кляйна и пониманию гражданского процесса как некой «коллективной (совместной) работы» (Р. Вассерманн) всех участников процесса, стремящихся достичь единый результат (общее социальное благо). Это созвучно социальному типу процесса, его «человеческому измерению» (что становится всё более востребованным сегодня)[14], а потому находило ранее и находит сейчас отклик и в отечественной процессуальной науке[15].

Интересно, что эти идеи находятся в поле зрения исследователей и в восточном полушарии. В одной из недавних работ в сравнительно-правовом ключе исследовались обязанность говорить правду (Wahrheitspflicht) и принцип сотрудничества в гражданском процессе, поскольку эти два вопроса представляли наибольшую

Панченко П. В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2018 ; *Федосеев А. А.* Принцип сотрудничества субъектов гражданского права : дис.… канд. юрид. наук. Пермь, 2021 ; и др.

[9] Вопросы о роли суда в судопроизводстве по-прежнему находятся в поле зрения ученых. См., например: *Лазарев С. В.* Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе : теоретические проблемы : дис.… д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024 ; *Кононова А. В.* Судейское руководство в системе гражданских процессуальных правоотношений : дис.… канд. юрид. наук. М., 2024. 223 с. ; *Николайченко О. В.* Обязанности суда в гражданском судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2024 ; и др.

[10] См.: *Jodlowski Jerzy.* Les principes de la procédure civile polonaise // Revue internationale de droit comparé. 1960.Vol. 12, No. 2, Avril-juin. P. 369–384.

[11] См., например: *Boursier Marie-Emma* . Le principe de loyauté en droit processuel. Paris ; Dalloz, 2003. 527 p.

[12] См.: *Jeuland E.* Droit processuel général. 5e éd. LGDJ, 2022.

[13] См.: *Hahn Bernhard.* Kooperationsmaxime im Zivilprozess? Carl Heymanns, Cologne, Berlin, Bonn, Münich, 1983. P. 1.

[14] См.: *Крымский Д. И.* Человекоцентризм в гражданском процессуальном праве: возвращение к истокам в условиях вызовов современности // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 176–189.

[15] См.: *Аргунов В. В.* Отечественная наука гражданского процессуального права в 50-е–80-е гг. XX в. в трудах ученых Московского ун-та и ее влияние на современную доктрину и законодательство // Вестник Моск. ун-та. Серия 11, Право. 2016. № 6. С. 37–66 ; *Его же.* «Маленькие большие» люди : Ф. Кляйн и А. Ф. Клейнман. Концепты социального (народного) гражданского процесса // Клейнман А. Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности. М., 2025. С. 8–60 ; *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 48, 103, 239, 399, 501.

значимость в ходе структурной реформы гражданского процессуального законодательства материкового Китая и требовалось научное осмысление применимости данных концепций в другой правовой культуре[16], т.к. нельзя отрицать, что немецкая *Kooperationsmaxime* (максима сотрудничества) является частью общей системы и философии судебного процесса, имеет свою «идеологию»[17] и представляет собой по сути политико-правовую идею[18].

Представляется, что в отличие от добросовестности, которая является категорией оценочной[19] и потому не лишена ряда недостатков, связанных с размытостью критериев, их вариативностью и неоднозначностью оценки, переход к содержательному, активному, деятельностному подходу (обязанность сотрудничества) сулит большую определенность. В какой-то степени это движение от идеализма к активному наполнению характера деятельности участников процесса, с позитивным, активно-деятельным содержанием. Несомненно, потребуются и доктринальное осмысление, и обоснование этих концепций: возможно ли обязать сотрудничать участников, которые изначально пришли в суд в состоянии конфликта, каковы допустимые санкции за «несодействие» и подобные вопросы.

Учитывая текущий научный дискурс, можно констатировать несомненное оживление интереса к идеям сотрудничества. И это уже не просто «идеи»: современные гражданские процессуальные кодексы ряда стран континентальной модели судопроизводства свидетельствуют о новой акцентуации сотрудничества, кооперации, содействия как базовой модели взаимоотношений между субъектами[20].

Такие идеи, например, закладываются в проектируемые и широко обсуждаемые Модельные европейские правила гражданского процесса. Речь идет, как минимум, о двух правилах, содержащихся в этом проекте: правило 2 («Общие положения»), которое указывает, что «стороны, их адвокаты и суд должны сотрудничать для достижения справедливого, эффективного и быстрого разрешения спора» и правило 6 («Роль сторон и их адвокатов»), в котором предусматривается, что «стороны и их адвокаты должны сотрудничать с судом для достижения соразмерного спору процесса его разрешения»[21].

Принцип сотрудничества получает закрепление и в национальных процессуальных законах различных стран.

В качестве примера можно рассмотреть **ГПК Бразилии** 2015 г. (вступил в силу с марта 2016 г.), заменивший собой прежний кодекс, действовавший с 1973 г.[22]. Кодекс содержит несколько положений, подчеркивающих принцип сотрудничества.

В ст.6 Кодекса указано: все, кто каким-либо образом участвует в процессе, должны *сотрудничать*, чтобы получить в течение разумного периода времени справедливое и эффективное решение по существу.

Параграф 3 ст. 357 предписывает судье назначить слушание, если в деле обнаруживаются сложности по вопросам факта или права, ко-

[16] См.: *Zhong Ren*. Wahrheitspflicht und Kooperationsmaxime im Zivilprozess in Deutschland, Japan und China // Saarbrücker Studien zum Privat- und Wirtschaftsrecht. Band 76. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2013.

[17] См., например, работу турецкого автора по этому теме: *Nevhis Deren-Yıldırım.* Die Kooperationsmaxime und ihre ideologischen Aspekte // Festschrift für Walter H. Rechberger zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Ludwig Bittner, Thomas Klicka, Georg E. Kodek, Paul Oberhammer. Springer-Verlag/Wien, 2005. S. 103–114.

[18] См.: *Van Rhee C. H.* Case Management and the Principle of Cooperation in Europe : a Modern Approach to Civil Litigation // On Judicial Management from Comparative Perspective. International Association of Procedural Law Conference (8–10 Nov. 2017, Tianjin, PRC) / L. Cadiet, Y. Fu (eds.). Springer, 2023. P. 13–24.

[19] См.: *Опалев Р. О.* Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008. 248 с.

[20] См.: *Mitidiero Daniel Francisco.* La coopération comme norme fondamentale de la nouvelle procédure civile brésilienne // Revue Internationale de Droit Comparé. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 1001–1013 ; *Sèdjro A. L. Hountohotegbè.* Le principe de coopération procédurale à l'ère du nouveau Code de procédure civile du Québec : enjeux, état des lieux et propositions pour le notaire // Revue juridique Thémis de l'Université de Montréal. 2021. Vol. 56. No. 1. P. 135–186; *Laflamme Annie.* La coopération dans le nouveau Code de procédure civile : à la croisée de la procédure civile et de la déontologie // Mémoire présenté à la Faculté des études supérieures en vue de l'obtention du grade de maitrise en droit civil général (LL.M.). Décembre, 2019.

[21] *Van Rhee C. H.* Case Management and the Principle of Co-operation in Europe : a Modern Approach to Civil Litigation ; *Van Rhee C. H.* Case management and cooperation in the model European Rules of Civil Procedure // Journal of International and Comparative Law. 2022. 9(2). P. 1–16.

[22] См.: CPC Brasileiro Traduzido para a Língua Inglesa / Fredie Didier Jr., Teresa Arruda Alvim (coords.). Salvador : Ed. Juspodivm, 2017.

торые необходимо прояснить. Такое заседание должно быть проведено при *сотрудничестве всех сторон*, при этом судья, если необходимо, должен предложить сторонам дополнить или прояснить свои утверждения.

Статья 378 указывает, что никто не освобожден от *обязанности сотрудничать* с судами для выяснения истины. Последующими нормами (ст. 379) урегулировано, что, сохраняя право не предъявлять доказательства против себя, сторона обязана: явиться в суд и ответить на поставленные вопросы; *сотрудничать с судом* в проведении любых судебных проверок, которые могут быть сочтены необходимыми; совершить любое действие, определенное судом.

ГПК Квебека 2014 г. (вступил в силу с 1 января 2016 года)[23], заменивший собой прежний кодекс, действовавший с 1966 по 2015 г., содержит ряд положений, воплощающих идеи сотрудничества.

Уже в самой преамбуле кодекса указано, что его положения направлены на обеспечение доступности, качества и скорости гражданского правосудия, справедливого, простого, пропорционального и экономичного применения процедуры и реализации прав сторон *в духе сотрудничества* и баланса интересов, а также уважения к лицам, которые способствуют восстановлению справедливости.

К руководящим принципам судопроизводства в ст. 20 отнесено указание, что «стороны *должны сотрудничать*, в частности, постоянно информируя друг друга о фактах и элементах, которые могут способствовать справедливому обсуждению, и обеспечивать сохранение соответствующих доказательств».

В ст. 146, 148, 152 содержатся правила о формировании протокола судебного разбирательства[24], при этом указывается, что стороны *обязаны сотрудничать* для урегулирования дела и составлении такого протокола.

Статьи 160–167 **ГПК Швейцарии** 2008 г. (вступил в силу с 1 января 2011 г.)[25], помещенные в раздел о доказательствах, раскрывают обязанность сотрудничества и право на отказ от сотрудничества. Кодекс в качестве общего правила устанавливает, что стороны и третьи лица обязаны сотрудничать при рассмотрении доказательств. Третьи лица, обязанные сотрудничать, имеют право на справедливую компенсацию.

Суд доводит до сведения сторон и третьих лиц их обязанность сотрудничать, их право отказаться от сотрудничества (кодекс разделяет обоснованный и необоснованный отказ от сотрудничества) и последствия такого отказа (необоснованный отказ может повлечь установленные санкции).

Суд не может принять во внимание представленные доказательства, если стороны или третьи лица не были проинформированы об их праве отказаться от сотрудничества, за исключением случаев, когда заинтересованное лицо дает на это свое согласие или его отказ от сотрудничества является необоснованным. На основании законного отказа стороны или третьего лица от сотрудничества суд не может сделать вывод о том, что предполагаемый факт доказан.

Сторона может отказаться от сотрудничества в установленных кодексом случаях. Если сторона отказывается от сотрудничества без уважительной причины, суд примет это во внимание при оценке доказательств.

Приведенные примеры показывают, что законодатель постепенно переходит от модели запрета злоупотребления процессуальными пра-

[23] См.: C-25.01 – Code de procédure civile de la province de Québec // Source officielle LégisQuébec. URL: https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/fr/document/lc/c-25.01 (дата обращения: 05.02.2025).

[24] По сути, этот документ определяет дальнейшее течение судебного разбирательства, так как содержит указание сторонами на: спорные вопросы по делу; действия, которые необходимо выполнить для обеспечения последовательного хода разбирательства, с учетом оценки времени, которое может быть потрачено на их совершение; предполагаемые расходы (судебные издержки); сроки, которые необходимо соблюдать в пределах установленной продолжительности рассмотрения дела, и др. Протокол судебного разбирательства, принятый судом или установленный им, является обязательным для сторон, которые обязаны его соблюдать под страхом, в частности возмещения судебных издержек, понесенных той или другой из них или третьей стороной и в результате его нарушения.

[25] Code de procédure civile du 19 décembre 2008 (État le 1er septembre 2023) // La plateforme de publication du droit fédéral. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2010/262/fr (дата обращения: 05.02.2025). Как известно, принятию единого швейцарского ГПК предшествовала значительная исследовательская работа, и его текст тщательно проработан, учитывая законодательство разных кантонов, регулировавшее вопросы гражданского судопроизводства, до его принятия и введения в действие (см. *Крымский Д. И.* Разработка нового ГПК Швейцарии : сохранение национальных традиций и ответ на вызовы времени // Законодательство. 2010. № 10. С. 80–87).

вами к «позитивному», активному содержанию, используя конструкцию сотрудничества сторон между собой и во взаимоотношениях с судом.

Представляется, такой подход может оказаться более объективным, реализуемым и контролируемым, нежели «идеальные» конструкции процессуальной добросовестности, по которым так и не сложилось единого понимания, несмотря на значительное количество исследований. Возродившийся интерес отечественной процессуальной науки к идеям процессуального сотрудничества, их теоретическому анализу и практическому воплощению, создает почву для возможного дальнейшего их оформления в качестве одного из ключевых начал современного цивилистического судопроизводства, что отражает и современные общемировые тенденции в сфере гражданского судопроизводства.

Библиографический список

Аболонин В. О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 2–8 .

Аргунов В. В. «Маленькие большие» люди : Ф. Кляйн и А. Ф. Клейнман. Концепты социального (народного) гражданского процесса // Клейнман А. Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности. М. : Городец, 2025. С. 8–60.

Аргунов В. В. Отечественная наука гражданского процессуального права в 50-е–80-е гг. XX в. в трудах ученых Московского ун-та и ее влияние на современную доктрину и законодательство // Вестник Моск. ун-та. Серия 11, Право. 2016. № 6. С. 37–66.

Афанасьев Л. С. Справедливость в современном цивилистическом процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

Какурина М. В. Злоупотребление процессуальным правом и судебное усмотрение // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 1 (40).

Кононова А. В. Судейское руководство в системе гражданских процессуальных правоотношений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024 223 с.

Коренченко Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 209 с.

Крымский Д. И. Разработка нового ГПК Швейцарии : сохранение национальных традиций и ответ на вызовы времени // Законодательство. 2010. № 10. С. 80–87.

Крымский Д. И. Человекоцентризм в гражданском процессуальном праве: возвращение к истокам в условиях вызовов современности // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 176–189.

Лазарев С. В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе : теоретические проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024.

Логинова Д. А. Сотрудничество суда и сторон в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 191 с.

Николайченко О. В. Обязанности суда в гражданском судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2024.

Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М. : Волтерс Клувер, 2008. 248 с.

Орешин Е. И., Суспицына И. И. Принцип содействия сторон в исполнении обязательства : советский анахронизм или эффективный правовой инструмент? // Закон. 2012. № 11. С. 129–136.

Панченко П. В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2018.

Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 784 с.

Стасюк И. В. Процессуальное сотрудничество суда и лиц, участвующих в деле, в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Юрист. 2012. № 1. С. 26–32.

Федина А. С. Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 133–144.

Федосеев А. А. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права : дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2021.

Фокина М. А. Договорные элементы в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 118–130.

Фокина М. А. Злоупотребление процессуальными правами : соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48–62.

Шеменева О. Н. Развитие идеи о сотрудничестве сторон в ходе реформы гражданского процессуального законодательства 2018–2019 гг. // Реформа гражданского процесса 2018–2019 гг. : содержание и последствия : коллективная монография / под ред. М. А. Фокиной. М., 2021. С. 309–339.

Boursier Marie-Emma . Le principe de loyauté en droit processuel. Paris ; Dalloz, 2003. 527 p.

CPC Brasileiro Traduzido para a Língua Inglesa / Fredie Didier Jr., Teresa Arruda Alvim (coords.). Salvador : Ed. Juspodivm, 2017.

Hahn Bernhard. Kooperationsmaxime im Zivilprozess? Carl Heymanns, Cologne, Berlin, Bonn, Münich, 1983.

Jodlowski Jerzy. Les principes de la procédure civile polonaise // Revue internationale de droit comparé. 1960.Vol. 12, No. 2, Avril-juin. P. 369–384.

Laflamme Annie. La coopération dans le nouveau Code de procédure civile : à la croisée de la procédure civile et de la déontologie // Mémoire présenté à la Faculté des études supérieures en vue de l'obtention du grade de maitrise en droit civil général (LL.M.). Décembre, 2019.

Mitidiero Daniel Francisco. La coopération comme norme fondamentale de la nouvelle procédure civile brésilienne // Revue Internationale de Droit Comparé. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 1001–1013

Nevhis Deren-Yıldırım. Die Kooperationsmaxime und ihre ideologischen Aspekte // Festschrift für Walter H. Rechberger zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Ludwig Bittner, Thomas Klicka, Georg E. Kodek, Paul Oberhammer. Springer-Verlag/Wien, 2005. S. 103–114.

Sèdjro A. L. Hountohotegbè. Le principe de coopération procédurale à l'ère du nouveau Code de procédure civile du Québec : enjeux, état des lieux et propositions pour le notaire // Revue juridique Thémis de l'Université de Montréal. 2021. Vol. 56. No. 1. P. 135–186.

Van Rhee C. H. Case management and co-operation in the model European Rules of Civil Procedure // Journal of International and Comparative Law. 2022. 9(2). P. 1–16.

Van Rhee C. H. Case Management and the Principle of Co-operation in Europe : a Modern Approach to Civil Litigation // On Judicial Management from Comparative Perspective. International Association of Procedural Law Conference (8–10 Nov. 2017, Tianjin, PRC) / L. Cadiet, Y. Fu (eds.). Springer, 2023. P. 13–24.

Zhong Ren. Wahrheitspflicht und Kooperationsmaxime im Zivilprozess in Deutschland, Japan und China // Saarbrücker Studien zum Privat- und Wirtschaftsrecht. Band 76. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2013.

References

Abolonin V. O. Principles of good faith and cooperation in the «new» civil process // Arbitration and civil process. 2013. No. 8. P. 2–8.

Argunov V. V. «Little big»» people : F. Klein and A. F leinman. Concepts of social (people's) civil process // Kleinman A. F. Basic institutions of the Soviet civil process and the disposition and adversarial principles. Moscow : Gorodets, 2025. P. 8–60.

Argunov V. V. Domestic science of civil procedural law in the 50s–80s. XX century in the works of scientists of Moscow University and its influence on modern doctrine and legislation // Vestnik Mosk. University. Series 11, Right. 2016. No. 6. P. 37–66.

Afanasyev L. S. Justice in the modern civil process : cand. legal sci. dis. Moscow , 2024.

Kakurina M. V. Abuse of procedural law and judicial discretion // Vestnik Voronezh State University. Series: Right. 2020. No. 1 (40).

Kononova A. V. Judicial guiding in the system of civil procedural legal relations : cand. legal sci. dis. Moscow, 2024. 223 p.

Korenchenko R. E. Good faith in civil proceedings : cand. legal sci. dis. Saratov, 2024. 209 p.

Krymsky D. I. Development of a new Swiss Civil Code : preservation of national traditions and response to the challenges of the time // Legislation. 2010. No. 10. P. 80–87.

Krymsky D. I. Human centrism in civil procedural law : return to its origins in the context of modern challenges // Vestnik Voronezh State University. Series: Right. 2022. No. 4 (51). P. 176–189.

Lazarev S. V. Judicial management of the movement of the case in the civil process : theoretical problems : dr. legal sci. dis. Yekaterinburg, 2024.

Loginova D. A. Cooperation of the court and the parties in civil proceedings : cand. legal sci. dis. Moscow, 2024. 191 p.

Nikolaychenko O. V. Duties of the court in civil proceedings. Moscow : Yurlitinform, 2024.

Opalev R. O. Evaluation concepts in arbitration and civil procedure law. Moscow : Wolters Kluver, 2008. 248 p.

Oreshin E. I., Suspitsyna I. I. The principle of assistance of the parties in fulfilling the obligation : Soviet anachronism or an effective legal instrument? // Law. 2012. No. 11. P. 129–136.

Panchenko P. V. Principle of assistance to the parties obligations in Russian civil law : cand. legal sci. dis. Moscow, 2018.

Sakhnova T. V. Course of civil procedure. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Statut, 2014. 784 p.

Stasyuk I. V. Procedural cooperation of the court and persons participating in the case in civil and arbitration proceedings // Jurist. 2012. No. 1. P. 26–32.

Fedina A. S. Implementation of the principle of good faith in the legislation on civil proceedings // Bulletin of TvSU. Series: Law. 2017. No. 3. P. 133–144.

Fedoseyev A. A. The principle of cooperation of subjects of civil law : cand. legal sci. dis. Perm, 2021.

Fokina M. A. Contractual elements in the civil process // Bulletin of Civil Process. 2020. No. 2. P. 118–130.

Fokina M. A. Abuse of procedural rights: the relationship between the spirit and letter of the law // Bulletin of Civil Process. 2022. No. 1. P. 48–62.

Shemeneva O. N. Development of the idea of cooperation of the parties during the reform of civil pro-

cedural legislation in 2018–2019 // Reform of civil procedure 2018–2019 : content and consequences : collective monograph / ed. by M. A. Fokina. Moscow, 2021. P. 309–339.

Boursier Marie-Emma . Le principe de loyauté en droit processuel. Paris ; Dalloz, 2003. 527 p.

CPC Brasileiro Traduzido para a Língua Inglesa / Fredie Didier Jr., Teresa Arruda Alvim (coords.). Salvador : Ed. Juspodivm, 2017.

Hahn Bernhard. Kooperationsmaxime im Zivilprozess? Carl Heymanns, Cologne, Berlin, Bonn, Münich, 1983.

Jodlowski Jerzy. Les principes de la procédure civile polonaise // Revue internationale de droit comparé. 1960.Vol. 12, No. 2, Avril-juin. P. 369–384.

Laflamme Annie. La coopération dans le nouveau Code de procédure civile : à la croisée de la procédure civile et de la déontologie // Mémoire présenté à la Faculté des études supérieures en vue de l'obtention du grade de maitrise en droit civil général (LL.M.). Décembre, 2019.

Mitidiero Daniel Francisco. La coopération comme norme fondamentale de la nouvelle procédure civile brésilienne // Revue Internationale de Droit Comparé. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 1001–1013.

Nevhis Deren-Yıldırım. Die Kooperationsmaxime und ihre ideologischen Aspekte // Festschrift für Walter H. Rechberger zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Ludwig Bittner, Thomas Klicka, Georg E. Kodek, Paul Oberhammer. Springer-Verlag/Wien, 2005. S. 103–114.

Sèdjro A. L. Hountohotegbè. Le principe de coopération procédurale à l'ère du nouveau Code de procédure civile du Québec : enjeux, état des lieux et propositions pour le notaire // Revue juridique Thémis de l'Université de Montréal. 2021. Vol. 56. No. 1. P. 135–186.

Van Rhee C. H. Case management and co-operation in the model European Rules of Civil Procedure // Journal of International and Comparative Law. 2022. 9(2). P. 1–16.

Van Rhee C. H. Case Management and the Principle of Co-operation in Europe : a Modern Approach to Civil Litigation // On Judicial Management from Comparative Perspective. International Association of Procedural Law Conference (8–10 Nov. 2017, Tianjin, PRC) / L. Cadiet, Y. Fu (eds.). Springer, 2023. P. 13–24.

Zhong Ren. Wahrheitspflicht und Kooperationsmaxime im Zivilprozess in Deutschland, Japan und China // Saarbrücker Studien zum Privat- und Wirtschaftsrecht. Band 76. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2013.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Крымский Д. И., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права факультета права

E-mail: dkrymskiy@hse.ru

Поступила в редакцию: 06.02.2025

Для цитирования:

Крымский Д. И. «Ревитализация» идей процессуального сотрудничества – тренд современного гражданского процессуального права в России и за рубежом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 91–98. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/91-98

National Research University «Higher School of Economics»

Krymskiy D. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil Law Department of Faculty of Law

E-mail: dkrymskiy@hse.ru

Received: 06.02.2025

For citation:

Krymskiy D. I. Revitalization of the ideas of procedural cooperation as a trend of modern civil procedure in Russia and abroad // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 91–98. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/91-98

УДК 347.191
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/99-104

УНИТАРНЫЕ И КОРПОРАТИВНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

И. Р. Минакова
Воронежский государственный университет

UNITARY AND CORPORATE LEGAL ENTITIES: THE PROBLEM OF THE CRITERION OF DIFFERENTIATION

I. R. Minakova
Voronezh State University

Аннотация: в статье автор анализирует закрепленный в ст. 65.1 ГК РФ критерий деления юридических лиц на корпоративные и унитарные, определяет, как данный критерий находит свое отражение в каждой организационно-правовой форме, отнесенной к унитарным организациям. В статье сформулирован последовательный подход к пониманию существа различия унитарных и корпоративных юридических лиц.
Ключевые слова: юридическое лицо, корпоративная организация, унитарное юридическое лицо, коммерческая организация, некоммерческая организация.

Abstract: in the article, the author analyzes the criterion fixed in Article 65.1 of the Civil Code of the Russian Federation for dividing legal entities into corporate and unitary, determines how this criterion is reflected in each organizational and legal form attributed to unitary organizations. The article formulates a consistent approach to understanding the essence of the difference between unitary and corporate legal entities.
Key words: legal entity, corporate organization, unitary legal entity, commercial organization, nonprofit organization.

Статья 2 ГК РФ определяет корпоративные отношения как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях и управлением ими. В соответствии со ст. 65.1 ГК РФ все юридические лица в зависимости от наличия/отсутствия у учредителей прав участия делятся на две группы – корпоративные и унитарные.

Свидетельствует ли отсутствие прав участия о том, что в рамках унитарной организации не возникает корпоративных отношений? Для ответа на данный вопрос стоит выделить субъектов, между которыми могут возникнуть правовые связи в рамках унитарной организации, а также дать небольшую характеристику данным связям. В отличие от корпоративных организаций правовое регулирование унитарных не содержит общих положений. В связи с этим каждая унитарная организационно-правовая форма имеет свою специфику регулирования, изложенную не только в ГК РФ, но и в ряде специальных законов. Для сравнения организационно-правовых форм унитарных юридических лиц автором настоящей статьи были использованы три критерия: права учредителей после создания; перечень органов управления; порядок формирования органов управления. Сравнительный анализ показал, что все унитарные организационно-правовые формы можно разделить на две группы в зависимости от видов правовых связей, которые возникают внутри них:

1. Простые унитарные организации. Они характеризуются тем, что в них возникает только связь между лицами, входящими в состав органов управления, и самим юридическим лицом. Сюда относятся общественно-полезные и личные фонды.

© Минакова И. Р., 2025

2. Сложные унитарные организации. Они характеризуются тем, что в них возникают три группы связей:

а) «учредитель – юридическое лицо». После создания организации учредитель не утрачивает возможности влиять на юридическое лицо, поскольку закон предоставляет отдельные правомочия, используя которые, учредитель может определять волю юридического лица. Например, собственник имущества унитарного предприятия вправе назначать на должность руководителя унитарного предприятия[1]. Таким образом, собственник имущества унитарного предприятия своим решением замещает волю самого унитарного предприятие на начало отношений по управлению, сторонами которого станут само унитарное предприятие и его руководитель;

б) «лицо, входящее в состав органа управления – юридическое лицо». Эта группа связей присутствует и в унитарных организациях, которые мы выделили выше;

в) «учредитель – лицо, входящее в состав органа управления». Закон предоставляет учредителям право запрашивать отчеты у лица, входящего в состав органа управления, о деятельности юридического лица, что является основанием для возникновения такой связи.

К сложным унитарным организациям относятся учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации.

Автор настоящей статьи сознательно не отнес организационно-правовые формы государственной корпорации, публично-правовой компании ни к одной из данных групп. Это обусловлено тем, что в ГК отсутствуют общие положения относительно внутренней структуры юридических лиц данных организационно-правовых форм. Структура определяется конкретным федеральным законом, поэтому анализировать и относить к определенной группе нужно конкретную государственную корпорацию или публично-правовую компанию, а не организационно-правовую форму в целом.

Также за рамки классификации автором выведены государственные и муниципальные унитарные предприятия, поскольку данная конструкция является лишь способом организации вещных отношений между учредителем и предприятием. Корпоративных связей в данных организационно-правовых формах не наблюдается.

Изложенная классификация показывает, что законодатель не соблюдает избранный им критерий деления юридических лиц на корпоративные и унитарные. Согласно п. 1 ст. 65.1 ГК РФ таким критерием является наличие или отсутствие прав участия. Из указанной логики предполагается, что в унитарных организациях прав участия быть не должно, следовательно, в принципе должна отсутствовать правовая связь «участник – юридическое лицо». В полной мере этот критерий соблюдается только лишь для фондов. В остальных унитарных организационно-правовых формах у учредителя сохраняется ряд правомочий, который в целом напоминает перечень прав участника корпоративной организации из ст. 65.2 ГК РФ. Видится, что для приведения законодательной классификации в логическое соответствие существует два варианта: либо уточнить критерий классификации, либо изменить перечень организационно-правовых форм, входящих в соответствующие группы.

В доктрине отсутствует единый подход к определению критерия деления юридических лиц на корпоративные и унитарные. Можно выделить следующие позиции:

1. Критерий воли. Данный критерий появился еще в научных работах XVIII в., когда авторы, анализируя природу фондов, пытались сравнивать их с иными юридическими лицами. Ф. К. фон Савиньи делил юридические лица на тех, у которых есть видимое внешнее воплощение в виде людского субстрата, и тех, которые имеют идеальное существование и такого субстрата вовсе не имеют[2]. Отто фон Гирке называл учреждения (прототип современных унитарных организаций) союзом с личностью, насажденной извне. Он считал, что учреждение имеет какую-то первоначальную установку, заложенную учредителями (душа учреждения), которую развивают в процессе деятельности лица, входящие в состав органов управления (тело учреждения)[3].

Н. С. Суворов отмечал, что воля учреждения – это воля учредитель-

[1] О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ : принят Государственной Думой 11 октября 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2013. Т. III. С. 356.

[3] См.: *Gierke O.* Deutsches Privatrecht : Bd. Allgemeiner Teil und Personenrecht : Duncker & Humblot, 1895. S. 635–345.

ном акте. При создании учредитель определяет для данного юридического лица цель, которая требует постоянного достижения посредством деятельности лиц, входящих в состав органов управления. Главное отличие учреждений от корпораций в том, что в учреждениях цель и первоначальная воля учредителя неизменны. Контроль за деятельностью органов на предмет соответствия цели осуществляет не учредитель, а соответствующий правительственный орган[4]. Д. П. Заикин, проводил анализ взглядов на критерий деления юридических лиц на унитарные и корпоративные. Автор обратил внимание, что большинство ученых выделяют персональный субстрат, который есть в корпоративных, но отсутствует в унитарных организациях. Однако никто до сих пор не дал ответа на то, что следует понимать под этим персональным субстратом. Д. П. Заикин приходит к выводу, что таким персональным субстратом выступают исключительно участники (члены) – лица, непосредственно связанные с юридическим лицом и между собой корпоративными правоотношениями и образующие высший орган управления корпорацией. Сущностно наличие или отсутствие таких лиц влияет на возможность изменять волю корпорации в отношении ее устройства, целей деятельности и иных ключевых вопросов существования (прекращение деятельности, трансформации в иное юридическое лицо и т. п.)[5]. Именно для того, чтобы у корпоративной организации была возможность обеспечивать такую изменчивость, внутри нее и появляются правоотношения «участник – юридическое лицо» и «участник – участник». Для унитарных организаций такая изменчивость должна быть вовсе недопустимой. В качестве примера можно привести личный фонд. В случае, когда учредитель при создании не совсем конкретно выразил свою волю, либо наступили обстоятельства, которые он не предусмотрел, это может привести к прекращению деятельности юридического лица. Например, согласно подп. 4 п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ личный фонд подлежит ликвидации, если невозможно сформировать органы управления. Порядок формирования органов управления определяется уставом или условиями управления[6].

Таким образом, если в условиях управления учредитель определил, что конкретное физическое лицо должно занять должность единоличного исполнительного органа, но при этом не предусмотрел никаких возможностей замены, то в случае отказа такого лица единоличный исполнительный орган не будет сформирован, а личный фонд подлежит ликвидации. В традиционной коммерческой организации данная проблема разрешилась бы куда проще – простым созывом общего собрания с вопросом об избрании нового руководителя. Таким образом, отличие корпоративной организации от унитарной заключается в наличии/отсутствии возможности менять программу деятельности юридического лица[7]. Корпоративная организация благодаря общему собранию учредителей в любой момент может принять соответствующие изменения. В то время как органы управления унитарной организации вправе лишь реализовывать программу и функционировать в рамках, заданных учредителем при создании.

Однако, по мнению автора настоящего исследования, данный критерий выступает следствием причины более глубокого порядка. Вероятно, существует что-то, что объясняет, почему в юридических лицах унитарных форм ключевые вопросы существования должны быть разрешены при создании раз и навсегда, а в корпоративных могут меняться в процессе жизни организации. Поиском данной глубинной причины занимается следующий критерий классификации.

2. Критерий имущественного субстрата. Раз в унитарных организациях нет субъектов, уполномоченных на изменение программы деятельности, то ряд авторов приходит к выводу, что в данных организационно-правовых формах отсутствует персональный субстрат. В связи с этим возникает вопрос, что должно его заменить. Многие исследователи приходят к выводу, что в унитарных организациях таким субстратом вы-

[4] См.: *Суворов Н. С.* Об юридических лицах по римскому праву. М. : Статут, 2000. С. 107–108.

[5] См.: *Заикин Д. П.* Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихитомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 9.

[6] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 06.08.2024).

[7] Под программой деятельности юридического лица автор настоящей статьи понимает порядок принятия организацией решений, ее внутреннее устройство, цель деятельности, порядок участия организации в гражданском обороте.

ступает имущество[8]. Например, А. Хайзе указывал, что для юридического лица обязательно наличие субстрата, он может состоять из лиц или из имущества (имущество, в свою очередь, делится на группы: предоставленное для общественно полезного использования или переданное под особое управление)[9]. В работах Карлова указано, что для унитарной организации недостаточно изъявления одной воли учредителей на создание, но и важно, чтобы учредители сформировали имущество, тем самым сформировав центр ее интересов. Однако не все авторы единодушно поддержали данные критерии классификации как основу разграничения юридических лиц на корпоративные и унитарные[10]. Например, В. Флюме указывал, что такое деление является некорректным, поскольку с точки зрения обладания имуществом создание музея в качестве союза или в качестве фонда не имеет сущностных различий[11].

Тем не менее автор настоящего исследования полагает, что стоит обратить внимание на имущественный субстрат унитарного юридического лица, но не с точки зрения прав юридического лица на это имущество, а с точки зрения цели, для которой оно обособляется от имущества учредителя и передается новому собственнику.

Безусловно, создание любого юридического лица требует передачи имущества[12]. Однако цели передачи имущества разные. Для коммерческой корпоративной организации оно передается с целью приумножения имущества и превращения его в деньги. То есть учредители финансируют организацию, на полученные средства организация генерирует прибыль, а прибыль распределяется среди учредителей. Для некоммерческой корпоративной организации имущество передается с целью его расходования на общественно полезные цели. Например, человеку дорого нанять себе фитнес-тренера. Но если он объединится со своими друзьями и пойдет на групповую тренировку, то выйдет дешевле. Если эту группу превратить в общественную организацию и расширить ее масштабы, то получится ситуация, когда за небольшой членский взнос человек получает услугу. А совокупность членских взносов идет на погашение расходов, связанных с оказанием данной услуги (аренда зала, спортивного инвентаря, оплата работы тренера и т. д.). Возможно, анализ какой-то конкретной ситуации покажет, что преследовалась несколько иная цель передачи имущества в юридическое лицо. Однако сущностно наблюдается один признак – сохранение имущества как такового не является ключевой целью при финансировании корпоративной организации. Обратная ситуация наблюдается в отношении унитарных организаций.

В результате передачи имущества унитарной организации оно обособляется от имущественной массы учредителя. Теперь это имущество можно использовать для достижения цели, определенной учредителем, и не бояться утраты. Например, государству требуется оказывать медицинскую помощь гражданам. Для этого необходимо помещение. Государство имеет такое помещение. Но учитывая объем государственных задач, это помещение может быть утрачено (начиная от продажи, заканчивая обращением взыскания на данное помещение по долгам государства). В связи с этим государство создает учреждение, которому выделяет указанное помещение и определяет медицинскую деятельность в качестве цели существования учреждения. Аналогично с фондом. Лицо имеет большое количество активов. Желая распределить риски и защитить один актив от обращения взыскания по долгам, связанным с другим активом (например, другим активом выступают доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, ведущего предпринимательскую деятельность), лицо обособляет этот актив, передавая в фонд. Уставом определяется цель управле-

[8] См.: *Габов А. В.* Юридические лица в российском гражданском праве. Том 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве / А. А. Аюрова, О. А. Беляева, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. А. В. Габов. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2015. С. 167.

[9] См.: *Heise A.* Grundirbeines Systems des gemeinen Civilrechts. 2. Ausg. Heidelberg : Mohr und Winter, 1816. § 98 mit Fn. 13.

[10] См.*Karlowa A*. Zur Lehre von den juristischen Personen // Grunhut's Zeitschrift fur das privat und offentlisches Recht der Gegenwart. T. XV. S. 394–400.

[11] См.: *Flume W.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts : Zweiter Teil Die juristische Person (Abteilung Rechtswissenschaft) : Springer, 1983. S. 97–98, 131.

[12] Об этом говорят положения ГК РФ об обязанности сформировать уставный капитал для хозяйственных обществ, складочный капитал для хозяйственных товариществ. Также в силу п. 5 ст. 50 ГК РФ некоммерческие организации, устав которых предусматривает право заниматься деятельностью, приносящей доход, также при создании должны сформировать имущество в размере не меньше минимального размера уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью.

ния активом таким образом, чтобы он оставался в сохранности и приносил доход, выплачиваемый в пользу выгодоприобретателей. Таким образом, у унитарной организации есть основная цель – сохранение имущества, выделенного учредителем, и дополнительная – предоставление пользы третьим лицам, определенным учредителем (эта польза может быть направлена как на неопределенный круг лиц, так и на конкретную персоналию). Наличие такой дополнительной цели породило следующий критерий классификации.

3. Критерий неопределенного состава участников. С. Н. Братусь проводил параллель между членами корпоративной организации и выгодоприобретателями унитарной организации. Обосновывал он это тем, что юридическое лицо приносит пользу как членам, так и выгодоприобретателям, следовательно, оно служит их интересам. И поскольку членов корпоративной организации можно определить заранее (все они принимали решение о создании или вступали в состав участников в силу иных сделок), то вопрос состава выгодоприобретателей унитарной организации заранее не определен[13]. В связи с этими рассуждениями появилась корпоративная теория учреждения, когда оно рассматривается не как самостоятельный вид юридического лица, а как корпорация с неопределенным составом участников[14]. Представляется, что в чистом виде нет оснований для применения данной классификации. Д. П. Заикин дает вполне справедливую критику, указывая, что не всегда можно определить выгодоприобретателей, а иногда их перечень, как и перечень участников, четко ограничен[15]. Однако для объяснения сущности унитарных юридических лиц некоторые элементы из данной классификации стоит заимствовать. Как ранее было сказано, нам необходимо установить причину, по которой ключевые вопросы жизни унитарной организации определяются учредителем и не могут быть впоследствии изменены. Представляется, что одно лишь сохранение имущества не является достаточным. Думается, важно, в чьих интересах оно должно быть сохранено. Как правило, унитарная организация имеет выгодоприобретателей, которые не связаны с ней никакими отношениями, а значит, не могут на нее влиять. Поэтому стабильность порядка и условий управления представляет собой гарантию защиты интересов выгодоприобретателей.

Представляется, что изложенные выше рассуждения относительно критерия деления юридических лиц на корпоративные и унитарные должны остаться на уровне доктринальных разработок с целью уяснения сущности унитарных юридических лиц. Поскольку закон представляет собой конкретное руководство к действию, то в нем должен быть дан четкий ответ, какие организации стоит признавать унитарными. Описание критерия в законе могло бы быть необходимым, если бы ГК РФ не содержал закрытого перечня организационно-правовых форм и правоприменителю приходилось бы в каждом конкретном случае решать вопрос о виде юридического лица.

Анализ критериев и соотнесение их с действующим правовым регулированием показали, что истинно унитарными организациями являются только лишь фонды (общественно полезные и личные). Учреждения отдаляет от унитарных организаций тот факт, что учредитель может влиять на ключевые вопросы, связанные с деятельностью организации. Таким образом, если лишить учредителя этой функции и обязать разработать правила управления, подлежащие изменению только судом при наличии особых оснований, то учреждения также можно отнести к унитарным организациям. Что касается автономных некоммерческих организаций и религиозных организаций, представляется, что в них вообще нет элементов унитарного юридического лица. Но прежде чем переносить их в группу корпоративных, следует сравнить их с общественными организациями и выявить четкие критерии, позволяющие говорить о необходимости выделения еще одной организационно-правовой формы корпоративного юридического лица.

Подводя итог, стоит сказать, что система законодательства об унитарных организациях требует реформирования, поскольку в настоящее время содержит большое количество логических ошибок. Критерий классификации в виде наличия/отсутствия прав участия стоит исключить из ГК РФ, поскольку он не раскрывает истинной сути деления юридических лиц на эти виды. Также требуется пересмотреть перечень

[13] См.: *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. С. 215.

[14] См.: *Козлова Н. В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М. : Статут, 2003. С. 216.

[15] См.: *Заикин Д. П.* Указ. соч. С. 12.

организационно-правовых форм, относимых к унитарным организациям. Большинство из них по своей структуре связей и возможности влиять на изменение программы деятельности близки к корпоративным юридическим лицам.

Библиографический список

Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. 364 с.

Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихитомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 7–72.

Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М.: Статут, 2003. 318 с.

Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2013. Т. III. 717 с.

Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М. : Статут, 2000. 299 с.

Юридические лица в российском гражданском праве / А. А. Аюрова, О. А. Беляева, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. А. В. Габов. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Прави-тельстве РФ : ИНФРА-М, 2015. Т. 2: Виды юридических лиц в российском законодательстве. 352 с.

Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts : Zweiter Teil Die juristische Person (Abteilung Rechtswissenschaft) : Springer, 1983. 416 S.

Gierke O. Deutsches Privatrecht : Bd. Allgemeiner Teil und Personenrecht : Duncker & Humblot, 1895. 864 S.

Heise A. Grundirbeines Systems des gemeinen Civilrechts. 2. Ausg. Heidelberg : Mohr und Winter, 1816. § 98 mit Fn. 13.

Karlowa A. Zur Lehre von den juristischen Personen // Grunhut's Zeitschrift fur das privat und offentlisches Recht der Gegenwart. T. XV. S. 394–400.

References

Bratus S. N. Legal entities in Soviet civil law. Moscow : Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1947. 364 p.

Zaikin D. P. General theoretical model of the legal foundation in the context of two dichotomies // Bulletin of Civil Law. 2020. No. 5. P. 7–72.

Kozlova N. V. The concept and essence of a legal entity. An essay on history and theory. Moscow : Statute, 2003. 318 p.

The system of modern Roman law : in 8 vol. / transl. from German by G. Zhigulin ; ed. by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow : Statute, 2013. Vol. III. 717 p.

Suvorov N. S. On legal entities under Roman law. Moscow : Statute, 2000. 299 p.

Legal entities in Russian civil law / A. A. Ayurova, O. A. Belyaeva, M. M. Vildanova [et al.] ; ed. A. V. Gabov. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M, 2015. Vol. 2: Types of legal entities in Russian legislation. 352 p.

Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts : Zweiter Teil Die juristische Person (Abteilung Rechtswissenschaft): Springer, 1983. 416 S.

Gierke O. Deutsches Privatrecht : Bd. Allgemeiner Teil und Personenrecht : Duncker & Humblot, 1895. 864 S.

Heise A. Grundirbeines Systems des gemeinen Civilrechts. 2. Ausg. Heidelberg : Mohr und Winter, 1816. § 98 mit Fn. 13.

Karlowa A. Zur Lehre von den juristischen Personen // Grunhut's Zeitschrift fur das privat und offentlisches Recht der Gegenwart. T. XV. S. 394–400.

Воронежский государственный университет
Минакова И. Р., преподаватель, аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
E-mail: irina.minakova.1998@yandex.ru

Поступила в редакцию: 27.02.2025

Для цитирования:
Минакова И. Р. Унитарные и корпоративные юридические лица : проблема критерия разграничения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 99–104. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/99-104

Voronezh State University
Minakova I. R., Lecturer, Post-graduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law
E-mail: irina.minakova.1998@yandex.ru

Received: 27.02.2025

For citation:
Minakova I. R. Unitary and corporate legal entities: the problem of the criterion of differentiation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 99–104. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/99-104

УДК 342.7; 34.037
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В ИНТЕРНЕТЕ[1]

Р. В. Хисамова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

FEATURES OF PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS ON THE INTERNET

R. V. Khisamova
National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: в статье рассматриваются особенности защиты прав детей в условиях развития информационного общества, характеризующегося ускоренным темпом изменения условий существования человека[2], с учетом необходимости сохранения и поддержания «принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка»[3]. Используя общие и специальные научные методы, в том числе метод сравнительного анализа, метод количественной оценки и метод формальной логики, автор систематизирует угрозы в Интернете, существующие в отношении детей, исследует границы правовой категории «дети» применительно к вопросу защиты их прав в Интернете, а также пытается определить соотношение публичного, частного и общественного начал в общем механизме защиты прав ребенка в интернет-пространстве.
Ключевые слова: защита прав в Интернете, права ребенка, защита детей, информационная безопасность несовершеннолетних, виртуальное пространство.

Abstract: the article considers the features of protection of children's rights in the development of the information society, taking into account the need to preserve and maintain the «principle of the best interests of the child». Using general and special scientific methods, including the method of comparative analysis, the method of quantitative assessment and the method of formal logic, the author systematizes the threats on the Internet that exist against children, explores the boundaries of the legal category "children" in relation to the issue of protecting their rights on the Internet, and tries to determine public, private and public principles in the general mechanism for protecting children's rights in the Internet space.
Key words: protection on the Internet, rights of a child, child protection, online threats, information security, virtual space.

В условиях цифрового развития общества происходит постепенная организация выполнения в цифровой среде функций и деятельности, которые ранее реализовывались людьми самостоятельно, т. е. без использования цифровых продуктов. В ходе цифровизации[4] в большинство сфер жизнедеятельности внедряются информационные технологии, направленные на создание для человека дополнительных благ. Между тем, как верно пишет Л. К. Терещенко, цифровизация – это не только смена технологий, это глубокое преобразование государ-

[1] Посвящается нашему с сестрой отцу Хисамову Винеру Закваповичу, покинувшему нас 14.12.2023 г.

[2] См. подробнее: *Никитина Е. Е.* Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.

[3] *Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

© Хисамова Р. В., 2025

[4] О содержании основных понятий, связанных с цифровизацией, см.: «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственного управления и бизнеса на основе IT-технологий[5].

Подобное преобразование условий жизни неизбежно затрагивает права человека, реализация которых в новой «цифровой» реальности требует и нового осмысления. Защита прав ребенка не является исключением, поскольку сегодня Интернет признан важным элементом социализации детей, наряду с традиционными – семьей и школой[6]. Согласно исследованию С. В. Кобзевой, российские дети в среднем начинают выходить в Интернет в 6–7 лет[7]. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в Сеть выходят практически все подростки в возрасте 12–14 лет (95 % в 2020 г.; +3,3 п. п. по сравнению с 2018 г.), а также растет вовлеченность в цифровую среду детей от 3 до 6 лет и от 7 до 11 лет (на 10 п. п. по сравнению с 2018 г.)[8].

Учитывая, что интернет-контент и, в общем, интернет-пространство оказывают существенное влияние на формирование личности ребенка, его умственное и физическое развитие, вопросы защиты детей и их прав в Интернете не могут оставаться вне правового регулирования и в целях выявления наиболее оптимальных моделей последнего нуждаются в теоретическом исследовании.

Ключевая особенность правового регулирования защиты прав детей

В 2020 г. Конституция Российской Федерации была дополнена ст. 67.1, согласно п. 4 которой дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Данные положения Конституции Российской Федерации конкретизируются и в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, в постановлении от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой» Конституционный Суд Российской Федерации прямо указывает на необходимость создания и обеспечения гарантий реализации прав детей на особую заботу и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни. Аналогичная позиция воспринята и юридической наукой, в которой отмечается, что специальные подходы к правовому регулированию прав ребенка обусловлены необходимостью окружать детей заботой[9].

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что ребенку нужно расти в семейном кругу, в атмосфере счастья, любви и понимания, позволяющей ему развиваться как личность. Однако учитывая, что данные категории законодательному регулированию фактически не поддаются, правовое регулирование в области защиты прав и интересов детей в большинстве случаев исходит «от обратного», т. е. из необходимости выявления и устранения угроз, способных нарушить благополучное развитие ребенка, либо минимизации соответствующих рисков.

В условиях «цифрового» XXI в. данные угрозы и риски подлежат выявлению в новой, цифровой плоскости и в виртуальной реальности.

Система интернет-рисков для детей

Угрозы или риски, существующие сегодня в Интернете, могут быть представлены в виде следующего перечня, который актуален как для взрослых, так и для детей:

1) **контент-риски** – незаконный (порнография, расизм, азартные игры) и вредный (агрессия, ненависть) контент, включая вредные советы (суицид) и нежелательную рекламу;

[5] См.: *Терещенко Л. К.* Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98–110.

[6] См.: *Рыбаков О. Ю., Рыбакова О. С.* Ребенок и интернет-пространство : вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.

[7] См.: *Кобзева С. В.* Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39.

[8] См.: URL: https://issek.hse.ru/news/551331807.html (дата обращения: 06.12.2023).

[9] См.: *Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э.* Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 14–21.

2) **контакт-риски** – опасные контакты с людьми, в том числе вовлечение ребенка в действия сексуального характера (кибергруминг), онлайн-беспокойство, унижение или травля с помощью мобильных телефонов и других электронных устройств (кибербуллинг), преследование или домогательство по Интернету (кибersталкинг);

3) **риски виртуальных транзакций** – совершение нежелательных (ошибочных и случайных) денежных операций (покупки, перевод и получение денежных средств и т. п.), включая инфомошенничество;

4) **риск интернет-приватности и безопасности** – утечка персональных данных детей и их неконтролируемое использование третьими лицами[10].

Предложенная классификация согласуется с исследованиями Организации экономического сотрудничества и развития[11] и, что важно отметить, не является исчерпывающей, поскольку, как мы указывали ранее, цифровизация и виртуализация представляют собой длящиеся процессы, ввиду чего интернет-угрозы могут как возникать, так и исчезать, что с научной позиции и обусловливает необходимость их теоретического исследования. Будучи исследованными в теории, угрозы могут быть легче нейтрализованы на практике, в том числе в правовом поле[12].

Системно названные виды угроз можно разделить на две основные группы: *контентные риски* (пункт 1 выше) и *коммуникационные риски* (пункты 2–4). Согласимся с предложенными В. И. Коваленко определениями того, что *контентные риски* представляют собой вероятность свободного доступа ребенка к размещаемому в сети Интернет социально неодобряемому или противоправному контенту, а *коммуникационные* – напрямую связаны с виртуальным общением пользователей в сети посредством различных интернет-площадок: социальные сети, сайты знакомств, форумы, блоги, чаты, мессенджеры и др.[13] Уточним только, что под коммуникационными рисками мы предлагаем понимать не только виртуальное общение, о чем говорит В. И. Коваленко, а любые взаимоотношения, возникающие между детьми и иными пользователями сети, включая общение, совершение сделок (в том числе по приобретению платного контента), распространение персональных данных и пр.

Данная система интернет-рисков может быть обозначена как *внешняя*, поскольку выявленные угрозы исходят от посторонних лиц, а не от близкого круга ребенка. Между тем применительно к последнему случаю нельзя не отметить еще одну угрозу – *внутреннюю*, которая может исходить от самых близких ребенку людей (родители, бабушки, старшие братья и сестры, другие активные онлайн родственники) при использовании ими Интернета в своих целях и интересах.

Зарубежная юридическая мысль в последнее десятилетие исследует явление распространения родителем информации о своем родительстве в Интернете (шерентинг)[14]. Поскольку в данном случае речь идет о фактическом использовании ребенка в качестве инфоповода (например, ведение блога о родительстве или непосредственно блог от имени ребенка), полагаем возможным не замыкать внутреннюю угрозу только на родителях, а рассматривать в качестве потенциального источника угрозы приближенных ребенку людей, занимающих активную жизненную онлайн-позицию (далее по тексту мы будем говорить о близких ребенку людях).

Нейтрализация перечисленных выше угроз (как внешних, так и внутренних) юридическими (правовыми) методами должна осуществляться с учетом специфики правового регулирования защиты детей, которую мы отметили выше, а также исходя из особенностей правового статуса ребенка, речь о которых пойдет дальше.

Динамика правового статуса ребенка: от ребенка до несовершеннолетнего

Ребенок является особенным субъектом права, специфика правового статуса которого состоит в презумпции незрелости ребенка для принятия самостоятельных решений, и, как следствие, в праве законных представителей на участие в реализации его прав и интересов[15].

[10] Подробнее о видах угроз мы писали ранее: *Khisamova R. V.* Children and Internet : Cyber Threats Sorts and Ways of Protection // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 4(2). P. 122–141.

[11] См.: *Кобзева С. В.* Указ. соч.

[12] См.: *Khisamova R. V.* Op. cit.

[13] См.: *Коваленко В. И.* Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2020. № 3. С. 26–32.

[14] См.: *Stacey B.* Steinberg, Sharenting : Children's Privacy in the Age of Social Media, 66 Emory L. J. 839 (2017).

[15] См.: *Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э.* Указ. соч.

Согласно одному из принципов, предусмотренных Конвенцией о правах ребенка, утв. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 г. (далее – Конвенция о правах ребенка, ООН соответственно), ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных в Уставе ООН, и особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности. В целях постепенного воспитания в ребенке «взрослого» законодательство предусматривает для ребенка соответствующие «правовые ограничения и свободы», исходя из того, что чем старше становится ребенок, тем больше «правовой свободы» он получает. В научной литературе со ссылкой на ст. 5 Конвенции о правах ребенка данный принцип называют принципом «развивающихся способностей ребенка»[16], который Комитет ООН о правах ребенка определяет как «правообразующий принцип, предусматривающий процесс взросления и обучения, в ходе которого дети постепенно приобретают профессиональные знания, понимание сути вещей и всё больше осознают способность взять на себя ответственность и осуществлять свои права»[17].

Это универсальное правило действует во всех отраслях права, которые, кстати, предусматривают свои собственные присущие только им ограничения для детей разного возраста, в связи с чем в юридическом языке и появляются отдельные термины в категории «дети».

Приведем несколько примеров.

В гражданском праве статус гражданина определяется его дееспособностью. В отношении детей действующее российское законодательство выделяет две категории: малолетние (дети до 14 лет) и несовершеннолетние (от 14 до 18 лет).

Гражданская процессуальная дееспособность принадлежит в полном объеме лишь гражданам, достигшим возраста 18 лет, и организациям. В силу п. 3 и 5 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации права, свободы и законные интересы несовершеннолетних, как достигших, так и не достигших 14 лет защищают их законные представители с той разницей, что первая группа несовершеннолетних (от 14 до 18 лет) привлекается судом к участию в деле в обязательном порядке, а вторая (дети до 14 лет) – по усмотрению суда.

Законодательство Российской Федерации об административной ответственности дифференцирует субъектов права на лиц, достигших 16 лет, и лиц, не достигших указанного возраста, закрепляя, что административной ответственности может быть подвергнута только первая группа (ст. 2.3 КоАП РФ).

Таким образом, общая категория «дети» («ребенок») по-разному дифференцируется в разных отраслях права, исходя из особенностей регулируемых правом общественных отношений. Указанная динамика поступательного развития правового статуса ребенка, как будет показано далее, прослеживается в полной мере и в области информационного права.

Обзор действующих в России правовых мер защиты детей от внешних контентных рисков

На сегодняшний день по российскому законодательству контентные риски в отношении детей всех возрастных категорий при использовании медиа и Интернета являются наиболее минимизированными. Это обусловлено, с одной стороны, сложившимся общемировым подходом к защите детей от негативной информации[18] и бесспорным признанием необходимости обеспечения такой защиты, а с другой – сравнительно простым методом, который сводится к ограничению на законодательном уровне доступа к определенной информации.

Правовые основы информационной безопасности детей заложены в ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Закон о правах ребенка) и конкретизированы в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Закон о защите детей от вредной информации). Последний, в частности, устанавливает классификацию информационной продукции (глава 2), требования к ее обороту (глава 3), порядок проведения экспертизы информационной продукции (глава 4), меры государ-

[16] *Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* Указ. соч.

[17] Комитет по правам ребенка. Замечание общего характера № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (ст. 4 и 42 и п. 6 ст. 44)». Документ № CRC/GC/2003/5. П. 12.

[18] См.: *Кобзева С. В.* Указ. соч.

ственного и общественного контроля (глава 5), а также ответственность (ст. 22).

С учетом возраста детей (до 6 лет, 6, 12, 16 лет и выше) законодатель фактически разделяет информацию по ее содержанию на запрещенную (ч. 2 ст. 5 Закона о защите детей от вредной информации) и информацию с ограниченным доступом (ч. 3 ст. 5 Закона о защите детей от вредной информации). В противовес, для взрослых единственным ограничением открытой информации, на которую не распространяются особые правовые режимы «тайн», является запрет, установленный ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации).

Однако в действительности информационная безопасность детей в Интернете реализована плохо: большинство сайтов, содержащих информацию, доступ к которой по закону должен быть ограничен для детей с учетом их возрастной категории, не промаркировано, а распространяемый контент не дифференцирован и не адаптирован для детской аудитории. То есть ограничительные меры в отношении потребляемого детьми контента в Интернете сегодня декларированы, но фактически в интернет-реальность, включая мессенджеры и социальные сети, не интегрированы. Предполагаем, что это связано, с одной стороны, со сложностями создания и внедрения отдельных механизмов «фильтрации» контента с учетом возрастных категорий посетителей сайтов в сети Интернет и незаинтересованностью владельцев источников информации в подобной фильтрации, а с другой – с отсутствием у государства реальной возможности сформировать адекватные механизмы принуждения и контроля.

В отношении полностью запрещенной информации дела обстоят значительно лучше. В настоящее время Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 (ред. от 24.12.2022) ведет Единый реестр доменов и сайтов с противоправным контентом по адресу: https://eais.rkn.gov.ru/.

При изложенных обстоятельствах нельзя не согласиться с С. В. Кобзевой в том, что система защиты несовершеннолетних от агрессивного интернет-контента в нашей стране функционирует, но требует усовершенствования[19].

Обзор российских правовых мер защиты детей от внешних коммуникационных рисков

Вторая группа внешних рисков, которым подвергаются дети в Интернете, это коммуникационные риски в виде контакт-рисков, рисков нежелательных транзакций и риска нарушения интернет-приватности и безопасности, в отношении которых законодательные и правовые меры защиты прав и интересов детей развиты слабее по сравнению с первой группой.

Защита детей от контакт-рисков сегодня исчерпывается нормами уголовного законодательства, предусматривающими ответственность за совершение в отношении несовершеннолетних отдельных действий вроде киберагрессии (то же, что и кибербуллинг или троллинг, т. е. унижение или травля с помощью мобильных телефонов, других электронных устройств) и кибергруминга (т. е. вовлечение ребенка в действия сексуального характера). Так, киберагрессия может быть квалифицирована по ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Доведение до самоубийства» (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», кибергруминг – по ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» и ст. 135 «Развратные действия». Кибersталкинг на сегодняшний день уголовному преследованию не подвергается.

Само по себе наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации общих составов преступлений, по которым могут быть квалифицированы действия, угрожающие детям в Интернете, представляется недостаточным. Важно осознавать, что уголовно-правовые механизмы защиты от интернет-преступлений, совершенных в отношении детей, не направлены на возмещение вреда, причиненного ребенку. Исходя из необходимости создания в первую очередь благоприятных условий для развития детей как фундаментальной основы развития российского общества объективно оправданной выглядит правовая разработка превентивных мер по сдерживанию и недопущению интернет-преступности.

[19] См.: *Кобзева С. В.* Указ. соч.

Виртуальные транзакции – третий вид выделенных нами рисков в Интернете, который состоит из двух подвидов: совершение ребенком в Интернете нежелательных покупок и финансовых операций, не одобренных родителями, и приобретение ребенком вредных платных информационных продуктов (покупка марафонов, лекций, курсов), зачастую не адаптированных под его возраст.

В целях защиты имущественных интересов детей их родители могут использовать общие правила гражданского законодательства Российской Федерации, в том числе, отказаться от приобретения ненужного товара или вернуть его продавцу. Защита же неимущественных интересов детей, возникающих в связи с совершением виртуальных транзакций по приобретению ненадежных инфопродуктов, находится за рамками правового поля. Меры защиты интересов детей от информационных продуктов сомнительного содержания, предлагаемых в Интернете, в том числе от информационных аферистов и инфоцыган, сегодня отсутствуют.

Аналогичная ситуация сложилась и при защите приватности детей и их персональных данных.

В данной категории рисков могут быть выделены следующие их виды:

– несанкционированный сбор информации, в том числе в виде цифровых файлов (доксинг);

– публичное распространение персональных данных / иных личных сведений (деанон);

– распространение не соответствующих действительности сведений, манипуляция общественным сознанием (фейкинг)[20].

Правовая защита против данных угроз отсутствует, поскольку правовое регулирование персональных данных детей и взрослых законодателем не дифференцировано. И если взрослый человек, осознавая свои риски, может принять необходимые превентивные меры, например, запретив применение файлов-куки, то ребенок – в очень редких случаях.

Правовая проблема защиты интересов ребенка в Интернете при онлайн-активности близких ребенку людей

Как показано выше, современное российское законодательство, пусть и не отличаясь совершенством, всё же предлагает отдельные правовые меры защиты прав и интересов ребенка в Интернете от внешних рисков (угроз). Внутренние же риски, т. е. риск нарушения прав и интересов ребенка в Интернете их родителями или другими онлайн активными близкими к ребенку людьми, только-только осознаются, а потому сегодня не охватываются правом. Вместе с тем представляется, что данный риск не может полностью оставаться за рамками правового регулирования, поскольку ребенку как человеку и гражданину гарантируется достоинство личности. С правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немыслимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний и требований международно-правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению (ч. 4 ст. 15, ч. 1 и 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Исходя из этого государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами верховенства права и справедливости, обязано не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и способствовать максимально возможному возмещению причиненного вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности (п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой»). Следовательно, онлайн-активность родителей или других близких ребенку людей при использовании ими ребенка в качестве инфоповода должна оцениваться с правовой позиции необходимости обеспечения ребенку права на охрану достоинства личности, включая его право на самостоятельную цифровую идентификацию, которое сегодня также широко обсуждается правовым сообществом[21].

[20] См.: *Богатырев К. М.* Угрозы медиабезопасности в цифровой среде : систематизация и анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 136–142.

[21] См.: *Бондарь Н. С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении : из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42 ; и др.

Публичные и частные начала в механизме защиты прав ребенка

Проведенный выше обзор правовых мер защиты интересов детей в сети Интернет ярко свидетельствует и неизбежно подводит нас к заключению о том, что защита прав детей в Интернете должна осуществляться на нескольких уровнях путем гармонизации государственного, частного и общественного начал.

По опыту развитых стран мира, к которым мы относим и Россию, эффективными мерами на уровне государства являются:

– законодательные запрет и ограничение распространения информации, способной нанести вред ребенку;

– внедрение классификации интернет-сайтов;

– повышение осведомленности детей, педагогов и родителей об интернет-угрозах и способах борьбы с ними.

Наряду с государством активными участниками процесса защиты прав детей выступают их родители (в силу императивного указания закона), а также общество (с учетом постоянного расширения арсенала доступных независимым группам людей методов реализации отдельных общественных инициатив).

Как справедливо отмечает Т. В. Шершень, современное семейное право не является в чистом виде частным правом, поскольку частные и публичные интересы и регулируемые им отношения нередко оказываются переплетенными и взаимообусловленными[22]. То же самое, на наш взгляд, справедливо и в области информационного права, в рамках которого особым образом переплетены и взаимообусловлены действия государства и родителей при защите прав детей в Интернете. Там, где заканчивается государственная правовая охрана интересов детей в Интернете, начинается сфера усмотрения или зона ответственности родителей и в то же время открывается возможность для реализации положительных общественных инициатив.

И если государственная правовая охрана детей в Интернете от внешних рисков на сегодняшний день, как было показано выше, более или менее обозначена в нормах действующего законодательства, то способы защиты прав детей в Интернете, доступные родителям (иным законным представителям ребенка), правовой доктриной еще не выработаны.

Вместе с тем само по себе отсутствие правового регулирования не свидетельствует об отсутствии конкретных способов защиты прав, которые образуются в реальной действительности.

Так, применительно к родителям (иным законным представителям детей) на практике существует особый способ защиты прав детей в Интернете – «родительский контроль», т. е. внедрение фильтрации на домашних персональных компьютерах и иных электронных устройствах, посредством которых ребенок выходит в сеть. Подобная фильтрация контента может быть осуществлена самостоятельно родителем «в ручном режиме», а может быть приобретена в рамках специальных программных продуктов. Поскольку применение данной меры защиты опосредуют цифровые технологии, полагаем возможным поднять вопрос о новом способе защиты права – цифровой защите (самозащите).

При этом такое целенаправленное ограничение контента (его фильтрация), доступного детям в Интернете, а также пресечение нежелательных контактов детей с посторонними лицами их родителями (законными представителями) с использованием цифровых технологий необходимо отличать от понятия «информационный колодец», которое используется применительно к интернет-контенту, ограниченному особым образом в интересах отдельного лица, обычно владельца информационной системы (сайта), путем применения конкретных алгоритмов системы.

На официальном сайте молодежного цифрового омбудсмена по вопросу информационных колодцев разъясняется, что алгоритмы и рекомендательные сервисы в социальных сетях и на платформах видеохостинга созданы для рационализированного и автоматизированного управления потоком пользователей. Эти системы предлагают пользователю контент на основе результатов анализа поведения пользователя, выполняемого сервисом. Если пользователь видит только то, что ему интересно, согласно анализу системы, то он попадает в так называемый информационный колодец, находясь в котором он не получает информацию по иным темам. Отмечается, что особенно остро проблема потребления контента стоит в социальных сетях. В информационный колодец пользователя можно поместить принудительно, тем самым навязывая контент и влияя на формирование его

[22] См.: *Шершень Т. В.* Частные и публичные начала в правовом регулировании алиментных обязательств // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2010. Вып. 4.

мировоззрения[23]. Данные обстоятельства необходимо принимать во внимание и не допускать использование родительского контроля во вред интересам ребенка и его праву на всестороннее развитие личности.

Применительно к отдельным общественным инициативам нельзя не отметить деятельность Лиги безопасного интернета, которая имеет своей основной целью создание безопасного пространства Интернета на территории Российской Федерации. В рамках основной деятельности Лига безопасного интернета оказывает информационную, консультационную и экспертную поддержку родителям, педагогам, детям и подросткам, помогая им взаимодействовать в Интернете наиболее полезным и безопасным для них способом. На официальном сайте Лиги по адресу: https://ligainternet.ru/o-nas/ содержится много полезной информации об основных угрозах в сети Интернет, о мерах защиты, которые могут быть приняты родителями и педагогами, о контактных данных, по которым дети и подростки могут обратиться за защитой своих прав и интересов.

Совершенно новым явлением социальной интернет-действительности выступает киберволонтерство, т. е. разновидность волонтерской деятельности, которая осуществляется дистанционно с помощью интернет-технологий[24].

Киберволонтеры могут выполнять функцию «оперативного защитника» прав и законных интересов детей в Интернете, который помогает сориентироваться ребенку или подростку в трудной ситуации, возникшей на просторах сети. Обобщив опыт работы и создания киберволонтерских движений, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации разработало Методические рекомендации для образовательных организаций высшего образования Российской Федерации по формированию медиа- и киберволонтерских отрядов в сфере противодействия противоправному контенту[25], которые, будучи адресованы сотрудникам образовательных организаций высшего образования, ответственным за развитие волонтерского движения, и сотрудникам, осуществляющим реализацию государственной молодежной политики в области противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, вместе с тем могут быть использованы любыми лицами.

Формирование цифровой реальности ставит перед правовым сообществом новые проблемы, в числе которых можно отметить и проблему защиты прав детей в Интернете. Доступность сети Интернет детям на сегодняшний день сопряжена для них с контентными и коммуникационными внешними рисками, а также внутренним риском нарушения прав ребенка в Интернете его ближайшим окружением в ходе своей онлайн-активности. Как обозначено в статье, нейтрализация выявленных рисков с учетом их характера может быть достигнута исключительно путем правильного и сбалансированного распределения функций и ответственности между государством, обществом и родителями (иными законными представителями).

Библиографический список

Богатырев К. М. Угрозы медиабезопасности в цифровой среде : систематизация и анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 136–142.

Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении : из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42

Кибер-Волонтеры, как инструмент профилактики распространения деструктивного контента в сети интернет, инструменты и механизмы организации работы / П. М. Урвачев, А. М. Барышева, Р. Д. Гусаров, Я. А. Родионов // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7 октября 2022 г.). М. : АЛЕФ, 2022. С. 84–91.

Кобзева С. В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39.

Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 14–21.

[23] См.: URL: https://www.youthombudsman.ru/help/7 (дата обращения: 02.10.2023).

[24] См. также: Кибер-Волонтеры, как инструмент профилактики распространения деструктивного контента в сети интернет, инструменты и механизмы организации работы / П. М. Урвачев, А. М. Барышева, Р. Д. Гусаров, Я. А. Родионов // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7 октября 2022 г.). М. : АЛЕФ, 2022. С. 84–91.

[25] О направлении информации : письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 22 марта 2022 г. № МН-6/115..

Коваленко В. И. Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2020. № 3. С. 26–32.

Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.

Рыбаков О. Ю., Рыбакова О. С. Ребенок и интернет-пространство : вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.

Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98–110.

Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

Шершень Т. В. Частные и публичные начала в правовом регулировании алиментных обязательств // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2010. Вып. 4.

Khisamova R. V. Children and Internet : Cyber Threats Sorts and Ways of Protection // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 4(2). P. 122–141.

Stacey B. Steinberg, Sharenting : Children's Privacy in the Age of Social Media, 66 Emory L. J. 839 (2017).

References

Bogatyrev K. M. Threats of media security in the digital environment t: systematization and analysis // Actual problems of Russian law. 2022. No. 7. P. 136–142.

Bondar N. S. Information and digital space in the constitutional dimension : from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2019. No. 11. P. 25–42.

Cyber-Volunteers as a tool for preventing the spread of destructive content on the Internet, tools and mechanisms for organizing work / P. M. Urvachev, A. M. Barysheva, R. D. Gusarov, Ya. A. Rodionov // Modern strategies and digital transformations sustainable development of society, education and science : collection of materials from the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 7, 2022. Moscow : ALEF, 2022. P. 84–91.

Kobzeva S. V. Protection of the rights of minors from threats on the Internet // Information Law. 2017. No. 2. P. 33–39.

Kolobayeva N. E., Nesmeyanova S. E. Information security of minors and the right to access to the Internet // Electronic Appendix to the «Russian Law Journal». 2020. No. 6. P. 14–21.

Kovalenko V. I. Prevention of risks and threats to the life and health of children related to the influence of the Internet // Magazine «Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 2020. No. 3. P. 26–32.

Nikitina E. E. System of human rights and freedoms in the context of the technological revolution // Journal of Russian Law. 2020. No. 8. P. 27–44.

Rybakov O. Y., Rybakova O. S. Child and Internet Space: Legal Security Issues // Information Law. 2018. No. 1. P. 27–31.

Tereshenko L. K. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization // Journal of Russian law. 2022. No. 12. P. 98–110.

Trigubovich N. V., Khazova O. A., Kuzova S. Y., Chefranova E. A. On the Concept of Improvement of Legislation Regulating Children's and Parents' Relations // Law. 2022. No. 1. P. 28–38.

Shershen T. V. Private and public beginnings in the legal regulation of alimony obligations // Bulletin of the Perm University. Law Sciences. 2010. Edition 4.

Khisamova R. V. Children and Internet : Cyber Threats Sorts and Ways of Protection // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 4(2). P. 122–141.

Stacey B. Steinberg. Sharenting : Children's Privacy in the Age of Social Media, 66 Emory L. J. 839 (2017).

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Хисамова Р. В., аспирант Департамента права цифровых технологий и биоправа

E-mail: rina_khisamova@list.ru

Поступила в редакцию: 03.07.2023

Для цитирования:

Хисамова Р. В. Особенности защиты прав детей в интернете // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 105–113. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113

National Research University «Higher School of Economics»

Khisamova R. V., PhD Student of the Department of Digital Technology Law and Biologics

E-mail: rina_khisamova@list.ru

Received: 03.07.2023

For citation:

Khisamova R. V. Features of protection of children's rights on the internet // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 105–113. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113

УДК 349.41
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/114-118

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ

С. В. Тищенко

Российский государственный университет правосудия, Приволжский филиал (Нижний Новгород)

А. В. Кирсанова

Министерство лесного хозяйства и охраны животного мира Нижегородской области

FEATURES OF JUDICIAL PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO FOREST RESOURCES

S. V. Tishchenko

Russian State University of Justice, Volga Region branch (Nizhny Novgorod)

A. V. Kirsanova

Ministry of Forestry and Wildlife Protection of the Nizhny Novgorod Region

Аннотация: при рассмотрении судебных дел о защите имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы следует учитывать ряд особенностей. В статье проанализированы судебные дела (на примере Нижегородской области), в которых чаще всего принимают участие уполномоченные государственные органы по искам о защите имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы. Такие дела рассматриваются как в арбитражных судах (например, между органами государственной власти и предпринимателями), так и в судах общей юрисдикции (например, дела о привлечении к ответственности за незаконную вырубку леса). Выявлено, что стандартная процедура судебного разбирательства в таких делах предполагает исковые заявления, собирание доказательств, экспертизы состояния лесных ресурсов и оценку причиненного ущерба. Судебная защита имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы представляет собой сложный и многоуровневый процесс, важнейшими элементами которого являются правоприменительная практика, участие специализированных государственных органов в разрешении дел и оценка экологических последствий нарушений. Проведенный анализ материалов практики подчеркивает несколько важных особенностей и проблем, свидетельствующих о недостаточной эффективности деятельности органов выборочного контроля и надзора за использованием лесных ресурсов.
Ключевые слова: лесные ресурсы, защита имущественных прав, судебная защита, исковое производство, лесной контроль.

Abstract: when considering court cases on the protection of the property rights of the Russian Federation to forest resources, a number of features should be taken into account. The article analyzes court cases (using the example of the Nizhny Novgorod region), in which authorized state bodies most often participate in claims for the protection of property rights of the Russian Federation to forest resources. Such cases are considered both in arbitration courts (for example, between public authorities and entrepreneurs) and in courts of general jurisdiction (for example, cases of prosecution for illegal logging). It has been revealed that the standard procedure of judicial proceedings in such cases involves statements of claim, collection of evidence, examination of the state of forest resources and assessment of the damage caused. Judicial protection of the property rights of the Russian Federation to forest

© Тищенко С. В., Кирсанова А. В., 2025

resources is a complex and multilevel process, the most important elements of which are law enforcement practice, the participation of specialized government agencies and the assessment of the environmental consequences of violations. The analysis of the practice materials highlights several important features and problems that indicate the insufficient effectiveness of selective control and supervision of the use of forest resources.
Key words: forest resources, protection of property rights, judicial protection, claim proceedings, forest control.

Судебная защита имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при рассмотрении соответствующих дел.

Согласно данным статистики, в период с 2017 по 2023 г. было подано 1928 исков по 3044 участкам в целях защиты имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы. Из них было удовлетворено 1231 иск по 1844 земельным участкам. Среднегодовое количество судебных землеустроительных экспертиз – 100. Количество возбужденных уголовных дел по фактам незаконного выбытия земель из состава земель лесного фонда – 12[1].

Судебные споры в рамках защиты имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы составляют вопросы о правомерности использования лесных участков, возмещения ущерба, причиненного лесам, и соблюдении договорных обязательств, связанных с арендами лесных участков. Стандартная процедура судебного разбирательства в таких делах предполагает исковые заявления, собирание доказательств, экспертизы состояния лесных ресурсов и оценку причиненного ущерба.

В судебных делах анализируемого вида чаще всего принимают обязательное участие уполномоченные государственных органов в процессе защиты лесных ресурсов. Федеральное агентство лесного хозяйства, региональные департаменты и управления лесного хозяйства занимают решающее место в выявлении нарушений, подготовке исков и представлении интересов государства в суде.

Необходимо также учитывать, что судебная практика в данной сфере имеет в своем составе рассмотрение дел как в арбитражных судах (например, споры между юридическими лицами и государственными органами), так и в судах общей юрисдикции (например, дела о привлечении к уголовной ответственности за незаконную вырубку лесов). В зависимости от характера нарушения и его последствий меры ответственности варьируются от административных штрафов до уголовных наказаний, вплоть до лишения свободы.

Судебная защита имущественных прав на лесные ресурсы тесно связана с вопросами экологической безопасности и устойчивого развития. В процессе судебного разбирательства учитывается необходимость восстановления поврежденных лесных массивов и принятия мер для предотвращения повторного нарушения. Эксперты в области лесного хозяйства нередко привлекаются для проведения оценки состояния лесного участка, стоимости ущерба и разработки рекомендаций по восстановлению.

В деле № А43-20725/2016, рассмотренном Арбитражным судом Нижегородской области 12 апреля 2016 г.[2], ООО «Лесной путь» оспаривало решение Министерства лесного хозяйства Нижегородской области о наложении штрафа за несоблюдение условий использования лесного участка. Суд постановил, что ООО «Лесной путь» не предоставило необходимые документы и соответствующим образом использовало лесной участок, подтверждая правомерность действий министерства. Вывод из данного дела: компании часто пренебрегают соблюдением условий аренды лесных участков, что ведет к претензиям со стороны государственных органов.

Дело № А43-5612/2017, рассмотренное 20 июля 2017 г. Арбитражным судом Нижегородской области[3], касалось спора между администрацией района и лесозаготовительной компанией «Зеленый мир». Суд установил, что «Зеленый мир» осуществлял вырубку леса на территории, не входящей в арендованный уча-

[1] См.: *Спиренков В. А.* Реализация лесной амнистии, правоприменительная судебная практика // Девятый Всероссийский съезд кадастровых инженеров. Кадастр недвижимости. 2023. № 3 (72). С. 26.

[2] Решение по делу № А43-20725/2016 Арбитражного суда Нижегородской области от 12 апреля 2016 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

[3] Решение по делу № А43-5612/2017 Арбитражного суда Нижегородской области от 20 июля 2017 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

сток, и обязал компанию возместить ущерб и прекратить незаконную деятельность. Этот случай подчеркивает проблему несоответствия фактического использования лесных ресурсов и оформленных на выделенное прав.

В декабре 2018 г., в деле № 2-371/2018, рассмотренном Нижегородским районным судом[4], физическое лицо привлекалось к уголовной ответственности за незаконную вырубку леса. На основании доказательств, охватывая экспертизы и свидетельские показания, суд постановил признать виновным обвиняемого и назначил наказание в виде лишения свободы условно. Приведенное дело показывает значимость уголовной ответственности за незаконное использование лесных ресурсов и необходимость строгого контроля со стороны правоохранительных органов.

Дело № А43-14415/2019 от 15 мая 2019 г. в Арбитражном суде Нижегородской области[5] касается конфликта между ОАО «Лесхоз» и частной компанией «Древпром». Спор возник из-за нарушения условий договора аренды лесных участков. Суд признал, что «Древпром» нарушил условия договора, что привело к его расторжению, а также обязал компанию выплатить штраф за нанесенный ущерб. Приведенное показывает, что арендаторы лесных ресурсов нередко не соблюдают договорные условия, что ведет к судебным разбирательствам.

Дело № 2-9277/2020, рассмотренное Нижегородским областным судом в июне 2020 г., касалось искового заявления Прокуратуры Нижегородской области к индивидуальному предпринимателю о взыскании ущерба за незаконную вырубку леса. Суд в ходе рассмотрения дела выявил систематическое нарушение порядка получения разрешительной документации и обязал предпринимателя возместить ущерб. Этот случай обозначает необходимость регулярного контроля и проверки сферы лесопользования на уровне предпринимательства.

Дело № А43-31854/2021, рассмотренное 10 октября 2021 г. в Арбитражном суде Нижегородской области[6], также связано с имущественными правами на лесные ресурсы. В данном деле один из пунктов обвинения со стороны истца (Министерства лесного хозяйства) к ООО «Леспром» касался не только нарушения условий использования лесных участков, но и их деформации в результате добычи песка. Суд постановил, что использование лесных земель должно соответствовать заявленным целям, и обязал компанию выплатить штраф и вернуть участкам первоначальный вид. Приведенное дело подчеркивает проблему нарушения земельного и лесного законодательства одновременно.

Последний пример касается дела № 2-6021/2023 Нижегородского областного суда от 14 марта 2023 г.[7]. В заявлении истец (Министерство экологии и природных ресурсов Нижегородской области) требовал привлечения лесозаготовительной компании «ВолгаЛес» к ответственности за вырубку леса на охраняемой территории. Суд, рассмотрев доводы истца и ответчика, постановил признать компанию виновной и обязал возместить причиненный ущерб. Этот случай демонстрирует, насколько важен экологический контроль за использованием лесных ресурсов.

Анализируя перечисленные дела, можно сделать выводы: во-первых, арендные отношения в сфере лесопользования часто нарушаются, что ведет к судебным разбирательствам; во-вторых, незаконная вырубка и эксплуатация лесов без необходимых разрешений по-прежнему актуальны и требуют строгого уголовного преследования; и, наконец, система контроля и надзора за лесными ресурсами должна постоянно совершенствоваться для предотвращения таких нарушений.

Подробнее считаем необходимым рассмотреть еще одно дело № А43-17441/2018, рассмотренное Арбитражным судом Нижегородской области. Решение по делу было вынесено 10 сентября 2018 г.[8].

В данном деле прокуратура Нижегородской области обратилась в суд в интересах Российской Федерации с иском к ООО «Лесозаготовка» о

[4] Решение по делу № 2-371/2018 Нижегородского районного суда от 12 декабря 2018 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

[5] Решение по делу № А43-14415/2019 Арбитражного суда Нижегородской области от 15 мая 2019 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

[6] Решение по делу № А43-31854/2021 Арбитражного суда Нижегородской области от 10 октября 2021 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

[7] Решение по делу № 2-6021/2023 Нижегородского областного суда от 14 марта 2023 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

[8] Решение по делу № А43-17441/2018 Арбитражного суда Нижегородской области от 10 сентября 2018 г. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.09.2024).

взыскании ущерба, причиненного незаконной вырубкой лесных насаждений на земельном участке, принадлежащем Российской Федерации. Прокуратура заявила, что ответчик осуществлял вырубку леса на территории государственного лесного фонда без получения соответствующих разрешительных документов, а также без уплаты соответствующих платежей за использование природных ресурсов.

По результатам рассмотрения дела суд установил, что ООО «Лесозаготовка» действительно осуществляло незаконную вырубку лесных насаждений на указанной территории, что подтверждалось предоставленными доказательствами, охватывая отчет о лесопатологическом обследовании, акты осмотра и показания свидетелей. Суд удовлетворил исковые требования прокуратуры и постановил взыскать с ответчика сумму нанесенного ущерба.

Таким образом, судебная защита имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы представляет собой сложный и многоуровневый процесс, требующий не только юридически значимых действий в области сохранения лесов как комплексной экологической системы, но и глубокого понимания специфики лесного хозяйства. «Лес, как природный ресурс и как экологическая система, состоит из почв, подземных и наземных источников, объектов растительного и животного мира, находящихся в тесной взаимосвязи. Поэтому негативное воздействие на отдельные компоненты экологической системы лесов влечет нарушение внутрисистемных связей, нанося тем самым вред экосистеме в целом»[9].

Важнейшими элементами этой защиты являются правоприменительная практика, участие специализированных государственных органов в вопросах защиты имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы и оценка экологических последствий нарушений.

Анализ материалов практики подчеркивает несколько важных особенностей и проблем. Несмотря на наличие законодательной базы, регламентирующей использование лесных ресурсов, всё еще существует значительное количество нарушений, связанных с незаконной вырубкой лесов. Для привлечения виновных к ответственности и возмещения ущерба часто необходимо привлечение прокуратуры, что свидетельствует о недостаточной эффективности деятельности органов выборочного контроля и надзора за использованием лесных ресурсов.

Библиографический список

Спиренков В. А. Реализация лесной амнистии, правоприменительная судебная практика // Девятый Всероссийский съезд кадастровых инженеров. Кадастр недвижимости. 2023. № 3 (72). С. 26–29.

References

Spirenkov V. A. Implementation of forest amnesty, law enforcement judicial practice // The Ninth All-Russian Congress of Cadastral Engineers. Real estate cadastre. 2023. No. 3 (72). P. 26–29.

[9] По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть» : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

Российский государственный университет правосудия, Приволжский филиал (Нижний Новгород)

Тищенко С. В., кандидат юридических наук, доцент, член Ассоциации юристов России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

E-mail: stischenko@yandex.ru

Министерство лесного хозяйства и охраны животного мира Нижегородской области

Кирсанова А. В., главный специалист отдела земельных отношений и государственного кадастрового учета

Russian State University of Justice, Volga Region branch (Nizhny Novgorod)

Tishchenko S. V., Candidate of Law, Associate Professor, Member of the Association of Lawyers of Russia, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

E-mail: stischenko@yandex.ru

Ministry of Forestry and Wildlife Protection of the Nizhny Novgorod Region

Kirsanova A. V., Chief Specialist of the Department of Land Relations and State Cadastral Registration

E-mail: kirsanjva.nastya2014@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.11.2024

Для цитирования:
Тищенко С. В., Кирсанова А. В. Особенности судебной защиты имущественных прав Российской Федерации на лесные ресурсы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 114–118. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/114-118

E-mail: kirsanjva.nastya2014@yandex.ru

Received: 13.11.2024

For citation:
Tishchenko S. V., Kirsanova A. V. Features of judicial protection of property rights of the Russian Federation to forest resources // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 114–118. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/114-118

УДК 347
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/119-125

СКРИНШОТ КАК ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Д. Р. Зверев
Воронежский государственный университет

SCREENSHOT AS ELECTRONIC EVIDENCE IN ARBITRATION PROCEEDINGS

D. R. Zverev
Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются определение электронного доказательства и его место в гражданском процессе, анализируются различные подходы к оценке скриншотов в качестве доказательств. На основе изучения судебной практики и научных работ выявлены пробелы в правовом регулировании, препятствующие эффективному использованию скриншотов в судопроизводстве. Обоснована целесообразность использования скриншотов как электронных доказательств в арбитражном процессе. Выявлена необходимость в законодательном урегулировании вопроса о скриншотах, используемых в качестве электронных доказательств в арбитражных судах, поскольку их текущий статус и доказательственная сила недостаточно определены.
Ключевые слова: электронные доказательства, скриншот, арбитражное судопроизводство, цифровизация, доказывание, допустимость доказательств, арбитражный процесс, суд.

Abstract: the paper examines the definition of electronic evidence and its place in civil proceedings, and analyzes various approaches to assessing screenshots as evidence. Based on the study of judicial practice and scientific works, gaps in legal regulation that hinder the effective use of screenshots in legal proceedings are identified. The paper substantiates the author's point of view on the advisability of using screenshots as electronic evidence in arbitration proceedings. The need for legislative regulation of the issue of screenshots used as electronic evidence in arbitration courts has been identified, since their current status and evidentiary value are not sufficiently defined.
Key words: electronic evidence, screenshot, arbitration proceedings, digitalization, proof, admissibility of evidence, arbitration process, court.

Цифровая революция охватила практически все сферы жизнедеятельности, заменив устоявшиеся методы работы и взаимодействия. Привычные нам процессы уступают место цифровым решениям, которые всё больше интегрируются в текущую повседневность. Вытесняются традиционные подходы и практики, кардинально меняются способы ведения дел, существовавшие годами.

Для юристов, работающих с делами, в которых фигурируют электронные доказательства, крайне важен анализ существующей судебной практики, а порой и ее противоречий. Изучая различные подходы судов по применению электронных доказательств, можно заметить некоторые судебные прецеденты, привлекающие пристальное внимание юридического сообщества.

Разнообразная судебная практика по использованию электронных доказательств представляет для юристов-практиков большой интерес.

В арбитражном процессе электронные доказательства играют важную роль. Согласно ст. 75 АПК РФ документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием сети Интернет, а также документы, подписанные электронной

© Зверев Д. Р., 2025

подписью, допускаются в качестве письменных доказательств[1].

Ключевым требованием к электронным доказательствам является их достоверность. Они должны отражать реальные факты и события, а представленная в виде электронных доказательств информация должна быть правдивой и точной.

Отсутствие в АПК РФ специальных положений, регулирующих порядок исследования электронных доказательств, обусловливает применение к данному процессу общих правил, установленных ст. 71 АПК РФ, аналогично исследованию иных видов доказательств.

Автор солидарен с позицией С. Ф. Афанасьева в том, что «по большому счету, какая разница, каким образом истец или ответчик, свидетели, эксперты, специалисты и прочие субъекты правоотношения общаются с судом (лично или нет); главное, чтобы они (намеренно или нет) не искажали юридически значимых сведений»[2]. Главная задача состоит в том, чтобы доказать достоверность предоставленных суду электронных доказательств. Именно в этом заключаются основные сложности, которые обусловлены некоторыми пробелами в правовом поле.

Цифровая трансформация многих сфер жизни оказывает глубокое влияние на понятие «доказательство», приводя к новым формам и видам доказательств, а также к переосмыслению их значимости, в связи с чем происходит адаптация этого термина к новым реалиям.

Несмотря на то что «отечественная доктрина указывает на отсутствие единообразных критериев оценки доказательств с тем, чтобы информация, полученная в цифровом пространстве, обладала свойством доказательственного значения»[3], для эффективного использования современных цифровых технологий в судопроизводстве, по мнению автора, необходимо обеспечить единое понимание электронной информации всеми участниками процесса, а также создать определенный унифицированный подход к обработке и стандартизации электронных данных.

Судебная практика показывает, что в случае, когда сторона не оспаривает достоверность электронного доказательства, суд признает его допустимым. Примером может служить решение арбитражного суда по иску ООО «ПУЛЬС Воронеж» к ООО «МедИнвестГрупп» о взыскании денежных сумм по договору поставки. Дополнительным соглашением к договору предусматривалась возможность направления истцу оферты на приобретение ответчиком товаров посредством программ для электронных вычислительных машин и (или) сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Стороны также договорились использовать электронную подпись, определили порядок ее использования для подписания счетов-фактур, товарных накладных, а также установили порядок обмена электронными документами. Так как факт поставки товаров по договору был подтвержден электронными товарными накладными, подписанными усиленной квалифицированной цифровой подписью директора поставщика (истца) и генерального директора покупателя (ответчика), который не оспорил исковые требования, суд удовлетворил иск в полном объеме[4].

Как подчеркивает Е. А. Нахова, электронные доказательства представляют собой информацию о фактах, имеющих значение для судебного разбирательства, записанной в цифровом формате, а также в виде звуковых и видеозаписей. В качестве примера ею приводится позиция М. В. Горелова, который полагает, что оценивая электронные документы в качестве доказательств, необходимо принимать во внимание следующие факторы: «1) надежность способа, с помощью которого подготавливалось, хранилось или передавалось электронное сообщение; 2) надежность способа, при помощи которого обеспечивалась целостность информации; 3) надежность способа, при помощи которого идентифицировался его составитель; 4) правильность способа фиксации информации, ведь закрепление информации на современном источнике может

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[2] *Афанасьев С. Ф.* Правовая политика в области доказывания и доказательств по гражданским делам в контексте применения новых цифровых технологий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 7.

[3] *Валеев Д. Х., Нуриев А. Г.* Создание цифровой процессуальной среды доверия : сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве // Нотариус. 2022. № 3. С. 4.

[4] Решение арбитражного суда Воронежской области от 26 октября 2022 г. по делу № А14-7611/2022. URL: http:// sudakt.ru

отражаться на достоверности данного электронного доказательства»[5].

В рамках письменных доказательств особое место занимает электронное доказательство, такое как скриншот. Он представляет собой изображение, полученное путем захвата содержимого экрана компьютера или иного устройства, такого как смартфон или планшет.

Широкое признание скриншотов в качестве допустимых и приемлемых доказательств наблюдается как среди ученых, так и среди практикующих юристов.

Так, А. А. Демин считает, что «с помощью "скриншота" или снимка с экрана могут быть зафиксированы важные элементы информации, находящиеся в информационно-коммуникационной сети Интернет». Вместе с тем, по его мнению, «…отнесение электронных доказательств к письменным является ошибкой законодателя…»[6]. Е. В. Иванова считает иначе: «Поскольку скриншот изготавливается на бумажном носителе, ввиду этого на практике их относят к письменным доказательствам»[7].

Е. А. Нахова также классифицирует скриншоты как письменные доказательства, полагая, что «отнесение электронных документов к письменным доказательствам основано на том, что сведения, которые содержатся в электронных документах, представляют собой человеческую мысль (понятия, суждения, умозаключения и т. д.) о существующей действительности»[8].

Имеются и другие мнения некоторых представителей научной общественности, которые сомневаются в доказательственном значении скриншотов и советуют фиксировать информацию, которая представлена в виде скриншотов, у нотариуса, т. е. оформлять протокол осмотра доказательства.

Так, Н. А. Артебякина подчеркивает, что скриншот сам по себе не может служить гарантией допустимости и достоверности доказательств. В связи с этим она рекомендует заинтересованным лицам обращаться к нотариусу для надлежащего заверения доказательств, в виду того что «протокол осмотра интернет-страниц зачастую является единственным доказательством у лица, обратившегося за судебной защитой своих нарушенных прав и охраняемых законов интересов»[9].

В. В. Котлярова также полагала, что «не имеет доказательственной силы переписка в мобильном приложении, в том числе ее распечатки и скриншоты, если она нотариально не заверена, поскольку не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам, так как невозможно доподлинно установить отправителя, адресата, дату, время отправки»[10]. По ее мнению, нотариальное заверение электронной переписки является ключевым фактором для признания ее судом в качестве относимого, допустимого и достоверного доказательства, что подтверждается судебной практикой.

По мнению этих авторов, нотариальный осмотр веб-страниц и заверение доказательств нотариусом являются предпочтительным способом фиксации информации в Интернете. Судебная практика, в том числе арбитражных судов, эту правовую доктрину ранее подтверждала.

Можно привести примеры из судебной практики, когда суды отдавали предпочтение доказательствам, заверенным нотариусом в виде протокола осмотра.

Так, постановлением двадцатого арбитражного апелляционного суда скриншот в качестве надлежащего доказательства был отклонен в связи с отсутствием нотариального осмотра интернет-страниц сайта. Апелляционная инстанция посчитала, что предоставленные ответчиком в материалы дела скриншоты, представляющие собой снимки с экрана монитора, не могут быть допустимыми доказательствами в силу ст. 68 АПК РФ, поскольку в представленном виде их невозможно соотнести с компьютером ответчика, и последний, в целях документальной фиксации необходимой, по его мнению, информации на своих компьютерах, не был лишен возможности применения процедуры, предусмо-

[5] *Нахова Е. А.* Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 12.

[6] *Демин А. А.* Особенности правового регулирования электронных доказательств в гражданском, арбитражном, административном процессах // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 9.

[7] *Иванова Е. В.* Скриншот – цифровая возможность в процессе доказывания : проблемные аспекты // Право и государство : теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 3.

[8] *Нахова Е. А.* Указ. соч. С. 12.

[9] *Артебякина Н. А.* Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 13.

[10] *Котлярова В. В.* О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 6.

тренной главой XX Основ законодательства РФ о нотариате, с предоставлением суду составленного нотариусом протокола и соответствующих приложений к нему, однако данным правом также не воспользовался, что влечет для него риск наступления соответствующих правовых последствий при оценке судом обстоятельств, которые могут быть признаны доказанными[11].

Рассматривая дела нижестоящих инстанций, связанные с допущением ими нарушений законодательства по оценке скриншотов в качестве доказательств, Верховный Суд РФ обращал внимание на то, что электронная переписка между сторонами по электронной почте может считаться допустимым и достоверным доказательством. Однако в некоторых случаях суды считали, что доказательства, представленные сторонами в виде скриншотов, можно оспорить по результатам судебной экспертизы, в связи с чем они повышали требовательность к представленной переписке. Это, в свою очередь, создавало дополнительные сложности добросовестной стороне спора, что также подтверждается судебной практикой[12].

Е. В. Гаврилов высказывает иное мнение по поводу обязательного нотариального заверения скриншотов, применяемых судами в качестве доказательств. Он неоднократно в своих научных статьях рассматривал значение понятия «скриншот», приводя различные толкования Верховного Суда РФ. Несмотря на его критику определений скриншота, содержащихся в постановлениях Пленумов ВС РФ, он справедливо, на взгляд автора, отмечает, что «…важна доказательственная сила скриншотов. Необходимо ли их обязательное нотариальное заверение… заверение иными компетентными лицами или достаточно заверения лицами, участвующими в деле?»[13].

По мнению автора, такая позиция юриста согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ по вопросу применения в судебной практике электронных доказательств в виде скриншотов.

Арбитражная практика тому подтверждение[14], когда арбитражный суд Липецкой области использовал систему доказательств иных средств. Суть спора – о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам возмездного оказания услуг. Так, ООО «1С: Франчайзи А-Софт» обратилось в Арбитражный суд Липецкой области с иском к муниципальному бюджетному учреждению культуры «Поселенческий центр культуры и досуга сельского поселения Баловневский сельсовет Данковского муниципального района Липецкой области РФ» о взыскании задолженности по договору информационно-технологического сопровождения для системы программ «1С:Предприятие» № 1 215/2016 от 28 декабря 2016 г. в размере 14 832 руб. основного долга, процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 1 июля 2017 г. по 27 декабря 2019 г. в размере 2819 руб. 71 коп.

На основании анализа скриншотов программного обеспечения, представленных в качестве доказательств, суд установил факт оказания услуг истцом. Руководствуясь ст. 65 и 71 АПК РФ, суд оценил каждое доказательство, а также их совокупность, и пришел к выводу об обоснованности исковых требований. В результате иск был удовлетворен в полном объеме. Апелляционная жалоба на данное решение не подавалась.

Еще один пример из арбитражной практики демонстрирует, как скриншот может сыграть решающую роль в судебном процессе. В споре между бюджетным учреждением и коммерческим банком, рассматриваемым Арбитражным судом г. Москвы, истец представил скриншот электронной почты. Суд признал этот скриншот допустимым доказательством, поскольку он позволил установить соответствие адреса электронной почты, указанного в банковской гарантии. Благодаря наличию информации о дате, времени и принадлежности сайта, суд счел распечатку с сайта достоверной и, опираясь на ст. 65 АПК РФ, полностью удовлетворил требования истца[15].

[11] Постановление двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2017 г. по делу № А62-1237/2017. URL: http:// sudakt.ru

[12] Решение арбитражного суда г. Москвы от 18 декабря 2023 г. по делу № А40-210000/23-62-1717. URL: http: // sudakt.ru

[13] *Гаврилов Е. В.* О доказательственной силе скриншотов в цивилистическом процессе. Комментарий к определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 7 февраля 2023 г. № 5-ГК22-144-К2 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 8. С. 10.

[14] Решение арбитражного суда Липецкой области от 23 июня 2020 г. по делу № А36-58/2020. URL: http: // sudakt.ru

[15] Решение арбитражного суда г. Москвы от 13 марта 2020 г. по делу № А40-334603/2019. URL: http://sudakt.ru

Хотя скриншоты представляются более удобным и экономичным способом предоставления доказательств в суд по сравнению с нотариальным заверением и закон допускает их использование, судебная практика по этому вопросу остается противоречивой.

Автор согласен с позицией ученых-юристов, которые считают, что компании могут использовать скриншоты веб-страниц в качестве доказательств в гражданских и арбитражных судах, заверяя их печатью организации и подписью ответственного сотрудника. Нотариальное заверение в этом случае не требуется, если на скриншоте указаны дата и время создания, URL-адрес страницы, подпись и данные лица, сделавшего и распечатавшего скриншот, а также информация о компьютере, с которого он был сделан. При этом другие участники судебного процесса сохраняют право оспорить подлинность и достоверность представленных скриншотов.

Верховный Суд РФ неоднократно разъяснял ситуации, при которых суды в случаях, не терпящих отлагательства, оценивая доказательства, вправе произвести их осмотр и исследование на месте с использованием информационно-коммуникационной сети в режиме реального времени, (п. 55 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10[16]), принимать доказательства (скриншот), подтвержденные любыми средствами доказывания, предусмотренными ст. 55 ГПК ГФ, в том числе принимать распечатки материалов, размещенных в сети Интернет с указанием интернет-страницы и точного времени ее получения (п. 66 постановления Пленума ВС от 15 ноября 2022 г. № 33[17], п. 43 постановления Пленума ВС РФ от 1 июня 2023 г. № 15[18]). Из смысла разъяснений высшей судебной инстанции вытекает, что в каждом отдельном случае судам необходимо особым образом изучать вопросы о возможности применения электронных доказательств.

Учитывая имеющиеся на сегодняшний день некоторые пробелы в законодательстве, высшая судебная инстанция продолжает работу над его совершенствованием. Так, согласно п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела в судебному разбирательству в арбитражном суде» суду предоставлено право самостоятельно собирать доказательства, в том числе использовать сведения из открытых источников информационно-коммуникационной сети Интернет[19]. Данное нововведение, по мнению автора, позволит значительно сократить срок рассмотрения спора и «избавит» стороны от предоставления дополнительных документов суду, что, в свою очередь, повысит эффективность судопроизводства в целом.

Так как «всякое половинчатое решение, затрагивающее вопросы доказывания и доказательств, неизбежно отражается на правоприменительной деятельности»[20], автор считает необходимым более детальное нормативное регулирование некоторых аспектов использования скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе:

Четкое определение скриншота. Необходимо закрепить в нормативных актах единое и недвусмысленное определение термина «скриншот», чтобы исключить его ошибочную интерпретацию как распечатки веб-страниц или просто материалов из Интернета. Скриншот должен пониматься исключительно как изображение, зафиксированное с экрана компьютера и отображающее то, что видит пользователь.

Право на предварительное заверение скриншотов. Следует предоставить возможность заинтересованным лицам, даже до начала судебного разбирательства, изготавливать и заверять скриншоты. Это позволит защитить доказательства от возможного удаления информации ответчиком, который, злоупотребляя своим положением, может воспрепятствовать пре-

[16] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2010 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

[17] О практике применения судами норм морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

[18] О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

[19] О подготовке дела в судебному разбирательству в арбитражном суде : постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 7.

[20] *Исаенкова О. В., Афанасьев С. Ф.* О способах правового регулирования в области средств доказывания : вопросы теории и практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5.

доставлению и заверению скриншота истцом в качестве доказательства.

Методические рекомендации по осмотру сайтов. Необходимо разработать и внедрить в судебную практику методические рекомендации, регламентирующие процедуру осмотра интернет-сайтов с целью получения доказательств в арбитражном и других видах судопроизводства.

На взгляд автора, заслуживает особого внимания позиция О. В. Баулина по вопросу собирания доказательств: «Дефекты процедуры собирания доказательств во многих случаях устранимы: определенная ими недопустимость не препятствует повторному получению и исследованию сведений об искомых фактах. Реагировать же на нарушения порядка собирания доказательств необходимо либо надо признать наличие в процессуальном законе "несущественных" правил, соблюдать которые не обязательно»[21].

Представляется, что более четкая судебная практика в определенных ситуациях могла бы стать сдерживающим фактором для недобросовестного использования процессуальных прав участниками судебного процесса.

Библиографический список

Артебякина Н. А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.

Афанасьев С. Ф. Правовая политика в области доказывания и доказательств по гражданским делам в контексте применения новых цифровых технологий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.

Баулин О. В. Определение допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 4.

Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Создание цифровой процессуальной среды доверия : сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве // Нотариус. 2022. № 3.

Гаврилов Е. В. О доказательственной силе скриншотов в цивилистическом процессе. Комментарий к определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 7 февраля 2023 г. № 5-ГК22-144-К2 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 8.

Демин А. А. Особенности правового регулирования электронных доказательств в гражданском, арбитражном, административном процессах // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.

Иванова Е. В. Скриншот – цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство : теория и практика. 2019. № 12 (180).

Исаенкова О. В., Афанасьев С. Ф. О способах правового регулирования в области средств доказывания: вопросы теории и практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7.

Котлярова В. В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6.

Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42).

References

Artebyakina N. A. Protocol of inspection by a notary of the Internet page as a means of ensuring evidence in civil proceedings // Bulletin of civil proceedings. 2019. No. 1.

Afanasyev S. F. Legal Policy in the Field of Evidence and Evidence in Civil Cases in the Context of the Application of New Digital Technologies // Legal policy and legal life. 2021. No. 3.

Baulin O. V. Determination of the admissibility of evidence in civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2005. No. 4.

Valeev D. Kh., Nuriev A. G. Creation of the Digital Procedural Environment of Trust : Services of the Third Trusted Party in Procedural Relations as a Source of «Quasi-Prejudicial» Information in the Digital Space // Notary. 2022. No. 3.

Gavrilov E. V. O evidentiary power of screenshots in the civil process. Commentary on the determination of the judicial collegium for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 7, 2023 No 5-GK22-144-K2 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 8.

Demin A. A. Features of Legal Regulation of Electronic Evidence in Civil, Arbitration, Administrative Processes // Issues of Russian Justice. 2019. No. 3.

Ivanova E. V. Screenshot – Digital Opportunity in the Process of Proofing: Problematic Aspects // Law and State: Theory and Practice. 2019. No. 12 (180).

Isaenkova O. V., Afanasyev S. F. On the methods of legal regulation in the field of means of proof: issues of theory and practice // Arbitration and civil procedure. 2005. No. 7.

[21] *Баулин О. В.* Определение допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 4. С. 3.

Kotlyarova V. V. On the problems of legal regulation of electronic evidence in the civil process // Arbitration and civil procedure. 2019. No. 6.

Nakhova E. A. Problems of Electronic Evidence in the Civil Process // Leningrad Law Journal. 2015. No. 4 (42).

Воронежский государственный университет
Зверев Д. Р., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: denis-slaker@yandex.ru

Поступила в редакцию: 08.04.2025

Для цитирования:
Зверев Д. Р. Скриншот как электронное доказательство в арбитражном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 119–125. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/119-125

Voronezh State University
Zverev D. R., Post-graduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
E-mail: denis-slaker@yandex.ru

Received: 08.04.2025

For citation:
Zverev D. R. Screenshot as electronic evidence in arbitration proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 119–125. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/119-125

УДК 343.1
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/126-130

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИЯХ С НЕУСТОЙЧИВЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

И. В. Шелехова
Южно-Уральский государственный университет

ON THE ISSUE OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OPERATION IN TIME IN TERRITORIES WITH UNSTABLE LEGAL STATUS

I. V. Shelehova
South Ural State University

Аннотация: проанализированы некоторые вопросы, связанные с применением норм УПК РФ на территориях, недавно вошедших в состав Российской Федерации. Рассмотрены правовые основания введения в действие данного закона и исследован ряд правовых казусов, возникших в период изменения действующего закона на рассматриваемых территориях. Данное исследование актуально, поскольку любая быстрая смена действующего закона часто является причиной возникновения спорных правовых ситуаций, рассматривая и анализируя которые, возможно выявить недостатки, способствующие их появлению, и принять соответствующие меры законодательного характера для предотвращения возникновения подобных ситуаций в будущем.
Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, действие уголовно-процессуального закона во времени, смена действующего законодательства, военно-гражданские администрации.

Abstract: this article analyzes some issues related to the application of the norms of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in the territories that recently became part of the Russian Federation. The legal grounds for the enactment of this law are considered and a number of legal incidents that arose during the period of changes in the current law in the territories under consideration are investigated. This study is relevant, since any rapid change in the current law is often the cause of controversial legal situations, considering and analyzing which it is possible to identify the shortcomings that contribute to their occurrence, and take appropriate legislative measures to prevent the occurrence of such situations in the future.
Key words: criminal procedure law, the criminal procedure law principle of the operation in time, the change of current legislation, military-civil administrations.

В сложившейся в настоящее время неустойчивой правовой обстановке на территориях, недавно вошедших в состав Российской Федерации, правоприменитель сталкивается с множеством сложностей, вызванных сменой Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) одной страны на УПК другой.

Например, на территории Запорожской области у правоприменителя возникли трудности, связанные не только с изменением содержательной части норм закона и условий его применения, но и с определением момента вступления в силу нового УПК. Сложившаяся в связи с этим ситуация явилась почвой для возникновения правовых казусов.

Рассматриваемые в настоящей статье правовые ситуации указывают на наличие явных проблем, причинами которых являются: попытка применения законов, рассчитанных на мирное время в обстоятельствах, отличающихся крайней правовой неустойчивостью, отсутствие регламентации действий должностных лиц в промежуточный период действия законов, а также определения момента вступления нового УПК в законную силу.

© Шелехова И. В., 2025

При этом, несмотря на кажущуюся очевидность проблемы, законодатель в настоящее время не предпринимает попыток создать законодательную базу, которую можно было бы применять в ситуациях правовой неустойчивости. Действующий в настоящее время УПК РФ и нормативно-правовые акты, содержащие уголовно-процессуальные нормы, рассчитаны исключительно на мирное время, в котором существует сложившаяся система подсудности, правила применения уголовно-процессуального закона и т. д.

В них четко регламентировано применение норм российского УПК на территории иностранного государства только для военнослужащих. Данная норма содержится в ч. 3 ст. 2 УПК РФ[1], является бланкетной и отсылает правоприменителя к ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (далее – УК РФ). Во второй части данной статьи имеется указание на применение российского уголовного и, следовательно, уголовно-процессуального закона в отношении военнослужащих. Данное положение остается действительным вне зависимости от текущего статуса территории пребывания и законов, которые действуют на ней. Такое законодательное решение представляется единственно верным, поскольку не противоречит нормам внутреннего права страны, нормам международного права и позволяет осуществлять правосудие над военнослужащими непредвзято.

Что же касается гражданского населения, проживающего на данной территории, то в ч. 3 рассматриваемой нормы УК РФ содержится указание лишь на то, что иностранных граждан, не проживающих на территории РФ, совершивших преступление вне пределов территории РФ, можно привлечь к уголовной ответственности только в случае если преступление направлено против интересов РФ, либо гражданина РФ или постоянно проживающего на территории РФ лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором РФ и иным документом международного характера[3].

Можно сделать очевидный вывод о том, что преступления, совершенные иностранными гражданами, не подпадающие под описанную выше норму, должны рассматриваться в соответствии с действующим законодательством иностранного государства, однако на практике возник ряд казусных судебных решений, обусловленных негативными факторами, влияющих на правовую ситуацию на рассматриваемых в настоящей статье территориях.

Данные казусные ситуации возникли как раз из-за отсутствия должной регламентации действий должностных лиц и неопределенности момента начала действия УПК РФ на рассматриваемых территориях.

Для лучшего понимания сложившейся ситуации целесообразно проследить хронологию событий. 24 февраля 2022 г. начинается Специальная военная операция, затем, 26 февраля 2022 г. происходит установление контроля над Мелитополем, т. е. начинается процесс занятия территории Запорожской области войсками РФ. В конце июля 2022 г. на территории Запорожской области создаются Временные управления МВД России, 27 сентября 2022 г. проходит референдум о вступлении данной области в состав Российской Федерации. После чего, 31 июля 2023 г., издается Федеральный закон № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»[4]. Таким образом, исходя из норм международного права, которые будут рассмотрены ниже, следует, что начало действия норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации должно быть регламентировано именно последним из перечисленных выше правовых актов.

Проблема заключается в том, что еще до организации на территории Запорожской обла-

[1] Часть 3 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Часть 2 ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Часть 3 ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020).

[4] О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : федер. закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_453252/ (дата обращения: 20.08.2024).

сти Временных управлений МВД России, начала действия УК и УПК РФ на данной территории и до вступления в силу указанного выше Федерального закона на территории Запорожской области уже применялся уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, о чём свидетельствуют некоторые материалы судебной практики.

В качестве примера одного из таких казусов, явившегося следствием необоснованного применения норм Уголовно-процессуального кодекса, связанного с неопределенностью момента его вступления в законную силу на исследуемой территории, можно привести апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2024 г. № 55-140/2024, касающееся апелляционной жалобы по делу А. М. Пчёлкина[5].

В данном документе сторона защиты указывает на необоснованное применение УК и УПК РФ, аргументируя данное заявление следующим образом: «Собранные по делу доказательства являются недопустимыми, поскольку получены в период, когда примененный в отношении Пчёлкина УК РФ и УПК РФ не распространяли свое действие на территории Запорожской области, еще не вошедшей в состав РФ»[6], однако суд как первой, так и апелляционной инстанции не усматривает оснований для вывода о недопустимости собранных и исследованных доказательств, ссылаясь на то, что преступление «было совершено уже после вступления в силу распоряжения Главы Военно-Гражданской администрации Запорожской области от 27 июня 2022 г. № 98-р «О применении законодательства на территории Запорожской области», согласно п. 1 которого на территории Запорожской области применяется уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РФ на период действия полномочий ВГА»[7].

Таким образом, исходя из сложившейся правовой ситуации возникает вопрос о легитимности принятия решения о применении законов Российской Федерации на территории, на тот момент относящейся к другому государству, Военно-Гражданской администрацией (далее – ВГА) Запорожской области.

Рассмотрим определение ВГА, данное в проекте федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности”». Согласно данному законопроекту, ВГА – это «временный орган исполнительной власти, осуществляющий деятельность по обеспечению основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечению безопасности жизнедеятельности населения, поддержанию общественного порядка, обеспечению социальной защиты населения, а также по организации взаимодействия с Вооруженными Силами Российской Федерации»[8].

Следует отметить, что указанный законопроект возвращен субъекту права законодательной инициативы в сентябре 2022 г. для выполнения требований Конституции Российской Федерации и Регламента Государственной Думы. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации нет законодательного акта, который бы подробно регламентировал действия ВГА. Следовательно, вопрос о правомочности должностного лица уровня ВГА принимать решения о переходе на применение уголовного и уголовно-процессуального права другой страны остается открытым.

Несмотря на то что в настоящее время большинство ВГА прекратили свое существование в первоначальном виде в связи с формированием постоянных органов администрации на рассматриваемых в данной статье территориях, необходимо отметить, что отсутствие должной регламентации правового статуса ВГА повлияло на основополагающий принцип действия уголов-

[5] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2024 г. № 55-140/2024. URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4641090&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 15.04.2024).

[6] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2024 г. № 55-140/2024.

[7] Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2024 г. № 55-140/2024.

[8] Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/126842-8 (дата обращения: 16.04.2024).

но-процессуального закона во времени. В связи с этим также возникли проблемы с корректным применением принципа действия указанного закона в пространстве и по кругу лиц.

Вопрос правового статуса военно-гражданских администраций в зоне проведения специальной военной операции остается открытым. На настоящий момент осталась одна действующая ВГА, которая располагается на территории Российской Федерации. При этом можно предположить, что в ходе продолжения специальной военной операции, может потребоваться создание новых военно-гражданских администраций. Поэтому определение правового статуса данного института сохраняет свою актуальность и требует более активной работы законодательных органов.

Также следует упомянуть о принятых международным правом положениях, которые применяются при решении вопроса о применении уголовного и уголовно-процессуального законов той или иной страны в схожих геополитических ситуациях.

Несмотря на то что подобный режим в правовом плане является сложным комплексом мероприятий, «нацеленных на создание административных структур на занятой территории»[9], особенностью данного режима, согласно нормам международного права является положение о том, что он «не изменяет статуса занятой территории»[10], т. е. не влечет за собой перехода суверенитета государства, следовательно, на временно занятых территориях продолжают применяться прежние законы государства, в частности, и уголовное право «за исключением случаев, когда оно может быть отменено или приостановлено…, если это законодательство представляет собой угрозу безопасности Державы»[11].

Таким образом, исходя из перечисленных выше фактов, следует еще раз подчеркнуть вопрос об обоснованности решения главы ВГА Запорожской области о применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ на данной территории. Также ставится под сомнение соблюдение прав и законных интересов обвиняемых, производство по делам которых велось в данный период действия УПК и УК РФ, а также иных заинтересованных лиц, не ухудшилось ли их правовое положение вследствие данного решения.

Исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что рассмотренные спорные правовые ситуации стали возможны в результате недостаточной законодательной регламентации прав и обязанностей должностных лиц на территориях с неустойчивым правовым статусом, применении норм права, рассчитанных на мирное время в процессе смены уголовно-процессуального закона на рассматриваемых территориях, а также отсутствии четкого понимания момента начала действия УПК РФ. Безусловно, в условиях постоянного изменения статуса территорий и отсутствия сформированной системы правоприменения, невозможно быстро выстроить устойчивую систему применения законов, однако данная проблема решается созданием ряда нормативно-правовых актов, которые охватывали бы правовые ситуации, возникающие вне мирного времени. Данные акты должны четко регламентировать действие соответствующих должностных лиц, а также применение норм закона Российской Федерации на территориях со схожим правовым статусом, от определения начала действия данных законов, до типа его темпорального действия, которое бы наилучшим для сторон образом решало возникающие спорные правовые ситуации.

[9] *Баринов И. И.* Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг. : автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 2013. С. 3.

[10] *Толочко О. Н.* Международно-правовой режим военной оккупации // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 4: Правазнаўства. 2009. № 2 (84). С. 92.

[11] Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М., 2011. С. 161.

Библиографический список

Баринов И. И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг. : автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 2013. 30 с.

Толочко О. Н. Международно-правовой режим военной оккупации // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 4: Правазнаўства. 2009. № 2 (84). С. 91–95.

References

Barinov I. I. The occupation regime of Nazi Germany in the territory of Ukraine, 1941–1944 : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2013. 30 p.

Tolochko O. N. The international legal regime of the purchase of goods // Bulletin of the Ya. Kupala GrSU. Series 4: Jurisprudence . 2009. № 2 (84). P. 91–95.

Южно-Уральский государственный университет
Шелехова И. В., аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики, и судебной экспертизы
E-mail: shelehova.iv01@gmail.com

Поступила в редакцию: 26.11.2024

Для цитирования:
Шелехова И. В. К вопросу о действии уголовно-процессуального закона во времени на территориях с неустойчивым правовым статусом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 126–130. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/126-130

South Ural State University
Shelekhova I. V., Post-graduate Student of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Forensic Examination
E-mail: shelehova.iv01@gmail.com

Received: 26.11.2024

For citation:
Shelekhova I. V. On the issue of the criminal procedure law operation in time in territories with unstable legal status // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 126–130. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/126-130

УДК 349.3
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/131-138

СОЗДАНИЕ АЛИМЕНТНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. Логачев
Управление по борьбе с картелями ФАС России

ESTABLISHING THE ALIMONY FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. V. Logachev
Anti-cartel Department of the Federal Antimonopoly Service of Russia

Аннотация: исследуются предпосылки, особенности создания Алиментного Фонда Российской Федерации, цели, функции, полномочия, направления деятельности, источники финансирования организации; изучаются и анализируются положения отечественной и зарубежной научной литературы, нормативно-правовых актов по вопросам создания алиментных фондов; устанавливаются особенности взаимодействия, места Алиментного Фонда Российской Федерации в системе отечественного права.
Ключевые слова: Алиментный Фонд Российской Федерации, алименты, должник, финансирование, фонд, семейное законодательство, взыскание алиментов.

Abstract: the article studies the prerequisites, features of creation of the Alimony Fund of the Russian Federation, goals, functions, competence, directions of activity, sources of financing of the organization; the provisions of national and foreign scientific literature, normative-legal acts on the issues of creation of alimony funds are studied and analyzed; the features of interaction with the authorities, the place of the Alimony Fund of the Russian Federation in the system of domestic law are established.
Key words: Alimony Fund of the Russian Federation, alimony, debtor, financing, fund, family law, collection of alimony.

Семейное законодательство Российской Федерации подробно регулирует институт алиментных обязательств членов семьи в соответствии с Разделом V Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Защита прав несовершеннолетних детей по вопросам неуплаты или частичной уплаты алиментов осуществляется в судебном порядке в соответствии с п. 2 статьи 80 СК РФ. Согласно ведомственной статистике Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации за период с января по декабрь 2023 г. количество исполнительных производств, находившихся на исполнении в отчетном периоде в отношении должников по алиментным обязательствам составило более 1,5 млн в рассматриваемый период на сумму более 252 млрд рублей.

Проблема неуплаты или частичной уплаты алиментов остается актуальной, поскольку государством не приняты достаточные меры, позволяющие обеспечить защиту прав и интересов указанной категории несовершеннолетних лиц.

Создание Алиментного Фонда Российской Федерации (далее – Алиментный Фонд России, Фонд) является достаточной и эффективной мерой, позволяющей своевременно обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. Создание указанных фондов способствует защите прав в зарубежных странах, в том числе в Саудовской Аравии[1], Бахрейне[2], Польше[3], Палестине[4].

© Логачев В. В., 2025

1 Saudi Alimony Fund Pays Total of SAR 52 Million to 11,700 Beneficiaries. URL: https://www.spa.gov.sa/w1823125

2 Law No. (34) of 2005 Establishing Alimony Fund. URL: https://bahrain.bh/wps/wcm/connect/deb866c3-5337-49bd-a70c-d6d1113b1ff6/LAW+NO

3 Alimony fund. URL: https://https://archiwum.mrips.gov.pl/en/alimony-fund-/

4 Lecture introduces Palestinian Alimony Fund, right to alimony. URL: https://https://www.birzeit.edu/en/news/lecture-introduces-palestinian-alimony-fund-right-alimony

Научная литература содержит подходы, выражающие мнения необходимости создания Алиментного фонда в России. Согласно мнению Н. Н. Тарусиной, семья и государство находятся на уровне социального партнерства. Исполнение обязанностей партнера со стороны государства проявляется в том числе в создании алиментного фонда. Однако создание указанной некоммерческой организации автор считает невозможным из-за экономической ситуации в краткосрочной перспективе[5]. По мнению М. А. Даниляна, государственная поддержка детей должна обеспечиваться предоставлением детям, не получающим алиментов, содержания из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации. Идея о создании алиментного фонда указывается только как механизм государственной поддержки детей, обеспечивающий хотя бы минимальную помощь детей, оставшихся без средств к существованию[6]. Стоит также отметить научную работу О. В. Кузнецовой, по результатам которой проведен ретроспективный анализ развития алиментных фондов, сделан вывод о том, что алиментный фонд является эффективным способом решения проблемы невыплаты алиментов[7]. Е. Е. Леканова считает необходимым создание алиментного фонда, который будет формироваться из сумм государственных пошлин, которые взимаются в связи с семейно-правовыми делами с привлечением финансирования из федерального бюджета[8]. С. Ю. Чашкова указывает на необходимость дополнения действующего законодательства новым модулем правил, в котором должен найти закрепление порядок создания и функционирования алиментного фонда как средства публично-правовой поддержки детей[9]. Н. В. Тригубович, О. А. Хазова, Е. А. Чефранова, К. В. Агамиров[10] также обращают внимание на необходимость создания Алиментного фонда в Российской Федерации[11]. Присцилла Хардинг в своем сравнительно-правовом исследовании приводила пример создания Алиментного Фонда в СССР как успешной формы правовой защиты детей и матерей, получающих выплаты напрямую от государства[12].

Противоположные позиции содержатся в открытых источниках информации. В частности, позиция С. А. Семенова указывает на нецелесообразность создания фондов для любых незащищенных групп людей, в том числе несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителя[13]. Вместе с тем С. А. Семеновым допускается возможность создания алиментного фонда при привлечении средств Резервного фонда или Фонда социального страхования (в настоящее время – Социальный фонд России). П. В. Крашенинников отмечает, что в России есть исполнительное производство, когда задолженность по алиментам удерживается либо из зарплаты лица, уклоняющегося от уплаты алиментов, либо из стоимости реализованного имущества. Неэффективным представляется «раздувать бюрократию созданием такого фонда»[14].

Вместе с тем нерациональным представляется позиция противников создания Алиментного фонда России, поскольку несовершеннолетние лица на законодательном уровне признаются недееспособными, частично дееспособными в соответствии со ст. 26, 28 Гражданского кодекса Российской Федерации[15] (далее – ГК РФ). Согласно сведениям Заместителя Председателя Правительства Т. А. Голиковой в Российской

[5] См.: *Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В.* Социальные договоры в праве. М. : Проспект, 2017. 480 с.

[6] См.: *Данилян М. А.* Некоторые направления совершенствования алиментного законодательства // Современное право. 2014. № 11. С. 76–79.

[7] См.: *Кузнецова О. В.* Алиментный фонд как способ решения проблемы взыскания алиментов на детей // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 17. С. 22.

[8] См.: *Леканова Е. Е.* Минимальный размер алиментов и алиментный фонд : история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 79–93.

[9] См.: *Чашкова С. Ю.* Проблемы алиментного обязательства родителей и детей : частноправовой и публично-правовой аспекты // Закон. 2022. № 1. С. 46–55.

[10] См.: *Агамиров К. В.* Социальная сфера как объект правового регулирования и юридического прогнозирования // Lex russica. 2020. № 2. С. 106–124.

11 См.: *Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А.* О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

[12] См.: *Harding P. E.* Models of Social Welfare and Gender EquaLity : USA, USSR and Sweden / National Library of Canada. Canada, 1998. P. 252.

[13] См.: В России готовится законопроект о создании алиментного фонда. URL: https://rg.ru/2012/02/03/alimenty.html

[14] В России готовится законопроект о создании алиментного фонда . URL: https://rg.ru/2012/02/03/alimenty.html

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Федерации проживает 30 млн детей по состоянию на 26 апреля 2024 г.[16]. В сравнении с иными категориями граждан, признанных недееспособными (менее 33 тыс. человек в 2023 г.) или ограниченно дееспособными (менее 700 человек в 2023 г.)[17] в соответствии с ст. 29, 30 ГК РФ, количество детей, не способных защищать свои права и законные интересы, превышает указанную категорию в несколько раз.

Кроме того, исполнительный розыск, временное ограничение на выезд должника из Российской Федерации, ограничение пользования специальным правом, удержания из заработной платы должника в соответствии с ч. 3 ст. 65, п. 1 ч. 1 ст. 67, ч. 2 ст. 67.1, ч. 3 ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[18] (далее – Закон об исполнительном производстве), выплата пособий на детей лицам, получающим алименты, назначение наказания в виде исправительных, принудительных работ, ареста, лишения свободы в соответствии со ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации[19] не являются достаточными по следующим основаниям.

Настоящим законодательством допускается обращение в суд с заявлением о признании должника безвестно отсутствующим по истечении года проведения исполнительного розыска согласно ч. 16 ст. 65 Закона об исполнительном производстве, невозможность установить местонахождение должника, имущества, получение определенного правового статуса, установление факта получения низких доходов, а также иные обстоятельства, затрудняющие своевременное получение алиментов.

Учитывая изложенное, возникает риск полного отсутствия восстановления прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. Данное обстоятельство нарушает основное начало семейного законодательства об обеспечении беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав в соответствии с ч. 1 ст. 1 СК РФ.

Проблема несвоевременной или неполной уплаты алиментов может быть решена путем принятия Федерального закона «Об Алиментном Фонде Российской Федерации», определяющего правовое положение, функции, полномочия, порядок деятельности, порядок формирования имущества.

Научная литература не содержит подробного описания основных характеристик алиментного фонда, раскрываются отдельные концепции развития алиментных фондов в России. Вместе с тем отсутствует системный подход к правовому статусу, организационной структуре, полномочиях организации.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях»[20] (далее – Закон о некоммерческих организациях) фондом признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующая социальные, благотворительные, культурные, образовательные или иные общественно полезные цели.

Особенности создания отдельных видов фондов регулируются федеральными законами о таких фондах согласно п. 4 ст. 7 Закона о некоммерческих организациях. По состоянию на 5 октября 2024 г., согласно данным Минюста России, на территории Российской Федерации зарегистрировано 13 833 фонда[21].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»[22] (далее – Указ о Национальной стратегии) определены основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации, в числе которых указано создание государственного алиментного фонда.

Основой проекта Федерального закона «Об Алиментном Фонде России» являются феде-

[16] Татьяна Голикова: Число многодетных семей в России достигло 2,4 миллиона. URL: https://government.ru/news/51473

[17] Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел . URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/0

[18] Об исполнительном производстве : федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

[19] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[20] О некоммерческих организациях : федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

[21] Реестр некоммерческих организаций. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/

[22] О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 23. Ст. 2994.

ральные законы[23], Указ Президента Российской Федерации от 5 января 2021 г. № 16 «О создании Фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, "Круг добра"»[24], постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 857 «Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования»[25].

Учитывая положения Указа о Национальной стратегии, целями Алиментного Фонда России являются:

1. Обеспечение регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей.

2. Сокращение доли детей, не получающих алименты в полном объеме.

3. Сокращение бедности среди семей с детьми.

Функции фонда:

1) формирование, распределение денежных средств в целях своевременной выплаты алиментов;

2) восстановление нарушенных прав и законных интересов несовершеннолетних лиц в органах государственной власти;

3) предупреждение ухудшения материального благосостояния несовершеннолетних лиц.

Полномочия Алиментного Фонда России классифицированы по следующим группам:

1. Финансовая.

1.1. Аккумуляция и управление средствами, полученными за счет обязательных отчислений за юридически значимые действия, совершаемые органами записи актов гражданского состояния и иными уполномоченными органами.

2. Информационная.

2.1. Получение от федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, а также органов, которые производят государственную регистрацию актов гражданского состояния, полной и своевременной информации для осуществления обеспечения исполнения алиментных обязательств.

2.2. Информирование органов государственной власти, должника, заинтересованных лиц об обеспечении алиментных обязательств.

2.3. Определение общих принципов создания и функционирования информационной системы для осуществления обеспечения исполнения алиментных обязательств.

2.4. Ведение реестра, содержащего сведения о лицах, в пользу которых должны осуществляться выплаты алиментов, о должниках по алиментным обязательствам, о статусе исполнения алиментных обязательств, иных сведений, необходимых для достижения целей Фонда.

2.5. Обеспечение защиты информации, доступ к которой ограничен или запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации о конфиденциальной информации.

2.6. Организация подготовки и дополнительного профессионального образования, в том числе работников Фонда по направлениям деятельности в сфере семейного законодательства.

3. Распределительная.

3.1. Направление аккумулированных средств на исполнение алиментных обязательств в отношении несовершеннолетних лиц.

3.2. Контроль за уплатой средств на исполнение алиментных обязательств.

3.3. Обеспечение создания форм отчетности и определения порядка отчетности органов Фонда о результатах достижения целей Фонда.

4. Обеспечительная.

4.1. Начисление и взыскание с должников по алиментным обязательствам неустойки в судебном порядке.

4.2. Обращение в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правопри-

[23] О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. I). Ст. 5203 ; О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства : федер. закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ // Там же. 2007. № 30. Ст. 3799.

[24] О создании Фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, «Круг добра» : Указ Президента Российской Федерации от 5 января 2021 г. № 16 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 2 (ч. I). Ст. 381.

[25] Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования : постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 857 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 32. Ст. 3902.

менительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, в целях совершения должником в целях возложения обязанности по передаче Фонду имущества должников по исполненным Фондом алиментным обязательствам.

4.3. Обращение в суд с исковым заявлением о взыскании денежных средств по исполненным Фондом алиментных обязательств в порядке регресса.

Порядок деятельности Алиментного Фонда России является комплексным, направлен на взаимодействие с органами государственной власти, физическими лицами по вопросам своевременной и полной поддержки детей при неисполнении или частичном исполнении алиментных обязательств.

Поводом к рассмотрению вопроса о выплате сумм, равных алиментным обязательствам, несовершеннолетним лицам является вынесение решения суда, судебного приказа в соответствии со ст. 122, 211 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[26] (далее – ГПК РФ).

Гражданским процессуальным законодательством предусмотрено немедленное исполнение судебного приказа, судебного решения о взыскании алиментов согласно ст. 211 ГПК РФ. В указанном случае исполнительный лист выдается немедленно после принятия судебного постановления в соответствии со ст. 428 ГПК РФ.

В целях решения вопроса о своевременной уплате сумм алиментных обязательств Алиментным Фондом России предлагается направлять копию решения суда в соответствии со ст. 209 ГПК РФ, или судебного приказа, в том числе в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью по делам о взыскании алиментов, в адрес Фонда.

С момента получения копии решения суда или судебного приказа Алиментный Фонд России инициирует создание алиментного производства, в соответствии с которым осуществляет периодические выплаты несовершеннолетним лицам либо законным представителям в размере, определенном судебным приказом. Осуществление выплат в соответствии с решением суда осуществляется при вступлении такого решения в законную силу.

Учитывая изложенное, предлагается дополнить пунктом 10 часть 1 статьи 40 Закона об исполнительном производстве в следующей редакции:

«10) направления решения суда или судебного приказа о взыскании алиментов в адрес Алиментного Фонда Российской Федерации».

Алиментное производство прекращается путем фактического исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе. Исполнителем по исполнительному документу может быть как Алиментный Фонд России, так и сам должник.

В ходе алиментного производства Алиментный Фонд России вправе обратиться в суд с требованием о взыскании сумм, выплаченных в результате исполнения алиментных обязанностей должника в соответствии со ст. 131, 132 ГК РФ. Вместе с тем Алиментный Фонд России вправе обратиться в суд также за выдачей судебного приказа согласно ст. 121, 122 ГПК РФ, однако права и законные интересы несовершеннолетних лиц восстановлены, не требуется применение мер, не терпящих отлагательства согласно п. 3 ч. 3 ст. 35 Закона об исполнительном производстве.

Порядок работы Алиментного Фонда России с органами судебной власти Российской Федерации устроен следующим образом. Исполнительный лист, выданный в соответствии с решением суда или судебного приказа, содержащего требование о взыскании алиментов, направляется в Алиментный Фонд России, осуществляющий выплату сумм в размере задолженности по алиментным обязательствам. Указанные действия являются основанием для приостановления исполнительного производства в отношении должника – родителя по алиментным обязательствам, судебным приставом-исполнителем. В ходе осуществления алиментного производства, а также по его итогам, Алиментный Фонд России имеет право обращения с исковым заявлением в суд с требованием о взыскании задолженности с должника по алиментному обязательству в порядке регресса.

Направление деятельности Алиментного Фонда России связано с взаимодействием с государственными органами исполнительной власти, в том числе с Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации, в целях обращения взыскания на имущество должника уже по обязательствам в отношении

[26] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

Алиментного Фонда России, органами регистрации актов гражданского состояния в целях получения актуальных данных о последнем месте жительства, иных актах гражданского состояния должника, Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии с целью установления наличия или отсутствия зарегистрированного имущества должника.

Нормативно-правовые акты зарубежных стран, в соответствии с которыми были созданы алиментные фонды, содержат сведения о порядке финансирования таких фондов. Согласно ст. 9 Закона Бахрейна 2005 г. № 34, источниками финансирования алиментного фонда являются денежные средства, поступающие из государственного бюджета («general budget»). Бахрейн является королевством, поэтому государственный бюджет – синоним общего бюджета страны.

Вместе с тем источниками финансирования Алиментного Фонда Бахрейна являются денежные средства, полученные от должников. Кроме того, источниками выступают пожертвования, гранты, и доходы Совета директоров Фонда. В случае установления иностранного происхождения указанных доходов финансирование фонда допускается только с разрешения министра юстиции Бахрейна.

Особенностью Алиментного Фонда Бахрейна является возможность осуществления инвестиционной деятельности, доход от которой направляется в пользование Алиментного Фонда Бахрейна.

В соответствии со ст. 9 Закона Бахрейна 2005 г. № 34 государство обязано финансировать Алиментный Фонд Бахрейна в целях исполнения задач, установленных указанным законом.

Согласно ст. 1 Закона Польши от 7 сентября 2007 г. «О помощи гражданам, нуждающимся в материальной поддержке» алиментный фонд – система поддержки граждан, нуждающихся в материальной помощи, которая финансируется государственным бюджетом («The alimony fund is a system for supporting persons entitled to maintenance funds from the state budget»).

Итак, алиментные фонды указанных стран отличаются в части источников финансирования. Государство допускает или запрещает финансирование только из государственного бюджета при принятии нормативно-правовых актов.

В свою очередь, финансирование Алиментного Фонда России возможно путем привлечения средств из федерального бюджета бюджетной системы Российской Федерации. Вместе с тем на примере законодательства Бахрейна, будут привлекаться денежные средства, полученные при дальнейшей реализации имущества должника при подаче исковых заявления о взыскании денежных средств в суд Алиментным Фондом России. Однако нерациональным представляется осуществление инвестиционной деятельности в силу высокой социальной значимости ресурсов и целей Фонда.

Кроме того, 12 июля 2024 г. опубликован Федеральный закон № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[27], согласно которому величина размера государственной пошлины за государственную регистрацию актов гражданского состояния и другие юридически значимые действия, в частности расторжение брака в судебном порядке, государственную регистрацию перемены имени составит 5000 руб. вместо 650 руб.[28].

Учитывая изложенное, увеличение государственных пошлин способствует пополнению ресурсов Алиментного Фонда России на несколько миллиардов рублей. Использование государственных пошлин за заключение брака, развод, перемену имени, иные действия, связанные с осуществлением прав в соответствии с семейным законодательством, является существенным источником формирования средств Алиментного Фонда России.

Представляется возможным включение добровольных имущественных взносов в качестве источников формирования источников имущества Алиментного Фонда России, а также имущества, передаваемого Алиментному Фонду Российской Федераций.

В соответствии с нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность по созда-

[27] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4105.

[28] Совфед одобрил увеличение госпошлины за развод с 650 до 5 тыс. руб. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6821791

нию фондов в Российской Федерации, основными органами управления Алиментным Фондом России должны выступать коллегиальный орган и постоянно действующий исполнительный орган – председатель Алиментного Фонда России.

Создание Алиментного Фонда России разрешает проблему неуплаты или частичной уплаты алиментов. Принятие Федерального закона «Об Алиментном Фонде Российской Федерации» с учетом положений, приведенных в настоящей работе, в том числе о порядке направлений деятельности Алиментного Фонда России, позволит оптимизировать и сделать возможным получение несовершеннолетними детьми материальной помощи в отсутствие рисков неисполнения обязательств должником, длительных административных процедур без определенного срока, например, исполнительного розыска, привлечения к уголовной ответственности. Вместе с тем положения Национальной стратегии действий в интересах детей, научная литература, предыдущий отечественный положительный опыт, нормативно-правовые акты зарубежных стран, а также оценка работы Алиментного Фонда СССР зарубежными специалистами показывают социальную значимость и результативность указанного института. Представляются необходимыми принятие Федерального закона «Об Алиментном Фонде Российской Федерации», финансирование организации, в том числе с привлечением средств бюджетной системы Российской Федерации. Основным результатом создания Алиментного Фонда России является практическое устранение отсутствия выплат алиментов несовершеннолетним детям, а также недопущение нарушения прав детей, их законных интересов в своевременном получении алиментов на территории Российской Федерации.

Библиографический список

Агамиров К. В. Социальная сфера как объект правового регулирования и юридического прогнозирования // Lex russica. 2020. № 2. С. 106–124.

В России готовится законопроект о создании алиментного фонда. URL: https://rg.ru/2012/02/03/alimenty.html

В России может появиться алиментный фонд. URL: https://iz.ru/news/493833

Данилян М. А. Некоторые направления совершенствования алиментного законодательства // Современное право. 2014. № 11. С. 76–79.

Кузнецова О. В. Алиментный фонд как способ решения проблемы взыскания алиментов на детей // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 17. С. 22.

Леканова Е. Е. Минимальный размер алиментов и алиментный фонд : история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 79–93.

Реестр некоммерческих организаций. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/

Совфед одобрил увеличение госпошлины за развод с 650 до 5 тыс. руб. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6821791

Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. М. : Проспект, 2017. 480 с.

Татьяна Голикова: Число многодетных семей в России достигло 2,4 миллиона. URL: https://government.ru/news/51473

Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

Чашкова С. Ю. Проблемы алиментного обязательства родителей и детей : частноправовой и публично-правовой аспекты // Закон. 2022. № 1. С. 46–55.

Alimony fund. URL: https://https://archiwum.mrips.gov.pl/en/alimony-fund-/

Law No. (34) of 2005 Establishing Alimony Fund. URL: https://bahrain.bh/wps/wcm/connect/deb866c3-5337-49bd-a70c-d6d1113b1ff6/LAW+NO

Lecture introduces Palestinian Alimony Fund, right to alimony. URL: https://https://www.birzeit.edu/en/news/lecture-introduces-palestinian-alimony-fund-right-alimony

Harding P. E. Models of Social Welfare and Gender EquaLity : USA, USSR and Sweden / National Library of Canada. Canada, 1998.

Saudi Alimony Fund Pays Total of SAR 52 Million to 11,700 Beneficiaries. URL: https://www.spa.gov.sa/w1823125

References

Agamirov K. V. Social sphere as an object of legal regulation and legal forecasting // Lex russica. 2020. No. 2. P. 106–124.

In Russia is preparing a bill on the creation of alimony fund. URL: https://rg.ru/2012/02/03/alimenty.html free

In Russia may appear alimony fund. URL: https://iz.ru/news/493833 free

Danilyan M. A. Some directions of improvement of alimony legislation // Sovremennoe pravo. 2014. No. 11. P. 76–79.

Kuznetsova O. V. Alimony fund as a way of solving the problem of child support collection // Vestnik of Chelyabinsk State University. 2013. No. 17. P. 22.

Lekanova E. E. Minimum amount of alimony and alimony fund: history and modernity // Actual problems of Russian law. 2023. No. 2. P. 79–93.

Register of non-commercial organizations. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/ free

Sovfed approved the increase in state duty for divorce from 650 to 5 thousand rubles. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6821791 free

Tarusina N. N. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Social contracts in law. Moscow : Prospect, 2017. – 480 p.

Tatyana Golikova: The number of large families in Russia has reached 2.4 million. URL: https://government.ru/news/51473/ free

Trigubovich N. V., Khazova O. A., Chashkova S. Y., Chefranova E. A. On the Concept of improving the legislation regulating the relationship between children and parents // Law. 2022. No. 1. P. 28–38.

Chashkova S. Y. Problems of alimony obligation of parents and children: private-law and public-law aspects // Law. 2022. No. 1. P. 46–55.

Alimony fund. URL: https://https://archiwum.mrips.gov.pl/en/alimony-fund-/

Law No. (34) of 2005 Establishing Alimony Fund. URL: https://bahrain.bh/wps/wcm/connect/deb866c3-5337-49bd-a70c-d6d1113b1ff6/LAW+NO

Lecture introduces Palestinian Alimony Fund, right to alimony. URL: https://https://www.birzeit.edu/en/news/lecture-introduces-palestinian-alimony-fund-right-alimony

Harding P. E. Models of Social Welfare and Gender EquaLity : USA, USSR and Sweden / National Library of Canada. Canada, 1998.

Saudi Alimony Fund Pays Total of SAR 52 Million to 11,700 Beneficiaries. URL: https://www.spa.gov.sa/w1823125

Управление по борьбе с картелями ФАС России
Логачев В. В., консультант отдела особо важных расследований

Поступила в редакцию: 16.12.2024

Для цитирования:
Логачев В. В. Создание Алиментного Фонда Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 131–138. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/131-138

Anti-cartel Department of the Federal Antimonopoly Service of Russia
Logachev V. V., Consultant of the Specially Important Investigations Division

Received: 16.12.2024

For citation:
Logachev V. V. Establishing the Alimony Fund of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 131–138. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/131-138

УДК 349.2
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/139-146

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ – ИСТОЧНИК ТРУДОВОГО ПРАВА

С. В. Передерин
Воронежский государственный университет

ADMINISTRATIVE REGULATIONS – A SOURCE OF LABOR LAW

S. V. Perederin
Voronezh State University

Аннотация: the role and significance of the Administrative Regulations in the legal mechanism for regulating hired labor are examined. The idea of administrative regulations as a source of labor law is substantiated. Рассматривается роль организационных, процедурных и процессуальных правовых процедур, с помощью которых реализуются правовые положения, предусмотренные административным регламентом.
Ключевые слова: административный регламент, правовые процедуры, организационные и процедурные правовые средства, предоставление государственных услуг в области трудового законодательства.

Abstract: the article is devoted to the study of the role and importance of Administrative Regulations in the legal mechanism of regulation of wage labor. It substantiates the idea of administrative regulations as a source of labor law. The role of organizational, procedural and procedural legal procedures through which the legal provisions provided for in the administrative regulations are implemented is considered.
Key words: administrative regulations, legal procedures, organizational and procedural legal means, provision of public services in the field of labor legislation.

Правовое регулирование трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений, имеющих место в сфере использования наемного труда, осуществляется путем применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, различных по юридической силе, сфере действия, кругу лиц и т. п., которые в общей теории права и специальной юридической литературе по трудовому праву называются источниками права[1].Современный этап правового регулирования наемного труда характеризуется расширением публичных форм управления трудом. Эта тенденция довольно аргументированно обосновывается в научных работах ученых в области административного права[2].

В настоящее время в системе источников трудового права возраста.т роль и значение Административного регламента, являющегося особым видом среди них. Правовые нормы, предусмотренные административными регламентами, действующими в сфере использования наемного труда, регулируют правила предоставления государственных услуг примени-

[1] См.: Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004. С. 139–144 ; Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2024. С. 109–121 ; Трудовое право России : учебник / под ред. А. М. Куренного. М., 2024. С. 90–101.

© Передерин С. В., 2025

[2] См.: *Росинский Б. В.* Административно-правовые нормы как модели публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 3–7 ; *Старилов Ю. Н.* Административное усмотрение : нормативная правовая полноценность в контексте об административных процедурах // Там же. № 11. С. 54–61 ; *Стахов А. И.* Публичная администрация и административно-публичная деятельность в Российской Федерации // Там же. № 9. С. 9–18.

тельно к различным правовым институтам трудового права (социальному партнерству, трудовым спорам, охране труда и т. п.).

В последние годы Министерством труда Российской Федерации и Федеральной службой по труду и занятости принято свыше 20 административных регламентов по различным направлениям деятельности, правовые положения которых направлены на публичную реализацию трудовых прав и обязанностей субъектов трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений и защиту правовых интересов работников, работодателей и государства.

Разработка и принятие административных регламентов, регулирующих деятельность Минтруда и Роструда, их территориальных органов, а также должностных лиц, в сфере оказания различных государственных услуг в области использования различных видов наемного труда, как и всех остальных регламентов, утверждаемых федеральными исполнительными органами власти, осуществляется на основе федерального законодательства, включающего: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[3]; постановление Правительства РФ от 20 июля 2021 г. № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг»[4]; постановление Правительства РФ от 14 октября 2023 г. № 1706 «Об особенностях разработки, согласования, проведения экспертизы и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг в 2024 и 2025 годах, в том числе без использования федеральной информационной системы, обеспечивающей ведение федерального реестра государственных услуг»[5] и другие нормативные правовые акты.

Федеральное законодательство применительно к административным регламентам устанавливает обязательные требования, определяет содержание и их структуру, предусматривает использование организационных, процедурных и процессуальных правовых процедур, при осуществлении соответствующей услуги, определяет этапы разработки административных регламентов и круг заявителей, а также порядок согласования, утверждения, проведения экспертизы административных регламентов, регламентирует многие другие правовые аспекты применения административных регламентов.

По своей сути и содержанию федеральное законодательство, регламентирующее порядок разработки и утверждения административных регламентов, является процедурно-процессуальным[6].

Важно отметить, что изучение различных правовых аспектов применения и использования административным регламентам, регулирующим оказание различных видов государственных и муниципальных услуг, уделяется учеными в области административного права. Их исследованию посвящены солидные монографические исследования, научные статьи и диссертации[7].

Значительную роль в изучении правовых проблем, связанных с применением административных регламентов, принадлежит представителям Воронежской административной школы под руководством Ю. Н. Старилова[8].

---

[3] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[4] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 31. Ст. 5904.

[5] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 43. Ст. 7711.

[6] См.: Трудовое процедурно-процессуальное право : учеб. пособие / под ред. В. Н. Скобелкина. Воронеж, 2002. С. 60–95 ; *Чуча С. Ю.* Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости. М., 2023. С. 94–103.

[7] См.: Административное право России : учебник для вузов / под ред. А. И. Стахова, П. И. Кононова М., 2025. 685 с. ; *Буряга В. О.* Административные регламенты в сфере реализации исполнительной власти в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с. ; *Давыдов К. В.* Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации : вопросы теории / под ред. Ю. Н. Старилова. М., 2010. 390 с. ; *Его же.* Административные процедуры : российский и зарубежный опыт : монография / отв. ред. Ю. Н. Старилов. Новосибирск : Академиздат, 2020. 516 с. ; *Старилов Ю. Н.* Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении : проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 4. С. 8–27.

[8] См.: *Матвеев С. П.* Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 9–12 ; *Никольская А. А.* Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования) : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 261 с. ; *Токарев О. В.* Административные акты : материальные и процессуальные проблемы современной теории : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. 255 с.

Не вдаваясь в дискуссию по многим спорным теоретическим правовым проблемам, обусловленных ролью, значением и применением административных регламентов, отметим только некоторые правовые аспекты, связанные с темой данной статьи.

В науке трудового права фактически отсутствуют научные исследования, посвященные рассмотрению правовых проблем, связанных с использованием административных регламентов в сфере использования наемного труда. Такое положение нельзя признать нормальным.

В специальной юридической литературе по административному праву отсутствуют единое понимание административного регламента и единообразные взгляды на его правовую природу и систему административных регламентов.

Официальное правовое определение административного регламента дается в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2010 г. № 210[9].

Под административным регламентом понимается нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги.

Придерживаясь указанного выше определения административного регламента, ученые в области административного права дают в научной литературе аналогичные определения.

По мнению одних, административный регламент – нормативный правовой акт органа исполнительной власти, устанавливающий сроки и последовательность административных процедур и административных действий органа исполнительной власти, осуществляемых по запросу физического или юридического лиц в пределах, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации полномочий в соответствии с требованиями федерального законодательства. Они также выделяют следующие характерные черты административных регламентов: законность, открытость, гласность, доступность, обязательность[10].

Другие под административным регламентом понимают правовое оформление процессуальных отношений в сфере управленческой деятельности органов исполнительной власти, направленных на разрешение индивидуальных дел по реализации законных прав и интересов граждан и различных организаций. По их мнению, данный правовой акт содержит правовые нормы, регламентирующие правовые процедуры, определяющие условия, порядок, сроки и последовательность действий органа исполнительной власти по реализации его компетенции, исполнению законов и административных правовых актов[11].

Опираясь на высказанные в науке административного права точки зрения, можно составить следующее определение административного регламента применительно к сфере правового регулирования трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений.

Административный регламент – это комплексный нормативный правовой акт, утверждаемый специализированными органами исполнительной власти (Минтрудом и Рострудом России), в пределах их компетенции с соблюдением нормативно установленных законодательством правовых положений, регулирующий организационные, процедурные, процессуальные и управленческие процедуры, обеспечивающие оказание государственных услуг и реализацию трудовых прав и законных интересов субъектов трудового права.

По своему содержанию административный регламент является комплексным, специфическим нормативным правовым актом, включающим нормы административного, трудового и гражданского процессуального законодательства. Административные нормы права регламентируют управленческие правовые процедуры, непосредственно связанные с оказанием государственных услуг в сфере использования наемного труда, нормы гражданского процессуального законодательства регулируют правовые процедуры досудебного (внесудебного) обжалования действий (бездействия и(или) решения, принятых (осуществляемых) в ходе предоставления конкретной услуги, обусловленной реализацией материальных норм трудового права

[9] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[10] См.: *Ноздрачев А. Ф.* Системная регламентация административной деятельности : отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5–41.

[11] См.: *Ломакина В. Ф.* Развитие института административных процедур (на примере формирования нормативной правовой базы административных регламентов федеральных органов исполнительной власти) // Труды Института государства и права Российской Академии наук. М., 2016. № 5. С. 94–99.

и защитой трудовых прав работников, работодателей и государства. Нормы трудового права применяются в ходе реализации правовых процедур, применительно к конкретному виду государственной услуги[12].

Правовые нормы, предусмотренные административными регламентами в сфере трудового права, можно условно разделить на три группы: организационные, процедурные и процессуальные[13].

Организационные правовые процедуры регламентируют взаимодействие органов, осуществляющих государственные услуги, порядок подачи необходимых и дополнительных документов заявителем для предоставления соответствующей государственной услуги в сфере использования наемного труда, правила оплаты заявителем предоставляемой конкретной государственной услуги. Они также определяют срок предоставления госуслуги, правовые основания для предоставления соответствующей услуги, максимальный срок ожидания в очереди при подаче заявителем запроса о предоставлении государственной услуги и при получении результата предоставления услуги, а также формы осуществления контроля за исполнением административного регламента.

Процедурные правовые процедуры регулируют правила предоставления государственной услуги уполномоченным органом или должностным лицом. Они регламентируют порядок: приема заявления, его приостановления и отказа в предоставлении конкретной государственной услуги; последовательность выполнения действий по оказанию услуги; принятия решения о предоставлении соответствующей государственной услуги; проведения, при необходимости, различных видов экспертиз, исследований и т. п.; исправления опечатков и(или) ошибок; предоставления результатов, полученных в ходе использования соответствующих правовых процедур; и другие правовые аспекты непосредственного оказания государственной услуги.

Данный вид правовых процедур составляет основу правового механизма оказания государственной услуги. Они фактически регулируют деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих оказание конкретной государственной услуги в соответствии с Административным регламентом с соблюдением действующего законодательства. С их помощью осуществляется административно-процедурная деятельность уполномоченных государством субъектов.

Процессуальные правовые процедуры составляют незначительную часть процедурно-процессуального правового механизма, регулирующего оказание государственной услуги. Они регламентируют порядок: обжалования решений и действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц; информирования заявителей о способах досудебного (внесудебного) обжалования; подачи заявителями жалобы.

Важно отметить, что все правовые процедуры, обеспечивающие применение административных регламентов, находятся в тесной взаимосвязи и последовательно сменяют или дополняют друг друга.

Административные регламенты в сфере правового регулирования трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений обеспечивают взаимодействие между специализированными государственными органами и их территориальными органами с наемными работниками, работодателями и иными субъектами трудового права, осуществляющими свою деятельность в сфере использования наемного труда[14], способствуют достижению конкретного результата применительно к соответствующей государственной услуге, путем использования организационных, процедурных и процессуаль-

12 См.: Административные процедуры : монография / отв. ред. Л. Л. Попова, С. М. Зубарев. М., 2017. 240 с. ; Административные процедуры : учеб. пособие / отв. ред. А. В. Сладкова. М., 2024. 328 с. ; *Старилов Ю. Н.* Административное усмотрение: нормативная правовая полноценность в контексте дискуссии об административных процедурах ; *Филипова И. А., Хохлов Е. Б.* О межотраслевых связях в праве : некоторые аспекты категориального аппарата // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 146–166.

13 См.: *Гришин Д. А.* О соотношении административно-процедурного и административно-процессуального способов реализации мер административного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 25–30 ; *Протасов В. Н.* Теория юридической процедуры : учеб. пособие для вузов. М., 2020. 106 с.

14 См.: *Калинина Л. Е.* Взаимодействие как функция административно-организационной деятельности // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 39–42 ; *Ноздрачёв А. Ф.* Акты государственной политики в механизме административно-правового регулирования // Там же. С. 3–12.

ных правовых средств и процедур[15], регулируют правовые процедуры, оказываемые государственными органами, осуществляющими свою деятельность в области использования наемного труда; устанавливают правила, обеспечивающие правоприменительную деятельность субъектов общественной организации труда; регламентируют правовые процедуры осуществления контроля за применением материальных норм трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, а также решают многие другие задачи, в зависимости от вида оказываемой государственной услуги.

Для административных регламентов как источников трудового права, используемых в сфере использования наемного труда, характерны следующие основные черты (признаки): их разработка и утверждение осуществляется специализированными административно-публичными субъектами, реализующими свою деятельность в сфере правового регулирования трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений; правовые нормы, содержащиеся в них не регулируют трудовые отношения, а обеспечивают реализацию материальных норм трудового права и защиту прав и законных интересов субъектов трудового права; они разрабатываются и принимаются односторонним волевым решением административно-публичного субъекта без какого-либо согласования; по своей форме и содержанию они являются подзаконными нормативными актами в сфере законодательства о труде; административные регламенты принимаются и разрабатываются в соответствии с правовыми нормами трудового права и оформляются на основе типовых правил, предусмотренных законодательством.

Административный регламент, являясь источником трудового права, выступает в качестве одной из юридических гарантий, обеспечивающей законность и правомерность применения материальных и нематериальных норм трудового права.

Действующие в сфере правового регулирования трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений, административные регламенты имеют строго целевую направленность оказания государственных услуг применительно к отдельным правовым институтам трудового права или видам трудовой деятельности. Их основная цель заключается в обеспечении законности и правомерности применения субъектами трудового права трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права[16].

Применяемые в сфере использования наемного труда административные регламенты регулируют правила осуществления государственных услуг по следующим видам и направлениям трудовой деятельности и различным видам оказания услуг: включению в реестр организаций, проводящих специальную оценку условий труда[17]; аттестации работников на право выполнения работ по специальной оценке условий труда, аннулированию такой аттестации[18]; аккредитации организаций, индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги в области охраны труда[19]; рассмотрению разногласий по вопросам проведения экспертизы качества специальной оценки условий труда, несогласия работников, профессиональных союзов, их объединений, иных уполномоченных работниками представительных органов, работодателей, их объединений, страховщиков, территориальных органов федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, организаций, проводивших специальную оценку условий труда, с результатами экспертизы качества специальной оценки условий труда[20]; информированию и консультированию работодателей и работников по вопросам соблюдения трудового законодательства и нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права[21]; уведомительной регистрации отраслевых (межотраслевых) соглашений, заключенных на фе-

[15] См.: *Скобелкин В. Н.* Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих : нормы и правоотношения. М., 1982. 207 с.

[16] См.: *Емельянов А. С.* Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 127–145.

[17] Приказ Минтруда России от 22 сентября 2023 г. № 724. Здесь и далее все приказы см.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Приказ Минтруда России от 7 августа 2023 г. № 645н.

[19] Приказ Минтруда России от 7 августа 2023 г. № 644н.

[20] Приказ Минтруда России от 20 июля 2023 г. № 595н.

[21] Приказ Роструда от 23 августа 2019 г. № 230.

деральном уровне социального партнерства, межрегиональных соглашений[22]; организации подготовки трудовых арбитров[23]; учету трудовых арбитров[24]; рассмотрению разногласий по вопросам проведения специальной оценки условий труда, несогласия работника с результатами проведения специальной оценки условий труда на его рабочем месте, а также жалоб работодателей на действия (бездействие) организации, проводящей специальную оценку условий труда[25]; регистрации в уведомительном порядке коллективных трудовых споров; осуществлению Федеральной службой по труду и занятости государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; предоставлению Рострудом государственной услуги по регистрации коллективных трудовых споров по поводу заключения, изменения и выполнения соглашений, заключаемых на федеральном уровне социального партнерства, коллективных трудовых споров в организациях, финансируемых из федерального бюджета, а также коллективных трудовых споров, возникающих в случаях, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях разрешения трудового спора забастовка не может быть проведена[26]; содействию в урегулировании коллективных трудовых споров по поводу заключения, изменения и выполнения соглашений, заключаемых на федеральном уровне социального партнерства, коллективных трудовых споров в организациях, финансируемых из федерального бюджета, а также коллективных трудовых споров, возникающих в случаях, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях разрешения коллективного трудового спора забастовка не может быть проведена[27]; осуществлению Федеральной службы по труду и занятости государственного контроля (надзора) за соблюдением требований законодательства РФ о специальной оценке условий труда.

Анализ содержания административных регламентов, применяющихся в сфере использования наемного труда, свидетельствует о том, что правовые нормы, закрепленные в их содержании, довольно полно регулируют деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих различные виды государственных услуг применительно к правовому регулированию трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений[28].

Таким образом, Административный регламент как источник трудового права представляет собой особый, комплексный процедурно-процессуальный нормативный правовой акт, разрабатываемый и утверждаемый специализированными органами (Минтрудом России и Рострудом), в области правового регулирования трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений, правовые нормы которого регулируют организационные, процедурные и процессуальные правовые процедуры в сфере оказания государственных услуг, применительно к различным видам правовых институтов трудового права, а также деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих свои правовые полномочия в сфере оказания государственных услуг.

Библиографический список

Административное право России : учебник для вузов / под ред. А. И. Стахова, П. И. Кононова М., 2025. 685 с.

Административные процедуры : монография / отв. ред. Л. Л. Попова, С. М. Зубарев. М., 2017. 240 с.

Административные процедуры : учеб. пособие / отв. ред. А. В. Сладкова. М., 2024. 328 с.

Буряга В. О. Административные регламенты в сфере реализации исполнительной власти в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.

Гришин Д. А. О соотношении административно-процедурного и административно-процессуального способов реализации мер административного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 25–30.

Давыдов К. В. Административные акты и административные процедуры : соотношение и взаимодействие // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 43–47

[22] Приказ Роструда от 22 июля 2019 г. № 194.
[23] Приказ Роструда от 22 июля 2019 г. № 197.
[24] Приказ Роструда от 22 июля 2019 г. № 194.
[25] Приказ Роструда от 23 августа 2019 г. № 233.
[26] Приказ Роструда от 22 июня 2019 г. № 195.
[27] Приказ Роструда от 22 июля 2019 г. № 196.

[28] См.: *Давыдов К. В.* Административные акты и административные процедуры : соотношение и взаимодействие // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 43–47 ; *Домченко А. С.* Значение и функции административного акта // Там же. 2024. № 8. С. 25–28 ; *Сапфирова А. А.* Деятельность Роструда по предупреждению нарушений в сфере труда : современное состояние и перспективы развития // Там же. № 5. С. 31–34.

Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт : монография / отв. ред. Ю. Н. Старилов. Новосибирск : Академиздат, 2020. 516 с.

Давыдов К. В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации : вопросы теории / под ред. Ю. Н. Старилова. М., 2010. 390 с.

Домченко А. С. Значение и функции административного акта // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 25–28

Емельянов А. С. Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 127–145.

Калинина Л. Е. Взаимодействие как функция административно-организационной деятельности // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 39–42.

Ломакина В. Ф. Развитие института административных процедур (на примере формирования нормативной правовой базы административных регламентов федеральных органов исполнительной власти) // Труды Института государства и права Российской Академии наук. М., 2016. № 5. С. 94–99.

Матвеев С. П. Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 9–12.

Никольская А. А. Административные процедуры в системе публичного управления (проблемы административно-правового регулирования) : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 261 с.

Ноздрачёв А. Ф. Акты государственной политики в механизме административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 3–12.

Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности : отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5–41.

Протасов В. Н. Теория юридической процедуры : учеб. пособие для вузов. М., 2020. 106 с.

Росинский Б. В. Административно-правовые нормы как модели публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 3–7.

Сапфирова А. А. Деятельность Роструда по предупреждению нарушений в сфере труда : современное состояние и перспективы развития // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 31–34.

Скобелкин В. Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих : нормы и правоотношения. М., 1982. 207 с.

Старилов Ю. Н. Административное усмотрение : нормативная правовая полноценность в контексте об административных процедурах // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 54–61.

Старилов Ю. Н. Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении : проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 4. С. 8–27.

Стахов А. И. Публичная администрация и административно-публичная деятельность в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 9–18.

Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2024.

Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004.

Токарев О. В. Административные акты : материальные и процессуальные проблемы современной теории : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. 255 с.

Трудовое право России : учебник / под ред. А. М. Куренного. М., 2024.

Трудовое процедурно-процессуальное право : учеб. пособие / под ред. В. Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.

Филипова И. А., Хохлов Е. Б. О межотраслевых связях в праве : некоторые аспекты категориального аппарата // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 146–166.

Чуча С. Ю. Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости. М., 2023.

References

Administrative law of Russia : textbook for universities / ed. by A. I. Stakhova, P. I. Kononova. Moscow, 2025. 685 p.

Administrative procedures : monograph / editors L. L. Popova, S. M. Zubarev. Moscow, 2017. 240 p.

Administrative procedures : a textbook / ed. by A. V. Sladkov, Moscow, 2024, 328 p.

Buryaga V. O. Administrative regulations in the sphere of implementation of executive power in the Russian Federation : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2009. 23 p.

Grishin D. A. On the relationship between administrative-procedural and administrative-procedural ways of implementing administrative coercion measures // Administrative Law and Process. 2023. No. 11. P. 25–30.

Davydov K. V. Administrative acts and administrative procedures : correlation and interaction //

Administrative law and process. 2020. No. 2. P. 43–47.

Davydov K. V. Administrative procedures : Russian and foreign experience: monograph / ed. by Yu. N. Starilov. Novosibirsk : Akademizdat, 2020. 516 p.

Davydov K. V. Administrative regulations of the federal executive authorities of the Russian Federation : issues of theory / ed. by Yu. N. Starilov. Moscow, 2010. 390 p.

Domchenko A. S. The meaning and functions of an administrative act // Administrative law and process. 2024. No. 8. P. 25–28.

Yemelyanov A. S. Mechanism of administrative and legal regulation // Journal of Russian Law. 2024. No. 8. P. 127–145.

Kalinina L. E. Interaction as a function of administrative and organizational activity // Administrative law and process. 2024. No. 11. P. 39–42.

Lomakina V. F. The development of the Institute of Administrative procedures (on the example of the formation of the regulatory legal framework of administrative regulations of federal executive authorities) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2016. No. 5. P. 94–99.

Matveev S. P. Administrative regulations as a legal form of ensuring social protection of civil servants // Administrative law and process. 2011. No. 12. P. 9–12.

Nikolskaya A. A. Administrative procedures in the public administration system (problems of administrative and legal regulation) : cand. legal sci. dis. Voronezh, 2007. 261 p.

Nozdrachev A. F. Acts of state policy in the mechanism of administrative and legal regulation // Administrative law and process. 2024. No. 11. P. 3–12.

Nozdrachev A. F. System regulation of administrative activity : domestic doctrine and practice // Legislation and economics. 2011. No. 8. P. 5–41.

Protasov V. N. Theory of legal procedure : a textbook for universities. Moscow, 2020. 106 p.

Rosinsky B. V. Administrative and legal norms as models of public administration // Administrative law and process. 2024. No. 8. P. 3–7.

Saphirova A. A. Rostrud's activities to prevent violations in the sphere of labor : current state and development prospects // Administrative law and process. 2024. No. 5. P. 31–34.

Skobelkin V. N. Ensuring labor rights of workers and employees: norms and legal relations. Moscow, 1982. 207 p.

Starilov Yu. N. Administrative discretion : normative legal validity in the context of the discussion on administrative procedures // Administrative law and process. 2024. No. 11. P. 54–61.

Starilov Yu. N. Administrative procedures are an integral part of legislation on state and municipal administration : problems of theory, practice and lawmaking // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2019. No. 4. P. 8–27.

Stakhov A. I. Public administration and administrative-public activity in the Russian Federation // Administrative law and process. 2024. No. 9. P. 9–18.

Theory of State and law : textbook / ed. by M. N. Marchenko. Moscow, 2024. P. 109–121.

Theory of State and law: textbook / ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko. Moscow, 2004. P. 139–144.

Tokarev O. V. Administrative acts : material and procedural problems of modern theory : cand. legal sci. dis. Voronezh, 2001. 255 p.

Labor law of Russia : textbook / ed. by A. M. Kurenny. Moscow, 2024. P. 90–101.

Labor procedural law : a textbook / ed. by V. N. Skobelkin. Voronezh, 2002. P. 60–95.

Filipova I. A., Khokhlov E. B. On intersectoral relations in law: some aspects of the categorical apparatus // Yearbook of Labor Law. 2022. No. 12. P. 146–166.

Chucha S. Y. Ensuring and protecting social and labor rights in the context of the transformation of the sphere of labor and employment. Moscow, 2023. P. 94–103.

Воронежский государственный университет
Передерин С. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права
E-mail: sergey.perederin@yandex.ru

Поступила в редакцию: 22.12.2024

Для цитирования:
Передерин С. В. Административный регламент – источник трудового права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 139–146. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/139-146

Voronezh State University
Perederin S. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law
E-mail: sergey.perederin@yandex.ru

Received: 22.12.2024

For citation:
Perederin S. V. Administrative regulations – a source of labor law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 139–146. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/139-146

УДК 343.5; 349.227
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/147-155

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ФИЗИЧЕСКИМ И (ИЛИ) ПСИХИЧЕСКИМ НАСИЛИЕМ НАД ЛИЧНОСТЬЮ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ, ВОСПИТАННИКА: РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ТРУДОВОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

М. В. Лифанова, В. М. Сайфутдинова
Уфимский университет науки и технологий

METHODS OF EDUCATION RELATED TO PHYSICAL AND (OR) MENTAL VIOLENCE AGAINST THE PERSONALITY OF THE STUDENT, PUPIL: REGULATION IN THE FIELD OF LABOR AND CRIMINAL LAW

M. V. Lifanova, V. M. Sayfutdinova
Ufa University of Science and Technology

Аннотация: рассмотрен один из правовых аспектов специальной и дополнительной ответственности педагогических работников, требующий междисциплинарного правового подхода. Исследованы вопросы отсутствия в законодательстве четкого понятийного аппарата при определении применения методов психического и (или) физического насилия к обучающимся, аморального проступка педагога; неоднозначности судебной практики по рассматриваемой категории дел; отдельные вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Предложены направления совершенствования уголовного и трудового законодательства и практики их применения.
Ключевые слова: аморальный проступок, методы психического и (или) физического насилия, дисциплинарное взыскание, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Abstract: the authors consider one of the legal aspects of the special and additional responsibility of teaching staff, which requires an interdisciplinary legal approach. The article examines not only the issue of the lack of a clear conceptual framework in the legislation when determining the use of methods of mental and (or) physical violence to students, immoral misconduct of a teacher, but also the problem of ambiguity of judicial practice in this category of cases. Certain issues of qualification of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor have been studied and, on this basis, directions for improving criminal and labor legislation and the practice of their application are proposed.
Key words: immoral misconduct, methods of mental and (or) physical violence, disciplinary punishment, failure to fulfill duties for the upbringing of a minor.

Глава 52 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) определяет особенности регулирования труда педагогических работников, а Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании)[1] обязывает педагогических работников соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики, уважать честь и достоинство всех участников образовательных отношений и обучающихся (ч. 2, 3 п. 1 ст. 48). Особую роль и ответственность педагогов за сохранение жизни и здоровья несовершеннолетних, их воспитание в условиях, обеспечивающих полноценное психическое, духовное, нравственное и физическое

[1] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25.12.2023 г. № 685-ФЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.07.2024).

© Лифанова М. В., Сайфутдинова В. М., 2025

развитие, подчеркивает и Конституционный Суд РФ[2].

Требование соблюдать моральные, нравственные, этические нормы при осуществлении профессиональной деятельности дифференцирует педагогов среди отдельных категорий работников, поэтому наряду с общими основаниями для увольнения ТК РФ устанавливает и особую, специальную правовую ответственность для лиц, осуществляющих воспитательные функции. В данном аспекте особое внимание вызывает увольнение педагогических работников по двум основаниям: п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ – совершение аморального проступка педагога, а также п. 2 ст. 336 ТК РФ – применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника (далее – применение несоответствующих методов воспитания). Между данными основаниями достаточно много общего, самым явным и распространенным среди которых является признание таких методов воспитания в качестве аморального проступка. Это позволяет сделать вывод, что аморальный проступок содержательно более общее понятие, чем основание увольнения по п. 2 ст. 336 ТК РФ. При этом Конституционным Судом РФ отмечается[3], что специальным основанием увольнения работников, выполняющих воспитательные функции, является совершение по месту работы или в быту аморального проступка, не совместимого с продолжением данной работы (п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), а вот увольнение по нормам п. 2 ст. 336 ТК РФ будет считаться дополнительным основанием прекращения трудового договора с педагогическими работниками. Наблюдались попытки оспорить конституционность п. 2 ст. 336 ТК РФ[4], однако было установлено, что специфика преподавательской деятельности, в основе которой лежит и воспитательный процесс, предопределяет установление законодателем специальных требований к осуществляющим ее работникам, в том числе оснований освобождения от должности по п. 2 ст. 336 ТК РФ, а значит, данное ограничение не нарушает конституционные права и свободы граждан.

Таким образом, осуществление воспитательной функции – это тот ключевой профессиональный признак педагогических работников, на который следует опираться работодателю при увольнении работников по специальному и дополнительному основаниям, связанным с аморальным проступком и применением несоответствующих методов воспитания.

Анализ понятия «аморальный проступок» показывает, что законодательного определения такого проступка нет, перечень открыт и в целом это понятие, как принято говорить, «оценочное», а значит, во многом субъективное. Л. В. Тарасова совершенно точно конкретизирует[5], что нельзя расторгнуть трудовой договор по п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за аморальное поведение в целом, необходимо ссылаться на конкретный аморальный проступок работника, который необходимо зафиксировать.

Традиционно под аморальным проступком понимают, например, распитие спиртных напитков, домогательства, грубость, оскорбление и т. п. Перечень открыт, и четких критериев, и форм проявления законодателем не обозначено. В науке периодически появляются предложения о конкретизации данных критериев. Например, А. А. Иванов считает целесообразным выделить в качестве критерия общественный резонанс, который был вызван противоправным деянием[6].

[2] По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

[3] По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воинцева Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 336 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 427-О. Документ опубликован не был.

[5] См.: *Тарасова Л. В.* Увольнение как вид дисциплинарной ответственности педагогических работников : основания и особенности // Актуальные вопросы публичного права : материалы XVII Всерос. науч. конф. молодых ученых и студентов. Вып. 17 : в 2 ч. (Екатеринбург, 1–2 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. В. Конев. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2018. Ч. 2. С. 223.

[6] См.: *Иванов А. А.* Понуждение педагога к увольнению по собственному желанию : правовые вопросы // Вестник Поволж. ин-та управления. 2019. Т. 19, № 5. С. 75.

Также высказывается мнение[7], что необходимо ввести в ТК РФ новую статью «81.1», предусматривающую юридическую конструкцию аморального проступка и перечень деяний, считающихся таковыми для работников, выполняющих воспитательные функции.

В целом, на наш взгляд, сложно установить конкретный закрытый перечень аморальных проступков. С одной стороны, обществом за многовековую историю уже выработаны понятия нравственности, морали, этики, с другой стороны, развивается не только общество, но и появляются новые формы негативных проявлений, в том числе в воспитании подрастающего поколения. Например, это связано с развитием интернет-пространства и распространением информации на различных информационных площадках, в первую очередь в социальных сетях и в мессенджерах. Суды в качестве критериев оценки аморальности проступка применяют прецеденты примеров негативного поведения, которые педагог подал учащимся, публичный характер такого рода поступков. В свою очередь, отсутствие критериев оценки деяния как аморального, отсутствие обстоятельств, отягчающих или смягчающих вину педагогического работника, в законодательстве обусловливают вариативность при принятии решений судами в данной категории дел.

В практической действительности увольнение за однократное физическое и/или психическое насилие по отношению к обучающемуся, воспитаннику по п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ может быть судом изменено на основание по п. 2 ст. 336 ТК РФ. Такие аморальные проступки, как оскорбление, распитие спиртных напитков, унижение достоинства обучающегося/воспитанника, грубость, насилие, в том числе сексуального характера, запугивания и иные действия, могут быть признаны и в качестве методов воспитания, связанных с применением физического и (или) психического насилия. Педагогические методы воспитания обучающихся и воспитанников предполагают применение методов, направленных на воспитание, обучение и развитие данных лиц, но никак не на развитие негативных качеств личности, которые могут повлечь формирование различных форм девиантного поведения.

Так, преподаватель пытался оспорить увольнение по основанию п. 2 ст. 336 ТК РФ[8]. Однако при рассмотрении дела выяснилось, что несоответствующие методы воспитания использовались данным педагогом. Согласно докладной студента Р.М.С. по приходу на урок его три раза по спине ударил истец, он же был и классным руководителем, за то, что он сидел на его месте, этим он мог причинить ему вред здоровью. Из сообщений других студентов следует, что они стали свидетелями того, как истец подозвал вошедшего в кабинет и предложил ему сесть на свой стул, сказал подняться со стула, после чего нанес два удара в область верхней и нижней части спины. В WhatsApp истцом выкладывались нелицеприятные сообщения в отношении студента Р.М.С.: «Слышишь, ты, чудовище, еще раз увижу ноги на стуле, тебе хана»; в отношении студентов группы также допускались грубые оскорбительные выражения. Комиссия по проведению служебного расследования пришла к выводу о том, что истец совершил виновное действие, а именно допустил грубое пренебрежительное унижающее достоинство обучающегося отношение, выражающее в демонстративном применении физического насилия с целью наказания (удары, шлепки по спине), а также в угрозах, оскорблении, унижении достоинства обучающегося и иных обучающихся группы содержащихся в переписке в группе WhatsApp. Суд также установил, что у работодателя имелись основания для увольнения истца по п. 2 ст. 336 ТК РФ.

Очевидно, что основание увольнения в норме п. 2 ст. 336 ТК РФ сформулировано законодателем более конкретно, чем основание по нормам п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Следует согласиться с позицией, что п. 2 ст. 336 ТК РФ в качестве основания для увольнения можно рассматривать как отдельный вид аморального проступка, отдельное основание расторжения трудового договора[9]. Подтверждением тому является и при-

[7] См.: *Иванов А. А., Кондрашов Ю. А.* Об аморальном проступке в педагогической деятельности // Управление социально-экономическими системами : теория, методология, практика : сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 20 мая 2020 г.). Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 127.

[8] Решение Усть-Донецкого районного суда Ростовской области от 8 августа 2023 г. по делу № 2-686/23 // Судебные и нормативные акты РФ : база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pGj1aBLAzmNj/ (дата обращения 26.07.2024).

[9] См.: *Малеина М. Н.* Аморальный проступок преподавателя : правовая оценка понятия и последствий в сфере трудового и гражданского права // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 66.

знание в качестве аморального проступка несоответствующих методов воспитания, о чем было сказано выше.

Однако неопределенность и наличие субъективной оценочной составляющей существует и при применении п. 2 ст. 336 ТК РФ. В теории постоянно упоминается о том, что отсутствие законодательных понятий «психическое насилие», «физическое насилие» затрудняет применение п. 2 ст. 336 ТК РФ при расторжении трудового договора с педагогическим работником. А. А. Жемков указывает[10], что формами физического насилия могут быть побои и любые другие действия, причиняющие боль, насильственное лишение или ограничение свободы передвижения ребенка, лишение сна, пищи, питья и т. д. Формами психического насилия могут быть различного рода оскорбления и унижение достоинства, явные угрозы, чрезмерная и необоснованная публичная критика ребенка, критика черт его характера, уровня его знаний и навыков, явно повышенные требования, необоснованное занижение оценок и т. д. Мы считаем, что независимо от формы проявления – это насилие, которое не должно присутствовать в образовательном и воспитательном процессах.

Еще одним спорным моментом является вопрос об отнесении увольнения за применение несоответствующих методов воспитания к числу дисциплинарных взысканий. В этом вопросе однозначной позиции в теории и на практике не существует. С одной стороны, увольнение педагогического работника по данному основанию не относится по нормам п. 3 ст. 192 ТК РФ к числу дисциплинарных взысканий, которая в то же время содержит указание на дисциплинарное взыскание по нормам п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. В п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2[11], где содержится перечень оснований увольнения в порядке дисциплинарного взыскания, увольнение по п. 2 ст. 336 ТК РФ не упоминается.

Анализ судебной практики показывает неопределенность по вопросу отнесения правонарушения по п. 2 ст. 336 ТК РФ к числу дисциплинарных взысканий, а значит, и по вопросу требуется ли в этом случае соблюдение порядка наложения дисциплинарного взыскания по правилам ст. 193 ТК РФ. Есть ряд примеров из судебной практики, когда суды признавали увольнение по п. 2 ст. 336 ТК РФ дисциплинарным взысканием и, следовательно, требовали соблюдения порядка применения дисциплинарного взыскания в соответствии со ст. 193 ТК РФ. Так, В. И. Шкатулла приводит в доказательство такой неопределенности и противоположности мнений целый ряд судебных решений[12].

В последние годы данная тенденция в принятых судебных решениях сохраняется. В одном из дел суд пришел к выводу, что руководствуясь п. 2 ст. 336 ТК РФ, суд исходил из того, что увольнение по данному основанию не относится к числу дисциплинарных взысканий, в связи с чем установленные ст. 193 ТК РФ требования к порядку применения дисциплинарных взысканий при увольнении работника по указанному основанию не применяются[13]. В другом судебном акте[14] указывается, что в соответствии со ст. 193 ТК РФ до применения дисциплинарного взыскания от работника 13 сентября 2021 г. было затребовано письменное объяснение, представленное К.Р.Л. в адрес работодателя 14 сентября 2021 г., а дисциплинарное взыскание в виде увольнения по п. 2 ст. 336 ТК РФ применено приказом от 16 сентября 2021 г., т. е. не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка и в пределах шестимесячного срока со дня совершения проступка.

С. Ю. Головина недоумевает по поводу невключения в перечень дисциплинарных увольнений, зафиксированный в ч. 3 ст. 192 ТК РФ, увольнения по п. 2 ст. 336 ТК РФ[15]. Данный автор считает, что установленное к педагогическим работникам требование уважать честь и достоинство обучающихся и других участни-

[10] См.: *Жемков А. А.* Расторжение трудового договора с педагогическим работником : специальные основания // Поволжский педагогический поиск. 2019. № 3 (29). С. 61–62.

[11] О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.07.2024).

[12] См.: *Шкатулла В. И.* Труд педагогических работников (ст. 334–336 ТК РФ). Некоторые вопросы судебной практики // Образовательные технологии. 2019. № 1. С. 110–123.

[13] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 мая 2023 г. № 88-6465/2023 по делу № 2-726/2022. Документ опубликован не был.

[14] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2022 г. № 88-12429/2022. Документ опубликован не был.

[15] См.: *Головина С. Ю.* Особенности трудоправовой ответственности отдельных категорий работников // Ежегодник трудового права. 2014. № 9. С. 230.

ков образовательных отношений сформулировано как юридическая обязанность, а значит, неисполнение этой обязанности является дисциплинарным проступком, т. е. увольнение в случае применения физического или психического насилия является посягательством на честь и достоинство обучающегося и должно квалифицироваться как дисциплинарное взыскание.

Таким образом, от оценки нарушения норм п. 2 ст. 336 ТК РФ зависит порядок применения норм об ответственности лица, осуществляющего воспитательные функции, ведь при применении положений о дисциплинарном взыскании необходимо четко соблюдать и порядок, установленный ст. 193 ТК РФ. В связи с этим напомним, что согласно п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 при применении меры дисциплинарного взыскания в виде увольнения работодателю необходимо учитывать тяжесть дисциплинарного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен, а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду. А вот п. 2 ст. 336 предполагает увольнение даже в случае однократного применения несоответствующих методов воспитания, без учета рекомендаций п. 53 указанного постановления. Поэтому, на наш взгляд, с одной стороны, увольнение в связи с применением методов воспитания, связанных с применением физического и (или) психического насилия над личностью обучающегося, воспитанника, на законодательном уровне должно быть урегулировано в качестве дисциплинарного взыскания и соблюдения соответствующей процедуры увольнения по нормам ст. 193 ТК РФ. А с другой стороны, никакие формы насилия в образовательных организациях применяться не должны. Поэтому, если данные факты доказаны, то ответственность, безусловно, должна быть в виде увольнения, но с соблюдением порядка увольнения. Отметим, что дисциплинарное расследование в отношении нарушения педагогическим работником норм профессионального поведения проводится по поступившей на него жалобе или докладной записке либо акту, поданным в письменном виде руководству организации.

Совершенные аморальные проступки, в том числе классифицируемые по п. 2 ст. 336 ТК РФ, могут привести к применению по отношению к нарушителю юридической ответственности по правилам административного или уголовного законодательства. Эти действия могут быть совершены как в быту, так и на рабочем месте, допустим, это нарушение общественного порядка, физическое насилие к обучающемуся или воспитаннику. Такой противоправной формой может быть и вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность. Некоторые исследователи отмечают[16], что юридическая ответственность педагогического работника по нормам ч. 4 ст. 48 Закона об образовании связывает такую ответственность с дисциплинарной, материальной, административной и уголовной ответственностью, а вот анализ судебной практики демонстрирует в основном применение мер дисциплинарной и административной ответственности.

Однако проблематика привлечения к уголовной ответственности недобросовестных педагогических работников, допускающих по отношению к воспитанникам и обучающимся методы воздействия, основанные на насилии, чрезвычайно актуальна.

Как мы уже отметили, статистика преступности в Российской Федерации свидетельствует о том, что уголовная ответственность не часто применяется к педагогическим работникам или другим работникам образовательной организации, допустившим жестокое обращение с несовершеннолетними, осуществление надзора за которыми входит в их служебные обязанности. Так, в 2023 г. в Российской Федерации по ст. 156 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) было осуждено 498 человек, которым в большинстве случаев было назначено наказание или в виде штрафа, или в виде обязательных работ[17]. В 2022 г. было осуждено 616 человек, в 2021 – 667 человек, в 2020 – 679 человек. Вместе с тем большая часть преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», совершается роди-

[16] См.: *Ожиганова М. В.* Моральные требования в структуре правового статуса педагогического работника // Современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей : реализация принципов конвенции о правах ребенка : сборник материалов II Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2022 г.). Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2022. С. 55.

[17] См.: Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 25.07.2024).

телями, по данным Г. И. Саттаровой, – до 94 %[18]. Анализируя статистику преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ, следует учитывать необычайно высокую латентность деяний подобного рода, поскольку нередко потерпевшие боятся обращаться за помощью и жаловаться на педагога, а руководство всеми силами стремится скрывать подобные факты, заботясь об имидже образовательного учреждения.

Отметим также, что состав преступления по ст. 156 УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности не за любой аморальный поступок, а лишь за деяние, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним. При этом объективная сторона рассматриваемого состава предполагает две самостоятельных формы: 1) неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким с ним обращением; 2) ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним.

Как мы видим, это вполне соотносится с основанием прекращения трудового договора с педагогическим работником, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 336 ТК РФ «применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника». Вместе с тем понятие жестокого обращения несколько шире, чем только физическое или психическое насилие.

Одной из квалификационных проблем, с которыми сталкивается правоприменитель, является толкование понятия «жестокое обращение» с несовершеннолетним. Как любое оценочное понятие, рассматриваемый термин может толковаться весьма разнообразно. Современная российская судебная практика исходит из понимания жестокого обращения, предлагаемого п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», в соответствии с которым «жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность». Согласно п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (указанный пункт утратил силу), жестокое обращение с детьми толковалось более широко: «Может проявляться не только в осуществлении родителем физического или психического насилия над ними, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)». Мы полагаем, что широкий подход был более правильным, поскольку грань между психическим насилием и недопустимыми способами воспитания, а также эксплуатацией детей, поручением им деятельности, не соответствующей их психоэмоциональному развитию и физиологическим возможностям, все-таки имеется.

В научной литературе высказывается предложение законодательно определить рассматриваемое понятие в целях правильного толкования и точной квалификации[19]. Это можно было бы сделать в виде примечания к ст. 156 УК РФ либо посредством уточнения диспозиции рассматриваемой нормы.

Однако, к сожалению, столь простое решение проблемы применительно к оценочному понятию принципиально невозможно. Как справедливо указал Конституционный Суд РФ в своих определениях от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О и от 19 марта 2009 г. № 231-О-О, «использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций». Мы согласны с этим выводом и полагаем, что создание исчерпывающего перечня ситуаций, которые правоприменитель должен будет рассматривать как жестокое обращение с несовершеннолетними, невозможно.

[18] См.: *Саттарова Г. И.* Криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Югорского гос. ун-та. 2015. № 2 (38). С. 205–206.

[19] См.: *Богатова Е. В., Западнова Ю. А.* Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершенного : проблемы квалификации // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 2. С. 47.

В связи с этим мы предлагаем исходить не из перечисления всех возможных ситуаций жестокого обращения с ребенком, а попытаться определить содержательную специфику и качественные признаки таких случаев. Это позволит правоприменителю правильно разрешать вопрос о наличии или отсутствии жестокого обращения с ребенком в конкретной ситуации.

Толковый словарь С. И. Ожегова рассматривает жестокость как крайнюю суровость, безжалостность, беспощадность, бессердечие. В психологии жестокость принято понимать как «целенаправленное, умышленное деструктивное поведение человека, направленное на причинение физических, моральных, психических, сексуальных страданий другому живому существу (человеку или животному), а также намеренное продление этих страданий или препятствие прекращению их»[20]. Жестокость рассматривается как качество приобретенное, в основе которого стремление самоутвердиться за счет унижения более слабого существа.

В контексте неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего жестокое обращение, как нам представляется, должно рассматриваться с учетом нескольких характеристик. Во-первых, жестокое обращение всегда является умышленным деянием. Это вытекает из самой сущности жестокости как способа совершения преступления. При этом цели жестокого обращения могут быть разнообразными (ложно понимаемое воспитание, принуждение к послушанию или выполнению определенных требований, желание наказать за что-либо) и не должны иметь значения для квалификации. Во-вторых, под жестоким обращением могут пониматься как действия активные (причинение побоев, высказывание оскорблений, применение наказаний, нарушение режима дня несовершеннолетнего, принуждение его к труду, не соответствующему возрастным возможностям), так и бездействие по отношение к ребенку (непредоставление ему необходимого ухода, одежды, пищи, тепла, медицинского обслуживания и пр.).

Судебная практика свидетельствует, что среди деяний, квалифицированных как преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, наиболее распространены активные действия, в большинстве ситуаций обусловленные стремлением наказать воспитанника или обучающегося и добиться от него нужного поведения. Например, воспитатели МБДОУ «Детский сад комбинированного вида “Колосок”» города Канска (Красноярский край) демонстрировали воспитанникам булавки, угрожая уколами, т. е. причинением физической боли и психических страданий, при этом при дальнейшем непослушании наносили уколы канцелярскими булавками в область языка, ягодиц, верхних и нижних конечностей и других частей тела[21]. В Казани воспитатель детского сада умышленно нанесла ребенку, не желающему спать в тихий час, удары рукой и тапочком в область ягодиц и левой нижней конечности, после чего, взяв подушку, накрыла ею лицо воспитанника и, надавив рукой, удерживала подушку в таком положении несколько секунд. После этого, схватив ребенка за руки и за ноги, вывела его из спальной комнаты, завела в служебный кабинет, где выключила свет и закрыв дверь на замок, оставила его одного в этом кабинете примерно на 15 минут[22]. Во всех случаях педагоги были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ.

В-третьих, деяние должно причинять несовершеннолетнему физические или нравственные страдания, наносить вред его жизни и здоровью либо создавать угрозу причинения такого вреда, либо мешать нормальному психофизиологическому развитию ребенка и становлению его личности. Именно этот момент обусловливает характер и степень общественной опасности рассматриваемого преступления. В обобщенном понимании в результате жестокого обращения травмируется несформировавшаяся психика несовершеннолетнего. Роль взрослых в формировании личности подростка неоспорима[23], поэто-

[20] *Борохов Б. Д., Борохов А. Д.* Жестокость как метакогнитивный механизм саморегуляции // Медицинская психология в России. 2017. № 1 (42). С. 4.

[21] Решение Канского городского суда Красноярского края от 16 июля 2020 г. по делу № 2-3789/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oQbvo2bPs0Lj/ (дата обращения: 25.07.2024).

[22] Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 4 февраля 2019 г. по делу № 2-1784/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZudacnGN7t15/ (дата обращения: 25.07.2024).

[23] См.: *Макаренко И. А.* Развитие идей профессора Л. Л. Каневского в современной криминалистике // Правовое государство : теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 57.

му применение недопустимых приемов воспитания, насилие по отношению к несовершеннолетнему изменяют его личность, нарушает нормальный процесс социализации.

Такой подход к рассматриваемому термину позволил бы также решить многолетний спор о необходимости введения признака систематичности в понимание жестокого обращения с несовершеннолетним[24], который, по нашему мнению, в контексте ст. 156 УК РФ является неуместным. Мы настаиваем, что даже однократное действие, например, один удар или единичное оскорбление, должны рассматриваться как жестокое обращение с ребенком.

Таким образом, методы воспитания, связанные с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося либо воспитанника получили однозначную отрицательную оценку как в сфере трудового права, так и в контексте права уголовного.

Следует признать, что проблема привлечения к дисциплинарной, а при наличии оснований и к уголовной ответственности педагогических работников или других работников образовательных организаций, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетними, остается серьезнейшей в силу существенных последствий для личности ребенка и социальных последствий для российского общества, что свидетельствует о необходимости совершенствования рассматриваемых институтов.

Библиографический список

Богатова Е. В., Западнова Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершенного : проблемы квалификации // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 2. С. 44–50.

Борохов Б. Д., Борохов А. Д. Жестокость как метакогнитивный механизм саморегуляции // Медицинская психология в России. 2017. № 1 (42). С. 1–11.

Головина С. Ю. Особенности трудоправовой ответственности отдельных категорий работников // Ежегодник трудового права. 2014. № 9. С. 221–235.

Жемков А. А. Расторжение трудового договора с педагогическим работником : специальные основания // Поволжский педагогический поиск. 2019. № 3 (29). С. 60-71.

Иванов А. А. Понуждение педагога к увольнению по собственному желанию : правовые вопросы // Вестник Поволж. ин-та управления. 2019. Т. 19, № 5. С. 70–78.

Иванов А. А., Кондрашов Ю. А. Об аморальном проступке в педагогической деятельности // Управление социально-экономическими системами : теория, методология, практика : сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 20 мая 2020 г.). Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 125–127.

Макаренко И. А. Развитие идей профессора Л. Л. Каневского в современной криминалистике // Правовое государство : теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 56–59.

Малеина М. Н. Аморальный проступок преподавателя : правовая оценка понятия и последствий в сфере трудового и гражданского права // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 61–72.

Ожиганова М. В. Моральные требования в структуре правового статуса педагогического работника // Современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей : реализация принципов конвенции о правах ребенка : сборник материалов II Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2022 г.). Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2022. С. 51–57.

Осадчая Н. Г., Стрельников В. А. Отдельные проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3. С. 134–137.

Саттарова Г. И. Криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Югорского гос. ун-та. 2015. № 2 (38). С. 205–206.

Тарасова Л. В. Увольнение как вид дисциплинарной ответственности педагогических работников : основания и особенности // Актуальные вопросы публичного права : материалы XVII Всерос. науч. конф. молодых ученых и студентов. Вып. 17 : в 2 ч. (Екатеринбург, 1–2 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. В. Конев. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2018. Ч. 2. С. 221–225.

Шкатулла В. И. Труд педагогических работников (ст. 334–336 ТК РФ). Некоторые вопросы судебной практики // Образовательные технологии. 2019. № 1. С. 110–123.

References

Bogatova E. V., Zapadnova Yu. A. Non-fulfillment of duties on education of the imperfect: problems of qualification // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. P. 44–50.

[24] См.: *Осадчая Н. Г., Стрельников В. А.* Отдельные проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3. С. 134–137.

Borokhov B. D., Borokhov A. D. Cruelty as a metacognitive mechanism of self-regulation // Medical psychology in Russia. 2017. No. 1 (42). P. 1–11.

Golovina S. Yu. Features of labor and legal responsibility of certain categories of workers // Yearbook of Labor Law. 2014. No. 9. P. 221–235.

Zhemkov A. A. Termination of an employment contract with a teaching employee : special grounds // Volga Region pedagogical search. 2019. No. 3 (29). P. 60–71.

Ivanov A. A. Forcing a teacher to resign at his own request : legal issues // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2019. Vol. 19, No. 5. P. 70–78.

Ivanov A. A., Kondrashov Yu. A. On immoral misconduct in pedagogical activity // Management of socio-economic systems : theory, methodology, practice : collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference, Penza, May 20, 2020. Penza : Science and Education (IP Gulyaev G Yu.), 2020. P. 125–127.

Makarenko I. A. The development of the ideas of Professor L. L. Kanevsky in modern criminology // The rule of law: theory and practice. 2024. No. 2 (76). P. 56–59.

Maleina M. N. Immoral misconduct of a teacher : a legal assessment of the concept and consequences in the field of labor and civil law // Journal of Russian Law. 2018. No. 10 (262). P. 61–72.

Ozhiganova M. V. Moral requirements in the structure of the legal status of a teacher // Modern challenges and ways to solve problems in the field of protection of children's rights : implementation of the principles of the Convention on the Rights of the Child : collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, November 17, 2022. Yekaterinburg : Russian State Vocational Pedagogical University, 2022. P. 51–57.

Osadchaya N. G., Strelnikov V. A. Some problems of qualification of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 6-3. P. 134–137.

Sattarova G. I. Criminological characteristics of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor // Bulletin of the Yugra State University. 2015. No. 2 (38). P. 205–206.

Tarasova L. V. Dismissal as a type of disciplinary responsibility of teaching staff : grounds and features // Topical issues of public law : materials of the XVII All-Russian Scientific Conference of Young scientists and students. Issue 17 : in 2 parts, Yekaterinburg, November 01-02, 2018 / ed. by D. V. Konev. Yekaterinburg : Ural State Law University, 2018. Part 2. P. 221–225.

Shkatulla V. I. The work of teaching staff (Articles 334-336 of the Labor Code of the Russian Federation). Some issues of judicial practice // Educational technologies (Moscow). 2019. No. 1. P. 110–123.

Уфимский университет науки и технологий

Лифанова М. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса

E-mail: Lifanova2009@yandex.ru

Сайфутдинова В. М., старший преподаватель кафедры экологического и трудового права

E-mail: venera-svm@mail.ru

Поступила в редакцию: 01.08.2024

Для цитирования:

Лифанова М. В., Сайфутдинова В. М. Методы воспитания, связанные с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника: регулирование в сфере трудового и уголовного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 147–155. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/147-155

Ufa University of Science and Technology

Lifanova M. V., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure

E-mail: Lifanova2009@yandex.ru

Sayfutdinova V. M., Senior Lecturer at the Department of Environmental and Labor Law

E-mail: venera-svm@mail.ru

Received: 01.08.2024

For citation:

Lifanova M. V., Sayfutdinova V. M. Methods of education related to physical and (or) mental violence against the personality of the student, pupil: regulation in the field of labor and criminal law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 147–155. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/147-155

УДК 349.2
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/156-166

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОГО ПРИМИРИТЕЛЯ С СУДОМ И УЧАСТНИКАМИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ХАРАКТЕР ПРАВООТНОШЕНИЙ

М. К. Мелаев
Воронежский государственный университет

INTERACTION OF A JUDICIAL CONCILIATOR WITH THE COURT AND PARTICIPANTS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: THE NATURE OF LEGAL RELATIONS

M. K. Melayev
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена вопросам проведения судебного примирения в рамках административной процессуальной формы. Рассматриваются проблемы понимания содержания термина «судебное примирение». Автором предпринята попытка дать характеристику отношениям, складывающимся между судом, судебным примирителем и сторонами спорных правоотношений при проведении судебного примирения.
Ключевые слова: судебное примирение, судебный примиритель, административное судопроизводство, процессуальные правоотношения, административная процессуальная форма, взаимодействие суда и судебного примирителя.

Abstract: the article is devoted to the issues of judicial reconciliation within the administrative procedural form. The problems of understanding the content of the term «judicial reconciliation» are considered. The author has tried to characterize the relationships that develop between the court, the judicial conciliator and the parties to disputable legal relations during judicial reconciliation.
Key words: judicial reconciliation, judicial conciliator, administrative proceedings, procedural legal relations, administrative procedural form, interaction between the court and the judicial conciliator.

Судебное примирение и медиация сегодня достигли вершины научного внимания[1]. Констатируя развитие разных правозащитных и правовосстановительных механизмов, Т. Г. Морщакова отмечает, что «появление таких альтернатив востребовано объективными причинами: развитием правоотношений и ростом числа правовых споров во всех сферах жизни, ограниченными возможностями экстенсивного развития судебной системы, спецификой отдельных конфликтов, разным кругом их участников, стремлением к урегулированию ситуации с наименьшими издержками и т. д.»[2]. В то же время институт примирения, будучи обусловленным тенденциями развития российского правового пространства и мировой практики[3], имеет ряд проблем, препятствующих его эффективному применению. В юридической литературе встречается множество проблем, касающихся как организации, так и вопросов не-

[1] См.: *Старилов Ю. Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 26.

© Мелаев М. К., 2025

[2] *Морщакова Т. Г.* Правовое государство и стандарты восстановительного (примирительного) правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 131.

[3] См.: *Махина С. Н.* Примирение сторон в административном судопроизводстве : новое в законодательстве, теории и практике // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 4. С. 6.

посредственного проведения примирения путем использования различных примирительных процедур, предусмотренных российским законодательством, к числу которых относится судебное примирение. Как известно, на сегодняшний день, несмотря на усилия со стороны законодателя и судебной власти, институт примирения, в том числе судебного примирения, не достигает главной цели их внедрения в российскую правовую систему – снижения нагрузки на судебную систему. В качестве причин неуспеха указывают на различные проблемы, такие как правовая культура[4], недоверие к примирительным процедурам и др.[5]. Дискуссионным остается вопрос характера отношений, возникающих между судом, сторонами и судебным примирителем, что создает сложности в правоприменении и понимании их правовых последствий. В связи с этим хотелось бы акцентировать внимание на некоторых вопросах отношений, складывающихся между судом, судебным примирителем и сторонами административно-правового спора при проведении судебной примирительной процедуры.

В соответствии с действующим административным процессуальным законодательством РФ (ст. 137.3 КАС РФ)[6] формально определенными видами примирительных процедур можно выделить судебную примирительную процедуру и процедуру медиации[7] (или посредника), тогда как некоторые виды процедур, таких как переговоры, с точки зрения их организации проведения остаются формально неопределенными, поскольку законом установлены некоторые рамочные правила, по большой части касающиеся оформления результатов переговоров, а не их проведения. «…Обычные переговоры сторон, несмотря на то что они являются наиболее широко применимой процедурой урегулирования споров, требуют минимальной регламентации в процессуальном законодательстве»[8]. Как отмечает Е. И. Носырева, «являясь неотъемлемым элементом любой примирительной процедуры, переговоры в то же время представляют самостоятельную процедуру урегулирования спора непосредственно сторонами без участия третьих лиц»[9]. Кроме того, в соответствии со ст. 137.3 КАС РФ перечень примирительных процедур является открытым, с оговоркой – не противоречить федеральному закону.

При классификации примирительных процедур важным критерием является их субъектный состав, что во многом определяет вид процедуры, от чего зависят и основные правила организации, проведения, правовые последствия, в том числе процессуального характера. Положения процессуальных кодексов позволяют определить вид примирительной процедуры через фигуру участвующего в нем посредника[10]. В судебном примирении в роли посредника выступает судебный примиритель, т. е. судья в отставке, и включенный в список судебных примирителей.

Говоря о судебном примирении по российскому законодательству, необходимо отметить, что сам термин «судебное примирение» носит дискуссионный характер и относительно его содержания существует множество противоречащих вдруг другу позиций. Например, В. С. Дегтярева в своем диссертационном исследовании пишет, что «судебное примирение законодательством Российской Федерации не предусмотрено»[11], аргументируя свою позицию тем, что судебное примирение должно проводить-

[4] См.: *Лисицын Ю. В., Трофимова М. С.* О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство // Beneficium. 2020. № 1 (34). С. 98.

[5] См.: *Трезубов Е. С., Исакова Е. Г.* Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 1 (13). С. 93.

[6] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. – № 10. – Ст. 1391; 2024. – № 15. – Ст. 1967.

[7] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. 26.07.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

[8] *Шеменева О. Н.* Процессуальные последствия проведения переговоров как основной примирительной процедуры в гражданском судопроизводстве // Цивилистика : право и процесс. 2021. № 4 (16). С. 107.

[9] *Носырева Е. И.* Перспективы развития в Российской Федерации отдельных примирительных процедур // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г. ; Северо-Западный филиал Рос. гос. ун-та правосудия). СПб. : Астерион, 2019. Ч. 1. С. 198.

[10] См.: *Евтухович Е. А., Фильченко Д. Г.* Судебное примирение и судебный примиритель // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 6. С. 278.

[11] *Дегтярева В. С.* Примирительные процедуры в ГПК России и в ГПК Франции : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 13.

ся действующим судьей, а не судьей в отставке, ссылаясь на дореволюционный опыт российского судопроизводства и современный опыт зарубежных стран. Придерживаясь иной позиции и подчеркивая процессуальный характер судебного примирения, Е. В. Михайлова отмечает: «... гражданское, арбитражное и административное судопроизводства включают в себя два вида деятельности: рассмотрение дела и судебное примирение»[12]. Все сложности понимания содержания термина «судебное примирение» порождают другой связанный с ним вопрос – каким образом взаимодействуют суд, судебный примиритель и стороны? Проведение судебной примирительной процедуры действующим судьей, осуществляющим правосудие, означало бы автоматическое признание этих взаимоотношений процессуальными.

Обратимся к законодательству, которое определяет правовую базу, регламентирующую организацию и проведение судебного примирения. Правовую основу судебного примирения составляют соответствующие положения процессуальных кодексов (в том числе КАС РФ), которые появились в силу принятия Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[13], Федерального конституционного закона от 26 июля 2019 г. №3-ФКЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской федерации» в связи с совершенствованием примирительных процедур»[14], который предоставил новые полномочия высшему судебному органу Российской Федерации – утверждение Регламента проведения судебного примирения (далее Регламент)[15] и утверждение списка, составляемых им, судебных примирителей. И действительно проанализировав нормы вышеприведенных актов, сложно не согласиться с позицией Е. В. Михайловой о том, что, «судебная примирительная процедура – это часть общей цивилистической процессуальной формы. Само ее название, то обстоятельство, что она закрепляется в нормах действующего российского процессуального законодательства, недвусмысленно свидетельствуют о ее процессуальном, а значит, публично-правовом характере»[16].

По классическому определению, под «административно-процессуальными отношениями понимают правовые отношения, урегулированные нормами административного процессуального права и складывающиеся между судом, участниками административного судопроизводства и другими субъектами в связи с рассмотрением и разрешением административных дел»[17]. Следует согласиться с О. Н. Шеменевой в том, что «утверждение о том, что суд является обязательным субъектом процессуальных правоотношений, очень удобно в практическом и методическом плане[18]».

Безусловно, правовой статус судебного примирителя как члена судебного сообщества, финансирование его деятельности государством за счет средств федерального бюджета, организационное обеспечение его деятельности государством выделяют его как специального субъекта в отношениях, возникающих в ходе проведения примирительной процедуры. Однако сама принадлежность судебного примирителя к судебному сообществу или само название данной процедуры не раскрывают характера отношений, возникающих в ходе примирительной процедуры.

Правосудие[19] как основная функция суда осуществляется в установленном законом порядке. Порядок разрешения судом публично-правовых

[12] *Михайлова Е. В.* О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры // Государство и право. 2022. № 10. С. 20.

[13] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 30. Ст. 4099.

[14] О внесении изменения в статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с совершенствованием примирительных процедур : федер. конституц. закон от 26 июля 2019 г. № 3-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 30. Ст. 4096.

[15] Об утверждении Регламента проведения судебного примирения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 // Рос. газета. 2019. 12 нояб.

[16] *Михайлова Е. В.* Указ. соч. С. 28.

[17] Административное судопроизводство : учеб. пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / Ю. Н. Старилов, С. Н. Махина, Ю. Б. Носова, О. С. Рогачева ; под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 115.

[18] *Шеменева О. Н.* Суд как субъект гражданских процессуальных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2015. № 3 (22). С. 67.

[19] См.: Судоустройство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головко. М. : Городец, 2020. С. 81.

споров[20] устанавливает Кодекс административного судопроизводства РФ. Административное судопроизводство представляет собой основной механизм разрешения этих правовых споров.

Вместе с тем процессуальным законодательством предусмотрен и другой порядок – урегулирование публично-правовых споров путем проведения примирительных процедур и заключения соглашения о примирении.

Пункт 10 ч. 3 ст. 135 КАС РФ возлагает на суд при подготовке административного дела к судебному разбирательству обязанность содействовать примирению сторон, если по данной категории административных дел возможно примирение, в частности разъяснять сторонам в целях урегулирования спора право обратиться за содействием к посреднику, в том числе медиатору, судебному примирителю, использовать другие примирительные процедуры, а также условия и порядок реализации данного права, существо и преимущества примирительных процедур, последствия совершения таких действий, принимать меры для заключения сторонами соглашения о примирении, содействовать примирению сторон.

С позиции суда предложение провести примирительную процедуру является его обязанностью и возлагает на него совершение им юридически значимых действий (например, вынесение определения о назначении судебного примирения, при необходимости приостановление производства на срок проведения процедуры).

Предложение суда провести примирительную процедуру может быть сделано в двух формах (ч. 1 ст. 137.2 КАС РФ):

– письменной (в определении о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству или в ином определении по административному делу);

– устной.

Кроме суда примирительная процедура может быть проведена и по инициативе одной из сторон при согласии другой стороны. Стороны, приняв решение о проведении примирительной процедуры, обращаются в суд с ходатайством.

Предложение суда сторонам по проведению примирительных процедур и заключению соглашения о примирении носит рекомендательный характер для сторон спорных правоотношений, и отказ от него не влечет негативных правовых последствий для судебного разбирательства.

Как следует из изложенного выше, проведение примирительной процедуры для сторон представляет собой процессуальное право, закрепленное процессуальным законодательством, а его реализация зависит от воли истца и ответчика и требует совершения ими юридически значимых действий. Относительно права сторон не использовать примирительные процедуры А. А. Попов пишет, что «необходимо сделать так, чтобы игнорирование примирительных процедур стало чрезвычайно невыгодно для спорящих сторон как в финансовом, так и в плане скоротечности судебного разбирательства»[21].

В случае принятия решения сторонами проводить судебную примирительную процедуру суд выносит определение о проведении примирительной процедуры. В определении указываются:

– фамилии, имена и отчества;

– наименование сторон;

– предмет спора и круг вопросов, для урегулирования которых может быть использована примирительная процедура или иные указания необходимые для надлежащего проведения примирительной процедуры;

– сроки проведения примирительной процедуры.

Положения Кодекса административного судопроизводства РФ не конкретизируют, какие правовые процессуальные последствия суд разъясняет сторонам в обязательном порядке. Суду следует разъяснять сторонам в обязательном порядке как преимущества, так и потенциальные риски для сторон применения примирительных процедур. Например, о невозможности повторного обращения в суд с иском по тем же обстоятельствам дела, если уже имеется соглашение о примирении, утвержденное определением суда, об особенностях течения процессуальных сроков, в частности о порядке и сроке подачи кассационной жалобы (ч. 11 ст. 137.1 КАС РФ). Данный вопрос приобретает особенно ак-

[20] См.: Общее административное право : учебник : в 2 ч. под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат дом ВГУ, 2017. Ч. 2: Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ). С. 555.

[21] *Попов А. А.* Судебное примирение : реальность и перспектива // Судебная защита прав предпринимателей : сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Тверь, 6 июля 2021 г.). Тверь : Твер. гос. ун-т, 2021. С. 88.

туальный характер, в случаях когда гражданин, не имеющий юридического образования, обращается в суд самостоятельно (без специального представителя, в тех случаях, когда это допускается КАС РФ).

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ указывается: «Судам следует также учитывать, что КАС РФ не предусмотрена возможность апелляционного обжалования судебных приказов, определений об утверждении соглашения о примирении, однако они могут быть обжалованы в кассационном порядке (ч. 11 ст. 137.1, п. 1 ч. 2 ст. 319 КАС РФ)»[22]. Это важное процессуальное последствие заключения соглашения о примирении. Стороны должны понимать, что в случае если одна из сторон решит обжаловать определение суда об утверждении соглашения о примирении, необходимо учитывать эти особенности. Об этом стороны должны быть информированы судом в обязательном порядке.

Конституционный Суд РФ указал, что «вступившее в законную силу решение суда по административному спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, определение суда о прекращении производства по данному административному делу в связи с принятием отказа административного истца от административного иска, утверждением соглашения о примирении сторон или определение суда об отказе в принятии административного искового заявления являются основанием для отказа в принятии административного искового заявления или прекращения производства по делу (пункт 4 части 1 статьи 128, пункт 2 части 1 статьи 194 КАС РФ)»[23].

Суд, назначая судебную примирительную процедуру, в своем определении указывает предмет спора и круг вопросов, которые могут быть урегулированы в рамках процедуры. Видимо, суд должен определять в каждом конкретном случае, предварительно оценив возможность допустимости примирения и тем самым конкретизировав норму ч. 1 ст. 137 КАС РФ, которая гласит: «Примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон». Данное предписание суда предопределяет последствия (результаты) проведения процедуры, снижая риски заключения недопустимых соглашений. Указание предмета спора и круга вопросов в определении суда, которые могут быть урегулированы в ходе примирительной процедуры, с одной стороны, ограничивает возможности сторон, с другой стороны, было бы нецелесообразно участникам процедуры договариваться по тем вопросам, которые не будут утверждены судом.

В соответствии с ч. 2 ст. 137.2 КАС РФ суд при необходимости приостанавливает производство по административному делу. Такое приостановление А. Б. Зеленцов определяет как «факультативное приостановление, характеризующееся тем, что закон наделяет суд правом по своему усмотрению, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, решать вопрос о целесообразности приостановления или продолжения судебного разбирательства»[24]. Он же отмечает, что «по приостановленному делу совершать какие-либо процессуальные действия нельзя». Тем не менее ч. 1 ст. 85 КАС РФ предоставляет суду право, по заявлению о применении мер предварительной защиты административного истца или лица, обратившегося в суд в защиту прав других лиц или неопределенного круга лиц, суд может принять меры предварительной защиты по административному иску, в том числе в случае приостановления производства по административному делу в целях урегулирования спора. Принятие судом мер предварительной защиты в случае приостановления производства по административному делу в целях урегулирования спора является важной гарантией защиты прав, свобод и законных интересов административного истца.

В случае если стороны проявили желание провести судебную примирительную процедуру

[22] О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 17 // Рос. газета. 2020. 20 июля.

[23] По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2022 г. № 2-П // Рос. газета. 2022. 25 янв.

[24] *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.* Судебное административное право : учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Рос. ун-т. дружбы народов, Юрид. ин-т. М. : Статут, 2017. С. 543.

и суд с этим согласился (или, наоборот, стороны согласились с предложением суда о проведении процедуры), то определением суда назначается процедура. Это же служит началом судебной примирительной процедуры.

Судебное примирение представляет собой самостоятельный способ урегулирования правового спора. Нормативную основу данной процедуры составляют Кодекс административного судопроизводства РФ и Регламент проведения судебного примирения, который утверждается ВС РФ.

Регламентом определены основные участники судебной примирительной процедуры. К ним относятся судебный примиритель, стороны (представители сторон), из совокупности прав и обязанностей которых складывается порядок их взаимоотношений в рамках процедуры.

В процедуре по согласованию со сторонами и судебным примирителем могут участвовать и другие лица, способствующие проведению примирительной процедуры, права и обязанности которых не урегулированы регламентом. Следует согласиться с мнением А. Ф. Воронова: «Не вполне понятно, имеются ли в виду только лица, содействующие осуществлению правосудия, привлеченные к участию в деле в суде, либо можно привлекать и лиц, которые не участвовали в судебном процессе по делу, по которому проводится примирение. Скорее всего, если стороны согласны, можно привлекать и иных лиц в качестве специалистов, переводчиков. Но назначить экспертизу и привлечь к процедуре примирения иного эксперта вряд ли возможно. Очевидно, что привлечь иных лиц к процедуре примиритель может только с согласия этих лиц»[25].

Как уже было отмечено, Регламент не закрепляет правового положения лиц, которые могут быть привлечены к участию в примирительной процедуре. Из этого вытекают две проблемы. Во-первых, отсутствие прав и обязанностей у привлекаемых лиц создает определенные сложности во взаимодействии их как с судебным примирителем, так и с сторонами. Во-вторых, неясным остается то, как обеспечивается их участие. В связи с этим следовало бы дополнить Регламент соответствующими положениями, закрепив правовой статус иных участников в судебной примирительной процедуре.

Регламент судебного примирения с точки зрения изложения норм не содержит традиционные, во многом удобные для восприятия формулировки. По справедливому замечанию В. В. Гриценко, «в Регламенте не применяется "классический" подход в определении правового статуса, не используются термины "права" и "обязанности" судебного примирителя»[26]. Как пишет А. Ф. Воронов, «что же касается примирителя и сторон, то избран весьма специфичный способ закрепления их прав и обязанностей. Сначала, по-видимому, идут права (без всякого обозначения в тексте нормы), затем запреты ("не должен"), а затем обязанности ("следует")»[27].

Следуя этой логике, можно заключить, что права судебного примирителя в рамках проводимой им процедуры закреплены в ч. 1 ст. 14 Регламента. Они состоят в ведении переговоров со сторонами, изучении документов и иной информации, предоставленной сторонами, получении необходимой консультации у специалистов, содействии сторонам в обмене документами, сведениями, даче рекомендаций, разъяснении законодательства и практики его применения, и др.

Из перечисленных прав примирителя особое внимание привлекает то, что судебный примиритель может знакомиться с материалами дела с согласия суда, при этом ни КАС РФ, ни Регламент не устанавливают порядка ознакомления судебного примирителя с материалами дела. На наш взгляд, следовало бы дополнить КАС и Регламент соответствующими нормами, указав порядок, сроки и форму обращения.

К запретам, установленным для судебного примирителя, можно отнести (ч. 2. ст. 14 Регламента): 1) совершение действий, которые могут привести к возникновению, изменению и прекращению прав участвующих в деле лиц и других участников; 2) проведение судебного примирения при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 31 КАС РФ; 3) нарушение принципов судебного примирения; 4) разглашение без письменного согласия сторон информации полученной от них.

[25] *Воронов А. Ф.* Регламент проведения судебного примирения : союз медиативных процедур и судебного разбирательства // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 14.

[26] *Гриценко В. В.* Судебный примиритель в административном судопроизводстве : особенности правового статуса // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 156.

[27] *Воронов А. Ф.* Указ. соч. С. 15.

Обязанности судебного примирителя состоят том, что он должен быть независим и беспристрастен, проводить судебное примирение добросовестно, в случае наличия препятствующих этому обстоятельств заявить сторонам и суду. Кроме того, он разъясняет сторонам вопросы, связанные с проведением примирения, и предоставляет суду информацию о ходе примирительной процедуры (ч. 3 ст. 14 Регламента).

Перечень прав сторон содержится в ч. 1 ст. 13 Регламента, которым закреплены права вносить предложения по порядку проведения судебного примирения, заявлять о необходимости об участии и иных лиц в процедуре, задавать вопросы и др.

К запретам для сторон, установленным в ч. 2. ст. 13 Регламента, относятся: 1) разглашение информации, полученной в ходе судебного примирения; 2) затягивать судебное примирение и препятствовать деятельности судебного примирителя.

Обязанности сторон закреплены в ч. 3 ст. 13 Регламента. Они должны соблюдать принципы судебного примирения, добросовестно пользоваться правами, соблюдать согласованный порядок сторонами судебного примирения и др.

В случае нарушения порядка проведения процедуры ни у судебного примирителя, ни у участников процедуры нет правовых средств принуждения. Можно заключить, что в случае нарушения порядка сторонами (или судебным примирителем) единственно возможным последствием является обращение в суд с тем, чтобы его информировать и разрешить вопрос о возобновлении судебного разбирательства (если оно было приостановлено на срок проведения примирительной процедуры). В то же время диспозитивный характер отношений участников в рамках процедуры и минимальная регламентация согласовываются с принципами примирения (добровольность, сотрудничество и др.). В противном случае судебная примирительная процедура превратилась бы в судебный процесс.

Особое место, не являясь участником судебной примирительной процедуры, занимает суд, у которого возникают определенные отношения с участниками примирительной процедуры. Эти отношения между судом и судебным примирителем возникают по поводу:

– ознакомления судебного примирителя с материалами административного дела (ч. 1 ст. 14 Регламента);

– предоставления информации суду судебным примирителем о ходе процедуры (ч. 3 ст. 14 Регламента), информирования суда о невозможности продолжения процедуры (ст. 26 Регламента); информирования суда о достижении результатов (ч. 3 ст. 24 Регламента);

– решения вопроса о возобновлении судебного разбирательства (ч. 2 ст. 16 Регламента).

Перечисленные отношения, складывающиеся между судом и судебным примирителем, носят специфический характер и могут быть охарактеризованы как «взаимодействие» между судом и судебным примирителем.

К. В. Мурычев определяет взаимодействие как «систему правоотношений регулятивного (упорядоченного) характера», имеющую ряд признаков, к числу которых относятся наличие двух или более субъектов правоотношений, деятельность которых служит общей цели[28].

По мнению Г. В. Мальцева, термин «взаимодействие» «…обозначает такую форму взаимоотношений, при которой каждая … не заменяет, не подменяет и не поглощает другую, не имеет характера господства и подчинения, а способствует функционированию каждой…»[29].

При этом КАС РФ неоднократно использует формулировку «суд оказывает содействие». Однако это не противоречит высказанному тезису, поскольку непосредственное проведение процедуры осуществляется судебным примирителем, и суд в данном случае оказывает ему содействие. Судебный примиритель, в свою очередь, обязуется совершать определенные действия по инициативе суда. А их взаимодействие обусловлено тем, что они оба должны примирить конфликтующие стороны, и с этой целью они вступают в отношения и совершают те или иные действия, т. е. их общая цель – примирение сторон.

Кроме того, право суда на получение информации о ходе примирительной процедуры может свидетельствовать о контроле со стороны суда, с тем чтобы не допустить злоупотребление правом одной из сторон. Е. И. Носырева, обращая внимание на проблему злоупотребления правом, пишет: «Характер злоупотребления варьируется от элементарного стремления одной из сторон

[28] См.: *Мурычев К. В.* Система представительных органов власти в Российской Федерации. М. : Норма, 2011. С. 124, 139–141.

[29] Правоведение : учебник / под общ. ред. Г. В. Мальцева. М. : Изд-во РАГС, 2003. С. 234.

затянуть рассмотрение дела в суде до обоюдного недобросовестного использования результатов примирительных процедур»[30]. Контроль такого рода со стороны суда за проведением примирительной процедуры необходим, поскольку у судебного примирителя нет властных полномочий для того, чтобы предотвращать неправомерное поведение участников.

В соответствии со ст. 23 Регламента судебное примирение завершается в случае:

– достижения результатов;

– недостижения результатов в установленный срок;

– по заявлению сторон;

– прекращения судебным примирителем до истечения срока.

Согласно ст. 26 Регламента судебный примиритель вправе прекратить судебное примирение в установленных случаях. Во всех предусмотренных случаях прекращения процедуры участник, выступивший инициатором прекращения, письменно информирует суд и стороны.

Достигнутые результаты по итогу примирительной процедуры оформляются при содействии судебного примирителя. Судебный примиритель проверяет соглашение на предмет законности, отсутствия нарушения прав иных лиц.

Судья, в производстве которого находится дело, проверяет переданные ему результаты по установленным, процессуальным законодательством критериям. В случае его утверждения выносится определение суда. Определение суда об утверждении соглашения может быть обжаловано в суд кассационной инстанции.

По этому поводу в определении пятого кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2020 г. по делу № 88-6186/2020 установлено, что «перед утверждением мирового соглашения суду в каждом случае следует проверить и убедиться: понимают ли стороны условия заключаемого мирового соглашения; согласны ли они на заключение мирового соглашения на предложенных условиях и добровольно ли они принимают условия, на которых заключается мировое соглашение; осознают ли они, какие правовые последствия наступят в случае утверждения мирового соглашения судом; не противоречат ли условия мирового соглашения закону, а также не содержит ли заключенное мировое соглашение условия, которые могут повлечь нарушение прав и законных интересов, как сторон спора, так и иных лиц»[31].

В результате исследования взаимодействия судебного примирителя с судом и участниками административного судопроизводства необходимо сделать следующие выводы.

Судебное примирение может быть рассмотрено в различных аспектах. Как процессуальное право, закрепленное в КАС РФ, судебное примирение возникает с момента обращения в суд с административным исковым заявлением и может быть реализовано при наличии согласия на его проведение у субъектов спорных правоотношений и суда.

Правоотношения, складывающиеся между сторонами и судом с момента инициирования проведения и до его завершения, остаются процессуальными, поскольку они возникают в рамках судебного процесса, регулируются нормами процессуального законодательства при участии суда.

Судебное примирение является частью административной процессуальной формы и неразрывно связано с деятельностью суда, хотя его непосредственное проведение формально выводится за рамки административного судопроизводства и не предусматривает участия суда. Вместе с тем его проведение назначается определением суда, а результаты, достигнутые путем проведения судебного примирения, утверждаются определением, тем самым достигнутое соглашение трансформируется в процессуальный акт и влечет за собой соответствующие правовые последствия (прекращение производства, принудительное исполнение и др.). В случае наличия оснований, предусмотренных законом, суд выносит определение об отказе утверждения достигнутых результатов.

Отношения, возникающие между судом и судебным примирителем, характеризованные нами как взаимодействие, возникают при осуществлении ими деятельности, объединенной наличием общей цели – примирение сторон.

Кроме того, суд осуществляет контроль за судебным примирением, который заключается в следующем: при вынесении определения о назначении судебного примирения указыва-

[30] *Носырева Е. И.* Роль прокурора при использовании сторонами примирительных процедур // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 130.

[31] Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2020 г. по делу № 88-6186/2020. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=8754#A0chzEUai5CTAo702

ет предмет и круг вопросов, подлежащих урегулированию; получает информацию о ходе процедуры; проверяет результаты, достигнутые в ходе судебного примирения.

Особое место при проведении судебного примирения занимает суд. При этом, не являясь участниками, суд и судебный примиритель состоят во взаимодействии ввиду их совместной деятельности по урегулированию публично-правового спора.

Отношения, складывающиеся между сторонами и судебным примирителем, строятся на диспозитивных началах и не носят властного характера. Судебный примиритель не имеет каких-либо средств принуждения в отношении участников судебной примирительной процедуры в случае нарушения ими Регламента проведения судебного примирения или злоупотребления правами. Кроме того, эти отношения вряд ли можно назвать процессуальными без пересмотра устойчивого теоретического представления о том, что обязательным участником процессуальных правоотношений является суд.

Библиографический список

Административное судопроизводство : учеб. пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / Ю. Н. Старилов, С. Н. Махина, Ю. Б. Носова, О. С. Рогачева ; под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 624 с.

Воронов А. Ф. Регламент проведения судебного примирения : союз медиативных процедур и судебного разбирательства // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 7–16.

Гриценко В. В. Судебный примиритель в административном судопроизводстве : особенности правового статуса // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 149–159.

Дегтярева В. С. Примирительные процедуры в ГПК России и в ГПК Франции : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 250 с.

Евтухович Е. А., Фильченко Д. Г. Судебное примирение и судебный примиритель // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 6. С. 265–293.

Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Рос. ун-т. дружбы народов, Юрид. ин-т. М. : Статут, 2017. 768 с.

Лисицын Ю. В., Трофимова М. С. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство // Beneficium. 2020. № 1 (34). С. 95–102.

Махина С. Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве : новое в законодательстве, теории и практике // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 4. С. 5–11.

Михайлова Е. В. О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры // Государство и право. 2022. № 10. С. 18–30.

Морщакова Т. Г. Правовое государство и стандарты восстановительного (примирительного) правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 131–133.

Мурычев К. В. Система представительных органов власти в Российской Федерации. М. : Норма, 2011. 240 с.

Носырева Е. И. Перспективы развития в Российской Федерации отдельных примирительных процедур // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г. ; Северо-Западный филиал Рос. гос. ун-та правосудия). СПб. : Астерион, 2019. Ч. 1. С. 197–203.

Носырева Е. И. Роль прокурора при использовании сторонами примирительных процедур // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 123–131.

Общее административное право : учебник : в 2 ч. под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат дом ВГУ, 2017. Ч. 2: Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ). 822 с.

Попов А. А. Судебное примирение : реальность и перспектива // Судебная защита прав предпринимателей : сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Тверь, 6 июля 2021 г.). Тверь : Твер. гос. ун-т, 2021. С. 86–91.

Правоведение : учебник / под общ. ред. Г. В. Мальцева. М. : Изд-во РАГС, 2003. 584 с.

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 7–32.

Судоустройство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головко. М. : Городец, 2020. 768 с.

Трезубов Е. С., Исакова Е. Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 1 (13). С. 88–94.

Шеменева О. Н. Процессуальные последствия проведения переговоров как основной примирительной процедуры в гражданском судопроизводстве // Цивилистика : право и процесс. 2021. № 4 (16). С. 103–108.

Шеменева О. Н. Суд как субъект гражданских процессуальных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2015. № 3 (22). С. 67–76.

References

Administrative legal proceedings : a textbook for undergraduate, graduate, and specialist students in the areas of «Jurisprudence» and «Judicial and Prosecutor's Activities» / Yu. N. Starilov, S. N. Makhina, Yu. B. Nosova, O. S. Rogacheva ; ed. by Yu. N. Starilova. 2nd ed., revision. Moscow : Norma : INFRA-M, 2023. 624 p.

Voronov A. F. Regulations for judicial reconciliation : a union of mediation procedures and judicial proceedings // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2020. No. 1 (270). P. 7–16.

Gritsenko V. V. Judicial conciliator in administrative proceedings : features of the legal status // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2020. No. 2(41). P. 149–159.

Degtyareva V. S. Conciliation procedures in the Civil Procedure Code of Russia and in the Civil Procedure Code of France : cand. legal sci. dis. Moscow, 2023. 250 p.

Evtukhovich E. A., Filchenko D. G. Judicial reconciliation and judicial conciliator // Bulletin of civil procedure. 2020. Vol. 10, No. 6. P. 265–293.

Zelentsov A. B., Yastrebov O. A. Judicial administrative law : textbook for students of higher education institutions studying in the specialty «Jurisprudence» / Russian University of Peoples' Friendship, Legal Institute. Moscow : Statut, 2017. 768 p.

Lisitsyn Yu. V., Trofimova M. S. On the prospects for introducing the institution of judicial conciliation into Russian procedural legislation // Beneficium. 2020. No. 1 (34). P. 95–102.

Makhina S. N. Reconciliation of the parties in administrative proceedings : new in legislation, theory and practice // Journal of administrative proceedings. 2019. No. 4. P. 5–11.

Mikhailova E. V. On the legal nature, principles and legal status of participants in the judicial conciliation procedure // State and Law. 2022. No. 10. P. 18–30.

Morshchakova T. G. Rule of law and standards of restorative (conciliatory) justice // Comparative constitutional review. 2020. No. 4 (137). P. 131–133.

Murychev K. V. The system of representative authorities in the Russian Federation. Moscow : Norma, 2011. 240 p.

Nosyreva E. I. Prospects for the Development of Certain Conciliation Procedures in the Russian Federation // Conciliation Procedures in Civil Law and Legal Proceedings : Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conf. (St. Petersburg, April 26–27, 2019; North-West Branch of the Russian State University of Justice). St. Petersburg : Asterion, 2019. Part 1. P. 197–203.

Nosyreva E. I. The role of the prosecutor when parties use conciliation procedures // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 4(47). P. 123–131.

General administrative law : textbook : in 2 hours / ed. by Yu. N. Starilov ; Voronezh State University. 2nd edition, revision. and additional. Voronezh : VSU Publishing House, 2017. Part 2: Administrative tort law (Administrative Code of the Russian Federation). Administrative legal proceedings (CAS RF). 822 p.

Popov A. A. Judicial reconciliation : reality and perspective // Judicial protection of the rights of entrepreneurs : a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Tver, July 06, 2021). Tver : Tver State University, 2021. P. 86–91.

Jurisprudence : textbook / ed. by G. V. Maltsev. Moscow : RAGS Publishing House, 2003. 584 p.

Starilov Yu. N. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the field of administrative and other public legal relations // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1 (52). P. 7–32.

Judicial system and law enforcement agencies / ed. by L. V. Golovko. Moscow Gorodets, 2020. 768 p.

Trezubov E. S., Isakova E. G. Novels of judicial reconciliation in the context of judicial and legal policy of modern Russia // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences. 2020. Vol. 4, No. 1(13). P. 88–94.

Shemeneva O. N. Procedural consequences of negotiations as the main conciliation procedure in civil proceedings // Civil law: law and process. 2021. No. 4 (16). P. 103–108.

Shemeneva O. N. The court as a subject of civil procedural legal relations // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2015. No. 3 (22). P. 67–76.

Воронежский государственный университет

Мелаев М. К., аспирант кафедры административного и административного процессуального права

Voronezh State University

Melayev M. K., Post-graduate Student of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law

E-mail: melayewmyratgeldi@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.12.2024

Для цитирования:
Мелаев М. К. Взаимодействие судебного примирителя с судом и участниками административного судопроизводства: характер правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 156–166. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/156-166

E-mail: melayewmyratgeldi@gmail.com

Received: 15.12.2024

For citation:
Melayev M. K. Interaction of a judicial conciliator with the court and participants in administrative proceedings: the nature of legal relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 156–166. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/156-166

УДК 342.25
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/167-172

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ (НАДЗОРЕ) И МУНИЦИПАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. В. Глухова
Правительство Воронежской области

MODERN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON STATE CONTROL (SUPERVISION) AND MUNICIPAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

M. V. Glukhova
Government of the Voronezh Region

Аннотация: рассматриваются направления развития законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации. Анализируются новеллы, связанные с цифровизацией государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Разбираются самые актуальные изменения, внесенные в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
Ключевые слова: контроль (надзор), контрольные (надзорные) мероприятия, профилактика, цифровизация.

Abstract: the article examines the directions of development of legislation on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation. Innovations related to the digitalization of state control (supervision) and municipal control are also analyzed. In addition, the most current changes made to the Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» are analyzed.
Key words: control (supervision), control (supervisory) activities, prevention, digitalization.

Состоявшийся с 31 октября по 2 ноября 2024 г. в г. Калининграде Всероссийский форум контрольных (надзорных) органов предложил к обсуждению множество коллизионных вопросов при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности как в части технического обеспечения и применения новых цифровых технологий, так и в части дальнейшего реформирования законодательства о государственном контроле (надзоре) и законодательства об административных правонарушениях путем синхронизации Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В качестве основных ориентиров и приоритетов в деятельности контрольных (надзорных) органов неоднократно озвучены максимальное внедрение в практику их работы профилактических мероприятий, контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия с контролируемыми лицами, дальнейшее развитие риск-ориентированного подхода и проведение контрольных (надзорных) мероприятий на основании индикаторов риска, пересмотр обязательных требований и градация их по степени серьезности наступающих в результате их нарушения последствий с целью дальнейшей возможности привлечения к административной ответственности за наиболее существенные нарушения.

© Глухова М. В., 2025

В качестве давно и остро назревшей проблемы отмечена существующая необходимость согласования норм Федерального закона № 248-ФЗ и КоАП РФ в части расширения возможности использования цифровых технологий при производстве по делам об административных правонарушениях, пересмотре правовых подходов к вопросам извещения лиц, привлекаемых к административной ответственности, а также развитие электронного документооборота с судами и органами принудительного исполнения.

Кроме того, в качестве меры стимулирования надлежащего исполнения обязательных требований обосновывалась необходимость освобождения от административной ответственности при условии исполнения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований[1].

Нормативные нововведения Федерального закона № 248-ФЗ существенным образом преобразовали подходы к организации контрольно-надзорных мероприятий, переломив парадигму соответствующей функции государства с карательной в сторону предупредительной или даже, можно сказать, партнерской. Это, конечно, не отменяет административно-правового характера взаимоотношений контролирующих органов и подконтрольных лиц, однако в значительной степени усиливает позиции предпринимателей в спорных ситуациях и в целом снижает уровень административной нагрузки на бизнес[2].

По данным ежегодно формируемых докладов Министерством экономического развития Российской Федерации о реализации Федерального закона № 248-ФЗ на протяжении последних 5 лет наблюдается как существенное снижение общего количества проверок, так и структурные изменения, связанные с рядом факторов: изменением регулирования, введением моратория на массовые проверки, а также расширением применения риск-ориентированного подхода в контроле – проверки объектов высокого и чрезвычайно высокого риска, расширение использования индикаторов риска нарушения обязательных требований[3].

Цифровизация контрольной (надзорной) деятельности в 2023–2024 гг. активно продолжилась, позволяя оперативно реагировать на проблемы бизнеса и граждан. Большим шагом в этом направлении стало принятие концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р.

Масштабные и динамичные изменения в обществе и окружающем мире обостряют потребность управления сложными процессами. Достижения науки и техники, экономический рост и высокий уровень развития социальной сферы способствуют созданию необходимых для этого условий. Отсюда и прогресс культуры, и совершенствование информационных технологий, и появление новых технических устройств – всё это меняет соотношение «человеческого» и «технического» в регулировании жизнедеятельности общества[4].

Если говорить о внедряемых цифровых технологиях при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности, то некоторые регионы шагнули в этом направлении достаточно далеко и уверенно.

В процессе осуществления тех видов контроля, где необходима подробная фиксация объектов недвижимости (зданий, земельных участков), широко применяются автоматические средства – камеры городского видеонаблюдения, беспилотные летательные аппараты, спутниковые группировки, видеорегистраторы, устанавливаемые на служебных автомобилях контрольных (надзорных) органов, и даже бионические роботы.

Использование подобных технических средств значительно экономит ресурсы инспекторского состава контрольных (надзорных) органов, позволяет реализовывать ряд необходимых действий дистанционно.

Следует также согласиться с мнением, что внедрение в деятельность контрольно-надзор-

[1] Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ Федеральный закон № 248-ФЗ дополнен новой статьей 90.2, предусматривающей возможность заключения соглашений о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований.

[2] См.: *Комиссаров А. В., Комиссаров М. А., Абакумова Е. Ю.* Современные подходы в правовом обеспечении механизма государственного контроля предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2023. № 9. С. 35–40.

[3] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2023 году. URL: http://government.ru/info/51961/

[4] См.: Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. 240 с.

ных органов цифровых технологий не только повышает эффективность документооборота, сокращая временные и финансовые затраты, но также существенно снижает коррупционные риски, уменьшая число прямых взаимодействий государственных служащих с гражданами[5].

Конечно, подобные технологии применяются сейчас далеко не повсеместно – в основном, в столичном регионе. Однако вполне возможно широкое распространение подобных положительных практик на региональном, а впоследствии и на местном уровнях.

В настоящее время в деятельности инспекции государственного строительного надзора Воронежской области внедрена практика использования нагрудных видеорегистраторов при осуществлении проверочных мероприятий. В первую очередь, это необходимо в ходе итоговой проверки законченного строительством объекта. Видеозапись производится непрерывно, что позволяет фиксировать фактические обстоятельства на поднадзорном строительном объекте.

Кроме того, использование подобных технологий позволяет подробно фиксировать процесс обследования подконтрольного объекта и избежать в дальнейшем возможных споров с контролируемыми лицами.

Одним из самых последних нововведений для контрольных (надзорных) органов стала возможность оценки проведенного профилактического визита посредством сервиса «Госуслуги»[6].

Государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль реализуются посредством осуществления контрольных (надзорных) мероприятий, которые предполагают совершение определенных контрольных (надзорных) действий, допустимых именно для данного вида контрольных (надзорных) мероприятий.

При этом если иное не предусмотрено Федеральным законом № 248-ФЗ, оценка соблюдения контролируемыми лицами обязательных требований контрольными (надзорными) органами не может проводиться иными способами, кроме как посредством контрольных (надзорных) мероприятий, контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия, указанных в ст. 56 Федерального закона № 248-ФЗ, если иное не установлено данным Федеральным законом. Инспекционный визит, выездная проверка, рейдовый осмотр могут проводиться с использованием средств дистанционного взаимодействия, в том числе посредством видео-конференц-связи, а также с использованием мобильного приложения «Инспектор».

Возможность использования данного приложения, а также информационной системы (подсистемы государственной информационной системы) производства по делам об административных правонарушениях введена в Федеральный закон № 248-ФЗ Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 540-ФЗ.

Еще одним новым шагом в вопросе цифровизации и внедрения наиболее удобных для граждан и организации форм взаимодействия с контрольными (надзорными) органами стало создание «чата» между инспектором и контролируемым лицом.

«Чат» возможно будет использовать на портале «Госуслуги», а также в рамках функционала используемой контрольными органами государственной информационной системы «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности».

«Чат» будет доступен всем контролируемым лицам, время обработки сообщений составит не более 5 рабочих дней.

Ответ в «чате» будет носить информационный характер, не требует подписания со стороны руководителя контрольного (надзорного) органа. Данная форма взаимодействия будет являться приоритетной в общении с контролируемыми лицами.

Внесенные в декабре 2024 г. изменения в Федеральный закон № 248-ФЗ затронули еще несколько принципиально важных моментов.

Во-первых, признана утратившей силу ч. 7 ст. 22 Федерального закона № 248-ФЗ, ранее предусматривавшая возможность не применять систему управления рисками при осуществлении муниципального контроля.

Муниципалитеты должны будут осуществлять категорирование объектов контроля на основании статьи 23 Федерального закона № 248-ФЗ.

Во-вторых, расширен перечень профилактических мероприятий, обязательных для проведения в рамках видов государственного и муниципального видов контролей. Для видов му-

[5] См.: *Комиссаров А. В., Комиссаров М. А., Абакумова Е. Ю.* Указ. соч.

[6] См.: Официальная страница инспекции государственного строительного надзора на портале Правительства Воронежской области в сети Интернет. URL: https://www.govvrn.ru/news/2024/07/10/1159

ниципального контроля обязательными стали также выдача предостережений и профилактический визит.

Как показывает правоприменительная практика в 2023-2024 гг. наблюдался неуклонный рост профилактических мероприятий и отмечалась их эффективность[7].

Федеральный закон № 248-ФЗ подробно регламентировал виды и особенности осуществления профилактических мероприятий, их отличие от контрольно-надзорных мероприятий. В литературе высказано достаточно мнений относительно необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере, повышения эффективности профилактики как приоритетного направления деятельности контрольных (надзорных) органов[8].

Профилактический визит согласно внесенным изменениям теперь возможен в обязательной форме (ст. 52.1 Федерального закона № 248-ФЗ) и по инициативе контролируемого лица (ст. 52.2).

При этом по результатам обязательного профилактического визита теперь возможна выдача предписаний в том случае, если такие нарушения не устранены до окончания проведения обязательного профилактического визита. Обязательный профилактический визит теперь как бы приобрел статус некоего пограничного мероприятия, стоящего между контрольно-надзорным и профилактическим.

В-третьих, изменены основания для осуществления контрольных (надзорных) мероприятий.

Частично эти основания ранее были закреплены в постановлении Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Однако после внесения изменений в указанное постановление в декабре 2024 г. частично основания для проведения контрольных (надзорных) мероприятий теперь включены в ст. 57 Федерального закона № 248-ФЗ.

Особенностью проведения внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий, предусматривающих взаимодействие с контролируемым лицом, с учетом ст. 57, 60 Федерального закона № 248-ФЗ, является наличие достоверной информации:

– о причинении или непосредственной угрозе причинения вреда жизни и тяжкого или среднего вреда (ущерба) здоровью граждан;

– о причинении вреда (ущерба) или непосредственной угрозе причинения вреда (ущерба) обороне страны и безопасности государства;

– о причинении вреда (ущерба) или непосредственной угрозе причинения вреда (ущерба) окружающей среде, которые влекут административное наказание за совершение административного правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными, предусмотренного КоАП РФ;

– о причинении вреда объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав Музейного фонда Российской Федерации, особо ценным, в том числе уникальным, документам Архивного фонда Российской Федерации, документам, имеющим особое историческое, научное, культурное значение, входящим в состав национального библиотечного фонда, влекущего их полную или частичную утрату, либо о возникновении угрозы причинения такого вреда;

– о нарушении обязательных требований, соблюдение которых является условием осуществления деятельности, подлежащей лицензированию, аккредитации, включения в реестр, аттестации;

– об угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера, эпидемий, эпизоотий.

Решение контрольного (надзорного) органа о проведении контрольного (надзорного) мероприятия принимается также:

– при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера, эпидемий, эпизоотий;

[7] См.: Сводный доклад о государственном контроле (надзоре) в Российской Федерации за 2023 год // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/sovershenstvovanie_kontrolno_nadzornoy_i_razreshitelnoy_deyatelnosti/svodnyy_doklad_o_gosudarstvennom_kontrole_nadzore_municipalnom_kontrole_v_rossiyskoy_federacii_v_2023_godu.html

[8] См., например: *Феськo Д. С.* Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора) : теория и практика : монография / под науч. ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023. 224 с.

– при поступлении материалов о произведенном при проведении проверки сообщения о преступлении или при проведении оперативно-разыскных мероприятий изъятии продукции (товаров), оборудования (средств) для ее производства, не являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу, от дознавателей, органов дознания, следователей, руководителей следственных органов, органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также материалов об изъятии вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, оборот которых осуществлялся с нарушением обязательных требований, от органов, должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях;

– при поступлении обращений (заявлений) граждан в связи с защитой (восстановлением) своих нарушенных прав – в рамках регионального государственного лицензионного контроля за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами и регионального государственного жилищного контроля (надзора);

– при поступлении информации о нарушении обязательных требований, предусмотренных подп. 11 п. 2 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Кроме того, основаниями для проведения контрольных (надзорных) мероприятий служат также поручения Президента и Правительства Российской Федерации, требования прокурора, уклонение лица от проведения обязательного профилактического визита и иные основания, установленные ст. 57 Федерального закона № 248-ФЗ.

Критерии для определения непосредственной угрозы причинения вреда охраняемым законом ценностям и тяжкого или среднего вреда (ущерба) здоровью граждан положениями Федерального закона № 248-ФЗ не предусмотрены.

В указанном случае решение о проведении контрольного (надзорного) мероприятия принимается на основании оценки конкретных обстоятельств. Оценка обоснованности такого решения дается органами прокуратуры при согласовании проведения контрольного (надзорного) мероприятия (за исключением случаев, когда такое согласование не требуется).

В целях реализации указанных положений понятие «непосредственная угроза» подразумевает высокую степень вероятности причинения соответствующего вреда в краткосрочной перспективе, т. е. ситуацию, когда отсутствие мер реагирования контрольных (надзорных) органов неминуемо влечет наступление негативных последствий.

Данное понятие включает в себя прямую причинно-следственную связь между нарушением обязательных требований и причинением конкретным лицам (к примеру, жителям конкретного территориального образования, приобретателям конкретного товара) вреда определенной категории (к примеру, распространение конкретного заболевания, разрушение конкретного оборудования и так далее).

При определении факта причинения вреда или угрозы причинения тяжкого, средней тяжести вреда здоровью и жизни возможно учитывать положения приказа Минздрава России от 24 апреля 2008 г. № 194-н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»[9].

Несмотря на масштабность проделанной работы по реформированию базового закона остается еще много вопросов, над которыми требуется системная и кропотливая работа.

Цифровизация пока не коснулась рассмотрения дел об административных правонарушениях административными органами посредством видео-конференц-связи. Однако такой формат был бы удобен и востребован не только для должностных лиц, но и для субъектов предпринимательской деятельности.

Еще одним направлением может стать полный переход на цифровой формат и составление необходимых процессуальных документов при рассмотрении дела об административном правонарушении в электронной форме. Это нововведение также позволит осуществлять более

[9] О направлении разъяснений по применению норм постановления Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» : письмо Минэкономразвития России от 27 марта 2024 г. № Д24и-9260. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

быстрый обмен сведениями, интеграцию с судебными органами, реализацию контролируемыми лицами своего права на обжалование.

Библиографический список

Комиссаров А. В., Комиссаров М. А., Абакумова Е. Ю. Современные подходы в правовом обеспечении механизма государственного контроля предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2023. № 9. С. 35–40.

Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора) : теория и практика : монография / под науч. ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023. 224 с.

Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. 240 с.

References

Komissarov A. V., Komissarov M. A., Abakumova E. Y. Modern approaches in legal support of the mechanism of state control of entrepreneurial activity // Law and economics. 2023. No. 9. P. 35–40.

Fesko D. S. Administrative and legal guarantees of ensuring the rights of citizens and organizations in the implementation of state control (supervision) : Theory and practice : a monograph / ed. by V. V. Chernikov. Moscow : Prospekt, 2023. 224 p.

The legal concept of robotization : a monograph / N. V. Antonova, S. B. Balkhaeva, Zh. A. Gaunova [et al.] ; ed. by Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. Moscow : Prospekt, 2019. 240 p.

Правительство Воронежской области
Глухова М. В., кандидат юридических наук, начальник отдела регистра муниципальных правовых актов правового управления
E-mail: mglukhova@govvrn.ru

Поступила в редакцию: 12.12.2024

Для цитирования:
Глухова М. В. Актуальные направления развития законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 167–172. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/167-172

Government of the Voronezh Region
Glukhova M. V., Candidate of Law, Head of the Department of the Register of Municipal Legal Acts of the Legal Department
E-mail: mglukhova@govvrn.ru

Received: 12.12.2024

For citation:
Glukhova M. V. Modern directions of development of legislation on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 167–172. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/167-172

УДК 347.73
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/173-178

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

М. Е. Мардасова
Воронежский государственный университет

ISSUES OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF DECENTRALIZED FINANCE OF CERTAIN TYPES OF NONPROFIT ORGANIZATIONS

M. E. Mardasova
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей отношений по формированию денежных фондов некоторых видов некоммерческих организаций, на которые государство возлагает осуществление отдельных публичных функций. Детальному анализу подвергается денежный фонд, принадлежащий на праве собственности автономной некоммерческой организации – службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Рассматриваются отношения по формированию данного денежного фонда за счет различных источников, а также обосновывается их финансово-правовое регулирование.
Ключевые слова: децентрализованные финансы, некоммерческая организация, финансовый уполномоченный, служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного, денежный фонд.

Abstract: the article is devoted to the study of the particularities of relations on the accumulation of funds of some types of nonprofit organizations, which are assigned by the state to the implementation of public functions. A detailed analysis is carried out on the fund owned by an autonomous nonprofit organization – the Financial Ombudsman Support Service. The relations regarding the accumulation of this fund from various sources are examined, as well as their financial and legal regulation is substantiated.
Key words: decentralized finance, nonprofit organization, Financial Ombudsman, Financial Ombudsman Support Service, fund.

Финансы, как явление общественной жизни в финансовой науке, подразделяются на централизованные и децентрализованные[1]. Если первые из них аккумулируются в государственных (муниципальных) бюджетных фондах и государственных внебюджетных фондах, то вторые – в денежных фондах организаций и домашних хозяйств[2].

В последние годы в науке финансового права возрастает интерес к изучению децентрализованных финансов организаций, на которые государство возлагает осуществление отдельных публичных функций. Это не только государственные (муниципальные) учреждения, унитарные предприятия, но и государственные корпорации, публично-правовые компании, и другие некоммерческие организации. Изучение децентрализованных финансов таких организаций имеет своей целью определить, подлежат ли отношения, опосредующие их денежные фонды, регулированию финансово-правовыми нормами, а

[1] См.: *Карасева М. В.* Децентрализованные финансы : вопросы финансово-правовой теории // Рос. журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 4. С. 47.

[2] См.: Финансовое право Российской Федерации : учебник / под ред. М. В. Карасевой. 4-е изд. М. : Кнорус, 2012. С. 19–21.

© Мардасова М. Е., 2025

соответственно, возможно ли их включение в предмет финансового права.

В научных исследованиях различных отраслей права уже давно прослеживается интерес к изучению правового статуса организаций, на которые возлагаются отдельные публичные функции. Некоторые авторы используют для их обозначения термин «юридические лица публичного права»[3]. Так, Б. В. Россинский к таким юридическим лицам относит, например, Центральный банк РФ, государственные корпорации, публично-правовые компании, государственные компании. Автором подчеркивается, что такие организации реализуют отдельные государственно-властные полномочия, являясь при этом полноправными субъектами системы публичного управления[4].

При этом у различных видов организаций объем передаваемых полномочий публично-правового характера может существенно отличаться.

Так, значительный объем таких полномочий передается в настоящее время государственным корпорациям и публично-правовым компаниям. Так, М. В. Карасева, рассматривая финансы государственных корпораций, выделяет их из финансов организаций в качестве отдельного звена финансовой системы. Среди прочего автором обосновывается такой подход тем, что указанные некоммерческие организации являются конгломератами, объединяющими множество государственных унитарных предприятий и учреждений, и выполняют в отношении них властные полномочия[5].

О схожести правового статуса публично-правовой компании в целом с государственным органом, а также об особом характере ее прав на имущество, в том числе на денежные средства в соответствующих денежных фондах, предназначенных для реализации возложенных на нее государством публичных функций, отмечается в научной литературе[6].

Среди некоммерческих организаций, на которые возлагается выполнение публичных функций, можно рассмотреть и службу обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Однако изучение вопроса о финансах данной службы невозможно без понимания правового статуса финансового уполномоченного, для обеспечения деятельности которого она и создана.

Должность финансового уполномоченного появилась благодаря принятому в 2018 г. Федеральному закону № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон № 123-ФЗ). Как указывалось в пояснительной записке к данному закону, введение такой должности на примере положительного опыта нескольких европейских стран позволит облегчить бремя работы для финансовых организаций, сэкономить издержки и время потребителя, надзорного органа, а также позволит избежать обращения в суд[7].

Указанный закон ввел обязательный досудебный порядок урегулирования споров в определенных сферах, возникающих между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, через финансовых уполномоченных. По общему правилу потребитель финансовых услуг не вправе обратиться в суд, первоначально не воспользовавшись порядком урегулирования спора через финансового уполномоченного и не получив от него решения по обращению. Хотя в Законе № 123-ФЗ и предусмотрено несколько исключений из этого правила, но все они касаются невозможности по каким-либо причинам реализовать им свое право на защиту через финансового уполномоченного (ч. 1 ст. 25 Закона № 123-ФЗ).

В одном из недавних постановлений от 12 марта 2024 г. № 10-П Конституционный Суд РФ рассмотрел правовой статус финансового уполномоченного, правовую природу платы, взимаемой им за рассмотрение обращений третьих лиц, которым уступлено право требования потребителя финансовых услуг к финансовой организации, а также денежного фонда, в котором

[3] См. например: *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал рос. права. 2005. № 5. С. 16–26 ; *Лафитский В. И.* К вопросу о юридических лицах публичного права // Там же. 2011. № 3. С. 103–108 ; *Лаутс Е. Б.* Юридическое лицо публичного права и публично-правовая компания // Банковское право. 2011. № 6. С. 53–61.

[4] См.: *Россинский Б. В.* Значение организаций, реализующих государственно-властные полномочия, в системе публичного управления // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2024. № 2. С. 3–9.

[5] См.: *Карасева М. В.* Децентрализованные финансы… С. 47.

[6] См. подробнее: *Зайцева Ю. А.* Публично-правовые компании в России : проблемы правового статуса : монография. М. : Юстицинформ, 2024. 224 с.

[7] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/517191-6 (дата обращения: 15.03.2025).

аккумулируется указанная плата помимо других источников финансирования[8].

В вышеприведенном постановлении Конституционный Суд РФ отмечает, что финансовый уполномоченный имеет публично-правовой статус, объясняя это, прежде всего, следующим. Требования, предъявляемые к финансовому уполномоченному, а также запреты и ограничения, во многом схожи с теми, которые установлены для лиц, занимающих государственную должность.

В научной литературе, в свою очередь, отмечается, что финансовый уполномоченный не является органом государственной власти, но при этом обладает отдельными его функциями, прежде всего - функцией разрешения спора между конфликтующими сторонами[9].

Помимо должности финансового уполномоченного в Законе № 123-ФЗ предусмотрено учреждение Банком России службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного в форме автономной некоммерческой организации.

Как и любая другая, деятельность финансового уполномоченного требует финансирования. Для этого создается специальный денежный фонд, который формируется за счет различных источников.

Указанный денежный фонд принадлежит на праве собственности службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного, которая осуществляет управление содержащимися в нем денежными средствами. Конституционный Суд РФ в упомянутом постановлении № 10-П отметил, что указанная служба обладает отдельными элементами публично-правового статуса. Это связано с тем, что она учреждается Банком России, а ее руководитель назначается и освобождается от должности Председателем Банка России. Кроме того, средства данного фонда аккумулируются на специальном банковском счете в Банке России, который открывается службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Это свидетельствует об особой значимости денежных средств, содержащихся в данном фонде[10].

С одной стороны, государство не претендует на данный денежный фонд, о чем свидетельствуют положения Закона № 123-ФЗ о невозможности обратить на него взыскание по обязательствам публично-правовых образований, а также Банка России. Но, с другой стороны, средства фонда носят строго целевой характер, так как могут использоваться либо на цели, указанные в Законе № 123-ФЗ (ч. 1 ст. 10), либо на те, которые определяются Советом службы финансового уполномоченного. В свою очередь, в указанный Совет входят представители со стороны государства, а именно пять представителей Банка России и три представителя Правительства РФ. Такой состав свидетельствует о связи с государством на постоянной основе.

В научной литературе уже высказывалось мнение о публичном характере данного денежного фонда и его финансово-правовом регулировании. В качестве обоснования приводились следующие аргументы. Указанный фонд функционирует и используется с целью достижения публично-значимой функции (защита прав и законных интересов потребителей финансовых услуг) и публичного интереса (эффективное функционирование финансового рынка). Его средства расходуются строго для достижения целей, которые определены Законом № 123-ФЗ. В качестве источников его формирования выступают обязательные взносы финансовых организаций, порядок исчисления и уплаты которых свидетельствует о властном характере отношений и императивном характере правовых норм. Кроме того, на публичный характер рассматриваемого фонда указывает аккумулирование его средств за счет имущественных взносов публичного субъекта – Банка России[11].

В данном подходе ключевыми в определении финансово-правовой природы указанного денежного фонда являются его функционирова-

[8] См.: По делу о проверке конституционности частей 4 и 5 статьи 9, части 6 статьи 16, частей 1 и 4 статьи 18, частей 1, 2 и 11 статьи 20 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в связи с жалобой гражданки Ю. Д. Бронниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № 10-П.

[9] См.: *Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.* Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 48.

[10] Такие же правила установлены, например, и для денежного фонда обязательного страхования вкладов, принадлежащего на праве собственности госкорпорации «Агентство по страхованию вкладов».

[11] См. подробнее: *Сурменева Е. А., Беликов Е. Г.* Финансово-правовые аспекты функционирования института финансового уполномоченного // Банковское право. 2024. № 4. С. 28–35.

ние в целях удовлетворения публичного интереса и выполнение за счет его средств публично значимой функции.

В научной литературе при решении вопроса о том, является ли конкретное имущественное правоотношение финансово-правовым, предлагается использовать следующие признаки.

Главным квалифицирующим признаком выступает факт перемещения финансовых ресурсов от одного субъекта к другому.

Вторым признаком данного рода правоотношений служит факт перемещения этого финансового ресурса от различных субъектов либо к государству и муниципальному образованию, либо к иному субъекту права, наделенному публичной функцией в области публичных финансов, т. е. функцией по собиранию финансовых ресурсов и их использованию в силу закона или иного нормативного акта на публичные цели.

Третьим признаком является то, что перемещение финансовых ресурсов в рамках имущественного финансового правоотношения всегда опосредовано, т. е. связано с публичным фондом денежных средств, в качестве которого рассматривается также негосударственный финансовый фонд.

Последний признак – властный характер таких отношений, что означает практически полное отсутствие свободы усмотрения у субъектов данных отношений и определение их поведения законом или иным нормативно-правовым актом[12].

Такие признаки используются в научной литературе для решения вопроса об отнесении отношений, опосредующих денежные фонды некоторых организаций, к предмету финансового права[13].

Чтобы решить указанный вопрос в отношении фонда финансирования деятельности финансового уполномоченного, принадлежащего, как указывалось выше, на праве собственности автономной некоммерческой организации – службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного, необходимо прежде всего рассмотреть источники его формирования.

Указанные источники определены в Законе № 123-ФЗ (ч. 2 ст. 10), их анализ позволяет говорить о том, что они обладают элементами публичности.

Прежде всего, к таким источникам относятся денежные средства, переданные Банком России в виде имущественного взноса (ст. 79.2 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Банке России»).

Другим источником формирования являются взносы финансовых организаций, которые уплачиваются ими на обязательной основе. Внесение данной платы на регулярной основе – условие для осуществления этими организациями деятельности на рынке финансовых услуг. Контроль за уплатой таких взносов лежит на службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Именно она в случае не поступления указанных денежных средств в фонд обращается в суд за их взысканием. Стоит отметить, что для государства в лице уполномоченных им органов характерно осуществление взыскания не уплаченных в срок обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации. Для налогов и сборов в зависимости от их плательщиков возможен как бесспорный, так и судебный порядок. А для различных неналоговых платежей – судебный порядок. Поэтому возможность взыскания в судебном порядке делает схожими данные взносы с публично-правовыми платежами.

Прямого участия государства в лице уполномоченных им органов в данном контроле не предусмотрено. Вместе с тем Банк России оказывает непосредственное содействие в его осуществлении. Так, Законом № 123-ФЗ на него возлагается полномочие по предоставлению службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного информации, необходимой для осуществления ею контроля за уплатой взносов финансовыми организациями, взаимодействующими с финансовым уполномоченным.

Особенностью данных платежей является то, что порядок их расчета утвержден Советом службы финансового уполномоченного, который, как было указано ранее, имеет в своем составе представителей государства. Им же определяются размеры дифференцированных ста-

[12] См. подробнее: *Карасева (Сенцова) М. В.* Финансовое право – идентификация предмета // Финансовое право. 2022. № 8. С. 2–6.

[13] См., например: *Карасева (Сенцова) М. В.* Госкорпорации и публично-правовые компании как субъекты финансового права // Финансовое право. 2024. № 1. С. 11–15 ; *Пауль А. Г.* Использование средств негосударственных пенсионных фондов и предмет финансового права // Там же. 2025. № 1. С. 2–6 ; *Его же.* Формирование негосударственных пенсионных фондов и предмет финансового права // Там же. 2024. № 11. С. 6–9.

вок указанных взносов. Поэтому можно утверждать, что государство через своих представителей участвует в определении размера взносов, подлежащих уплате финансовыми организациями в анализируемый денежный фонд.

Еще одним свидетельством особой значимости данных взносов является то, что они не учитываются службой обеспечения деятельности финансового уполномоченного в качестве доходов, подлежащих налогообложению налогом на прибыль (подп. 21 п. 2 ст. 251 НК РФ).

Данные взносы, уплачиваемые финансовыми организациями на постоянной основе (ежеквартально), – не единственный случай, когда государство, возлагая на некоммерческие организации осуществление отдельных публичных функций, предоставляет им возможность собирать обязательные взносы (отчисления). Например, таким правом наделены государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов», которая контролирует уплату страховых взносов банками, принимающими во вклады денежные средства от физических лиц, в принадлежащий ей фонд обязательного страхования вкладов; публично-правовая компания «Фонд развития территорий», в компенсационный фонд которой застройщиками уплачиваются обязательные взносы; и др.[14].

Еще одним источником формирования денежного фонда службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного является плата за рассмотрение финансовым уполномоченным обращений третьих лиц, которым уступлено право требования потребителя финансовых услуг к финансовой организации. Это единственный случай, когда финансовый уполномоченный осуществляет возмездное рассмотрение спора. Размер этой платы также определяется Советом службы финансового уполномоченного, что свидетельствует, как и в случае со взносами, об участии государства в этом процессе.

В указанном выше постановлении № 10-П Конституционный Суд РФ также определил элементы публичности данной платы. Им указывается на ее обязательный характер и необходимость уплаты за выполнение публичной функции, возложенной на финансового уполномоченного законом. Последний, рассматривая обращение третьего лица, выполняет по своей сути юридически значимое действие, что делает эту плату схожей с государственной пошлиной. И хотя анализ отчетов о доходах и расходах фонда финансирования деятельности финансового уполномоченного с 2019 по 2023 г. показывает, что доля такой платы составляет всего лишь 2–3 % в общем объеме доходов, она всё равно продолжает оставаться одним из источников его формирования[15].

Учитывая официальные данные, размещенные в ежегодных отчетах о деятельности службы финансового уполномоченного за 2019–2023 гг., основным источником формирования анализируемого денежного фонда выступали взносы, уплачиваемые финансовыми организациями[16]. И только в 2018 г. единственным источником формирования выступал имущественный взнос, который был внесен Банком России в денежной форме при учреждении института финансового уполномоченного.

Проанализировав источники формирования денежного фонда службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного, можно заключить, что большинство из них носит публично-правовой характер.

Из всего сказанного можно заключить, что отношения по формированию денежного фонда, принадлежащего на праве собственности службе обеспечения деятельности финансового уполномоченного, за счет указанных источников подвергаются финансово-правовому регулированию, так как отвечают перечисленным выше признакам финансового имущественного правоотношения.

Библиографический список

Зайцева Ю. А. Публично-правовые компании в России : проблемы правового статуса : монография. М. : Юстицинформ, 2024. 224 с.

Карасева М. В. Децентрализованные финансы : вопросы финансово-правовой теории // Рос. журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 4. С. 46–50.

Карасева (Сенцова) М. В. Госкорпорации и публично-правовые компании как субъекты финансового права // Финансовое право. 2024. № 1. С. 11–15.

[14] Например, отчисления предприятий и организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты (атомные станции) в резервные фонды госкорпорации «Росатом».

[15] См.: URL: https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/ (дата обращения: 15.03.2025).

[16] См.: Там же.

Карасева (Сенцова) М. В. Финансовое право – идентификация предмета // Финансовое право. 2022. № 8. С. 2–6.

Лаутс Е. Б. Юридическое лицо публичного права и публично-правовая компания // Банковское право. 2011. № 6. С. 53–61.

Лафитский В. И. К вопросу о юридических лицах публичного права // Журнал рос. права. 2011. № 3. С. 103–108.

Пауль А. Г. Использование средств негосударственных пенсионных фондов и предмет финансового права // Финансовое право. 2025. № 1. С. 2–6.

Пауль А. Г. Формирование негосударственных пенсионных фондов и предмет финансового права // Финансовое право. 2024. № 11. С. 6–9.

Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 45–54.

Россинский Б. В. Значение организаций, реализующих государственно-властные полномочия, в системе публичного управления // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2024. № 2. С. 3–9.

Сурменева Е. А., Беликов Е. Г. Финансово-правовые аспекты функционирования института финансового уполномоченного // Банковское право. 2024. № 4. С. 28–35.

Финансовое право Российской Федерации : учебник / под ред. М. В. Карасевой. 4-е изд. М. : Кнорус, 2012. 608 с.

Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал рос. права. 2005. № 5. С. 16–26.

References

Zaitseva Yu. A. Public law companies in Russia: problems of legal status : monograph. Moscow : Justicinform, 2024. 224 p.

Karaseva M. V. Decentralized finance : issues of financial and legal theory // The Russian Journal of Legal Research. 2023. Vol. 10, No. 4. P. 46–50.

Karaseva (Sentsova) M. V. State corporations and public law companies as subjects of financial law // Financial Law. 2024. No. 1. P. 11–15.

Karaseva (Sentsova) M. V. Financial law – identification of the subject // Financial law. 2022. No. 8. P. 2–6.

Lauts E. B. A legal entity of public law and a public law company // Banking law. 2011. No. 6. P. 53–61.

Lafitskiy V. I. On the issue of legal entities of public law // Journal of Russian Law. 2011. No. 3. P. 103–108.

Paul A. G. The use of non-state pension funds and the financial law subject // Financial law. 2025. No. 1. P. 2–6.

Paul A. G. Establishment of non-state pension funds and the financial law subject // Financial law. 2024. No. 11. P. 6–9.

Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Features of the legal status of the financial commissioner // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2018. No. 10. P. 45–54.

Rossinsky B. V. The importance of organizations exercising state authority in the public administration system // Actual problems of administrative law and process. 2024. No. 2. P. 3–9.

Surmeneva E. A., Belikov E. G. Financial and legal aspects of the functioning of the Institute of the Financial Commissioner // Banking Law. 2024. No. 4. P. 28–35.

Financial Law of the Russian Federation : textbook / ed. by M. V. Karaseva. 4th ed. Moscow : Knorus, 2012. 608 p.

Chirkin V. E. Legal entity of public law // Journal of Russian Law. 2005. No. 5. P. 16–26.

Воронежский государственный университет
Мардасова М. Е., кандидат юридический наук, доцент кафедры финансового права
E-mail: m.mardasova@yandex.ru

Поступила в редакцию: 18.01.2025

Для цитирования:
Мардасова М. Е. Вопросы финансово-правового регулирования децентрализованных финансов отдельных видов некоммерческих организаций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 173–178. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/173-178

Voronezh State University
Mardasova M. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Financial Law Department
E-mail: m.mardasova@yandex.ru

Received: 18.01.2025

For citation:
Mardasova M. E. Issues of financial and legal regulation of decentralized finance of certain types of nonprofit organizations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 173–178. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/173-178

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/179-186

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

А. В. Денисова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

TRANSFORMATION OF RUSSIAN CRIMINAL LAW IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION

A. V. Denisova

Moscow State law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Аннотация: на основе системного подхода изучается направляющее воздействие на отрасль уголовного права процессов и явлений, происходящих в современной жизни российского общества в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции. Текущие события обусловили необходимость осмысления трансформационных процессов в российском уголовном праве, определения закономерностей и векторов его развития. У правоприменителей возникает вопрос, каким образом следует реализовать на практике уголовно-правовые нормы в новой редакции, а также новеллы уголовного законодательства. В настоящее время происходит серьезное реформирование российского уголовного права, обусловленное новыми угрозами национальной безопасности и пересмотренными социальными запросами на усиление интенсивности уголовной репрессии, укрепление государственной власти и повышение сознательности граждан. Выявлен ряд правовых пробелов и коллизий, возникших в результате серьезного обновления уголовного законодательства и нуждающихся в устранении.
Ключевые слова: уголовное право, трансформация, военно-уголовное законодательство, правовой пробел, коллаборационизм, преступления диверсионной направленности.

Abstract: based on a systematic approach, the author of the article studies the directing influence of the processes and phenomena taking place in the modern life of Russian society and related to the conduct of a special military operation by the Russian Federation. Current events have necessitated an understanding of the transformation processes in Russian criminal law and the determination of the patterns and vectors of its development. Law enforcement officers are faced with the question of how to implement in practice the new edition of criminal law norms, as well as the innovations in criminal legislation. At present, Russian criminal law is seriously reforming, due to new threats to national security and revised social demands to increase the intensity of criminal repression, to strengthen state power and to raise the consciousness of citizens. The author has revealed a number of legal gaps and collisions that appeared as a result of a major update of criminal law and need to be liquidated.
Key words: criminal law, transformation, military criminal law, legal gap, collaboration, crimes of sabotage.

Российское уголовное право, как регулятор общественных отношений, неразрывно связано с текущими социальными процессами и явлениями, причем это влияние является двусторонним: не только общественные отношения видоизменяются, приобретая статус правоотношений в результате урегулирования уголовно-правовыми нормами, но и сама отрасль постоянно модифицируется под направляющим воздействием внешних импульсов, исходящих от общества[1]. В специальной литературе дана

© Денисова А. В., 2025

[1] См.: *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие : в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 78 ; *Тиунова Л. Б.* Системные связи правовой действительности : методология и теория. СПб., 1991. С. 34.

развернутая характеристика так называемой «внешней системной среды уголовного права», к составляющим элементам которой относят экономику, преступность, этнокультуру, язык, юридическую практику, науку, политику, международные стандарты и пр. Причем исследователи отмечают доминантный характер влияния данной среды на уголовное право, ибо последнее постоянно подстраивается под ее нужды в целях решения насущных задач[2].

Нами также высказывалась мысль, что внешние системные связи отрасли уголовного права имеют даже более определяющий, важный характер, чем те, которые существуют в пределах правовой материи[3], ибо именно под их воздействием происходит существенное изменение отрасли, постоянно получающей новые социальные запросы и вынужденной давать на них ответы средствами уголовно-правового регулирования.

Следовательно, объективный анализ актуального состояния отрасли уголовного права невозможен без исследования ее взаимодействия со средой, изменений, происходящих в ней под внешним «давлением» проводимой российским государством внешней и внутренней политики, экономических процессов, научно-технического прогресса, новых способов и методов преступной деятельности, общественного мнения, моральных норм и пр.

В статье исследуются происходящие сегодня процессы трансформации российского уголовного права в контексте современных запросов, поступающих данной отрасли от государства и общества, с целью выявления их значения и влияния на ее развитие, а также на формирование новой правовой реальности. Отметим, что традиционно исследования процессов обновления отрасли уголовного права проводятся через анализ нормотворческой деятельности в сфере уголовно-правового регулирования, при этом наибольшее внимание уделяется законотворческой форме реализации уголовной политики и криминализации как наиболее заметному и эффектному ее методу[4]. В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе изменений российского уголовного права последних лет и их значения для развития отрасли в целом.

Очевидно, что серьезные трансформации российское уголовное право претерпело за последние три года – в связи с принятием 22 февраля 2022 г. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации постановления о даче согласия на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации на основе общепризнанных принципов и норм международного права[5]. С этого момента были приняты 52 (по состоянию на 01.01.2025) федеральных закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), 18 из которых (т. е. более трети) были посвящены укреплению российской государственности и реагированию на новые угрозы национальной безопасности, появившиеся в результате проведения Россией специальной военной операции. Принятие этих законов было обусловлено появлением новых видов опасных для общества и граждан деяний, требующих криминализации (например, сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ), оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. 276.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ), призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, ее граждан или российских юридических лиц (ст. 284.2 УК РФ)), либо необходимостью иной оценки степени общественной опасности отдельных уже существующих преступлений (максимальное наказание за террористический акт (ч. 1 ст. 205 УК РФ) было увеличено с 15 до 20 лет лишения свободы; за государственную измену (ст. 275 УК РФ) – вплоть до пожизненного лишения свобо-

[2] См.: *Бойко А. И.* Системная среда уголовного права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 5.

[3] См.: *Денисова А. В.* Системность российского уголовного права : монография. М., Юрлитинформ, 2018. С. 314.

[4] См.: *Лопашенко Н. А.* Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 году // Российское право : образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69–81 ; *Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М.* Уголовная политика и преступность : трансформации в эпоху социальных перемен. М. : Юрлитинформ, 2023. 320 с. ; и др.

[5] Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации : постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

ды; серьезно увеличились сроки лишения свободы за диверсию (ст. 281 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ), акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ) и др.).

Таким образом, произошедшее реальное обострение внешнеполитической обстановки, появление новых общественных отношений, обусловленных проведением специальной военной операцией и агрессивной санкционной политикой «коллективного Запада» (например, активное использование беспилотных аппаратов, воздушных и морских дронов в процессе совершения преступлений диверсионной направленности, расцвет «теневых» криптобирж, освобождение от дальнейшего отбывания уголовного наказания осужденных из исправительных учреждений, изъявивших желание поступить на военную службу и пр.), повлекли за собой новые тенденции в развитии преступности в стране (полиморфизм преступлений диверсионной направленности, активизацию киберпреступности, «маргинализацию» преступности военнослужащих и т. д.). Всё это в свою очередь потребовало новых подходов к нормотворческой деятельности и оперативного устранения пробелов, выявившихся в системе российского уголовного законодательства.

Так, в связи с развертыванием активной диверсионной деятельности противников нашего государства (поджоги релейных шкафов на железнодорожных перегонах, заводов химической промышленности с высокотоксичным производством, подрывы цистерн с дизельным топливом на железнодорожных путях, опор линий электропередачи и т. п.), начиная с 2022 г. возникла серьезная необходимость в совершенствовании уголовно-правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Исследователями обоснованно отмечается, что преступления диверсионной направленности по степени общественной опасности соотносимы с преступлениями террористической направленности, поскольку весьма похожи[6]. Анализ диспозиций ст. 205 и 281 УК РФ свидетельствует об идентичных способах совершения и возможных последствиях данных преступлений, сходны они и по санкциям. В связи с этим возникает вопрос, почему за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности, предусмотрена уголовная ответственность (ст. 205.6 УК РФ), а за аналогичное несообщение о диверсантах таковая отсутствует? Представляется, что это серьезный пробел действующего законодательства, нуждающийся в оперативном устранении путем дополнения УК РФ ст. 281.4 «Несообщение о диверсии».

Однако еще более серьезные изменения в социальной и правовой сферах повлекло за собой прямое применение Российской Федерацией военной силы в целях обеспечения безопасности страны. На сайте Министерства обороны Российской Федерации указано, что изменившаяся внешнеполитическая ситуация последних лет, новые приоритеты в сфере национальной безопасности поставили перед Вооруженными Силами Российской Федерации принципиально иные задачи по сравнению с предшествующим периодом времени[7]. Очевидно, что выполнение этих задач потребовало принципиально иного правового регулирования, в том числе и уголовно-правового. В течение 2022–2023 гг. был принят пакет поправок к федеральным законам «Об обороне»[8], «О воинской обязанности и военной службе»[9], «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»[10], и др.

Параллельно очень активно стало развиваться и военно-уголовное законодательство. С момента принятия УК РФ и до сентября 2022 г. дей-

[6] См.: *Середа И. М., Ступина С. А.* Государственная измена : отдельные вопросы квалификации // Пролог : журнал о праве. 2023. № 1. С. 85.

[7] URL: https://structure.mil.ru/mission/tasks.htm

[8] О внесении изменений в статью 17.1 Федерального закона «Об обороне» и статью 31 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» : федер. закон от 11 июня 2022 г. № 166-ФЗ ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ ; и др.

[9] О внесении изменения в статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : федер. закон от 28 мая 2022 г. № 147-ФЗ ; "О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 336-ФЗ ; и др.

[10] О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» : федер. закон от 4 ноября 2022 г. № 421-ФЗ ; и др.

ствовало правило, согласно которому уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, должна была определяться законодательством Российской Федерации военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ). То есть в соответствующие периоды времени должно было действовать специальное военно-уголовное законодательство, а не глава 33 УК РФ «Преступления против военной службы». Однако проблема заключалась в том, что разработка соответствующего законопроекта даже не значилась в планах законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Очевидно, что такое специальное законодательство заведомо временного характера не подлежало бы включению в состав УК РФ. Это законодательное решение подвергалось активной критике со стороны ряда исследователей, которые предлагали в целях устранения имеющейся нелогичности, незавершенности и слабой системности военно-уголовного законодательства восстановить в УК РФ нормы об уголовной ответственности за преступления, совершенные в условиях военного времени и боевой обстановки, в редакции, максимально приближенной к достаточно отработанному в свое время Закону СССР об уголовной ответственности за воинские преступления, и, соответственно, ч. 3 ст. 331 исключить из УК РФ[11].

Очевидно, что уголовный закон, подготовленный и принятый в мирное время, не был рассчитан на применение в условиях военного времени и боевых действий, не был способен удовлетворить новые запросы общества и государства в связи с существенным изменением военно-политической обстановки в стране и за ее пределами. 24 сентября 2022 г. был принят пакет поправок к Уголовному кодексу Российской Федерации, серьезно модифицировавший главу 33 «Преступления против военной службы», в том числе объявивший ч. 3 ст. 331 УК РФ утратившей силу[12]. Одновременно ст. 63 УК РФ была дополнена новым отягчающим обстоятельством – совершение преступления «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий». Аналогичные обстоятельства тем же законом были признаны квалифицирующими признаками для абсолютного большинства воинских преступлений.

Отметим, что упомянутым Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ были криминализованы и новые формы преступного поведения военнослужащих: отказ от участия в военных или боевых действиях (ч. 2.1, ч. 2.2 ст. 332 УК РФ); добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ). Двумя месяцами ранее была установлена уголовная ответственность и за так называемую «воинскую» измену – переход на сторону противника[13]. Очевидно, что введение данных новелл в российское уголовное законодательство социально оправданно и имеет криминологическое обоснование. Однако юридико-техническое оформление некоторых из них вызывает вопросы. Так, согласно примечанию к ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен» военнослужащий, впервые совершивший данное преступление, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, возвратился в часть или к месту службы и не совершил во время пребывания в плену других преступлений. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности бывшего пленного военнослужащего требуется наличие всех предусмотренных этой нормой условий: принятие им мер для своего освобождения, возвращение именно в часть или к месту службы и несовершение во время пребывания в плену других преступлений[14]. Казалось бы, это благая идея по прекра-

[11] См.: *Жарких В.* Некоторые вопросы совершенствования военно-уголовного законодательства РФ // Актуальные проблемы права : теория и практика : сб. науч. работ. Краснодар : КубГУ, 2003. Вып. 2. С. 216 ; *Петухов Н. А., Толкаченко А. В.* К вопросу о совершенствовании военно-уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право. 2002. № 2. С. 56 ; и др.

[12] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 39. Ст. 6535.

[13] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ // Рос. газета. 2022. 19 июля.

[14] Пункт 111 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

щению уголовного преследования лиц, попавших в плен и вернувшихся из него. Однако возникает вопрос: насколько возможна практическая реализация данного нормативно-правового предписания в условиях постоянной перегруппировки российских Вооруженных Сил и частой смены мест дислокации воинских частей (подразделений) в зоне специальной военной операции? Как быть в случаях, если освободившийся из плена военнослужащий доберется до ближайшего российского блок-поста или пропускного пункта? Если следовать тексту примечания к ст. 352.1 УК РФ и его официального толкования, то освободившийся из плена военнослужащий не может быть освобожден от уголовной ответственности, что является несправедливым и нуждается в корректировке.

В связи с этим представляется целесообразным изложить анализируемое примечание в следующей редакции: «Военнослужащий, впервые совершивший преступление, предусмотренное настоящей статьей, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, возвратился в распоряжение Вооруженных Сил Российской Федерации и не совершил во время пребывания в плену других преступлений». При принятии соответствующего процессуального решения должны быть учтены обстоятельства пленения военнослужащего, его поведение в плену, факт побега от неприятеля и готовность к продолжению участия в специальной военной операции. Необходимость учета данных обстоятельств следует закрепить в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11.

Из диспозиции ст. 352.1 УК РФ следует, что содержащийся в ней состав преступления является смежным для государственной измены в форме перехода на сторону противника. Пленум Верховного Суда Российской Федерации также разъясняет, что добровольная сдача в плен российского военнослужащего квалифицируется по ст. 352.1 УК РФ только при отсутствии у него цели участвовать в будущем в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации. В противном случае должна вменяться ст. 275 УК РФ (государственная измена в форме перехода на сторону противника). Отметим, что в настоящее время это разъяснение нуждается в корректировке, так как согласно действующему уголовному законодательству переход на сторону противника подразумевает не только поступление на службу в милитарные организации противника, но и работу в его гражданских структурах, т. е. любое участие в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации.

Напомним, что согласно новой редакции[15] п. 2 примечания к ст. 275 УК РФ под переходом на сторону противника следует понимать участие в составе сил (войск) противника в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники либо добровольное участие в деятельности органов власти, учреждений, предприятий, организаций противника, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации. Отметим, что в результате принятия Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ и внесения поправок в ст. 275–276 УК РФ произошла криминализация коллаборационной деятельности, ибо до этих поправок переход на сторону противника предполагал только службу в неприятельской армии, в составе Вооруженных сил иностранного государства либо их коалиции или других воинских формированиях противника. В связи с этим у правоприменителей возникал вопрос: как квалифицировать деяния граждан Российской Федерации, помогающих противнику в причинении вреда безопасности последней на гражданской службе в иностранном государстве, различными видами трудовой деятельности на стороне неприятеля? Вопрос отнюдь не риторический, истории известны подобные случаи (Илья Новиков, Мария Гайдар и пр.). По Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. такие действия также признавались переходом на сторону врага (ст. 64), однако УК РФ до декабря 2024 г. не давал ответа на данный вопрос.

Отметим, что российские законодатели в отличие от украинских коллег были более медлительными в устранении выявленного пробела. Вышеуказанное поведение как проявление коллаборационизма уже в первые месяцы про-

[15] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ // Рос. газета. 2025. 9 янв.

ведения специальной военной операции было признано преступным и уголовно наказуемым на территории Украины. Так, Законом № 2108-IX от 3 марта 2022 г. УК Украины был дополнен ст. 111.1 «Коллаборационная деятельность», ч. 2 которой предусматривает уголовную ответственность за добровольное занятие гражданином Украины должности, не связанной с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, в органах власти, созданных другим государством на временно оккупированной территории. Данное деяние наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Если же гражданин Украины занимает должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в таких органах власти или добровольно избирается в такие органы, то такое преступление признается уже тяжким (ч. 5 ст. 111.1 УК Украины) и влечет уголовное наказание в виде лишения свободы сроком от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком от десяти до пятнадцати лет и с конфискацией имущества или без таковой.

Частью 7 данной статьи предусмотрена уголовная ответственность за добровольное занятие гражданином Украины должности в судебных или правоохранительных органах, созданных другим государством на временно оккупированной территории. Данное преступление признается уже особо тяжким и наказывается лишением свободы сроком от двенадцати до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком от десяти до пятнадцати лет и с конфискацией имущества или без таковой.

Если деяния, указанные в ч. 5–7едьмой анализируемой статьи, в том числе в результате принятия решений вышеуказанными лицами, повлекли гибель людей или наступление иных тяжких последствий, то содеянное наказывается лишением свободы на срок пятнадцать лет или пожизненным лишением свободы.

Отметим, что в Украине уголовному преследованию могут быть подвергнуты не только специальные субъекты – лица, занявшие те или иные должности на государственной или муниципальной службе в органах, созданных Российской Федерацией, – но и простые граждане, осуществляющие хозяйственную деятельность во взаимодействии с Россией, например фермеры, предприниматели и пр. (ч. 4 ст. 111.1 УК Украины), и даже преподаватели, обучающие в учебных заведениях по российским образовательным стандартам (ч. 3 ст. 111.1 УК Украины), что представляется крайне репрессивным.

Месяцем позже, в апреле 2022 г. в украинском уголовном законодательстве появилась ст. 111.2, предусматривающая ответственность за пособничество «государству-агрессору», под действие которой подпадают и граждане Украины, и иностранные граждане, и лица без гражданства, в результате чего возникли проблемы разграничения указанных смежных составов между собой.

Российский законодатель также криминализировал соответствующие деяния упомянутым Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ, дополнив УК РФ статьей 276.1 «Оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации», однако распространил действие данной нормы лишь на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, тем самым подчеркнув ее отличия от государственной измены. Объяснить появление данной нормы, как и расширение перечня субъектов преступления в ст. 275.1 УК РФ «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией» (помимо граждан Российской Федерации в декабре 2024 г. там появилось указание на находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства), представляется возможным за счет появления особой категории «ждунов», дожидающихся возвращения украинской юрисдикции на новые территории и ради этого готовых на всё, включая отказ от принятия в гражданство Российской Федерации[16].

Подытоживая изложенное, следует согласиться с выводом Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева, что сегодня отступления от канонов

[16] Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 27 апреля 2023 г. № 307. URL: https:// www.kremlin.ru

нормотворчества в уголовно-правовой сфере являются устойчивой чертой современной уголовно-политической практики, обусловленной трансформацией всех фундаментальных сфер жизнедеятельности российского общества, включая сферу уголовного права[17]. Представляется, что в настоящее время формируется новая правовая действительность, контуры и содержание которой нуждаются в тщательном доктринальном осмыслении, а не в оголтелой критике.

Можно сделать вывод, что начиная с 2022 г. происходит серьезное реформирование российского уголовного права, обусловленное новыми угрозами национальной безопасности и пересмотренными социальными запросами на усиление интенсивности уголовной репрессии, укрепление государственной власти и повышение сознательности граждан. Перефразируя известное высказывание, скажем так: суровые времена требуют сурового уголовного законодательства.

Проанализированные поправки в российское уголовное законодательство мы считаем оправданными, ибо ни один законодатель в конце XX в. не был в состоянии предусмотреть те существенные изменения в общественной жизни нашей страны, которые произойдут в 20-е гг. XXI столетия. Произошедшее реальное обострение внешнеполитической обстановки, появление новых общественных отношений, связей, явлений, новых тенденций в развитии преступности в стране потребовало новых подходов к нормотворческой деятельности и оперативного устранения пробелов, выявившихся в системе российского уголовного законодательства, что мы сегодня и наблюдаем.

Библиографический список

Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. 49 с.

Денисова А. В. Системность российского уголовного права : монография. М., Юрлитинформ, 2018. 511 с.

Жарких В. Некоторые вопросы совершенствования военно-уголовного законодательства РФ // Актуальные проблемы права : теория и практика : сб. науч. работ. Краснодар : КубГУ, 2003. Вып. 2. С. 213–217.

Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. пособие : в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. 547 с.

Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 году // Российское право : образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69–81.

Петухов Н. А., Толкаченко А. В. К вопросу о совершенствовании военно-уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право. 2002. № 2. С. 55–57.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex Russica. 2023. № 1. С. 110–125.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и преступность : трансформации в эпоху социальных перемен. М. : Юрлитинформ, 2023. 320 с.

Середа И. М., Ступина С. А. Государственная измена : отдельные вопросы квалификации // Пролог : журнал о праве. 2023. № 1. С. 79–90.

Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности : методология и теория. СПб., 1991. 136 с.

References

Boyko A. I. Systemic environment of criminal law : dr. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2008. 49 p.

Denisova A. V. Systematicity of Russian criminal law : monograph. Moscow : Yurlitinform, 2018, 511 p.

Zharkikh V. Some issues of improving the military criminal legislation of the Russian Federation // Current problems of law : theory and practice : Sat. scientific slave. Krasnodar : KubSU, 2003. Vol. 2. P. 213–217.

Kartashov V. N. Theory of the legal system of society : a textbook. Yaroslavl, 2005. Vol. 1. 547 p.

Lopashenko N. A. Main results of reforming criminal legislation in 2023 // Russian law : education, practice, science. 2024. No. 1. P. 69–81.

Petukhov N. A., Tolkachenko A. V. On the issue of improving the military-criminal legislation of the Russian Federation // Criminal law. 2002. No. 2. P. 55–57.

Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Modern rule-making as the basis for the formation of a new theory of criminalization // Lex Russica. 2023. No. 1. P. 110–125.

Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal policy and crime: transformations in an era of social change. Moscow : Yurlitinform, 2023. 320 p.

Sereda I. M., Stupina S. A. High treason : certain issues of qualification // Prologue : magazine about law. 2023. No. 1. P. 79–90.

Tiunova L. B. Systemic connections of legal reality : methodology and theory. St. Petersburg, 1991. 136 p.

[17] См.: *Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М.* Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex Russica. 2023. № 1. С. 111.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Денисова А. В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права

E-mail: anden2012@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Для цитирования:

Денисова А. В. Трансформация российского уголовного права в условиях специальной военной операции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 179–186. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/179-186

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Denisova A. V., Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Department of Criminal

E-mail: anden2012@yandex.ru

Received: 13.01.2025

For citation:

Denisova A. V. Transformation of Russian criminal law in the special military operation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 179–186. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/179-186

УДК 343.3/7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/187-196

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ КРУГА СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Ю. С. Караваева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Пермь)

ON THE NEED TO EXPAND THE RANGE OF SUBJECTS OF CRIMINALLY PUNISHABLE NON-FULFILLMENT OF DUTIES FOR THE UPBRINGING OF A MINOR

Yu. S. Karavaeva

National Research University «Higher School of Economics» (HSE Perm)

Аннотация: в условиях активного уголовного законотворчества особое значение приобретает критико-правовой метод оценки как новелл закона, так и положений, изменениям не подвергавшихся. Необходимость критической оценки последних вызвана динамикой социальной жизни, адекватное отражение которой образует суть требования социальной обусловленности, предъявляемого к праву вообще и к уголовному праву в частности. Особенное значение при этом приобретают возможности междисциплинарного и межотраслевого подхода. Так, констатируемая социологами трансформация института современной семьи не учитывается законодателем, продолжающим ориентироваться на модель семьи нуклеарной, «традиционной», в том числе в целях уголовно-правовой охраны семьи и несовершеннолетних. Об этом свидетельствует, например, круг субъектов неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителями и иными лицами, на которых данная обязанность возложена в установленном законом порядке. За его пределами остаются лица, фактически исполняющие обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, к которым относятся другие родственники и лица, состоящие в отношениях свойства с потерпевшим или не состоящие в таковых. В целях преодоления обозначенного пробела ст. 156 УК РФ предлагается использование термина «фактическое воспитание».
Ключевые слова: социальная обусловленность уголовного закона, жестокое обращение с несовершеннолетними, фактическое воспитание.

Abstract: in the context of active criminal lawmaking, the critical legal method of evaluating both the novelties of the law and the provisions that have not been changed is of particular importance. The need for a critical assessment of the latter is caused by the dynamics of social life, an adequate reflection of which forms the essence of the requirement of social conditionality imposed on law in principle and on criminal law in particular. At the same time, the possibilities of an interdisciplinary and intersectoral approach are of particular importance. Thus, the transformation of the institution of the modern family, stated by sociologists, is not taken into account by the legislator, who continues to focus on the nuclear, «traditional» family model, including for the purpose of criminal law protection of the family and minors. This is evidenced, for example, by the range of subjects of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor by parents and other persons to whom this duty is assigned in accordance with the procedure established by law. Outside of it are persons who actually perform duties to raise a minor, which include other relatives and persons who are in a kinship relationship with the victim or who are not. In order to overcome the indicated gap, Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation proposes to use the term «actual upbringing».
Key words: social conditionality of the criminal law, abuse of minors, actual upbringing.

© Караваева Ю. С., 2025

Игнорирование законодателем правовой науки повышает вероятность принятия нормативных актов, отличающихся недостаточным качеством и в содержательном, и юридико-техническом смыслах. К сожалению, результаты «обвального уголовного законотворчества» последнего периода подтверждают обоснованность этого тезиса, что само по себе актуализирует востребованность критико-правового метода научных исследований. Раскрывая универсальность критики законодательства, профессор В. М. Баранов, в частности, отмечает, что «ее целью выступает не только выявление дефектов, законодательного материала, но и улучшение существующей правовой ситуации»[1]. Дальнейшие рассуждения приводят ученого к выводу: «Междисциплинарное измерение критики законодательства существенно обогащает ее содержание, значительно усиливает аргументацию. Междисциплинарная область критики законодательства базируется на исторических, экономических, политических, социологических, психологических, демографических, культурных и множестве иных факторов»[2].

Критическая оценка уголовного закона, как в части новелл, так и в части положений, никогда не подвергавшихся изменению, по определению должна иметь междисциплинарный ракурс, что, помимо указанного, вытекает из требования его социальной обусловленности. Соблюдение этого требования есть необходимое условие для констатации адекватности уголовно-правовой нормы фактическим социально-экономическим и политическим реалиям и прогноза ее эффективности.

Вместе с тем требование социальной обусловленности не является исключительным для уголовного права и предъявляется к праву в принципе. Как отмечает В. А. Толстик, «динамика правового содержания не в последнюю очередь обусловлена динамикой общественных отношений, формой отражения которых право, собственно, и является»[3]. Этой же логике отвечает мысль М. Б. Румянцева о том, что «содержание правотворческих решений всегда детерминировано потребностями общества…»[4]. Полностью разделяя эту идею, мы, тем не менее, подчеркнем особую значимость соблюдения требования социальной обусловленности применительно к уголовному закону – как в части дополнения его новыми положениями, так и в части изменения уже действующих уголовно-правовых норм. Причина очевидна и вытекает из самой природы уголовного закона как крайнего и наиболее сурового средства противодействия общественно опасному поведению отдельных членов общества: необоснованный уголовный закон есть проявление государственного произвола, допускающего применение самых суровых мер воздействия во исполнение иных, не связанных с противодействием реальным общественно опасным деяниям, целей.

Ставя вопрос о направленности изменений и дополнений уголовного закона, М. В. Бавсун связывает ее с «…совершенствованием его (уголовного закона. – *Ю. К.*) положений как основных средств противодействия преступности»[5]. И далее автор продолжает: «При этом, говоря о совершенствовании, необходимо заметить, что речь должна идти не о создании некой идеальной модели закона, а о повышении его способности быть использованным в условиях реальной действительности. Другими словами, он не должен быть “оторван” от основных процессов, протекающих в современном обществе в целом…»[6].

По большому счету обозначенная идея образует суть требования социальной обусловленности (или обоснованности) уголовного закона. В специальных исследованиях, посвященных этому вопросу, ученые, придавая указанному требованию значение «важного критерия криминализации деяний», основой его рассматривают «…тяжесть последствий и востребованность обществом криминализации данных деяний как способа их предупреждения»[7]. П. С. Дагель в ка-

[1] *Баранов В. М.* Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 39–49.

[2] *Баранов В. М.* Указ. соч. С. 39–49.

[3] *Толстик В. А.* К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

[4] *Румянцев М. Б.* Правотворчество в Российской Федерации : монография. Чебоксары : Среда, 2019. С. 288.

[5] *Бавсун М. В.* Изменения и дополнения уголовного законодательства как необходимые средства оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 103–108.

[6] *Бавсун М. В.* Указ. соч. С. 103–108.

[7] Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Голованова Н. А., Гравина А. А. [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М. : Ин-т законодатель-

честве субъективного условия криминализации понимал «…осознание объективных потребностей общества в криминализации выявленных общественно опасных деяний»[8].

Как видим, идея о социальной обусловленности уголовного закона оказывается наиболее востребованной в контексте вопроса о криминализации того или иного общественно опасного деяния. Вместе с тем представляется, что критическое осмысление действующих уголовно-правовых положений также предполагает обращение к указанной идее, суть которой сводится к одному: уголовный закон должен адекватно отражать фактическую социальную ситуацию во всех ее проявлениях и с учетом объективных возможностей механизма нормативного регулирования, что есть само по себе залог эффективности нормы, ее востребованности и применимости правоприменителем.

Перспективность междисциплинарной критики уголовного закона предопределяется также требованием научной обоснованности законотворческих решений. Особое значение научных исследований в целях криминализации подчеркивал П. С. Дагель: «Потребности общества в уголовно-правовом регулировании, существующие объективно, до того, как воплотиться в нормах уголовного права, должны быть научно осознаны, и только после этого они превращаются в уголовно-политические требования, которые и реализуются в уголовном законе»[9].

Совершенно логичной с учетом указанного выглядит постановка учеными вопроса о необходимости нормативного отражения выводов современных социологических исследований института семьи, ориентированных на широкое ее понимание за счет включения лиц разной степени родства и лиц, находящихся в отношениях свойства при условии совместного проживания. В частности, применительно к России социологами отмечается, что «процессы трансформации затронули все сферы жизнедеятельности семьи, породив широкое многообразие моделей семьи, каждая из которых удовлетворяет потребности определенной части российского общества и, следовательно, имеет право на жизнь. Нормой стали неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети, семьи с неявным лидерством, последовательная полигамия (неоднократное вступление в брак). … Существует категория сожительствующих индивидов, воспитывающих совместных детей или внебрачных детей одного из партнеров»[10].

Кроме того, проведение социологических исследований само по себе признается «значительным вкладом в изучение социальной обусловленности уголовного закона»[11], выявленные социологами в данном случае трансформации института семьи вызывают потребность в осмыслении действующего законодательства с точки зрения адекватности отражения им указанных социальных реалий. По этому поводу приведем рассуждения Е. Г. Комиссаровой: «Действующий закон продолжает охранять тот идеальный нормативный образ семьи, который основан на стабильном и длительном брачном союзе, рассчитанном на логику длительных отношений, где место и статус каждого лица – родителей, ребенка, прародителей – предопределены и закреплены во времени. Ненормативные модели семьи, как и в советское время, для государства пребывают в числе бесперспективных с точки зрения демографического воспроизводства, социально-экономического развития населения и качества детского воспитания»[12].

Представляется, что данный вопрос актуален и для уголовного закона, нормы которого обеспечивают правовую охрану семьи и несовершеннолетних, и в частности – охрану последних от неисполнения обязанностей по воспитанию, соединенному с жестоким обращением.

Ответственность за указанное деяние установлена ст. 156 УК РФ, исходя из которой к субъектному составу следует относить прямо указанных в статье лиц, как то: родитель или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а также педаго-

---

ства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : КОНТРАКТ, 2018. С. 82.

[8] *Дагель П. С.* Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 69–70.

[9] *Дагель П. С.* Указ. соч. С. 69–70.

[10] *Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер.и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 43.

[11] *Савенок А. Л.* Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.

[12] *Комиссарова Е. Г.* Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.

гический работник или другой работник образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанный осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Ограничивая круг субъектов рассматриваемого преступления обозначенными выше, законодатель, на наш взгляд, руководствовался следующими соображениями: одна часть субъектов рассматриваемого деяния определена законодателем с учетом профессиональной (служебной) принадлежности лица, предполагающей взаимодействие с несовершеннолетним, в том числе в форме оказания воспитательного воздействия на него. В данном случае имеются в виду отношения не семейного характера, а трудовые отношения с соответствующими обязанностями, в связи с чем к предмету настоящего исследования мы их не относим. Хотя это, конечно, не исключает проблемности вопроса о субъектах анализируемого преступления в данной части.

Для другой части субъектов данного преступления наличие обязанности по воспитанию несовершеннолетних презюмируется в связи с возникновением отношений «родитель – ребенок», в основе которых – факт кровного родства. Приравненными к таким отношениям с учетом действующего семейного законодательства признаются отношения на основе «родства» юридического, когда в результате процедуры усыновления (удочерения) обязанности по воспитанию (как, впрочем, и иные обязанности) возлагаются на лиц, фактически в кровном родстве с несовершеннолетним не состоящих. Реализация этой законодательной конструкции позволяет обеспечить интересы несовершеннолетнего в части семейного воспитания.

Наряду с указанными субъектами к «иным лицам» в целях ст. 156 УК РФ принято относить опекунов (попечителей), которые также после соответствующей установленной законом процедуры принимают на себя обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

В целом подобная логика выглядит вполне обоснованной, поскольку в одном случае родители, а в другом – лица, их заменяющие на основании закона, действительно, оказывают воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, как правило, проживают с ним совместно, а значит, реальная возможность неисполнения или ненадлежащего исполнения соответствующей обязанности, сопряженного с жестоким обращением, в таких отношениях присутствует.

Вместе с тем нам представляется необходимым расширение перечня указанных лиц за счет включения лиц, фактически осуществляющих воспитание несовершеннолетних при условии совместного с ним проживания, если при этом установленная законом процедура возложения обязанности по воспитанию ими не пройдена. К указанным лицам, в частности, относятся отчим (мачеха), дедушка (бабушка), сожитель (сожительница) родителя, старший брат (сестра). В науке также можно обнаружить предложения по включению лиц, не находящихся в отношениях родства или свойства с несовершеннолетним, но осуществляющих его фактическое воспитание и совместно с ним проживающих, например знакомые родителей[13].

Полагаем, что указанные субъекты обладают теми же реальными возможностями совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, что и лица, отвечающие актуальным признакам субъекта данного деяния. Данный вывод вытекает из обращения к тем фактическим взаимодействиям, возникновение которых опосредовано наличием того или иного социального статуса. К примеру, статусы «бабушка» и «дедушка» используются для обозначения других членов семьи определенной степени родства. Однако при отсутствии родителей и совместном проживании сложно отрицать факт возникновения взаимодействий с несовершеннолетним внуком (внучкой), включающих и воспитательную составляющую. Эта же логика выполняется для старших братьев / сестер несовершеннолетнего, статусы которых используются для обозначения круга родственников и степени родства, однако анализ фактических взаимодействий с несовершеннолетними младшими братьями / сестрами при прочих условиях позволяет предположить наличие соответствующей воспитательной составляющей. Что касается статусов «мачеха», «отчим», которые используются для идентификации соответствующих прав, обязан-

[13] См. напр.: *Батурина Н. И., Медведев И. М.* Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоград. Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51 ; *Воронина З. И.* Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.

ностей и ответственности в общественных отношениях, фактически складывающихся между несовершеннолетним и данными участниками, воспитательная компонента здесь более очевидна, поскольку речь идет о лицах, состоящих в зарегистрированных брачных отношениях с кровным родителем несовершеннолетнего, а значит, заменяющих другого отсутствующего биологического родителя. Однако в силу нормативной неоформленности статуса таких субъектов предположение об отнесении их к субъектам неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в рассматриваемом составе преступления вытекает лишь из анализа фактически реализуемых взаимодействий с несовершеннолетним. Схожая ситуация складывается с участием лиц, находящихся в фактических брачных отношениях с кровным родителем несовершеннолетнего – сожителях и сожительницах.

В качестве иллюстрации обратимся к материалам судебной практики.

Так, по одному из дел судом было установлено, что в течение длительного времени в трезвом состоянии и состоянии алкогольного опьянения Мутогарова совместно со своим сожителем Баклановым подвергали малолетнего М., являющегося сыном Мутогаровой, истязаниям, издевательствам и мучениям, наказывая его по любому малозначительному поводу, нанося ему удары руками, ногами, различными предметами (резиновый шланг, ремень, металлическая шумовка и т. п.), ограничивая свободу ребенка, лишая пищи, выставляя на холод, заставляя купаться в студеной воде. После констатации факта совместного избиения малолетнего М. Мутогаровой и Баклановым, повлекшего смерть потерпевшего, суд квалифицировал действия Мутогаровой п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 156 УК РФ[14], а действия Бакланова – п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «в», «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ[15]. Важно отметить, что при рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанцией были отмечены фактические брачные отношения подсудимых, их совместное проживание с потерпевшим, а также тот факт, что «…**ложно понимая интересы воспитания ребенка,** осознавая, что любые действия по физическому наказанию малолетнего ребенка могут причинить вред его психическому и физическому здоровью, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде психического расстройства малолетнего и желая этого, **подвергали его истязаниям, издевательствам и мучениям, наказывая по любому малозначительному поводу путем неоднократного применения насилия, которыми причиняли физические, психические и нравственные страдания, Б. использовал при этом предметы в качестве оружия»**[16] (выделено нами. – *Ю. К.*).

Обращает на себя внимание констатация судом фактически сложившихся взаимоотношений между сожителем Баклановым и потерпевшим сквозь призму интересов воспитания последнего.

По другому аналогичному с содержательной стороны уголовному делу, Бугорковой – матери несовершеннолетнего потерпевшего П., помимо прочих деяний, результатом одного из которых стала смерть потерпевшего, суд также вменил ст. 156 УК РФ, тогда как отчиму потерпевшего, принимавшему непосредственное участие в совершении данных деяний, обвинение в совершении данного преступления предъявлено не было. В частности, судом установлено, что «Бугорковы, действуя совместно, с использованием предметов, руками и ногами, нанесли большое количество ударов П., осознавали, что причиняют ему особые страдания и мучения, поскольку заведомо для виновных был не способен в силу возраста (чуть больше 5 лет) защитить себя от превосходящих по физической силе взрослых… Согласно выводам судебно-медицинской экспертизы, установившей наличие на погибшем П. телесных повреждений, причиненных ранее, за 7–10 суток до наступления смерти, показаний малолетней потерпевшей Л., пояснившей о постоянном применении физического насилия со стороны матери и отчима в отношении нее и ее брата, П., свидетеля Б., педагога-психолога в детском доме, судом верно сделан вывод о квалификации действий Бугорковых по ст. 112 и ст. 117 УК РФ со всеми квалифицирую-

[14] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2023 г. по делу № 67-УД23-24-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 24 мая 2023 г. по делу № 55-294 / 2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[16] Приговор Новосибирского областного суда от 14 февраля 2023 г. № 2-5/2023 (2-34/2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щими признаками, установленными на основе выявленных обстоятельств избиения и применения физического насилия к детям. Также обоснованно в действиях осужденной Бугорковой суд усмотрел требующее отдельной, самостоятельной квалификации ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, соединенное с жестоким обращением к детям»[17]. Столь подробная выдержка из определения суда позволяет оценить тот факт, что общественно опасные действия в отношении потерпевшего его мать и отчим совершали совместно, однако объем обвинения различен в силу пробельности уголовного закона.

В свете ст. 156 УК РФ схожесть приведенных примеров заключается в том, что в одном случае сожитель, а в другом – отчим фактически совершают те же действия, что и мать потерпевшего, возможность чего обусловлена статусным положением указанных лиц и вытекающими из него реальными взаимоотношениями с другими членами семьи в рамках совместного проживания. В силу своего статуса указанные лица получают физический доступ к потерпевшему несовершеннолетнему, а тот факт, что они занимают место биологического отца, предопределяет особенности восприятия фигуры виновного как самим несовершеннолетним, так и окружающими. Иными словами, поскольку в бытовом смысле институт семьи понимается гораздо шире, чем в легальном, указанные лица оказываются фактически наделенными всеми обязанностями кровного родителя, отсутствующего по той или иной причине, и именно в таком авторитетном амплуа воспринимаются потерпевшими, особенно малолетними, хотя, конечно, не без исключений. Как отмечает С. И. Осмоловская, «…семейное законодательство к числу других членов семьи относит отчима и мачеху, что подразумевает под собой не только совместное проживание и ведение хозяйства с родителем ребенка, но и осуществление мер по компенсации пасынку или падчерице отсутствия родного отца или матери, включающее в себя постоянное общение с ребенком, а следовательно, и участие в их воспитании»[18]. Этой же позиции придерживается Н. В. Копыткова: «Именно на основе свойства в силу семейных отношений отчим и мачеха осуществляют воспитание и содержание несовершеннолетних пасынков и падчериц. Можно с уверенностью утверждать, что в таких случаях образуются связи аналогичные отношениям между родителями и детьми»[19].

Несмотря на то что «…юриспруденция не может не учитывать того факта, что в современном мире межличностные связи ребенка и взрослого, выполняющего по отношению к нему родительские обязанности, могут быть не всегда зависимы от биологического или юридического родительства»[20], в связи с пробельностью ст. 156 УК РФ в части субъектного состава привлечь указанных лиц к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не представляется возможным.

В связи с этим возникает резонный вопрос: можно ли требовать надлежащего исполнения какой-либо обязанности при невозложении ее на лицо в установленном законом порядке? С одной стороны, мы понимаем логику законодателя и соглашаемся с ней: формализация соответствующей процедуры в законе сама по себе есть гарантия для возможного оспаривания ненадлежащего исполнения этой обязанности управомоченным на то лицом. Однако, с другой стороны, игнорировать складывающиеся в социальной реальности ситуации непростительно, тем более что речь идет не просто о неисполнении или ненадлежащем неисполнении обязанностей по воспитанию, а о жестоком обращении в рамках отношений, максимально приближенных к семейным. Особенность таких отношений заключается не только в том, что в их рамках обеспечивается физический доступ более старшего по возрасту лица к зависимому от него несовершеннолетнему, но и «закрытость» данных отношений, что позволяет, как минимум, длительный период оставлять подобного рода обращение без огласки. В приведенном

[17] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2024 г. по делу № 18-УД24-22-А3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] *Осмоловская С. И.* К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 3. С. 266–270.

[19] *Копыткова Н. В.* Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права : история и современность : сб. трудов конф. Курск, 2017. Ч. 2. С. 63–65.

[20] *Комиссарова Е. Г.* Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве.

выше примере из судебной практики осужденный Бакланов, являясь сожителем кровной матери потерпевшего, применял к нему насилие в течение нескольких лет.

Проблема субъектного состава анализируемого преступления вызывает живое обсуждение в доктрине, причем высказываемые авторами позиции относительно ее решения часто взаимоисключают друг друга: в ответ на предложение согласиться с законодательной логикой и требовать надлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в случае возложения их в установленном законом порядке[21] приводятся контраргументы в обоснование расширения круга указанных субъектов. В частности, анализ высказанных в науке точек зрения по данному вопросу позволил Ю. А. Западновой заключить о необходимости и целесообразности предусмотреть «…в диспозиции ст. 156 УК РФ в качестве субъекта иное лицо, совместно проживающее с несовершеннолетним и фактически осуществляющее надзор за ним»[22].

Полагаем, что речь вс` же необходимо вести не о надзоре, а именно о фактическом воспитании. Несмотря на неопределенность последнего термина[23], понятие фактического воспитания и воспитателя известно и действующему законодательству, и правовой науке. Используя термины «фактический воспитатель» и «лица, осуществлявшие фактическое воспитание» в качестве синонимов, законодатель установил пятилетний срок и надлежащий характер воспитания в качестве условий признания данного правового статуса лица в целях взыскания алиментов с совершеннолетних воспитанников (ст. 96–97 Семейного кодекса РФ). На наш взгляд, это свидетельствует о невосприимчивости актуальным семейным законодательством социальных реалий, не придавая иного правового значения распространенной ситуации длящихся отношений между совместно проживающим взрослым и несовершеннолетним, кроме как в связи с алиментными обязанностями. Каких-либо иных последствий, кроме алиментных, установление этого статуса не влечет, что вытекает из содержания Семейного кодекса РФ.

Отметим также и тот факт, что в рамках трудового законодательства используется понятие лиц с семейными обязанностями, к которым согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ могут быть отнесены «…работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством (родитель, усыновитель, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя); другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним, в случаях, прямо предусмотренных законом (часть вторая статьи 256 ТК РФ)…»[24]. Обращая внимание на обоснованность расширения в данном случае «рамок семьи», Н. Ф. Звенигородская объясняет это социальной значимостью «…дела, которое предстоит выполнить членам семьи, начиная с ухода за ребенком и его воспитания и заканчивая формированием личности достойного гражданина нашей страны»[25]. Для целей настоящего исследования это важно постольку, поскольку свидетельствует не просто об осведомленности законодателя о существовании широкого подхода к определению института семьи, но и его легализации в целях обеспечения прав и интересов граждан в сфере личных имущественных прав в семейной и трудовой сферах.

Что касается науки, здесь ситуация следующая: несмотря на социологические данные, подтверждающие широкое распространение моделей семьи, отличающихся от нуклеарной, взятой за образец законодателем, проблема определения статуса фактического воспитания и воспитателя даже на исследовательском уровне остается маловостребованной авторами: «Ни настойчивого научного интереса, ни активных дискуссий по проблеме, ни ощутимой динамики науч-

[21] См., например: *Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г.* Дети – жертвы семейного насилия : ответственность за «родительские» преступления // Рос. юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.

[22] *Западнова Ю. А.* Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы установления признаков специального субъекта преступления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 60–65.

23 См., например: *Краснова Т. В.* Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.

[24] О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2024 г. № 1 // Рос. газета. 2014. № 27.

[25] *Звенигородская Н. Ф.* Лица с семейными обязанностями как субъекты российского права // Вестник С.-Петерб. юрид. академии. 2016. № 4 (33). С. 50–57.

ного знания не наблюдается»[26]. Более того, при том что проблемы, связанные с формализацией в законе узкого понимания семьи, известны довольно значительный период, в фокусе современной науки она не находится, заняв место на ее периферии.

Тем не менее в ряде работ авторы обращаются к проблеме фактического воспитания с позиций семейно-правовой доктрины. В частности, Е. Г. Комиссарова суть данного явления определяет как «…продолжение воспитания семейно-родительского, возникающее по воле родителей или (в ситуациях невозможности ее проявления) "по умолчанию" родителей»[27]. Е. А. Татаринцева отмечает, что «…фактические воспитатели осуществляют родительские права, перечень которых предусмотрен СК РФ»[28]. З. И. Воронина, указывая на «…широкое распространение на практике фактического воспитания», подчеркивает необходимость получения им «правового обоснования»[29].

Определенные усилия в данном направлении законодатель предпринял посредством введения в ч. 1 ст. 63 УК РФ пункта «п», содержащего новое обстоятельство, отягчающее наказание: «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней)… лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней)». Указанная категория субъектов выделяется наряду с иными участниками семейных и иных правоотношений – «родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней)». Однако в данном случае учет его возможен в целях индивидуализации ответственности, что, очевидно, не способно компенсировать пробельность закона и отсутствие возможности квалифицировать совершенное виновным деяние путем применения соответствующей нормы Особенной части уголовного закона. Очевидна, кроме того, и нетождественность понятия «лицо, совместно проживающее с несовершеннолетним» понятию «лицо, фактически исполняющее обязанности по воспитанию несовершеннолетнего»: совместное проживание не означает фактическое осуществление обязанностей по воспитанию, тогда как фактическое воспитание всегда сопряжено с совместным проживанием с несовершеннолетним какой-то период.

В заключение приведем слова Ю. Ю. Ветютнева о том, что «законодатель обязан изучать объективные закономерности не с той целью, чтобы прямиком перенести их в содержание закона, а с тем чтобы на основании этих закономерностей найти рациональные способы удовлетворения нужд и потребностей общества»[30]. Тем не менее на сегодняшний день необходимость учета трансформаций института семьи на нормативном уровне, диктуемая логикой текущего социального развития, остается не осознанной законодателем. В связи с этим полагаем, что расширение круга субъектов преступления, ответственность за которое установлена ст. 156 УК РФ, должно происходить посредством включения в перечень именно фактических воспитателей. К ним следует относить отчима (мачеху), дедушку (бабушку), сожителя (сожительницу) родителя, старшего брата (сестру), совместно проживающих с несовершеннолетним. При этом использование термина «иное лицо, фактически исполняющее обязанности по воспитанию несовершеннолетнего» в целях расширения субъектного состава преступления ст. 156 УК РФ отвечает идее о «доминирующей тенденции правового развития в переходе от казуистического правового регулирования к абстрактному (обобщающему)»[31], тогда как попытка перечисления лиц, подпадающих под указанное определение, соответствует обратно направленному движению к умножению казуистических норм в уголовном законе.

Библиографический список

Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Дети – жертвы семейного насилия : ответственность за «родительские» преступления // Рос. юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.

Бавсун М. В. Изменения и дополнения уголовного законодательства как необходимые средства

[26] *Комиссарова Е. Г.* Отношения по фактическому воспитанию ребенка : проблемы семейно-правовой институционализации // Право : журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

[27] *Комиссарова Е. Г.* Указ. соч. С. 130–153.

[28] *Татаринцева Е. А.* Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 115.

[29] *Воронина З. И.* Указ. соч. С. 98–102.

[30] *Ветютнев Ю. Ю.* Государственно-правовые закономерности : вопросы теории и методологии : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 169.

[31] *Толстик В. А.* Указ. соч. С. 164–171.

оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 103–108.

Баранов В. М. Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 39–49.

Батурина Н. И., Медведев И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоград. Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51.

Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности : вопросы теории и методологии : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 204 с.

Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.

Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 69–70.

Западнова Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : проблемы установления признаков специального субъекта преступления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 60–65.

Звенигородская Н. Ф. Лица с семейными обязанностями как субъекты российского права // Вестник С.-Петерб. юрид. академии. 2016. № 4 (33). С. 50–57.

Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.

Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка : проблемы семейно-правовой институционализации // Право : журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

Копыткова Н. В. Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права : история и современность : сб. трудов конф. Курск, 2017. Ч. 2. С. 63–65.

Краснова Т. В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.

Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, Голованова Н. А., Гравина А. А. [и др.] ; отв. ред. В. П. Кашепов. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

Осмоловская С. И. К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 3. С. 266–270.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер.и доп. М. : Юрайт, 2019. 299 с.

Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации : монография. Чебоксары : Среда, 2019. 323 с.

Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.

Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 134 с.

Толстик В. А. К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

References

Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Child victims of family violence : responsibility for «parental» crimes // The Russian justice system. 2020. No. 12. P. 47–51.

Bavsun M. V. Changes and additions to criminal legislation as necessary means of optimizing the criminal legal impact on crime // Society and law. 2009. No. 3 (25). P. 103–108.

Baranov V. M. Criticism of legislation as a universal direction and a special kind of legal analytics (doctrine, practice, technique) // Legal technique. 2024. No. 18. P. 39–49.

Baturina N. I., Medvedev I. M. The grounds for the emergence of relations on the actual upbringing of a child and the circle of persons belonging to the actual educators according to the Family Code of the Russian Federation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (44). P. 46–51.

Vetyutnev Yu. Yu. State-legal patterns: issues of theory and methodology : cand. legal sci. dis. Volgograd, 2004. 204 p.

Voronina Z. I. Institute of factual education in family law // Izvestia of higher educational institutions. Law studies. 1992. No. 5. P. 98–102.

Dagel P. S. Conditions for establishing criminal liability // News of higher educational institutions. Law studies. 1975. No. 4. P. 69–70.

Zapadnova Yu. A. Non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor : problems of establishing signs of a special subject of crime // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 6. P. 60–65.

Zvenigorodskaya N. F. Persons with family responsibilities as subjects of Russian law // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2016. No. 4 (33). P. 50–57.

Komissarova E. G. The doctrine of direct (actual) parenthood in Russian and foreign family law // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2022. Issue 56. P. 208–238.

Komissarova E. G. Relations on the actual upbringing of a child : problems of family and legal institutionalization // Pravo : Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 1. P. 130–153.

Kopytkova N. V. Duties of a stepfather and stepmother for the upbringing of stepsons and stepdaughters // The evolution of state and law : history and modernity : proceedings of the Conference. Kursk, 2017. Part 2. P. 63–65.

Krasnova T. V. Education as a unique legal phenomenon and problems of its modern legal definition // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2016. No. 9. P. 102–106.

Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation : monograph / V. P. Kashepov, N. A. Golovanova, A. A. Gravina [et al.] ; ed. V. P. Kashepov. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : CONTRACT, 2018. 280 p.

Osmolovskaya S. I. On the question of the types of special subject of involving a minor in the commission of a crime // Problems of economics and legal practice. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 266–270.

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Family in the system of social institutions of society : studies. a handbook for undergraduate and graduate studies. 2nd ed., trans. and add. Moscow : Yurayt Publishing House, 2019. 299 p .

Rumyantsev M. B. Lawmaking in the Russian Federation : monograph. Cheboksary : Wednesday, 2019. 323 p.

Savenok A. L. Social conditionality of the criminal law // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. No. 1 (21). 2011. P. 130–135.

Tatarintseva E. A. Models of legal relations for the upbringing of a child in a family and trends in their formation in national family law : monograph. Moscow : Justicinform, 2018. 134 p.

Tolstik V. A. On the issue of the validity of changes in legislation // Legal technique. 2023. No. 17. P. 164–171.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Пермь)

Караваева Ю. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Поступила в редакцию: 18.11.2024

Для цитирования:

Караваева Ю. С. О необходимости расширения круга субъектов уголовно наказуемого неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 187–196. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/187-196

National Research University «Higher School of Economics» (HSE Perm)

Karavaeva Yu. S., PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Civil and Business Law Department

E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Received: 18.11.2024

For citation:

Karavaeva Yu. S. On the need to expand the range of subjects of criminally punishable non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 187–196. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/187-196

УДК 343.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/197-202

НАМЕТИВШИЕСЯ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В. А. Шестак
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

А. С. Чеботарь
Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

EMERGING TRENDS IN CYBERCRIME DEVELOPMENT

V. A. Shestak
Moscow Academy of the Investigative Committee of theф Russian Federation

A. S. Chebotar
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Аннотация: выявлены основные факторы, оказавшие непосредственное влияние на неконтролируемый рост совершаемых преступлений в современном киберпространстве; установлена причинно-следственная связь между общемировыми событиями и неконтролируемым ростом киберпреступности в период с 2020 г. по настоящее время; проведен скрупулезный анализ статистических данных, представленных компетентными органами иностранных государств и международных организаций, относительно роста совершаемых киберпреступлений в течение последних трех лет; изучена структура исследуемого явления; раскрыты основные характеристики, присущие такому негативному явлению современности, как киберпреступность.
Ключевые слова: киберпреступления, пандемия COVID-19, несовершеннолетние, deepfake, вредоносное программное обеспечение, DDoS-атаки.

Abstract: the main factors that have had a direct impact on the uncontrolled growth of crimes committed in modern cyberspace have been identified; a causal relationship has been established between global events and the uncontrolled growth of cybercrime from 2020 to the present; a meticulous analysis of statistical data provided by competent authorities of foreign states and international organizations was conducted regarding the growth of cybercrimes committed over the past three years; the structure of the phenomenon under study was studied; the main characteristics inherent in such a negative modern phenomenon as cybercrime are revealed.
Key words: cybercrime, COVID-19 pandemic, minor, deepfake, disruptive malware, DDoS-attacks.

Ускоренная цифровизация, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции «COVID-19» и введением жестких ограничительных мер большинством стран, в значительной степени повлияла на возникновение новых киберугроз и создание еще более изощренных методов совершения уже существующих. Так, значительный рост числа так называемых онлайн-покупок привлек большое количество кибермошенников, а страх населения перед новым, практически не изученным заболеванием, поиск несуществующих лекарств и тест-систем в сети Интернет позволил злоумышленникам заполучить неправомерный доступ к банковским счетам своих жертв.

© Шестак В. А., Чеботарь А. С., 2025

В период с 2020 по 2021 г. в Российской Федерации число интернет-пользователей увеличилось на 6 млн (т. е. на 5,1 %) и в январе 2021 г. достигло 124 млн. По данным проекта WEB-Index, проникновение Интернета в России среди населения в возрасте до 44 лет в 2020 г. составило 90 %, а среди молодежи в возрасте от 12 до 24 лет – 100 %. По данным «Лаборатории Касперского», российские дети проводят в виртуальном пространстве гораздо больше времени, чем эта же группа населения во многих странах Европы и в США.

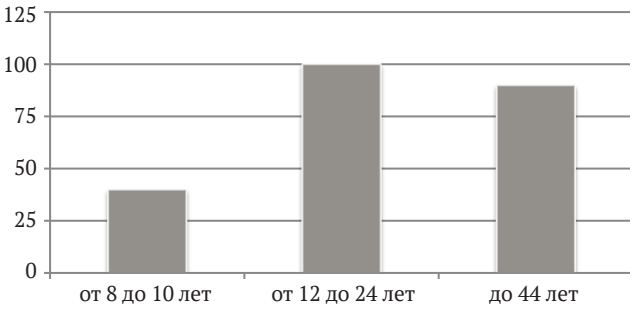


Рис. 1. Проникновение Интернета в России среди возрастных групп населения

В исследовании «Лаборатории Касперского» «Растим детей в эпоху Интернета» приняли участие 3,78 тыс. семей с детьми в возрасте от 8 до 16 лет, 540 из которых – семьи из Российской Федерации[1]. Согласно опросу, 58 % российских несовершеннолетних скрывают от родителей свои действия и опасную активность в сети Интернет. Причем каждый третий несовершеннолетний принимает определенные меры: 18 % респондентов выходят в сеть в отсутствие родителей дома, 16 % – устанавливают код-пароль на устройстве, 10 % – удаляют историю поиска и посещения сайтов в браузере; 14 % несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет используют специальные программы, скрывающие используемые ими приложения[2].

Рис. 2. Способы сокрытия активности в сети Интернет, предпринимаемые несовершеннолетними

Подобное бесконтрольное использование сети Интернет несовершеннолетними стало причиной взрывного роста распространения порнографических фото- и видеоматериалов с участием несовершеннолетних в виртуальном пространстве. Согласно отчету, предоставленному Национальным бюро регистрации преступлений (National Crimes Record Bureau), в 2020 г. было зафиксировано более чем 400%-ное увеличение количества киберпреступлений против несовершеннолетних по сравнению с показателями 2019 г.[3].

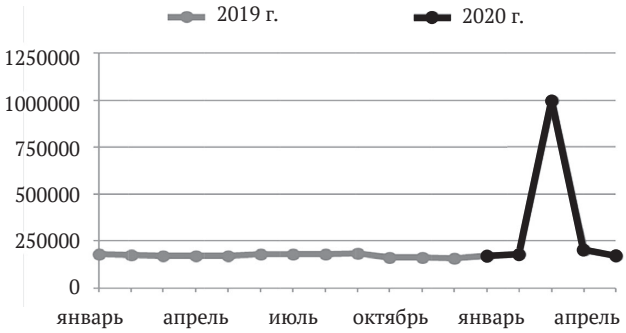


Рис. 3. Общее количество обращений, поданных в Европол Национальным центром по делам пропавших без вести и эксплуатируемых детей за 2019–2020 гг.

По данным Европол (Europol) и Национального центра по делам пропавших без вести и эксплуатируемых детей (National Center for Missing and Exploited Children), показатель объ-

[1] АО «Лаборатория Касперского» : сайт. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16 (дата обращения: 13.01.2024).

[2] МИА «Россия сегодня» : сайт. URL: https://ria.ru/20160421/1416663245.html (дата обращения: 08.01.2024).

[3] The Economic Times : сайт. New Delhi. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/over-400-rise-in-cyber-crime-cases-committed-against-children-in-2020-ncrb-data/articleshow/87696995.cms (дата обращения: 09.01.2024).

ема распространения материалов сексуального насилия над детьми в киберпространстве начал стремительно расти с начала марта 2020 г. Примерно в это же время первые государства – члены Европейского союза ввели соответствующие ограничительные меры, направленные на борьбу с новой коронавирусной инфекцией[4].

Противодействие распространению запрещенного контента с участием несовершеннолетних осложняется тем, что большинство материалов, содержащих сцены сексуальной эксплуатации и надругательства над детьми, продаются на специально созданных форумах, сайтах и иных интернет-площадках, доступ к которым ограничен и предоставляется модераторами только после совершения злоумышленниками определенных противоправных деяний. Так, преступники, желающие заполучить доступ к запрещенному контенту, размещенному на такой запрещенной интернет-площадке, как «Dreamboard», должны самостоятельно загрузить «оригинальные» фото- и видеоматериалы, содержащие надругательство над детьми в возрасте до 12 лет[5].

Распространение в сети Интернет материалов, содержащих сексуальное насилие над несовершеннолетними, является далеко не единственным киберпреступлением, получившим наибольшую популярность с начала пандемии. Киберзлоумышленниками были созданы различные схемы торговли и сексуальной эксплуатации несовершеннолетних «online» (как активной, так и пассивной), посредством использования таких общедоступных приложений, оснащенных функциями видеочата, как, например, Skype. Важно отметить, что, по данным Европол (Europol), способ оплаты за доступ и просмотр запрещенного контента в прямом эфире является вполне легальным: злоумышленники осуществляют онлайн-переводы денежных средств через онлайн-банки.

По данным Верховного Суда Российской Федерации, в 2020 г. было осуждено около 200 человек за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов среди несовершеннолетних (ч. 2 и 3 ст. 242 УК РФ), в том числе через различные сайты и онлайн-платформы; в отношении 12 злоумышленников были вынесены обвинительные приговоры за использование подростков в целях изготовления порнографии при помощи сети Интернет[6].

За 2021 г. Роскомнадзором было закрыто около 500 тыс. групп, содержащих запрещенный контент, 23 тыс. из которых были связаны с распространением детской порнографии. В 2022 г. было зарегистрировано 16 887 преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, для сравнения, в 2015 г. данный показатель составлял 12 175[7]. Кроме того, за последние пять лет отмечается увеличение числа преступлений, связанных с оборотом детской порнографии на 2,7 %.

Несовершеннолетние продолжают оставаться наиболее уязвимой группой населения для киберзлоумышленников с 2020 г., но далеко не единственной. В связи с введенными ограничительными мерами организации и предприятия были вынуждены внедрять различные системы и специальное программное обеспечение для дальнейшего осуществления своей деятельности, поскольку большинство руководителей и сотрудников было переведено на удаленный режим работы.

На основании всестороннего анализа данных и сведений, полученных от стран – членов Интерпол (Interpol), следующие киберпреступления были названы в качестве основных угроз.

Во-первых, пандемия COVID-19 предоставила злоумышленникам реальную возможность для пересмотра и обновления устаревших схем онлайн-мошенничества и фишинга, утративших былую эффективность. Так, киберзлоумышленники осуществляли рассылку фишинговых электронных писем на тему новой коронавирусной инфекции, часто выдавая себя за государственные органы и органы здравоохранения. Данный способ оказался действенным, поскольку жертвы киберзлоумышленников добровольно загружа-

[4] Europol. EXPLOITING ISOLATION : Offenders and victims of online child sexual abuse during the COVID-19 pandemic. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/europol_covid_report-cse_jun2020v.3_0.pdf (дата обращения: 11.01.2024).

[5] См *Sanjeev K.* Crime against children in cyber world // Journal on contemporary issues of law. 2021. Vol. 5, Issue 9. P. 29.

[6] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 12.01.2024).

[7] Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : официальный сайт. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74048.htm?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 12.01.2024).

ли вредоносный контент и предоставляли свои персональные данные.

Во-вторых, киберзлоумышленники всё чаще прибегали к использованию различных вредоносных программ с целью извлечения финансовой выгоды, посредством воспрепятствования деятельности критически важных объектов инфраструктуры и медицинских учреждений и последующего вымогательства. Использование таких программ-вымогателей и DDoS-атак приводило к регулярным сбоям, а в некоторых случаях и к полному приостановлению деятельности учреждений и органов, которые стали объектом противоправной деятельности киберзлоумышленников, некоторым из них до сих пор не удается восстановить доступ к сведениям, представляющим особую важность.

В-третьих, в целях практической реализации преступных намерений, киберпреступниками активно использовались такие троянские вирусы, как: Remote Access Trojan, или RAT[8], info stealers, spyware, banking Trojans[9]. Посредством использования информации, связанной с COVID-19, киберпреступникам удавалось проникать в различные информационные системы с целью последующей кражи данных, денежных средств, а также компрометации и дискредитации сети.

С начала пандемии был зарегистрирован существенный рост доменов с ключевыми словами «COVID» и «Corona»: по состоянию на конец марта 2020 г. было зафиксировано более 116 тыс. доменов, 2022 из которых были признаны вредоносными, а 40 261 – «представляющими высокий риск». Недавно зарегистрированные домены содержали вредоносное программное обеспечение для сбора личной информации пользователя. С февраля по март 2020 г. Palo Alto Networks обнаружил 569%-ный рост регистрации вредоносных доменов, персонального обеспечения и фишинга[10]. Беспрецедентный рост регистраций доменов последовал за особым интересом пользователей к темам, связанным с новой коронавирусной инфекцией, по данным «Google Trends». Кроме того, в данный период времени были созданы вредоносные веб-сайты, имитирующие оригинальные порталы государственных служб, банков, национальных налоговых и таможенных органов и т. д.

Еще одной областью злоупотребления являлось создание мошеннических веб-сайтов компаний, осуществляющих продажу средств индивидуальной защиты, тестовых систем и аппаратов искусственной вентиляции легких. На поддельных веб-сайтах киберзлоумышленниками осуществлялась продажа контрафактных товаров или же получение оплаты за совершение онлайн-покупок без последующей доставки. В большинстве таких случаев денежные средства направлялись на зарубежные банковские счета, что не только осложняло установление виновного лица, но и последующее возмещение финансовых потерь.

В последнее время в значительной степени возросла роль социальных сетей в распространении так называемых «фейков». Данные платформы являются наиболее простыми и доступными каналами для распространения ложных сведений; приоритет отдается не достоверности сведений, а процессу взаимного обмена информацией. Поток дезинформации[11] в сети Интернет формируется не только обычными пользователями, а специально созданными для этих целей «ботами». В 2020 г. был зафиксирован взрывной рост распространения так называемых фейков и дезинформации, касающейся профилактики и лечения COVID-19, использования неэффективных и потенциально вредоносных мер профилактики. Подобное распространение заведомо ложных сведений в виртуальном пространстве представляет огромную угрозу для общественного здравоохранения.

В целях оказания должного противодействия распространению фейков Всемирная организация здравоохранения и государственные учреждения заинтересованных стран отслеживают и разъясняют недостоверные утверждения о способах лечения и профилактики новой коронавирусной инфекции. Кроме того, дезинформация,

[8] Remote Access Trojan представляет собой вирус, используемый разработчиками вредоносных программ для получения удаленного доступа к системе пользователя, включая возможность управления его «мышью» и клавиатурой, доступ к файлам и сетевым ресурсам.

[9] Interpol. COVID-19 Cybercrime Analysis Report – August 2020. URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19 (дата обращения: 18.01.2024).

[10] Palo Alto Networks, Inc. : сайт. – California. URL: https://catching-transparent-phish.github.io/catching_transparent_phish.pdf (дата обращения: 22.01.2024).

[11] Под дезинформацией следует понимать объективно неверную или ложную информацию, которая не подкреплена соответствующими доказательствами или экспертным мнением.

распространяемая в сети Интернет, оказала негативное влияние на темпы вакцинации в мире, что привело к появлению новых более патогенных штаммов COVID-19 и взрывному росту заболеваемости и смертности, а также неподъемной нагрузке на систему здравоохранения.

Факт распространения ложной информации, связанной с COVID-19, подтвердили 27 % стран, участвовавших в Глобальном исследовании киберпреступности (Global Cybercrime Survey); 21 % стран-респондентов выразили растущую озабоченность в связи с данной негативной тенденцией[12]. В основном вредоносная информация распространялась через такие социальные сети и мессенджеры, как WhatsApp*, Facebook*, Twitter* и иные. Некоторые страны – члены Интерпола (Interpol) выразили обеспокоенность по поводу нарастающей паники в обществе и социальных беспорядков, вызванных распространением ложных сведений о новой коронавирусной инфекции.

В настоящее время киберпреступники продолжают злонамеренно использовать последствия пандемии новой коронавирусной инфекции, но и не прекращают поиск новых уязвимостей для реализации своего преступного умысла, в том числе и на политической арене. Термин «deepfake», объединяющий в себе два понятия, а именно глубокое обучение «deep learning», т. е. обучение нейросетей, и подделку «fake», появилось в обиходе современных пользователей несколько лет назад. Прежде технология создания deepfake была известна и доступна лишь экспертам в области искусственного интеллекта, однако новейшие программы и приложения в значительной степени упростили процесс создания фальшивых видео- и аудиоматериалов для обывателей.

В настоящее время deepfake[13] признается одним из самых опасных способов применения искусственного интеллекта, поскольку конечный результат поддельного видео- или аудиоматериала может нанести непоправимый ущерб репутации отдельного человека или подтолкнуть пользователя, осуществляющего просмотр данного контента, к совершению противоправных деяний. Анализируемая авторами технология способна оказывать влияние на политику, а в будущем и вовсе может превратиться в одну из главных угроз национальной безопасности. Deepfake, первоначально созданная в развлекательных целях программа, была превращена киберзлоумышленниками в идеальный инструмент практической реализации преступного умысла.

В 2019 г. жительница Калифорнии лишилась 300 000 долл., став жертвой злонамеренного использования технологии deepfake. Через сайт онлайн-знакомств она познакомилась с мужчиной, который выдавал себя за вице-адмирала Военно-морской академии США Шона Бака. Женщина несколько раз общалась с мошенником в видеочате, не подозревая, что лишь просматривает отредактированные фрагменты общедоступных видеозаписей, принадлежащих реальному вице-адмиралу. Преступник убедил свою жертву перевести ему денежные средства для того, чтобы освободить его из «плена».

Количество поддельного контента в сети Интернет продолжает неуклонно возрастать. Так, согласно отчету Deeptrace, в начале 2019 г. насчитывалось более 7964 фальшивых видеороликов, тогда как девять месяцев спустя данный показатель достиг 14 678. По оценкам экспертов, ущерб от использования deepfake в мошеннических целях в 2020 г. превысил 250 млн долл.[14]

По данным экспертного центра кибербезопасности Positive Technologies, в 2024 г. ожидается рост числа киберинцидентов на 20 %. Данная негативная тенденция обусловлена низкой раскрываемостью преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, слабыми техническими возможностями обработки поступающей информации, установления личности и обнаружения киберзлоумышленников. Кроме того, киберзлоумышленники всё чаще прибегают к использованию нейросетевых технологий, облегчающих противоправное воздействие даже на защищенные объекты.

По результатам анализа статистики компетентных органов, авторы полагают возможным выделить основные внешние факторы, оказав-

[12] *Varga G.* Global Cybercrime Report : Which Countries Are Most At Risk? URL: https://seon.io/resources/global-cybercrime-report/ (дата обращения: 19.01.2024).

[13] «Deepfake» – это фотография, видео- или аудиозапись, которые, на первый взгляд, кажутся реальными, но были созданы или обработаны при помощи искусственного интеллекта. Лежащая в основе deepfake-технология может заменять лица, манипулировать их выражением и даже синтезировать речь.

[14] Inc. Russia : сайт. – Москва. URL: https://incrussia.ru/understand/deepfake-brandmonitor/ (дата обращения: 16.01.2024).

шие влияние на темпы и особенности развития современной киберпреступности. Так, в период с 2020 г. по настоящее время таким фактором стали ограничительные меры, введенные в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, а наиболее уязвимой группой населения для посягательств со стороны киберзлоумышленников стали несовершеннолетние. Так, дети стали проводить гораздо больше времени в виртуальном пространстве, пренебрегая правилами безопасного поведения в сети Интернет и оставшись без соответствующего контроля родителей.

Кроме того, частота использования программ-вымогателей продолжает расти в геометрической прогрессии, преимущественно из-за значительно возросшей в период пандемии онлайн-активности пользователей и стремительного расширения цифровой среды. До сих пор большинство фальшивых фотоизображений и видеозаписей создавались и использовались в развлекательных целях, однако ничто не мешает киберзлоумышленникам использовать данную технологию для получения доступа к биометрической системе контроля и управления доступом за счет фальсификации основных черт лица и голоса жертвы. Помимо мошенничества и кражи денежных средств киберпреступники способны создавать фальшивые видеоролики, сюжет которых может нанести существенный вред репутации невиновных лиц, невольно ставших их участниками. Ожидается, что уже к 2025 г. ущерб от киберпреступности составит более 12 трлн долларов.

Библиографический список

Sanjeev K. Crime against children in cyber world // Journal on contemporary issues of law. 2021. Vol. 5, Issue 9. P. 28–36.

Varga G. Global Cybercrime Report : Which Countries Are Most At Risk? URL: https://seon.io/resources/global-cybercrime-report/

References

Sanjeev K. Crime against children in cyber world // Journal on contemporary issues of law. 2021. Vol. 5, Issue 9. P. 28–36.

Varga G. Global Cybercrime Report : Which Countries Are Most At Risk? URL: https://seon.io/resources/global-cybercrime-report/

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Шестак В. А., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики

E-mail: viktor_shestak@mail.ru

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Чеботарь А. С., магистр права, аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

E-mail: chebotar.a.s@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.02.2024

Для цитирования:

Шестак В. А., Чеботарь А. С. Наметившиеся тенденции в развитии киберпреступности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 197–202. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/197-202

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Shestak V. A., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics

E-mail: viktor_shestak@mail.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Chebotar A. S., Master of Law, Post-graduate Student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics

E-mail: chebotar.a.s@mail.ru

Received: 03.02.2024

For citation:

Shestak V. A., Chebotar A. S. Emerging trends in cybercrime development // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 197–202. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/197-202

УДК 343
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/203-207

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

М. Ю. Пучнина
Воронежский институт МВД России

CYBERCRIMES: CONCEPT, TYPES, COUNTERACTION MEASURES

M. Yu. Puchnina
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Аннотация: рассматриваются сущность киберпреступлений, их классификация и детерминанты распространения в современных условиях. Особое внимание уделяется социально и политически мотивированным кибератакам, а также противоправному распространению недостоверной информации (фейков) и использованию ферм аккаунтов. Проанализированы ключевые меры противодействия и способы повышения эффективности превентивной деятельности. Приводится обзор научной литературы и нормативно-правовых актов, рассматривающих киберпреступность как один из наиболее актуальных вызовов цифровой эпохи.
Ключевые слова: киберпреступность, фейки, фермы аккаунтов, информационная безопасность, социальная и политическая мотивация, противодействие.

Abstract: the nature of cybercrimes, their classification and determinants of their spread in modern conditions examines. Special attention is paid to socially and politically motivated cyberattacks, as well as to the unlawful dissemination of false information (fakes) and the use of large-scale fake user accounts (account farms). Key countermeasures and strategies for enhancing the effectiveness of prevention are analyzed. The study provides an overview of scientific literature and legal acts that view cybercrime as one of the most urgent challenges of the digital age.
Key words: cybercrime, fakes, account farms, information security, social and political motivation, countermeasures.

Современное общество активно использует возможности цифровых технологий практически во всех сферах жизни. Однако бурное развитие информационного пространства создает благоприятные условия для появления новых форм противоправной деятельности. Киберпреступления приобретают всё более масштабный и опасный характер. Особенно остро стоит проблема социально и политически мотивированных кибератак, цель которых – дестабилизация общественно-политической ситуации, манипуляция общественным мнением или вмешательство в избирательный процесс[1].

Несмотря на предпринимаемые меры противодействия, эффективность существующих правовых и технических инструментов нередко оказывается недостаточной, а быстрое развитие технологий усложняет задачу правоохранительных органов. Необходим систематический подход, позволяющий учитывать не только технические, но и социальные аспекты кибербезопасности. В рамках данного исследования ставится задача всесторонне проанализировать сущность и виды киберпреступлений, определяющих тенденции их популяризации, а также выявить перспективные направления совершенствования контрмер.

Анализ существующих исследований показывает, что проблема киберпреступлений широко освещается в работах российских и зару-

[1] См.: *Таков А. З.* Социальные и политические мотивированные формы проявления киберпреступности // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 5 С. 190–194.

© Пучнина М. Ю., 2025

бежных ученых. В частности, С. Бреннер[2] подчеркивает важность выработки международных соглашений, учитывающих специфику онлайн-пространства, и уделяет особое внимание правовым вызовам, связанным с трансграничным характером кибератак. М. Джонсон[3] рассматривает эволюцию киберпреступности, акцентируя влияние глобализации и расширения интернет-доступа на рост числа подобных правонарушений.

В российской правовой науке исследование киберпреступлений активно ведется в контексте разработки нормативных актов, а также совершенствования методов правоохранительной деятельности. Так, ряд авторов[4] классифицирует киберпреступления и дает обширный анализ правовых основ, а другие[5] подробно рассматривают специфику противодействия кибератакам, начиная от уголовно-правовых мер и заканчивая международно-правовым сотрудничеством. При этом на первый план выходит необходимость комплексного подхода: ученые сходятся во мнении, что без слаженной работы государства, коммерческих структур и общественных институтов полностью нейтрализовать угрозу киберпреступности невозможно.

В научных исследованиях и нормативно-правовой практике отсутствует единое, закрепленное на международном уровне определение «киберпреступления», однако, опираясь на положения Будапештской Конвенции Совета Европы[6] и труды ряда ученых, под киберпреступлением понимают противоправное деяние, совершаемое с использованием компьютерных систем или сетей, наносящее ущерб правам и интересам личности, общества или государства. Несмотря на то что термин «киберпреступление» используется уже продолжительное время, на сегодняшний день не существует исчерпывающего перечня действий, относящихся к данной категории. Это связано с тем, что виртуальное пространство сети Интернет постоянно претерпевает видоизменения, порождая новые формы противоправной деятельности.

Согласно УК РФ ответственность за преступления в сфере компьютерной информации наступает, если затрагиваются общественные отношения по защите информации, финансовые интересы граждан и организаций, а также иные значимые сферы. При этом Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[7] устанавливает общие принципы распространения и защиты информации, определяет правовые основы ответственности за ее незаконную обработку.

В научной литературе существует множество подходов к классификации киберпреступлений:

1. По степени социальной опасности[8]:

– преступления низкого уровня опасности (неавторизованный доступ к личным аккаунтам);

– преступления умеренного уровня опасности (мошенничество, распространение вредоносного ПО);

– преступления высокой общественной опасности (атаки на критическую инфраструктуру, политически мотивированные кибератаки).

2. По мотиву и цели[9]:

– экономически мотивированные (финансовое мошенничество, вымогательство);

– социально мотивированные (личная выгода, личная неприязнь);

– политически мотивированные (пропаганда, саботаж, подрыв институтов государственной власти).

---

[2] См.: *Brenner S.* Cybercrime and the Law : Challenges, Issues, and Outcomes. Northeastern University Press, 2012. URL: https://www.researchgate.net/ (дата обращения: 16.02.2025).

[3] См.: *Johnson M.* Cyber Crime, Security and Digital Intelligence. 2013. URL: https://www.researchgate.net/ (дата обращения: 16.02.2025).

[4] См.: *Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И.* Киберпреступления : понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1. С. 126–136 ; *Иванова Л. В.* Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 25–33.

[5] См.: *Попов Г. И.* Киберпреступления в сфере интеллектуальной собственности : новые вызовы и уголовно-правовые механизмы реагирования // Закон и право. 2024. № 5. С. 268–274 ; *Чабукиани О. А., Зорина Е. А., Солодовник В. В.* Способы противодействия киберпреступности // Социология и право. 2020. № 3. С. 84–93.

[6] См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[7] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] См.: *Brenner S.* Op. cit.

[9] См.: *Johnson M.* Op. cit.

3. По направленности воздействия[10]:

– преступления, направленные непосредственно на сети и устройства, такие как создание и распространение вирусов, использование вредоносных программ и осуществление DoS-атак;

– противоправные деяния, использующие устройства для реализации преступной деятельности, например, рассылка фишинговых писем, кибersталкинг и кража онлайн-идентичности.

Согласно Модулю, разработаному в рамках инициативы «Образование для Правосудия» (E4J), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, выделяются следующие основные виды киберпреступлений[11]:

– деяния, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем;

– деяния, предполагающие использование компьютера в целях извлечения личной или финансовой прибыли или причинения личного или финансового вреда;

– деяния, связанные с содержанием компьютерных данных.

Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 подразделяет все киберпреступления на 4 категории[12]:

1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (незаконный доступ, перехват; вмешательство в данные и в систему);

2) преступления, связанные с использованием компьютера как средства совершения преступлений, т. е. как средство манипуляции информацией (компьютерное мошенничество и подлог);

3) преступления, связанные с содержанием данных, размещенных в компьютерных сетях (детская порнография);

4) преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

В научном сообществе Будапештская Конвенция Совета Европы считается одной из наиболее строгих мер международного противодействия компьютерным преступлениям[13]. Именно по этой причине, на наш взгляд, она и не была подписана Российской Федерацией.

На основании анализа приведенных выше подходов можно предложить собственную классификацию, подчеркивающую актуальность проблемы распространения фейков и ферм аккаунтов, а также рост социально и политически мотивированных атак:

– киберпреступления, связанные с манипуляцией информацией: распространение недостоверной информации, фейковых новостей, «информационных вбросов», использование ферм аккаунтов для формирования фальшивой общественной поддержки или дискредитации конкурентов;

– киберпреступления, направленные на нарушение конфиденциальности и целостности данных: взломы, кражи персональных данных, хактивизм, кибершпионаж;

– киберпреступления против критической инфраструктуры: атаки на системы жизнеобеспечения, финансовые и государственные ресурсы, которые могут носить террористический или политический характер.

Данная классификация отражает растущую роль информационных манипуляций, применяемых в социальных сетях и мессенджерах. Особое место занимают фермы аккаунтов, позволяющие искусственно распространять фейковые сообщения и влиять на общественные настроения. Важно отметить, что борьба с киберпреступностью требует не только постоянного совершенствования правовых норм, но и внедрения современных технологий для предотвращения и расследования таких преступлений.

Важным аспектом современного понимания киберпреступности становится активное распространение социально и политически мотивированных атак. Как уже было отмечено ранее, их цель не только получение финансовой выгоды, но и воздействие на общественное сознание, дестабилизация общественных институтов, совершение актов информационного террора или пропаганды. Кибератаки на критическую инфраструктуру, взлом правительственных порта-

[10] См.: *Миронов Б. А., Милаева М. Ю.* Современный взгляд на понятие преступления в сфере компьютерной информации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 10(98). С. 248–254.

[11] Киберпреступность 2. Основные виды киберпреступности. Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей Киберпреступность / ООН, Вена. 2019. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/ Cybercrime_Module_2_General_Types_of_Cybercrime_RU.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

[12] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[13] См.: *Простосердов М. А.* Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 232 с.

лов, манипуляция результатами выборов и распространение фейков – всё это разновидности политически опасных киберпреступлений, которые требуют применения специальных мер противодействия.

В современных условиях особую актуальность приобретают такие виды киберпреступлений, как распространение ложной информации (фейков) и использование так называемых фермерских аккаунтов – больших массивов недостоверных учетных записей. Ложная информация, появляясь в интернете, моментально распространяется среди пользователей, вызывая бурную общественную реакцию. Стоит подчеркнуть, что возрастная группа аудитории здесь не играет существенной роли: пожилые люди из-за ограниченного доступа к альтернативным источникам информации, а молодежь вследствие недостаточной критической оценки воспринимают подобные сведения как достоверные. Такой подход к потреблению информации способствует формированию цепной реакции: сначала пользователи попадают под влияние панических настроений, затем начинают активно транслировать их дальше.

Взаимосвязь между распространением фейковых новостей и деятельностью ферм аккаунтов заслуживает более детального анализа. Администраторы таких ферм создают иллюзорный слой общественного мнения, выражающий заранее сформулированные взгляды, что значительно усиливает воздействие ложной информации на реальных пользователей. Этот феномен можно проиллюстрировать на примере политических новостей, сопровождающихся значительным количеством негативных комментариев. Индивид, изучая подобные мнения, зачастую подвергается их воздействию, что может привести к искаженному восприятию происходящего и даже вовлечению в противоправные действия.

Противодействие киберпреступлениям социального и политического характера требует внедрения стратегий, базирующихся на распространении позитивного контента. Принцип «клин клином» находит здесь практическое применение: позитивная информация, распространяемая при поддержке инфлюэнсеров, может эффективно контрастировать с негативным потоком и способствовать формированию конструктивных общественных настроений. Это особенно важно в контексте популяризации идей и ценностей, значимых для общества и государства.

Для минимизации рисков, связанных с киберпреступностью, необходимо реализовать следующие меры: повышение общего уровня исторической и информационной грамотности среди населения; адаптация и модернизация законодательства с учетом новых вызовов; развитие IT-индустрии и технологического сектора; привлечение блогеров и лидеров общественного мнения к профилактическим мероприятиям; увеличение объемов позитивного социального контента в интернет-пространстве. Указанные направления представляют собой комплексный подход к решению проблемы, что позволяет не только реагировать на возникающие угрозы, но и эффективно их предупреждать.

Библиографический список

Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления : понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1. С. 126–136.

Иванова Л. В. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 25–33.

Миронов Б. А., Милаева М. Ю. Современный взгляд на понятие преступления в сфере компьютерной информации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 10(98). С. 248–254.

Попов Г. И. Киберпреступления в сфере интеллектуальной собственности : новые вызовы и уголовно-правовые механизмы реагирования // Закон и право. 2024. № 5. С. 268–274.

Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 232 с.

Таков А. З. Социальные и политические мотивированные формы проявления киберпреступности // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 5 С. 190–194.

Чабукиани О. А., Зорина Е. А., Солодовник В. В. Способы противодействия киберпреступности // Социология и право. 2020. № 3. С. 84–93.

Brenner S. Cybercrime and the Law : Challenges, Issues, and Outcomes. Northeastern University Press, 2012. URL: https://www.researchgate.net/

Johnson M. Cyber Crime, Security and Digital Intelligence. 2013. URL: https://www.researchgate.net/

References

Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. Cybercrimes : concept, classification, international counteraction // Legal order and legal values. 2023. No. 1. P. 126–136.

Ivanova L. V. Types of cybercrimes under Russian criminal law // Legal research. 2019. No. 1. P. 25–33.

Mironov B. A., Milaeva M. Y. Modern view on the concept of crime in the field of computer information // The Skiff. Questions of student science. 2024. No. 10(98). P. 248–254.

Popov G. I. Cybercrimes in the field of intellectual property : new challenges and criminal law response mechanisms // Law and order. 2024. No. 5. P. 268–274.

Prostoserdov M. A. Economic crimes committed in cyberspace and measures to counter them : cand. legal sci. dis. Moscow, 2016. 232 p.

Takov A. Z. Social and politically motivated forms of manifestation of cybercrime // Gaps in Russian legislation. 2022. No. 5. P. 190–194.

Brenner S. Cybercrime and the Law : Challenges, Issues, and Outcomes. Northeastern University Press, 2012. URL: https://www.researchgate.net/

Johnson M. Cyber Crime, Security and Digital Intelligence. 2013. URL: https://www.researchgate.net/

Воронежский институт МВД России.

Пучнина М. Ю., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

E-mail: masloy100@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.02.2025

Для цитирования:

Пучнина М. Ю. Киберпреступления: понятие, виды, меры противодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 203–207. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/203-207

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Puchnina M. Yu., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology

E-mail: masloy100@mail.ru

Received: 03.02.2024

For citation:

Puchnina M. Yu. Cybercrimes: concept, types, counteraction measures // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 203–207. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/203-207

УДК 343.12
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/208-214

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО НАДЗОРУ ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ

В. Ю. Стельмах

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

CHALLENGES TO THE PROSECUTOR'S ABILITY TO OVERSEE A PRELIMINARY INVESTIGATION

V. Yu. Stelmakh

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Аннотация: в статье обобщаются некоторые проблемы осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Аргументируется, что определение прокурором подследственности по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести применяется по составам преступления, не указанным в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Систематизируются основания передачи прокурором уголовного дела из органа дознания в орган предварительного следствия. Рассматриваются вопросы разрешения прокурором споров о подследственности. Обобщается порядок соединения прокурором уголовных дел, находящихся в производстве разных органов предварительного расследования. Утверждается, что заявленный в судебном заседании отказ прокурора от поддержания ходатайства следователя (дознавателя) не обязателен для суда.
Ключевые слова: прокурорский надзор, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, подследственность, споры о подследственности, соединение уголовных дел, ходатайства следователя (дознавателя), судебный контроль.

Abstract: the article attempts to summarize some of the problems of prosecutorial supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies. It is argued that the determination by the prosecutor of the jurisdiction in cases of crimes of small and medium gravity is applied to the corpus delicti not specified in Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The grounds for transferring the criminal case from the inquiry body to the preliminary investigation body are systematized. The issues of resolving disputes about jurisdiction by the prosecutor are being considered. The procedure for the prosecutor to connect criminal cases in the proceedings of various bodies of preliminary investigation is summarized. It is argued that the refusal of the prosecutor to support the petition of the investigator (interrogator) stated at the hearing is not mandatory for the court.
Key words: prosecutorial oversight, criminal proceedings, preliminary investigation, preliminary investigation, inquiry, under investigation, disputes about jurisdiction, connection of criminal cases, petitions of the investigator (interrogator), judicial control.

Предварительное расследование осуществляется под надзором прокурора, хотя сфера его действия, набор средств прокурорского реагирования претерпели некоторую трансформацию в сравнении как с советским периодом, так и с первыми годами действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ).

Во-первых, в советское время законодательство называло прокурорский надзор за соблюдением законов «высшим». Разумеется, эта ха-

© Стельмах В. Ю., 2025

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 января 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

рактеристика полностью распространялась и на надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. В настоящее время термин «высший» применительно к прокурорскому надзору в законодательстве не используется, однако черты высшего надзора, безусловно, сохранились, в особенности в области уголовного судопроизводства. С одной стороны, прокурорский надзор сохраняет те качества, наличие которых позволяло считать его высшим: межведомственный и надведомственный характер, ряд полномочий, присущих исключительно прокурору. С другой стороны, прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, даже с наделением значительными полномочиями руководителя следственного органа, имеет более фундаментальный характер в сравнении с ведомственным контролем. Так, прокурор вправе определять подследственность уголовных дел, причем рамки этого полномочия шире, чем у руководителя следственного органа. Прокурор может направить в орган предварительного следствия требование об устранении нарушений федерального законодательства. Рядом особых полномочий, не присущих более никакому участнику предварительного расследования, обладает Генеральный прокурор Российской Федерации. В частности, только он вправе инициировать вопрос о привлечении к уголовной ответственности сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы, внося соответствующее ходатайство в палату Федерального Собрания.

Во-вторых, с 2007 г., т. е. с момента создания Следственного комитета Российской Федерации как самостоятельного государственного органа, надзорные полномочия прокурора законодательно дифференцированы по отношению к предварительному следствию и дознанию. Если за производством дознания прокурор сохранил все полномочия, осуществляя практически не только надзор, но и непосредственное руководство процессуальной деятельностью дознавателя, то компетенция прокурора по отношению к предварительному следствию несколько сужена. Однако прокурор сохранил ряд важнейших, а в некотором смысле и решающих полномочий, позволяющих ему влиять на ход и результаты следствия. Так, прокурор имеет право отменять некоторые процессуальные решения не только следователя, но и руководителя следственного органа (хотя далеко не все, как при надзоре за дознанием, а лишь те, которые прямо указаны в УПК РФ). Прокурор утверждает обвинительное заключение, при несогласии с ним вправе направить уголовное дело для производства дополнительного следствия, формулируя при этом конкретные указания об устранении допущенных недостатков. Каким-либо образом миновать утверждение прокурором обвинительного заключения невозможно.

В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации»[2] полномочия прокурора по надзору за предварительным расследованием не раскрыты, данный закон содержит отсылку к УПК РФ. Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку наличие отдельного процессуального кодифицированного закона предполагает детальное раскрытие именно в этом законе всех основных полномочий участников судопроизводства, в том числе и прокурора. В настоящее время полномочия прокурора закреплены в ст. 37 УПК РФ, а также в некоторых иных статьях уголовно-процессуального закона. Вместе с тем ряд полномочий сформулированы таким образом, что возникают вопросы о содержании соответствующих законодательных положений.

В частности, в п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ зафиксировано, что прокурор вправе поручить органу дознания производство предварительного расследования по делу о преступлении небольшой или средней тяжести, причем данная норма расположена после общего перечисления статей УК РФ, производство по делам о которых осуществляется в форме дознания (п. 1 ч. 2 ст. 150 УПК РФ). Следует учитывать, что в отличие от УПК РСФСР, с одной стороны, позволявшего возбуждение органом дознания любого уголовного дела, а с другой – допускавшего изъятие следователем также любого дела из производства дознавателя, УПК РФ строго разграничивает подследственность органов предварительного следствия и дознания, а изменение подследственности допускается только по закрепленным в законе основаниям.

Тогда возникает вопрос, на какие случаи распространяется норма УПК РФ о возможности поручения прокурором расследования дела о пре-

[2] О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

ступлении небольшой или средней тяжести в форме дознания. Можно предположить, что это касается только тех редких ситуаций, когда некоторые статьи УК РФ не отражены не только в п. 1 ч. 2 ст. 150 УПК РФ, но и в ст. 151 УПК РФ, распределяющей предметную подследственность между конкретными органами предварительного следствия и дознания. При таком толковании отмеченное полномочие прокурора имеет очень узкую сферу применения и предусмотрено, по сути, исключительно для восполнения очевидного законодательного пробела, а не для какого-либо управления предварительным расследованием.

Вероятно, возможна и иная интерпретация: прокурор вправе поручить производство по любому делу о преступлении небольшой или средней тяжести органу дознания, даже если в соответствии со ст. 151 УПК РФ данное дело должно расследоваться в форме предварительного следствия[3]. Однако подобное толкование противоречит базовым правилам определения подследственности – тому, что любые критерии подследственности (предметный, территориальный, персональный) изначально закреплены в законе, а не определяются каждый раз конкретным правоприменителем.

Таким образом, необходимо исходить из того, что рассматриваемое полномочие реализуется прокурором по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, не указанных ни в п. 1 ч. 2 ст. 150 УПК РФ, ни в ст. 151 УПК РФ. При этом возникает вопрос о том, вправе ли вообще конкретный дознаватель или следователь возбуждать такие дела, поскольку их подследственность изначально не указана в законе. Очевидно, возбуждение уголовного дела может быть произведено органом предварительного следствия или дознания, выявившим преступление, поскольку публичный характер уголовного судопроизводства обусловливает обязательность возбуждения уголовного дела при выявлении признаков преступления. Дело возбуждается без согласия прокурора, поскольку дача прокурором согласия на принятия данного процессуального решения законом не предусмотрена. Однако после возбуждения дела орган предварительного расследования обязан незамедлительно представить дело прокурору для определения последним подследственности, и не имеет права расследовать дело без соответствующего решения прокурора.

К указанной проблематике вплотную примыкает вопрос о возможности передачи уголовного дела из органа предварительного следствия дознавателю при наличии к тому объективных причин (например, при переквалификации в ходе расследования деяния на подследственное дознанию). Законодатель не дает прямого ответа на данный вопрос. В теории преобладает точка зрения, что передача уголовного дела из органа предварительного следствия в орган дознания принципиально невозможна, во-первых, по причине отсутствия конкретной нормы УПК РФ, разрешающей такое действие, и, во-вторых, в силу того, что предварительное следствие считается более фундаментальной формой расследования в сравнении с дознанием. Правоприменительная практика идет по этому же пути. Вместе с тем такой подход был оптимален в рамках конструкции, применяемой в утратившем силу УПК РСФСР. Действующий УПК РФ, в целом закрепив строгое разделение подследственности органов предварительного следствия и дознания, по сути, признал равенство этих форм расследования, по крайней мере, в рассматриваемом аспекте. Тогда получается, что следователь, оставляя в своем дальнейшем производстве дело, переставшее быть подследственным ему, тоже допускает нарушение норм УПК РФ в виде несоблюдения правил подследственности. Очевидно, следует признать, что в случаях переквалификации действий виновного лица на преступление, подследственное дознанию, необходимо допустить передачу уголовного дела для дальнейшего расследования из следственного органа в орган дознания. Решение этой проблемы должно быть на теоретическом уровне, без внесения изменения в закон, поскольку нормы УПК РФ не запрещают подобную передачу дела, препятствием являются сформировавшиеся на базе доктринальных представлений стандарты правоприменительной практики.

Разрешение споров о подследственности продолжает относиться к компетенции прокурора. Очевидно, что прокурор вправе разрешать споры о предметной или альтернативной под-

[3] См.: *Гриценко Д. В.* Актуальные проблемы определения прокурором подследственности уголовных дел // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 106 ; *Дядченко А. А., Карпов А. А.* Институт подследственности в стадии предварительного расследования // Вестник Воронеж. ин-та ФСИН России. 2022. № 3. С. 160.

следственности, поскольку эти споры происходят между различными органами предварительного расследования[4]. Необходимо учитывать, что в соответствии с ч. 3 ст. 152 УПК РФ руководитель следственного органа вправе определять место производства предварительного следствия, т. е., по сути, разрешать спор о территориальной подследственности между подчиненными следственными подразделениями[5]. Возникает вопрос, может ли прокурор разрешить спор о территориальной подследственности, минуя руководителя следственного органа либо вопреки его мнению. Очевидно, что ответ на этот вопрос является утвердительным, поскольку, как отмечалось, прокурорский надзор имеет более высокий уровень в сравнении с ведомственным контролем. Прокурор в своей надзорной деятельности руководствуется исключительно законом, и он может исправить ошибки, допущенные руководителем следственного органа.

Одним из важных полномочий прокурора является передача уголовного дела из органа дознания в орган предварительного следствия (п. 11 ч. 2 ст. 3 УПК РФ). Даже при наличии установленных законом оснований орган дознания не вправе самостоятельно направить дело в следственный орган, поэтому при выявлении соответствующих обстоятельств решение принимает именно прокурор[6]. При этом основания изменения подследственности вытекают из смысла закона.

Во-первых, это переквалификация преступного деяния, если в результате уголовное дело становится подследственным органу предварительного следствия.

Во-вторых, это истечение предельного срока дознания, если завершение расследования невозможно. По смыслу закона, дело должно быть передано для дальнейшего расследования в следственный орган, поскольку производство дознания по делу невозможно, а принятие законного и обоснованного решения, тем не менее, должно иметь место. При этом возникает вопрос об определении органа, который будет расследовать уголовное дело далее, поскольку УПК РФ относит дело к подследственности органа дознания. Этот вопрос также должен быть разрешен прокурором в пределах своих надзорных полномочий, очевидно, что с учетом отмеченных факторов предметная подследственность устанавливается им не строго по норме УПК РФ, поскольку расследование дела отнесено к компетенции дознания, а исходя из правил целесообразности расследования. Например, оптимальным представляется передача дела в следственное подразделение того же правоохранительного органа, которым до этого производилось дознание (прежде всего – в системе органов внутренних дел).

Помимо этих очевидных случаев, имеются и другие, прямо не закрепленные в УПК РФ.

Во-первых, это нарушение законодательства органом дознания, когда передача дела в следственный орган рассматривается как поручение производства более квалифицированному субъекту. Очевидно, что именно в таком контексте данное полномочие упоминается в п. 26 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»[7]. Возникает вопрос, в какой именно следственный орган допускается передача уголовного дела. Проблема в том, что обычно подразумевается передача дела в орган Следственного комитета Российской Федерации, но очевидно, что законодательство не содержит каких-либо запретов на передачу дела в следственные подразделения МВД России или ФСБ России.

Во-вторых, может возникнуть ситуация, при которой дальнейшее производство дознания крайне затруднительно, а иногда практически невозможно, поскольку эта форма расследова-

[4] См.: *Шатохина Е. Д.* О деятельности органов предварительного следствия на примерах взаимодействия ведомств Министерства внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации в аспекте перспективных направлений уголовных дел прокурору с обвинительным заключением // Современный ученый. 2022. № 6. С. 337–342.

[5] См.: *Стельмах В. Ю.* Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Рос. юрид. журнал. 2020. № 3 (132). С. 77–90.

[6] См.: *Галиахметов М. Р.* Некоторые проблемы решения вопросов о подследственности уголовных дел о преступлениях, расследуемых органами дознания // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 243–244.

[7] Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-19012022-n-11-ob-organizatsii/ (дата обращения: 31.01.2025 г.).

ния не предполагает принятия определенных процессуальных решений, а без них организация расследования не может быть реализована. В частности, подобная ситуация имеет место, когда требуется объявить розыск лица, привлекаемого к уголовной ответственности. При производстве дознания, по общему правилу, не предусмотрено привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения, а если статус подозреваемого придан только в силу задержания лица в порядке ст. 91 УПК РФ или избрания меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ, возникает проблема утраты статуса подозреваемого после истечения срока действия данных принудительных мер. В подобном случае объявление розыска крайне затруднительно, поскольку розыск производится только в отношении лица, обладающего статусом обвиняемого или подозреваемого. Весьма эффективным выходом из ситуации может стать передача уголовного дела для производства предварительного следствия, поскольку в условиях этой формы расследования допускается заочное привлечение в качестве обвиняемого, что разрешает проблему возникновения у лица требующегося процессуального статуса. Вместе с тем в силу отсутствия прямого указания в законе передача уголовного дела в этой ситуации не практикуется. Очевидно, что в подобной ситуации прокурор вправе использовать свое право по передаче дела от дознавателя в следственный орган.

Отдельное полномочие прокурора – соединение уголовных дел, расследуемых в форме дознания. Необходимо отметить, что иногда соединению должно предшествовать сосредоточение нескольких уголовных дел в одном органе дознания (если дела были возбуждены разными органами), что в ряде случаев, в свою очередь, может влечь изменение как территориальной, так и предметной подследственности дел. Соответственно, выделяются несколько различных ситуаций.

Первая ситуация – если подлежащие соединению дела изначально находятся в производстве одного органа дознания. Соединение этих дел осуществляется прокурором, надзирающим за соответствующим органом.

Вторая ситуация – когда дела расследуются различными органами дознания. В подобном случае возможно два решения. Во-первых, вышестоящий прокурор, обладающий надзорными полномочиями в отношении всех органов, расследующих дела, изымает эти дела и передает их в какой-либо орган, после чего соединение дел производит прокурор, осуществляющий надзор именно за этим органом. Во-вторых, вышестоящий прокурор вправе не только изъять, но и соединить дела, и передать в конкретный орган дознания уже соединенное уголовное дело.

Третья ситуация – если дела находятся в органах как дознания, так и предварительного следствия. В подобном случае соединенное дело подлежит дальнейшему расследованию следственным органом. Для этого прокурор, осуществляющий надзорные полномочия за всеми органами дознания и предварительного следствия, изымает дело из органов дознания и передает их в следственный орган, после чего этот орган принимает дела к своему производству, а затем руководитель следственного органа соединяет данные дела. Необходимо учитывать, что изъятие дела из органа дознания не может быть осуществлено руководителем следственного органа.

Прокурор принимает участие в судебных заседаниях по разрешению ходатайств как дознавателей, так и следователей. При этом ходатайство дознавателя перед направлением в суд должно быть согласовано с прокурором, в то время как ходатайство следователя согласовывается с руководителем следственного органа. В научной литературе весьма активно обсуждается вопрос, вправе ли суд рассматривать ходатайство следователя или дознавателя, если в судебном заседании прокурор выразит несогласие с этим ходатайством. Высказана точка зрения, согласно которой подобная ситуация является спором «внутри» стороны обвинения, что недопустимо в принципе, и позиция прокурора должна приводить к автоматическому отказу судом в удовлетворении ходатайства органа предварительного расследования[8]. Можно дополнительно сослаться на то, что отказ прокурора от поддержания обвинения в суде первой инстанции строго

[8] См.: *Буланова Н.* Прокурорский надзор за соблюдением прав участников исполнительного судопроизводства : состояние, проблемы, перспективы // Уголовное право. 2011. № 2. С. 111 ; *Халиуллин А. Г.* Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России : опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 6–7 ; *Щерба С. П., Попова А. В.* Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 25.

обязателен для суда, который должен прекратить уголовное преследование подсудимого в той части, в которой последовал отказ прокурора от обвинения.

Вместе с тем для процедуры рассмотрения судом ходатайств органа предварительного расследования в рамках судебного контроля такой подход представляется неверным.

Неуместны ссылки на то, что поскольку отказ прокурора согласовать ходатайство дознавателя влечет невозможность направления ходатайства в суд, то и несогласие прокурора непосредственно в судебном заседании должно иметь те же последствия.

Во-первых, согласование ходатайства и участие в судебном заседании – различные правовые феномены, их полное отождествление недопустимо. При согласовании ходатайства позиция прокурора касается исключительно дознавателя, а при участии прокурора в судебном заседании его решения должны становиться строго обязательными для суда, что противоречит принципу самостоятельности судебной власти.

Во-вторых, законодатель разделяет компетенцию прокурора и руководителя следственного органа соответственно для дознавателей и следователей. Согласование возбуждаемого перед судом ходатайства следователя входит в прерогативу не прокурора, а руководителя следственного органа. Поэтому нет никаких оснований уравнивать последствия несогласия прокурора на этапе предварительного изучения ходатайства дознавателя и высказывания прокурором отрицательной позиции при разрешении ходатайства следователя судом.

В-третьих, обязательность для суда отказа прокурора от поддержания обвинения в суде первой инстанции является исключением из правила, обусловленным обязанностью именно стороны обвинения поддерживать уголовное преследование. Это уникальная, беспрецедентная ситуация, не имеющая аналогов в нормативной регламентации судопроизводства. Даже оставляя за пределами анализа вопрос о крайней спорности законодательного положения об обязательности прекращения уголовного преследования судом, без уточнения позиции потерпевшего и вышестоящего прокурора, и исходя сугубо из действующих норм УПК РФ, следует признать, что правовая природа отказа прокурора от обвинения при рассмотрении дела по существу и несогласие прокурора с ходатайством органа предварительного расследования имеют различную правовую природу. В первом случае отказ происходит по результатам полного установления всех обстоятельств дела, во втором разрешается вопрос о принятии процессуального решения, и предмет судебного разбирательства изначально ограничен несколькими аспектами: а) выяснением обоснованности уголовного преследования конкретного лица, что не тождественно признанию его виновным; б) установлением необходимости производства следственного действия или фиксацией соразмерности избираемой меры процессуального принуждения.

В-четвертых, в ходе предварительного расследования именно следователь или дознаватель несут ответственность за результаты этой стадии процессе и в конечном итоге – за достижение назначения уголовного судопроизводства по делу в целом.

В-пятых, позиция прокурора, как и любого другого участника уголовного процесса, не может быть изначально обязательной для суда, который принимает все решения на базе собственной оценки, осуществляемой по результатам самостоятельного изучения судом представленных доказательств.

С учетом изложенного позиция прокурора при несогласии с заявленным следователем и дознавателем ходатайства, высказанная непосредственно в ходе судебного разрешения этого ходатайства, подлежит учету судом, но не является для него строго обязательной.

Библиографический список

Буланова Н. Прокурорский надзор за соблюдением прав участников исполнительного судопроизводства : состояние, проблемы, перспективы // Уголовное право. 2011. № 2. С. 107–113.

Галиахметов М. Р. Некоторые проблемы решения вопросов о подследственности уголовных дел о преступлениях, расследуемых органами дознания // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 243–244.

Гриценко Д. В. Актуальные проблемы определения прокурором подследственности уголовных дел // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 103–109.

Дядченко А. А., Карпов А. А. Институт подследственности в стадии предварительного расследования // Вестник Воронеж. ин-та ФСИН России. 2022. № 3. С. 158–162.

Стельмах В. Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Рос. юрид. журнал. 2020. № 3 (132). С. 77–90.

Халиуллин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России : опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 3–8.

Шатохина Е. Д. О деятельности органов предварительного следствия на примерах взаимодействия ведомств Министерства внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации в аспекте перспективных направлений уголовных дел прокурору с обвинительным заключением // Современный ученый. 2022. № 6. С. 337–342.

Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 22–26.

References

Bulanova N. Prosecutorial supervision of the observance of the rights of participants in the enforcement proceedings : status, problems, prospects // Criminal Law. 2011. No. 2. P. 107–113.

Galiakhmetov M. R. Some problems of solving questions about the jurisdiction of criminal cases of crimes investigated by the bodies of inquiry // Gaps in Russian legislation. 2009. No. 4. P. 243–244.

Gritsenko D. V. Actual problems of determining the jurisdiction of criminal cases by the prosecutor // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 4 (47). P. 103–109.

Dyadchenko A. A., Karpov A. A. Institute of pre-trial investigation at the stage of preliminary investigation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. No. 3. P. 158–162.

Stelmakh V. Y. Problems of legislative regulation of jurisdiction. Resolution of disputes on jurisdiction // Russian Law Journal. 2020. No. 3 (132). P. 77–90.

Khaliullin A. G. Legal regulation of pre-trial proceedings in criminal cases needs to be corrected for systemic errors // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2008. No. 11. P. 3–8.

Shatokhina E. D. On the activities of the preliminary investigation bodies using examples of cooperation between the departments of the Ministry of Internal Affairs and the Investigative Committee of the Russian Federation in the aspect of promising areas of criminal cases to the prosecutor with an indictment // A modern scientist. 2022. No. 6. P. 337–342.

Shcherba S. P., Popova A. V. Discretionary powers of the prosecutor when applying a preventive measure in the form of detention // Legality. 2016. No. 1. P. 22–26.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Стельмах В. Ю., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова

E-mail: vlstelmah@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.01.2025

Для цитирования:

Стельмах В. Ю. Проблемы реализации прокурором полномочий по надзору за предварительным расследованием // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 208–214. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/208-214

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Stelmakh V. Yu., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P. M. Davydov

E-mail: vlstelmah@mail.ru

Received: 31.01.2025

For citation:

Stelmakh V. Yu. Challenges to the prosecutor's ability to oversee a preliminary investigation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 208–214. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/208-214

УДК 343.122
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/215-220

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. А. Рогова
Нижегородская академия МВД России

PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE PROTECTION OF PERSONAL, PUBLIC AND STATE INTERESTS AFFECTED BY THE COMMITMENT OF A CRIME

A. A. Rogova
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: уголовно-процессуальный закон гарантирует защиту лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Вместе с тем в судебно-следственной практике немало примеров уголовных дел, где нет потерпевших (в процессуальном смысле данного понятия). Например, это преступления, где объектом уголовно-правовой охраны являются интересы государства и общества (интересы государственной службы, общественный порядок, общественная безопасность и т. д.). Согласно позиции органа конституционного контроля дополнительный (факультативный) объект преступного посягательства, которым, в частности, может быть достоинство личности (нематериальное благо), также нуждается в процессуальной защите, что не может исключать право на признание потерпевшим того, кому были причинены нравственные страдания в результате посягательства на интересы публичной власти. Автор анализирует процессуальные механизмы защиты личных, государственных и общественных интересов в уголовном процессе. Формулируются выводы, направленные на обеспечение защиты прав личности потерпевшего, интересов общества и государства, пострадавших в результате совершения преступления.
Ключевые слова: потерпевший, защита прав в уголовном процессе, частное и публичное в уголовном процессе, защита государственных и общественных интересов в уголовном процессе.

Abstract: the criminal procedure law guarantees the protection of individuals and organizations that have suffered from crimes. At the same time, there are many examples of criminal cases in judicial and investigative practice where there are no victims (in the procedural sense of this concept). For example, these are crimes where the object of criminal law protection is the interests of the state and society (interests of civil service, public order, public safety, etc.). According to the position of the constitutional control body, an additional (optional) object of a criminal offense, which, in particular, may be the dignity of an individual (intangible benefit), also needs procedural protection, which cannot exclude the right to recognize as a victim the one who suffered moral suffering as a result of an attack on the interests of public authority. The author analyzes the procedural mechanisms for the protection of personal, state and public interests in criminal proceedings. Conclusions are formulated aimed at ensuring the protection of the rights of the individual - the victim, the interests of society and the state affected by the commission of a crime.
Key words: victim, protection of rights in criminal proceedings, private and public in criminal proceedings, protection of state and public interests in criminal proceedings.

© Рогова А. А., 2025

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов **лиц и организаций, потерпевших от преступлений.** Вместе с тем в процессе расследования не всегда может быть очевидным конкретное лицо (физическое, юридическое), которому преступлением причинен вред. Некоторые проблемы, связанные с определением надлежащего потерпевшего по отдельным категориям дел уже стали объектом внимания, как со стороны научного сообщества, так и со стороны руководства Следственного департамента МВД РФ (например, кого следует признать потерпевшим при хищении заемных денежных средств с банковского счета). Однако немало примеров, когда определение потерпевшего в конкретной ситуации вызывает проблемы.

Звучит как парадокс (особенно в контексте назначения уголовного судопроизводства), но в судебно-следственной практике немало примеров уголовных дел, где нет потерпевших (в процессуальном смысле данного понятия). Причин на это может быть несколько. Например, если конструкция уголовно-правовой нормы не предполагает наступления последствий в виде причинения вреда гражданам или организациям как необходимое условие для квалификации деяния как преступления. Таких преступлений в уголовном законе немало: незаконная розничная продажа алкогольной или спиртосодержащей продукции (ст. 171.4 УК РФ), незаконное образование юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), фальсификации итогов голосования (ст. 142.1 УК РФ), незаконное приобретение, хранение, перевозка и т. д. наркотических средств (ст. 228 УК РФ) и др. Один из аргументов отсутствия потерпевшего по таким делам состоит в том, что основным объектом преступного посягательства является или **установленный порядок** осуществления экономической деятельности, осуществления правосудия, управления и т. д., или интересы **государственной** службы, **государственной** власти, службы в **органах местного самоуправления**; или **общественный** порядок, **общественная** безопасность, безопасность **Российской Федерации** и т. д., т. е. акцент уголовно-правовой охраны смещен в сторону защиты интересов общества и государства.

Интересно недавнее решение Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина А. С. Ткаченко[1]. В своей жалобе А. С. Ткаченко просил признать не соответствующими Конституции РФ положения уголовно-процессуального закона (а именно ч. 1 ст. 42 УПК РФ), которые, по его мнению, препятствуют признать его потерпевшим по делу, в случае сообщения в правоохранительные органы о предложении дачи взятки должностному лицу и участия в проведении оперативно-розыскного мероприятия, изобличающего злоумышленника в совершении должностного преступления. Как пояснил Конституционный Суд РФ, дополнительный (факультативный) объект преступного посягательства, которым, в частности, может быть достоинство личности (нематериальное благо), также нуждается в процессуальной защите, что не может исключать право на признание потерпевшим того, кому были причинены нравственные страдания в результате посягательства на интересы публичной власти (основной и непосредственный объект). Учитывая, что уголовный закон в качестве задач уголовного законодательства в первую очередь определил охрану прав и свобод **человека и гражданина** (ст. 2 УК РФ), а в соответствии с Конституцией РФ **человек**, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), стоит поддержать смелое решение Конституционного Суда РФ и исключить имеющееся в следственной практике предубеждение о том, что по уголовным делам о преступлениях без материальных последствий не может быть потерпевшего.

Еще одной причиной отсутствия потерпевшего по уголовному делу является сложность в определении конкретных лиц, которым преступлением причинен вред. Хоть и бесспорно, что в результате совершения любого преступления (вне зависимости от объекта уголовно-правовой охраны) причиняется вред общественным отношениям, охраняемым соответствующими статьями уголовного закона, потерпевшим в (процессуальном смысле) может быть только конкретное лицо (физическое, юридическое). Так, С. В. Анощенкова пишет, что в уголовном праве потерпевший появляется объективно – в

[1] По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко : постановление Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

результате совершения преступления, не зависимо от установления наличия вреда и процессуального признания потерпевшим органами предварительного расследования; в уголовном процессе потерпевший – лицо, признанное таковым[2]. В связи с этим можно заметить некоторую несогласованность уголовного и уголовно-процессуального законов. Первый прямо относит к числу своих задач защиту общественных и государственных интересов (ч. 1 ст. 2 УК РФ); УПК РФ же имеет своим назначением защиту прав потерпевших, которыми могут быть только физические лица либо юридические лица (в случае причинения вреда имуществу или деловой репутации юридического лица). На наш взгляд, законодатель в ст. 6 УПК РФ несправедливо обделил процессуальной гарантией защиты общественные и государственные интересы (публичные интересы).

По этому поводу В. Н. Шаговой считает, что необходимо расширять круг субъектов, подпадающих под определение потерпевших, в частности, к ним нужно отнести Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, так как они являются субъектами гражданско-правовых отношений (ст. 124, 125 ГК)[3].

Д. В. Левков полагает, что государство имеет «достаточно четкие очертания, которые позволяют идентифицировать его»; не сложно установить и размер вреда, причиненного ему (государству) преступлением, причем не только материального ущерба, исходя из затраченных сил и средств, потраченных на устранение (предотвращение) угрозы причинения вреда[4]. По мнению Д. В. Левкова, сказанное относится и к муниципалитетам[5].

Е. К. Газданова, анализируя дела о государственной измене, шпионаже, прямо называет государство «потерпевшим»[6].

В отсутствие прямых указаний закона на признание за государством статуса потерпевшего следственно-судебная практика по делам, где преступлением затрагиваются его имущественные интересы (действующее гражданское, уголовно-процессуальное законодательство, а также принятые в соответствии с ними разъяснения высшего судебного органа – Верховного Суда РФ не предполагают оснований и механизмов возмещения морального вреда государству: моральный вред может быть причинен только физическому лицу; юридическому лицу возмещается вред, причиненный его деловой репутации), ориентируется на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в соответствии с которыми (на основе норм гражданского законодательства), в случае если вред причинен имуществу, закрепленному за государственным или муниципальным предприятием, учреждением во владение, пользование и распоряжение, такое предприятие или учреждение признается потерпевшим[7]. Например, по делам о незаконной рубке лесных насаждений ущерб причиняется Лесному фонду Российской Федерации, земли которого, в соответствии со ст. 8 Лесного кодекса РФ, находятся в федеральной собственности. В тексте одного из изученных нами судебных решений по ст. 260 УК РФ содержится такая формулировка: «В результате преступных действий … Лесному фонду Российской Федерации *в лице Республиканского агентства лесного хозяйства* причинен ущерб…»[8]. Представители региональных Министерств лесного хозяйства (их территориальных органов), как правило, признаются представителями таких потерпевших. В одних из проанализированных нами судебных решениях данные представители потерпевшего самостоятельно заявляли исковые требования о возмещении ущерба[9], по ряду дел граж-

[2] См.: *Анощенкова С. В.* Учение о потерпевшем в российском уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук. Саранск, 2004. С. 27.

[3] См.: *Шаговой В. Н.* Потерпевший и жертва преступления в уголовном процессе : защита прав и их уголовно-процессуальные правонарушения : дис.… канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 14.

[4] См.: *Левков Д. Ю.* Потерпевший в преступлениях против правосудия : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 32.

[5] См.: Там же. С. 32

[6] См.: *Газданова Е. К.* Согласие потерпевшего в уголовном праве : понятие, характеристика, значение : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 56.

[7] О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Приговор Иволгинского районного суда (Республика Бурятия) от 14 февраля 2024 г. № 1-16/2024 1-367/2023 по делу № 1-16/2024 // Сайт судебные и нормативные акты РФ. Здесь и далее для приговоров: URL: https://sudact.ru/regular/doc/B2nVYUzsUObl/?page=3&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-law-chunkinfo (дата обращения 09.12.2024).

[9] Приговор Братского районного суда (Иркутская область) от 8 февраля 2024 г. № 1-3/2024 1-342/2022 1-42/2023 по делу № 1-3/2024.

данский иск поддерживал прокурор[10], который, опираясь на положения ч. 3 ст. 44 УПК РФ, *вправе предъявить гражданский иск* в защиту интересов Российской Федерации. На наш взгляд, в случае причинения имущественного вреда государственному (муниципальному) предприятию или учреждению, если гражданский иск не заявлен представителем потерпевшего, его **обязан** поддерживать прокурор. Соответствующее положение должно быть закреплено в тексте уголовно-процессуального закона, что обеспечит дополнительной защитой имущественные интересы государства, его регионов, а также муниципальных образований.

О процессуальных способах защиты общественных и государственных интересов в уголовном судопроизводстве высказывались авторы. Так, С. В. Анощенкова отмечает, что в результате совершения преступления причиняется вред не только физическим лицам и организациям, но и обществу, государству, однако, по ее мнению, если первые две категории вынуждены для защиты своих прав обращаться в компетентные органы, то общество (через компетентные органы) и государство (в лице компетентных органов) непосредственно осуществляют деятельность, связанную с привлечением к уголовной ответственности и восстановлением нарушенных прав[11]. В. Н. Шаговой пишет, что первичным по отношению к процессуальному понятию потерпевшего является уголовно-правовое определение, как физическое, юридическое лицо, муниципальное образование, государство, выступающие субъектами охраняемых уголовным законом отношений, которым причинен физический, материальный или иной вред в результате совершения преступления[12]. Однако автор сомневается в возможности признания потерпевшим общества в силу невозможности индивидуализировать его признаки, конкретизировать ущерб, определить того, кому этот ущерб должен быть возмещен[13], а в тех преступлениях, которые создают угрозу нарушения нормального функционирования общественных отношений (автор приводит пример с незаконным вооруженным формированием) и не затрагивают интересы конкретных субъектов, по его мнению, говорить о потерпевшем бессмысленно[14].

Конституционный Суд РФ в обоснование своей позиции (о признании потерпевшим по уголовному делу о взятке – преступлении, посягающем на интересы государственной службы) указал, что «лица, вовлекаемые в процесс дачи взятки, выступают в качестве непосредственного адресата ... и тем самым подвергаются злоупотреблению властью со стороны противоправно действующего должностного лица, а потому могут выступать потерпевшими от преступления»[15]. То есть исходя из обстоятельств совершения преступления лицо, которому преступлением причинен вред, конкретно. Но как решить вопрос о наличии права на возмещение вреда, причиненного преступлением (признанием потерпевшим) для условно определенного круга лиц? Например, при нарушении права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ) состав преступления в качестве обязательного признака предусматривает цель – оскорбление религиозных чувств **верующих**. Может ли любой верующий быть потенциальным потерпевшим по данному преступлению? Или, например, могут ли быть потерпевшими те, в отношении которых должностным лицом были совершены действия, связанные с воспрепятствованием проведению собрания, митинга, демонстрации и т. д. (ст. 149 УК РФ)? Примечательно, что оба названных преступления относятся к преступлениям, входящих в раздел 7 УК РФ (преступления против личности), родовой объект которых – интересы личности, что должно предполагать защиту этих интересов. Примечательно и то, что оба рассматриваемых преступления относятся к делам публичного обвинения (нарушаются общественные интересы, т. е. интересы многих, значит, и порядок их защиты должен быть публичным), следовательно, воля тех, чьи права нарушаются (пострадавших), для начала осуществления уголовного преследования факультативна (не требуется заявления о преступлении). При этом по делам, где воля потерпевшего для возбуждения уголовного дела име-

[10] Приговор Россошанского районного суда (Воронежская область) от 20 февраля 2024 г. № 1-2-5/2024 по делу № 1-2-5/2024.

[11] См.: *Анощенкова С. В.* Указ. соч. С. 43

[12] См.: *Шаговой В. Н.* Указ. соч. С. 13.

[13] См.: Там же. С. 31.

[14] См.: Там же. С. 41.

[15] По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 г. № 42-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет решающее значение (дела частно-публичного обвинения), при отказе государственного обвинителя от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) закон обязывает суд прекратить дело вне зависимости от воли потерпевшего. Как разъясняет высший судебный орган, суд должен заслушать мнения участников, в том числе потерпевшего, однако отказ от обвинения государственного обвинителя предопределяет принятие судом решения в соответствии с его позицией[16], каких-либо исключений для дел частно-публичного обвинения законом не предусмотрено. Таким образом, в приведенных примерах законодатель обезличил потерпевшего (в уголовно-правовом смысле) и отвел ему «факультативную» роль (в процессуальном смысле).

Вместе с тем, как пишет Т. И. Ширяева, если в уголовном праве потерпевший нужен для определения рамок уголовной ответственности, ее индивидуализации и дифференциации, то в уголовном процессе выделение потерпевшего среди других участников необходимо для наделения его правами и обязанностями[17]. Более того, как определил Конституционный Суд РФ, статус потерпевшего предполагает наличие «явно выраженного процессуального интереса, не сводимого исключительно к возмещению причиненного вреда» в случае **настаивания** о нарушении его прав и интересов и причинении ему вреда (имущественного, морального), а также на своем участии в уголовном преследовании[18]. Поэтому для признания лица потерпевшим (придания процессуального статуса потерпевшего) ключевое значение имеет наличие процессуального интереса и желания участвовать в разрешении основного вопроса уголовного дела, что, как следствие, означает потенциальную возможность наличия потерпевшего по любому уголовному делу вне зависимости от непосредственного объекта преступного посягательства. В отсутствие потерпевшего – физического (юридического) лица, а также во всех случаях, когда преступлением затрагиваются интересы публичной власти и общества (неопределенного или условно определенного круга лиц), в защиту данных интересов должен выступать прокурор (государственный обвинитель).

В заключение сформулируем основные выводы:

1. Уголовно-процессуальный закон в ст. 6 провозгласил защиту лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением уголовного судопроизводства, оставив за рамками данной нормы гарантии защиты государства и общества (их интересов) как объектов преступного посягательства, что является упущением. Интересы государства и общества, потерпевших от преступлений (в уголовно-правовом значении), должен представлять прокурор, что должно четко прослеживаться в обвинительной речи государственного обвинителя. В случае причинения имущественного вреда государственному (муниципальному) предприятию или учреждению, если гражданский иск не заявлен представителем потерпевшего, его **обязан** поддерживать прокурор.

2. Отсутствие материальных последствий от совершенного преступления по уголовному делу не исключает наличия потерпевшего. В частности, если преступлением затронуты нематериальные блага личности (например, достоинство личности – как факультативный объект преступного посягательства). Основной и непосредственный объекты преступного посягательства (например, интересы государственной службы, общественная безопасность и др.) также не влияют на наличие потерпевшего (процессуального статуса потерпевшего).

3. Предпосылками появления потерпевшего в уголовном процессе является не только наличие вреда (пассивный потерпевший), но и наличие процессуального интереса, выражающегося в желании лица участвовать в уголовном преследовании (активный потерпевший, он же субсидиарный обвинитель). По делам частно-публичного обвинения наличие активного потерпевшего – условие для законного начала уголовного преследования (за исключением обстоятельств, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Решение суда о прекращении уголовного дела по делам частно-публичного обвине-

[16] О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] См.: *Ширяева Т. И.* Юридическое лицо как потерпевший и особенности его участия в уголовном судопроизводстве : дис.… канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 43.

[18] По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 г. № 42-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния при отказе государственного обвинителя от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) и несогласии с этим потерпевшего должно быть законным, обоснованным и мотивированным и исключать предопределенности решения о прекращении дела судом.

Библиографический список

Анощенкова С. В. Учение о потерпевшем в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. 220 с.

Газданова Е. К. Согласие потерпевшего в уголовном праве : понятие, характеристика, значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 191 с.

Левков Д. Ю. Потерпевший в преступлениях против правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 225 с.

Шаговой В. Н. Потерпевший и жертва преступления в уголовном процессе : защита прав и их уголовно-процессуальные правонарушения : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 218 с.

Ширяева Т. И. Юридическое лицо как потерпевший и особенности его участия в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 227 с.

References

Anoshchenkova S. V. The doctrine of the victim in Russian criminal law : cand. legal sci. dis. Saransk, 2004. 220 p.

Gazdanova E. K. Consent of the victim in criminal law : concept, characteristics, meaning : cand. legal sci. dis. Moscow, 2011. 191 p.

Levkov D. Yu. The victim in crimes against justice : cand. legal sci. dis. Moscow, 2017. 225 p.

Shagovoy V. N. The victim and the victim of a crime in criminal proceedings : protection of rights and their criminal procedural offenses : cand. legal sci. dis. Tyumen, 2006. 218 p.

Shiryaeva T. I. Legal entity as a victim and features of its participation in criminal proceedings : cand. legal sci. dis. Volgograd, 2008. 227 p.

Нижегородская академия МВД России
Рогова А. А., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса
E-mail: tonya_kuznetsova@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.12.2024

Для цитирования:
Рогова А. А. Проблемы уголовно-процессуальной защиты личных, общественных и государственных интересов, пострадавших в результате совершения преступления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 215–220. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/215-220

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Rogova A. A., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure
E-mail: tonya_kuznetsova@mail.ru

Received: 11.12.2024

For citation:
Rogova A. A. Problems of criminal procedure protection of personal, public and state interests affected by the commitment of a crime // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 215–220. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/215-220

УДК 343.12
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/221-229

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Н. К. Панько
Воронежский государственный университет

PARTICIPATION OF A LAWYER IN THE COLLECTION OF EVIDENCEAND THE PROCESS OF PROOF IN A CRIMINAL CASE: PROVISIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR APPLICATION IN REALITY

N. K. Panko
Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема законодательного положения о собирании доказательств защитником и обозначения этой формулировки как законодательной фикции; исследуется различие понятий «адвокат» и «защитник» и вопрос участия адвоката в процессе доказывания по уголовному делу; предлагается вариант разрешения обозначенной проблемы.
Ключевые слова: адвокат, защитник, доказательства, собирание доказательств по уголовному делу, фикция.

Abstract: the problem of the legislative provision on the collection of evidence by the defense attorney and the designation of this formulation as a legislative fiction is considered; the difference between the concepts of «advocate» and «defender» and the issue of the participation of the attorney in the process of proving in a criminal case are examined; a solution to the identified problem is proposed.
Key words: lawyer, defender, evidence, collection of evidence in a criminal case, fiction.

Для того чтобы разобраться в участии адвоката в собирании доказательств (декларируемом и реальном) в частности и в процессе доказывания по уголовному делу вообще, следует детально проанализировать положения ст. 86 УПК РФ. Согласно ч. 3 этой статьи «***Защитник вправе собирать доказательства*** (зд. и далее выделено мной. – *Н. П.*) путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии». Данное положение ст. 86 УПК РФ является, по сути, **фикцией**, плодом творческого воображения законодателя и не соответствует другим статьям Уголовно-процессуального кодекса РФ. Основанием для такого вывода служит следующий анализ норм действующего УПК.

1. Понятие доказательств. В ст. 74 УПК РФ указано, что «***доказательствами*** по уголовному делу являются ***любые сведения***, на основе которых ***суд, прокурор, следователь, дознаватель*** в порядке, установленном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Согласно ч. 2 ст. 74 УПК в качестве доказательств допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания экс-

© Панько Н. К., 2025

перта; 4) заключение и показания специалиста; 5) вещественные доказательства; 6) протоколы следственных и судебных действий; 7) иные документы. Список источников доказательств по уголовному делу исчерпывающий, в нем отсутствуют «опрос лиц с их согласия защитником», «получение предметов, документов и иных сведений», «истребование справок, характеристик и пр.». Некоторые ученые и практические работники предлагают считать «доказательства», добытые защитником (например, опрос лиц с их согласия), иными документами. Но это предложение оказывается нежизнеспособным, так как только от волеизъявления должностных лиц, ведущих процесс, зависит, станет ли та или иная информация доказательством, поэтому автоматически опрос лиц с их согласия не может стать иным документом. Лица, ведущие уголовный процесс, не толкуют и не применяют расширительно ч. 2 ст. 74 УПК (и правильно делают), а изменений в действующей норме нет. Следовательно, «опрос лиц с их согласия» по действующему УПК РФ видом доказательств не является**.** Стоит обратить внимание и на то, что в круг лиц, которые взаимодействуют с любыми сведениями (ч. 1 ст. 74 УПК), преобразующимися в доказательства по уголовному делу, защитник (адвокат) не включен.

2. Субъектный состав. В ч. 1 ст. 86 УПК указано, что «собирание *доказательств* осуществляется в ходе уголовного судопроизводства ***дознавателем, следователем, прокурором и судом*** путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ». То есть должностные лица стороны обвинения и суд, как арбитр – в широком смысле незаинтересованный посредник (лат. arbiter), полномочны собирать доказательства по уголовному делу. Полномочия «предоставляются государством как самостоятельный элемент специального правового статуса должностному лицу, чтобы оно могло эффективно исполнить свою юридическую обязанность в интересах общества, государства либо частного лица»[1].

В данном случае никаких вопросов не возникает, это классический субъектный состав и их полномочий. Также не возникает сомнений в положении ч. 2 данной статьи, где зафиксировано, что «подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители ***вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств***». Здесь видна ясная позиция законодателя о субъектах, и, главное, о том, что именно они вправе собирать и представлять. И это не доказательства, а ***информация, которая может стать доказательством по уголовному делу***. К сожалению, ясная позиция законодателя этой частью статьи и заканчивается, так как нормы УПК РФ изобилуют термином «доказательства» по отношению ко многим участникам уголовного процесса (например, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ – «обвиняемый вправе представлять доказательства»; п. 2 ч. 4 ст. 44 УПК – «гражданский истец вправе представлять доказательства» и т. п.), что способствует путанице в теоретической и практической деятельности в области уголовно-процессуального права. Если бы законодатель потрудился изначально заложить тот смысл в термин «доказательство», который должен ему соответствовать, то не было бы непорядка в положениях действующего УПК РФ с логично вытекающим непорядком в правоприменительной деятельности.

Порядок следующий: а) определенный круг лиц являются субъектами *доказывания* в полном объеме этого понятия (дознаватель, следователь, прокурор, суд); б) доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих *доказыванию* (ст. 85 УПК РФ); в) определяется круг субъектов частичного, неполного доказывания, соответственно, определяется, в какой части, элементе доказывания эти субъекты правомочны.

Собирание в процессе доказывания может иметь отношение не ко всем участникам уголовного процесса и происходит не на всех стадиях (например, прокурор не собирает доказательства в прямом смысле слова; судья кассационной инстанции не собирает доказательства, его функция – проверить состоявшееся решение суда на предмет законности, и только законности). Несмотря на это есть круг лиц и алгоритм доказывания, где эти лица занимаются ***каждым из трех элементов процесса доказывания***, и только после этого ***сведения*****,** устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств,

[1] *Железняк Н. С., Тетерятников Н. Ю., Леонтьева Ю. В.* Соотношение правомочий и полномочий в теории права и оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99–105.

подлежащих доказыванию по уголовному делу, приобретают статус ***доказательств.***

Повторим, законодатель сам использует термин доказательства по отношению к участникам уголовного процесса, не имеющим никакого отношения к доказательствам в аутентичном их смысле в рамках уголовного процесса. И защитник не собирает доказательства, а наряду с другими участниками процесса (указанными в ч. 2 ст. 86 УПК) ходатайствует о приобщении к делу полученных им материалов, которые становятся доказательствами после принятия соответствующего решения должностным лицом, ведущим производство по делу. Нелепость конструкции ст. 86 УПК РФ заключается в том, что законодатель поместил защитника с термином «доказательства» рядом с лицами, указанными в ч. 1 статьи, но суть процессуального статуса защитника заключается в ч. 2 указанной статьи.

Возникает вопрос, почему использование термина «доказательства» по отношению к другим участникам уголовного процесса, условно говоря, «прощается» законодателю, а из-за конструкции ст. 86 УПК, именно ч. 3, возникают споры? Причем споры возникают и в теории, и практике уголовного процесса, активно обсуждается возможность «параллельного расследования защиты», «адвокатского расследования», не заканчиваются дискуссии на предмет глубокого изучения и понимания самой сути доказательственного права уголовного процесса.

В данном вопросе наблюдается, как минимум, три проблемы. **Первая. Между понятиями «защитник» и «адвокат» законодатель фактически стер границы.** Статья 5 УПК РФ не дает определения ни защитника, ни адвоката, но содержит понятия «прокурор», «следователь», «суд», и даже такое редкое в статьях УПК РФ понятие, как «следователь-криминалист». В ст. 49 УПК РФ сказано, что «защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». В ч. 2 ст. 49 УПК РФ сказано, что «в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката». То есть в ч. 1 дается общее положение, а из ч. 2 мы понимаем, что понятия «защитник» и «адвокат» не синонимы, это разные понятия и могут соотноситься друг с другом, как общее и частное. Но и здесь ожидает логический провал, потому что исходя из толкования нормы «защитник» – это что-то главное, ведь он «оказывает юридическую помощь», но это не так. Именно юридическую помощь, причем квалифицированную, оказывает адвокат, как лицо, в установленном законом порядке получившее статус адвоката.

Понятие «адвокат» нам дает Федеральный закон от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[2] в ст. 2: «Адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам». Статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, получившее высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или «Правоведение», либо лицо, имеющее ученую степень по юридической специальности. Лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно сдать квалификационный экзамен (тестирование и устное собеседование), иметь стаж работы по юридической специальности и после успешной сдачи экзамена в течение трех месяцев должен принести присягу адвоката (ст. 9–13 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» продолжает смешивать понятия «защитник» и «адвокат», но в п. 10 всё же раскрывает разницу категорий. «Судам необходимо иметь в виду, что предусмотренное ч. 1 ст. 50 УПК РФ право на приглашение защитника не означает право обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению и не предполагает возможность участия в деле любого лица в качестве защитника. По смыслу положений ч. 2 ст. 49 УПК РФ за-

[2] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63 (ред. от 22.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять **только адвокат**». По мнению Верховного Суда РФ, на стадиях, где действительно формируется позиция обвиняемого по уголовному делу, есть допуск исключительно профессиональному участнику со стороны защиты – адвокату. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»[3] в п. 7 указано: «…представителями потерпевшего… могут выступать не только адвокаты, но и иные лица, способные, по мнению этих участников судопроизводства, оказать им квалифицированную юридическую помощь. Полномочия таких лиц подтверждаются доверенностью, оформленной надлежащим образом, либо заявлением потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя в судебном заседании».

Полной ясности это положение не добавляет, но фиксирует то, что есть адвокаты в качестве представителей, а есть иные лица. От этой разницы, которая только на первый взгляд может выглядеть незначительной, но на самом деле она существенна, многое зависит. ***Защитник – это общее понятие***, обвиняемый может защищать себя сам, с помощью законного представителя и вообще любого лица, которое допустит суд. ***Адвокат – это профессиональный участник уголовного процесса***, полноценная сторона на правовом поле. Для того чтобы получить статус адвоката, требуются высшее юридическое образование, сдача квалификационного экзамена и пр., не меньше усилий и профессионализма, чем у других участников уголовного судопроизводства, таких как прокуроры, следователи, дознаватели.

Споры по поводу ч. 3 ст. 86 УПК РФ заключаются в том, что если исходить из понятия «защитник» – не очень понятно кто это; но если исходить из понятия «адвокат» – то понятно, что это квалифицированный представитель серьезного направления юриспруденции. И тогда уже звучание идеи «о собирании доказательств» приобретает иную смысловую нагрузку, тем более что в УПК РФ это положение зафиксировано.

Здесь следует обозначить **вторую проблему**. Она состоит в **безропотном принятии сентенций законодателя, которые лишены логики и сеют «смуту», недопонимание в рядах участников уголовного судопроизводства. Но это недопонимание имеет явный обвинительный уклон, что не соотносится с идеей построения правового государства и демократического общества**.

Всех «спорщиков» в данном вопросе условно можно разделить на две группы. Первая – это представители классической школы уголовно-процессуального права, которые смотрят вглубь вопроса и обязательно учитывают континентальную систему, романо-германскую правовую семью российского уголовного процесса. Представители данной группы считают, что «эффективное собирание доказательств почти неизбежно сопряжено с ограничением конституционных прав личности, особенно в современных условиях (обыски в жилище, контроль телефонных переговоров и электронных коммуникаций и т. п.), которое совершенно исключено в рамках "параллельного расследования", так как ограничение конституционных прав личности остается и должно оставаться прерогативой официальных (публичных) властей, если мы не хотим скатиться к анархии. Поэтому нет ни теоретических, ни практических оснований рассчитывать на то, что доказательственная активность частных лиц в плане собирания доказательств может когда-нибудь занять в современных условиях равное по значимости место с производством следственных действий лицом, ведущим производство по делу. В этом проявляется *объективная* закономерность уголовно-процессуального доказывания»[4].

Другая группа исследователей считает иначе. Начиная с явного заблуждения: «Официально защитник наделен полномочиями по сбору доказательств, это закреплено в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Направления данной деятельности определены и в п. 1–3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Хотя доказательства, представляемые адвокатом следователю (дознавателю), изначально вызывают сомнения в их достоверности и допустимости, … вместе с тем форма фиксации собирания доказательств защитником в законе не прописана. Целесообразно данный пробел ликвидировать, предусмотрев, что по результатам собирания до-

[3] О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016. С. 465.

казательств защитник составляет заключение, которое следователь (дознаватель) обязан приобщить к материалам уголовного дела … оценку таким доказательствам должен давать только суд при разрешении уголовного дела по существу»[5]. Кроме того, высказывается мысль о том, что «для придания сведениям, полученным в ходе опроса защитником статуса доказательства, они перепроверяются следователем или дознавателем в ходе производства следственного действия – допроса, и результат порой существенно отличается от первоначального, что перечеркивает смысл проведения объективного адвокатского опроса, а соответственно, и попытки участия в процессе доказывания путем собирания личных доказательств. … Анализ правового положения защитника позволил выявить, что профессиональная деятельность адвоката не имеет законодательно урегулированной процессуальной формы, т. е. обладает непроцессуальным характером и подчиняется воле властного субъекта, в чьем производстве находится дело»[6]. Встречается и крайне оптимистичная позиция, согласно которой, «“параллельное расследование адвоката” – это право, которым наделен адвокат для сбора доказательств по делу и которое не могут ограничить, если адвокат в процессе его реализации не нарушает закон. Подобный феномен может усилить состязательность сторон – каждая из сторон в процессе судебного разбирательства может ссылаться на собранные ею доказательства и выдвигать свои версии»[7]. В судебном разбирательстве каждая из сторон в любом случае ссылается на свою версию произошедшего, только, по сути, на истинную состязательность сторон это не оказывает особого влияния.

Несмотря на то, что позиция второй группы исследователей представляется очень спорной по ряду выводов и толкованию действующего УПК РФ, необходимо отметить сильные стороны представленного мнения. Следует признать, что здесь обнаруживается **третья проблема**, которая весьма влияет на эффективное и целесообразное применение норм уголовно-процессуального права. Она заключается в том, что **не все принципы, закрепленные в УПК РФ, являются основами создания и направленности уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающими достижение цели уголовного судопроизводства. Некоторые, важнейшие из них, носят декларативный характер.**

Возвращаясь к анализируемому мнению, необходимо подчеркнуть, что, во-первых, импонирует позиция требования от законодателя (как следствие, от правоприменителя) отвечать за написанное в законе. Юридическая наука и практика должны отражать суть фразы: «Littera scripta manet» (лат. «Что написано пером, того не вырубишь топором»), – и они ее отражают, но, как правило, не в пользу стороны защиты. Если представители первой группы исследователей данного вопроса примирились с тем, что положение ч. 3 ст. 86 УПК РФ является неудачным, недоработкой законодателя, и логично, владея академическими знаниями о доктринальной сути природы уголовного процесса, доказывают ошибочность этой части статьи; то вторая группа ученых не желают признавать провозглашенное равенство сторон, состязательность – всего лишь иллюзией. Их требования в данном случае абсолютно справедливы. Если внесли положение в закон, то необходимо вносить механизм реализации и гарантии правового и процессуального обеспечения.

Во-вторых, продолжая мысль о состязательности сторон, необходимо вспомнить, что действующий УПК РФ не упоминает об объективной (материальной) истине и средствах ее достижения. УПК РФ отказался от установления материальной истины, предлагая состязательность сторон и установление формальной истины по уголовному делу. Но объективность расследования уголовного дела и объективное рассмотрение его в суде должны достигаться через предоставление стороне защиты возможности собирать доказательства (в некотором роде и проверять, сопоставляя одни доказательства с другими) и опровергать доказательства стороны обвинения («золотое правило состязательности – любому профессиональному обвинению должна противостоять профессиональная защита»). Профессиональная защита не долж-

[5] *Узгорская И. А.* Актуальные вопросы участия защитника в досудебном производстве // Вестник Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 4 (74). С. 45–46.

[6] *Авдонин В. А.* Проблемы собирания и представления доказательств адвокатом-защитником на стадии предварительного расследования // Вестник Ин-та права Башкир. гос. ун-та. 2024. № 2. С. 20–28.

[7] *Ляхова А. И., Винникова Д. С.* Полномочия адвоката-защитника по участию в собирании доказательств // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 73–79.

на быть немощной, на грани вымирания в плане отсутствия реальных инструментов осуществления своей деятельности. Это и есть состязательность в чистом виде, а не тот суррогат концепции материальной истины, характерной для романо-германской системы уголовно-процессуального права, вперемешку с концепцией формальной истины англосаксонской системы, предложенной нам в качестве принципа уголовного процесса РФ – состязательности сторон и равноправия перед судом. Об этой странной совокупности понятий и полумер активно говорят процессуалисты.

3. Процессуальные решения. В соответствии со ст. 159 УПК РФ защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела. Также не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, за исключением случая, предусмотренного ч. 3 ст. 11 УПК РФ (меры безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников или близких лиц). Этим лицам не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

В ч. 3 данной статьи указано, что «в случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит постановление». Установление, имеют ли обстоятельства значение по делу, находится в руках следователя/дознавателя – они определяют, быть той или иной информации доказательством или нет. Несмотря на то что УПК РФ требует в ч. 4 ст. 7 от следователей и дознавателей выносить постановления законные, обоснованные и мотивированные, в практической деятельности формулировка должностных лиц удивляет своей незамысловатостью: «в удовлетворении ходатайства отказать, так как обстоятельства, об установлении которых ходатайствует адвокат, не имеют значение для данного уголовного дела». И всё. Без объяснений, которые в УПК РФ называются обоснованностью и мотивированностью вынесенных постановлений по уголовному делу.

Бывают, к сожалению, вопиюще отвратительные случаи, когда ходатайство адвоката удовлетворено о допросе свидетеля и приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста, а при выполнении требований ст. 217 УПК РФ адвокат обнаруживает, что в материалах уголовного дела и обвинительном заключении отсутствуют протокол допроса свидетеля и заключение специалиста. Как такое может быть в уголовном процессе, где итогом расследования и рассмотрения уголовного дела является вынесение решения (зачастую это обвинительный приговор с назначением наказания) **именем Российской Федерации?** То есть даже та малая состязательность уничтожается конкретными правоприменителями, потому что у них отсутствует законодательно закрепленная обязанность приобщать к материалам уголовного дела заявленное адвокатом и нести установленную законом ответственность за неисполнение этого. В соответствии с ч. 4 ст. 159 УПК РФ постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, может быть обжаловано в порядке главы 16 УПК РФ. В определенном смысле это замкнутый круг. Законодатель не обязывает сторону обвинения проверять версии, выдвинутые стороной защиты. Точнее, как сказано выше, не имеют права отказать в удовлетворении ходатайства (о вызове свидетелей, производстве экспертизы и т. д.), но если это, по их мнению, не имеет отношения к данному уголовному делу, то отказывают фактически без объяснения причин. Данный механизм никак не может способствовать осуществлению принципа состязательности сторон. Конечно, этот принцип более направлен в сторону судебного разбирательства. Но на досудебных стадиях формируется позиция по уголовному делу, исследуются различные версии совершенного преступления, идет интенсивная работа по доказыванию (собирание – проверка – оценка сведений по делу). Если все процессуальные права перекладывать на стадию судебного разбирательства (как оценивают принцип состязательности сторон – равноправие сторон обвинения и защиты перед **судом** – ч. 4 ст. 15 УПК), то и дальше будем наблюдать (и участвовать в ней) ригидную картину, в которой уже очень сложно (фактически невозможно) представить иные обстоятельства совершенного деяния.

Принцип состязательности оказывается, по сути, фикцией. Он провозглашен, но ученые (и практические работники), которые действитель-

но ориентируются в уголовно-процессуальном праве, понимают, что досудебные стадии не могут быть состязательны «в чистом виде» в связи со спецификой функций сторон обвинения (плюс органы оперативно-розыскной деятельности), перед которыми стоят государственные задачи – раскрытие совершенных преступлений и предотвращение готовящихся деяний. Эти задачи поистине серьезны и масштабны. Но кроме серьезных и масштабных государственных задач (макроуровень), есть конкретные люди, которые по разным причинам и обстоятельствам попадают на скамью подсудимых (микроуровень). В правовом государстве не должно быть так, что за обеспечением задач макроуровня практически полностью ликвидируется микроуровень. Слаженность совокупности малого обеспечивает реальное, должное функционирование большего. Представители «классической уголовно-процессуальной школы» с пониманием относятся к громким эскападам законодателя (состязательность сторон, собирание доказательств защитником и пр.), а представители, условно говоря, «новой уголовно-процессуальной школы» не желают понимать, почему в законе указано, а реализовать невозможно. Представители первого направления снисходительно призывают представителей второго направления внимательно ознакомиться с учением о фикциях, но вторые отказываются понимать «афинейское плетение» законодателя, так как юриспруденция – наука точная.

Решить проблему можно только одним способом – внесением изменений в законодательство. Необходимо признать адвоката профессиональным участником уголовного процесса со всеми вытекающими последствиями. Последствия – легализовать собирание доказательств с корреспондирующей обязанностью стороны обвинения приобщать эти доказательства к материалам уголовного дела и ответственностью за неисполнение этого.

4. В соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании ***лица в качестве свидетеля или специалиста***, ***явившегося*** в суд ***по инициативе сторон***. Данное положение говорит о том, что свидетель или специалист должны **уже** явиться в суд (фактически находиться у двери в зал судебных заседаний). Адвокат обращается к специалисту, тот высказывает свое мнение по профессиональному вопросу (предположим, мнение авторитетного практикующего нейрохирурга по механизму образования травмы головы в противовес заключению судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу), и он (адвокат) обеспечивает его (специалиста) явку в суд. Фактически, последний проходит установленную триаду доказательственной деятельности (в непроцессульном смысле, так как в соответствии с действующим УПК РФ он не является участником доказательственной деятельности): собирание – проверка – оценка доказательств. В связи с обеспеченной его явкой суд не может отказать в допросе этого лица. В то же время если адвокат заявит ходатайство о ***вызове данного специалиста в суд*** для дачи показаний (а этот специалист не находится пока у двери зала судебных заседаний), то у суда исходя из толкования нормы есть полное право отказать в удовлетворении данного ходатайства. Как это положение соотносится с положением ч. 3 ст. 15 УПК РФ, на основании которого «суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав»? В соответствии с ч. 7 ст. 292 УПК РФ защитник вправе по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые им формулировки решений по вопросам, указанным в п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Вопросы следующие: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; является ли это деяние преступлением и каким пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы. Защитник (подразумеваем адвокат) имеет право составить свое заключение по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора. Это положительный момент, но является малой крохой в доказательственной деятельности адвоката.

5. В теории права под фикцией понимают закрепленное в законодательстве несуществующее положение, признаваемое существующим и поэтому общеобязательным. Фиктивный характер нормативного предписания определяется не формой, а содержанием нормы права. Фиктивность, т. е. ложность этих норм, определяется наличием предположения о факте или со-

бытии, которое не доказано, а лишь предполагается, но его закрепление на нормативном уровне переводит ложность в статус общеобязательности, тем самым создавая такое средство юридической техники, как фикция.

По мнению К. К. Панько, «применение этого средства юридической техники обеспечивает стабильность правового регулирования в случаях установления невосполнимой неизвестности»[8].

В. В. Тарасенко приходит к выводу, что «в теории права бесспорным является суждение о том, что генезисом фикции является стремление тем или иным способом урегулировать общественное отношение, находящееся в ситуации невосполнимой неизвестности. Способ, с помощью которого достигается урегулированность, является фиктивным, ибо закрепляет несуществующее положение существующим в действительности. Само же стремление законодателя обусловлено материальными факторами и имеет сугубо объективный характер»[9].

Учитывая сложность и многогранность такого средства юридической техники, как фикции, следует отметить, что они могут быть как общественно полезными, так и общественно вредными. Законодатель, зная о вымышленности закрепляемых в законе положений, всё же придает им свойства юридического факта[10].

Е. И. Грузинская и М. П. Пронина сформулировали определение, согласно которому «фикция в уголовном праве – это закрепленный в УК РФ регулятор общественных отношений, находящихся в состоянии невосполнимой неизвестности, носящий сугубо императивный характер, направленный на гармонизацию уголовного законодательства и дифференциацию уголовной ответственности»[11].

В вопросе собирания доказательств адвокатом и реализацией принципа состязательности сторон нет «невосполнимой неизвестности», на наш взгляд. Всё равно оценка собранных по уголовному делу материалов осуществляется должностными лицами, принимающими решения по уголовному делу.

Исходя из изложенного (современного учения о фикциях в праве) может быть три варианта развития событий.

Первый – несуществующее положение (собирание **доказательств** защитником) признается существующим и поэтому **общеобязательным**. Тогда следует согласиться с теми процессуалистами, которые считают, что если в законе есть такое положение, то его нужно использовать, не вдаваясь в подробности законодательных положений, соответствующих (или несоответствующих) глубине уголовно-процессуальной науки, – ошибся ли законодатель в формулировке ч. 3 ст. 86 УПК РФ или допустил филологическую стилистическую оплошность на грани простой помарки. В этом случае будет продолжаться «вечный бой», причем не на уровне борьбы за качество доказательственной базы, а на уровне понятийного аппарата. Так как одни участники уголовного процесса будут считать, что они имеют право, а другие будут стоять на своем, что прав таких нет, т. е. происходит напрасная трата интеллектуального ресурса сторон.

Второй вариант – признать это положение общественно вредной фикцией, ломающей определенную правовую структуру, вносящей разногласие, недоразумение. Но этот путь тупиковый, потому что не отвечает запросу общества, требованиям времени и положению дел в следственно-судебной практике.

Третий вариант – внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство: 1) разделить понятия «защитник» и «адвокат»; 2) определить, что такое «доказательства», что такое «информация, которая может стать доказательством»; 3) признать адвоката полновесным субъектом собирания доказательств, с обязанностью дознавателя, следователя, прокурора, суда приобщать собранную информацию к материалам уголовного дела с последующей проверкой и оценкой сведений. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ внести изменения следующего содержания:

«7) любые сведения, собранные адвокатом, имеющие значение для уголовного дела, обязательны для приобщения к материалам уголовного дела для последующей проверки и оценки дознавателем, следователем, прокурором, судом.».

[8] *Панько К. К.* Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 40–41.

[9] *Тарасенко В. В.* Ложное предположение в правовом аспекте (на примере уголовного права России) // Право : современные тенденции : материалы II междунар. науч. конф. Уфа, 2014.

[10] См.: *Грузинская Е. И., Пронина М. П.* Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 320–321.

[11] *Грузинская Е. И., Пронина М. П.* Указ. соч. С. 323.

Библиографический список

Авдонин В. А. Проблемы собирания и представления доказательств адвокатом-защитником на стадии предварительного расследования // Вестник Ин-та права Башкир. гос. ун-та. 2024. № 2. С. 20–28.

Грузинская Е. И., Пронина М. П. Презумпции и фикции как средства юридической техники в уголовном законодательстве // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 320–321.

Железняк Н. С., Тетерятников Н. Ю., Леонтьева Ю. В. Соотношение правомочий и полномочий в теории права и оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 99–105.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016. 1278 с.

Ляхова А. И., Винникова Д. С. Полномочия адвоката-защитника по участию в собирании доказательств // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 73–79.

Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика) : автореф. дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 52 с.

Тарасенко В. В. Ложное предположение в правовом аспекте (на примере уголовного права России) // Право : современные тенденции : материалы II междунар. науч. конф. Уфа, 2014. С. 115–120.

Узгорская И. А. Актуальные вопросы участия защитника в досудебном производстве // Вестник Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 4 (74). С. 45–46.

References

Avdonin V. A. Problems of collecting and presenting evidence by a defense lawyer at the stage of preliminary investigation // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2024. No. 2. P. 20–28.

Gruzinskaya E. I., Pronina M. P. Presumptions and fictions as a means of legal technique in criminal legislation // Bulletin of the VSU. Series: Pravo. 2019. No. 3 (38). P. 320–321.

Zheleznyak N. S., Teteryatnikov N. Yu., Leontieva Yu. V. The correlation of powers and powers in the theory of law and operational investigative activities // Society and Law. 2020. No. 1 (71) P. 99–105.

The course of the criminal process / ed. by L. V. Golovko. Moscow : Statute, 2016. 1278 p.

Lyakhova A. I., Vinnikova D. S. The powers of a defense lawyer to participate in the collection of evidence // Challenges of our time and strategies for the development of society in a new reality : XVI International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2023. P. 73–79.

Panko K. K. Fundamentals of Legislative technique in Russian Criminal law (theory and legislative practice) : dr. legal sci. dis. abstr. Saratov, 2006. 52 p.

Tarasenko V. V. False assumption in the legal aspect (on the example of Russian criminal law) // Law : current trends : proceedings of the II International Scientific Conference. Ufa, 2014. P. 115–120.

Uzgorskaya I. A. Actual issues of the defender's participation in pre-trial proceedings // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (74). P. 45–46.

Воронежский государственный университет

Панько Н. К., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: nkpanko@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.02.2025

Для цитирования:

Панько Н. К. Участие адвоката в собирании доказательств и процессе доказывания по уголовному делу: положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и их применение в действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 221–229. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/221-229

Voronezh State University

Panko N. K., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department

E-mail: nkpanko@mail.ru

Received: 23.02.2025

For citation:

Panko N. K. Participation of a lawyer in the collection of evidence and the process of proof in a criminal case: provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and their application in reality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 221–229. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/221-229

УДК 347.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/230-237

ТАКТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФОТОСЪЕМКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Г. В. Романова
Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

TACTICAL AND ETHICAL ISSUES OF THE USE OF PHOTOGRAPHY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

G. V. Romanova
Kazan Institute (branch) The Supreme Court (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Аннотация: рассматриваются вопросы тактического и этического применения фотосъемки в уголовном судопроизводстве. Необходимость комплексного изучения всех аспектов применения криминалистической техники проявляется в том, что в последнее время усиливается противодействие процессу расследования со стороны криминальных элементов, преступники используют последние достижения в области науки и техники для облегчения совершения преступлений и скрытности своей преступной деятельности, что меняет тактику расследования преступлений. Назрела необходимость разработки новых и усовершенствования применяемых тактических и этических приемов фотосъемки в уголовном судопроизводстве, что в целом и будет способствовать технико-криминалистическому обеспечению производства следственных действий.
Ключевые слова: фотосъемка, уголовный процесс, цифровая фотография, уголовное судопроизводство, следственные действия, осмотр, опознание, этические требования, нравственные требования.

Abstract: this article discusses the issues of tactical and ethical application of photography in criminal proceedings. The need for a comprehensive study of all aspects of the use of forensic technology is manifested in the fact that recently there has been increased opposition to the investigation process from criminal elements, criminals use the latest achievements in science and technology to facilitate the commission of crimes and the secrecy of their criminal activities, which changes the tactics of crime investigation. There is a need to develop new and improve the applied tactical and ethical techniques for the use of photography in criminal proceedings, which in general will contribute to the technical and forensic support of investigative actions.
Key words: photographing, criminal proceedings, digital photography, criminal proceedings, investigative actions, inspection, identification, ethical requirements, moral requirements.

Из всех имеющихся в арсенале следователя технических средств, используемых при расследовании преступлений, фотосъемка применяется наиболее часто и успешно. Сегодня в результате развития цифровых технологий на смену «традиционной» фотографии, основанной на фотохимическом процессе, пришла цифровая фотография, использующая способы цифрового кодирования и обработки визуального воспринимаемой информации. К ее преимуществам относятся: более высокая, чем у традиционной фотографии, объективность зафиксированной информации, большая оперативность фиксации, возможность практически моментального контроля качества полученных изображений и достаточная простота процесса получения фотоснимков. Кроме того, полученные таким образом изображения можно легко и быстро редактировать (вырезать и увеличивать определенный фрагмент, повышать или уменьшать контрастность изображения целиком или отдельных его участников, и т. д.), копировать без потери ка-

© Романова Г. В., 2025

чества, передавать информацию по электронным сетям. Появились даже специализированные сленговые термины в области фотографии:

1) «фотка» – фотография;

2) «фиксированная палитра цветов» – палитра, в которой применяется 256 цветов фиксированных оттенков, описанных в специальном служебном файле;

3) «карта изображения» (от англ. image map) – графическое изображение, определенные участки которого являются активными зонами и выполняют функции гиперссылок;

4) «гамма коррекция» – алгоритм управления яркостью изображения, позволяющий добиться идентичности изображения графики на экранах компьютеров разных производителей[1].

Следует отметить, что процессуальное закрепление средств фотосъемки осуществлялось поэтапно, по мере накопления опыта использования в правоприменительной деятельности. Можно, например, отметить, что термин «фотографирование» в ранее действовавшем УПК РСФСР встречался в различном контексте лишь 6 раз, в ныне действующем УПК РФ – 26 раз.

Сейчас УПК РФ (ст. 166) содержит широкий перечень возможных приложений к протоколам следственных действий, в числе которых можно выделить вновь введенную процессуальную форму – «носители компьютерной информации».

В криминалистической литературе отмечается, что судебная фотография представляет собой способ фиксации места преступления и вещественных доказательств в первоначальном виде для дальнейшего расследования и судебного разбирательства[2]. В то же время в современной теории криминалистики наряду с традиционным, первоначальным понятием «судебная фотография» всё чаще используется более точный термин «криминалистическая фотография»[3]. На наш взгляд, это более верно, поскольку последнее определение отражает ее применение как области открытого состязательного уголовного процесса, так и закрытого – в работе оперативно-розыскного характера. Более того, область применения судебной фотографии значительно расширилась, возникло такое понятие, как цифровая фотография, результатом которой является изображение в виде массива цифровых данных – файла. Ушли в прошлое, стали историей фотопленки, негативы, трудоемкий химический процесс обработки таких материалов. Кроме названных достоинств цифровой фотографии можно также отметить меньший вес аппаратуры, а также то, что весь процесс съемки можно контролировать визуально на жидкокристаллическом дисплее (LCD), используемом в качестве видоискателя. С помощью этой же ЖК-панели и поставляемого в комплекте с профессиональными цифровыми камерами электронного пера можно снабжать фотоснимки подписями.

Фотосъемка наиболее часто применяется в ходе осмотра места происшествия. Полученные в ходе осмотра фотоснимки не только играют роль приложений к протоколу следственного действия, но и существенно его дополняют, позволяя при этом участникам уголовного процесса на последующих его этапах составить более полное и объективное представление о событии, получившем отражение в протоколе, рассмотреть детали образа, отдельные фрагменты, имеющие доказательственное значение. Так, самое подробное описание объекта, например, следа обуви, не позволяет зафиксировать с помощью фотоаппарата всех его описательных характеристик. Как справедливо отмечал П. В. Макалинский[4], как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, он никогда не может дать того наглядного представления, как фотография.

Осмотр места происшествия является важнейшим, неотложным следственным действием, требующим от следователя логики мышления, наблюдательности и даже проницательно-

---

[1] См.: IT-справочник следователя / В. Б. Вехов, В. Н. Григорьев, С. В. Зуев [и др.] ; под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 41, 42, 36, 60.

[2] См.: *Эксархопуло А. А.* Криминалистическая техника : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 134.

[3] См.: *Егоров Н. Н., Ищенко Е. П.* Криминалистическая техника : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024 ; Криминалистика : конспект лекций : учеб. пособие / В. П. Лавров, Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов. М. : Проспект, 2023 ; *Романов В. И.* Современные представления о сущности и основных направлениях деятельности криминалистической (судебной) фотографии // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений : проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Издат. центр БГУ, 2017. С. 32–33.

[4] См.: *Макалинский П. В.* Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб. : Тип. А. Бенке, 1870. Ч. 2. С. 261.

сти. От качества проведения осмотра во многих случаях зависит успех расследования, поскольку информация, полученная при осмотре места происшествия, носит доказательственный характер. В связи с этим эффективность производства осмотра места происшествия повышается при применении дополнительных средств фиксации, к которым относится фотосъемка. Фотосъемка способствует объективной фиксации места происшествия, по снимкам можно подробнее изучить элементы обстановки места происшествия, а с помощью обзорных фотоснимков точнее реконструировать обстановку места происшествия, которая существовала на момент осмотра.

Правила применения фотосъемки в ходе осмотра места происшествия содержат следующие особенности.

1. Порядок фотосъемки должен соответствовать избранной тактике осмотра и предполагаемой последовательности описания его результатов в протоколе.

Недостатком тактического характера следует считать то, что не всегда соблюдается последовательность фотографирования: ориентирующая, обзорная, узловая и детальная фотосъемки. Соблюдение обозначенной последовательности помогает аналитическому познанию зафиксированной обстановки объектов осмотра, выдвижению версий в зависимости от сложившейся ситуации. Причем обстановка объектов осмотра – совокупность взаимосвязанных предметов материального мира, находящихся в одном пространстве. Применительно к месту происшествия обстановка включает в себя совокупность материальных факторов внешней среды, в пределах которой находятся последствия произошедшего события. В ходе осмотра следователь изучает взаимное расположение и взаимосвязь предметов обстановки, их внешний вид, состояние. Несоблюдение такого правила затрудняет общее восприятие «картины преступления».

2. В ходе осмотра места происшествия фотографировать объекты осмотра следует до внесения в них изменений. Ориентирующие снимки должны давать представление о расположении места происшествия на местности. В границы кадра необходимо включать само место преступления и окружающую его территорию. В центре обзорного снимка фиксируется объект или группа объектов окружающей обстановки, представляющие интерес для изучения и выяснения характера, последовательности и других обстоятельств события. Например, по делу о краже с завода измерительных инструментов свидетель показал, что из окна цеха он видел, как гр-н К. перебросил через забор тяжелый сверток. Подозреваемый утверждал, что свидетель из окна цеха не мог видеть участка забора, через который как будто бы был переброшен сверток. Ориентирующий снимок территории завода, сделанный следователем из окна, указанного свидетелем, был предъявлен для ознакомления гр-ну К, который убедился в том, что свидетель мог видеть указанный им участок забора, и дал признательные показания[5].

Узловые и детальные снимки могут производиться как в статической, так и в динамических стадиях следственного действия, но при обязательном условии фиксации объекта в каждом случае в том виде, в каком его обнаружил следователь. Так, по делу об убийстве установить преступника долгое время не удавалось. В ходе расследования дела были получены данные, имеющие основание подозревать в убийстве гр-на Р. Позднее фотоснимки следов ботинок подозреваемого в убийстве гр-на Р. попали к опытному криминалисту, который в их конструкции нашел признаки нетипичного холодного оружия. О своем выводе он поставил в известность следователя. Необычность конструкции ботинок заключалась в том, что в носовой части подметок имелись самодельные продольные вырезы длиной 75 мм и шириной 9 мм, в которые крепились металлические рукоятки складных ножей. Клинки их свободно переводились из сложенного состояния в рабочее (боевое) и надежно удерживались в нем, при этом длина выступающей части клинков равнялась 50 мм. В сложенном же виде ножи не просматривались и не мешали передвижению. Вина гр-на Р. в убийстве была доказана, а его действия также были квалифицированы по статье Уголовного кодекса за убийство[6].

Фотографирование, как правило, должно предшествовать другим способам фиксации.

[5] См.: *Ищенко Е. П., Ищенко П. П., Зотчев В. А.* Криминалистическая фотография и видеозапись : учеб.-практ. пособие / под ред. проф. Е. П. Ищенко. М. : Юристъ, 1999. С. 65.

[6] См.: *Романов В. И.* Применение научно-технических средств при расследовании преступлений (процессуальные, тактические и этические аспекты). Казань : Центр инновац. технологий, 2001. С. 90–91.

Фотографические средства фиксации должны применяться таким образом, чтобы это не давало наводящей информации участникам следственного действия.

Так, обвиняемый К. в силу ряда обстоятельств признал себя виновным в удушении девочки. Впоследствии он был разоблачен в самооговоре. К. дал признательные показания о том, как проводилось предъявление ему для опознания веревки (орудия убийства). Он пояснил, что на опознании ему было предъявлено четыре веревки. Сначала он взял в руки веревку с номером четыре, крайнюю справа, выполненную из «льняного» материала, но следователь, стоявший позади него с фотоаппаратом, не стал делать фотоснимок. После того как обвиняемый К. взял в руки веревку под номером три, выполненную из «капрона», следователь тут же сделал фотоснимок. Такое поведение следователя убедило обвиняемого К. в том, что веревка под номером три и есть орудие преступления[7].

Приведем другой пример. Явившийся с повинной гр-н К. сообщил о совершении им тяжкого преступления. Судом он был признан виновным в убийстве, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы. По прошествии года со дня осуждения он обратился в прокуратуру с заявлением о том, что преступления не совершал, а сам себя оговорил в связи с возникшей у него необходимостью в самоизоляции. При проверке этого заявления он детально объяснил, из каких источников и в каком объеме им была получена информация об обстоятельствах совершения убийства. На вопрос следователя о том, как ему удалось опознать орудие совершения убийства, он пояснил следующее. Когда он стал приближаться к левому из четырех лежащих на столе ножей, то обратил внимание на то, что присутствующий эксперт-криминалист приготовил фотоаппарат к съемке, но фотографию не сделал. Когда он перешел к ножу, лежащему справа от него, и медленно стал опускать на него руку, то заметил, что как только его рука приблизилась к ножу, блеснула фотовспышка фотоаппарата. После этого он решительно взял в руки данный нож и подробно перечислил все действия в момент совершения преступления[8].

Во всех этих случаях тактически неумелое использование участником следственного действия фотоаппарата послужило подсказкой при опознании предмета и даче ложных показаний[9].

Выбор вида, метода и способа фотосъемки в уголовном судопроизводстве должен в полной мере соответствовать принципу полноты, всесторонности и объективности расследования преступления. Фотографирование должно обеспечивать максимально точное запечатление первоначальной обстановки совершенного преступления, а также обнаруженных следов и предметов. Игнорирование данного правила может привести к серьезным ошибкам при работе со следами и иными вещественными доказательствами. При проведении фотосъемки места происшествия необходимо знать особенности съемки различных объектов и руководствоваться следующими тактико-техническими приемами:

1. Фотосъемка трупа на месте преступления:

а) в ходе осмотра места нужно руководствоваться всеми четырьмя видами фотосъемки (ориентирующая, обзорная, узловая, детальная). Съемка должна происходить с четырех противоположных точек с охватом окружающей обстановки, как правило, под углом 45^0 по отношению к позе трупа. Не рекомендуется фотографировать труп со стороны ног, головы, поскольку такие снимки малоинформативны, дают перспективные искажения и, в целом, не дают общего представления о позе и внешнем виде трупа;

б) в следственной практике довольно часто фотографируют труп без окружающих предметов (обзорная съемка). В этом случае тактически оправдано фиксировать труп с двух противоположных точек (так называемая перекрестная съемка). Висящий труп фотографируют, по возможности, с четырех точек, а после опускания трупа отдельно делают фотоснимки головы, шеи, странгуляционной борозды, узлов на веревке или предмете, заменяющем ее. Обгоревший труп вначале фотографируют в месте его обнаружения, а перед отправкой в морг дополнительно на любом светлом фоне соблюдая метод контраста. Фотографии должны отражать точно позу трупа, фиксировать имеющиеся на нем следы. Если труп находится в неудобном месте для фотографирования, то следует вначале зафиксировать это место, затем труп после его извлечения. При осмотре частей трупа на месте взрыва

[7] См.: Криминалистика : конспект лекций : учеб. пособие / В. П. Лавров, Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов. С. 90.

[8] См.: *Романов В. И.* Применение научно-технических средств при расследовании преступлений… С. 92.

[9] См.: *Макалинский П. В.* Указ. соч. С. 87.

их фотографируют по мере обнаружения, а после того, как судмедэксперт сложит их, фотографируют повторно. Замаскированные трупы фотографируют до снятия с них предметов, которыми они были замаскированы и забросаны, а затем после снятия этих предметов также повторно фотографируют. Загрязненные трупы фотографируют до и после их очистки от грязи, с целью последующего их опознания;

в) повреждения на трупе, одежде, татуировки, иные особенности, обнаруженные на теле и одежде, подлежат обязательной фиксации методом масштабной фотосъемки.

2. Фотосъемка следов рук также имеет свои особенности. Так, при фотографировании рекомендуется:

а) сфотографировать предмет, на котором выявлены следы пальцев или ладоней методом масштабной съемки;

б) сами следы пальцев фиксируются методом крупномасштабной фотосъемки, цифровая камера позволяет снимать без удлинительных колец и без штатива, что в значительной мере упрощает процесс съемки;

в) фотосъемка бесцветных следов на прозрачных предметах производится в проходящем свете (осветитель при этом располагается за предметом со следом под углом примерно $45–60^0$), под предметом размещают черный фон;

г) следы рук на замерзших предметах фотографируют на улице либо в помещении, температура воздуха в котором не превышает 1^0С. Если следы расположены на прозрачном предмете, их фотографируют в проходящем свете, желательно в затемненном помещении. Следы на иных предметах снимают при косопадающем освещении. При отсутствии специальных осветителей для создания подобного освещения используют настольную лампу с жестким абажуром, источник света помещают с одной стороны следа на небольшой высоте и заслоняют от объектива при съемке плоским непрозрачным предметом таким образом, чтобы высвечивался рельеф фотографируемой поверхности;

д) объемные следы рук на поверхности шоколада, сливочном масле и иных аналогичных поверхностях фотографируют при косопадающем свете.

3. Фотосъемка следов обуви и босых ног.

Фотографирование поверхностных и объемных следов производится методом масштабной фотосъемки, до описания их в протоколе и изготовления копий, слепков. При съемке объемных следов масштабная линейка располагается рядом со следом и вдавливается до уровня поверхности его дна. Для выявления рельефных особенностей поверхности подошвы снимки делают при косопадающем освещении. На открытой местности такое освещение может быть создано с помощью лампы-вспышки, подключенной к блоку питания и не синхронизированного с фотоаппаратом. Лампу располагают на расстоянии примерно 70 см от центра следа, на высоте 15–20 см от поверхности.

4. Фотосъемка микрочастиц производится в том же порядке, как и съемка следов пальцев, т. е. сначала методом масштабной съемки фотографируются предметы – носители, а затем методом крупномасштабной фотосъемки – сами видимые частицы.

Несоблюдение перечисленных тактико-технических приемов фотосъемки места происшествия приводит к проблемам определения подлинности криминалистической фотографии и дальнейшего ее приобщения к материалам уголовного дела.

Проблема кроется в том, что развитие цифровых технологий сделало возможным ситуацию, когда технически вполне удовлетворительную фотографию может сделать человек, ничего о процессе фотографирования не знающий и, может быть, первый раз в жизни взявший аппарат в руки. Профессиональный уровень подготовки многих специалистов также часто выступает в качестве проблемы криминалистического фотографирования. Чтобы достичь всех установленных криминалистической фотографией целей, необходимо запечатлеть место происшествия до внесения в обстановку изменений. Данным правилом часто пренебрегают специалисты, внося в обстановку места происшествия изменения, что недопустимо.

Этические вопросы применения судебной фотографии при осмотре места происшествия весьма разнообразны. Так, в ходе этого следственного действия нередко приходится производить фотосъемку трупа потерпевшего. В литературе высказано мнение, что в целях установления давности смерти при осмотре трупа необходимо подробно фиксировать кровяные следы и состояние кожи, а также локализацию, форму и характер контуров повреждений на его теле. Всё это можно весьма качественно сделать с помощью цифровой фотографии. Но в то же время

следует заметить, что цветопередача современных цифровых камер настолько сильна, что оказывает очень сильное эмоциональное воздействие на лиц, вовлеченных в орбиту расследования. Например, индексированная палитра цветов[10] содержит 256 цветных фиксированных оттенков. В этом случае нужно умело использовать гамму – коррекцию[11], т. е. управление яростью изображения на цифровой камере, поскольку цветные снимки впоследствии могут быть использованы для опознания, демонстрироваться в суде (например, с участием присяжных заседателей). Реакция может быть неоднозначной.

Иногда обнажение трупа и последующая его фотосъемка в присутствии родственников и других близких могут быть восприняты как глумление над покойным, вызвать отрицательное отношение к процессуальным действиям следователя. Во избежание отрицательных последствий фотографирования необходимо, по возможности, воздерживаться от полного обнажения трупа в присутствии родственников и других близких лиц без крайней на то необходимости. Полное обнажение трупа для фотосъемки целесообразно проводить в морге или ином помещении без присутствия родных и близких родственников.

При производстве эксгумации трупа, которая, как правило, проводится в ночное время, ориентирующие фотоснимки не делаются. При эксгумации фотографируют общий вид могилы до разрытия, гроб в могиле, гроб, извлеченный из могилы, труп, лежащий в гробу (после снятия крышки гроба), и могилу после ее восстановления. При эксгумации труп снимается изолированно от окружающей обстановки, крупным масштабом фотографируются отдельные части, а иногда применяются правила опознавательной съемки. В процессе фотосъемки применять слишком яркое искусственное освещение из тактических и этических соображений не рекомендуется.

При фотосъемке обнаженных трупов в ходе осмотра места происшествия либо в морге следователю необходимо определить, что будет фотографироваться – общий внешний вид трупа, место его расположения, поза, отдельные части тела, ранения и т. д. При этом следует учитывать, что эти фотоснимки в дальнейшем будут использованы либо для опознания, либо в иных целях.

При опознании трупов эмоциональное состояние опознающих лиц приобретает особую значимость. Увидев обезображенное лицо опознаваемого, опознающий, старается не смотреть далее на снимок. Результат опознания может быть отрицательным. В последние годы фотоснимки неопознанных трупов по мере необходимости публикуются в периодической печати, демонстрируются по телевидению, вывешиваются для опознания на информационных стендах правоохранительных органах. От того, насколько качественно сделаны фотоснимки, зависят установление личности погибших и успех расследования в целом.

При выполнении фотографирования следует уделять большое внимание освещению снимаемых объектов. Несмотря на значительный прогресс в области цифровой фотографии (снимать можно в темноте, в плохих условиях света и т. д.), свет в фотографии по-прежнему играет большую роль. Матрица цифрового фотоаппарата чувствительна к свету. По-прежнему за счет света строится изображение будущего фотоснимка. В следственной практике довольно часто приходится фотографировать в неблагоприятных условиях света. На современных цифровых фотокамерах обычно есть несколько предусмотренных вариантов баланса света: «солнечно», «облачно», «лампа накаливания», «флуоресцентная лампа», «вспышка», «автоматический» и (довольно часто) «ручной» режимы.

В большинстве случаев автоматика современных камер работает безошибочно, но сильно усложняется, если в кадре есть несколько источников света. Такое часто бывает в условиях уличной съемки вечером и почти всегда при съемке в помещении. При этом весьма вероятны ошибки и, как следствие, нежелательное тонирование света. В данном случае необходимо использовать ручной режим работы. Можно также воспользоваться так называемыми «нетрадиционными» источниками освещения – фонариком, свечой, факелом, светом автомобильных фар и т. д.

Одним из этических требований к фотоснимкам следует считать то, что они не должны быть пугающе безобразными или отталкивающими. Фотоснимки должны нести как можно больше информации в соответствии с их целевым назначением и с учетом норм нравственности.

В следственной практике фотоснимки нередко применяются для фиксации следов зубов. Фотографирование следов зубов производится

[10] См.: IT-справочник следователя. С. 36.
[11] См.: Там же. С. 41.

в одном масштабе, в равных условиях освещения и при относительно небольшом увеличении (примерно в 2–3 раза). Полученные снимки на фототаблице к заключению эксперта помещаются рядом. Вверху или слева обычно располагают след с места происшествия, внизу или справа – экспериментальные оттиски зубов подозреваемого. Затем на них чернилами красного цвета отмечаются совпадающие признаки зубов. Причем способ сопоставления является в настоящее время основным при сравнении следов надкуса.

Как представляется, недопустимо применение фотосъемки для фиксации особых примет или телесных повреждений, находящихся в интимных частях тела человека. Этика проведения следственного действия не позволяет это делать, тем более когда методы убеждения, разъяснения исчерпаны и потерпевший активно возражает против этого. Так, были признаны унижающими честь и достоинство личности действия следователя, приложившего к протоколу освидетельствования фотографию обнаженной потерпевшей. Городской суд г. Москвы в частном определении обратил внимание на нарушение следователем норм морали, нравственности при производстве расследования по делу[12].

Соображения этического характера должны учитываться и при использовании фотосъемки в ходе опознания. Согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ следователь должен предупредить участвующих в следственном действии лиц о применении технических устройств. На практике это выглядит несколько иначе. Не предупреждают, а ставят в известность, т. е. как бы заранее заручаются согласием лиц, участвующих в ходе опознания.

Проблемы этического характера нередко возникают в процессе фотосъемки по уголовным делам об изнасилованиях. Не следует прилагать к протоколу следственного действия фотоснимки изнасилованных лиц и насильников без каких-либо пояснительных надписей. При производстве фотосъемки следует учитывать национальные обычаи, традиции населения, проживающего на территории – месте совершения преступления. Неприемлемыми с точки зрения следственной этики являются фотоснимки, на которых изображаются безнравственные позы, манеры, подробные описания действий лиц, чьи показания проверяются.

Изложенные суждения по проблеме применения такого распространенного способа фиксации, как фотосъемка, позволяют сделать общий вывод о необходимости соблюдения нравственных этических правил в уголовном судопроизводстве.

[12] См.: *Романов В. И.* Применение научно-технических средств при расследовании преступлений… С. 100–101.

Библиографический список

Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистическая техника : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024 189 с.

Ищенко Е. П., Ищенко П. П., Зотчев В. А. Криминалистическая фотография и видеозапись : учеб.-практ. пособие / под ред. проф. Е. П. Ищенко. М. : Юристъ, 1999. 435 с.

Криминалистика : конспект лекций : учеб. пособие / В. П. Лавров, Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов. М. : Проспект, 2023 256 с.

Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб. : Тип. А. Бенке, 1870. Ч. 2. 474 с.

Романов В. И. Современные представления о сущности и основных направлениях деятельности криминалистической (судебной) фотографии // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений : проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Издат. центр БГУ, 2017. С. 32–34.

Романов В. И. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений (процессуальные, тактические и этические аспекты). Казань : Центр инновац. технологий, 2001. 196 с.

Эксархопуло А. А. Криминалистическая техника : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 297 с.

IT-справочник следователя / В. Б. Вехов, В. Н. Григорьев, С. В. Зуев [и др.] ; под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. 227 с.

References

Egorov N. N., Ishchenko E. P. Criminalistical engineering : a textbook for universities. 2nd ed., reprint. and add. Moscow : Yurait, 2024. 189 p.

Ishchenko E. P., Ishchenko P. P., Zotchev V. A. Criminalistical photography and video recording : textbook and practice. manual / ed. by prof. E. P. Ishchenko. Moscow : Yuridist Publ., 1999. 435 p.

Criminalistics : lecture notes : a textbook / V. P. Lavrov, R. R. Rakhmatullin, V. I. Romanov, A. N. Shalimov. Moscow : Prospekt, 2023. 256 p.

Makalinsky P. V. Practical guide for judicial investigators who are members of the district courts. St. Petersburg : Tip. A. Benke, 1870. Part 2. 474 p.

Romanov V. I. Modern ideas about the essence and main activities of criminalistic (judicial) photography // Criminalistic support for crime investigation : problems, prospects and innovations : proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Minsk : Publishing Center of BSU, 2017. P. 32–34.

Romanov V. I. The use of scientific and technical means in the investigation of crimes (procedural, tactical and ethical aspects). Kazan : Center of Innovative Technologies, 2001. 196 p.

Exarchopulo A. A. Criminalistic technique : textbook and practice for universities. 2nd ed., reprint. and add. Moscow : Yurait, 2025. 297 p.

Investigator's IT Handbook / V. B. Vekhov, V. N. Grigoriev, S. V. Zuev [and others] ; ed. by S. V. Zuev. Moscow : Yurlitinform, 2019. 227 p.

Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Романова Г. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

E-mail: GGG341@yandex.ru

Поступила в редакцию: 16.12.2024

Для цитирования:

Романова Г. В. Тактические и этические вопросы применения фотосъемки в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 230–237. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/230-237

Kazan Institute (branch) The Supreme Court (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Romanova G. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology

E-mail: GGG341@yandex.ru

Received: 16.12.2024

For citation:

Romanova G. V. Tactical and ethical issues of the use of photography in criminal proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 230–237. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/230-237

УДК 343.13
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/238-244

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

М. Р. Глушков
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: ON THE QUESTION OF THE CONCEPT

M. R. Glushkov
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Аннотация: в статье предпринята попытка дать определение цифровизации уголовного судопроизводства. Отмечается, что, с одной стороны, термин этот интуитивно понятен и смысла множить новые сущности нет. С другой – исследование феномена цифровизации (а она, безусловно, требует тщательного исследования) должно иметь понятный предмет и четкие границы. Из представленных в литературе точек зрения предпочтительной выглядит самая популярная – согласно ей под цифровизацией следует понимать внедрение цифровых технологий. Раскрыто понятие этих технологий – они опираются на двоичный код и электронные устройства его обработки.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, оцифровка, внедрение цифровых технологий, двоичный код, электронные устройства, электроника.

Abstract: the article attempts to define the digitalization of criminal proceedings. It is noted that, on the one hand, this term is intuitive and it makes no sense to multiply new entities. On the other hand, the study of the phenomenon of digitalization (and it certainly requires careful research) should have a clear subject and clear boundaries. Of the points of view presented in the literature, the most popular one looks preferable – according to it, digitalization should be understood as the introduction of digital technologies. The concept of these technologies is revealed – they rely on binary code and electronic devices for processing it.
Key words: criminal proceedings, digitalization, digitization, introduction of digital technologies, binary code, electronic devices, electronics.

Одной из главных проблем отечественного уголовного судопроизводства (если не самой главной) является его техническая отсталость. Информационные технологии с трудом проникают в уголовный процесс[1], который оказался менее отзывчивым к модернизации по сравнению с другими видами судопроизводства[2].

Способом решения этой проблемы (и тоже едва ли не главным из всех) видится цифровизация уголовного судопроизводства. Этот термин получил в последние годы распространение практически во всех отраслях[3], в том числе в

[1] Компьютер для большинства правоприменителей остается не более чем продвинутой пишущей машинкой (см.: *Ищенко П. П.* Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica, 2019. № 12 (157). С. 70), цифровые технологии мало затронули уголовный процесс, а там, где затронули – остались на вторых ролях, в качестве приложений к протоколам (см.: *Ищенко П. П.* О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019. № 8. С. 90–91). С сожалением нужно признать, что эти замечания пятилетней давности актуальны и сейчас.

[2] См.: *Марковичева Е. В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. Т. 2, № 3. С. 86.

[3] Считается, что заложили этот тренд экономисты – в 1995 г. Николас Негропонте опубликовал статью «Being Digital» («Будучи цифровым»).

© Глушков М. Р., 2025

уголовно-правовых науках. О проблемах цифровизации на данном направлении опубликовано немало работ, но их особенностью является тот факт, что авторы, как правило, избегают определения цифровизации (вероятно, полагая его общеизвестным), хотя рассматриваемый термин никак нельзя назвать устоявшимся или общепринятым[4].

Этот подход, с одной стороны, вполне объясним и на первый взгляд даже оправдан – Non sunt entia multiplicanda praeter necessitatem (Не нужно множить сущности без необходимости)[5]. К тому же можно утверждать, что в целом и так ясно, что скрывается за рассматриваемым понятием. Как и за другими, связанными с ним, по поводу которых ведутся научные дискуссии и «ломаются копья»: цифровизация следственной деятельности, электрофикация расследования, электронное правосудие, электронное уголовное дело и т. п.

В конечном счете, не так важно, как будет называться, например, устройство по регистрации психофизиологических реакций – полиграф, детектор лжи, гидросфигмограф или программно-аппаратный диагностический комплекс. Важно – будет оно работать или нет.

Понятно, что удачная терминология очень важна, а произвольные наименования нежелательны, но в рассматриваемой сфере есть проблемы куда актуальнее названий. Прежде чем что-то именовать, надо это создать, хотя бы в проекте, а «цифровизация» (и другие смежные понятия) – это имя для явления, которого нет. Даже в проекте.

Тот же полиграф в свое время появился на свет только потому, что его создатель (кого бы мы таковым ни считали – Моссо, Ломброзо, Ларсона, Килера и т. д.) своими руками, день за днем, методом проб и ошибок, создавал свое детище, ясно понимая, какую задачу оно будет решать. Если бы вместо этого он стал ходить по научным форумам и дискутировать о терминах, преступления сейчас расследовались бы без полиграфа.

С другой стороны, цифровизация едва ли возможна без надлежащего научного обоснования, а оно, в свою очередь, требует точного предмета исследования и очерченного круга проблем.

Поэтому рассмотрим имеющиеся дефиниции цифровизации.

Первая их группа определяет ее как преобразование информации в цифровую форму[6], что, однако, представляется некорректным, поскольку для такого преобразования уже много лет используется термин «оцифровка», хорошо известный в технике (собственно превращение происходит в устройстве, которое так и называется – аналого-цифровой преобразователь (АЦП) – и входит в состав практически всех электронных приборов). Путаница, возможно, возникла из-за созвучности терминов в англоязычной литературе, где оцифровку обозначают как digitization, а цифровизацию – как digitalization[7].

Недостаток дефиниций второй группы состоит в том, что их авторы решили обойтись безо всякого упоминания (хотя бы косвенного) о цифровом коде, что в случае с *цифровизацией* выглядит довольно странно. Так, рассматриваемый термин трактуют как «использование в уголовном процессе продуктов, созданных на основе информационных технологий, с целью оптимизации взаимодействия судов и иных государственных органов между собой и с населением, расширения возможностей дистанционного проведения следственных и судебных действий, аудио-видео-протоколирования их результатов, использования в доказывании электронных носителей информации»[8]. Или как «создание и применение современных систем, технологий и инструментов в целях повышения эффективности управленческих решений и предлагаемых услуг»[9].

[4] См.: *Катрин Е. В.* «Цифровизация» : научные подходы к определению термина // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2022. Т. 28, № 5. С. 50.

[5] Небезызвестная «бритва Оккама».

[6] См.: *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество : преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47 ; *Фомичёва Т. В., Катаева В. И.* Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 81.

[7] См.: *Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С.* Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44. С. 150.

[8] *Григорьева А. Е.* Трансформация уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации // Вестник Северо-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 4. С. 16.

[9] *Герасимова Т. А., Москвитина Н. В.* Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310.

Наиболее оправданной и представительной (по крайней мере, по количеству сторонников) выглядит точка зрения о том, что цифровизация – это *внедрение цифровых технологий*. Например: «Цифровизация представляет собой повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни: промышленность, экономику, образование, культуру, обслуживание и т. п.»[10]. Или – «Цифровизация в отечественном уголовном судопроизводстве представляет собой процесс внедрения в уголовно-процессуальную деятельность цифровых технологий в виде технических устройств, приспособлений, позволяющих получать и обрабатывать информацию в цифровой форме, а также осуществлять ее хранение и передачу»[11]. В таком же ключе высказываются многие другие авторы[12]. Есть даже нормативное определение цифровизации, хоть и на региональном уровне, – это «переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую»[13].

Цифровые технологии, упоминавшиеся выше, названы так потому, что основаны на цифровой форме представления информации и алгоритмах ее обработки.

Прежде в технике имели дело с непрерывным сигналом, повторяющим какой-то природный процесс (например, показаниями электронного термометра, каждый момент времени фиксирующего температуру) и становящимся его информационным аналогом. Отсюда название этого сигнала – *аналоговый*. Теперь применяется *дискретный* сигнал – физический процесс он отображает не постоянно, а в отдельные моменты времени, пусть и близко расположенные. Как, например, тот же термометр включался бы в помещении раз в 15 минут. Температура воздуха, меняющаяся достаточно плавно, была бы при этом отражена достоверно, а информации для этого потребовалось бы значительно меньше.

Каждое число, входящее в набор дискретных данных, кодируется набором нулей и единиц – это самый помехоустойчивый код, к тому же его хорошо «понимают» технические устройства («ноль-единица», «включено-выключено», «есть-нет»). Для работы с бинарной информацией применяются операции Булевой алгебры.

Таким образом, основу цифровых технологий и цифровизации на самом деле составляет не цифра (цифры и вычисления были, есть и будут всегда), а двоичный код. Дело, однако, не только в нем – иначе пионерами цифровизации считались бы Лейбниц, который полностью описал двоичную систему счисления в 1703 г., или Буль, предложивший формат логических операций над бинарными данными в 1854 г.

Дело в том, что представление информации в двоичном коде удобно для ее машинной обработки, поэтому вычисления выполняются в *электронных устройствах*.

Термин «электронный» происходит от слова «электрон»[14], и потому исследователи нередко связывают их по смыслу. Так, толковый словарь С. И. Ожегова определяет «электронный» как «…связанный с использованием свойств электронов, основанный на их свойствах»[15]. Сходные формулировки приводят Малый академический словарь А. П. Евгеньевой[16], Большой толковый словарь А. С. Кузнецова[17], и др.

[10] *Орешко В. Е.* Условия и направления цифровизации уголовного судопроизводства // Юридическая наука. 2021. № 11. С. 97.

[11] *Mishchenko E. V., Nikuradze N. O., Marina E. A.* Criminal proceedings in the context of global digitalization of society // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2022. No. 15 (8). P. 1084.

[12] См., например: *Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Солынин Н. Э., Ходырев А. М.* Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 26 (2). С. 5 ; *Никулина Т. В., Стариченко Е. Б.* Информатизация и цифровизация образования : понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107 ; *Leimeister J. M.* Einführung in die Wirtschaftsinformatik – SpringerLink. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-540-77847-9 (дата обращения: 12.12.2024) ; *Кондратьева М. Н., Комахина А. В.* Цифровизация : исследование основных терминов // Экономика и управление. 2022. № 3 (165). С. 138.

[13] О Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и интернет-ресурсам : распоряжение Правительства Москвы от 11 октября 2010 г. № 2215-РП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Это субатомная (много меньшая атома) частица с отрицательным электрическим зарядом, равным одному элементарному электрическому заряду.

[15] Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36204 (дата обращения: 27.11.2023).

[16] См.: Малый академический словарь А. П. Евгеньевой. URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/%D1%8D/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 27.11.2023).

[17] См.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. А. С. Кузнецова. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 27.11.2023).

Данный подход, однако, видится не вполне обоснованным, если принять во внимание повсеместное присутствие электронов в окружающем мире. По этой, этимологической, логике электронными следовало бы считать все явления и объекты. Например, любой документ, в том числе бумажный, фактически является «электронным», учитывая молекулярную структуру бумаги[18].

Более точной представляется иная точка зрения, согласно которой электронным признается всё, относящееся к электронике[19]. Эта отрасль науки и техники, выделившаяся в свое время из электротехники, связана с исследованиями законов взаимодействия электронов и других носителей заряда с электромагнитными полями с целью создания электронных, ионных и полупроводниковых приборов и устройств, с помощью которых осуществляются формирование, передача, обработка и хранение *информации*[20].

Понимание электроники именно как средства работы с информацией можно считать общепринятым:

– «поиски способов использования электрических явлений для передачи информации способствовали развитию электроники»[21];

– «в основе современных информационных технологий лежат достижения электроники – области науки и техники, занимающейся исследованием и разработкой устройств, предназначенных для передачи, обработки и хранения информации»[22];

– «… электроника может быть определена как область всестороннего практического использования учения об электрических явлениях для извлечения, передачи, обработки и отображения информации»[23].

Если электрическим обычно называют оборудование, использующее силовое (реже термическое) действие электричества и работающее на проводниках, то электронным – такое, которое обрабатывает электрические *сигналы* (т.е. информацию) и строится на полупроводниковой элементной базе[24], как и вся современная компьютерная техника.

Поскольку цифровыми принято считать форму представления информации и алгоритмы ее обработки, а электронными – устройства, на которых такая обработка выполняется, постольку объяснима тесная связь понятий «цифровой» и «электронный», тесная вплоть до степени смешения. Одни авторы, например, пишут о данных, «представленных в цифровом виде», другие, в том же контексте, – о данных, «представленных в электронной форме». В качестве то цифровых, то электронных упоминаются также: информация, доказательства, устройства, документы, подпись, носители информации и мн. др.

Разумеется, «электронный» и «цифровой» не синонимы. Из сказанного выше видно, что первый из этих терминов охватывает второй, а с ним еще и понятие «аналоговый». Но, как уже отмечалось, в научном обиходе оба термина оказались взаимозаменяемыми и каких-либо недоразумений в этой связи не возникает[25].

Подводя итог, можно сказать, что **цифровизация уголовного судопроизводства** представляет собой внедрение в него цифровых технологий, использующих бинарный код и электронные устройства его обработки.

Библиографический список

Большой словарь иностранных слов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%B

[18] См.: *Зайцев П. П.* Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4. С. 40–44.

[19] См.: Большой словарь иностранных слов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 27.11.2023).

[20] См.: *Марченко А. Л.* Электроника : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2023. С. 6.

[21] *Ткаченко Ф. А.* Электронные приборы и устройства : учебник. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 6.

[22] Электроника и схемотехника : учебник / отв. ред. В. П. Довгун. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 5.

[23] *Вознесенский А. С., Шкуратник В. Л.* Электроника и измерительная техника : учеб. для вузов. М. : Горная книга, 2008. С. 6.

[24] См.: *Евдокимов А. П., Евдокимов Р. А.* Электроника : курс лекций по дисциплине «Электроника и микропроцессорная техника» для студентов, обучающихся по направлению подготовки 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника», профили: «Электроснабжение», «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем» (все формы обучения). Волгоград : Волгоградский ГАУ, 2018. С. 3 ; *Пигарев Л. А.* Электроника : учеб. пособие. СПб. : СПбГАУ. 2017. С. 6 ; *Микаева С. А., Брысин А. Н., Журавлева Ю. А.* Электроника и схемотехника : учеб. пособие. М. ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2023. С. 6.

[25] См., например: *Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В.* Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Том. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 45. С. 94.

A%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9

Большой толковый словарь русского языка / под ред. А. С. Кузнецова. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar

Вознесенский А. С., Шкуратник В. Л. Электроника и измерительная техника : учеб. для вузов. М. : Горная книга, 2008. 480 с.

Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310–315.

Григорьева А. Е. Трансформация уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации // Вестник Северо-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 4. С. 15–21.

Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Солынин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 26 (2). С. 5–12.

Евдокимов А. П., Евдокимов Р. А. Электроника : курс лекций по дисциплине «Электроника и микропроцессорная техника» для студентов, обучающихся по направлению подготовки 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника», профили: «Электроснабжение», «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем» (все формы обучения). Волгоград : Волгоградский ГАУ, 2018. 116 с.

Зайцев П. П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4. С. 40–44.

Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica, 2019. № 12 (157). С. 68–79.

Ищенко П. П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019. № 8. С. 89–99.

Катрин Е. В. «Цифровизация» : научные подходы к определению термина // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2022. Т. 28, № 5. С. 49–54.

Кондратьева М. Н., Комахина А. В. Цифровизация : исследование основных терминов // Экономика и управление. 2022. № 3 (165). С. 134–139.

Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Уголовное дело – переход от бумажного носителя в цифровой формат // Вестник Том. гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 45. С. 88–99.

Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44. С. 149–151.

Малый академический словарь А. П. Евгеньевой. URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/%D1%8D/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9

Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. Т. 2, № 3. С. 86–99.

Марченко А. Л. Электроника : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2023. 242 с.

Микаева С. А., Брысин А. Н., Журавлева Ю. А. Электроника и схемотехника : учеб. пособие. М. ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2023. 184 с.

Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования : понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.

Орешко В. Е. Условия и направления цифровизации уголовного судопроизводства // Юридическая наука. 2021. № 11. С. 96–99.

Пигарев Л. А. Электроника : учеб. пособие. СПб. : СПбГАУ. 2017. 149 с.

Ткаченко Ф. А. Электронные приборы и устройства : учебник. М. : ИНФРА-М, 2024. 682 с.

Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36204

Фомичёва Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 80–84.

Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество : преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

Электроника и схемотехника : учебник / отв. ред. В. П. Довгун. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. 580 с.

Leimeister J. M. Einführung in die Wirtschaftsinformatik – SpringerLink. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-540-77847-9

Mishchenko E. V., Nikuradze N. O., Marina E. A. Criminal proceedings in the context of global digitalization of society // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2022. No. 15 (8). P. 1082–1093.

References

The big dictionary of foreign words of the Russian language. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9

The Great Explanatory Dictionary of the Russian language / ed. by A. S. Kuznetsov. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar

Voznesensky A. S., Shkuratnik V. L. Electronics and measuring technology: a textbook for universities. Moscow : Gornaya Kniga, 2008. 480 p.

Gerasimova T. A., Moskvitina N. V. The content of the concepts of «digital economy» and «digitalization in the field of public administration» // Social reality of virtual space : proceedings of the International scientific and Practical Conference. Irkutsk : IGU Publishing House, 2019. P. 310–315.

Grigorieva A. E. Transformation of the criminal procedure form in the context of digitalization // Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov. The series: History. Political science. The Law. 2022. No. 4. P. 15–21.

Danilova L. N., Ledovskaya T. V., Solynin N. E., Khodyrev A. M. Basic approaches to understanding digitalization and digital values // Bulletin of Kostroma State University. The series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020. No. 26 (2). P. 5–12.

Evdokimov A. P., Evdokimov R. A. Electronics : a course of lectures on the discipline «Electronics and microprocessor technology» for students studying in the field of training 03/13/02 «Electric Power Enginee-ring and electrical engineering», profiles: «Power supply», «Relay protection and automation of electric power systems» (all forms of education). Volgograd : Volgograd State Agrarian University, 2018. 116 p.

Zaitsev P. P. Electronic document as a source of evidence // Legality. 2002. No. 4. P. 40–44.

Ishchenko P. P. Modern approaches to digitalization of pre-trial proceedings in criminal cases // Lex russica. 2019. No. 12 (157). P. 68–79.

Ishchenko P. P. On ways to reform and digitalize the initial stage of the preliminary investigation // Bulletin University (MGUA) named after O. E. Kutafin. 2019. No. 8. P. 89–99.

Katrin E. V. «Digitalization» : scientific approaches to the definition of the term // Bulletin of Zabaikalsky State University. 2022. Vol. 28, No. 5. P. 49–54.

Kondratieva M. N., Komakhina A. V. Digitalization : a study of basic terms // Economics and Management : scientific and practical journal. 2022. No . 3 (165). P. 134–139.

Konin V. V., Kudryavtseva A. V., Petrov A. V. Criminal case-transition from paper to digital format // Bulletin of Tomsk State University. The series: The Law. 2022. № 45. P. 88–99.

Kudryavtseva T. Yu., Kozhina K. S. Basic concepts of digitalization // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 44. P. 149–151.

Small Academic Dictionary by A. P. Evgenieva. URL: https://lexicography.online/explanatory/mas/%D1%8D/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9

Markovicheva E. V. Digital transformation of the Russian criminal justice system // Justice. 2020. Vol. 2, No. 3. P. 86–99.

Marchenko A. L. Electronics : a textbook. Moscow : INFRA-M, 2023. 242 p.

Mikayeva S. A., Brysin A. N., Zhuravleva Yu. A. Electronics and circuit engineering : textbook. Moscow ; Vologda : Infra-Engineering, 2023. 184 p.

Nikulina T. V., Starichenko E. B. Informatization and digitalization of education : concepts, technologies, management // Pedagogical education in Russia. 2018. No. 8. P. 107–113.

Oreshko V. E. Conditions and directions of digitalization of criminal proceedings // Legal science. 2021. No. 11. P. 96–99.

Pigarev L. A. Electronics : textbook. St. Petersburg : SPbGAU, 2017. 149 p.

Tkachenko F. A. Electronic devices and gadgets : textbook. Moscow : INFRA-M, 2024. 682 p.

Ozhegov's Short Dictionary online. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36204

Fomicheva T. V., Kataeva V. I. The values of Russians in the context of the digitalization of the Russian economy // The standard of living of the population of the Russian regions. 2019. No. 2. P. 80–84.

Khalin V. G., Chernova G. V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society : advantages, challenges, threats and risks // Management Consulting. 2018. No. 10. P. 46–63.

Electronics and circuit engineering : textbook / ed. by V. P. Dovgun. Krasnoyarsk : Siberian Editorial University, 2022. 580 p.

Leimeister J. M. A study in die Wirtschaftsinformatik – SpringerLink. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-540-77847-9

Mishchenko E. V., Nikuradze N. O., Marina E. A. Criminal proceedings in the context of global digitalization of society // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2022. No. 15 (8). P. 1082–1093.

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

Глушков М. Р., старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений, полковник юстиции

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Glushkov M. R., Senior Lecturer of the Department of Information Technologies and Organizations of Cybercrime Investigations, Colonel of Justice

E-mail: glushkov.mr@skspba.ru

Поступила в редакцию: 16.01.2025

Для цитирования:
Глушков М. Р. Цифровизация уголовного судопроизводства: к вопросу о понятии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 238–244. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/238-244

E-mail: glushkov.mr@skspba.ru

Received: 16.01.2025

For citation:
Glushkov M. R. Digitalization of criminal proceedings: on the question of the concept // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 238–244. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/238-244

УДК 343.221.51
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/245-253

ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Л. Е. Панаева
Адвокатская палата Республики Татарстан

INTRODUCTION OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES AS A PERSPECTIVE DIRECTION IN THE EVOLUTION OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

L. E. Panaeva
Bar Association of the Republic of Tatarstan

Аннотация: статья посвящена вопросу введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации с позиции приоритета развития данного направления в российской правовой системе. В исследовании ставится под сомнение приверженность принципу личной виновной ответственности исходя из анализа происходящих изменений на геополитической арене, непосредственно влияющих на современную правовую действительность, а также в условиях динамичного роста деятельности юридических лиц и расширения их влияния. В обоснование позиции автором приведены позитивные изменения, перспектива наступления которых связана с внедрением института уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, в частности отражено потенциальное влияние рассматриваемого института на уровень сотрудничества с экономическими развитыми странами, выполнение международных обязательств, правовое регулирование искусственного интеллекта, роботизированных технологий, на организацию международного инвестиционного сотрудничества, предупреждение совершения правонарушений на локальном уровне компании, обеспечение защиты интересов отечественных компаний за рубежом. В заключение выражена позиция о необходимости криминализации противоправной деятельности юридических лиц.
Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, субъект преступления, личная виновная ответственность, перспективы развития уголовного закона.

Abstract: the article is devoted to the issue of introducing criminal liability of legal entities in the Russian Federation from the position of the priority of the development of this direction in the Russian legal system. The study questions the adherence to the principle of personal culpable responsibility, based on the analysis of the ongoing changes in the geopolitical arena, directly affecting the modern legal reality, as well as in the conditions of dynamic growth of the activities of legal entities and the expansion of their influence. In support of the position, the author provides positive changes, the perspective of which is associated with the introduction of the institute of criminal liability of legal entities in the Russian Federation, in particular, reflected the potential impact of the institution on the level of cooperation with economically developed countries, the implementation of international obligations, the legal regulation of artificial intelligence, robotic technologies, the organization of international investment cooperation, prevention of offenses at the local level. In conclusion the position on necessity of criminalization of illegal activity of legal entities is expressed.
Key words: criminal liability of legal entities, subject of crime, personal culpability, perspectives of criminal law development.

© Панаева Л. Е., 2025

В настоящее время в условиях ориентира государства, направленного на поддержание потенциала роста российской экономики, включающего расширение масштабов хозяйственной деятельности предприятий, введение института уголовной ответственности юридических лиц следует рассматривать в качестве приоритетного направления в развитии российского уголовного законодательства. Однако действующий уголовный закон признает в качестве субъекта преступления исключительно физическое лицо (ст. 19 Уголовного кодекса РФ[1] – далее УК РФ). Между тем ориентация на соблюдение исключительно принципа личной виновной ответственности в отношении корпоративной преступности не должна преобладать над иными, не менее значимыми принципами (например, принципом юридического равенства – ст. 19 Конституции РФ[2]). Учитывая, что юридическое лицо по своей природе является объединением людей, соответственно, и последствия его деятельности – это результат не одного человека.

Существует и иной вариант, как альтернатива институту уголовной ответственности юридических лиц, – расширение контрольно-надзорного аппарата с целью проведения профилактических проверок в компаниях на предмет соблюдения законодательства или, на что указывают противники[3] уголовной ответственности юридических лиц, усовершенствование существующего механизма регулирования, что, как правило, выражается во введении новых запретов/ограничений, ужесточении санкций.

Однако увеличение государственного потенциала потребует существенных финансовых вложений, что в конечном итоге выразится в дополнительном налоговом бремени для налогоплательщиков, преимущественное большинство которых являются законопослушными гражданами. Но в любом случае корпоративный сектор настолько сильно перерос государственные структуры, что даже при расширении аппарата государство не сможет эффективно контролировать нарушения законодательства в бизнесе без помощи частного сектора. Помимо этого, увеличение давления (от многочисленных проверок) со стороны ведомственных структур окажет негативное влияние на развитие предпринимательства. И при этом предполагаемые результаты могут не совпасть с фактическими последствиями. В свою очередь, размеры штрафных санкций в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ[4]) достигли уровня уголовно-наказуемых, а в некоторых составах административных правонарушений превысили уголовные (ч. 4 ст. 8.32 КоАП РФ, ч. 1 ст. 219 УК РФ[5]). Поэтому последующее продолжение политики, основанной на ужесточении ответственности в рамках КоАП РФ, с традиционным обоснованием соблюдения принципа вины, вряд ли можно назвать законной.

Не оспаривается, что юридическое лицо нельзя заключить в тюрьму или подвергнуть моральному осуждению (воздействию), указанное свойственно исключительно человеку, поэтому подобные виды наказаний и применимы только к физическому лицу. Соответственно, в чем суть поиска обоснования[5] моральной упречности юридических лиц, не обладающих способностью чувствовать телесную или психическую боль. Представляется, что акцент на данном доводе позволяет противостоять реформе, направленной на усиление ответственности юридических лиц, что, свою очередь, не разрешает существующие проблемы, а лишь отдаляет их разрешение.

Переосмысление отношения к правовой природе субъекта преступления следует проводить с учетом происходящих изменений, непосред-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: http://pravo.gov.ru

[3] См.: *Шеслер А. В.* Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всерос. криминологический журнал. 2017. № 2. С. 367.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] По мнению Е. В. Богданова, юридическое лицо не является человеком, поэтому невозможно говорить о мотивах, вине и пр. Следовательно, принципы, применимые к физическому лицу, невозможно будет использовать в отношении юридического лица. Однако А. В. Наумов придерживается другой точки зрения и считает, что «ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его» (*Наумов А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1–2 (74–75). С. 109).

ственно влияющих на современную правовую действительность, когда в условиях динамичного роста деятельности юридических лиц и расширения их влияния на различные сферы жизни общества, существующие механизмы правового регулирования не способны обеспечить эффективность воздействия и своевременную реакцию на негативные последствия общественно опасной противоправной деятельности организации.

В связи с этим при рассмотрении вопроса о криминализации противоправной деятельности юридических лиц следует исходить из следующих обстоятельств[6].

Переход на новый уровень сотрудничества с экономическими развитыми странами

В настоящее время развитие отечественной системы права подвержено существенному политическому влиянию, включая события, происходящие на международной арене. На данном этапе развития уголовного права, с учетом геополитической обстановки, существующие меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, что в своей совокупности приводит к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей.

Опыт зарубежных стран убеждает в том, что введение корпоративной уголовной ответственности является верным решением, особенно в области противодействия коррупции, экологической преступности, финансирования терроризма, организованной преступности, мошенничества[7].

Ранее институт уголовной ответственности юридических лиц был характерен для стран англо-саксонской системы права, на данном этапе правового развития – действует в странах различных правовых семей, таких как: США, Англия, Израиль, Германия, Франция, Китайская Народная Республика, Молдавия, Грузия и т. д.[8].

Так, на постсоветском пространстве уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена в Азербайджане, Латвии, Литве, Молдове, Украине и Эстонии. В настоящее время вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц прорабатывается в Казахстане, Узбекистане. В Казахстане уже разработан и проходит обсуждение соответствующий законопроект[9]. Российский законодатель не должен игнорировать и нивелировать тенденцию расширения ответственности корпораций, активно распространяющейся в зарубежном законодательстве и повсеместно признаваемой на международном уровне.

Поскольку в социальной и экономической жизни корпорации также играют всё более важную роль, помимо опасного характера преступлений в международном масштабе, ситуация усугубляется распространением транснациональной организованной преступности, ростом организованных преступлений (в сфере экономической деятельности, взяточничество, киберпреступность), совершаемых с участием экономических образований, объединенных понятием «корпоративная преступность».

А между тем соглашения о взаимопомощи между странами преимущественно действуют в рамках уголовного производства, соответственно, инструменты оказания правовой помощи в рамках международного взаимодействия будут более эффективны с введением института уголовной ответственности юридических лиц[10].

Выполнение международных обязательств

В настоящее время данный довод, неоднократно заявленный в научных работах[11] последователями введения института уголовной ответственности юридических лиц, имеет слабую силу аргументации, принимая во внимание выход Российской Федерации из ряда международ-

[6] См.: *Панаева Л. Е.* Институт уголовной ответственности юридических лиц : целесообразность введения на уровне российского уголовного закона // Правопорядок : история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 86–90.

[7] См.: *Демин С. Г.* О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России // Общество и право. 2014. № 2 (48) ; *Сулейманова С. Т.* Уголовное право Канады : основные институты общей части, их особенности и эволюция : автореф. дис.… канд. юрид. наук. М., 2013.

[8] См.: *Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2013. С. 11.

9 См.: *Федоров А. В.* О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации : политико-правовой анализ // Ученые записки С.-Петерб. им. В. Б. Бобкова филиала Рос. таможенной академии. 2014. № 2 (50).

[10] См.: *Федоров А. В.* О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации…

[11] См.: *Федоров А. В.* О выполнении положений международных договоров об установлении уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2015. № 3. С. 17–22.

ных соглашений[12]. В надежде скорейшего урегулирования ситуации на международной арене, восстановления и усиления взаимодействия и сотрудничества между государствами данный фактор не стоит исключать.

Кроме того, признание организаций субъектами преступлений (в понимании УК РФ) за рубежом ставит в неравное положение отечественный бизнес, в отношении которого могут быть применены уголовные санкции по законодательству иностранных государств. В свою очередь, национальный уголовный закон ограничен лишь административными санкциями в отношении юридических лиц[13].

Правовое регулирование искусственного интеллекта, роботизированных технологий

Интенсивное развитие цифровых технологий поставило перед правом новые задачи в части поиска оптимальных регуляторов новых сегментов экономической активности. Среди исследователей этой области выражено мнение, что субъектом юридической ответственности в сфере развития технологий искусственного интеллекта может быть достаточно широкий круг лиц. Прежде всего это лица, осуществлявшие программное обеспечение «умного» автономного робота, а также лица, непосредственно создавшие эту систему, включая пользователей искусственного интеллекта, использующих автономные интеллектуальные системы в той или иной сфере[14]. Машина должна была рассматриваться исключительно как инструмент лица, обладающего или управляющего ей[15].

Также преобладало мнение о введении подхода коллективной ответственности изготовителя, оператора, собственника и пользователя. Статьей 28 Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте предусмотрено, что, если иное не следует из положений применимого законодательства и конкретных обстоятельств, ответственность за выполнение правил функционирования роботов возложена на создателей роботов, а также на любое иное лицо, которое может своими действиями повлиять на их выполнение[16].

Однако постоянная работа над усовершенствованием технологий достигла таких результатов, что робот в плане своей автономности, обладания искусственным интеллектом способен не просто выполнять действия, заложенные изготовителем, но и учиться на собственном опыте и принимать квазинезависимые решения[17]. Указанное затрудняет возложение ответственности в случае совершения общественно опасного противоправного деяния на конкретное физическое лицо, действия которого были автономными, основанными на алгоритме искусственного интеллекта.

Приверженность принципу виновной ответственности не позволит обеспечить должную защиту конституционно значимых ценностей человека, общества, государства. А между тем, как показывает практика применения искусственного интеллекта в сфере транспорта, здравоохранения и других жизненно важных областях, его автономная, находящаяся вне полного контроля человека деятельность действительно может создавать повышенную вероятность причинения вреда и серьезную опасность для людей[18]. О чем свидетельствуют факты общественной жизни зарубежных государств, где развитие и практика применения технологий

---

[12] Официальное сообщение МИД России «О прекращении действия Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 37. Ст. 6808 ; О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федер. закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Рос. газета. 2023. № 45.

[13] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Рос. газета. 2001. № 256.

[14] См.: Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : ИЗиСП : НОРМА, 2022.

[15] См.: *Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И.* Гордиев узел противоречий : технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9.

[16] См.: Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. 240 с.

[17] При этом вред, причиненный автономным роботом, по нашему мнению, может обладать свойством общественной опасности, т. е. создавать угрозу причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. См.: *Бегишев И. Р.* Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой : дис. … д-ра. юрид. наук. Казань, 2022. С. 293.

[18] См.: *Апостолова Н. Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказ. юрид. вестник. 2021. № 1.

искусственного интеллекта приобрели широкие масштабы[19].

Соответственно, промедление с введением института уголовной ответственности юридических лиц существенно затруднит решение проблемы, связанной с определением юридической ответственности за вредные действия автономных технологий на базе искусственного интеллекта[20].

Позитивное влияние на организацию международного инвестиционного сотрудничества

Одной из стратегических целей является создание и совершенствование в России привлекательного инвестиционного климата, что включает в себя благоприятный налоговый режим, развитое законодательство, добросовестную конкурентную среду, эффективную судебную систему, и пр.[21].

Установление стабильных и эффективных правил об ответственности юридических лиц, в том числе хозяйствующих субъектов, и предсказуемость нормативного регулирования и правоприменения выступит существенным фактором, способным повлиять на показатели уровня инвестиций в нашу страну.

Введение уголовной ответственности юридических лиц расширило бы возможности сотрудничества правоохранительных органов по экстерриториальному уголовному преследованию иностранных юридических лиц, включая осуществление оперативно-розыскных мероприятий, а также реализации уголовно-правовых, уголовно-процессуальных мер в отношении юридических лиц[22].

Существует достаточное количество уголовных дел, по которым обвиняемые (или подсудимые) существуют юридически, но фактически находятся за пределами страны, экстрадиция которых по политическим мотивам не осуществляется[23].

Усиление мер по предупреждению совершения правонарушений на локальном уровне компании[24]

Введение уголовной ответственности юридических лиц способствует формированию более ответственного отношения к правовым предписаниям, основанного на осознании важности их безусловного исполнения. Подобный подход позволит повысить уровень законности в действии компаний и их сотрудников и, как следствие, обеспечит дополнительной силой государство, направленной на сокращение и предупреждение уголовных правонарушений. Например, в США комплаенс-программа активно применяется в корпорациях и при соблюдении определенных условий выступает в качестве обстоятельства, смягчающего наказание для корпорации. В Великобритании внедрение и эффективное применение комплаенса также влияют на положение компании в уголовном процессе, что выступает существенной мотивацией создания работающей системы внутреннего контроля. Так, принятие Закона о взяточничестве (Bribery Act 2010)[25] уже оказало существенное влияние на корпоративную культуру, поскольку побудило старших руководителей крупных корпораций к внедрению эффективных процедур по борьбе

[19] В 2016 г. с автопилотируемыми автомобилями компании Tesla произошли две аварии со смертельным исходом: одна в США и другая в Китае. В обоих случаях компании удалось избежать ответственности. См.: *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право : журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4 ; Чат-бот Элиза спровоцировал на самоубийство эколога в Бельгии. URL: https://rg.ru/2023/04/04/nochnoj-koshmar-ilona-maska.html (дата обращения: 01.12.2023).

[20] См., например: *Евдокимов К. Н.* Противодействие компьютерной преступности : теория, законодательство, практика : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 360–361.

[21] См.: *Лугуева А. С., Гарунова А. В., Абидов М. Г.* Инвестиционный климат в России и мире : состояние, проблемы, возможные решения // РППЭ. 2018. № 11 (97).

[22] См.: *Розовская Т. И.* Эволюция института уголовно-правового воздействия на юридических лиц // Lex Russica. 2016. № 4 (113).

[23] См.: *Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л., Князькова М. Г.* К вопросу об уголовной ответственности юридического лица : российский и зарубежный опыт // Северо-Кавказ. юрид. вестник. 2019. № 4.

[24] Угроза уголовно-правовых санкций мотивирует компании более ответственно подходить к обеспечению безопасности, инвестиционной стратегии, будет способствовать принятию ими действенных мер контроля за членами органов управления, а также наемными работниками. Таким образом, этот правовой институт повысит превентивную роль уголовного закона в сфере предупреждения преступности. Проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.03.2015). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/750443-6

[25] Закон Великобритании о взяточничестве (The UK Bribery Act 2010). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/section/9.

со взяточничеством[26]. Например, в рамках антикоррупционного комплаенса Великобритании, несмотря на то что его внедрение не является обязательным требованием, наличие адекватных процедур по предотвращению коррупции позволяет защитить организацию от ответственности, в случае если ассоциированное лицо совершит коррупционное преступление[27].

На данный момент на уровне Федерального закона «О противодействии коррупции» (ст. 13.3) предусмотрена обязанность организации разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции[28]. На основе данного закона Генеральной прокуратурой РФ разработана «Памятка для предпринимателей о противодействии коррупции»[29], в том числе разъясняющая обязанности хозяйствующих субъектов проводить антикоррупционную политику, а также предусматривающая примерный перечень мер по предупреждению коррупции.

Меры по предупреждению коррупции могут включать:

– определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений;

– сотрудничество организации с правоохранительными органами;

– разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации;

– принятие Кодекса этики и служебного поведения работников организации;

– предотвращение и урегулирование конфликта интересов;

– недопущение составления недостоверной отчетности и использования поддельных документов.

Однако, как отмечает Г. А. Есаков, отечественная практика публично-правового комплаенса представляет собой самозатухающий бизнес-расход компании, не стимулируемый государством в виде создания надлежащих материально-правовых и процессуально-правовых механизмов поддержки. Анализ законодательства и судебной практики показывает, что программы комплаенса не оказывают сколь-либо серьезного влияния при реальном совершении преступлений или административных правонарушений вопреки работающим системам комплаенса. Это особенно проблематично в случае с административной ответственностью юридических лиц, где даже разумные меры по комплаенсу не рассматриваются судами как оправдывающие обстоятельства[30].

Естественно, что если юридическое лицо не будет иметь каких-либо льгот и гарантий, а как результат получать полное судебное преследование фирмы, то и заинтересованность в выявлении и раскрытии преступлений своих сотрудников будет нивелирована формально принятым локальным актом контроля[31]. Чтобы обеспечить преимущества эффективного сдерживания, подход законодателя к введению уголовной ответственности юридических лиц должен включать элемент мотивации компании по обеспечению внутренней безопасности (комплаенс), предусмотрев введение механизма реализации материально-правовых и процессуально-правовых гарантий защиты прав хозяйствующих субъектов.

Обеспечение защиты интересов отечественных компаний за рубежом

Стоит отметить, что действие упомянутого британского Закона о взяточничестве распространяется и на иностранные, в том числе российские, компании. Ранее действующий руководитель Управления по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах (Serious Fraud Office) Ричард Олдерман даже отметил, что главное внимание у SFO обращено именно на иностранные компании[32]. Учитывая экстерриториальное действие Закона Великобритании

[26] См.: *Панаева Л. Е.* Особенности института уголовной ответственности юридических лиц в Великобритании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. № 4.

[27] См.: *Иванов Э. А.* Антикоррупционный комплаенс – контроль в странах БРИКС : монография. М. : Юриспруденция, 2015. С. 14.

[28] О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газета. 2008. № 266.

[29] Памятка для предпринимателей о противодействии коррупции : утв. Генпрокуратурой России. URL: https://legalacts.ru/doc/pamjatka-dlja-predprinimatelei-o-protivodeistvii-korruptsii-utv-genprokuraturoi-rossii/

[30] См.: *Есаков Г. А.* Комплаенс и предотвращение рисков уголовной и административной ответственности // Закон. 2021. № 5. С. 1.

[31] См.: *Buell S. W.* Corporate Criminal Liability (March 16, 2022). Edward Elgar Research Handbook on Corporate Liability (M. Petrin and C. Witting eds. 2023), Duke Law School Public Law & Legal Theory Series No. 2022-17. URL: https://ssrn.com/abstract=4059481 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4059481

[32] См.: *Панаева Л. Е.* Особенности института уголовной ответственности юридических лиц в Великобритании.

«О взяточничестве», распространение его юрисдикции на зарубежные (в том числе российские) компании позволяет существенно пополнять бюджеты Великобритании и США, за счет многомиллионных штрафов, налагаемых на иностранные компании британскими и американскими судами[33].

В связи с этим представляется вполне обоснованной позиция российских специалистов[34], подчеркивающих, что «видится нелогичной ситуация, когда иностранные органы получают доступ к привлечению российских корпораций к уголовной ответственности, а российская сторона может только ставить вопрос о возможном привлечении иностранных корпораций лишь к административной ответственности»[35].

Указанное нарушает устойчивость регулируемых правоотношений, не позволяя должным образом обеспечить защитой национальные интересы, что обусловливает необходимость изменений уголовного законодательства.

Представляется, что вопросы, связанные с введением института уголовной ответственности юридических лиц, прежде всего, обусловлены действующими в уголовном законе нормативными положениями, которые, по мнению некоторых ученых (таких как, С. С. Арбузов, М. И. Бажанов, Г. Н. Борзенков, И. С. Власов, Л. Д. Ермакова, П. П. Иванцов, Т. В. Кондрашова, Н. Е. Крылова, С. П. Кубанцев, Н. Ф. Кузнецова, Н. Н. Полянский, Т. Р. Сабитов, Л. К. Савюк, Р. А. Сорочкин и др.), препятствуют внедрению данного института в национальное уголовное законодательство.

Признание физического лица субъектом преступления обусловлено традиционным пониманием, что только личность способна совершить преступление. Между тем наряду с традицией не стоит игнорировать новации, связанные с усложнением общественных отношений, вызванных в том числе научно-техническими достижениями, изменением геополитической ситуации, производственным влиянием на экологию и пр.

Таким образом, перспектива криминализации противоправной деятельности юридических лиц напрямую связана с действиями федерального законодателя, решимость которого, помимо изложенного выше, обеспечивается объективной необходимостью привидения законодательного регулирования в соответствии с новыми социальными реалиями к более суровой правовой репрессии, к институту уголовной ответственности юридических лиц.

Библиографический список

Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказ. юрид. вестник. 2021. № 1.

Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой : дис. … д-ра. юрид. наук. Казань, 2022.

Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право : журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4.

Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Гордиев узел противоречий : технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9.

Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2013.

Демин С. Г. О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России // Общество и право. 2014. № 2 (48).

Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности : теория, законодательство, практика : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021.

Есаков Г. А. Комплаенс и предотвращение рисков уголовной и административной ответственности // Закон. 2021. № 5.

Иванов О. Б. Закон Великобритании о борьбе со взяточничеством, распространение его действия на зарубежные (в том числе российские) компании // Этап. 2012. № 1.

Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс – контроль в странах БРИКС : монография. М. : Юриспруденция, 2015. 60 с.

Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л., Князькова М. Г. К вопросу об уголовной ответственности юридического лица : российский и зарубежный опыт // Северо-Кавказ. юрид. вестник. 2019. № 4.

Лугуева А. С., Гарунова А. В., Абидов М. Г. Инвестиционный климат в России и мире : состояние, проблемы, возможные решения // РППЭ. 2018. № 11 (97).

[33] См.: *Иванов Э. А.* Указ. соч. С. 14.

[34] См.: *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал рос. права. 2015. № 1. С. 62 ; *Иванов О. Б.* Закон Великобритании о борьбе со взяточничеством, распространение его действия на зарубежные (в том числе российские) компании // Этап. 2012. № 1.

[35] *Панаева Л. Е.* Особенности института уголовной ответственности юридических лиц в Великобритании.

Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1–2 (74–75).

Панаева Л. Е. Особенности института уголовной ответственности юридических лиц в Великобритании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. № 4.

Панаева Л. Е. Институт уголовной ответственности юридических лиц : целесообразность введения на уровне российского уголовного закона // Правопорядок : история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 86–90.

Розовская Т. И. Эволюция института уголовно-правового воздействия на юридических лиц // Lex Russica. 2016. № 4 (113).

Сулейманова С. Т. Уголовное право Канады : основные институты общей части, их особенности и эволюция : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.

Федоров А. В. О выполнении положений международных договоров об установлении уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2015. № 3. С. 17–22.

Федоров А. В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации : политико-правовой анализ // Ученые записки С.-Петерб. им. В. Б. Бобкова филиала Рос. таможенной академии. 2014. № 2 (50).

Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал рос. права. 2015. № 1.

Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : ИЗиСП : НОРМА, 2022.

Шеслер А. В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всерос. криминологический журнал. 2017. № 2.

Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. 240 с.

Buell S. W. Corporate Criminal Liability (March 16, 2022). Edward Elgar Research Handbook on Corporate Liability (M. Petrin and C. Witting eds. 2023), Duke Law School Public Law & Legal Theory Series No. 2022-17. URL: https://ssrn.com/abstract=4059481 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4059481

References

Apostolova N. N. Responsibility for the harm caused by artificial intelligence // North Caucasian Law Bulletin. 2021. No. 1.

Begishev I. R. Criminal law protection of public relations related to robotics : dr. legal. sci. dis. Kazan, 2022.

Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating the digital economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4.

Gaivoronskaya Ya. V., Miroshnichenko O. I. The Gordian knot of contradictions : technology, ethics and law in the issue of the legal personality of artificial intelligence // Education and Law. 2020. No. 9.

Golovanova N. A., Lafitsky V. I., Tsirina M. A. Criminal liability of legal entities in international and national law (comparative legal research) / ed. by V. I. Lafitsky. Moscow, 2013.

Demin S. G. On the need for criminal liability of legal entities in the criminal law of Russia // Society and the right. 2014. No. 2 (48).

Evdokimov K. N. Countering computer crime : theory, legislation, practice : dr. legal. sci. dis. Moscow, 2021.

Esakov G. A. Compliance and prevention of risks of criminal and administrative liability // Law. 2021. No. 5.

Ivanov O. B. The UK Anti-Bribery Act, extending its effect to foreign (including Russian) companies // Stage. 2012. No. 1.

Ivanov E. A. Anti-corruption compliance control in the BRICS countries : a monograph. Moscow : Jurisprudence, 2015. 60 p.

Ivneva E. V., Kavshbaya L. L., Knyazkova M. G. On the issue of criminal liability of a legal entity : Russian and foreign experience // North Caucasian Law Bulletin. 2019. No. 4.

Lugueva A. S., Garunova A. V., Abidov M. G. The investment climate in Russia and the world : state, problems, possible solutions // RPPE. 2018. No. 11 (97).

Naumov A. V. Criminal liability of legal entities (doctrinal and law-making aspects) // Law and the State. 2017. No. 1–2 (74–75).

Panaeva L. E. Features of the institute of criminal liability of legal entities in the UK // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2021. No. 4.

Panaeva L. E. Institute of Criminal liability of legal entities : expediency of introduction at the level of the Russian criminal law // Law and order : history, theory, practice. 2024. No. 2 (41).

Rozovskaya T. I. Evolution of the institute of criminal law impact on legal entities // Lex Russica. 2016. No. 4 (113).

Suleymanova S. T. Criminal law of Canada : the main institutions of the general part, their features and evolution : cand. legal. sci. dis. abstr. Moscow, 2013.

Fedorov A. V. On the implementation of the provisions of international treaties on the establishment

of criminal liability of legal entities // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2015. No. 3.

Fedorov A. V. On the prospects of introducing criminal liability of legal entities in the Russian Federation : a political and legal analysis // Scientific Notes of the St. Petersburg V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2014. No. 2 (50).

Fedorov A. V. Criminal liability of legal entities for corruption crimes // Journal of Russian Law. 2015. No. 1.

Digital economy : current directions of legal regulation : a scientific and practical guide / M. O. Dyakonova, A. A. Efremov, O. A. Zaitsev [et al.] ; ed. by I. I. Kucherov, S. A. Sinitsyn. Moscow : IZiSP : NORMA, 2022.

Shesler A. V. Problems of establishing criminal liability of legal entities in Russian criminal legislation // All-Russian Journal of Criminology. 2017. No. 2.

The legal concept of robotization : a monograph / N. V. Antonova, S. B. Balkhaeva, Zh. A. Gaunova [et al.] ; ed. by Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. Moscow : Prospect, 2019.

Buell S. W. Corporate Criminal Liability (March 16, 2022). Edward Elgar Research Handbook on Corporate Liability (M. Petrin and C. Witting eds. 2023), Duke Law School Public Law & Legal Theory Series No. 2022-17. URL: https://ssrn.com/abstract=4059481 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4059481

Адвокатская палата Республики Татарстан
Панаева Л. Е., научный исследователь, адвокат
E-mail: layla-56@mail.ru

Поступила в редакцию:10.02.2025

Для цитирования:
Панаева Л. Е. Введение уголовной ответственности юридических лиц как перспективное направление в развитии российского уголовного законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 245–253. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/245-253

Bar Association of the Republic of Tatarstan
Panaeva L. E., Scientific Researcher, Advocate
E-mail: layla-56@mail.ru

Received: 10.02.2025

For citation:
Panaeva L. E. Introduction of criminal liability of legal entities as a perspective direction in the evolution of Russian criminal legislation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 245–253. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/245-253

УДК 341.64
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/254-261

ДИНАМИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ И КОНСЕНСУС: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И АНАЛИЗ

Т. Д. Оганесян
Дипломатическая академия МИД России (Москва)

DYNAMIC INTERPRETATION OF INTERNATIONAL TREATIES AND CONSENSUS: EVOLUTION OF APPROACHES AND ANALYSIS

T. D. Oganesian
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow)

Аннотация: анализируются меняющиеся подходы к динамическому методу толкования и консенсуса, особенности их применения в практике международных судов. Сравнение развития подходов МАСПЧ и ЕСПЧ при применении динамического метода толкования выявило, что первый в меньшей степени настроен искать международно-правовой консенсус в качестве стандарта при расширительном толковании. Развитие динамического толкования международных договоров всё еще находится в стадии разработки, а правовые аспекты данного подхода еще не определены в полной мере.
Ключевые слова: динамическое толкование, право международных договоров, защита прав человека, международное правосудие, консенсус.

Abstract: the changing approaches to the dynamic method of interpretation and consensus, the specifics of their application in the practice of international courts are analyzed. Comparing the development of the approaches of the IACtHR and the ECtHR in applying the dynamic method of interpretation, it is revealed that the former is less inclined to seek international legal consensus as a standard for extended interpretation. The development of dynamic interpretation of international treaties is still under development, and the legal aspects of this approach have not yet been fully defined.
Key words: dynamic interpretation, the law of international treaties, protection of human rights, international justice, consensus.

Государства являются «хозяевами своих международных договоров»[1] не только в том смысле, что они могут заключать такие договоры и выходить из них, но и потому, что п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – ВКПМД) требует, чтобы международные договоры толковались в свете последующих соглашений и последующей практики применения договора относительно толкования. В этом положении признается важная и постоянная роль, которую участникам международных договоров разрешается играть в процессе развития толкования и применения этих договоров. На практике, когда государства делегируют международным судам и трибуналам полномочия по разрешению споров в соответствии с международными договорами по толкованию и применению этих международных договоров, они в том числе делегируют некоторые законотворческие функции этим судебным органам[2].

[1] *Roberts A.* Subsequent Agreements and Practice : the Battle over Interpretive Power // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 95.

© Оганесян Т. Д., 2025

[2] См.: *Boyle A., Chinkin C.* The Making of International Law. OUP Oxford, 2007. P. 268.

Отечественным авторами не умаляется также роль государств «как творцов международного договора», сохраняющих «значительную свободу в вопросах как толкования норм международного договора, так и изменения договора своей последующей практикой»[3].

Динамическое толкование со временем позволило международным судам расширительно толковать нормы международных договоров, основываясь на изменениях сегодняшнего дня. Практика динамического толкования является еще одним проявлением «искусства судей», которое постоянно балансирует между обеспечением стабильности, основанной на уважении принципа автономии воли сторон, и стремлением к необходимой гибкости, позволяющей «поддерживать актуальность международного договора путем достижения целей, для решения которых он был разработан»[4]. Развитие международного права и стремление к гармонизации являются важной несущей опорой динамичной интерпретации[5].

Динамическое толкование, основанное на последующей практике, применяется в тех случаях, когда соответствующее толкование базируется на некоторых доказательствах первоначального намерения сторон международного договора. Согласно формулировке ВКПМД, международный договор интерпретируется с учетом развития событий на основе чего-либо о последующем поведении сторон, как толкование, основанное на «последующей практике». В этом смысле процесс толкования, по утверждению Уильяма Шабаса, представляет собой «не столько объективное упражнение в установлении смысла, сколько рационализацию взглядов, которые могут быть результатом установок и личных предрассудков»[6]. Поскольку объект и цель международных договоров по правам человека отличаются от объектов и целей многих других международных договоров, толкование международных договоров по правам человека в конечном счете должно отличаться от толкования других видов договоров[7].

Эволюция подходов к динамическому толкованию

Профессор Аарон Барак отмечает, что невозможно построить систему толкования, не признавая существования судебного усмотрения, однако «такое усмотрение должно быть ограничено рациональностью, последовательностью, непротиворечивостью и обоснованностью»[8]. По мнению бывшего председателя Верховного Суда Израиля Аарона Барака, в рамках динамического толкования судьи должны учесть «историю текста, общую социальную и историческую подоплеку толкуемого текста, прецедентное право, правовую культуру, фундаментальные ценности системы (с углубленным анализом) и сравнительное правоведение».

В рамках доклада, представленного председателем Исследовательской группы по изучению договоров в динамике г-ном Георгом Нольте, КМП предложила три подхода к толкованию международных договоров:

1. Конвенционный – присущ Международному Суду ООН, большинству судебных органов (Трибунал по урегулированию споров между Ираном и США, международные уголовные суды и трибуналы), которые, как правило, учитывают все способы толкования ст. 31 ВКПМД, не делая заметно большим или меньшим использование определенных средств интерпретации.

2. Ориентированный – преобладает ориентированность на текст договора; неохотно делается акцент на целенаправленном толковании.

3. Целенаправленный – присущ региональным судам по правам человека, а также Комитету по правам человека, уделяющим особое внимание при толковании объекту и цели договора[9].

---

[3] *Исполинов А. С.* Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 79.

[4] *Dupuy P.-M.* Evolutionary Interpretation of Treaties : Between Memory and Prophecy // The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention / ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford Scholarly Authorities on International Law, 2011. P. 137.

[5] См.: *Клокке Д.* Динамическое толкование ЕКПЧ в свете документов Совета Европы // Дайджест Публичного Права Гейдельбергского Института Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2015. № 1. С. 58.

[6] *Schabas A. W.* The European Convention on Human Rights : a Commentary. Oxford University Press, 2015. P. 33.

[7] См.: *Andenas M., Bjorge E.* A Farewell to Fragmentation : the convergence of the methods of treaty interpretation : different regimes, different methods of interpretation? Cambridge University Press, 2015. P. 513.

[8] *Barak A.* Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. P. 14.

[9] См.: Доклад, представленный председателем Исследовательской группы по изучению договоров в динамике г-ном Георгом Нольте, в рамках 63-й сессии КМП (8 августа 2011 г.). URL: https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/sessions/63/pdfs/treaties_over_time_sg_chair_report_28aug2011.pdf&lang=E (дата обращения: 12.02.2025).

Эйрик Бьорге подчеркивает, что динамическое толкование зависит от намерения сторон договора и является результатом применения ст. 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[10]. Пункт 3 ст. 31 ВКПМД еще больше расширяет сферу применения методологии толкования, требуя учитывать важные дополнительные аспекты: «3. Наряду с контекстом учитываются: … b) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; c) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками»[11]. В связи с этим данная норма сыграла решающую роль в развитии динамического метода толкования международных договоров.

Судья МС ООН Алехандро Альварес отметил причины снижения важности подготовительной работы при толковании международных норм: «Растущий динамизм международной жизни делает необходимым, чтобы тексты по-прежнему соответствовали новым условиям общественной жизни… Поэтому при толковании международных договоров … необходимо смотреть в будущее, т. е. учитывать новые условия, а не оглядываться назад и не прибегать к подготовительным материалам. Международный договор или текст, который однажды был принят, обретает свою собственную жизнь. Следовательно, при его интерпретации мы должны учитывать требования современной жизни, а не намерения тех, кто его создал»[12].

Как отмечает Пьер-Мари Дюпюи, в международных нормах имеется пробел, который предоставляет некоторое пространство для маневра тем, кто желает принять динамический подход к толкованию[13]. В то же время концепция консенсуса и принцип правовой определенности накладывают ограничения на использование доктрины «живого инструмента». Комитет ООН по правам человека заявил, что динамическое толкование должно быть сбалансировано с необходимостью «обеспечивать как последовательность, так и непротиворечивость… судебной практики»[14]. Аналогичным образом Европейский суд признал, что «в интересах правовой определенности и предсказуемости он не должен без уважительной причины отходить от своей прецедентной практики»[15].

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) также подчеркивает «особый характер» Конвенции как договора о защите прав человека при ее толковании. Например, в постановлении по делу *Soering v. UK* Суд отметил, что «при толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективном обеспечении соблюдения прав человека и основных свобод»[16]. В деле *Rantsev v. Cyprus and Russia* ЕСПЧ пришел к выводу, что традиционная концепция «рабства», как она определена в Конвенции о рабстве 1926 г., развилась в более поздних документах международного права и стала охватывать формы современного рабства, включая торговлю людьми[17].

Судьи ЕСПЧ часто используют динамический метод толкования при вынесении особых мнений в попытке расширить конвенционные права: «право на надежду» в отношении заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы (*Vinter and Others v United Kingdom*, 2013) или «право на правду» (*El-Masri v Former Yugoslav Republic of Macedonia*, 2012). По словам А. И. Ковлера, одной из мотиваций особого мнения судьи является желание повлиять на позиции ЕСПЧ в будущем, если судья уверен, что изменение этих позиций назрело.

Судейский активизм в рамках эволютивного толкования вызывает немало разногласий среди государств – членов Совета Европы. Следует также признать, что немало эволютивных постановлений, вынесенных ЕСПЧ, были приняты благодаря судейскому активизму и игнорировали европейский консенсус. В этом смысле чрез-

[10] См.: *Bjorge E.* Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties. 2014. URL: https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/ (дата обращения: 12.02.2025).

[11] Венская конвенция о праве международных договоров : принята 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 12.02.2025).

[12] ICJ 1950 Reports at p. 18. See Judge Alvarez in the Second Admissions Case. URL: https://www.icj-cij.org/case/9 (дата обращения: 12.02.2025).

[13] См.: *Дюпюи Р.-М.* Op. cit. P. 127.

[14] Judge v. Canada, International covenant on civil and political rights. 13 August 2003. § 10.3.

[15] ECtHR. *Mamatkulov and Askarov v. Turkey, nos*. 46827/99, 46951/99, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 4 February 2005, § 121.

[16] ECtHR. *Soering v. UK*. No. 14038/88, Judgment of 7 July 1989, § 87.

[17] ECtHR. *Rantsev v. Cyprus and Russia*. No. 25965/04, Judgment of 7 January 2010, 2010, § 282.

мерный судейский активизм при расширительном толковании конвенционных норм стал также одной из причин денонсации Конвенции, о чем 15 марта 2022 г. российское Правительство проинформировало Генерального секретаря Совета Европы.

Стивен Уитли справедливо отмечает, что любое изменение толкования Конвенции требует четкого обоснования, поскольку государство-участник, соблюдающее «старую» интерпретационную позицию, будет признано категорически нарушившим свои обязательства по международному праву, как только Суд примет свое «новое» понимание[18]. В этом смысле ЕСПЧ в деле *Micallef v. Malta* признал, что неспособность поддерживать «динамичный и развивающийся» подход к толкованию может привести к тому, что интересы правовой определенности и последовательности станут препятствием для развития прав[19].

Марко Бошняк, Кацпер Заяц отмечают, что ЕСПЧ, по своей сути, не является «активистским судом» и «что на первый взгляд кажется судебным активизмом, на самом деле является просто феноменом судебного правотворчества, присутствующим во всех правовых юрисдикциях»[20]. В деле *Loizidou v Turkey* (1995) Суд заявил о непрактичности толкования Конвенции исключительно на основании намерения договаривающихся сторон, выраженного более 40 лет назад[21]. Международный суд ООН в 1958 г. постановил, что нормы международного договора следует толковать с «осторожностью»[22].

Критики динамического толкования утверждают, что при ратификации государства согласились отстаивать права, заявленные составителями лишь в первоначальном тексте. По их мнению, ЕСПЧ действовал незаконным образом, закрепляя дополнительные обязательства *ex post facto* в Конвенции без явно выраженного согласия договаривающихся государств. Что касается вопроса толкования, то в подготовительных материалах международных договоров содержится мало существенного: участники переговоров упоминают о толковании исключительно тогда, когда выражают свое особое понимание отдельных статей, и не обсуждают пределы и масштабы будущих изменений, а тем более не упоминают, какой подход к толкованию они считают предпочтительным[23]. Объект и цель договора также связаны с доктриной эффективности, отраженной в максиме: «Ut res magis valeat quam pereat». Международный договор может толковаться расширительно, чтобы гарантировать, что все его положения имеют независимое значение (*effet utile*).

Международные суды при применении динамического толкования могут сосредоточиться на консенсусе, достигнутом с помощью международно-правовых материалов, сузив тем самым пределы усмотрения государства в отношении рассматриваемого права. В этом случае, как подчеркивает, Димитриос Кагиарос, международный суд просто подсчитывает государства, которые согласны или не согласны с конкретным требованием о правах, выдвинутым меньшинством[24]. В рамках динамического толкования международные суды не определили точный процент консенсуса, однако можно выявить некоторые тенденции. Например, в деле *Schwizgebel v. Switzerland* отсутствие консенсуса было подчеркнуто ЕСПЧ, когда консенсус подтверждался всего 16 государствами из сорока семи[25]. В постановлении по делу *Sitaropoulos and Giakoumopoulos v. Greece* Большая Палата ЕСПЧ подтвердила консенсус, признаваемый практикой 29 из 33 государств-членов, будет актуальной[26]. Важно понимать, что каждый раз выявление консенсуса посредством процентного соот-

[18] См.: *Wheatley S.* Interpreting the ECHR in Light of the Increasingly High Standards Being Required by Human Rights : Insights from Social Ontology // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, Issue 1. P. 3.

[19] ECtHR. Micallef v. Malta. Application No 17056/06, Judgment of 15 October 2009, § 81.

[20] *Bošnjak M., Zajac K.* Judicial Activism and Judge-Made Law at the ECtHR // *Human Rights Law Review.* 2023. Vol. 23, Issue 3. P. 1.

[21] ECtHR. Loizidou v. Turkey (Preliminary objections). No 15318/89. ECtHR, 23 March 1995, § 71.

[22] ICJ. Governing the Guardianship of Infants-Netherlands v Sweden, 10 July 1957. § 116.

[23] См.: *Theil S.* Is the 'Living Instrument' Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law? // European Public Law. 2017. Vol. 23(3). P. 602.

[24] См.: *Kagiaros D.* When to use European Consensus : Assessing the differential treatment of minority groups by the European Court of Human Rights // Building Consensus on European Consensus Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 299.

[25] ECtHR. Schwizgebel v. Switzerland, No. 25762/07, Judgment of 10 June 2010, § 23-32.

[26] ECtHR. Sitaropoulos and Giakoumopoulos v. Greece, [GC], No. 42202/07, Judgment of 15 March 2012, § 32–45.

ношения мнений государств осуществляется по усмотрению Суда. При этом ЕСПЧ отметил, что «даже если невозможно определить общий европейский подход к проблеме, это само по себе не может быть определяющим в вопросе»[27]. Из этого также следует, что ЕСПЧ не рассматривает консенсус как означающий всеобщее согласие, он также допускает меньшие формы консенсуса, такие как тенденции. При этом доктрина консенсуса является эффективным средством влияния национальных властей на толкование конвенционных норм.

Как отмечает старший преподаватель юридического факультета Университета Южной Австралии Лукас Лексински, динамическое толкование Конвенции на основе консенсуса – это такое толкование, которое «почти требует от государств-участников предварительного одобрения стандарта до вмешательства ЕСПЧ»[28].

По мнению Константина Дегтярева, функциями консенсусного толкования являются: 1) повышение легитимности регионального суда по правам человека; 2) убедить государства- участники в указанной законности и тем самым сделать судебное решение более приемлемым; 3) избежать произвольного принятия решений; 4) определить сферу субсидиарности; 5) помочь суду в решении новых вопросов толкования международного договора или иных спорных или важных вопросов[29].

В то же время Йенс Тейлен утверждает, что процесс поиска Судом европейского консенсуса не является «объективным» и во многом зависит от «личных ценностей судей»[30].

На примере Европейской конвенции по правам человека 1950 г. можно заметить, что в соответствии со ст. 32 Конвенции юрисдикция ЕСПЧ распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Однако сам текст Конвенции не является единственным справочным материалом, на который опирается аргументация Страсбурга. Положительный вклад использования «внешних источников», несомненно, заключается в продвижении к если не единообразному, то, по крайней мере, «гармонизированному праву» в области прав человека[31].

Например, в деле *Demir and Baykara v. Turkey* ЕСПЧ отметил: «При определении значения терминов и понятий в тексте Конвенции могут и должны приниматься во внимание элементы международного права, отличные от Конвенции, толкование таких элементов компетентными органами и практика европейских государств, отражающая их общие ценности. Консенсус, вытекающий из специализированных международных документов и практики Договаривающихся государств, может представлять собой важное соображение для Суда, когда он толкует положения Конвенции в конкретных случаях. … Государству-ответчику необязательно ратифицировать всю совокупность документов, которые применимы в отношении конкретного предмета соответствующего дела. Суду будет достаточно того, что соответствующие международные документы указывают на непрерывную эволюцию норм и принципов, применяемых в международном праве или во внутреннем законодательстве большинства государств – членов Совета Европы, и показывают в конкретной области, что в современных обществах существуют точки соприкосновения»[32].

Данную логику поддерживает и бывший заместитель председателя ЕСПЧ Христос Розакис, который считает, что «правовая система Конвенции не является водонепроницаемой, самодостаточной системой. Она находится в постоянном диалоге с другими правовыми системами. Европейский суд по правам человека и его судьи работают не в гордом одиночестве в башне из слоновой кости, построенной из материалов, взятых исключительно из интерпретационных изобретений ЕСПЧ или государств – участников Конвенции»[33].

---

[27] ECtHR. *Hirst v. the United Kingdom (no. 2),* 74025/01. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 6 October 2005, § 81.

[28] *Lixinski L.* The Inter-American Court of Human Rights' Tentative Search for Latin American Consensus // Kapotas P, Tzevelekos V., eds. Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 337.

[29] См.: *Dzehtsiarou K.* European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 184.

[30] См.: *Theil S.* Op. cit. P. 593.

[31] См.: *Tulkens F., Van Drooghenbroeck S., Krenc F.* Le soft law et la Cour européenne des droits de l'homme. Questions de légitimité et de méthode // Les sources du droit revisitées / Hachez I., Cartuyvels Y., Dumont H., Gérard P., Ost F., Van de Kerchove M. (eds.). Anthémis : Louvain-la-Neuve, 2012. Vol. 1: Normes internationales et constitutionnelles. P. 382.

[32] ECtHR. *Demir and Baykara v. Turkey* [GC], No 34503/97, 12 November 2008, § 85.

[33] *Rozakis C.* The European Judge as a Comparatist // Tulane Law Review. 2005. Vol. 80. P. 278.

Сравнивая подходы МАСПЧ и ЕСПЧ при применении динамического метода толкования, можно заметить, что МАСПЧ в меньшей степени настроен искать международно-правовой консенсус в качестве стандарта при расширительном толковании. Например, в деле *Mapiripán Massacre v. Colombia* при решении вопроса об ответственности государства за нарушения прав человека, совершенные негосударственными субъектами, МАСПЧ не придал значение общим нормам международного права, отметив независимость прав человека от общей международной правовой системы: «Хотя в самой Американской конвенции для ее толкования и применения прямо содержатся ссылки на нормы общего международного права, обязательства, изложенные в статьях 1(1) и 2 Конвенции, в конечном счете являются основой для установления международной ответственности государства за нарушения положений Конвенции. Этот указанный документ представляет собой lex specialis в отношении ответственности государств ввиду его особого характера как международного договора по правам человека по сравнению с общим международным правом. Следовательно, возложение международной ответственности на государство, а также объем и последствия признания, сделанного в данном случае, должны осуществляться в свете самой Конвенции»[34].

Что касается препятствий, стоящих на пути согласованного консенсуса в Страсбургском суде, то отмечается следующее. Огромное количество дел подавляет творческий подход судей: «при рассмотрении 45 576 дел в 2015 г. средний судья ЕСПЧ рассматривал 970 дел в год, что в среднем составляет 2,7 случая в день»[35]. Кроме того, большое количество судей препятствует формированию единого мнения на какой-либо последовательной основе: «иногда трудно согласовать… идеологические, политические и правовые взгляды 47 судей, каждый из которых получил образование и юридическую и профессиональную зрелость в различных правовых системах, некоторые из них в другой правовой традиции или даже в другой экономической и политической системе»). К этому относятся также языковые барьеры: «подавляющее большинство судей обязаны общаться и работать на своем втором или даже третьем языке». И последнее, что отмечает Я. Кукавица: ЕСПЧ никогда не собирается на заседания в полном составе (46 судей): «данный факт делает крайне маловероятным, что Суд сможет выработать последовательную концепцию Европейского суда по правам человека»[36].

Динамическое толкование международных договоров со временем превратилось в необходимый инструмент в ответ на меняющийся характер международного права. Неизбежность применения международными судами динамического толкования заключается в том, что «ни одна правовая система не может оставаться в состоянии застоя»[37]. Однако существование неясностей в применении данного метода толкования, в частности отсутствие четких количественных критериев определения консенсуса, ставит под сомнение саму легитимность метода консенсуса.

Среди юристов-международников в настоящее время складывается консенсус в отношении того, что, во-первых, суды по правам человека всё более активно применяют динамическое толкование, основываясь на нормах ВКПМД. Во-вторых, несмотря на различия в подходах между различными судами по правам человека, международные суды при применении динамического толкования ссылаются на широкий спектра документов по правам человека. В-третьих, динамическое толкование международных договоров всё еще находится на стадии разработки, и правовые аспекты данного подхода еще не определены в полной мере. Это многогранная правовая конструкция, которую международные суды и трибуналы разрабатывают несколько поэтапно.

Библиографический список

Исполинов А. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 79–87.

Клокке Д. Динамическое толкование ЕКПЧ в свете документов Совета Европы // Дайджест Публичного Права Гейдельбергского Института

[34] Case of the 'Mapiripán Massacre' v. Colombia. Merits, Reparations and Costs. Judgment of 15 September 2005. Series C. No. 134, § 107.

[35] *Kukavica J.* National Consensus and the Eighth Amendment // Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond / P. Kapotas, V. P. Tzevelekos (eds.). Cambridge University Press, 2019. P. 370.

[36] Ibid. P. 383.

[37] *McLachlan C.* The Evolution of Treaty Obligations in International Law // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 69.

Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2015. № 1. С. 51–80.

Andenas M., Bjorge E. A Farewell to Fragmentation : the convergence of the methods of treaty interpretation : different regimes, different methods of interpretation? Cambridge University Press, 2015. 606 p.

Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. 448 p.

Bjorge E. Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties. 2014. URL: https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/

Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. OUP Oxford, 2007. 368 p.

Bošnjak M., Zajac K. Judicial Activism and Judge-Made Law at the ECtHR // *Human Rights Law Review.* 2023. Vol. 23, Issue 3. P. 1–15.

Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 229 p.

Dupuy P.-M. Evolutionary Interpretation of Treaties : Between Memory and Prophecy // The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention / ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford Scholarly Authorities on International Law, 2011. P. 123–137.

Kagiaros D. When to use European Consensus: Assessing the differential treatment of minority groups by the European Court of Human Rights // Building Consensus on European Consensus Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 283–310.

Kukavica J. National Consensus and the Eighth Amendment // Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond / P. Kapotas, V. P. Tzevelekos (eds.). Cambridge University Press, 2019. P. 364–391.

Lixinski L. The Inter-American Court of Human Rights' Tentative Search for Latin American Consensus // Kapotas P, Tzevelekos V., eds. Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 337–363.

McLachlan C. The Evolution of Treaty Obligations in International Law // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 69–81.

Roberts A. Subsequent Agreements and Practice : the Battle over Interpretive Power // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 95–102.

Rozakis C. The European Judge as a Comparatist // Tulane Law Review. 2005. Vol. 80. P. 257–280.

Schabas A. W. The European Convention on Human Rights : a Commentary. Oxford University Press, 2015. 1434 p.

Theil S. Is the 'Living Instrument' Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law? // European Public Law. 2017. Vol. 23(3). P. 587–614.

Tulkens F., Van Drooghenbroeck S., Krenc F. Le soft law et la Cour européenne des droits de l'homme. Questions de légitimité et de méthode // Les sources du droit revisitées / Hachez I., Cartuyvels Y., Dumont H., Gérard P., Ost F., Van de Kerchove M. (eds.). Anthémis : Louvain-la-Neuve, 2012. Vol. 1 : Normes internationales et constitutionnelles. P. 381–431.

Wheatley S. Interpreting the ECHR in Light of the Increasingly High Standards Being Required by Human Rights : Insights from Social Ontology // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, Issue 1. P. 1–23.

References

Ispolinov A. S. The role of subsequent State practice in the law of international treaties // Legislation. 2016. No. 9. P. 79–87.

Klokke D. Dynamic Interpretation of the ECHR in the light of Council of Europe documents // Digest of Public Law of the Heidelberg Max Planck Institute for Foreign Public and International Law. 2015. No. 1. P. 51–80.

Andenas M., Bjorge E. A Farewell to Fragmentation : the convergence of the methods of treaty interpretation : different regimes, different methods of interpretation? Cambridge University Press, 2015. 606 p.

Barak A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press, 2011. 448 p.

Bjorge E. Introducing the Evolutionary Interpretation of Treaties. 2014. URL: https://www.ejiltalk.org/introducing-the-evolutionary-interpretation-of-treaties/

Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. OUP Oxford, 2007. 368 p.

Bošnjak M., Zajac K. Judicial Activism and Judge-Made Law at the ECtHR // *Human Rights Law Review.* 2023. Vol. 23, Issue 3. P. 1–15.

Dzehtsiarou K. European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 229 p.

Dupuy P.-M. Evolutionary Interpretation of Treaties : Between Memory and Prophecy // The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention / ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford Scholarly Authorities on International Law, 2011. P. 123–137.

Kagiaros D. When to use European Consensus: Assessing the differential treatment of minority groups by the European Court of Human Rights // Building Consensus on European Consensus Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 283–310.

Kukavica J. National Consensus and the Eighth Amendment // Building Consensus on European

Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond / P. Kapotas, V. P. Tzevelekos (eds.). Cambridge University Press, 2019. P. 364–391.

Lixinski L. The Inter-American Court of Human Rights' Tentative Search for Latin American Consensus // Kapotas P, Tzevelekos V., eds. Building Consensus on European Consensus : Judicial Interpretation of Human Rights in Europe and Beyond. Cambridge University Press, 2019. P. 337–363.

McLachlan C. The Evolution of Treaty Obligations in International Law // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 69–81.

Roberts A. Subsequent Agreements and Practice : the Battle over Interpretive Power // Treaties and Subsequent Practice / G. Nolte, ed. Oxford University Press, 2013. P. 95–102.

Rozakis C. The European Judge as a Comparatist // Tulane Law Review. 2005. Vol. 80. P. 257–280.

Schabas A. W. The European Convention on Human Rights : a Commentary. Oxford University Press, 2015. 1434 p.

Theil S. Is the 'Living Instrument' Approach of the European Court of Human Rights Compatible with the ECHR and International Law? // European Public Law. 2017. Vol. 23(3). P. 587–614.

Tulkens F., Van Drooghenbroeck S., Krenc F. Le soft law et la Cour européenne des droits de l'homme. Questions de légitimité et de méthode // Les sources du droit revisitées / Hachez I., Cartuyvels Y., Dumont H., Gérard P., Ost F., Van de Kerchove M. (eds.). Anthémis : Louvain-la-Neuve, 2012. Vol. 1: Normes internationales et constitutionnelles. P. 381–431.

Wheatley S. Interpreting the ECHR in Light of the Increasingly High Standards Being Required by Human Rights : Insights from Social Ontology // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24, Issue 1. P. 1–23.

Дипломатическая академия МИД России (Москва)

Оганесян Т. Д., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права

E-mail: t.oganesian@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.03.2025

Для цитирования:

Оганесян Т. Д. Динамическое толкование международных договоров и консенсус: эволюция подходов и анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 254–261. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/254-261

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow)

Oganesian T. D., PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Law

E-mail: t.oganesian@mail.ru

Received: 16.03.2025

For citation:

Oganesian T. D. Dynamic interpretation of international treaties and consensus: evolution of approaches and analysis // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 254–261. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/254-261

УДК 342.722.1
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/262-269

ОБЯЗАТЕЛЬНО-РЕКОМЕНДАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК УНИКАЛЬНАЯ РЕГУЛЯТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

А. С. Власова, И. В. Михеева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

MANDATORY-RECOMMENDED MODEL OF INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA AS A UNIQUE REGULATORY CONSTRUCT

A. S. Vlasova, I. V. Mikheeva

National Research University «Higher School of Economics» (HSE Nizhny Novgorod)

Аннотация: рассматриваются особенности реализации прав обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в России. На основе обращения к законодательству, актам официального толкования уполномоченных органов, а также практике реализации законодательства обозначена уникальность сложившейся нормативной модели отношений в области обучения детей с ограничениями возможностями здоровья. Эта уникальность представлена обязательно-рекомендательным характером заключения психолого-медико-педагогической комиссии о наличии у обследуемого лица ограниченных возможностей здоровья. Делается вывод о том, что противоречивость судебной практики обусловлена неоднозначностью регулятивной модели инклюзивного образования. Данная неоднозначность, в свою очередь, влияет на реализацию образовательных прав и свобод рассматриваемой категории обучающихся, формирует особенности обоснования постановлений по делам об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 5.57 КоАП РФ и нуждается в корректировке.
Ключевые слова: инклюзивное образование, нормативное регулирование, психолого-медико-педагогическая комиссия (ПМПК), административная ответственность.

Abstract: an article is devoted to the specifics of the implementation of the rights of pupils with limited health capabilities in Russia. The study outlines the uniqueness of the existing normative model of relations regarding the education of the mentioned category of children. It is described by referring to legislation, acts of official interpretation of governing bodies, as well as law implementation practice. The uniqueness is represented by the mandatory-recommended nature of psychological, medical and pedagogical commission's report on limited health capabilities of the person being checked. It is concluded that the inconsistency of judicial practice is due to the ambiguity of the regulatory model of inclusive education. It is argued that the ambiguity of the regulatory model of inclusive education affects the proper implementation of educational rights and freedoms of the category of students under consideration, forms the specifics of justification of decisions on cases of administrative offenses under Part 2 of Article 5.57 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and needs adjustment.
Key words: inclusive education, normative regulation, psychological, medical and pedagogical commission (PMPC), administrative responsibility.

© Власова А. С., Михеева И. В., 2025

Россия, будучи социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, гарантирует право каждого на получение образования (ст. 7, 17 и 43 Конституции РФ). Это касается не только нормотипичных, но и лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ).

В соответствии с ч. 16 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[1] (далее – Закон об образовании) под обучающимся с ограниченными возможностями понимается физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные Психолого-медико-педагогической комиссией (далее – ПМПК, Комиссия) и препятствующие получению образования без создания специальных условий. В настоящей работе использование выражения «ограниченные возможности здоровья» предполагает распространение описанного и на обучающихся-инвалидов, что обусловлено особенностями юридической техники Закона об образовании. Однако следует заметить, что в нормативных актах рассматриваемые термины могут употребляться без смешения, например: в ст. 31 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[2]; ст. 25.5 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»[3]; постановлении Правительства РФ от 5 февраля 2022 г. № 119 «Об утверждении Правил предоставления мер социальной поддержки победителям чемпионатов по профессиональному мастерству среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс» с использованием электронного сертификата»[4].

Права лиц с ОВЗ в сфере образования отражены в Законе об образовании не случайно и не формально. Обеспечение гармоничного развития лиц с ОВЗ, в том числе посредством удовлетворения их права на образование, можно рассматривать как значимую конституционную ценность. Не зря тяготение к социальной справедливости Конституционным Судом РФ представлено традиционной составляющей ценностной ориентации российского общества и элементом конституционной идентичности[5]. Более того, в соответствии с Указом Президента РФ «Об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» тема образования и воспитания приобрела новое звучание, как в контексте нормативного обеспечения, так и практической реализации законодательных положений государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[6]. Какова же нормативная модель инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в российском законодательстве? Насколько эта модель соответствует требованиям современного социального государства в области образования не просто детей, а детей с ограниченными возможностями здоровья?

Нормативная модель образования детей с ОВЗ

Согласно Закону об образовании в нашем государстве уполномоченными органами создаются необходимые условия для получения лицами с ОВЗ качественного образования без какой-либо дискриминации (п. 1, ч. 5 ст. 5), обучающиеся при этом обладают академическими правами на предоставление условий для обучения с учетом особенностей их психофизического развития и состояния здоровья (п. 2 ч. 1 ст. 34). Это означает получение социально-педагогической и психологической помощи, бесплатной психолого-медико-педагогической коррекции. Кроме того, законом предусматривается ***необходимость*** адаптированной образовательной программы для обучающихся с ОВЗ[7] и создания

[1] Рос. газета. 2012. № 303.

[2] Там же. 2007. № 276.

[3] Там же. 2000. № 5.

[4] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 7. Ст. 977.

[5] Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)», одобр. Решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г. URL: https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/default.aspx (дата обращения: 21.04.2024).

[6] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

[7] Содержание образования и условия организации обучения и воспитания обучающихся-инвалидов определяется также индивидуальной программой реабилитации (ИПР).

специальных условий для получения ими образования (ч. 1 и 2 ст. 79), внедрение отдельных федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и включения в ФГОС специальных требований (ч. 6 ст. 11), вследствие чего должны учитываться особенности психофизического развития и индивидуальные возможности детей с ОВЗ, обеспечиваться коррекция нарушений развития и социальной адаптации[8]. Это соответствует международному подходу к инклюзии в образовании, который предполагает выявление и устранение всех барьеров на пути к его получению: от учебных программ до педагогики и преподавания[9].

В связи с этим различные типы нарушений здоровья обучающихся требуют внимания со стороны государства и уполномоченных им лиц, что выражается в том числе посредством специальной нормативной регламентации соответствующих отношений. Так, основоположник отечественной дефектологии Л. С. Выготский отмечал, что личность даже «слабоумного ребенка» не может быть сведена просто к «сумме недоразвитых функций и свойств». Ребенок с ОВЗ, как и любой ребенок вообще, «представляет качественно отличный, своеобразный тип развития»[10]. Именно поэтому законодатель предусматривает нормативную конструкцию, призванную обеспечить необходимую дифференциацию особых потребностей у обучающихся с ОВЗ[11]. Эта конструкция предусматривает включение государства, опосредованное исполнительными органами власти, в формирование таких условий образования и воспитания детей с ОВЗ, которые соответствовали бы достойному уровню их жизни. Стоит понимать, что нормативная модель общественных отношений, во-первых, возникает на основе социальной востребованности урегулирования тех или иных общественных отношений. Во-вторых, нацелена на реализацию[12]. Она должна «работать», обусловливать действие создаваемого правом порядка. При этом модель регулирования может носить как обязательный, так и рекомендательный характер. Что происходит в случае с детьми с ОВЗ?

Двойственность правовой основы обеспечения особенностей обучения детей с ОВЗ

В одном из докладов[13] регионального Министерства образования обращалось внимание, что в большинстве образовательных организаций необходимые адаптированные общеобразовательные программы для обучения детей с ОВЗ не разрабатываются, рекомендации психолого-медико-педагогических комиссий игнорируются[14]. Это нарушает требования, установленные в Российском государстве в части обеспечения соответствующих специальных условий для обучающихся. Дело в том, что по Закону об образовании дети с ОВЗ принимаются на обучение по адаптированной основной общеобразовательной программе на основании рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии – ПМПК (ч. 3 ст. 55). Именно эти Комиссии

[8] См., например: Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (п. 1.1.) : утв. Приказом Минобрнауки России от 19 декабря 2014 г. № 1599. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.02.2015).

[9] URL: https://www.unesco.org/en/inclusion-education (дата обращения: 21.07.2024).

[10] *Выготский Л. С.* Основы дефектологии. М., 2024. С. 10.

[11] Примером реализации нормативной модели с учетом указанной дифференциации может служить Приказ Минпросвещения России от 24 ноября 2022 г. № 1026 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.12.2022).

[12] Подробно о сущности правового регулирования см.: *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления : курс лекций. М., 2006. С. 286.

[13] См.: Доклад о результатах обобщения правоприменительной практики Министерства образования Воронежской области при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования за 2023 год, утв. Приказом Министерства образования Воронежской области от 15 марта 2024 г. № 161-И. URL: https://polnom.36edu.ru/Portals/147/Users/control/03-Doklad/doklad-pp2023.pdf (дата обращения: 21.05.2024).

[14] О нарушениях прав обучающихся с ОВЗ см. также: Доклад о правоприменительной практике Министерства образования и науки Пермского края при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования за 2021 год, утв. Приказом Министерства образования и науки Пермского края от 31 мая 2022 г. № 26-01-06-517, Информация Министерства образования, науки и молодежной политики Нижегородской области «Об исполнении законодательства в сфере образования в части соблюдения прав обучающихся с ОВЗ на получение образования» от 19 августа 2020 г. № Сл-316-429896/20. URL: https://ukn-minobr.government-nnov.ru/?id=224824 (дата обращения: 21.05.2024).

подтверждают имеющиеся у детей ограничения здоровья (ч. 16 ст. 2 Закона об образовании). Есть важная деталь. Родители имеют право не только присутствовать при обследовании, что логично и направлено на обеспечение прав и интересов несовершеннолетних, но и осуществлять выбор формы получения их ребенком образования (п. 1, 8 ч. 3 ст. 44 Закона об образовании). Таким образом, обязательное для создания условий инклюзивного обучения Заключение ПМПК становится в то же время лишь рекомендацией, которую родители *имеют право* учитывать при выборе пути дальнейшего развития своего ребенка. Такая обязательно-рекомендательная для разных участников правоотношений конструкция создает неустойчивость их поведения. Ведь неисполнение зафиксированного законодателем/государством обязательного правила влечет юридическую ответственность перед государством, а рекомендательная – нет. Последняя желательна, но не обязательна. Отсюда и вариативное отношение к выполнению отличающихся жесткостью закрепления правил. Правовым ориентиром субъектов правоотношений служит четкая в технико-юридическом плане норма.

Правовой статус ПМПК определен в Положении о ней, утвержденном приказом Министерства образования и науки[15]. Главная задача Комиссии – прежде всего, своевременное выявление детей с особенностями в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонениями в поведении, проведение их комплексного психолого-медико-педагогического обследования и подготовка по результатам обследования рекомендаций по оказанию им психолого-медико-педагогической помощи и организации их обучения и воспитания. В Положении о Комиссии, как в любом статутном акте, определен порядок ее создания, алгоритм функционирования и пр. Формирование центральной и/или территориальной ПМПК исполнительным органом власти, определение им же состава и порядка работы Комиссии (п. 5 Положения), обязательность создания в субъекте РФ не менее одной Комиссии (п. 6 Положения) говорит об императивном характере правового регулирования Комиссии, действующей для достижения публично значимых целей.

Именно ПМПК становится базовым, ключевым сегментом системы организационного обеспечения права на инклюзивное образование. Это определяет характер принимаемых этой Комиссией решений, тем более что есть процессуальная модель их принятия (п. 20 Положения). Основные выводы ПМПК – о наличии/отсутствии у ребенка особенностей в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонений в поведении и наличии/отсутствии необходимости создания условий для получения ребенком образования, а также рекомендации по определению формы получения образования, образовательной программы, которую ребенок может освоить, форм и методов психолого-медико-педагогической помощи, созданию специальных условий для получения образования (п. 21 Положения) – отражаются в Заключении Комиссии. Именно в соответствии с выводами Комиссии, сформулированными в Заключении, образовательные организации, заметим, *обязаны* создать условия для получения инклюзивного образования нуждающимся детям при условии предоставления Заключения уполномоченным субъектам. Рекомендательный же характер представления родителями (законными представителями) детей этого Заключения администрации образовательного учреждения (п. 23 Положения) несколько диссонирует с функциональным назначением этого документа.

Возникает уникальная конструкция нормативного регулирования, когда один и тот же документ ***может*** быть представлен, но ***должен*** быть исполнен. Субъекты регулируемых правоотношений имеют разную правообязанность по одному поводу. С одной стороны, использование сформулированных в Заключении ПМПК выводов предполагает вариативность поведения родителей обследуемого экспертами Комиссии ребенка – предоставлять или не предоставлять заключение ПМПК в образовательное учреждение. С другой – выполнение основных сформулированных в Заключении ПМПК рекомендаций по созданию специальных условий для получения образования лицами с ОВЗ обязательно к исполнению для уполномоченных в сфере образования региональных исполнительных органов власти, образовательных организаций и др. (п. 23 Положения). Во всяком случае обязательность создания необходимых условий согласно Заключению ПМПК фиксируется в целом ряде правовых актов Министерства образования и

[15] Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии : приказ Минобрнауки России от 20 сентября 2013 г. № 1082 // Рос. газета. 2013. № 47.

науки РФ и других уполномоченных в этой сфере властных субъектов[16].

Противоречивость судебной практики как следствие неоднозначности регулятивной модели инклюзивного образования

Заметим, что обозначенная «уникальная» рекомендательно/обязательная конструкция регулирования отношений, связанных с обеспечением обучения детей с ОВЗ, не всегда находит понимание у судей, дополняется двойственной трактовкой как обязательности самого Заключения ПМПК, так и его содержания.

Исходя из Закона об образовании нарушение или незаконное ограничение права на образование лиц с ОВЗ, в том числе нарушение требований к организации и осуществлению образовательной деятельности, предполагает юридическую ответственность (п. 7 ст. 28). Согласно ч. 2 ст. 5.57 КоАП нарушение или незаконное ограничение предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций либо нарушение установленного порядка реализации указанных прав и свобод влечет наложение административного штрафа. Административной ответственности подлежат должностные и юридические лица.

В ходе привлечения к административной ответственности за совершенное правонарушение требуется обоснование «посредством использования ... доказательств» наличия «определенных фактических обстоятельств», а также их юридическая квалификация[17]. Юридическая обоснованность постановления по делу об административном правонарушении как индивидуального административного акта по ч. 2 ст. 5.57 КоАП при нарушении прав лиц с ОВЗ предполагает ряд моментов. Прежде всего нужно понимать, есть ли событие административного правонарушения, применимы ли положения об обеспечении прав и интересов детей с учетом особенных потребностей рассматриваемой категории обучающихся. Фактическая же обоснованность постановления по делу, как правило, сопряжена с установлением соблюдения специальных требований (условий) к образовательному процессу для лиц с ОВЗ. Так, в некоторых случаях судья четко фиксирует ограничение права ребенка с ОВЗ на предоставление ему специальных условий, без которых освоение основной общеобразовательной программы основного общего образования является затруднительным. Это нарушения, связанные с отсутствием оборудования учебного кабинета, где обучается это лицо, наглядных материалов и мультимедийной аппаратуры (доска, проектор, компьютер с выходом в интернет, средства хранения и переноса информации (USB) накопители, принтер, сканер и телевизор)[18]. Эта совокупность требований как конкретные специальные условия предоставления образовательных услуг определяется в Заключении ПМПК, которое приобретает ключевое значение.

Такой подход можно увидеть в решении, например, Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия. Суд указал, что фактические обстоятельства дела подтверждаются собранными *доказательствами, в том числе заключениями ПМПК* с рекомендациями Комиссии по созданию специальных условий обучения (воспитания)[19]. В решении Кировского районного суда г. Красноярска[20] отдельно отмечается важность установления того обстоятельства, что для несовершеннолетнего с расстройством аутистического спектра не были созданы специальные условия организации обучения, которые специально оговаривались в Заключении ПМПК: не были организованы занятия с дефектологом, не

[16] Письмо Минобрнауки России от 20 апреля 2018 г. № 08-1051 «Об организации пункта проведения экзаменов на дому», Письмо Минпросвещения России от 7 февраля 2020 г. № ВБ-234/07 «О направлении информации», Письмо Минобрнауки России от 21 июня 2018 г. № ТС-1529/07 «О направлении информации», п. 4.1 Руководства по соблюдению организациями, осуществляющими образовательную деятельность, требований законодательства Российской Федерации в сфере образования к приему на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, в части обеспечения доступности образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (с учетом особенностей приема на обучение на 2020/2021 учебный год), утв. Рособрнадзором, решение Геленджикского городского суда Краснодарского края от 28 сентября 2018 г. № 12-159/2018 по делу № 12-159/2018.

[17] См.: *Ярковой С. В.* Законность и обоснованность административной правоприменительной деятельности // Сибир. юрид. обозрение. 2017. № 1. С. 85.

[18] См., например, решение Емельяновского районного суда Красноярского края от 5 февраля 2020 г. № 12–25/2020 12-423/2019 по делу № 12-25/2020.

[19] Решение Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия от 5 сентября 2018 г. № 12-36/2018 по делу № 12-36/2018.

[20] Решение Кировского районного суда г. Красноярска от 21 сентября 2020 г. № 12-216/2020 по делу № 12-216/2020.

проводились занятия с логопедом, не предоставлялись услуги ассистента (помощника) на период адаптации. Видим, что именно несоблюдение сформулированных в заключении ПМПК условий в отношении конкретного ребенка является ключевым фактором при определении наличия объективной стороны состава правонарушения, порой влияющим и на определение вины привлекаемого к ответственности лица, уполномоченного на создание должных условий для обучения детей с ОВЗ.

При этом вина образовательной организации может устанавливаться судом на основании ч. 2 ст. 2.1 КоАП за «непринятие надлежащих мер к получению документов о состоянии здоровья несовершеннолетнего», что «повлекло предоставление образовательной услуги ненадлежащего качества, без учета потребности ребенка-инвалида в проведении коррекционных занятий с логопедом»[21]. То есть диспозитивная норма, делающая представление родителями Заключения ПМПК в образовательное учреждение правом, а не обязанностью диссонирует с обязанностью этого учреждения в любом случае создать специальные условия для обучения детей с ОВЗ.

Между тем есть примеры, когда в судебном решении сам характер Заключения ПМПК в целом трактуется как рекомендательный. Так, из решения Красногвардейского районного суда Белгородской области[22] следует, что в Заключении ПМПК было рекомендовано проводить с указанным в нем несовершеннолетним с ОВЗ занятия с педагогом-психологом, учителем-логопедом и дефектологом. Судя по Заключению, замены одного специалиста на другого не предполагалось. Тем не менее в связи с отсутствием дефектолога занятия проводились только логопедом. Суд, приняв во внимание пояснения обеспечивающего выполнение рекомендаций Заключения ПМПК должностного лица, принял решение об отсутствии события правонарушения.

Вместе с тем дефектология включает в себя «ряд разделов специальной педагогики», среди которых называется и логопедия[23]. Иными словами, логопед не может в полной мере заменить дефектолога. Более того, например, при проведении специалистами анализа особенностей коррекционно-развивающей работы с несовершеннолетними, находящимися на лечении в психиатрическом в стационаре, роли педагога-дефектолога и логопеда не смешиваются[24]. Уже после возникновения рассматриваемой спорной ситуации, в 2023 г., приказом Минтруда России был утвержден Профессиональный стандарт «Педагог-дефектолог» (далее – Профессиональный стандарт), в котором отражена специфика деятельности этого специалиста и, соответственно, требований к нему[25]. Содержание стандарта позволяет говорить о необходимости подробно исследовать вопрос об имеющемся ограничении здоровья у ребенка и обеспечении работы с ним нужного ему специалиста – не во всех случаях возможна замена учителя-дефектолога на учителя-логопеда.

Следует заметить, что при вынесении решения суд принял во внимание содержание Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, утв. приказом Минздравсоцразвития РФ (далее – Единый квалификационный справочник), где к учителю-дефектологу и учителю-логопеду предъявляются одинаковые требования[26]. Как следствие, на настоящий момент в Профессиональном стандарте и Едином квалификационном справочнике присутствуют разночтения, учитывая которые, рекомендуется при предъявлении требований к образованию учителя-дефектолога, учителя-логопеда применять Профессиональный стандарт в связи с его большей актуальностью. Вследствие отмеченного расхождения требований к аналогичным профессиям (должностям) работодатель, по общему правилу, самостоятельно определяет исполь-

[21] Решение Лесосибирского городского суда Красноярского края от 21 июня 2019 г. № 12-45/2019 по делу № 12-45/2019.

[22] Решение Красногвардейского районного суда Белгородской области от 23 марта 2021 г. № 12-10/2021 по делу № 5-16/2021.

[23] См.: *Эшмуминова Б. М.* Дефектология как область научного познания // ORIENSS. 2023. № 2. С. 332.

[24] См.: *Фесенко Ю. А., Литвиненко И. В., Лосева С. М.* Роль дефектолога, специального психолога, логопеда и воспитателя в лечебно-реабилитационном процессе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2021. № 4. С. 283–294.

[25] Приказ Минтруда России от 13 марта 2023 г. № 136н. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2023).

[26] Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26 августа 2010 г. № 761н // Рос. газета. 2010. № 237.

зуемый нормативный акт[27]. Однако в контексте образовательных прав лиц с ОВЗ такая свобода выбора может привести к нарушению прав обучающегося, а это – негативно повлиять на процессы его полноценного развития, адаптации и последующей социализации, что прямо скажется на уровне его жизни.

Итак, Заключение ПМПК следует рассматривать в качестве значимого конструктивного элемента нормативной модели инклюзивного образования лиц с ОВЗ. В то же время оно различным образом воспринимается в контексте административной ответственности по ч. 2 ст. 5.57 КоАП. В одном случае мы можем видеть фактическую фиксацию обязанности образовательной организации истребовать документ у законных представителей обучающегося, а в другом сталкиваемся с рекомендательным характером Заключения Комиссии, хотя речь должна идти скорее о рекомендательном характере его представления родителями. В законодательной практике, как правило, характер норм является очевидным. Хотя в доктрине запрещающие нормы иногда рассматривают как разновидность обязывающих, поскольку они формулируют должное поведение указанием не на действие, а на недопущение действия[28]. Порой рекомендательные нормы носят и характер обязывания, но, как правило, это касается государственно-служебных отношений[29]. В других же случаях двойственность нормативного правила затрудняет выбор верной модели поведения субъектами правоотношений. Очевидно, что используемая в законодательстве неоднозначная технико-юридическая конструкция о правах родителей предоставить Заключение ПМПК и обязанности уполномоченных в сфере образования органов и организаций исполнить данные в этом Заключении рекомендации предполагает вариативность толкования, провоцирует дисбаланс прав и обязанностей участников правоотношений и неустойчивость судебной практики, влечет недопустимые в этой области дискриминационные конструкции для уполномоченного органа[30].

Здесь следует заметить, что приведенный в статье вывод об обязательно-рекомендательном характере Заключения ПМПК следует из системного толкования нормативных положений. Прямое указание на его правовую природу отсутствует, что является отправной точкой для обозначенных проблем. Изменить сложившуюся ситуацию можно уточнением перечня случаев, при наличии которых родители (законные представители) будут обязаны представлять Заключение ПМПК уполномоченным субъектам, что даст право образовательной организации истребовать соответствующий документ. Возможно, это не решит всей совокупности имеющихся проблем в обеспечении права на образование обучающихся с ОВЗ, но позволит сделать более обоснованным привлечение к административной ответственности за невыполнение требований законодательства к обучению детей с ОВЗ. К тому же это позволит устранить двойственность в соотношении коррелирующих между собой прав и обязанностей участников правоотношений в области инклюзивного образования, как обычных граждан и организаций, так и уполномоченных властных субъектов.

С учетом фиксируемых нарушений в сфере обеспечения прав обучающихся с ОВЗ следует заметить, что существующая нормативная модель инклюзивного образования в нашем законодательстве не только неоднозначна, но и не совсем соответствует требованиям современного социального государства, призванного поддерживать лиц с ограниченными возможностями здоровья. Подобная ситуация нуждается в правовой корректировке и внимании законодателя, поскольку напрямую влияет на права таких обучающихся и процесс оказания им необходимой помощи. Думается, что содержание нормативных моделей правоотношений в области образования и воспитания детей с ОВЗ должно наполняться с учетом заключений экспертов, осознающих реальные потребности лиц с ОВЗ. Это позволит, во-первых, реализовать приоритеты Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации[31], связанные с расшире-

[27] О направлении информации : письмо Минпросвещения России от 25 апреля 2023 г. № 07–2198.

[28] Часть 1 ст. 9 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

[29] Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих : Указ Президента РФ от12 августа 2002 г. № 885 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 33. Ст. 3196.

[30] Речь идет о рассмотренном выше Письме Минпросвещения России от 25 апреля 2023 г. № 07-2198.

[31] Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

нием возможностей для получения качественного образования теми обучающимися, которые нуждаются в особой защите государства и общества в целом (п. 29–31); во-вторых – достичь национальных целей по реализации потенциала каждого человека, развитию его талантов, воспитанию патриотичной и социально ответственной личности, а также по созданию комфортной и безопасной среды для жизни[32].

Библиографический список

Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М., 2006. 584 с.

Выготский Л. С. Основы дефектологии. М, 2024. 332 с.

Фесенко Ю. А., Литвиненко И. В., Лосева С. М. Роль дефектолога, специального психолога, логопеда и воспитателя в лечебно-реабилитационном процессе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2021. № 4. С. 283–294.

Эшмуминова Б. М. Дефектология как область научного познания // ORIENSS. 2023. № 2. С. 332–336.

Ярковой С. В. Законность и обоснованность административной правоприменительной деятельности // Сибир. юрид. обозрение. 2017. № 1. С. 82–89.

References

Atamanchuk G. V. Theory of Public Administration : Course of Lectures. Moscow, 2006. 584 p.

Vygotskiy L. S. Basics of Defectology. Moscow, 2004. 332 p.

Fesenko Yu. A., Litvinenko I. V., Loseva S. M. The Role of a Speech Pathologist, Special Psychologist, Speech Therapist and Educator in the Treatment and Rehabilitation Process // Pushkin Leningrad State University Journal. 2021. No. 4. P. 283–294.

Eshmuminova B. M. Defectology as a Field of Science // ORIENSS. 2023. No. 2. P. 332–336.

Yarkovoy S. V. The Legality and Validity of Administrative Enforcement. // Siberian Law Review. 2017. No. 1. P. 82–89.

[32] См. п. 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Власова А. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса

E-mail: avlasova@hse.ru

Михеева И. В., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права

E-mail: imikheeva@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.12.2024

Для цитирования:

Власова А. С., Михеева И. В. Обязательно-рекомендательная модель инклюзивного образования в России как уникальная регулятивная конструкция // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 262–269. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/262-269

National Research University «Higher School of Economics» (HSE Nizhny Novgorod)

Vlasova A. S., Candidate of Sciences (PhD) in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure

E-mail: avlasova@hse.ru

Mikheeva I. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Constitutional and Administrative Law Department

E-mail: imikheeva@mail.ru

Received: 22.12.2024

For citation:

Vlasova A. S., Mikheeva I. V. Mandatory-recommended model of inclusive education in Russia as a unique regulatory construct // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 262–269. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/262-269

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ВОЛЯ, ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ: ВЗГЛЯДЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ДРУГИХ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ»

УДК 316.46
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/270-280

ФАКТОР ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ: МЕЖДУ БЕЗВОЛИЕМ И ТРИУМФОМ ВОЛИ

А. В. Глухова
Воронежский государственный университет

THE LEADERSHIP FACTOR IN POLITICAL PROCESS: BETWEEN WEAKNESS AND TRIUMPH OF WILL

A. V. Glukhova
Voronezh State University

Аннотация: рассмотрен феномен политического лидерства и фактор лидера в политических процессах прошлого и настоящего. Исследованы типы политических лидеров, обусловленные как их личностными особенностями, так и спецификой исторической ситуации, в которой они действуют. Обращается внимание на транзитивную функцию лидера, призванного обеспечить переход общества из прошлого в будущее. Автор подчеркивает ценность коллективного лидерства как страховочного механизма предотвращения «триумфа воли», т. е. бесконтрольных и безответственных действий политиков, облеченных властью.
Ключевые слова: политический лидер, лисы и львы, индивидуальное и коллективное лидерство, общественная динамика, триумф воли над разумом.

Abstract: this paper explores the phenomenon of political leadership and the leader's factor in political processes, both historically and contemporaneously. It examines the types of political leaders, shaped by their personal attributes and the distinctive historical context of their actions. The focus is directed towards the transitive function of the leader, which is designed to ensure the transition of society from the past to the future. The author underscores the value of collective leadership as a safety net to prevent the 'triumph of will', i.e. uncontrolled and irresponsible actions of politicians in power.
Key words: political leader, foxes and lions, individual and collective leadership, social dynamics, triumph of will over reason.

Проблема политического лидерства как выражения практической субъектности политического действия занимала умы мыслителей с давних времен. Достаточно вспомнить «Жизнеописания» Плутарха, в которых поэтизируются и воспеваются подвиги великих героев прошлых эпох, используемые в качестве наставления юношеству и воспитания его в духе героического служения Отчизне. Одновременно с прославлением военных доблестей порицались недостойные действия тех, кто проявил трусость, слабость или предательство и навек покрыл себя позором в глазах потомков. Вместе с тем внимание к феномену лидерства не сводилось лишь к его воспитательной, «наставнической» роли, но возрастало по мере усложнения политики, проникновения в ее внутренние пружины и механизмы, в переплетение институциональных, функциональных и коммуникативных измерений, во взаимодействия ее формального и «живого, человеческого» начала.

© Глухова А. В., 2025

Дискурс лидерства в политической науке

В политической науке существует множество различных теоретических подходов к феномену лидерства и фактору лидера в реальных политических процессах. Однако, несмотря на солидное количество трудов и подходов, они далеко не в полной мере устраивают современных исследователей. Так, признанный специалист в области изучения политического лидерства, американская исследовательница Маргарет Херманн полагает, что и сегодня изучение лидерства всё еще находится «в младенческом состоянии». Столь суровый вердикт вызван, по всей видимости, тем, что по мере возрастания количества исследований в этой области всё меньше согласия по неким принципиальным вопросам складывается между их авторами. Предметом дискуссий являются как сами трактовки политического лидерства, так и объяснительные теории, критерии типологии политических лидеров и т. д.

Один из признанных авторов в этом ряду – флорентиец Н. Макиавелли, обогативший историю политической мысли оригинальной концепцией политического лидерства. С его точки зрения, политический лидер не должен строго следовать заповедям морали, но может «отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»[1]. Автор справедливо отмечает, что государь, особенно новый, не может действовать в соответствии с теми моральными принципами, «за что людей почитают хорошими», но часто вынужден идти против своего слова ради сохранения государства. «Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е. ... по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла»[2]. Подобные сентенции, сформулированные в жестких условиях политической борьбы рубежа XV–XVI вв., дали начало понятию «макиавеллизм» в политике, имея в виду именно низкие нравственные качества политических лидеров. Печально известная сентенция – «цель оправдывает средства» – навсегда поместила Макиавелли в лагерь мыслителей, проповедующих политический аморализм. Однако не все солидарны со столь суровым приговором. Известный французский ученый П. Рикер предложил, на наш взгляд, более точное определение позиции Макиавелли как «имморализм». «Я бы хотел отметить следующие идеи, высказанные Макиавелли, – пишет Рикер. – Во-первых, в своей книге "Государь" он говорит, что задача политики состоит в том, чтобы укреплять власть, делать ее продолжительной и стабильной. Политика должна придавать человеческой деятельности перспективу длительности: каждый из нас смертен, а общество, в котором мы живем, продолжает существовать. Во-вторых, если отвлечься от того, что называют макиавеллизмом, вероломством, то нужно констатировать, что у данного автора, имеется *позитивная идея о связи добродетели и случая*. Я думаю, что это очень важный элемент культуры политика. С одной стороны, ему необходимо уметь использовать благоприятные возможности, а с другой стороны, он обязан оставаться честным человеком. Политики крайне редко сочетают в себе оба эти качества»[3].

Н. Макиавелли считается создателем политической науки, освободившим ее от философско-этической формы и поставившим в центр политических исследований проблему государственной власти. Он подчинил политическую мысль решению реальных, практических задач и выступил прародителем политтехнологического подхода к политике, разработав технологии эффективного лидерства, органичные авторитарным политическим системам[4]. Для демократических политических лидеров наших дней его советы вряд ли могут быть приемлемыми.

Н. Макиавелли первому принадлежит идея типологизации политических лидеров исходя из объективных условий, приведших их к вершинам власти. Знаменитая дихотомия «лисы / львы» основана, во-первых, на учете личностных качеств как первых, так и вторых. Львы отличаются храбростью и бесстрашием, но в силу своей самоуверенности могут вовремя не заметить опасности. Они заботятся о сплоченности группы и предпринимают силовые действия, когда их власть наталкивается на сопротивление; часто предпочитают националистические мо-

[1] *Макиавелли Н.* Государь // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 255.

[2] Там же. С. 257.

[3] *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / отв. ред. и авт. послесл. И. С. Вдовина. М. : KAMI, 1995. С. 108.

[4] См.: *Кравченко А. И.* Макиавелли : технология эффективного лидерства // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 135–142.

тивировки для оправдания своих решений, исповедуют культ семьи и нации. Их власть носит поляризующий характер (свой – чужой, «друг – враг»). Львов хвалят за решительность и последовательность, а критикуют за грубость и недостаток политической гибкости.

Лисы, напротив, хитры, изворотливы и лицемерны, отчего и преуспевают в политике. В глазах людей они могут выглядеть искренними, благочестивыми и сострадательными, но внутренне сохраняют способность проявлять прямо противоположные качества, если это необходимо[5]. Лисий стиль проявляется также в рациональных и прагматично-правовых обоснованиях политических маневров. «Насколько сторонники лис почитают эти черты как проявления гибкости и ума, настолько критики смотрят на лис как на подверженных коррупции оппортунистов, лишенных нравственного стержня», – считают польские исследователи Я. Пакульски и Я. Василевски[6].

Во-вторых, Макиавелли впервые поместил фактор лидерства (как персонального, так и группового) в соответствующий общественно-политический контекст, благоприятствующий появлению политиков с теми или иными, им внутренне присущими качествами. Львы появляются в сложные, кризисные периоды, когда политическая система приходит в состояние нестабильности и требуются быстрые и решительные действия по предотвращению угрозы дестабилизации. Лисы же, напротив, есть атрибут спокойных, благополучных времен, когда возникает спрос на такие присущие им качества, как склонность к компромиссам, всевозможным (не всегда чистоплотным) сделкам и т. д. Политический маятник, движущийся от одного полюса к другому, уравновешивает как жажду скорых перемен, так и ценность стабильного существования.

Внимание к феномену политического лидерства на рубеже XX–XXI вв. было в немалой степени продиктовано кризисом политических институтов, вызвавшим в широких массах недоверие к демократическим процедурам и практикам и, напротив, доверие к конкретным персонажам политической сцены. М. Вебер, З. Фрейд, итальянские ученые Г. Моска и В. Парето – создатели элитистского подхода уповали на личностный фактор в политике как противовес «железному закону олигархических тенденций» (Р. Михельс) и высвобождению политического начала из костной бюрократической клетки.

Традиция макиавеллизма нашла себе достойное продолжение в конце XIX в., в трудах немецкого философа Ф. Ницше, создавшего концепцию сверхчеловека – «великого человека толпы», способного управлять людьми, используя низменные страсти и пороки. Ф. Ницше исходил из того, что каждый человек эгоистичен по своей натуре, и в повседневной жизни, как и в критические периоды истории, легко преступает границы права. Более того, человеку присущи такие низменные качества, как ненависть, зависть, гнев, периодически вырывающиеся наружу и приносящие людям неисчислимые бедствия. Ницше полагал, что страсть к насилию, войне и разрушениям коренится в инстинкте враждебности, свойственном человеку как родовому существу, и сдерживать его чрезвычайно сложно.

Ницше дал политическим технологам «легкий рецепт» производства «великого человека толпы», который и сегодня пришелся бы по вкусу политикам популистского толка. «При всяких условиях нужно доставлять ей (толпе. – *А. Г.*) то, что ей весьма приятно, или сначала вбить ей в голову, что то или иное было бы приятно, а затем дать ей это. Но ни в коем случае не сразу; наоборот, следует завоевывать это с величайшим напряжением или делать вид, что завоевываешь. Толпа должна иметь впечатление, что перед ней могучая и даже непобедимая сила воли; или, по крайней мере, должно казаться, что такая сила существует. Сильной волей восхищается всякий, потому что ни у кого ее нет, и всякий говорит себе, что, если бы он обладал ею, для нее и для его эгоизма не было бы границ. И если обнаруживается, что такая сильная воля осуществляет что-либо весьма приятное толпе, вместо того чтобы прислушиваться к желаниям своей алчности, то этим еще больше восхищаются и с этим поздравляют себя. В остальном такой человек должен иметь все качества толпы: тогда она тем менее будет стыдиться перед ним, и он будет тем более популярен. Итак, пусть он будет насильником, завистником, эксплуататором, ин-

[5] См.: *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 257.

[6] См.: *Пакульски Я., Василевски Я.* Циркуляция политических элит : от лис к львам // Политические исследования (ПОЛИС). 2008. № 6. С. 24.

триганом, льстецом, пролазой, спесивцем – смотря по обстоятельствам»[7].

Ф. Ницше в большей степени, чем Н. Макиавелли, разрабатывал психологический подход к феномену лидерства. Если для Макиавелли независимость и безопасность родной Флоренции была той целью, ради которой годились любые средства, то в случае Ницше содержание цели было куда более амбициозным – мировое господство. Не удивительно, что во время Второй мировой войны немецкие нацисты использовали философию Ф. Ницше для оправдания бесчеловечной политики «Третьего рейха». Ужасы, принесенные человечеству этими практиками, надолго дискредитировали и их, и породившие их теории. Не случайно самой острой проблемой нашего времени стала проблема выявления природы разрушительного начала в индивиде, социуме и истории, проделанного, наряду с другими авторами, известным американским ученым Э. Фроммом[8].

Дискредитация практики радикализма, экстремизма и агрессии способствовала появлению другой концепции политического лидерства, которая обращается к лучшим сторонам человеческой души, призывает к любви, миротворчеству и ненасилию. Наиболее ярким воплощением такого типа лидерства стал индийский политический деятель М. Ганди. Не занимая никаких официальных постов, он совершил величайший переворот в истории своей страны – добился ее освобождения от британского колониального владычества. Первый президент независимой Индии Д. Неру представил портрет Ганди в своей книге «Взгляд на всемирную историю»: «... Голос Ганди отличался от других голосов. Он звучал тихо и спокойно, и, тем не менее, его не могли заглушить крики толпы. Он был мягким и ласковым, но в нем звенела сталь. Он звучал вежливо, он увещевал, но в нем слышалось нечто непреклонное и угрожающее. Каждое произнесенное им слово было исполнено значения и чрезвычайной серьезности. За мирными и дружественными словами таилась сила, призыв к действию и решимость не уступать злу»[9].

М. Ганди видел все ужасы Второй мировой войны и не мог принять радикализм как способ достижения любой, даже самой возвышенной цели. Более того, по его мнению, лидер может добиться политической власти при помощи любви, представляющей собой активное ненасилие как основу существования мира. Индийский мыслитель и политик сформулировал и обосновал основные принципы ненасильственного политического лидерства: не сотрудничество с колонизаторами (отказ от должностей, бойкот правительственных и иных учреждений), организация мирных демонстраций и шествий и гражданское неповиновение – неподчинение законам колониальной администрации. «Лидерство ненасилия» М. Ганди апеллировало к мирным способам урегулирования конфликтов – переговорам, посредничеству, арбитражу и т. д.

Среди современных концепций политического лидерства можно выделить несколько наиболее популярных. М. Херманн уделяет первостепенное внимание типологии лидерства исходя из их стилевых особенностей (знаменосец, служитель, торговец, пожарный)[10]. Британский историк и политолог А. Браун в большей степени акцентирует поведенческие стратегии лидеров и формы их коммуникации с последователями, отмечая преимущества коллективного и коллегиального лидерства перед индивидуальным и личным[11]. Немецкий исследователь Ю. Хартманн в своей книге «Личность и политика» использует психологический и биографический методы в исследовании становления ряда политических лидеров – носителей власти в Германии, Франции, Великобритании, США, СССР/России и Китае[12]. Польский политолог Е. Вятр проводит различие между «транзакционными» и «трансформирующими» лидерами и их периодической взаимозаменяемостью в истории[13]. Известный дипломат и поли-

[7] *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1 : Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 807.

[8] См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. 635 с.

[9] Цит.по: *Панарин А. С., Василенко И. А.* Политология : Общий курс : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. С. 135.

[10] См.: *Херманн М. Д.* Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования. (ПОЛИС). 1991. № 1. С. 91–98.

[11] См.: *Браун А.* Типы лидеров : определить, найти подход, добиться своего / [пер. с англ. Е. Деревянко]. М. : Бомбора Эксмо, 2019. 412 с. ; *Его же.* Политическое лидерство и политическая власть // Политические исследования (ПОЛИС). 2016. № 1. С. 104–120.

[12] См.: *Hartmann J.* Personlichkeit und Politik. 1. Auflage. Wiesbaden : VS Verlag fur Socialwissenschaften, 2007. 315 S.

[13] См.: *Wiatr J. J.* Political leadership between democracy and authoritarianism. Copmparative and historical perspectives. Berlin, Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022.

тик Г. Киссинджер в своей последней книге, посвященной лидерству, предлагает политические портреты шести известных лидеров – глав государств, сыгравших, по его мнению, выдающиеся роли в политических процессах второй половины XX в.[14]. Со всеми ними он был знаком лично и участвовал в выработке соответствующих соглашений и договоров по урегулированию международных конфликтов. Представители отечественной исторической науки Р. Медведев и Н. Андреев в своей книге «Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство» рассматривают личностные особенности двух лидеров как фактор развития России и Китая, а также глобального миропорядка[15]. Наконец, усилиями коллектива российских ученых из МГИМО создана коллективная монография «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада», объектом которой выступают как ведущие страны Запада (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия и т. д.), так и менее изученные, но не менее интересные – Бразилия, Албания и Румыния. Анализируя в историко-политологическом ключе события в этих странах, авторы монографии обращаются к личностному срезу лидерства, выстраивая его типологии, выявляя взаимодействие между традициями политических культур разных стран и новыми политико-культурными трендами[16].

Лидер в контексте движения от прошлого к будущему

Главной предпосылкой появления той или иной модели лидерства выступает *общественная динамика.* Любое общество, независимо от характера политической системы, постоянно находится в транзите между прошлым, формирующим его память, и картиной будущего, направляющей его эволюцию. Этот путь нуждается в лидерских качествах, включая принятие решений, определение направления движения, убеждение соратников и завоевание доверия у последователей. Эти функции, хоть и в меньшем социальном масштабе, проявляются и в других социальных институтах, например в армии, церкви или компании, где предстоит переход из одного состояния в другое. «Без лидерства учреждения ложатся в дрейф, а страны скатываются в нерелевантность, заканчивая катастрофой», – отмечал Г. Киссинджер[17]. По его мнению, лидеры мыслят и действуют на пересечении двух осей: одна пролегает между прошлым и будущим, вторая – между традиционными ценностями и устремлениями подвластных. Отсюда от лидера в первую очередь требуется анализ реального состояния дел; он должен найти равновесие между тем, что следует взять из прошлого, и интуитивным представлением о желаемом будущем, которое всегда неопределенно и гипотетично. Если лидер хотя бы интуитивно понимает направление движения, то это позволяет ему формулировать задачи, разрабатывать стратегию и добиваться поддержки своих сторонников. Государственное управление, как известно, располагает монополией на узаконенное насилие, однако лидерство, опирающееся только на принуждение, считается неадекватным. Настоящее лидерство «определяется стремлением окружающих ориентироваться на лидера и следовать за ним»[18]. Он также должен побуждать свою команду транслировать идеи, нацеленные на решение насущных практических вопросов, а также его внутреннюю энергию и волю. Вместе с тем качество окружения способно как увеличить, так и умалить образ лидера.

Сегодня в политической науке уделяется пристальное внимание различению индивидуального и коллективного лидерства. Первое преобладает в рамках авторитарных политических режимов и в крайних своих проявлениях нередко трансформируется в диктатуру. Демократические политические режимы, особенно парламентские демократии, в большей степени ориентированы на коллективное лидерство, хотя и здесь повышенное внимание к лидерам политических партий, усиленно продвигаемых масс-медиа, создает преувеличенное представление о значимости вклада высшего руководителя в политический процесс и нереалистичные ожидания в отношении роли, которую этот лидер может играть во всём политическом спектре. Это способствует формированию в мас-

[14] См.: *Киссинджер Г.* Лидерство / [пер. с англ. С. Рюмина]. М. : АСТ, 2024. 624 с. (Мировой порядок).

[15] См.: *Медведев Р., Андреев Н.* Владимир Путин и Си Цзиньпин : личность и лидерство. М. : АИРО XXI, 2021. 224 с.

[16] См.: Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада / под ред. Л. С. Окуневой. М. : МГИМО-Университет, 2022. 660 с.

[17] См.: *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 12.

[18] *Браун А.* Политическое лидерство и политическая власть. С. 104.

совом сознании необоснованной веры в то, что «сильный лидер», максимизирующий свою личную власть, олицетворяет собой наиболее блестящий и успешный тип руководителя. «В действительности эффективное лидерство чаще носит коллективный и коллегиальный характер, – полагает А. Браун. – Чем дальше лидер отделен от других избираемых политиков, тем большее независимое влияние – и большую власть де-факто – приобретают его не избираемые советники»[19]. Идея сильного лидера, наделенного безграничными полномочиями, представляет собой опасную иллюзию, вне зависимости от того, о каком режиме (авторитарном, гибридном, демократическом) идет речь, и исторический опыт дает достаточно доказательств на этот счет.

Лидерство наиболее востребовано в кризисные, переходные периоды, когда старые ценности и институты теряют свою привлекательность, а очертания достойного будущего вызывают споры. Как утверждал Ф. Гринстайн, «личность лидера становится особенно важной, *во-первых,* когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом; *во-вторых,* в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей; *в-третьих,* в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими различные политические решения. Роль личности в политическом процессе тем больше, чем более восприимчива среда к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе и чем ярче сила "эго" того или иного политика»[20] .

Сила «эго», на наш взгляд, и есть проявление волевых психологических качеств личности, главными из которых являются бесстрашие и твердость характера. Бесстрашие необходимо при выборе одного направления из массы трудных и запутанных вариантов; твердость характера обеспечивает продолжение движения намеченным курсом, даже если его выгоды не очевидны.

М. Вебер в своей классической работе «Политика как призвание и профессия» (1919) поставил вопрос о политическом лидерстве в этическом плане: каким надо быть человеку, чтобы повлиять на ход истории? По мнению автора, главными качествами политического лидера должны быть *страсть, чувство ответственности и глазомер.*

Страсть означает *страстную ориентацию на существо дела* и страстную самоотдачу ему; это первый закон политического лидерства. Вместе с тем одной только страсти недостаточно; если страстное служение не будет ответственным, человек не станет политическим лидером. Его «путеводной звездой» должна стать *ответственность* перед своим делом.

Но как добиться соединения страсти и ответственности, чтобы ни одно из этих качеств не было утеряно? По Веберу, решающим психологическим качеством, соединяющим воедино страсть и ответственность, является *глазомер,* т. е. «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям»[21]. Отсутствие дистанции рассматривалось ученым как один из смертных грехов политика, поскольку проблема в том и состоит, чтобы «втиснуть» в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер[22]. И вполне очевидно, что это крайне сложная задача, поскольку жертвование ответственностью может снять с лидера все ограничения по поводу реализации своих намерений (даже самых авантюрных), а жертвование страстью означает отказ от инициирования и руководства переменами. Отсюда следует и знаменитое определение политики как социального явления: «Политика есть мощное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером» [23].

Согласно М. Веберу, с этической точки зрения существует два способа сделать из политики свою профессию: жить либо для политики, либо за счет политики и политикой. Но вряд ли можно считать данную противоположность исключительной: обычно, по меньшей мере, духовно, но чаще всего и материально, делают и то, и другое. Историк Эндрю Робертс напоминает: при том что наиболее общее понимание «лидерства» ассоциируется с неизменным бла-

[19] *Браун А.* Политическое лидерство и политическая власть. С. 113.

[20] Цит. по: *Шестопал Е. Б.* Парадоксы политического лидерства // Политические исследования (ПОЛИС). 2023. № 3. С. 184.

[21] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия / [пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова ; вступ. ст. А. Ф. Филиппова ; коммент. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова]. М. : РИПОЛ классик, 2017. С. 307.

[22] См.: Там же. С. 252–326.

[23] См.: Там же. С. 326.

городством, «лидерство, по сути, совершенно нейтрально в плане морали и способно привести человечество как в пропасть, так и к солнечным вершинам. Это – многообразная и чрезвычайно мощная сила, которую мы должны стремиться направлять на достижение моральных целей»[24].

К чему может привести триумф воли?

Если рассматривать волю как философское понятие, то речь пойдет о феномене регуляции субъектом своей деятельности и поведения. Воля отвечает за постановку целей и концентрацию внутренних усилий для их достижения. Политическая воля трактуется как способность человека (группы людей) действовать в направлении сознательно поставленной политической цели, преодолевая при этом внутренние и внешние препятствия. Естественно, что и формулировка цели, и мобилизация ресурсов на ее достижение требуют персонального и группового лидерства, что и составляет функционал конкретного политика и формирующейся вокруг него элиты.

Но как воспрепятствовать тому, чтобы в желаемом равновесии страсти и ответственности не подвел глазомер? Как помешать пагубному движению к торжеству безответственной воли, которая может потребовать очень высокую цену за свой триумф?

Не у каждого исследователя природы лидерства мы можем найти ответ на поставленный вопрос, однако такой ответ есть у писателя, причем очень тонкого знатока человеческой природы и, прежде всего, психологии незаурядной личности.

Австрийский писатель С. Цвейг в одном из своих историко-критических очерков показывает, как безумная страсть к мировому господству такого безусловно умного, гениального человека, как Наполеон Бонапарт, заставляет его разрушать то, что он сам же и создал, демонстрируя нам *триумф воли над разумом.* С. Цвейг начинает с того, что отмечает постоянно возрастающее общее напряженное состояние эпохи. С каждым годом внутри Франции всё яснее обнаруживается существование двух противоположных стремлений: страна желает, наконец, мира, а Наполеон – всё новых и новых войн. «В 1800 г. Бонапарт, получивший в наследство революцию и упорядочивший ее, составлял еще одно целое со своей страной, со своим народом и своими министрами. Наполеон 1804 г., император нового десятилетия, уже давно не думает более о своей стране, о своем народе, а единственно только о Европе, о мире, о бессмертии. После того, как он мастерски разрешил порученную ему задачу, он ставит перед собой, ***благодаря избытку сил*** (выделено мной. – *А. Г.)*, новые, всё более трудные задачи, и тот, кто превратил хаос в порядок, разрушает свое собственное дело, ввергая порядок обратно в хаос»[25].

С. Цвейг отнюдь не хочет сказать, что разум Наполеона потускнел, однако последний при всех своих неслыханных победах *утратил реальную меру возможного*[26]. Вместе с успехами растут его цели, с победами – его дерзость, с торжеством над судьбой – желание бросать ей всё более и более дерзкие вызовы. Поэтому вполне естественно, что приходят в ужас окружающие его люди, не оглушенные фанфарами бюллетеней о победах: дипломат Талейран и руководитель тайной полиции Фуше. Они думают о своей эпохе, настоящем, Франции, а Наполеон – единственно о будущем, легенде, истории. «…Он мыслит только полками, корпусами, армиями: он уже давно рассматривает Францию, всю страну, весь мир только как свою ставку, как безраздельно принадлежащую ему собственность: «La France c,est moi» («Франция – это я»)[27].

Нечто подобное в Европе прозвучит чуть более столетия спустя и приведет к катастрофическим последствиям. Начало этой катастрофы документально зафиксировано в печально знаменитом фильме кинорежиссера Лени Рифеншталь «Триумф воли». Название фильма напоминает о бонапартистской фантазии, согласно которой некогда революционная воля народа растворилась в высшей воле фюрера. *Воля стала содержанием, триумф – формой.*

Действие фильма происходит в Нюрнберге в сентябре 1934 г., во время проведения VI ежегод-

[24] Цит. по: *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 22.

[25] *Цвейг С.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 6: Врачевание и психика ; Жозеф Фуше : Портрет политического деятеля. М. : ТЕРРА, 1992. С. 481.

[26] «Поход Александра из Греции до Индии, представляющийся еще и сейчас сказочным, когда следишь за ним, проведя пальцем по карте, марш Карла XII из Стокгольма до Полтавы, караван в шестьсот тысяч человек, который Наполеон тащит от Испании до Москвы – все эти великие проявления мужества и в то же время высокомерия. И Наполеон неудержимо стремится к этому крайнему пределу, как только он чувствует у себя на челе императорскую корону» (*Цвейг С.* Указ. соч. С. 482).

[27] Там же. С. 482.

ного съезда НСДАП. Вступительный титр гласит: «20 лет после начала мировой войны… 16 лет после начала немецкого горя… 19 месяцев после начала германского возрождения…» Название, как и происходящее на экране действо, отсылает к триумфам, проводившимся в Древнем Риме победителями в значимых сражениях или покорением других народов и государств. В данном же случае в роли триумфатора выступает Адольф Гитлер, который всего пару месяцев назад преодолел раскол в партии посредством истребления своих бывших соратников (*«Ночь длинных ножей»)*. Замысел авторов заключался в том, чтобы показать возрождение немецкой нации после позорного поражения в Первой мировой войне, а также единство немецкого народа, национал-социалистической партии и ее лидера. Фильм завершался речью одного из ключевых сподвижников фюрера Г. Гесса: «Партия – это Гитлер! Гитлер же – это Германия, так же, как и Германия – это Гитлер!»[28]

В более академической форме подобные идеи прозвучали в трактате известного немецкого юриста К. Шмитта «Фюрер защищает право», написанного в августе 1934 г.: «До сегодняшнего дня мы расплачиваемся за медлительность и торможение германских правительств во время Мировой войны, – пишет К. Шмитт. – Всё нравственное возмущение позором подобного краха сконцентрировалось в Адольфе Гитлере и стало в нем движущей силой политического действия. Весь опыт и предупреждения истории немецкого несчастья живут в нем. Большинство опасается жесткости подобных предупреждений и предпочитает бегство в уклончивую и компромиссную поверхностность. Однако фюрер серьезно относится к урокам немецкой истории. Это дает ему право и силу для обоснования нового государства и нового порядка»[29]. Какими были это новое государство и новый порядок, известно всему миру. Позднейшие исследования юридических и политических практик Третьего рейха показали, что его создатели совершенно порвали со старой немецкой правовой традицией. Однопартийному государству, построенному А. Гитлером, было присуще безусловное повиновение воле фюрера; оно отличалось анархией компетенций и отсутствием каких-либо правил игры. По мнению немецкого ученого Ф. Нойманна, нацистская диктатура представляла собой «мешанину отдельных групповых и частных интересов, реализация которых была поставлена в зависимость от интересов квазинациональной общности и ее целей, – таким образом, всякое социально обоснованное сопротивление системе было исключено этой групповой порукой»[30].

Таким образом, великие исторические события порождаются совокупной волей лидера, элит – сподвижников лидера и нации, чья воля вызревает латентно, в глубинах общественной психологии. Если в обществе не созрел запрос на перемены (в ту или иную сторону), то никакой лидер, даже с очень сильной волей, не сможет привести огромную массу людей в движение. Но если такой запрос есть и лидер сумел адекватно его прочесть и прочувствовать, то это порождает огромную социальную энергию, которой очень трудно противостоять. Воля нации к сопротивлению и освобождению остается решающим фактором любого масштабного политического действования. При этом лидер, конечно, играет на сильных чувствах, лежащих в основании этой совокупной воли, многократно умножая, масштабируя и одновременно оформляя ее в мощное общественное движение, определяя его вектор и общий тренд, формулируя его цели и ценностные ориентиры.

Возможны другие ситуации, когда общество хочет перемен, но политические элиты и лидеры не готовы их инициировать и возглавить то ли в силу собственной ограниченности и беспомощности, то ли в логике самосохранения во власти, насколько это возможно (по принципам «не стоит рисковать», «после нас хоть потоп!», «пусть решают будущие поколения!»). В таких случаях общество впадает в состояние выученной беспомощности и безвольной пассивности, т. е., попросту говоря, социального гниения – распада

[28] После разгрома Третьего рейха Л. Рифеншталь предстала перед судом, однако ей удалось избежать наказания под предлогом того, что она снимала документальный фильм, свободный от идеологических и политических пристрастий. Однако из дневников, найденных уже после ее смерти, следовало, что она разделяла идеи национал-социализма и была убежденной сторонницей А. Гитлера и НСДАП.

[29] *Шмитт К.* Государство и политическая форма / пер. с нем. О. А. Кильдюшова ; сост. В. А. Анашвили, О. А. Кильдюшов ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. С. 265.

[30] *Нойманн Ф. Л.* Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2015. С. 17.

социальной ткани, разрушения правовых и нравственных норм, нарастания суицидальных актов (аномия, по Э. Дюркгейму). Первый же глубокий кризис – экономический, финансовый или военный – может вызвать политический взрыв с непредсказуемыми последствиями.

Другая, прямо противоположная ситуация – всесилие воли, ее триумф. Неограниченная воля крушит, прежде всего, институты, замыкает массы напрямую на лидера и элиминирует элиты из политического процесса. Особенно опасно, если воля опирается преимущественно на амбиции. Разумеется, без той или иной доли амбициозности политика вообще не существует: амбициозность – в известном смысле слова – и есть форма проявления волевого начала. Однако проблема заключается в том, какова мера этих амбиций и кому они служат в первую очередь – самому лидеру или делу, за которое он несет ответственность. Часто преобладание амбиций ведет к безрассудным действиям, преимущественно в личных интересах лидера, но не общества в целом. Однако, как показывает история, люди не часто извлекают из нее должные уроки.

И, тем не менее, политика остается слишком «человеческим действием» (Ф. Ницше), поэтому запрос на «сильного» лидера (решительного, смелого, целеустремленного и т.д.) сохраняется в качестве некой константы политической борьбы, особенно в странах с авторитарной политической культурой, где агрессивность, даже жестокость, готовность идти напролом ценятся гораздо больше, чем компромиссы и сделки, расцениваемые как проявления слабости. Как утверждали Н. Макиавелли и В. Парето, кризисные ситуации рождают запрос на лидеров – львов в надежде, что они силою воли разрешат все сложные вопросы. Сегодня в мировой и внутренней политике наступили именно такие времена, поэтому неудивительно, что наблюдается расцвет правого популизма, электоральные успехи которого создают угрозу откровенно автократического правления, где первой жертвой, как правило, становятся правовые и политические институты и нормы[31]. Хуже того, военные интервенции («маленькая победоносная война») также могут показаться соблазнительными для лидеров, гордящихся своей «силой» или стремящихся выглядеть таковыми. «Военные лидеры часто обладают также более высоким престижем, чем руководители мирного времени, хотя рискуют своей репутацией и, что важнее, жизнями и здоровьем других», – напоминает А. Браун[32]. Помимо прочего, автократическую тенденцию порождают и стимулируют само количество и характер возникающих вызовов. Их калейдоскопический круговорот и увеличившаяся скорость социального времени часто не оставляют места для продолжительных дебатов и согласований, что повышает произвол в принятии решений и увеличивает цену политических ошибок. Каким образом свести их к минимуму – вот сегодня главная проблема политической теории и практики.

Одновременно с этими антидемократическими тенденциями растет запрос на гуманизацию политики и повышение ответственности политических лидеров за принимаемые ими решения[33]. По мнению С. А. Кравченко, прагматически и меркантильно ориентированные науки и технологии, характерные для становящегося цифрового общества, радикально изменяют реалии власти и насилия, лишая их собственно культурного содержания, размывая смысл легитимности и нелегитимности. «Идет становление принципиально новой власти, базирующейся на цифровом насилии над человеком и обществом»[34]. Отсюда острая необходимость в разработке гуманистической политики, направленной на преодоление насилия, исходящего как от корыстного использования власти политическими элитами, так и от побочных эффектов формально-прагматической деятельности человека.

Библиографический список

Браун А. Типы лидеров : определить, найти подход, добиться своего / [пер. с англ. Е. Деревянко]. М. : Бомбора Эксмо, 2019. 412 с.

Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Политические исследования (ПОЛИС). 2016. № 1. С. 104–120.

Вебер М. Политика как призвание и профессия / [пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова ; всту-

[31] См.: *Глухова А. В.* Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение). Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. ун-та, 2024. С. 95–168.

[32] См.: *Браун А.* Политическое лидерство и политическая власть. С. 115.

[33] См.: *Нисневич Ю. А.* Политическая ответственность : институциональная постановка проблемы // Политические исследования (ПОЛИС). 2013. № 4. С. 62–74.

[34] *Кравченко С. А.* Спираль усложнения насилия : востребованность гуманистической политики // Политические исследования (ПОЛИС). 2019. № 5. С. 51.

пит. ст. А. Ф. Филиппова ; коммент. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова]. М. : РИПОЛ классик, 2017. С. 252–326.

Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение). Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. ун-та, 2024. 254 с.

Киссинджер Г. Лидерство / [пер. с англ. С. Рюмина]. М. : АСТ, 2024. 624 с. (Мировой порядок).

Кравченко А. И. Макиавелли : технология эффективного лидерства // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 135–142.

Кравченко С. А. Спираль усложнения насилия : востребованность гуманистической политики // Политические исследования (ПОЛИС). 2019. № 5. С. 43–55.

Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада / под ред. Л. С. Окуневой. М. : МГИМО-Университет, 2022. 660 с.

Макиавелли Н. Государь // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 252–264.

Медведев Р., Андреев Н. Владимир Путин и Си Цзиньпин : личность и лидерство. М. : АИРО XXI, 2021. 224 с.

Нисневич Ю. А. Политическая ответственность : институциональная постановка проблемы // Политические исследования (ПОЛИС). 2013. № 4. С. 62–74.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 801–814.

Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2015. 591 с.

Панарин А. С., Василенко И. А. Политология : Общий курс : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. 256 с.

Пакульски Я., Василевски Я. Циркуляция политических элит : от лис к львам // Политические исследования (ПОЛИС). 2008. № 6. С. 23–36.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. 635 с.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / отв. ред. и авт. послесл. И. С. Вдовина. М. : KAMI, 1995. 159 с.

Херманн М. Д. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования. (ПОЛИС). 1991. № 1. С. 91–98.

Цвейг С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6: Врачевание и психика ; Жозеф Фуше : Портрет политического деятеля. М. : ТЕРРА, 1992. 592 с.

Шестопал Е. Б. Парадоксы политического лидерства // Политические исследования (ПОЛИС). 2023. № 3. С. 181–191.

Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. А. Кильдюшова ; сост. В. А. Анашвили, О. А. Кильдюшов ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 272 с.

Hartmann J. Personlichkeit und Politik. 1. Auflage. Wiesbaden : VS Verlag fur Socialwissenschaften, 2007. 315 S.

Wiatr J. J. Political leadership between democracy and authoritarianism. Copmparative and historical perspectives. Berlin, Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022.

References

Brown A. Types of Leaders : Identify, Find an Approach, Achieve Your Goal / [transl. from English by E. Derevyanko]. Moscow : Bombora Eksmo, 2019. 412 p.

Brown A. Political Leadership and Political Power // Political Studies (POLIS). 2016. No. 1. P. 104–120.

Weber M. Politics as a Vocation and Profession / [transl. from German by B. M. Skuratova, A. F. Filippova ; introduction by A. F. Filippova ; commentary by T. A. Dmitrieva, A. F. Filippova]. Moscow : RIPOL classic, 2017. P. 252–326.

Glukhova A. V. Political science facing the challenges of a divided world (conflictological dimension). Voronezh : Publishing House of the Voronezh State University House, 2024. 254 p.

Kissinger G. Leadership / [trans. translated from English by S. Ryumin]. Moscow : AST, 2024. 624 p. (World order).

Kravchenko A. I. Machiavelli : the technology of effective leadership // Sociological Research. 1993. No. 6. P. 135–142.

Kravchenko S. A. Spiral of complication of violence : the relevance of humanistic politics // Political studies (POLIS). 2019. No. 5. P. 43–55.

A leader against the background of an era. Traditions and innovation of modern political leadership in Western countries / ed. by L. S. Okuneva. Moscow : MGIMO University, 2022. 660 p.

Machiavelli N. The Sovereign // Anthology of world political thought : in 5 vol. Moscow : Mysl, 1997. Vol. 1: Foreign political thought : origins and evolution. P. 252–264.

Medvedev R., Andreev N. Vladimir Putin and Xi Jinping : personality and leadership. Moscow : AIRO XXI, 2021. 224 p.

Nisnevich Yu. A. Political responsibility : an institutional formulation of the problem // Political studies (POLIS). 2013. No. 4. P. 62–74.

Nietzsche F. Human, too human // Anthology of world political thought : in 5 vol. Moscow : Mysl, 1997. Vol. 1: Foreign political thought: origins and evolution. P. 801–814.

Neumann F. L. Behemoth. The structure and practice of National Socialism 1933–1944 / transl. from English by V. Y. Bystrov. St. Petersburg : Vladimir Dahl, 2015. 591 p.

Panarin A. S., Vasilenko I. A. Political Science : General course : studies. the manual. Moscow : Logos, 2003. 256 p.

Pakulski Ya., Vasilevsky Ya. Circulation of political elites : from foxes to lions // Political Studies (POLIS). 2008. No. 6. P. 23–36.

Fromm E. The anatomy of human destructiveness. MOSCOW : AST : AST MOSCOW, 2009. 635 p.

Riker P. Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow lectures and interviews / ed. and author's afterword by I. S. Vdovin. Moscow : KAMI, 1995. 159 p.

Hermann M. D. Leadership styles in shaping foreign policy // Political Studies. (POLICY). 1991. No. 1. P. 91–98.

Zweig S. Collected works : in 10 vol. Moscow : TERRA, 1992. Vol. 6: Healing and the psyche ; Joseph Fouche : Portrait of a politician. 592 p.

Shestopal E. B. Paradoxes of political leadership // Political studies (POLIS). 2023. No. 3. P. 181–191.

Schmitt K. The State and political form / transl. from German by O. A. Kildyushov ; comp. V. A. Anashvili, O. A. Kildyushov ; State University – Higher School of Economics. Moscow : Izdat. House of State University – Higher School of Economics, 2010. 272 p.

Hartmann J. Personlichkeit und Politik. 1. Auflage. Wiesbaden : VS Verlag fur Socialwissenschaften, 2007. 315 S.

Wiatr J. J. Political leadership between democracy and authoritarianism. Copmparative and historical perspectives. Berlin, Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022.

Воронежский государственный университет
Глухова А. В., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии
E-mail: avglukhova@mail.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Для цитирования:
Глухова А. В. Фактор лидерства в политических процессах: между безволием и триумфом воли // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 270–280. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/270-280

Voronezh State University
Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: soc@hist.vsu.ru

Received: 13.01.2025

For citation:
Glukhova A. V. The leadership factor in political processes: between weakness and triumph of will // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 270–280. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/270-280

УДК 17.03;159.947.24
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/281-286

ФИЛОСОФСКИЕ СПОРЫ О СВОБОДЕ ВОЛИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. Н. Ищенко
Воронежский государственный университет

PHILOSOPHICAL DEBATES ABOUT FREE WILL IN A MIRROR OF CONTEMPORARY CULTURE

E. N. Ishchenko
Voronezh State University

Аннотация: проблема свободы воли является одной из ключевых проблем философии. Развитие научного познания служит основанием трансформации поля дискуссий о совместимости свободы воли и детерминизма, свободы воли и ответственности субъекта, детерминизма и ответственности субъекта, ведущихся в разных областях социогуманитарного и естественнонаучного знания. Компатибилизм и инкомпатибилизм, представляющие противоположные позиции в современной философии, активно используют аргументы, заимствованные из сферы нейронаук, расширяющих представления о функционировании человеческого сознания.
Ключевые слова: свобода воли, ответственность, детерминизм, индетерминизм, компатибилизм, инкомпатибилизм.

Abstract: the problem of free will is one of key philosophical problems. Development of scientific knowledge is a basis for transformation of discussion's field about compatibility of free will and determinism, free will and responsibility of subject, determinism and responsibility of subject conducted in different areas of social, humanitarian and natural scientific knowledge. The compatibilism and incompatibilism, representing opposite contemporary philosophical positions, actively use arguments borrowed from a field of neuroscience, expanding ideas about a functioning of human consciousness.
Key words: free will, responsibility, determinism, indeterminism, compatibilism, incompatibilism.

Проблема свободы воли в философской традиции занимает особое место. Постижение страстей, мотиваций, поступков человека, проникновение в глубины его души, сознания и самосознания не представляется возможным вне постановки вопроса о существовании свободной воли per se. Исследователи не пришли к единому мнению по поводу того, с какого момента в европейской философии складывается дискурс, акцентированный на свободе воли. Так, М. Фреде полагает, что первые достаточно развернутые размышления, касающиеся данной проблемы, можно найти в трудах поздних стоиков и раннехристианских мыслителей[1]. Безусловную ценность, думается, представляют идеи, которые были выдвинуты ранее, в классический период греческой философии. Не углубляясь в детали, можно утверждать, что к моменту становления христианской традиции, явившей собой совершенно новый этап в постановке проблемы свободы воли, в философии уже были сформулированы основания двух противоположных магистральных направлений – детерминизма и индетерминизма. Трансформации этой дихотомии в современной культуре задают предметное поле нашего исследования.

Прежде всего, остановимся на прояснении базовых понятий, поскольку они насыщены множеством коннотативных смыслов, затрудняющих концептуальный анализ. В философии свобода воли понимается как «особое субстанциальное, неизменяемое свойство человече-

[1] См.: *Frede M.* A Free Will : Origins of the Notion in Ancient Thought. Berkeley : University of California Press, 2011. 224 p.

© Ищенко Е. Н., 2025

ского духа, его способность быть суверенным и автономным началом, т. е. самоопределяться, быть причиной самого себя (causa sui), производить "из себя" цели, нормативно-ценностные установки, произвольно, беспредпосылочно принимать решения, выбирать линию поведения»[2]. Иначе говоря, понятие свободы воли тесно связано с представлениями о субъектности как потенциальной возможности самостоятельного действия и – соответственно – несения полной меры ответственности за принятые решения. Концептуализацию представлений о субъекте в его традиционном понимании связывают с именем Р. Декарта. По мнению М. Хайдеггера, «*Meditationes de prima philosophia* («Размышления о первой философии» – одно из главных сочинений Р. Декарта. – *Е. И.*) намечают предварительные контуры онтологии субъекта в ориентации на субъективность, определяемую как conscientia, со-знание. Человек стал субъектом. Поэтому он может, смотря по тому, как сам себя понимает и волит, определять и осуществлять свою субъективность»[3]. В самом деле, мысль Декарта сосредоточена на философском исследовании глубин субъективности, сокровенной тайны человеческого «Я». Как в личности Декарта соединились гений математика и философа, так в его работе «Страсти души» сопрягаются глубинные взаимоотношения внутреннего мира человека и принципы оценки его поступков. «Я вижу лишь одно основание, на котором покоится уважение к себе, – это наша свободная воля и наша власть над собственными желаниями. Ибо только действия, зависящие от нашей свободной воли, дают основание хвалить нас или порицать»[4], – отмечал Р. Декарт. Не случайно именно в эпоху Нового времени, открывшую новые горизонты человеческой активности, проводится важнейшее разграничение свободы воли и свободы действий[5]. Последняя представляет собой некоторую «проекцию» свободы воли в реалии природного и социального мира, переход из желаемого в действительное, от потенциального в налично данное, из мира должного в мир сущего. В различных ситуациях субъект может не иметь возможности действовать в соответствии со своим волевым порывом, избегать конкретного поступка, отказываться от своего выбора под влиянием внешних обстоятельств. Тем не менее отсутствие и/или невозможность реализации тех или иных действий, зависящие от культурно-исторических обстоятельств, автоматически не влекут за собой отрицание свободы воли как автономного принципа. Иначе говоря, свобода воли является тем самым онтологическим основанием, которое обеспечивает принципиальную возможность свободы действия. Однако в фокусе общественного внимания оказывается, прежде всего, свобода действия, поскольку она может быть рационализирована и регламентирована, в отличие от свободы воли. Вопросы свободы действия касаются всех измерений общественного бытия, они затрагивают сферы права и морали, экономики и культуры, науки и образования.

Поскольку рассматриваемая проблема является краеугольным камнем, на котором покоятся укорененные в глубинах общественного сознания представления о возможностях и границах человеческой субъектности, изменения в понимании свободы воли, как и связанной с ней свободы действий, представляют собой важнейшие переломные моменты самоопределения личности. Тема причинности, предопределенности вступает в драматический конфликт с пониманием человека как субъекта, способного осуществлять свободный выбор, ориентируясь на сформированные им самим ценности, принципы, представления. Смещение фокуса внимания на моральные и правовые аспекты свободы воли, размышления о моральной ответственности, долге, свободном выборе человека приводит к новым поворотам классического сюжета, который достигает кульминации в философии И. Канта. В его учении человек как эмпирический субъект принадлежит естественной причинности, подчиняется ей, но как трансцендентальный субъект, обладающий свободой воли, выводится за границы детерминированности, заданности, предопределенности. Согласно Канту, «человеческая воля есть <…> arbitrium sensitivum, но не brutum, а liberum, так как чувственность не делает необходимыми ее действия, а человеку присуща способность самопроизвольно определять себя независимо от

[2] *Максимов Л. В.* Концепт «свобода воли» в этике // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 2. С. 8.

[3] *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 61.

[4] *Декарт Р.* Страсти души // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 547.

[5] См.: *Гоббс Т.* О свободе и необходимости // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 574–611.

принуждения со стороны чувственных побуждений»[6]. Великий немецкий мыслитель, осуществляя, по меткому выражению Т. Адорно, «удивительные кульбиты над бездной»[7], провозглашает существование двух родов причинности: естественной и свободной. «Первая есть связь одного состояния в чувственно воспринимаемом мире с другим, предшествующим состоянием, за которым первое следует согласно правилу. <…> под свободой в космологическом смысле я разумею способность самопроизвольно начинать состояние; следовательно, причинность свободы со своей стороны не подчинена по закону природы другой причине, которая определяла бы ее во времени. Свобода в этом значении есть чистая трансцендентальная идея…»[8]. Поскольку Кант выводит свободу воли за рамки детерминистической конструкции, в его учении возникает особое пространство морального, не подчиненного законам природы. Человек не только может, он обязан осуществлять выбор между добром и злом, осуществляя свое предназначение существа, пребывающего не только в мире сущего, налично данного, эмпирического, но и в мире должного, ноуменального. Однако возникает серьезная проблема. Согласно Канту, подлинная реализация свободы воли состоит не просто в выборе между альтернативными вариантами – добром и злом, – но в добровольном подчинении нравственному закону вопреки соблазнам эмпирического мира. Человек способен связывать себя безусловными законами, и в этом, по мнению Канта, проявляется подлинная свобода. Иначе говоря, осознанно и добровольно перешедший на сторону добра человек, преодолевший собственный эгоизм и природную детерминацию, утверждает достоинство личности. Можно было бы привести внушительный список претензий к кантовской «парадоксальной конструкции свободной причинности»[9]. Как полагает Л. В. Максимов, у Канта свободная воля: «…фактически подменяется … “доброй волей”; ее направленность на добро производна от “чистого практического разума”, который, по Канту, определяет волю»[10]. С таким безапелляционным утверждением сложно согласиться, поскольку для Канта важно не автоматическое переключение человеческого самосознания в единственно правильный регистр волевого усилия, но сам принцип автономности воли.

Так или иначе, наряду с противоречивыми интерпретациями, кантовское учение способствовало концептуализации и закреплению не только в философском, но и в более широком – культурном – контексте представления о том, что подлинная ответственность личности может быть признана лишь в концептуальной связке со свободой воли. При этом важно отметить, что прямое сталкивание детерминизма (или пандетерминизма) с возможностью как моральной, так и правовой оценки задало вектор дальнейших дискуссий не только в среде философов, но существенным образом повлияло на юридические, психологические, социологические, политологические исследования. Можно сказать, что борьба с распространением сферы детерминизма в область человекоразмерных смыслов по мере развития культуры не стала менее напряженной. Одним из наиболее ярких представителей этой философской традиции является В. Франкл. Переживший невероятные страдания во время Второй мировой войны, потерявший родных, прошедший через ад концентрационного лагеря, выдающийся философ и психолог признавал опасность пандетерминизма, отрицающего способность человека к противостоянию внешним условиям. Для Франкла принципиально важным было утверждение, которое красной нитью проходит через все его книги: «Человек не обусловлен и не детерминирован ими (внешними условиями. – *Е. И.*) полностью; он сам определяет, стать ли над ними. Другими словами, человек, в конечном счете, самодетерминирован. Человек не просто существует, но всегда решает, каким будет его существование, чем он станет в следующий момент»[11].

В то же время развитие науки, более глубокое изучение закономерностей природы, распространение методов точных и естественных наук в области изучения человека и общества способствовали усилению детерминистических тенденций в осмыслении проблемы. Стоит еще раз подчеркнуть, что столкновение проблемы свободы воли и детерминизма как принци-

[6] *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Академ. проект, 2020. С. 305.

[7] *Адорно Т. В.* Проблемы философии морали. М. : Республика. 2000. С. 76.

8 *Кант И.* Указ. соч. С. 304.

[9] *Адорно Т. В.* Указ. соч. С. 64.

[10] *Максимов Л. В.* Указ. соч. С. 7.

[11] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. С. 77, 78.

па всеобщей связи и взаимной определенности явлений и процессов, происходящих в мире, не является открытием современной философии. Однако нельзя не признать, что осмысление новых культурных реалий привело к некоторым существенным подвижкам. Так, в современной философии сложились два направления, которые представляют собой трансформации сформулированной классиками дихотомии детерминизм/индетерминизм. Проблемное поле, связанное с исследованием свободы воли, размечается сегодня поисками ответов на вопросы о совместимости, во-первых, свободы воли и детерминизма (пандетерминизма), во-вторых, свободы воли и моральной ответственности, и, наконец, детерминизма (пандетерминизма) и моральной ответственности. В рамках данного дискурса философские позиции, признающие совместимость хотя бы в одном из перечисленных случаев, называют компатибилизмом. Противоположная точка зрения, отрицающая возможность какой-либо совместимости, получила название инкомпатибилизма. Разумеется, существуют различные версии каждой из позиций. Важно отметить, что к ним причисляют себя не только философы, но и ученые. К примеру, известный нейробиолог Р. Сапольски, точку зрения которого мы рассмотрим далее, причисляет себя к «жестким инкомпатибилистам»[12]. Крайне любопытными представляются попытки «переопределить» идеи представителей классической философии в новой терминологии. Споры о том, к какому направлению принадлежит Кант, не только не окончены, но далеки от завершения. Как полагает Б. Вилхауэр, «Кант – инкомпатибилист в отношении свободы воли и детерминизма. <…> Кант считает, что есть фундаментальный конфликт между детерминизмом и свободой воли. Но в отличие от всех других инкомпатибилистов, Кант полагает, что и детерминизм истинен, и мы обладаем свободой воли»[13]. В то же время, поскольку в учении классика философской мысли, как мы видели, присутствие свободы воли не исключает наличия природной (естественной) причинности, существуют не менее веские основания, напротив, отнести его учение к компатибилизму. Этот пример является чрезвычайно показательным, поскольку, с одной стороны, проявляет некоторую ограниченность предложенной классификации, поскольку учение Канта не укладывается в прокрустово ложе подобных представлений, но с другой – демонстрирует концептуальный потенциал философской классики.

Прежде чем перейти к рассмотрению современных дискуссий, остановимся на одной довольно любопытной исторической рифме. Дело в том, что научные открытия уже вызывали пристальное внимание к проблеме свободы воли столетие назад. Распространение дарвинизма, открытия в области физиологии человека, революция в психологии, проникновение экспериментальных методов в области наук о человеке привели к взрывному росту нового знания. Не стоит забывать также и о набиравшем популярность позитивизме, утверждавшем сциентистский подход применительно к наукам о человеке и обществе. Осмысление научных новаций актуализировало дискуссии о свободе воли. В свете новых открытий человек представал существом, возникновение которого было предопределено законами природы, следовательно, вписанным в цепь детерминистических закономерностей. Разумеется, отголоски подобных представлений распространились в различные сферы социогуманитарного знания. В качестве одного из весьма красноречивых примеров можно привести идеи, высказанные криминологом профессором уголовного права Э. Ферри на рубеже XIX–XX вв. «Позитивная физиопсихология совершенно уничтожила веру в свободную волю или в нравственную свободу, доказав, что мы должны рассматривать эту свободу исключительно как обман субъективного психологического наблюдения»[14]. Поскольку воля «…находится в полной и непрерывной зависимости от органических, а, следовательно, и от психических особенностей…»[15], человек «…совершает преступление не в силу свободного выбора своей воли, а в силу роковой тирании своего ненормального организма и внешней среды…»[16]. Одним из художественно точных описаний атмосферы эпохи рубежа XIX–XX вв. стали слова персонажа философской пенталогии Б. Шоу «Назад к Мафусаилу»: «Мы – часть мировой си-

[12] *Сапольски Р.* Все решено. Жизнь без свободы воли. М. : Альпина нон-фикшн, 2025. С. 7.

[13] *Vilhauer B.* Incompatibilism and Ontological Priority in Kant's Theory of Free Will // Rethinking Kant. Cambridge : Cambridge Scolars Publishing, 2008. Vol. 1. P. 22.

[14] *Ферри Э.* Уголовная социология. М. : Инфра-М, 2005. С. 334.

[15] Там же. С. 342

[16] Там же. С. 400.

стемы. Свобода воли – фикция. Мы – детища причины и следствия. Мы – неизменность, непреложность, незыблемость, неизбежность».[17]

Столетие спустя философы и ученые пришли к удивительно похожим идеям, которые сегодня вызывают не меньший резонанс. Отрицание свободы воли в некотором смысле становится интеллектуальным трендом нашей эпохи, получившим широкое распространение благодаря научно-популярным изводам сетевого информационного пространства. Впрочем, как и любая историческая аналогия, совпадения в трактовке рассматриваемой нами проблемы никак не исключают появления качественно новых нарративов. За прошедший век наука, совершив гигантский скачок, проникла в святая святых человеческой личности – его психику и сознание. Возникновение корпуса нейронаук, оказывающее поистине революционное влияние на различные сферы социального и культурного бытия, приводит к новым поворотам в дискуссиях. А. Мишура справедливо отмечает, что усиление инкомпатибизма в современной философии подкрепляется современными научными исследованиями сознания. Он выделяет две основные стратегии, которые этому способствуют: «1. Посредством влияния на мозг можно манипулировать выбором человека, поэтому люди не свободны. 2. Посредством наблюдения за мозгом можно предсказать решение человека до того, как он его примет, поэтому люди не свободны»[18]. К примеру, Р. Сапольски довольно недвусмысленно утверждает, что отдельные открытия, эксперименты, достижения в конкретных областях наук могут быть по-разному трактованы, но «...научные направления, взятые в совокупности, отрицают свободу воли, поскольку все они взаимосвязаны и составляют единый и неделимый массив знаний»[19]. Идеи видного ученого-нейробиолога, уделяющего много времени популяризации научных идей, отражают наиболее радикальную, доведенную до логического предела современную позицию тотального отрицания свободы воли. Детерминизм в трактовке Р. Сапольски выглядит так: «От событий, произошедших секунду и миллион лет назад, зависит, где вы проведете жизнь и будете искать любовь: у потоков прозрачной воды или в удушающей копоти машин. Наденете ли вы на выпускной церемонии шапочку и мантию магистра или будете собирать мусор в мешки. Чего вы, по мнению общества, "заслуживаете": долгой жизни в достатке или длительного тюремного заключения»[20]. Обращаясь к читателям, ученый замечает: «...когда вы ведете себя определенным образом, а именно когда ваш мозг порождает определенное поведение, причина – в детерминированных событиях, имевших место до этого, причина которых – в детерминированных событиях до того, и до того, и так без конца»[21].

Трансформации представлений о свободе воли неизбежно влекут за собой проблемы пересмотра важнейших социокультурных конструкций, к примеру, таких как правовая ответственность. В свое время Виктор Франкл, предугадывая направление актуальных дискуссий, писал: «Пандетерминизм служит преступнику в качестве алиби: винить можно только некий механизм в нем. Такой аргумент может быть направлен, однако против самого себя. Если подсудимый утверждает, что он в действительности не был свободным и ответственным, когда совершал свое преступление, судья может утверждать то же самое по поводу вынесения приговора»[22]. Интересно рассмотреть точку зрения Р. Сапольски, утверждающего, что: «...такого понятия, как вина не существует, а наказание с целью возмездия ничем не оправдано – да, не позволяйте опасным людям причинять вред другим, но делайте это так же бесстрастно и без осуждения, как если бы вы не выпускали на дорогу автомобиль без тормозов»[23]. Символично, что в качестве метафоры здесь выступает именно техническое устройство, механизм. Такое представление отражает образ человеческого поведения как алгоритма, который может давать социально неодобряемые, подчас даже опасные сбои, неподвластные самому человеку. В таком случае он лишается субъектности, а ответственность переносится в область социального контроля, который должен справляться с последствиями «неправильного» поведения и – насколько возможно – его прогнозировать.

Представленная нами панорама взглядов показывает, что развитие научного познания,

[17] *Шоу Б.* Полн. собр. пьес : в 6 т. М. : Искусство, 1980. Т. 5: Назад к Мафусаилу. С. 567.

[18] *Мишура А.* Поле битвы – свобода воли // Логос. 2016. Т. 26, № 5. С. 39.

[19] *Сапольски Р.* Указ. соч. С. 15.

[20] Там же. С. 413.

[21] Там же. С. 9.

[22] *Франкл В.* Указ. соч. С. 78.

[23] *Сапольски Р.* Указ. соч. С. 11.

переосмысление роли и места человека в пространстве природного и социального бытия оказывают серьезное влияние на постановку и способы решения проблемы свободы воли. Возникновение новых информационных технологий, прорывные исследования в области искусственного интеллекта, выдающиеся достижения нейронаук задают новый культурный контекст, в зеркале которого отражается образ человека современной эпохи. Проблема свободы воли становится оселком, на котором проверяются на прочность идеи гуманизма и достоинства личности.

Библиографический список

Адорно Т. В. Проблемы философии морали. М. : Республика. 2000. 239 с.

Гоббс Т. О свободе и необходимости // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 574–611.

Декарт Р. Страсти души // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 481–572.

Кант И. Критика чистого разума. М. : Академ. проект, 2020. 567 с.

Максимов Л. В. Концепт «свобода воли» в этике // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 2. С. 5–19.

Мишура А. Поле битвы – свобода воли // Логос. 2016. Т. 26, № 5. С. 19–58.

Сапольски Р. Все решено. Жизнь без свободы воли. М. : Альпина нон-фикшн, 2025. 534 с.

Ферри Э. Уголовная социология. М. : Инфра-М, 2005. 657 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 41–62.

Шоу Б. Полн. собр. пьес : в 6 т. М. : Искусство, 1980. Т. 5: Назад к Мафусаилу. 714 с.

Frede M. A Free Will : Origins of the Notion in Ancient Thought. Berkeley : University of California Press, 2011. 224 p.

Vilhauer B. Incompatibilism and Ontological Priority in Kant's Theory of Free Will // Rethinking Kant. Cambridge : Cambridge Scolars Publishing, 2008. Vol. 1. P. 22–47.

References

Adorno T. V. Problems of moral philosophy. Moscow : Respublika. 2000. 239 p.

Hobbes T. On freedom and necessity // Soch.: in 2 volumes. Moscow : Mysl, 1989. Vol. 1. P. 574–611.

Descartes R. The passions of the soul // Soch. : in 2 volumes. Moscow : Mysl, 1989. Vol. 1. P. 481–572.

Kant I. The Critique of pure Reason. Moscow : Akadem. The project, 2020. 567 p.

Maksimov L. V. The concept of «free will» in ethics // An ethical thought. 2015. Vol. 15, No. 2. P. 5–19.

Mishura A. The battlefield is freedom of will // Logos. 2016. Vol. 26, No. 5. P. 19–58.

Sapolsky R. It's all settled. Life without free will. Moscow : Alpina non-fiction, 2025. 534 p.

Ferry E. Criminal sociology. Moscow : Infra-M, 2005. 657 p.

Frankl V. Man in search of meaning. Moscow : Progress, 1990. 368 p.

Heidegger M. Time of the worldview // Heidegger M. Time and being : articles and speeches. Moscow : Republic, 1993. P. 41–62.

Shaw B. Full collection of plays : in 6 vol. Moscow : Iskusstvo, 1980. Vol. 5: Back to Methuselah. 714 p.

Frede M. A Free Will : Origins of the Notion in Ancient Thought. Berkeley : University of California Press, 2011. 224 p.

Vilhauer B. Incompatibilism and Ontological Priority in Kant's Theory of Free Will // Rethinking Kant. Cambridge : Cambridge Scolars Publishing, 2008. Vol. 1. P. 22–47.

Воронежский государственный университет
Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания
E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Для цитирования:
Ищенко Е. Н. Философские споры о свободе воли в зеркале современной культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 281–286. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/281-286

Voronezh State University
Ishchenko E. N., Prof. in Philosophy, Head of Department of Ontology and Epistemology
E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Received: 22.01.2025

For citation:
Ishchenko E. N. Philosophical debates about free will in a mirror of contemporary culture // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 281–286. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/281-286

УДК 349
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/287-295

СОГЛАСИЕ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ С БОЛЬШИМИ ДАННЫМИ[1]

А. К. Кусаинова

Школа права и государственного управления Университета «Нархоз»

CONSENT AS A LEGAL FORM OF EXPRESSION OF WILL: PROBLEMS OF INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF WORKING WITH BIG DATA

A. K. Kussainova

School of Law and Public Administration of the Narhoz University

Аннотация: рассматривается особенность согласия как юридической формы волеизъявления в контексте работы с большими данными; проанализирована проблема соответствия традиционного подхода к трактовке согласия современным вызовам цифровой трансформации. В условиях массового сбора и обработки персональных данных технологии больших данных и алгоритмы искусственного интеллекта ставят под сомнение информированность, свободу и осознанность волеизъявления субъектов данных. Особое внимание уделено вопросам многоцелевого использования данных, сложности восприятия пользовательских соглашений и ограничению автономии личности из-за автоматизированного принятия решений. Анализируются национальное и международное законодательство, включая положения GDPR и Закона Республики Казахстан «О персональных данных и их защите», а также практические и теоретические проблемы обеспечения прав субъектов данных. Сделан вывод о необходимости разработки новых подходов к правовому регулированию согласия, обеспечивающих реальное сохранение свободы и автономии воли в условиях цифровой трансформации.
Ключевые слова: воля, волеизъявление, согласие, большие данные, искусственный интеллект, персональные данные, защита данных, конфиденциальность.

Abstract: the specifics of consent as a legal form of will expression in the context of working with big data examines. The issue of the adequacy of the traditional approach to the interpretation of consent in the face of modern challenges posed by digital transformation is analyzed. In the context of the large-scale collection and processing of personal data, big data technologies and artificial intelligence algorithms challenge the awareness, freedom, and consciousness of data subjects' will expression. Special attention is paid to the issues of the multi-purpose use of data, the complexity of user agreement comprehension, and the restriction of individual autonomy due to automated decision-making. The article analyzes national and international legislation, including the provisions of the GDPR and the Law of the Republic of Kazakhstan «On Personal Data and Their Protection», as well as practical and theoretical issues of ensuring the rights of data subjects. The study concludes that there is a need to develop new approaches to the legal regulation of consent that ensure the real preservation of freedom and autonomy of will in the context of digital transformation.
Key words: will, will expression, consent, big data, artificial intelligence, personal data, data protection, privacy.

[1] Статья подготовлена в рамках финансирования по научным и (или) научно-техническим программам на 2024–2026 гг., направлена на реализацию проекта ИРН AP23489796 «Проблемы регламентации правового режима больших данных (Big 113 Data): отечественный и международный опыт», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

© Кусаинова А. К., 2025

Современная цифровая эпоха характеризуется активным использованием больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые стали ключевым ресурсом для развития технологий, бизнеса и государственного управления. Однако широкомасштабная обработка данных, сопровождаемая внедрением ИИ и автоматизированных алгоритмов, ставит новые вызовы перед правом, особенно в части обеспечения свободы волеизъявления субъектов данных.

Актуальность темы обусловлена необходимостью пересмотра юридической конструкции согласия как формы волеизъявления в условиях цифровой трансформации. Проблемы информированности, свободы и конкретности согласия требуют разработки новых подходов к правовому регулированию, которые учитывали бы реалии больших данных и искусственного интеллекта. Без должного внимания к этим вопросам существует риск подрыва основополагающих принципов защиты прав человека, таких как право на приватность и автономию воли.

Традиционное право основывается на предположении, что субъект выражает свою волю осознанно и свободно. Однако с развитием информационных технологий и автоматизацией процессов принятия решений эта базовая юридическая концепция оказывается под угрозой. ИИ не только анализирует данные, но и самостоятельно принимает решения, оказывая значительное влияние на жизнь людей. В связи с этим перед юридическим сообществом встает необходимость пересмотра таких ключевых понятий, как «воля», «согласие», «автономия».

В данном случае считаем необходимым обратиться к трудам классиков советской цивилистики, среди которых можно выделить И. Б. Новицкого, который определил, что «пока не доказано обратное, предполагается, что волеизъявление (выражение воли) лица соответствует по своему смыслу подлинной воле данного лица»[2].

По мнению В. А. Ойгензихта, «воля – детерминированное и мотивированное желание лица достичь поставленной цели. Воля есть процесс психического регулирования поведения субъектов». Далее он отметил, что волеизъявление – это «выражение воли… Оно результат действия воли, результат психического регулирования, его объективная цель, его продукт»[3]. Волеизъявление – выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц. Это понятие охватывает как свободу выбора человека, так и юридическую оформленность его решений. Юридическое оформление воли происходит через акты, закрепленные в праве: договоры, заявления и т. д. Французский юрист Ж. Карбонье отмечал, что для придания воле юридической силы важна не только внутренняя воля, но и ее адекватное выражение, понятное третьим лицам.

Волеизъявление, как одна из ключевых категорий права, представляет собой юридическое выражение внутренней воли субъекта, направленное на достижение определенного результата. Традиционное понятие волеизъявления базируется на нескольких фундаментальных принципах, которые формировались в философии и праве. Рассмотрим его основные аспекты.

Свобода волеизъявления – это принцип, который позволяет субъекту действовать добровольно и без внешнего давления. Идея о свободе воли как основе волеизъявления уходит корнями в философские труды мыслителей эпохи Просвещения. Джон Локк, Иммануил Кант и Жак-Жак Руссо акцентировали внимание на том, что свобода личности выражается в способности человека принимать самостоятельные решения.

В контексте права свобода воли означает, что субъект имеет возможность свободно выражать свои намерения без лишнего принуждения.

Как отмечает John Rawls в книге «Theory of justice» («Теория справедливости»), «свободное волеизъявление – основа равенства сторон в любом взаимодействии»[4]. В современном праве СНГ и дальнего зарубежья этот принцип является основополагающим при заключении гражданских договоров, составлении завещаний и других юридических значимых действиях.

Волеизъявление теряет юридическую силу, если доказано, что оно было выражено под воздействием обмана, под угрозой насилия или шантажа.

С точки зрения правоприменения волеизъявление обретает юридическую значимость толь-

[2] *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 21.

[3] *Ойгензихт В. А.* Воля и волеизъявление (очерк теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983. С. 24, 210.

[4] *Rawls John*. Theory of justice. Harvard University Press. URL: https://blog.ipleaders.in/john-rawls-theory-of-justice/#Introduction

ко при соблюдении определенных формальных процедур. Так, заключение договора, составление доверенности или согласие на обработку персональных данных требуют соблюдения определенных норм права, закрепленных в законодательстве. В соответствии со ст. 151 ГК РК сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной)[5].

Центральным элементом правового регулирования волеизъявления остается институт согласия, который является одним из ключевых инструментов, выражающим волеизъявление субъекта. Оно представляет собой осознанное, свободно и информированное выражение воли в юридически значимой форме, направленное на одобрение определенного действия или правоотношения.

В соответствии с классической теорией воли согласие представляет собой акт выражения воли субъекта, который имеет юридические последствия, если он соответствует принципам свободы и осознанности[6].

Интересной представляется точка зрения Р. Иеринга, который полагает, что согласие – это не просто выражение воли, но и согласованность этого выражения с правовым порядком[7].

Для того чтобы согласие было юридически значимым, оно должно соответствовать следующим принципам:

1. Осознанность. Этот принцип предполагает, что субъект должен понимать сущность и последствия своего согласия, принятие решений должно быть результатом рационального размышления. В праве осознанность традиционно связывается с когнитивной способностью субъекта анализировать свои действия и оценивать их последствия. В качестве примера можно привести согласие на медицинское вмешательство (подп. 18 п. 1 ст. 77, подп. 3 п. 1 ст. 135 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения»)[8].

2. Добровольность: согласие должно быть выражено без принуждения или угрозы. Например, оспаривание сделок, заключенных под давлением (п. 9 ст. 159 ГК РК).

3. Информированность: лицо должно обладать полной информацией о характере и последствиях действий, на которые оно соглашается. Информированность субъекта играет ключевую роль в формировании его воли. Согласно теориям, разработанным в странах Запада (например, Дж. Остином и Х. Хартом), волеизъявление может считаться юридически значимым только в случае, если субъект понимает последствия своего решения. Эта идея активно поддерживается и в современной правовой доктрине СНГ.

В данном случае нам импонирует точка зрения Е. А. Суханова о необходимости учета информированности и осознанности воли. При этом он отметил, что «воля без осознания своих действий теряет юридическую силу»[9]. Неполная или недостоверная информация может лишить волеизъявление юридической силы, так как это нарушает принцип равенства сторон в гражданско-правовых отношениях.

В качестве примера можно привести норму из медицинского права, в котором закреплено понятие «информированное согласие» – процедура письменного добровольного подтверждения лицом своего согласия на получение медицинской помощи и (или) участие в конкретном исследовании после получения информации обо всех значимых для принятия им решения аспектах медицинской помощи и (или) исследования (подп. 279 п. 1 ст. 1 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения»)[10].

Следует отметить, что юридическая концепция согласия охватывает широкий спектр областей: от заключения гражданско-правовых договоров до обработки персональных данных.

Однако в современных условиях, особенно в контексте цифровизации, больших данных и автоматизации согласие как форма волеизъявления сталкивается с рядом проблем, так как сбор и обработка информации часто осуществляются

---

[5] Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть) : принят Верховным Советом Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061

[6] См.: *Савиньи Ф. К.* Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. I. 510 с.

[7] См.: *Иеринг Р. Цель в праве.* СПб. : Лань, 2000. URL: https://lanbook.com/

[8] О здоровье народа и системе здравоохранения : Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34464437

[9] Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М. : БЕК, 1993. Т. 1. 384 с.

[10] О здоровье народа и системе здравоохранения : Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2025 г.).

без полноценного понимания субъектами сути их согласия.

Это приводит к обесцениванию значимости волеизъявления, когда юридически оформленное согласие фактически превращается в формальность, а субъекты теряют реальный контроль над своей персональной информацией.

Гражданский кодекс Республики Казахстан (далее по тексту – ГК РК) рассматривает согласие как необходимую форму волеизъявления при передаче участником своей доли (части доли) другим участникам полного товарищества либо третьим лицам. Такая передача возможна лишь с согласия всех остальных участников товарищества (ст. 166 ГК РК). Также казахстанский законодатель закрепляет, что использование результатов интеллектуальной творческой деятельности и средств индивидуализации, которые могут быть объектом исключительных прав (интеллектуальной собственности), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя (п. 2 ст. 125 ГК РК) и т. д.

В эпоху больших данных согласие зачастую становится формальным, так как субъект не может осознать всего объема и последствий обработки своих данных. Здесь в качестве примера можно привести пользовательские соглашения на сайтах и в приложениях, содержащие технические термины, которые сложно понять человеку. Как верно отмечает N. A. Purtova, традиционная модель согласия в эпоху больших данных становится неэффективной[11].

В условиях цифровой трансформации традиционные принципы волеизъявления сталкиваются с новыми вызовами, связанными с использованием больших данных и ИИ. Исследователи подчеркивают, что принципы информированности и осознанности часто нарушаются из-за сложности технологий и непрозрачности алгоритмов.

Большие данные - это изменяющаяся категория, которая развивается по мере появления новых технологий. Данные поступают из множества источников, таких как социальные сети, платформы электронной коммерции и другие системы, и требуют постоянного пересмотра подходов к их регулированию.

В настоящее время понятие «большие данные» рассматривается скорее как технический термин, используемый для описания специфических массивов информации, чем как правовая категория[12], а также он изучается в экономическом аспекте[13].

Если обратиться к проблеме правового регулирования больших данных, то можно отметить, что казахстанские ученые определяют исследование вопросов использования цифровых технологий, в том числе больших данных, как одну из основных задач науки гражданского права, вытекающих из четвертой промышленной революции[14]. Это вызывает серьезные сложности при правовом регулировании, поскольку отсутствует унифицированное юридическое определение, которое могло бы применяться как на национальном, так и на международном уровне.

В большинстве правовых систем большие данные остаются неопределенной категорией, что связано с рядом факторов:

– большие данные – это термин, возникший в сфере информационных технологий для описания огромных объемов информации, которую сложно обрабатывать с использованием традиционных методов. Термин получил распространение благодаря прогрессу в области информационных технологий и вычислительных мощностей, но в правовых документах он не получил четкого определения;

– отсутствие унификации: ни в одной стране мира пока нет единого законодательного акта или международного договора, который бы устанавливал, что именно представляют собой большие данные как объект прав.

Большие данные – это огромные объемы разнообразной информации, поступающие в реальном времени и анализируемые с использованием специальных технологий и алгоритмов.

[11] См.: *Purtova N. A.* The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law // Law, Innovation, and Technology. 2018. Vol. 10 (1). P. 40–81. URL: https://pure.uvt.nl/ws/files/26263160/Published.pdf

[12] См.: *Pokorny Jaroslav*. NoSQL databases : a step to database scalability in web environment. Proceedings of the 13th International Conference on Information Integration and Webbased Applications and Services, 2011. P. 278–283, ACM New York, NY, USA.

[13] См.: *Тагай А. А., Сыздыкова К. Ш., Халмурзаева К. Р.* Технология «Big Data» в цифровой трансформации экономики // Qainar Journal of Social Science. 2023. № 2 (2). P. 76–94. URL: https://doi.org/10.58732/2958-7212-2023-2-77-95

[14] См.: *Сулейменов М. К.* Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39931835 ; *Идрышева С. К.* О Цифровом кодексе Казахстана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34311746

Использование больших данных в гражданском обороте связано с повышенными требованиями к защите конфиденциальности и кибербезопасности, так как они могут содержать информацию, имеющую коммерческую и личную ценность. Действующее законодательство Казахстана требует защиты данных от несанкционированного доступа и утечек; соблюдения стандартов кибербезопасности[15], особенно в случае хранения данных в цифровых хранилищах и облачных системах.

Технология больших данных – это совокупность инструментов, средств, которые предназначены для обработки структурированных и неструктурированных данных с целью получения воспринимаемых человеком итогов. Сами большие данные представляют собой информацию, которую уже невозможно обрабатывать традиционными, в том числе структурированные данные, медиа. Для больших данных характерны значительный объем, разнообразие, а также скорость обновления. С помощью технологии больших данных принимаются решения на основе значительных объемов информации[16].

В Казахстане также отсутствует единое законодательное определение больших данных. По этому поводу Президент Республики Казахстан К. К. Токаев отметил, что «правительству предстоит адаптировать законодательство под **новые технологические явления**: 5G, "Умные города", большие данные, блокчейн, цифровые активы, новые цифровые финансовые инструменты»[17].

Так, 31 июля 2023 г. был принят Приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан «Об утверждении Правил осуществления проектного управления». В соответствии с подп. 65 п. 1 данных Правил большими данными (Big Data) признаются структурированные и/или неструктурированные массивы данных большого объема[18].

Связь между большими данными и волеизъявлением заключается в том, что обработка больших объемов данных напрямую зависит от получения согласия пользователей – ключевого элемента их волеизъявления. В этом контексте свобода воли человека проявляется в возможности распоряжаться своими персональными данными и определять, как они могут быть использованы.

Однако в условиях технологической автоматизации этот процесс сталкивается с рядом сложностей. Проблема становится особенно острой в условиях работы с большими данными, где обработка осуществляется на основе сложных алгоритмов, и результаты часто выходят за рамки изначально оговоренных целей.

В условиях больших данных согласие на обработку персональной информации становится сложным из-за некоторых факторов. Во-первых, большие данные включают информацию, которая может быть собрана из различных источников (социальные сети, интернет-магазины, умные устройства и т. д.) и обработана с использованием ИИ. Пользователь, давая согласие, зачастую не понимает масштаба или способов использования своих данных, что делает его волеизъявление не полностью осознанным.

Во-вторых, большие данные часто используются не для одной конкретной цели, а для целого спектра действий, таких как аналитика, прогнозирование, персонализация и профилирование. Это делает волеизъявление субъекта размытым, так как изначальное согласие может не охватывать все возможные сценарии обработки.

Одним из ключевых нормативных актов, регулирующих обработку персональных данных, является Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского союза[19]. В соответствии со

[15] Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстан») : постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 407 (с изм. от 04.04.2023 г.). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407

[16] Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кешелава. М. : ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.

[17] Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана : послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana

[18] Об утверждении Правил осуществления проектного управления : приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 31 июля 2023 г. № 301/НҚ. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033199

[19] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng

ст. 4 GDPR согласие определяется как «свободное, конкретное, информированное и недвусмысленное волеизъявление субъекта данных, посредством которого он выражает свое согласие на обработку персональных данных». Однако выполнение этих условий в эпоху больших данных становится проблематичным.

Информированность как обязательный элемент согласия вызывает вопросы из-за сложности современных технологий обработки данных. Например, алгоритмы ИИ могут использовать данные для целей, которые невозможно заранее описать в понятной форме. Это создает так называемый риск «скрытой обработки», когда пользователь соглашается на одно, а его данные используются в других целях, нарушая принцип прозрачности[20].

GDPR предоставляет конкретные механизмы для обеспечения информированности:

1. Требование к предоставлению информации «простым и понятным языком».

2. Обязанность компаний предоставлять субъекту информацию о том, как и с какой целью будут использоваться его данные (ст. 13).

3. Обязанность разъяснять последствия автоматизированных решений (ст. 22).

Практика показывает, что свобода согласия также становится под сомнение. Пользователь часто вынужден соглашаться на обработку данных, чтобы получить доступ к услугам или продуктам, что практически превращает согласие в принуждение. Такой подход не соответствует принципу свободы воли и превращает волеизъявление в формальный акт.

Использование больших данных для персонализации услуг и принятия автоматизированных решений поднимает вопросы о границах вмешательства в частную жизнь субъекта. Например, согласие, полученное на обработку данных, может включать анализ предпочтений, предиктивное профилирование, которые влияют на личную автономию. Исследования показывают, что субъекты данных не всегда осознают, что их согласие открывает возможность для автоматизированного вмешательства в их решении[21].

Кроме того, автоматизация обработки данных приводит к «размыванию» целей согласия. В эпоху больших данных сбор информации редко осуществляется для конкретной цели – данные становятся многоцелевым ресурсом, который может быть переработан и переиспользован бесконечное количество раз. Следовательно, согласие субъекта теряет свою конкретику и становится практически неконтролируемым.

Как отмечается в юридической литературе, в реальных условиях пользователи часто не читают соглашения, представленные в сложной технической форме. Также часто в условиях цифровой среды пользовательские соглашения формируются из множества сложных юридических терминов и технических описаний, которые трудно понять обычному человеку. Это приводит к тому, что согласие субъекта данных фактически утрачивает свою роль выражения воли.

Алгоритмы, используемые для анализа больших данных, сложны. Субъекты данных не могут в полной мере осознать последствия предоставления согласия на обработку данных, поскольку технологии обработки (например, машинное обучение) часто непонятны даже специалистам. Пользователи соглашаются на обработку данных, не читая полные условия, представленные в виде длинных пользовательских соглашений, что делает их волеизъявление формальным, а не осознанным. Использование больших данных может оказывать влияние на секретность, когда информация о субъекте становится доступной без его явного согласия.

Следует отметить, что Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» требует получения согласия на обработку данных, но не содержит конкретных норм, регулирующих автоматизированные решения[22]. Это создает правовой пробел, который становится особенно заметным при применении ИИ в сфере кредитования и государственных услуг.

В профилировании, проводимом системами ИИ, данные могут быть использованы для целей, которые субъект не способен предвидеть (например, таргетированная реклама, которая может повлиять на потребительский выбор)[23].

[20] См.: *Kaminskiy E.* Legal Challenges of Big Data and Artificial Intelligence in Data Protection Law, 2020.

[21] См.: *Binns R., Veale M., Van Kleek M., Shadbolt N.* It's Reducing a Human Being to a Percentage : Perceptions of Justice in Algorithmic Decisions // Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Paper No. 377. P. 1–14. URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3173574.3173951

[22] О персональных данных и их защите : закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226

[23] См.: *Veale M., Binns R., Edwards L.* Algorithms that Remember : Model Inversion Attacks and Data Protection Law. URL: https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rsta.2018.0083

Профилирование на основе больших данных ограничивает свободу воли, подталкивая субъекта к заранее спрогнозированным решениям.

Согласие как форма волеизъявления остается важным юридическим инструментом, однако его реализация в условиях цифровизации и использования больших данных требует переосмысления. Современное право сталкивается с вызовами, связанными с манипуляциями, сложностью информирования и прозрачности алгоритмов, что требует разработки новых подходов к защите свободы воли и осознанности субъекта.

Одной из важных функций волеизъявления является предоставление возможности отзыва согласия. Но в эпоху больших данных это становится сложным, так как после передачи данных они могут быть обработаны, скопированы или использованы третьими лицами, что, в свою очередь, делает отзыв согласия технически невозможным. Сложность отзыва согласия в цифровой среде также поднимает вопросы о реальной свободе волеизъявления. В соответствии со ст. 7(3) GDPR субъекту данных предоставляется возможность отозвать согласие в любой момент, но техническая реализация этого механизма часто усложнена.

Как уже было отмечено выше, воля, как важный элемент волеизъявления, предполагает свободу выбора. Однако в условиях цифровой экономики свобода пользователей часто ограничена. В ряде случаев отказ от обработки данных лишает человека возможности пользоваться услугой. Например, социальные сети или поисковые системы требуют согласия на сбор данных, иначе пользователь не может получить доступ к сервису. В таких случаях воля субъекта формально выражена, но фактически это принуждение.

Большие данные часто используются для создания моделей поведения, предпочтений или вероятности совершения определенных действий. Это может влиять на автономию личности, подрывая свободу ее воли. На основе профилей данных пользователю могут предлагаться целенаправленные рекламные сообщения, которые могут формировать его решения, ограничивая свободу выбора.

В ряде случаев большие данные используются для автоматизированного принятия решений (например, при рассмотрении кредитных заявок, автоматизированные системы оценки заявок на получение социальных выплат). Такие решения, основанные на алгоритмах, могут быть приняты без участия субъекта, что фактически лишается возможности выразить свою волю или оспорить решения, поскольку логика обработки данных остается непрозрачной. Это, в свою очередь, ставит под сомнение значение его воли.

Однако ст. 22 Общего регламента по защите данных (GDPR) запрещает принятие решений исключительно на основе автоматизированной обработки, если они существенно влияют на субъект данных, за исключением случаев, когда субъект дал явное согласие или такое решение требуется по закону. GDPR требует прозрачности алгоритмов и возможности оспаривать автоматизированные решения. Однако даже эти положения сложно реализовать на практике, так как субъекты данных в большинстве случаев не осведомлены о своих правах.

На основе проведенного анализа можно констатировать тот факт, что связь между большими данными и волеизъявлением проявляется в необходимости защиты свободы воли в условиях цифровой трансформации. Большие данные создают риски формализации согласия, подрыва автономии и приватности, что требует от права новых подходов к обеспечению реальной защиты интересов субъектов данных. В условиях, когда обработка данных становится массовой, прозрачность и информированность должны быть усилены, чтобы волеизъявление оставалось осознанным и свободным.

ИИ ставит перед правом и обществом вызовы, связанные с переосмыслением понятия волеизъявления. В условиях непрозрачности алгоритмов, автоматизации решений и манипуляции поведением традиционные подходы к свободе воли становятся неэффективными. Для защиты прав и свобод личности необходима разработка новых правовых инструментов, способных адаптироваться к условиям цифровой трансформации.

Библиографический список

Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кешелава. М. : ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.

Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М. : БЕК, 1993. Т. 1. 384 с.

Идрышева С. К. О Цифровом кодексе Казахстана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34311746

Иеринг Р. Цель в праве. СПб. : Лань, 2000. URL: https://lanbook.com/

Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954.

Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерк теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. I. 510 с.

Сулейменов М. К. Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39931835

Тагай А. А., Сыздыкова К. Ш., Халмурзаева К. Р. Технология «Big Data» в цифровой трансформации экономики // Qainar Journal of Social Science. 2023. № 2 (2). P. 76–94. URL: https://doi.org/10.58732/2958-7212-2023-2-77-95

Binns R., Veale M., Van Kleek M., Shadbolt N. It's Reducing a Human Being to a Percentage : Perceptions of Justice in Algorithmic Decisions // Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Paper No. 377. P. 1–14. URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3173574.3173951

Kaminskiy E. Legal Challenges of Big Data and Artificial Intelligence in Data Protection Law, 2020.

Pokorny Jaroslav. NoSQL databases : a step to database scalability in web environment. Proceedings of the 13th International Conference on Information Integration and Webbased Applications and Services, 2011. P. 278–283, ACM New York, NY, USA.

Purtova N. A. The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law // Law, Innovation, and Technology. 2018. Vol. 10 (1). P. 40–81. URL: https://pure.uvt.nl/ws/files/26263160/Published.pdf

Rawls John. Theory of justice. Harvard University Press. URL: https://blog.ipleaders.in/john-rawls-theory-of-justice/#Introduction

Veale M., Binns R., Edwards L. Algorithms that Remember : Model Inversion Attacks and Data Protection Law. URL: https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rsta.2018.0083

References

Introduction to the «Digital» Economy / A. V. Keshelava, V. G. Budanov, V. Yu. Rumyantsev [et al.] ; under the general editorship of A. V. Keshelava. Moscow : VNIIGeosistem, 2017. 28 p.

Civil Law : textbook: in 2 vol. / ed. by E. A. Sukhanov. Moscow : BEK, 1993. Vol. 1. 384 p.

Idrysheva S. K. On the Digital Code of Kazakhstan. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34311746

Iering R. Objective in Law. St. Petersburg : Lan, 2000. URL: https://lanbook.com/

Novitsky I. B. Transactions. Limitation Period. Moscow, 1954.

Eugensicht V. A. Will and Expression of Will (an essay on the theory, philosophy and psychology of law). Dushanbe, 1983.

Savigny F. K. The System of Modern Roman Law / trans. from German by G. Zhigulin ; ed. by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow : Statut, 2011. Vol. I. 510 p.

Suleimenov M. K. Digitalization and Improvement of Civil Legislation. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39931835

Tagay A. A., Syzdykova K. Sh., Khalmurzaeva K. R. Big Data Technology in the Digital Transformation of the Economy // Qainar Journal of Social Science. 2023. No. 2 (2). P. 76–94. URL: https://doi.org/10.58732/2958-7212-2023-2-77-95

Binns R., Veale M., Van Kleek M., Shadbolt N. It's Reducing a Human Being to a Percentage : Perceptions of Justice in Algorithmic Decisions // Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Paper No. 377. P. 1–14. URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3173574.3173951

Kaminskiy E. Legal Challenges of Big Data and Artificial Intelligence in Data Protection Law, 2020.

Pokorny Jaroslav. NoSQL databases : a step to database scalability in web environment. Proceedings of the 13th International Conference on Information Integration and Webbased Applications and Services, 2011. P. 278–283, ACM New York, NY, USA.

Purtova N. A. The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law // Law, Innovation, and Technology. 2018. Vol. 10 (1). P. 40–81. URL: https://pure.uvt.nl/ws/files/26263160/Published.pdf

Rawls John. Theory of justice. Harvard University Press. URL: https://blog.ipleaders.in/john-rawls-theory-of-justice/#Introduction

Veale M., Binns R., Edwards L. Algorithms that Remember : Model Inversion Attacks and Data Protection Law. URL: https://royalsocietypublishing.org/doi/epdf/10.1098/rsta.2018.0083

Школа права и государственного управления Университета «Нархоз»

Кусаинова А. К., доктор философии (PhD), доцент

School of Law and Public Administration of the Narhoz University

Kussainova A. K., Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor

E-mail: a.kussainova@narxoz.kz

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Для цитирования:

Кусаинова А. К. Согласие как юридическая форма волеизъявления: проблемы интерпретации в условиях работы с большими данными // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 287–295. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/287-295

E-mail: a.kussainova@narxoz.kz

Received: 22.01.2025

For citation:

Kussainova A. K. Consent as a legal form of expression of will: problems of interpretation in the context of working with big data // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 287–295. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/287-295

УДК 347.61
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/296-300

ЗНАЧЕНИЕ ВОЛИ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

О. Н. Шеменева
Воронежский государственный университет

THE MEANING OF WILL AND EXPRESSION OF WILL IN IDENTIFICATION THE ORIGIN OF CHILDREN

O. N. Shemeneva
Voronezh State University

Аннотация: анализируется влияние воли и волеизъявления предполагаемых родителей на установление происхождения детей в административном и судебном порядке. В результате анализа современного законодательства и судебной практики автор приходит к выводу о том, что, несмотря на развитие науки и возможности современных генетических исследований осознанное волеизъявление мужчин и женщин стать родителями детей, не состоящих с ними в родстве, остается одним из востребованных способов установления родительских правоотношений.
Ключевые слова: родитель, ребенок, установление отцовства, искусственный способ репродукции человека.

Abstract: the influence of the will of the intended parents on the identification of the origin of children in administrative and judicial proceedings analyzes. As a result of the analysis of modern legislation and judicial practice, the author concludes that, despite the development of science and the possibilities of modern genetic research, the conscious expression of the will of men and women to become parents of children who are not related to them remains one of the demanded ways to establish parental legal relations.
Key words: parent, child, paternity identification, artificial method of human reproduction.

На сегодняшний день развитие науки достигло того уровня, когда установление происхождения ребенка от его родителей не составляет значительных сложностей и не требует существенных материальных затрат[1]. Однако данные юридические факты за редкими исключениями продолжают устанавливаться «по старинке», на основании правил, разработанных задолго до появления, широкого распространения, а также достижения материальной доступности молекулярно-генетических экспертиз. И значительное место в реализации данных правил занимает волеизъявление мужчин и женщин стать родителями детей, с которыми они не состоят в генетическом родстве[2].

Согласно ст. 47 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) «права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». Данное положение конкретизируется, помимо прочего, ст. 22 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»[3], где указано, что сведения о родителях (родителя) вносятся в актовую запись о рождении ребенка.

[1] Например, по состоянию на 29 января 2025 г. в г. Воронеже приблизительная стоимость ДНК-теста в зависимости от сложности составила от 4990 до 10 990 рублей. // https://voronezh.dnk-otcovstvo.ru/tseny/

© Шеменева О. Н., 2025

[2] См.: например: *Тарусина Н. Н.* Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 18–21.

[3] Об актах гражданского состояния : федер. закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340

Установление материнства в силу физиологических причин, как правило, не вызывает сложностей, в связи с чем законодательство традиционно предусматривает довольно значительный перечень документов, на основе которых сотрудник органа загс может внести сведения о матери в актовую запись о рождении ребенка.

Отцовство ребенка, рожденного женщиной, состоящей в браке, также устанавливается довольно просто, но уже не на основании точно установленного действительного происхождения ребенка от данного мужчины, а на основании имеющей тысячи лет истории презумпции «муж матери – отец ребенка»[4]. В большинстве случаев эта презумпция верна, и совершенные на основании данной презумпции записи об отце соответствует действительности. Однако, как известно, так складывается не всегда. И в ситуации, когда мужу матери известно, что фактически он не является отцом ее ребенка, мы сталкиваемся с одним из первых случаев влияния его воли на сохранение родительского правоотношения: этот мужчина может как оспорить запись о своем отцовстве в судебном порядке, так и принять сложившуюся ситуацию, сохранив родительское правоотношение с данным ребенком. Более того, предшественник действующего СК РФ – Кодекс о браке и семье (КоБС) РСФСР ограничивал период размышлений мужчины над этим вопросом одним годом. Именно такой срок исковой давности предусматривался ст. 49 КоБС РСФСР для предъявления иска об оспаривании отцовства (равно как и материнства), исчисляемый с того времени, когда лицу стало или должно было стать известно о произведенной записи.

Другим примером установления происхождения детей на основании волеизъявления родителей является подача в орган ЗАГС совместного заявления об установлении отцовства отцом и матерью ребенка, не состоящими в браке между собой (п. 3 ст. 52, п. 2 ст. 51 СК РФ). Действительное происхождение ребенка от этого мужчины при подаче данного заявления значения не имеет и не проверяется сотрудником ЗАГС. Важна лишь обоюдная воля матери и подающего совместно с ней заявление мужчины на то, чтобы он был записан отцом ребенка.

В случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или лишения ее родительских прав мужчина может один подать такое заявление. В этом случае запись о его отцовстве будет совершена с согласия органа опеки и попечительства. Жестких критериев, на основании которых орган опеки дает или не дает согласие на совершение данной записи, законодательство не предусматривает. Оно может быть дано как на основании результатов генно-молекулярной экспертизы, так и по иным соображениям.

Волеизъявление мужчины, выраженное в заявлении об установлении отцовства, по смыслу действующего законодательства, является окончательным. Согласно п. 2 ст. 52 СК РФ требование лица, записанного отцом ребенка на основании п. 2 ст. 51 СК РФ, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка, даже если на момент записи он был несовершеннолетним[5]. При этом, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, указанное правило «…не исключает его права оспаривать произведенную запись по мотивам нарушения волеизъявления (например, если заявление об установлении отцовства было подано под влиянием угроз, насилия либо в состоянии, когда истец не был способен понимать значение своих действий или руководить ими)[6]».

Волевые действия или бездействие участников споров, связанных с установлением происхождения детей, могут оказывать решающее влияние и в ходе их рассмотрения в судебном порядке.

Во-первых, это возможно в результате совершения сторонами таких распорядительных действий, как признание иска и отказ от иска. Например, мужчина обратился в суд с исковым заявлением об установлении отцовства, в обоснование иска указал, что сожительствовал с ответчицей, и от данных отношений у них родилась дочь. Ответчица исковые требования при-

[4] Римское частное право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова. М. : Проспект, 2015. С. 95.

[5] См.: *Краснова Т. В.* Содержание родительских прав : перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 102–106.

[6] О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7. П. 27.

знала. Суд принял решение об удовлетворении исковых требований истца. Суд апелляционной инстанции отклонил как неправомерный довод о несогласии истца с принятым решением, так как он сомневается относительно своего отцовства. Как следует из материалов дела, ответчица признала исковые требования, а истец от проведения экспертизы в ходе рассмотрения дела отказался[7]. После вступления этого решения в законную силу возможность его отмены судом кассационной инстанции крайне невелика. Как указал Верховный Суд РФ в рамках другого дела, «…при рассмотрении в судах дел об установлении отцовства признание ответчиком своего отцовства, равно как и отрицание этого отцовства, с достоверностью происхождение от него ребенка, как и отсутствие биологической связи этого лица с ребенком, подтвердить не могут. В связи с этим не исключается возможность отмены решения суда об удовлетворении иска об установлении отцовства, основанного только на признании иска ответчиком, по вновь открывшимся обстоятельствам в том случае, если после вынесения этого решения выяснится, что ребенок имеет происхождение не от ответчика, а от другого лица[8]».

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. По мнению Верховного Суда РФ данное положение применимо и к спорам, связанным с установлением происхождения детей. «Указанный вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае в зависимости от того, какая сторона, по каким причинам не явилась на экспертизу или не представила эксперту (экспертам) необходимые предметы исследования, а также какое значение для нее имеет заключение эксперта (экспертов), исходя из имеющихся в деле доказательств в их совокупности» (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16).

При этом, несмотря на то что в основе ч. 3 ст. 79 ГПК РФ лежит обладающее довольно высокой степенью вероятности предположение о том, что сторона уклоняется от участия в экспертизе по причине того, что ей известно то, что факт будет установлен вопреки заинтересованности, которая свойственна для ее процессуального положения, данное предположение верно не всегда. Как верно отмечается, «…установление судом фактов путем применения ч. 3 ст. 79 ГПК РФ не означает получения истинного знания о них[9]». В результате решение суда и внесенные на основании него сведения о родителе ребенка в актовую запись о его рождении могут не соответствовать его действительному происхождению. Например, суды отказывают в удовлетворении требований отца при оспаривании им отцовства, если он неоднократно не явился на молекулярно-генетическую экспертизу без уважительных причин, даже при наличии у него медицинских документов, подтверждающих бесплодие[10].

Причем после вступления решения суда в законную силу привести сведения об отце или матери ребенка в актовой записи о рождении в соответствие его действительному происхождению у лиц, участвовавших в деле, по которому было вынесено данное решение, возможности нет, даже при наличии заключения генно-молекулярного исследования, проведенного во внесудебном порядке.

И, наконец, наиболее существенное значение воле сторон законодатель придает в целях установления происхождения детей, рожденных с применением методов искусственной репродукции человека. Пункт 4 ст. 51 СК РФ предусматривает общее правило, согласно которому «лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на им-

[7] Апелляционное определение Московского городского суда от 28 мая 2019 г. по делу № 33-21951/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 51-КГ15-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] *Михайлов С. М., Олегов М. Д.* Установление обстоятельств гражданских дел : некоторые доктринальные и практические подходы // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 53–68.

[10] См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 17 февраля 2022 г. по делу № 33-714/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

плантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений». Данное положение детализируется применительно к различным ситуациям, однако основной его смысл остается неизменным: волеизъявление будущих родителей, направленное на применение того или иного метода искусственной репродукции человека, – это главное и единственное основание возникновения правоотношения с рожденным в результате его применения ребенком вне зависимости от наличия или отсутствия между ними генетической связи.

Еще один участник применения методов искусственной репродукции, чье волеизъявление важно для установления происхождения детей, – это суррогатная мать. Согласно тому же п. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоящие в браке, или одинокая женщина, давшие свое согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Отсутствие такого согласия суррогатной матери означает, что в качестве матери ребенка в актовой записи о его рождении будет указана она.

Причем возможности «передумать» и «отменить» последствия своего волеизъявления никто из лиц, давших согласие на применение способов искусственной репродукции человека, возможности не имеет. Согласно ч. 3 ст. 52 СК РФ «супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства». Согласно ч. 4 ст. 52 СК РФ «супруги или одинокая женщина, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства». При этом в судебной практике подчеркивается, что это должно быть именно «информированное добровольное согласие»[11], а при отсутствии информированности исковые требования об оспаривании отцовства могут быть удовлетворены, как в случае оспаривания отцовства мужчиной, который дал согласие на применение метода искусственного оплодотворения в отношении своей супруги, но с использованием только своего генетического материала, а не донорского[12].

Изложенное свидетельствует о том, что, несмотря на развитие науки и возможности современных генетических исследований, осознанное волеизъявление мужчин и женщин стать родителями детей, не состоящих с ними в родстве, остается одним из востребованных способов установления родительских правоотношений. Идея социального родительства остается актуальной как в Российской Федерации, так и за рубежом[13]. И, видимо, потребность в данном способе установления происхождения детей сохранится в человеческом обществе и в будущем.

Библиографический список

Краснова Т. В. Содержание родительских прав : перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 102–106.

Михайлов С. М., Олегов М. Д. Установление обстоятельств гражданских дел : некоторые доктринальные и практические подходы // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 53–68.

Римское частное право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова. М. : Проспект, 2015. 312 с.

Тарусина Н. Н. Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 18–21.

Усачева Е. А. Социальное отцовство (материнство) : постановка проблемы // Рос. юрид. журнал. 2019. № 6. С. 115–120.

Хазова О. А. Понятие социального родительства в контексте российского семейного права // Закон. 2022. № 1. С. 77–86.

References

Krasnova T. V. The content of parental rights : prospects for strengthening the legal status of parents in Russia // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2017. No. 8. P. 102–106.

Mikhailov S. M., Olegov M. D. Establishing the circumstances of civil cases : some doctrinal and practical approaches // Actual problems of Russian law. 2021. No. 12. P. 53–68.

[11] См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 46-КГ19-24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Там же.

[13] См., например: *Хазова О. А.* Понятие социального родительства в контексте российского семейного права // Закон. 2022. № 1. С. 77–86 ; *Усачева Е. А.* Социальное отцовство (материнство) : постановка проблемы // Рос. юрид. журнал. 2019. № 6. С. 115–120.

Roman private law : textbook / ed. by R. A. Kurbanov. Moscow : Prospect, 2015. 312 p.

Tarusina N. N. On current variations in the structure of consent in the family law sphere // Family and housing law. 2024. No. 5. P. 18–21.

Usacheva E. A. Social fatherhood (motherhood) : problem statement // Rus. legal journal. 2019. No. 6. P. 115–120.

Khazova O. A. The concept of social parenthood in the context of Russian family law // Law. 2022. No. 1. P. 77–86.

Воронежский государственный университет
Шеменева О. Н.., доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: shon_in_law@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.01.2025

Для цитирования:

Шеменева О. Н. Значение воли и волеизъявления при установлении происхождения детей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 296–300. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/296-300

Voronezh State University
Shemeneva O. N., Doctor of Law Science, Associate Professor of the Civil Law and Process Department
E-mail: shon_in_law@mail.ru

Received: 22.01.2025

For citation:
Shemeneva O. N. The meaning of will and expression of will in identification the origin of children // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 296–300. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/296-300

УДК 341.96
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/301-308

АВТОНОМИЯ ВОЛИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

А. И. Поротиков, О. А. Поротикова
Воронежский государственный университет

AUTONOMY OF WILL IN CHOICE OF APPLICABLE LAW IN RELATIONS COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT: CERTAIN CONTRADICTIONS IN LEGISLATION AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

A. I. Porotikov, O. A. Porotikova
Voronezh State University

Аннотация: анализируются проблемы законодательного регулирования соглашений о выборе применимого права в международном частном праве. Авторы сопоставляют абсолютный и ограниченный подходы к пониманию автономии воли, выявляют их эффективность. Уделяется внимание вопросам диспозитивности коллизионных норм, а также допустимости автономии воли в односторонних сделках, вещных отношениях, при неосновательном обогащении. Предпринимается попытка обсудить временные рамки для заключения соглашения о выборе применимого права.
Ключевые слова: автономия воли, соглашение (оговорка) о выборе применимого права, коллизионные нормы, диспозитивные нормы, договорный статут, односторонние сделки, неосновательное обогащение, вещные права, международное частное право.

Abstract: the article analyzes the problems of legislative regulation of agreements on the choice of applicable law in international private law. The authors compare the absolute and limited approaches to understanding the autonomy of will, identify their effectiveness. Attention is paid to the issues of the optionality of conflict rules, as well as the admissibility of the autonomy of will in unilateral transactions, property relations, and unjust enrichment. An attempt is made to discuss the time frame for concluding an agreement on the choice of applicable law.
Key words: autonomy of will, agreement (reservation) on the choice of applicable law, conflict of laws rules, optional rules, contractual statute, unilateral transactions, unjust enrichment, property rights, international private law.

Особенностью регулирования частных отношений с иностранным элементом, как известно, является коллизионный метод, предполагающий, что прежде чем разрешать спор по существу, правоприменитель (далее – суд) должен определить применимое право. Данный метод предполагает, что каждый суверен для своих судов создает специальный массив норм, именуемых коллизионными, в которых содержится указание на правопорядок какого-либо государства, подлежащий применению в этом конкретном случае. Привязки коллизионных норм формируются на основе принципа «наиболее тесной связи», т. е. законодатель пытается создать формулу, в которую суд подставит определенные значимые для данного спора обстоятельства и получит право страны наиболее близкое к отношению и эффективное для разрешения спора.

Однако в некоторых сферах, в силу их природы, настолько существенны элементы саморегу-

© Поротиков А. И., Поротикова О. А., 2025

лирования, что и в вопросах применимого права целесообразно полагаться на мнение участников отношений, которые лучше всех знают, какой национальный правопорядок будет для них самым тесным и успешным. Именно природа частных отношений определяет появление свободы договора как базового принципа цивилистики и диспозитивных норм в качестве основы для его реализации. Эта идея в полной мере, зеркально, воспринимается и при регулировании трансграничных частных отношений, находя свое воплощение в диспозитивности коллизионных норм и закреплении «автономии воли» (lex voluntatis) в качестве основного начала международного частного права.

С принятием раздела VI ч. 3 Гражданского кодекса РФ[1] в России в полной мере оформляется соответствующий современным международным трендам подход, позволяющий непосредственно сторонам договорных отношений, осложненных иностранным элементом, самостоятельно выбирать к содержанию своих обязательств тот национальный правопорядок, который они считают нужным. Автономия воли, далее, точечно проникает и в институты, для которых диспозитивные начала ранее не были свойственны, – в деликтные и иные внедоговорные обязательства, в вещные отношения и т. п.

Реализация диспозитивных коллизионных правил требует заключения специальных соглашений о выборе применимого права, предусмотренных ст. 1210 ГК РФ. Специфика данной нормы заключается в том, что, с одной стороны, она вводит довольно широкие установления, касающиеся способа выражения воли сторон, момента выбора права, допустимости его дробления, а с другой – имеет много пробелов, требующих восполнения. Именно характер нормы повлиял на дискуссионность почти всех ее положений для науки международного права, а также на небесспорные варианты ее толкования и применения судами. Остановимся на нескольких таких аспектах подробнее.

Подходы к пониманию автономии воли. Для коллизионного права различных государств характерны в сущности две модели закрепления и реализации свободы сторон при выборе ими применимого права: первый можно условно обозначить как «абсолютная автономия воли», а второй – как «ограниченная автономия». Критерием в данном случае является широта усмотрения, доступного для договаривающихся лиц.

В первом случае законодатель предъявляет лишь самые формальные и простые требования к выражению воли сторон и заботится только о том, чтобы их волюнтаризм не затрагивал бы права и интересы третьих лиц. Стороны вольны выбирать произвольно правопорядок любого государства, который сочтут для себя удобным. Мотивы их выбора, связь с отношением, доступность выбранных норм, удобство для суда не имеют значения для действительности соглашения. Законодатель исходит из предположения о том, что стороны будут действовать разумно и в обоюдных интересах, раз они смогли договориться, а также что они, как никто иной, должны стремиться подчинить свое отношение праву, с которым имеется тесная связь.

Второй подход не позволяет сторонам договариваться о любом национальном правопорядке в качестве применимого к их отношению, а прямо ориентирует на выбор только из нескольких, «претендующих» на регулирование в силу имеющегося значимого иностранного элемента. Чаще всего выбор предлагается сделать из личного закона сторон, места совершения значимого юридического действия (заключения или исполнения договора, причинения вреда и т. п.) или страны суда. Таким образом, стороны выражают свою волю, но в пределах заданных рамок.

Абсолютная автономия воли выглядит прямым следствием идеи саморегулирования частных отношений, построенных на началах добровольности, самостоятельности и рисковости, характерных для гражданского оборота. Она переносит ответственность за последствия выбора соответствующего иностранного права на самих участников отношений. Вместе с тем ее главным недостатком является то, что неразумный и непоследовательный выбор применимого права сторонами затронет, в конечном счете, не только их самих. Он создаст проблемы для суда, которому предстоит это иностранное право установить и применить, для взаимосвязанных отношений и для третьих лиц, на правах которых может сказаться разрешение спора. Нередко в качестве критики

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья : федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

такой широкой свободы усмотрения сторон приводят и аргумент «обхода закона», т. е. посягательство на некий общественный (публичный) интерес. Думается, что последний довод приходит в противоречие с презумпцией добросовестности участников гражданского оборота. Помимо сказанного, обход закона предполагает намеренное и целенаправленное поведение сторон по созданию (изменению) искусственного иностранного элемента, в связи с чем в договорных отношениях его достижение может обеспечиваться прямым «привязыванием» соответствующего иностранного элемента к искомому правопорядку. Использование соглашения о выборе применимого права в этих целях выглядит довольно наивно. В любом случае для профилактики или борьбы с обходом закона больше подходят нормы непосредственного применения («сверхимперативные» нормы), нежели дополнительные запреты в области выбора права сторонами.

Ограничительный вариант автономии воли является проявлением избыточной заботы и контроля суверена об участниках оборота, в то же время он может ориентировать стороны на выбор из тесных правопорядков и облегчать работу суда в определенной мере. Однако, как всё ограниченное, такой подход может быть менее эффективным для сторон договора и подталкивать их, в том числе, к созданию искусственных способов прикрепления. В конечном итоге, появившись как одно из средств борьбы с обходом закона, второй подход может быть его стимулятором.

Многие авторы задаются вопросами о преимуществах и рисках каждого из приведенных подходов. Вот, к примеру, мнение Дж. Чешира и П. Норта: «Если исходить из соображений удобства, то можно приветствовать такую неограниченную свободу сторон договора, поскольку она приводит к определенности там, где иначе всё могло бы быть неопределенным. Она устраняет всякие сомнения в отношении свойственного договору права и таким образом снимает необходимость в дорогостоящем и продолжительном судебном разбирательстве. Однако если исходить из соображений здравого смысла, то неограниченная свобода договора не столь привлекательна, поскольку при ее произвольном использовании стороны могут оказаться подчиненными такому праву, которое будет нереалистично до абсудра. И всё же существуют авторитетные судейские высказывания в пользу неограниченной свободы выбора...»[2].

В России сегодня в качестве общего правила применительно к договорным обязательствам сделана ставка на «свободу плюс разумность», действует абсолютная автономия воли. «Стороны договора, осложненного иностранным элементом, в соглашении о применимом праве могут выбрать право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами (выбор нейтрального права)»[3].

При этом в иных отношениях с иностранным элементом, где диспозитивные начала развиты слабо или не могут быть реализованы в полной мере, в качестве исключения применяется ограничительный подход.

В частности, согласно п. 3 ст. 1206 ГК РФ стороны могут договориться о применении к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав на движимое имущество права, подлежащего применению к их сделке, без ущерба для прав третьих лиц. В данном случае ограничена и сфера применения автономии воли – до споров, касающихся приобретения и прекращения вещных прав исключительно на движимые вещи, – и сам выбор сведен до одной альтернативы вещному статуту – праву, применимому к сделке. В то же самое время, если к сделке стороны воспользовались широкой автономией воли, то и на приобретение или прекращение вещных прав на движимое имущество она распространится. Таким образом, при ограниченности сферы применения сам выбор может превратиться и в этом случае в абсолютно свободный. Подробнее о целях такого ограничительного подхода и проблемах с его реализацией остановимся далее в контексте анализа диспозитивности как предпосылки свободы воли.

Диспозитивность как условие автономии воли в МЧП

Автономия воли при выборе применимого права есть проявление на новом уровне – коллизионного, а не материально-правового регулирования отношений – принципа свободы до-

[2] *Чешир Дж, Норт П.* Международное частное право / пер. с англ. С. Н. Андрианова ; под ред. М. М. Богуславского. М., 1982. С. 248–249.

[3] О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24. Пункт 32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

говора, свойственного частному праву. И, как и в материальном праве, выбор применимого права возможен только при условии, что коллизионная норма, подлежащая применению судом, относится к нормам диспозитивным.

Деление норм на императивные и диспозитивные – единственная классификация, закрепленная в законе, а точнее в п. 1 ст. 422 и п. 4 ст. 421 ГК РФ: «В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой».

Таким образом, предпосылкой для реализации автономии воли в международном частном праве является коллизионная норма, содержащая «маркеры» диспозитивности («если отсутствует соглашение сторон о выборе права», «стороны вправе выбрать..» и др), и соглашение сторон (обоюдное, добровольное и отражающее действительные встречные воли), изменяющее законодательную привязку (объективный статут).

Довольно спорной с точки зрения идеи диспозитивности видится допустимость выбора применимого права лицом, совершающим одностороннюю сделку. Если толковать норму ст. 1217 ГК РФ буквально, то она не содержит указания на возможность ее изменения посредством выбора применимого права. Данное правило относится к числу гибких, но не диспозитивных. На гибкость указывает формулировка «если иное явно не вытекает из …. условий или существа сделки либо совокупности обстоятельств дела», позволяющая суду (не стороне!) определить в конкретном случае иное, более тесное применимое право, чем это предусмотрено законодателем.

Более того, как ранее отмечалось, диспозитивность предполагает, что замена правила, установленного законом, на правило, установленное сторонами, допускается только по соглашению, а не односторонним действием. Этим свойством объясняется, в частности, отсутствие диспозитивных норм там, где в силу различных причин нет и не может быть договора. К таким сферам, безусловно, относятся односторонние сделки, поскольку для их совершения необходимо и достаточно воли одной стороны.

Хочется согласиться с А. В. Асосковым, отмечавшим: «Теоретически в данном случае можно говорить о наличии не одностороннего выбора применимого права, а двустороннего соглашения, если под акцептом понимать конклюдентные действия кредитора по принятию исполнения или предъявлению требований о принудительной реализации возникающего из односторонней сделки субъективного гражданского права. Несмотря на свою практическую привлекательность, данная конструкция вступает в противоречие с особенностями теоретической природы односторонней сделки»[4].

Именно в связи с изложенным трудно поддержать расширительное толкование указанной коллизионной нормы Верховным Судом РФ в п. 44 постановления Пленума № 24: «По смыслу статьи 1217 ГК РФ лицо, принимающее на себя обязательства по односторонней сделке, вправе в тексте документа, фиксирующего условия совершения односторонней сделки (например, в тексте независимой гарантии), выбрать применимое право, которое будет регулировать обязательства, возникающие из такой односторонней сделки. Сферу действия выбранного таким образом права следует определять применительно к статье 1215 ГК РФ. Лицо, принимающее на себя обязательства по односторонней сделке, может осуществить или изменить выбор применимого права после возникновения соответствующего обязательства только с согласия кредитора в таком обязательстве»[5].

Распространение автономии воли на выдачу гарантии поддерживали ранее и в доктрине[6], с чем сложно согласиться. Односторонняя сделка сама по себе не способна инициировать гражданское правоотношение, так оно (отношение) предполагает всегда две стороны, а никого нельзя понудить к участию в частных отношениях. Такие сделки для возбуждения правоот-

[4] *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] См.: *Белоусов Д. В.* Наличие иностранного элемента при осуществлении российским банком гарантийной операции // Банковское право. 2016. № 5. С. 27–31; *Ерпылева Н. Ю.* Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. 2011. № 2. С. 41–48.

ношения с необходимостью требуют либо ранее заключенного договора (например, договор поручения, на основании которого выдается доверенность), либо встречной односторонней сделки (например, объявление конкурса и заявка на участие в конкурсе). Следовательно, допуская возможность стороны в односторонней сделке выбрать применимое право, Верховный Суд РФ считает возможным связать этим односторонним выбором вторую сторону будущего правоотношения, что представляется недопустимым.

В частности, приведенный в п. 44 постановления Пленума ВС РФ пример о выдаче независимой гарантии при ближайшем рассмотрении подтвердит изложенные выше доводы. Для выдачи гарантии, являющейся односторонней сделкой, предварительно потребуется заключить соглашение между гарантом и принципалом, которое и определит их взаимоотношения. Если допустить, что применимое право будет избрано гарантом только в тексте независимой гарантии, то на какие споры это право получит распространение? Отношения «гарант – принципал» урегулированы ранее заключенным соглашением между ними, следовательно, если в нем нет указания на применимое право, вряд ли односторонний выбор гаранта будет справедливо распространять на эти отношения. А на спор с бенефициаром, которого с гарантом напрямую не связывает ни гарантия, ни соглашение, – тем более. Можно смоделировать только одну ситуацию, когда указанное в самой гарантии применимое право будет считаться результатом обоюдной воли: если в соглашении о гарантии, заключенном устно, стороны совершили свой выбор права, а доказательством такого выбора является текст самой гарантии. Однако утверждать это при несогласии сторон на момент рассмотрения спора судом будет невозможно.

Понимая, вероятно, не бесспорность своего толкования, далее в постановлении Пленум ВС РФ поясняет: «Положения статьи 1217 ГК РФ не применяются к вопросам, входящим в сферу действия других коллизионных норм. В частности, указанная статья не применяется к односторонним сделкам, связанным с изменением или расторжением договора (пункт 1 статьи 1215 ГК РФ), а также связанным с отношениями по наследованию (статья 1224 ГК РФ)».

Попробуем объяснить приведенные исключения. В первом случае односторонние сделки являются юридическими фактами не правообразующими, а правопрекращающими, и в таком качестве могли бы обретать самодостаточность в материальном праве, т. е. не требовать встречной воли и сложного юридического состава. Думается, что для коллизионного права их роль как односторонних действий получает другую оценку: тут нельзя даже косвенно усмотреть хоть какой-то акцепт выбранного применимого права. Помимо сказанного, односторонний отказ от договора явно взаимосвязан с договором, который намерен прекратить, и поэтому расщепление договорного статута нецелесообразно.

А во втором примере еще проще – все нормы наследственного статута являются императивными, т. е. не позволяют выбирать применимое право, в том числе в рамках односторонних сделок.

Указания на исключения, приведенные ВС РФ, только утверждают в мысли о том, что конструкция односторонних сделок не может быть пригодна для диспозитивности, а односторонний выбор не должен связывать иных участников отношения. Таким образом, правильнее было бы вернуться от расширительного к буквальному толкованию ст. 1217 ГК РФ, исключив возможность автономии воли.

Еще одной дискутируемой проблемой является допустимость принципа автономии воли для вещных отношений трансграничного характера. Ранее отмечалось, что в п. 3 ст. 1206 ГК РФ применительно к способам приобретения и прекращения вещных прав на движимое имущество законодатель закрепил возможность выбрать вместо вещного статута договорный.

В последнее время всё чаще предметом обсуждения становится вопрос о введении для всей сферы действия вещного статута такой же возможности. Т. С. Любарская приводит обзор основных аргументов в пользу и против распространения автономии на любые вещные отношения с иностранным элементом, предлагая довольно обоснованный их анализ[7]. Но представляется, что за скобками остался аспект диспозитивности вещно-правового регулирования. Поскольку диспозитивная норма предполагает, что ее изменение или исключение ее применения для конкретного случая допускается только по соглашению участников, то залогом саморе-

[7] См.: *Любарская Т. С.* Автономия воли сторон при определении вещного статута : аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 116–138.

гулирования отношений служит их относительный характер. Абсолютная модель отношений, как в материальном, так и коллизионном праве, исключает возможность их договорного регулирования, прежде всего по причине отсутствия круга договаривающихся лиц, а также в связи с неминуемым затрагиванием прав третьих лиц и публичной сферы.

Определенные практические сложности возникают при распространении диспозитивных начал на внедоговорные обязательства. В коллизионных нормах о деликтах, неосновательном обогащении (п. 4 ст. 1219, п. 3 ст. 1223 ГК РФ) с 2013 г. появилось следующее указание: «Правила настоящей статьи применяются, если между сторонами обязательства, …не заключено соглашение о праве, подлежащем применению к этому обязательству (статья 1223.1)». До этого была распространена точка зрения о том, что во внедоговорных отношениях нет реальной возможности выбирать применимое право или такой выбор будет служить для умаления интересов слабой стороны и обхода закона.

Думается, что, несмотря на редкость достижения соглашений в области причинения вреда или кондикционных обязательств, они всё же возможны. Но и тут важно соблюдать два условия диспозитивности: отношение уже должно быть относительным, т. е. определены конкретные стороны (причинитель вреда – потерпевший и т. п.), а также отношение не должно сказываться на третьих лицах. Можно только приветствовать, что законодатель прямо их зафиксировал в ст. 1223.1 ГК РФ, установив, что выбор права следует совершать только после возникновения факта причинения вреда или обогащения и без ущерба для остальных участников оборота.

Вместе с тем остался не до конца разрешенным вопрос о том, как данные условия будут соблюдаться в случае, если стороны параллельно будут связаны и договорными отношениями, т. е. при соприкосновении с договорным статутом. Такие ситуации не редкость. Например, когда стороны подчинили основания и последствия расторжения договора выбранному к договору праву, но одним из последствий будет взыскание неосновательного обогащения. Или при реализации правила п. 3 ст. 1219 ГК РФ, гласящего: «Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие причинения вреда, тесно связано с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным при осуществлении этими сторонами предпринимательской деятельности, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к такому договору».

Практически в приведенных примерах выбор права к внедоговорным обязательствам будет совершен ранее появления юридических фактов, их вызывающих (причинения вреда или обогащения), в нарушение ограничивающих автономию волю условий, что может сказаться и на правах третьих лиц.

Проблемы определения временных границ для заключения соглашения о применимом праве

Законодатель в п. 3 ст. 1210 ГК РФ предусмотрел, что стороны вправе выбрать или изменить ранее выбранное применимое право, как в момент заключения основного договора (например, поставки, перевозки или подряда), так и после, снабдив более поздний выбор обратной силой при наличии двух условий: отсутствие ущерба для прав третьих лиц и не влияние на действительность сделки с точки зрения требований к ее форме.

Идеальным представляется выбор права к договорным обязательствам в момент заключения основного договора, в этом случае стороны смогут исходить из единых правовых представлений уже при его подписании, далее при исполнении – в регулятивной фазе их отношений, вне и без суда. А при возникновении спора для сторон не будет неожиданностью правопорядок, который определит суд, и не возникнет неудобств от ретроспективного эффекта того или иного правопорядка.

«Безусловно, ценность “поздних” соглашений о применимом праве с точки зрения их возможности служить в качестве ориентира для действий сторон, связанных с исполнением договора, потенциально ниже, но она компенсируется освобождением правоприменительного органа от процесса поиска применимой правовой системы на основании объективной привязки»[8].

Вместе с тем норма не содержит указания на предельный срок для выбора применимого права, что порождает многочисленные предположения, дискуссии и неопределенность для практики.

[8] Международное частное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. А. Кабатова. М., 2015. Т. 2: Особенная часть. С. 197.

Самыми распространенными версиями определения предельных временных границ для автономии воли являются следующие. Стороны могут выбрать применимое право:

– до прекращения договора / договорного обязательства / спорного материального правоотношения;

– до вынесения решения судом первой инстанции[9];

– до окончания подготовки дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции;

– до вступления решения суда в законную силу, следовательно, до вынесения постановления судом апелляционной инстанции.

Анализ приведенных суждений позволяет сделать определенные заключения.

Ограничение автономии воли материально-правовыми сроками сделает невозможным в ряде случаев выбор применимого права посредством обмена процессуальными документами (иском и отзывом на иск, заявлениями сторон в суде и т. п.), поскольку к моменту обращения в суд материальные правоотношения сторон могут быть прекращены по различным основаниям. Если же отношения не прекращены на момент судебного разбирательства, то возникает проблема их соотношения во времени с процессуальными механизмами, включая итоговые судебные акты. Путем доведения первой идеи до абсурда предположим, что стороны могут выбрать применимое право и после окончательного разрешения их спора судом, при условии, что материальное отношение всё еще сохраняется. Абсурдность этой мысли позволяет заключить, что сроки существования материального правоотношения не должны быть ориентирами в определении пределов выбора применимого права.

Три следующих версии так или иначе связаны именно с процессуальной целесообразностью. В целях экономии зададимся изначально вопросом – на каком этапе рассмотрения спора судом требуется определить материальное право? Может ли суд производить разбирательство в отсутствие таких норм, например, до вынесения решения? Думается, что ответ однозначный – применимое право необходимо установить на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку на этом этапе суд обязан сформировать и разъяснить сторонам предмет доказывания по делу, распределить обязанности по доказыванию определенных обстоятельств, в том числе опираясь на материально-правовые презумпции. Сделать это возможно только при наличии соответствующих материальных норм. Все дальнейшие процессуальные действия по сбору, исследованию и оценке доказательств становятся бессмысленными, если не ясно, что именно и кому следует подтвердить или опровергнуть, не говоря уже о том, чтобы суд смог оценить круг вовлеченных в спор лиц, надлежащий характер средства защиты нарушенного права и т. п.

Всё сказанное приводит к выводу о том, что стороны должны быть ограничены судом первой инстанции временем до окончания подготовки дела, причем с учетом того обстоятельства, что выбранное ими или определенное судом на основании коллизионной нормы в отсутствие такого выбора применимое иностранное право еще требуется получить и установить его содержание, что тоже следует делать в рамках подготовки. По делам, связанным с иностранным элементом, процессуальные сроки на подготовку дела должны быть специальными, очевидно более продолжительными, чем по внутренним спорам. Суд должен разъяснять сторонам, что они вправе выбирать право в установленный самим судом в определении о подготовке дела срок, в противном случае право будет считаться не выбранным.

Казалось бы, предыдущие рассуждения должны предопределить отрицательный ответ на вопрос о выборе права в суде вышестоящей инстанции. И это во многом так. Однако, думается, что следует сделать два важных исключения для апелляционного суда, во-первых, для случаев, когда суд первой инстанции при рассмотрении дела вовсе не использовал коллизионный метод, проигнорировал механизм определения применимого права, немотивированно разрешил спор как национальный, а во-вторых, когда апелляционный суд перешел к рассмотрению дела по правилам первой инстанции. Но в этих случаях, надо полагать, выбор права сторонами также ограничен сроком, установленным судом, а не допускается вплоть до вынесения постановления.

[9] См.: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов [и др.] ; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юристъ, 2002. С. 424.

Библиографический список

Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Белоусов Д. В. Наличие иностранного элемента при осуществлении российским банком гарантийной операции // Банковское право. 2016. № 5. С. 27–31.

Ерпылева Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. 2011. № 2. С. 41–48.

Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов [и др.] ; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юристъ, 2002.

Любарская Т. С. Автономия воли сторон при определении вещного статута : аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 116–138.

Международное частное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. А. Кабатова. М., 2015. Т. 2: Особенная часть. 764 с.

Чешир Дж, Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С. Н. Андрианова ; под ред. М. М. Богуславского. М., 1982. 496 с.

References

Asoskov A. V. Conflict of Laws Regulation of Contractual Obligations. Moscow : Infotropic Media, 2012. 640 p. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Belousov D. V. The Presence of a Foreign Element in the Implementation of a Guarantee Operation by a Russian Bank // Banking Law. 2016. No. 5. P. 27–31.

Erpyleva N. Yu. The Structure, Form, and Content of Bank Guarantees in International Banking Law // Banking Law. 2011. No. 2. P. 41–48.

Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) / G. E. Avilov, M. M. Boguslavsky, A. F. Efimov [et al.] ; ed. by A. L. Makovsky, E. A. Sukhanov. Moscow : Jurist, 2002.

Lyubarskaya T. S. Autonomy of the will of the parties in determining the property status : arguments «for» and «against» // Bulletin of civil law. 2017. No. 4. P. 116–138.

International private law : textbook : in 2 vol. / ed. by S. N. Lebedev, E. A. Kabatova. Moscow, 2015. Vol. 2: Special part. 764 p.

Cheshire J., North P. International private law / trans. from English by S. N. Andrianov ; ed. by M. M. Boguslavsky. Moscow, 1982. 496 p.

Воронежский государственный университет

Поротиков А. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: 820080@mail.ru

Поротикова О. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: olga.porotikova@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.01.2025

Для цитирования:

Поротиков А. И., Поротикова О. А. Автономия воли при выборе применимого права в отношениях, осложненных иностранным элементом: отдельные противоречия законодательства и проблемы правоприменения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 301–308. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/301-308

Voronezh State University

Porotikov A. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

E-mail: 820080@mail.ru

Porotikova O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

E-mail: olga.porotikova@mail.ru

Received: 23.01.2025

For citation:

Porotikov A. I., Porotikova O. A. Autonomy of will in choosing the applicable law in relations complicated by a foreign element: certain contradictions in legislation and problems of law enforcement // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 301–308. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/301-308

УДК 340.13
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/309-313

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЛИ ГРАЖДАНИНА В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В. В. Денисенко

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Дипломатическая академия МИД России

INTERSUBJECTIVITY AS A CHARACTERISTIC OF A CITIZEN'S WILL IN POSTCLASSICAL JURISPRUDENCE

V. V. Denisenko

Moscow State Institute of International Relations (University) The Russian Foreign Ministry Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Аннотация: статья посвящена анализу философско-правовой концепции интерсубъективности. В работе раскрываются понимание интерсубъективности как методологической основы понимания воли в постклассической юриспруденции. Автор исследует практические и доктринальные аспекты интерсубъективности в правотворчестве и правоприменении. Обоснованы взаимосвязь между интерсубъективным пониманием сущности права и эффективностью правового регулирования, а также важность коммуникативных процедур в условиях модернизации и цифровизации правовой системы для обеспечения легитимности закона.
Ключевые слова: воля в праве, интерсубъективность в философии права, взаимное признание в праве, правомочие в праве, коммуникативная теория права, дискурс в праве, принцип формального равенства, легитимность права.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the philosophical and legal concept of intersubjectivity. The paper reveals the understanding of intersubjectivity as a methodological basis for understanding the will in postclassical jurisprudence. The author explores the practical and doctrinal aspects of intersubjectivity in law-making and law enforcement. The relationship between the subjective understanding of the essence of law and the effectiveness of legal regulation is substantiated. The author substantiates the importance of communication procedures in the context of modernization and digitalization of the legal system to ensure the legitimacy of the law.
Key words: will in law, intersubjectivity in the philosophy of law, mutual recognition in law, competence in law, communicative theory of law, discourse in law, the principle of formal equality, legitimacy of law.

Воля в праве – важнейшая категория, которая используется для характеристики многих вопросов, как в публичном, так и частном праве. В настоящей статье проведен методологический анализ данной категории с позиции постклассической юриспруденции. Отечественная юридическая наука до сих пор сохраняет философские концепции, которые были сформулированы в XIX в., и даже ранее. Так, понимание сущности права, методологии и доктрина правотворчества и правоприменения требуют переосмысления с позиции современной науки, отвечающей на вызовы тенденций конца XX и начала XXI в. в государстве и праве. Многие юридические категории и теории были сформулированы в советский период, когда господствовал классовый подход и типичным было понимание права как «воли господствующего класса». Марксистский подход к праву был связан с философией XIX в., когда были популярны взгляды материализма и объективизма, так как это был период торжества

© Денисенко В. В., 2025

научно-технического понимания мира. Право в рамках такого понимания рассматривалось как объективный процесс эволюции общества, обусловленный экономическими формациями. Как было сказано выше, изменения, произошедшие в обществе за последние 50 лет, привели к переосмыслению понимания воли в праве с позиции интерсубъективности.

В середине XX в. в Европейской науке сформировалось неклассическое понимание права, которое стало рассматривать юриспруденцию с позиции философии феноменологии. Метод, при помощи которого феноменология исследует опыт сознания, называется феноменологической редукцией. В процессе феноменологической редукции упраздняются принимаемые на веру, свойственные естественной установке представления об окружающем мире. Результатом феноменологической редукции «будет обнаружение в сознании субъекта чистой сущности, или эйдоса (греч. eidos – «вид, образ, образец»), явления»[1]. Феноменологический метод в его классическом варианте был обоснован немецким философом Э. Гуссерлем (1859–1938), который ввел в научный оборот термин «интерсубъективность». Э. Гуссерль, как отмечает А. В. Поляков, «остро чувствовал как несовершенство современной ему науки, так и хаотическое состояние философии, которая, по его мнению, представляла собой собрание разнообразных и подчас не выдерживающих критики мнений»[2]. Интерсубъективность указывает на внутренне присущую сознанию социальность и на то, что мир переживается человеком как общий для него и других. Благодаря интерсубъективности жизненного мира мы можем не только отличить себя от Другого, но и понять Другого. Соответственно, интерсубъективность выступает основой общности субъектов и условием их коммуникации. Такой подход позволяет преодолеть односторонность классической философии, которая исходила из объективных или субъективных концепций. Применительно к праву это означало или понимание права как системы объективных норм (как это следует из юридического позитивизма), или сведение права к субъективным процедурам, как следует из теории Л. И. Петражицкого. Маргарет Тэтчер говорила: «Нет такой вещи как общество, а есть отдельные мужчины, женщины и их семьи»[3]. Всоциальной философии главная проблема – это существование коллективных институтов, таких как государство, норма права или общество. Интерсубъективность как способ обоснования права означает, что смысл права «не растворяется в сознании субъекта или во внешнем социальном мире, а раскрывается во взаимодействии (коммуникации) субъектов (по крайней мере, двух, а в принципе – всех)»[4], отмечает О. Г. Данильян. Право раскрывается различными гранями: «технико-юридической, социальной, духовно-моральной, антрополого-коммуникативной». Интерсубъективная парадигма позволяет рассмотреть право «изнутри» в качестве «способа бытия человека с другими людьми»[5]. На основе философии социальной феноменологии формируется понимание права с позиции коммуникации в современной теории права. Прежде всего, следует упомянуть дискурсивную концепцию права Юргена Хабермаса и коммуникативную теорию права А. В. Полякова. Как пишет современный философ права С. И. Максимов, «коммуникативная философия, с одной стороны, развивает характерную для экзистенциализма и герменевтики тенденцию интерсубъективистской интерпретации социальных феноменов, с другой – представляет собой критическое переосмысление этих направлений, являясь в отличие от последних теорией практического разума, т. е. рационалистической теорией»[6]. Теория Ю. Хабермаса использует категории, разработанные социальной феноменологией, прежде всего категорию «жизненный мир», принадлежащую А. Шюцу[7]. В обществе, согласно социальной феноменологии, все общественные отношения делятся на две сферы: 1) «жизненный мир», где граждане взаимодействуют через язык в целях взаимопонимания; 2) «система» – это, например, сфера действия закона, который направлен на достижения инструментальных целей и

[1] *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права. СПб., 2017. С. 49.

[2] Там же. С. 50.

[3] Цит. по: *Честнов И. Л.* Интерсубъективность права // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2 (39). С. 39.

[4] Философия права : учебник / под ред. О. Г. Данильяна. М., 2005. С. 48.

[5] Там же. С. 50.

[6] *Максимов С. И.* Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права // Рос. ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 139.

[7] См.: *Шюц А.* Избранное : мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с. (Книга света.)

действует через принуждение. Жизненный мир – фундамент для всех иных отношений в обществе, так как наличие этих отношений является условием для формирования иных социальных действий.

Говоря об источнике формирования воли с позиции интерсубъективности, следует раскрыть концепцию современного философа Акселя Хоннета, в которой исследуется социальная природа признания[8]. Хоннет указывает, что основой для формирования общественного порядка всегда является уже имеющаяся общность, имеющееся на базовом уровне признание: «...к социальным условиям, которые характеризуют естественное состояние, с необходимостью следует причислить тот факт, что субъекты прежде всякого конфликта каким-то образом должны быть взаимно признаны друг другом»[9]. Признание «присуще всякому отношению между субъектами, оно оформляет эти отношения, в некоторых случаях нормативно. Без взаимного признания невозможна полноценная идентичность субъекта, а без институционализации этого признания не могут развиваться предпосылки для реализации личностью своих способностей, устремлений, целей и идеалов (ведь реализация должна разворачиваться в каком-то пространстве, предпосланном данному индивиду)»[10].

Все общественные отношения Хоннет подразделяет на три группы эмоциональные, ценностные и правовые.

Взаимное признание в сфере юридических отношений связано с принципом правового равенства, что имеет следующую специфику: «На этом уровне имеет место интернализация лицом обобщенного Другого, который постоянно напоминает субъекту о его обязанностях по отношению к другим. В то же время со стороны других членов общества данный субъект может признаваться носителем индивидуальных неотъемлемых прав»[11]. Подчиняясь одному закону, субъекты, по словам Хоннета, «признают друг друга лицами, способными в своей автономии рационально относиться к моральным нормам. Таким образом, при взаимном правовом признании субъект осознает себя не только носителем неотъемлемых прав, но и моральным субъектом. Это и позволяет ему сформировать самоуважение, необходимое для конструирования своей уникальной идентичности. Сфера признания, а именно сфера взаимного социального признания, базируется на принципе достижений и заслуг перед обществом. Социальная значимость субъекта зависит от того, какой вклад этот субъект может внести в реализацию общественных целей. Дефицит признания порождает либо негативную (испорченную) идентичность, либо борьбу за признание как двигатель общественного развития (последствие каждого конкретного случая заранее высчитать невозможно – здесь Хоннет, как последователь Хабермаса, в значительной степени расходится с Марксом)»[12].

Практическая необходимость перехода к коммуникативному пониманию, связанному с пониманием интерсубъективной природы права, связана с процессом расширения сферы правового регулирования в XX в. или юридификации общества. Увеличение количества нормативного материала и расширение сферы действия закона приводят к так называемым социальным патологиям современности (избыток позитивного права, отчуждение от политико-правовых институтов и др.). Для преодоления указанных негативных последствий юридификации общества представители дискурсивного подхода к праву (Ю. Хабермас и его последователи) разработали ряд процедур, основанных на идее интерсубъективности права[13].

Коммуникативная парадигма, понимающая слово как действие, указывает, что в основе всех социальных взаимодействий лежит признание «Другого», взаимопонимание, поэтому неизбежным элементом правовой политики является не только принудительность, но и признание другого субъекта в качестве равного себе. Согласно теории коммуникативной рациональности позитивное право должно сочетать в себе одновременно два качества. Фактичность – это «аспект, связанный с принудительным характером правовых норм, значимость – это моральная обоснованность права: человек должен исполнять закон в случае легитимности правовых норм. Если позитивное право сводится лишь к

[8] См.: *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt a/M., 1994. S. 83.

[9] Ibid. S. 83.

[10] *Денисенко В. В.* Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис.... д-ра юрид. наук. СПб., 2020. С. 70–71.

[11] *Honneth A.* Kampf um Anerkennung... S. 84.

[12] *Денисенко В. В.* Легитимность права... С. 223.

[13] См.: Там же. С. 223.

«фактичности», т. е. основано лишь на принуждении, в сфере коммуникативных взаимодействий, то такое целерациональное, инструментальное воздействие неизбежно приводит к таким негативным последствиям, как кризис легитимности, формализм права. Ценность данного подхода в том, что он методологически обосновывает и объясняет необходимость демократических институтов и при этом это не противоречит формальному равенству и правам субъектов»[14]. Таким образом, теория правового регулирования должна исходить из интерсубъективности права, обусловленности норм позитивного права правами личности и демократическим участием граждан.

В современном цифровом государстве закон должен действовать не только на основе принуждения и рассматриваться как средство достижения целей государственной власти, но и так же, как инструмент коммуникации в обществе, через процедуры, основанные на взаимном признании и формальном равенстве. Социальные нормы в сфере, не регулируемой правом, действуют на основе «значимости», т. е. легитимности, обоснованной моральными ценностями. В частности, должны использоваться процедуры посредничества или медиации и иные средства, направленные на участие в принятии решения в процессе применения права самих граждан, а не профессионалов»[15]. Как отмечает Н. А. Бусова, в современной политической и правовой теории существует «легитимация через права человека и легитимация через народный суверенитет. Но появился и третий, объединяющий первые два, подход, который разрабатывается сторонниками дискурсивной теории права, которая сформировалась в рамках коммуникативной теории общества Ю. Хабермаса. Хабермас исходит из взаимосвязи, взаимообусловленности этих двух моментов: прав человека и идеи демократии, идеи народного суверенитета»[16]. Интерсубъективность позволяет обосновать демократические институты в публичном праве и процедуры, основанные на равенстве сторон и взаимном признании, например, речь идет о медиативных правоотношениях в системе права.

В заключение следует сделать вывод, что методология, основанная на идее интерсубъективности, позволяет нам раскрыть вопросы формирования коллективных субъектов и изменения социальных норм через волю граждан, обладающих необходимым правомочием. Поэтому правовое регулирование следует рассматривать с позиции дискурсивно-коммуникативного подхода, когда право не является продуктом сознания субъекта или объективных социальных институтов, а формируется в процессе коммуникации субъектов права на основании принципа взаимного признания. В период формирования информационного общества и цифрового государства неизбежно возникают негативные последствия, связанные с действием закона в сфере иных социальных правил. В современном государстве право должно быть основано на «принципе формального равенства и обосновании современной модели народного суверенитета – делиберативной демократии»[17]. Таким образом, философия социальной феноменологии и идея интерсубъективности составляют методологическую базу для современной юридической науки и эффективной правовой политики как в сфере правотворчества, так и правоприменения.

Библиографический список

Бусова Н. А. Проблема легитимации правового порядка. URL: http://lybs.ru/index-9130.htm (дата обращения: 25.05.2017).

Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2020. 605 с.

Денисенко В. В. Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.

Денисенко В. В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56–62.

Максимов С. И. Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права // Рос. ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 139–140.

[14] *Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge : The MIT Press, 1996. P. 122.

[15] *Денисенко В. В.* Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15.

[16] *Бусова Н. А.* Проблема легитимации правового порядка. URL: http://lybs.ru/index-9130.htm (дата обращения: 25.05.2017).

[17] *Денисенко В. В.* Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. № 2 (5). С. 56.

Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. СПб., 2017. 468 с.

Философия права : учебник / под ред. О. Г. Данильяна. М., 2005. 416 с.

Честнов И. Л. Интерсубъективность права // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2 (39). С. 38–45.

Шюц А. Избранное : мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с. (Книга света.)

Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge : The MIT Press, 1996. 631 p.

Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt a/M., 1994. 344 с.

References

Busova N. A. The Problem of Legitimization of the Legal Order. URL: http://lybs.ru/index-9130.htm

Denisenko V. V. Legitimacy of Law (theoretical and legal research) : dr. legal sci. dis. St. Petersburg, 2020. 605 p.

Denisenko V. V. Mediation in Public and Private Law and Its Necessity from the Standpoint of Modern Theories of Understanding Law // Magistrate. 2015. No. 8. P. 15–20.

Denisenko V. V. Juridification of Society and Concepts of Legal Regulation // Bulletin of the Voronezh. State University. Series: Law. 2008. No. 2 (5). P. 56–62.

Maksimov S. I. Ideological and methodological approaches to understanding law // Russian yearbook of legal theory. 2008. No. 1. P. 139–140.

Polyakov A. V., Timoshina E. V. General theory of law. St. Petersburg, 2017. 468 p.

Philosophy of law : textbook / ed. by O. G. Danilyan. Moscow, 2005. 416 p.

Chestnov I. L. Intersubjectivity of law // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2015. No. 2 (39). P. 38–45.

Schutz A. Selected : a world shining with meaning : trans. from German and English. Moscow : ROSSPEN, 2004. 1056 p. (Book of Light.)

Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge : The MIT Press, 1996. 631 p.

Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt a/M., 1994. 344 p.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Дипломатическая академия МИД России

Денисенко В. В., доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права

E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию: 23.01.2025

Для цитирования:

Денисенко В. В. Интерсубъективность как характеристика воли гражданина в постклассической юриспруденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 309–313. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/309-313

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Denisenko V. V., Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law

E-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

Received: 23.01.2025

For citation:

Denisenko V. V. Intersubjectivity as a characteristic of a citizen's will in postclassical jurisprudence // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 309–313. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/309-313

УДК 347,941
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ВОЛИ СТОРОН ДОГОВОРА

Е. А. Шапошников
Воронежский государственный университет

THE USE OF PERSONAL EVIDENCE WHEN PROVING THE WILL OF THE PARTIES TO THE CONTRACT

E. A. Shaposhnikov
Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема использования личных доказательств при доказывании воли сторон договора. Анализируются позиции ученых-юристов по данному вопросу, а также судебная практика. В ходе анализа выявляется отсутствие единого подхода в судебной практике по использованию отдельных видов доказательств, в связи с чем выдвигается авторское видение проблемы. Помимо этого, затрагиваются вопросы недействительности сделок с пороком воли (мнимые, притворные сделки, сделки, совершенные лицом, не способным понимать значение своих действий и руководить ими). Отдельно поднимается проблема допустимости использования посмертной судебно-психиатрической экспертизы.
Ключевые слова: воля, порок воли, волеизъявление, личные доказательства, свидетельские показания, объяснение стороны, заключение эксперта, недействительность сделок.

Abstract: the article discusses the problem of using personal evidence to prove the will of the parties to the contract. The author analyzes the positions of legal scholars on this issue, as well as judicial practice. The analysis reveals the lack of a unified approach in judicial practice on the use of certain types of evidence, and therefore the author puts forward his own vision of the problem. In addition, the issues of invalidity of transactions with a will defect (imaginary, fake transactions, transactions made by a person who is unable to understand the significance of his actions and direct them) are raised. Separately, the author raises the issue of the permissibility of using postmortem forensic psychiatric examination.
Key words: will, vice of will, expression of will, personal evidence, witness testimony, explanation of the party, expert opinion, invalidity of transactions.

Одной из актуальных проблем гражданского права являются вопросы установления и соотношения между собой таких элементов сделок, как воля и волеизъявление. Современный гражданский оборот невозможно представить без данных категорий, которые одновременно являются не только составляющими, но и условиями действительности гражданско-правовой сделки, и имеют большое значение для всех гражданских правоотношений.[1]

По справедливому мнению О. В. Лазаревой, в самом общем виде содержание воли включает в себя такие элементы, как стремление к цели, сознательно совершаемые действия субъекта, желание субъекта на осуществление действий, способность подчинить свои действия таким образом, чтобы достичь результата[2]. И в качестве демонстрации воли выступают сделки – волевые юридические акты.

[1] См., например: *Руков В. Н.* Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. М. : Юстицинформ, 2019. 620 с. ; Актуальные проблемы гражданского права : учебник под ред. Р. В. Шагиевой. М. : Юстиция, 2019. 380 с.

© Шапошников Е. А., 2025

[2] См.: *Лазарева О. В.* Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве : вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 61.

Согласно ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее – ГК РФ) сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

В определении от 13 октября 2022 г. № 2669-О Конституционный Суд РФ указал на то, что упоминание в ст. 153 ГК РФ нацеленности указанных действий на создание тех или иных правовых последствий свидетельствует о том, что они являются волевыми актами. Приведенное законоположение находится в неразрывном единстве со ст. 1 ГК РФ, закрепляющей в качестве основных начал гражданского законодательства принцип диспозитивности и автономии частной воли. Свободная воля является, таким образом, по общему правилу одним из основных элементов и необходимых условий действительности всякой юридической сделки[4].

Под волеизъявлением принято понимать выражение внутреннего побуждения и намерения лица во вне для других лиц посредством слов или конклюдентных действий (устно) или посредством закрепления текста на каком-то носителе (письменно). Поскольку право – один из наиболее формальных регуляторов социальных отношений, то для него область побуждений и внутренних устремлений лиц является трудноустановимой, почти не поддающейся формализации. В связи с этим в цивилистике существует презумпция соответствия волеизъявления действительной воле участника отношений, т. е. предполагается, что пока не доказано обратное, воля, проявленная во вне (в тексте документа или вербально) и есть действительная воля лица. Как и с любой иной презумпцией, ее можно опровергнуть, доказав, что воля субъекта отличается от той, что была им выражена для других лиц.

На практике нередки ситуации, когда воля стороны договора не соответствует волеизъявлению стороны, ввиду каких-либо пороков того или другого. В этих случаях для участников гражданского оборота предусмотрена возможность оспаривания (признания недействительными) сделок с пороком воли. К составам таких сделок разные ученые относят: мнимые, притворные сделки; сделки, совершенные гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими; сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения неблагоприятных обстоятельств. Критерии разграничения оснований недействительности сделок в зависимости от групп условий их действительности (по порокам субъекта, порокам воли, порокам содержания и порокам формы) неоднозначны, представляют собой предмет оживленных дискуссий в науке гражданского права.

Вместе с тем общепризнано, что для опровержения презумпции соответствия внешнего выражения воли ее внутреннему содержанию следует доказать, либо что воля формировалась несвободно, а под воздействием прямо указанных в законе определенных обстоятельств, например угроз, физического воздействия (насилия), обмана или заблуждения, либо сам факт формирования воли может быть поставлен под сомнение, как в случаях с неполной дееспособностью субъектов или одномоментной неспособностью осознавать свое поведение. Несмотря на то что дееспособность и неспособность понимать значение своих действий обычно относятся к пороку субъекта, в них с очевидностью наблюдается и порок воли, поскольку именно признание способности самостоятельно понимать правовое значение своих действий и их последствия является критерием для определения объема дееспособности субъекта.

Следовательно, поскольку правовыми методами нельзя установить мысли и побуждения лица, то несоответствие действительной воли ее внешнему выражению определяется косвенно, через процесс формирования и выражения воли, свободный от определенных внешних факторов.

Законодатель не ограничивает стороны в выборе средств доказывания указанных факторов, которые обозначаются как пороки воли. Стороны могут использовать как вещественные (письменные), так и личные доказательства. К последним традиционно относят свидетельские показания и объяснение стороны.

Анализ судебной практики по использованию личных доказательств при доказывании воли сторон договора показал, что у судов нет единого подхода при оценке личных доказательств по данной категории споров.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 26.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. Ст. 4532.

[4] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Остановимся далее на особенностях получения, исследования и оценивания личных доказательств судом при рассмотрении споров по трем основаниям для недействительности сделок, так или иначе связанных с волей.

Порок воли при заключении сделки гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими

Предметом доказывания по делам о признании недействительности сделок на основании ст. 177 ГПК РФ является наличие или отсутствие у гражданина психического заболевания или какого-то иного состояния на момент совершения сделки, ввиду которого он не способен понимать значение своих действий или руководить ими.

Как отмечает Р. М. Махмутов, процесс доказывания недействительной сделки по основанию ст. 177 ГК РФ – это очень сложная и системная работа. Необходимо проанализировать сразу несколько сторон здоровья человека, а именно психическое здоровье, интеллектуальное, духовное, уровень развития и образованность, способность человека к проявлению воли и интереса[5].

Изначально в ст. 177 ГК РФ заложены в качестве оснований для оспаривания три принципиально различные ситуации:

– сделка, совершенная гражданином, ***хотя и дееспособным***, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими;

– сделка, совершенная гражданином, ***впоследствии признанным недееспособным***, если доказано, что в момент совершения сделки гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими;

– сделка, совершенная гражданином, ***впоследствии ограниченным в дееспособности вследствие психического расстройства***, если доказано, что в момент совершения сделки гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими и другая сторона сделки знала или должна была знать об этом.

Объединяет все три эти основания то, что в момент заключения договора лица не обладало способностью осознавать происходящее с ним настолько, чтобы понимать, что он совершает именно сделку, вызывает или изменяет определенные правовые последствия для себя, чем-либо себя связывает, что-либо утрачивает или приобретает.

Безусловно, во всех трех случаях речь идет об особом психическом состоянии этого лица, но вместе с тем эти состояния могут иметь разную медицинскую составляющую и, что самое главное, разную юридическую квалификацию. Именно эти различия и будут оказывать существенное влияние на то, какими средствами доказывания следует подтверждать указанные обстоятельства в суде при оспаривании сделок. Нужно признать, что в судебной практике не всегда можно увидеть понимание такого рода различий при оценке представленных доказательств, о чем речь пойдет ниже.

В самом общем виде суды довольно единодушны в том, что особое психическое состояние гражданина можно доказать как письменными, так и личными доказательствами.

В определении от 25 сентября 2024 г. по делу № 8Г-18584/2024 Восьмой кассационный суд общей юрисдикции пришел к выводу, что свидетельские показания о том, что лицо страдало психическим заболеванием и не могло понимать значение своих действий, являются надлежащими доказательствами по делу.[6] К схожему выводу пришел Первый кассационный суд общей юрисдикции, который указал, что лицо осознавало последствия своих действий, о чем свидетельствуют показания свидетелей, которым она сообщала о намерении завещать свое имущество организации[7].

Однако ранее были выявлены три принципиально разные ситуации, отраженные в составах ст. 177 ГК РФ, которые требуют и специфических подходов суда к допустимости отдельных доказательств.

В первом основании (ч. 1 ст. 177 ГК РФ) речь идет о лице, которое является дееспособным по возрасту и не признано судом недееспособным или ограниченным в дееспособности по иным

[5] См.: *Мамутов Р. М.* Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими // Вопросы студенческой науки. 2023. № 06 (82). С. 149.

[6] См. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 сентября 2024 г. по делу № 8Г-18584/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[7] См.: Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2023 г. по делу № 8Г-10553/2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

основаниям. При этом законодатель не указывает на обязательное наличие у лица психических заболеваний, приведших к такому его состоянию неосознанности. Таким образом, психического заболевания может вовсе не быть или не оно будет причиной кратковременной утраты способности лица к руководству своими действиями при сделке. Или заболевание может иметь место, просто никто не обращался и впоследствии не обратится в суд для признания гражданина недееспособным (ограниченным в дееспособности).

С процессуальной точки зрения, в предмет доказывания по первому основанию войдут следующие обстоятельства: дееспособность по возрасту, отсутствие решения суда об умалении дееспособности, состояние и поведение лица в момент заключения сделки (сбивчивая речь, странные ответы на вопросы других лиц, трясущиеся руки, неадекватные реакции на простые ситуации, проблемы с памятью, состояние беременности, признаки опьянения и т. п.). Перечисленные обстоятельства действительно могут доказываться как письменными доказательствами (документами, например паспортом или свидетельством о рождении, выписками, справками и др.), так и личными доказательствами (объяснениями самих сторон сделки, показаниями свидетелей, в том числе пояснениями нотариуса или других должностных лиц). Все эти доказательства, если они получены и представлены суду в соответствии с законом, будут допустимыми, и, оценивая их в совокупности, суд сможет сделать вывод о наличии или отсутствии воли лица на совершение конкретной сделки. В процессе оценивания личных доказательств, в частности показаний свидетелей, суд должен будет уделить внимание и тому аспекту, насколько можно полагаться на выводы каждого из них об увиденном и услышанном, в частности выяснит, имеют ли они медицинское образование, как далеко они находились в момент совершения сделки и что могли видеть и слышать и пр.

Приведем вывод Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по схожему делу, также основанному на положениях ст. 77 ГК РФ. Так, кассационный суд в своем определении от 10 ноября 2022 г. по делу № 8Г-21386/2022 указал, что свидетельские показания о том, что лицо являлось дееспособным, на момент сделки, не являются допустимым доказательством, так как свидетели специальными познаниями в области психиатрии, способными оценить психическое состояние лица на момент совершения оспариваемой сделки, не обладают[8]. К похожему выводу пришел и Кировский областной суд, который указал, что установление факта наличия или отсутствия психического расстройства и его степени относится к компетенции экспертов в соответствующей области познаний, которая не может быть подменена суждениями лиц, участвующих в деле, свидетелей, а также суда о таком расстройстве.[9]

О чем говорит приведенная судебная практика? Прежде всего о том, что суды имеют в виду либо два следующих основания для оспаривания, содержащихся в п. 2 ст. 177 ГК РФ, либо в первом основании уделяют особое внимание двум таким фактам, как дееспособность и наличие психического расстройства (заболевания). И это представляется совершенно обоснованным и требующим обсуждения.

По двум другим основаниям (п. 2 ст. 177 ГК РФ) меняется прежде всего предмет доказывания, а уже далее это влияет и на допустимость доказательств. В предмет доказывания, во-первых, дополнительно включается признание гражданина, совершившего оспариваемую сделку, впоследствии недееспособным или ограниченным в дееспособности вследствие психического заболевания. Поскольку такое признание относится только к компетенции суда, то единственным допустимым доказательством данных фактов будет вступившее в законную силу решение суда. Никакими иными доказательствами эти факты подтвердить нельзя в силу закона.

Во-вторых, в предмет доказывания добавляется необходимость установить ретроспективно, что в силу именно психического расстройства, послужившего причиной для последующего умаления дееспособности лица, в момент совершения оспариваемой сделки этот субъект также не мог понимать значения своих действий. В данном случае доказать, что болезнь существовала у лица и ранее (до признания его недееспособным), а также что она в момент совершения сделки мешала ему формировать волю, могут только лица, обладающие медицинским обра-

[8] См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2022 по делу № 8Г-21386/2022.

[9] См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Кировского областного суда от 10 мая 2023 г. по делу № 33-2099/2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

зованием и соответствующей специализацией в области психиатрии, более никто. Таким образом, это должно быть заключение судебно-психиатрической экспертизы или (и) показания специалистов (экспертов) в суде. Думается, что наряду с экспертизой суд может признать в качестве допустимых доказательств и иные медицинские документы, поскольку суду надо будет давать оценку, в том числе и самой экспертизе. Все иные доказательства: объяснения сторон, свидетельские показания, видеозаписи момента совершения сделки и т. п. – также должны быть исследованы судом и оценены в совокупности с заключением экспертов, а во многом могут и лечь в основу такого заключения.

Суду следует учитывать, кто именно дает показания, ведь в большинстве случаев показания дают лица, не обладающие специальными познаниями в области психиатрии. Логичным выходом из данной ситуации является допрос лечащего врача в качестве свидетеля, однако на практике не все лица, чья воля оспаривается, находились под наблюдением врача.

Учитывая указанный выше подход, интересным, по мнению автора, является вывод, сделанный Девятым кассационным судом общей юрисдикции. В своем определении суд указал, что порок воли при составлении завещания не доказан, что подтверждается заключением посмертной судебно-психиатрической экспертизы и свидетельскими показаниями, в частности показаниями нотариуса.

Согласно ст. 43 Основ законодательства РФ о нотариате при удостоверении сделок нотариус осуществляет проверку дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, а также наличия волеизъявления заявителей[10].

Вместе с тем нотариусу доступно в действительности проверить только дееспособность по возрасту или – если ему будут предоставлены такие сведения – изменение объема дееспособности на основании решения суда. Без судебных актов нотариус не может проверить изменение дееспособности совершеннолетних лиц, поскольку это правовая характеристика субъекта, установленная решением суда. Однако он может и должен проверять волю лица при совершении им сделки и факт понимание им значения своих действий, так как для этого ему не требуется ставить медицинский диагноз, он проверяет эмоциональное, физическое и психологическое состояние сторон сделки, так как это требует п. 1 ст. 177 ГК РФ, – наблюдая и выявляя признаки неадекватных реакций на свои вопросы, признаки опьянения, демонстрацию страха и т. п. В задачи нотариуса входит не выявление психической болезни или ее констатация, а определение внешних, очевидных и недвусмысленных признаков того, что лицо не понимает, что за сделку оно совершает, зачем она, какие риски влечет.

На практике нотариусы задают вопросы гражданину, начиная с его имени и имени контрагента, предмета и цели сделки, принадлежности имущества, что и позволяет им по ответам на заданные вопросы выяснить истинное волеизъявление гражданина. При этом наличие или отсутствие медицинского психиатрического диагноза лица нотариус может только предположить, если ему не предоставлены соответствующие документы сторонами сделки. Таким образом, проверка нотариусом именно дееспособности лица как юридического свойства может быть только относительной, если она не касается возраста, а его наблюдение за состоянием сторон в момент заключения сделки должно исключить ее нотариальное удостоверение при наличии любых разумных сомнений в том, что контрагент или оба действительно руководят своими действиями самостоятельно и осознанно. Именно в связи с изложенным вполне возможна, хотя и минимально вероятна, ситуация, когда оспаривается сделка в нотариальной форме по основаниям ст. 177 ГК РФ, а нотариус должен быть в числе лиц, допрошенных судом о своих наблюдениях по поводу поведения гражданина в период заключения договора у нотариуса.

Данный вывод подтверждается практикой Верховного Суда РФ. Так, при рассмотрении арбитражного спора суд первой инстанции на основании заключения психолого-психиатрической экспертизы пришел к выводу, что гражданин в момент совершения сделки не мог понимать значение своих действий. Суд апелляционной инстанции, допросив нотариуса, пришел к обратному выводу: нотариус установил дееспособность лица, а значит, гражданин в момент совершения сделки понимал значение своих действий. Верховный Суд РФ отменил вышеуказанные постановления судов и пояснил следующее: основание недействительности сделки, предусмотренное в ст. 177 ГК РФ, связано с пороком

[10] Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I // Ведомости съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

воли, вследствие чего сделка, совершенная гражданином, находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, не может рассматриваться в качестве сделки, совершенной по его воле. При этом не имеет правового значения дееспособность лица, поскольку тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки[11].

Как отмечает А. А. Пухкоева, при оценке свидетельских показаний суд учитывает степень близости отношений между свидетелями и гражданином, а также их объективность и независимость. Чем ближе свидетель к гражданину и чем больше у него мотивов оказать влияние на результат дела, тем критичнее суд может отнестись к его показаниям[12]. Однако иногда заинтересованность свидетеля, такого как нотариус, может происходить из желания защитить свою репутацию. Показания нотариуса при оспаривании сделок в нотариальной форме не должны иметь приоритет перед иными доказательствами, но при их оценке суд должен исходить из опыта, стажа нотариуса, а также реальной возможности для нотариуса выявить признаки неосознаваемости своего поведения одной из сторон в конкретный момент времени и в конкретных обстоятельствах.

Помимо свидетельских показаний, важным доказательством по данной категории дел является судебная экспертиза. Судебная экспертиза имеет признаки личного доказательства, так как данное доказательство (заключение) формируется человеком, соответственно, в нем есть отпечаток личности.

В абз. 3 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» разъяснено, что во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо выяснить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, например, при рассмотрении дел о признании недействительными сделок по мотиву совершения их гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), а также в тех случаях, когда назначение экспертизы предусмотрено законом, в частности, по делам о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства (ст. 283 ГПК РФ) и о признании его дееспособным в случае выздоровления или значительного улучшения состояния здоровья (ч. 2 ст. 286 ГПК РФ)[13].

Представляется, что о назначении судебной-психиатрической экспертизы в обязательном порядке может идти речь только при оспаривании сделки по п. 2 ст. 177 ГК РФ, в то время как для доказывания «состояния», в силу которого лицо не смогло осознавать значение своих действий при совершении сделки, по п. 1 ст. 177 ГК РФ, экспертиза должна назначаться судом только при наличии обоснования и в случае, если иных представленных доказательств недостаточно для однозначного вывода суда.

Наиболее интересным является возможность использования посмертной судебно-психологической экспертизы в данной категории дел, когда лицо, чья воля оспаривается, является умершим. Анализ судебной практики показал, что в большинстве случаев суды признают заключение судебной экспертизы о психическом состоянии гражданина на момент смерти допустимым доказательством и мотивируют свои решения выводами судебной экспертизы[14]. При этом не исключены ситуации невозможности проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы, если отсутствуют или утрачены медицинские документы умершего лица[15].

Примером, когда суд соглашается с выводом о невозможности провести экспертизу и в

[11] Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2020 г. по делу № 305-ЭС20-5407. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[12] См.: *Пухкоева А. А.* Некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 187–188.

[13] О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству : постановление Пленума ВС РФ от 24 июня 2008 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

[14] См.: Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2023 г. по делу № 8Г-18785/2023 ; Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 8 июня 2023 г. по делу № 8Г-14911/2023 ; Апелляционное определение СК по гражданским делам Иркутского областного суда от 7 октября 2024 г. по делу № 33-8749/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[15] Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2020 г. по делу № 8Г-59/2020. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

то же время соотносит свой вывод с иными доказательствами по делу, может служить решение Ростовского областного суда: «Из сообщения комиссии экспертов о невозможности проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы следует, что лицо группы инвалидности по психическому заболеванию не имела, в медицинской документации отсутствует описание ее психического состояния, поведения и высказываний врачами иных клинических специальностей в интересующий суд период. В связи с этим не усматривается наличие у наследодателя при жизни каких-либо психических расстройств, вследствие которых она не могла понимать значение своих действий и руководить ими, что также согласуется с показаниями допрошенных в ходе судебного заседания свидетелей».[16]

Из анализа изложенного можно сделать вывод, что в случае невозможности проведения судебной экспертизы суды исходят из того, что для доказательства особого состояния лица, препятствующего для него пониманию своих действий, можно использовать, в том числе, иные личные доказательства (показания свидетелей, объяснения лиц, участвующих в деле).

Стоит обратить внимание на индивидуальные особенности проявления психических расстройств у разных людей, а также то, что некоторым заболеваниям свойственна довольно стойкая и длительная ремиссия, когда человек, несмотря на заболевание, способен понимать значение своих действий. И его поведение в момент заключения договора будет вполне обычным. Как отмечает Е. В. Королёва, психические расстройства часто не сопровождаются выраженным нарушением социального функционирования и не препятствуют больным занимать активную жизненную позицию, участвовать в сложных имущественно-правовых отношениях, в том числе и по заключению новых, появившихся в последние годы видов сделок. Поведение лица может определяться не столько заболеванием, сколько спецификой проявления психологических особенностей[17].

Н. Ш. Ибрагимова отмечает, что в юридической литературе существует мнение о недостаточности судебной экспертизы в качестве доказательства, так как у лиц, страдающих психическим заболеванием, возможны периоды ремиссии, которые могут совпадать по времени с составлением завещания[18].

При этом нельзя исключать возможность допущения ошибки при проведении экспертизы, особенно если она проводится посмертно. Сложность сбора доказательств и довольно короткий период подлежащего исследованию состояния наследодателя создают трудности, прежде всего для эксперта, который проводит посмертную экспертизу. Это чревато допущением в заключении гносеологических ошибок, неверными выводами и выводами, носящими вероятностный характер[19].

По мнению автора, суды должны стремиться к воссозданию наиболее полной и достоверной «картины» состояния лица, неосознанно заключившего договор, поэтому необходимо сочетать различные виды доказательств, в частности при невозможности проведения полноценной экспертизы суд вправе привлечь специалиста (ст. 188 ГК РФ) для того, чтобы им была дана оценка, в том числе того, что изложено в показаниях свидетелей. Так, суд может обратиться за консультацией специалиста (врача-психиатра), который будет присутствовать при даче показаний свидетелями. Он может проанализировать показания на факт внешних признаков заболевания и сделать предположительный вывод о наличии заболевания, о возможной ремиссии и иные выводы, имеющие значение для рассмотрения дела. Однако ни одно из доказательств не должно являться решающим и суд должен оценить их в совокупности.

Порок воли при заключении мнимых или притворных сделок

Согласно п. 86–87 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

[16] См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 26 марта 2024 г. по делу № 33-5036/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[17] См.: *Королёва Е. В.* Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у лиц, совершивших сделки : автореф. дис. … д-ра мед. наук. М., 2010. С. 5–8.

[18] См.: *Ибрагимова Н. Ш.* Актуальные вопросы наследования недвижимого имущества // Вестник юрид. ф-та Южного федер. ун-та. 2021. Т. 8, № 2. С. 61.

[19] См.: *Тахмазов Э. Ш.* Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 4 (96). С. 75.

Гражданского кодекса Российской Федерации»[20] (далее – постановление Пленума ВС РФ № 25) под мнимой сделкой понимается сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, а под притворной сделкой – сделка, совершенная с намерениями прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, с иным субъектным составом.

Порок воли при мнимой сделке заключается в том, что стороны не намерены создать соответствующие ей правовые последствия, т. е. совершают ее «для вида». Это означает, что у сторон отсутствовала воля на ее исполнение. При притворной сделке порок воли заключается в том, что воля сторон не направлена на конечную цель заключаемой сделки. Стороны подменяют одни правовые последствия другими.

По мнению А. Н. Морозовой, перед судом стоят сложные задачи в установлении воли сторон сделки, в определении стремления лиц к порождению определенных правовых последствий, к выяснению, стремились стороны достичь те правовые последствия, которые содержатся во внешней форме сделки, или же не стремились вообще[21].

Важным отличием мнимой сделки от иной сделки является отсутствие важнейшего признака сделки – это направленность на прекращение, изменение или создание гражданских правоотношений, которые порождают права и обязанности у сторон[22].

В предмет доказывания по данной категории споров входят установление следующих обстоятельств. Для признания сделки недействительной в виду ее мнимости необходимо установить факт того, что стороны на самом деле не имели намерения на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, обычно порождаемых такой сделкой. Для признания сделки недействительной по основанию ее притворности необходимо доказать факт отсутствия результатов ее исполнения и факт направленности истинной воли сторон на совершение иной сделки.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 мая 2011 г. № ВАС-6208/11[23], мнимость и притворность сделок доказываются всеми видами доказательств (свидетельскими показаниями, письменными и вещественными доказательствами). Данный подход также отражается в последующих актах ВС РФ. Так, согласно определению ВС РФ от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4 мнимость сделки может быть подтверждена любыми средствами доказывания, в том числе свидетельскими показаниями[24].

Сложившаяся судебная практика исходит из того, что порок воли по мнимым и притворным сделкам может подтверждаться любыми средствами доказывания, в том числе личными доказательствами.[25]

Однако имеются решения, в которых суд отдавал предпочтение личным доказательствам. Так, Ленинский районный суд г. Воронежа в решении особое внимание уделил объяснениям ответчика и свидетельским показаниям соседки Истца, несмотря на многочисленные письменные доказательства, имеющимся в материалах дела.[26]

Имеются и противоположные подходы. Так, Россошанский районный суд Воронежской области рассматривал спор о недействительности мнимой сделки. Суд пришел к выводу, что сделка не является мнимой, а ответчик является добросовестным приобретателем. Довод соответчика М. о том, что в договоре купли-продажи указаны не его данные и то, что данную сделку он не заключал, были отклонены судом. Также суд полностью проигнорировал объяснения других со-

[20] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

[21] См.: *Морозова А. Н.* Особенности судебного доказывания воли сторон при заключении сделок // Studnet. 2020. № 9. С. 1625.

[22] См.: *Дубень А. К.* Мнимые сделки в свете реформирования гражданского законодательства // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3. С. 177.

[23] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 мая 2011 г. № ВАС-6208/11. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[24] См.: Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[25] См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 11 мая 2018 г. по делу № 11-6301/2018 ; Определение СК по гражданским делам Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2023 г. по делу № 8Г-1331/2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

26 См.: Решение Ленинского районного суда г. Воронеж от 27 ноября 2024 г. по делу № 2-3534/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

ответчиков о том, что они никогда не покупали и не продавали спорный автомобиль, что у них отсутствовала воля на данные действия[27].

Часто свидетельские показания и объяснения сторон играют решающую роль при вынесении решения. Судья обязан дать оценку всем доказательствам, имеющимся в деле. Так, Верховный Суд РФ вернул дело на новое рассмотрение, ввиду того что суд не отразил в апелляционном определении результаты оценки каждого доказательства, в том числе полученных из объяснений сторон и свидетельских показаний, в отдельности, а также взаимную связь данных доказательств в их совокупности.[28]

Таким образом, при рассмотрении споров о признании сделок недействительными ввиду их мнимости или притворности судебная практика исходит из того, что порок воли по данным сделкам доказывается любыми допустимыми средствами доказывания. Однако в последнее время суды всё менее активно признают личные доказательства допустимыми.

Библиографический список

Актуальные проблемы гражданского права : учебник под ред. Р. В. Шагиевой. М. : Юстиция, 2019. 380 с.

Ибрагимова Н. Ш. Актуальные вопросы наследования недвижимого имущества // Вестник юрид. ф-та Южного федер. ун-та. 2021. Т. 8, № 2. С. 59-62

Королёва Е. В. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у лиц, совершивших сделки : автореф. дис. … д-ра мед. наук. М., 2010. 323 с.

Лазарева О. В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве : вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 59–65.

Мамутов Р. М. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими // Вопросы студенческой науки. 2023. № 06 (82). С. 147–151.

Морозова А. Н. Особенности судебного доказывания воли сторон при заключении сделок // Studnet. 2020. № 9. С. 1622–1628

Пухкоева А. А. Некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 185–189.

Тахмазов Э. Ш. Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 4 (96). С. 72–77.

Уруков В. Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. М. : Юстицинформ, 2019. 620 с.

Дубень А. К. Мнимые сделки в свете реформирования гражданского законодательства // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3. С. 177–180.

References

Current issues of civil law : textbook / ed. by R. V. Shagieva. Moscow : Justice, 2019. 380 p.

Ibragimova N. Sh. Current issues of inheritance of real estate // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2021. Vol. 8, No. 2. P. 59–62.

Koroleva E. V. Forensic psychiatric assessment of mental disorders in persons who have concluded transactions : dr. Medical sci. dis. abstr. Moscow, 2010. 323 p.

Lazareva O. V. Defects of the will of subjects in civil legislation : issues of theory and practice // Legal policy and legal life. 2019. No. 4. P. 59–65.

Mamutov R. M. Invalidity of a transaction concluded by a citizen who is incapable of understanding his actions or controlling them // Questions of student science. 2023. No. 06 (82). P. 147–151.

Morozova A. N. Features of judicial proof of the will of the parties when concluding transactions // Studnet. 2020. No. 9. P. 1622–1628.

Pukhkoeva A. A. Some problems of proving a defect in will when concluding transactions // Questions of Russian justice. 2024. No. 31. P. 185–189.

Takhmazov E. Sh. Some problems of recognizing a will as invalid on the basis of paragraph 1 of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). P. 72–77.

Urukov V. N. Theory of Will and Expression of Will in Civil Law. Moscow : Yustitsinform, 2019. 620 p.

Duben A. K. Fictitious Transactions in Light of Civil Legislation Reform // Tavrichesky Scientific Observer. 2017. No. 3. P. 177–180.

[27] См.: Решение Россошанского районного суда Воронежской области от 31 октября 2024 г. по делу № 2-3-85/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[28] Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19 сентября 2017 г. № 77-КГ17-22. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Воронежский государственный университет
Шапошников Е. А., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: shegor1337@bk.ru

Поступила в редакцию: 24.01.2025

Для цитирования:
Шапошников Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 314–323. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323

Voronezh State University
Shaposhnikov E. A., Post-graduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
E-mail: shegor1337@bk.ru

Received: 24.01.2025

For citation:
Shaposhnikov E. A. The use of personal evidence when proving the will of the parties to the contract // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 314–323. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323

УДК 81 '23, 316.77
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/324-329

«МЕНЯ УВОЛИЛИ!», ИЛИ ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ СНИЖЕНИЯ ВОЛЕВОЙ АКТИВНОСТИ (В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ)

М. С. Саломатина
Воронежский государственный университет

«I'VE BEEN FIRED!» OR LINGUISTIC SIGNS OF DECREASED VOLITIONAL ACTIVITY (IN TERMS OF THE PROBLEM OF PROFESSIONAL BURNOUT)

M. S. Salomatina
Voronezh State University

Аннотация: представлены результаты исследования, направленного на выявление лингвистических признаков снижения волевой активности. Актуальность выбранной темы определяется высоким вниманием современного гуманитарного знания к проблеме выгорания профессионала как одному из значимых социально-психологических феноменов и необходимостью уточнения диагностического инструментария, используемого для выявления указанного синдрома. Языковым материалом послужили записи и наблюдения автора, сделанные в ходе проведения тренингов профилактики профессионального выгорания, а также тексты различных интернет-форумов, посвященных указанной проблеме.
Ключевые слова: воля, волевая активность, профессиональное выгорание, лингвистические маркеры профессионального выгорания.

Abstract: the article presents the results of a study aimed at identifying linguistic signs of decreased volitional activity. The relevance of the chosen topic is determined by the high attention of modern humanitarian knowledge to the problem of professional burnout as one of the significant socio-psychological phenomena and the need to clarify the diagnostic tools used to identify this syndrome. The language material was the author's notes and observations made during trainings on professional burnout prevention, as well as texts from various Internet forums devoted to this problem.
Key words: will, volitional activity, professional burnout, linguistic signs of professional burnout.

Проблема профессионального выгорания активно обсуждается современной наукой[1]. Вопросам профилактики и устранения синдрома посвящено множество научных и научно-популярных текстов[2]. Отдельно стоит упомянуть

[1] См, например: *Китаев-смык Л. А.* Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vygoranie-personala-vygoranie-lichnosti-vygoranie-dushi (дата обращения: 01.10.2023) ; *Митькина М. А.* Теоретические основы социально-педагогического сопровождения сотрудников организации в период адаптации к профессиональной деятельности // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2018. № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36433847 (дата обращения: 02.09.2024) ; *Петерсон Э. Х.* Хватит выгорать : как мил-

© Саломатина М. С., 2025

лениалы стали самым уставшим поколением. М. : АСТ, 2022. 352 с. ; Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 512 с.

[2] См, например: *Бабич О. И.* Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов. М. : Учитель, 2014. 122 с. (В помощь школьному психологу) ; *Нагоски Э.*, *Нагоски А.* Выгорание. Новый подход к избавлению от стресса. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 299 с. ; *Нетребко Е. Э.* Профессиональное выгорание // Глобус : психология и педагогика. 2019. № 2 (30). URL: ttps://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie (дата обращения: 13.10.2024).

методические рекомендации по профилактике профессионального выгорания в организации[3].

В наши задачи не входит обзор теории вопроса. Однако есть два ключевых понятия, определить которые считаем необходимым: это понятия профессионального выгорания и волевой активности.

Под профессиональным выгоранием мы будем понимать синдром эмоционального истощения и снижения личностной продуктивности профессионала. Конкретными психологическими и поведенческими проявлениями синдрома профессионального выгорания являются: «психическая и физическая усталость; ощущение беспомощности и несостоятельности; нежелание идти на работу; раздражительность и агрессивность во время беседы, стремление быстрей завершить ее; ощущение малой значимости решаемых проблем; перенос отрицательных эмоций на окружающих; стремление уйти и реализовать себя в другой области»[4]; снижение волевой активности; и некоторые другие.

Волевую активность в современной психологии понимают как «способность человека к проявлению волевых качеств в разрешении возникающих противоречий между намерениями и реальными возможностями», направленную «на преодоление возникающих препятствий, способность сознательно и целенаправленно управлять своим поведением и действиями в трудных условиях деятельности в процессе достижения цели»[5].

Таким образом, волевая активность предполагает:

1) способность индивида к сознательной постановке цели;

2) понимание путей и методов достижения цели;

3) планирование деятельности, направленной на достижение цели;

4) осознание внешних и внутренних (стремления, желания) препятствий достижению цели и способность их преодолевать.

Выгорание, как известно, «отрицательно связано с оценкой собственной эффективности <...> и включает предупреждающую фазу снижения уровня собственного участия»[6]. Упомянутое снижение собственного участия в процессе регулирования личного профессионального маршрута, а также утрата понимания цели профессиональной деятельности, неумение выстраивать внутреннюю позицию по отношению к тем или иным сложным рабочим ситуациям, неэффективная работа с возникающими препятствиями – всё это и есть проявления снижения волевой активности субъекта с синдромом профессионального выгорания.

Названные признаки выгорания имеют довольно яркую языковую репрезентацию. Выявленные языковые маркеры были разделены нами на группы. Выделение групп не производилось в соответствии с той или иной моделью системы языка (уровневой, полевой, динамической и др.), поскольку наше исследование соотносится в большей степени с задачами психологическими, нежели лингвистическими, и имеет целью, как было сказано ранее, обогащение существующих диагностических методик дополнительным инструментарием, применение которого не будет требовать специальных лингвистических знаний. Использование полученных результатов возможно как в процессе так называемого профессионального наблюдения (выполняемого психологом, HR-специалистом), так и самонаблюдения.

Необходимо заметить, что выделенные лингвистические признаки, несомненно, могут присутствовать в речи человека, не имеющего синдрома профессионального выгорания. Учитывая этот факт, стоит рассматривать речевые проявления личности в динамике: если ранее указан-

[3] См, например: *Лобова Е. В.* Программа психолого-педагогической профилактики эмоционального выгорания педагогов «Ресурс». Арзамас, 2022. 51 с. ; Методические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания педагогов / Управление образования администрации г. Белгорода ; Научно-методический информационный центр. Белгород, 2020. 123 с. ; *Полянский А. И., Быковская Л. И.* Синдром выгорания как феномен в современной науке // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-vygoraniya-kak-fenomen-v-sovremennoy-nauke

[4] *Ушакова Т. А.* Социально-психологические и индивидуально-личностные детерминанты состояния «выгорания» специалистов социальной работы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2009. С. 11.

[5] *Горбунов Ю. Я.* Педагогическая техника тренера, направленная на развитие волевой активности спортсменов // Современные направления развития педагогической мысли и педагогика И. Е. Шварца : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 1–2 июня 2009 г.). Ч. I. URL: http://shvarts.pspu.ru/sbornik_konf_list_41.html (дата обращения: 04.01.2025).

[6] *Чердымова Е. И., Чернышова Е. Л., Мачнев В. Я.* Синдром эмоционального выгорания специалиста : монография. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2019. С. 63.

ные признаки не были релевантными для того или иного человека или проявлялись существенно реже, можно предполагать наличие синдрома. Важно также рассматривать обнаруженные языковые признаки в комплексе: как правило, маркеры профессионального выгорания обнаруживаются у говорящего на разных уровнях: лексическом, синтаксическом, коммуникативном, содержательном. Однако окончательный вывод о том, что у того или иного специалиста есть обсуждаемый синдром, можно сделать только после соотнесения полученных в ходе анализа речевого поведения результатов и данных других диагностических методик.

Приводимые языковые характеристики были квалифицированы как маркеры профессионального выгорания в целом и снижения волевой активности личности в частности на основании того, что данные признаки соотносятся с различными симптомами профессионального выгорания, описанными в специальной литературе. При обсуждении выявленных признаков будут даваться соответствующие комментарии.

1. Лексический уровень:

– большое количество лексики с семантикой неодобрительно оценки (*плохо, отвратительно, печально* и пр.). В данном случае репрезентируется такой симптом, как эмоциональное истощение, в частности сниженный эмоциональный фон, усиление негативизма по отношению к осуществляемой деятельности, коллегам, клиентам. Кроме того, негативная оценка в данном случае является своего рода заменой волевому усилию: индивид при помощи использования лексики данной группы реагирует на внешний или внутренний дискомфорт;

– частотность использования глаголов с «не» (*не знаю, не понимаю, не могу, не представляю*). Нередко указанные глаголы применяются при объяснении причин допущенных профессиональных ошибок, в процессе участия в планировании тех или иных рабочих мероприятий, при обсуждении профессиональных задач. Говорящий, таким образом, снимает с себя ответственность за тот или иной негативный результат в прошлом или будущем, устраняется от активного участия в решении вопроса;

– частотность употребления слов «проблема», «неприятность» при обсуждении незначительных сложностей. При помощи данных лексических единиц реализуется речевая тактика укрупнения проблемы. Данная тактика, с одной стороны, репрезентирует симптомы, которые уже обсуждались ранее (эмоциональное истощение, сниженный эмоциональный фон, усиление негативизма по отношению к осуществляемой деятельности, коллегам, клиентам), с другой – указывает на трудность или невозможность преодоления возникшего препятствия;

– частотное использование глагола «постараюсь». При помощи данной лексемы говорящий одновременно снимает с себя ответственность за результат деятельности, указывая косвенным образом на то, что в ходе решения задачи могут возникнуть препятствия, справиться с которыми он не будет в силах, и защищает себя от возможной критики, связанной с ненадлежащим выполнением действия.

2. Синтаксический уровень:

– использование неопределенно-личных предложений вида: *меня не пригласили, меня не похвалили* и под. Такие конструкции в данном случае указывают на позицию, занимаемую сотрудником по отношению к дискомфортной ситуации: говорящий не воспринимает свою роль в том или ином событии собственной профессиональной жизни как активную;

– прерывистость и сбивчивость речи, проявляющиеся на синтаксическом уровне в пропуске средств формальной связности текста, фрагментарности высказываний, использовании незаконченных синтаксических конструкций. Говорящий, будучи погруженным в свои негативные переживания, с трудом концентрируется на предмете разговора и собеседнике. Данный признак становится релевантным в свете подхода к феномену внимания с позиции моторной теории внимания, которая «видит во внимании проявление тех моторных установок, которые лежат в основе каждого волевого акта»[7].

3. Уровень смыслового содержания:

а) тематика:

– болезни (собственные и чужие); усталость; сниженное настроение; собственные неудачи, в том числе профессиональные; бессмысленность данной профессиональной деятельности; избегание так называемых тяжелых, неприятных тем. Приведенные особенности соотносятся с такими признаками профессионального выгорания, как эмоциональное истощение, хронический стресс,

[7] *Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии. СПб. : Питер, 2006.С. 169.

редукция профессиональных достижений, обострение хронических заболеваний;

– обиды и разочарования. Данная тема репрезентирует не только уже упоминавшийся симптом эмоционального истощения, но и указывает на возможную дегуманизацию, деперсонализацию (формирование негативного, циничного отношения к коллегам и клиентам), а также может говорить об утрате способности к конструктивному обсуждению разногласий в трудовом коллективе, нарушении социального контакта. Кроме того (по мысли Макса Шеллера), обида «необходимо включает бессилие, беспомощность, невозможность реализовать обиду здесь и сейчас»[8]. Таким образом, развившаяся *обидчивость* субъекта может указывать на снижение у него волевой активности;

– прошлое (воспоминания о прошлых успехах, планах и пр.). Тема прошлого репрезентирует на языковом уровне симптом утраты смысла и цели профессиональной деятельности, отсутствие понимания перспектив профессионального развития;

б) прочие содержательные особенности:

– ссылки на внешние факторы при объяснении причин собственных неудач; указание на свою беспомощность в решении тех или иных профессиональных и жизненных задач (*А что тут поделаешь; Мы ничего не в силах изменить* и пр.). Настоящие признаки, как и некоторые другие лексические и содержательные, указывают на представления индивида о своей роли в собственной профессиональной жизни как пассивной, на неготовность предпринять волевое усилие для изменения ситуации. Одновременно с этим названные содержательные особенности говорят и о стремлении человека построить так называемую коммуникативную защиту от возможной критики, о неготовности нести ответственность за результат собственной деятельности;

– отрицание своих профессиональных достижений. Данный признак очевидным образом репрезентирует признак редукции профессиональных достижений и говорит о нежелании индивида предпринять усилия для пересмотра собственной позиции по отношению к профессии или о неготовности перейти на новую профессиональную ступень, изменить подход к решению профессиональных задач;

– сравнение своей профессиональной ситуации с менее благоприятными. Подобная тактика служит для говорящего своего рода оправданием его неинициативного поведения, а также может быть речевым симптомом, говорящим об отсутствии осознаваемой цели при общем недовольстве текущим положением дел.

4. Коммуникативный уровень. В данном случае мы опираемся на научную лингвистическую традицию, в рамках которой выделяется так называемый коммуникативный уровень языка, характеризующийся выбором языковых средств, речевых стратегий и тактик в зависимости от цели и условий общения, а также общей спецификой организации говорящим субъектом собственного коммуникативного поведения в конкретной ситуации общения:

– отсутствие пропорциональности общения (захват коммуникативной инициативы, перебивание собеседника или, напротив, избегание общения); невовлеченность в коммуникацию, в том числе отсутствие интереса к партнеру по общению; забывание содержания прошлых разговоров, сути профессиональных задач и пр. Данные признаки являются как свидетельством нарушения коммуникативного контакта специалиста с его социальным окружением, деперсонализации и дегуманизации, ведущих к снижению интереса к коллегам и клиентам, так и следствием хронического стресса, а также (о чем говорилось выше в связи с обсуждением содержательных особенностей) общего снижения концентрации внимания в процессе общения;

– избегание так называемых ответственных ситуаций, в том числе ситуаций публичного общения. Обозначенная особенность характерна для лиц с ярко выраженной редукцией профессиональных достижений, ощущением собственной неуспешности и неэффективности. Данный коммуникативный признак также связан с нежеланием брать на себя ответственность за собственную профессиональную ситуацию. Кроме того, ситуация публичного выступления, будучи стрессовой для большинства людей, требует усилий воли, позволяющих справиться с волнением и реализовать поставленную задачу;

– ситуативно и содержательно необусловленное снижение или повышение громкости речи;

[8] *Печин Ю. В.* Исследования обиды в российской психологии : современное состояние и перспективы // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-obidy-v-rossiyskoy-psihologii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy (дата обращения: 05.01.2025).

избегание зрительного контакта или чрезмерный зрительный контакт; дисгармоничное невербальное поведение характерны для специалистов, демонстрирующих нарушение навыков установления и поддержания коммуникативного контакта, снижение уровня концентрации внимания и, как следствие, неспособность сосредоточиться на собеседнике и предмете речи, согласовать свое поведение с ситуацией общения;

– запрос советов и отказ от них. Просьбы дать совет в высокой степени характерны для лиц с синдромом профессионального выгорания. Сниженная волевая активность, неготовность предпринимать усилия, ведущие к устранению психологического дискомфорта или его причин, заставляют специалиста с обсуждаемым синдромом отказываться от реализации полученных рекомендаций, если те предполагают совершение действия, требующего волевого усилия.

Несомненно, приведенный перечень признаков не является исчерпывающим и может быть существенно расширен. В процессе отбора материала для настоящей статьи в качестве критериев были выбраны критерий наблюдаемости, т. е. доступности языковых проявлений внешнему наблюдателю, и критерий информативности, предполагающий, что из тех или иных показателей возможно извлечь значительное количество информации об уровне психологического благополучия личности в конкретный период времени. Как было сказано ранее, только комплекс языковых признаков, регулярно проявляющихся в речи специалиста, может указывать на возможное наличие у него синдрома профессионального выгорания и, в частности, сниженной волевой активности как одного из наиболее ярких его симптомов.

Библиографический список

Бабич О. И. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов. М. : Учитель, 2014. 122 с. (В помощь школьному психологу).

Горбунов Ю. Я. Педагогическая техника тренера, направленная на развитие волевой активности спортсменов // Современные направления развития педагогической мысли и педагогика И. Е. Шварца : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 1–2 июня 2009 г.). Ч. I. URL: http://shvarts.pspu.ru/sbornik_konf_list_41.html

Китаев-смык Л. А. Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vygoranie-personala-vygoranie-lichnosti-vygoranie-dushi

Лобова Е. В. Программа психолого-педагогической профилактики эмоционального выгорания педагогов «Ресурс». Арзамас, 2022. 51 с.

Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб. : Питер, 2006. 320 с.

Методические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания педагогов / Управление образования администрации г. Белгорода ; Научно-методический информационный центр. Белгород, 2020. 123 с.

Митькина М. А. Теоретические основы социально-педагогического сопровождения сотрудников организации в период адаптации к профессиональной деятельности // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2018. № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36433847

Нагоски Э., *Нагоски А.* Выгорание. Новый подход к избавлению от стресса. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 299 с.

Нетребко Е. Э. Профессиональное выгорание // Глобус : психология и педагогика. 2019. № 2 (30). URL: ttps://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie

Петерсон Э. Х. Хватит выгорать : как миллениалы стали самым уставшим поколением. М. : АСТ, 2022. 352 с.

Печин Ю. В. Исследования обиды в российской психологии : современное состояние и перспективы // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-obidy-v-rossiyskoy-psihologii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy

Полянский А. И., Быковская Л. И. Синдром выгорания как феномен в современной науке // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-vygoraniya-kak-fenomen-v-sovremennoy-nauke

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 512 с.

Ушакова Т. А. Социально-психологические и индивидуально-личностные детерминанты состояния «выгорания» специалистов социальной работы : автореф. дис. … канд. психол. наук. Курск, 2009. 22 с.

Чердымова Е. И., Чернышова Е. Л., Мачнев В. Я. Синдром эмоционального выгорания специалиста : монография. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2019. 124 с.

References

Babich O. I. Prevention of professional burnout syndrome in teachers. Moscow : Uchitel, 2014. 122 p. (To help the school psychologist).

Gorbunov Yu. Ya. Pedagogical technique of a coach aimed at developing the volitional activity of athletes // Modern directions in the development of pedagogical thought and pedagogy of I. E. Schwartz : materials of the international scientific-practical conf. (Perm, June 1–2, 2009). Part I. URL: http://shvarts.pspu.ru/sbornik_konf_list_41.html

Kitaev-smyk L. A. Burnout of personnel. Burnout of personality. Burnout of the soul // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2008. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vygoranie-personala-vygoranie-lichnosti-vygoranie-dushi

Lobova E. V. Program of psychological and pedagogical prevention of emotional burnout of teachers «Resource». Arzamas, 2022. 51 p.

Luria A. R. Lectures on general psychology. St. Petersburg: Piter, 2006. 320 p.

Methodological recommendations for the prevention of emotional burnout of teachers / Education Department of the Belgorod City Administration ; Scientific and Methodological Information Center. Belgorod, 2020. 123 p.

Mitkina M. A. Theoretical foundations of social and pedagogical support of employees of the organization during the period of adaptation to professional activity // Bulletin of social and humanitarian education and science. 2018. No. 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36433847

Nagoski E., Nagoski A. Burnout. A New Approach to Getting Rid of Stress. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2020. 299 p.

Netrebko E. E. Professional Burnout // Globus : Psychology and Pedagogy. 2019. No. 2 (30). URL: ttps://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie

Peterson E. H. Stop Burning Out : How Millennials Became the Most Tired Generation. Moscow : AST, 2022. 352 p.

Pechin Yu. V. Research of Resentment in Russian Psychology : Current State and Prospects // Siberian Pedagogical Journal. 2016. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-obidy-v-rossiyskoy-psihologii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy

Polyansky A. I., Bykovskaya L. I. Burnout syndrome as a phenomenon in modern science // Horizons of humanitarian knowledge. 2018. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-vygoraniya-kak-fenomen-v-sovremennoy-nauke

Stress, burnout, coping in the modern context / ed. by A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow : Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2011. 512 p.

Ushakova T. A. Social-psychological and individual-personal determinants of the state of «burnout» of social work specialists : cand. psychological sci. dis. abstr. Kursk, 2009. 22 p.

Cherdymova E. I., Chernyshova E. L., Machnev V. Ya. Syndrome of emotional burnout of a specialist : monograph. Samara : Publishing house of Samara University, 2019. 124 p.

Воронежский государственный университет
Саломатина М. С., доцент кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета
E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Поступила в редакцию: 09.01.2025

Для цитирования:
Саломатина М. С. «Меня уволили!», или Языковые признаки снижения волевой активности (в аспекте профессионального выгорания) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 324–329. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/324-329

Voronezh State University
Salomatina M. S., Associate Professor of the Department of General Linguistics and Stylistics of the Philological Faculty
E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Received: 09.01.2025

For citation:
Salomatina M. S. «I've been fired!», or Linguistic signs of decreased volitional activity (in terms of the problem of professional burnout) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 324–329. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/324-329

УДК 378.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/330-335

ВОЛЕВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Н. Ю. Зыкова, Н. П. Грачев
Воронежская государственная академия спорта

VOLITIONAL REGULATION AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF A PERSONALITY

N. Yu. Zykova, N. P. Grachev
Voronezh State Academy of Sports

Аннотация: рассматривается связь волевой регуляции и психологического благополучия личности. Осуществляется анализ результатов изучения уровней волевой регуляции и психологического благополучия студентов, осваивающих образовательные программы спортивной направленности. Выводы, полученные в результате исследования, позволили определить волевую регуляцию в качестве одной из основных детерминант психологического благополучия.
Ключевые слова: воля, волевая регуляция, психологическое благополучие.

Abstract: the article analyzes the relationship between volitional regulation and psychological well-being of the individual. The analysis of the results of studying the levels of volitional regulation and psychological well-being of students who master sports-oriented educational programs is carried out. The conclusions of the study allowed us to identify volitional regulation as one of the main determinants of psychological well-being.
Key words: will, volitional regulation, psychological well-being.

Актуальность определения условий и факторов психологического благополучия современной студенческой молодежи в настоящий момент определяется социальными и личностными причинами: процессы трансформации в мире, обществе, системе образования, трудности в осуществлении профессионально-личностного самоопределения – всё это приводит к расшатыванию психологического благополучия, ставя под угрозу социальную адаптацию молодежи в целом[1]. В контексте нашего исследования в качестве фактора, позволяющего сохранять психологическое благополучие в сложных трансформационных условиях, рассматривается волевая регуляция личности, ее способность к самоуправлению.

Проблема волевой регуляции личности изучалась такими авторами, как Р. Баумейстер, В. И. Долгова, Ю. Куль, А. В. Монроз, Р. В. Овчарова, Т. И. Шульга и др. Связь между эмоциональным состоянием, стрессоустойчивостью личности исследовалась таким учеными, как С. А. Водяха, Ю. Е. Водяха, Н. С. Павлова, Е. А. Сергиенко, М. В. Чумаков.

При этом недостаточно раскрыта связь волевой регуляции личности с различными компонентами ее психологического благополучия. Определение детерминирующих линий между ними могло быть стать основой для разработки модели развития волевой регуляции в целях повышения психологического благополучия студенчества.

Факторы, определяющие психологическое благополучие личности в период обучения в вузе, были в центре внимания таких исследователей, как Т. А. Бородовицына, Е. Ю. Григоренко, Т. П. Усынина, А. Д. Цветнова и др. Для понима-

[1] См.: *Тихомирова Е. В., Самохвалова А. Г., Вишневская О. Н.* Психологическое благополучие студентов в условиях высокой неопределенности будущего // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 88.

© Зыкова Н. Ю., Грачев Н. П., 2025

ния причин повышения риска нарушений психологического благополучия необходимо рассмотреть особенности современной студенческой молодежи.

Молодые люди после стресса из-за ЕГЭ оказываются в новых условиях осуществления учебной деятельности и социального взаимодействия. Существенно вырастает информационная нагрузка, проживается сепарация от семьи, молодой человек адаптируется к жизни в общежитии, учится самоорганизации ритма всех видов деятельности[2].

Большинство молодых людей стремятся совмещать учебную деятельность с подработками для достижения финансовой независимости. В условиях постоянного цейтнота нарушается режим сна и питания. На время обучения в вузе приходится также проживание ряда кризисов, повышающих стрессогенность этого возрастного периода: кризис «вырывания корней», кризис профессиональной идентификации – это нормативные кризисы студенчества. На втором и третьем годах обучения в вузе достаточно часто появляется отрицательный синдром отношения к выбранной профессии, который обусловлен возникновением реалистичного представления об осваиваемой специальности, что часто сопровождается разочарованием в ней, даже при наличии успехов в учебной деятельности[3].

Также многие студенты отмечают сложности во взаимодействии с преподавателями, учебной группой, в проживании нагрузок во время сессионного периода. Молодыми людьми определяется недостаток ресурсов и волевой регуляции для преодоления трудностей, возникающих в это время[4].

Таким образом, студенческая молодежь может быть отнесена к группе риска по возникновению нарушений психологического благополучия многофакторной природы. Молодежь утрачивает чувство психологической безопасности, что приводит к невозможности достижения психологического благополучия[5].

Рассмотрим феномен психологического благополучия более подробно. Основы теории психологического благополучия были определены Норманом Брэдберном, который в 1962 г. вводит понятие психологического благополучия, рассматривая его как эмоциональное переживание состояния счастья или несчастья, удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью. Такой подход к рассмотрению психологического благополучия получил название гедонистического.

Разница в количестве и глубине переживаний удовлетворенности и неудовлетворенности является мерой благополучия. «Когда уровень позитивных переживаний превышает уровень негативных, человек чувствует себя счастливым и удовлетворенным и, как следствие, имеет высокий уровень психологического благополучия»[6].

Последователем Н. Бредберна в рассмотрении проблемы личного состояния счастья стал Э. Динер. Автор использовал термин «субъективное благополучие» и выделял в нем такие компоненты, как эмоциональная и когнитивная оценка происходящего с личностью ею самой[7]. При этом Э. Динер разделял понятия «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие», считая, что последнее объемнее, многоаспектнее, чем собственно субъективная оценка личностью жизненных событий и фактов.

Эвдемонический подход опирается на положения гуманистической психологии о врожденной потребности человека в личностном росте, развитии и рассматривает психологическое бла-

[2] См.: *Григоренко Е. Ю.* Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. 2009. № 4 (48). С. 99.

[3] См.: *Бородовицына Т. О.* Особенности психологического благополучия студентов различных профилей подготовки // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. Т. 8. С. 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN420.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

[4] См.: *Клепцова Е. Ю., Орел Э. С.* Проблемы эмоционально-волевой регуляции студентов // Концепт : науч.-метод. электронный журнал. 2016. Т. 32. С. 69. URL: http://e-koncept.ru/2016/56666 (дата обращения: 18.01.2025).

[5] См.: *Усынина Т. П., Цветнова А. Д.* Психологическое благополучие студентов и факторы его определяющие // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2020. № 1 (16). Т. 2. С. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-studentov-i-faktory-ego-opredelyayuschie/viewer (дата обращения: 18.01.2025).

[6] *Борисов Г. И.* Подходы к изучению психологического благополучия // Психология образования : современный вектор развития : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 157.

[7] См.: Там же. С. 159.

гополучие как движение к актуализации своей индивидуальности. При таком рассмотрении события, которые не приносят положительных эмоций и не оцениваются личностью положительно, но ведут к росту и развитию, могут способствовать достижению психологического благополучия. Человек видит в них смысл, связывает со своими жизненными целями.

Одним из ярких представителей эвдемонического подхода является Кэрол Рифф, которая включила в психологическое благополучие шесть основных компонентов: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономию, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост[8].

Самопринятие основывается на позитивном отношении к своей личности, способности к саморегуляции эмоциональных состояний относительно своих положительных и отрицательных характеристик и, на этой основе, к саморазвитию.

Позитивные отношения с окружающими определялись автором как способность выстраивать конструктивные коммуникативные связи, регулировать конфликтные взаимодействия.

Автономия понимается как способность отстаивать свою позицию, следовать своим целям и убеждениям.

Под управлением окружающей средой автор подразумевала способность к постановке целей, выбору средств их достижения и принятия ответственности за них, ощущение субъективного контроля над своей жизнью.

Наличие жизненных целей понимается как смыслообразующий компонент – это переживание осмысленности своего существования и с перспективным планированием на основе этого смысла.

Личностный рост предусматривает стремление развиваться, учиться и воспринимать новое, а также наличие ощущения собственного прогресса. Если по каким-то причинам личностный рост невозможен, то следствием этого становятся чувство скуки, стагнации, отсутствие веры в свои способности к переменам и овладению новыми умениями и навыками, при этом уменьшается интерес к жизни[9].

Как мы видим, в каждом из компонентов психологического благополучия в той или иной степени возникает необходимость волевой регуляции, без которой эти компоненты не могут совершаться.

С. Л. Рубинштейн определяет волю как «высшую психическую функцию, которая в зависимости от решаемой задачи проявляется как:

– произвольная мотивация действий;

– произвольное решение человека при выборе мотива, цели и действия в ситуации двух и более альтернатив;

– произвольная регуляция личностными средствами различных психических процессов и исполнительных действий»[10].

Волевая регуляция личности тесно связана с ее эмоциональной и смысловой сферами. Благодаря воле человек способен отстаивать свои ценности и смыслы вопреки потребностям и выгодам. Здесь движущими силами волевого выбора становятся высшие смыслы и духовные характеристики личности.

Рассмотрим компоненты психологического благополучия с точки зрения участия в них волевой регуляции.

Самопринятие определяется оценкой себя с позиции имеющихся ценностей и морально-нравственных ориентиров. Волевой выбор нравственного поведения будет существенно повышать уровень самопринятия личности. Человек, следующий своим убеждениям и ценностям, будет положительно оценивать себя с большей долей вероятности. В ситуации предательства личных и общечеловеческих ценностей внутренний конфликт определит снижение самопринятия.

Для выстраивания позитивных отношений с окружающими необходимо преодолевать свои страхи и поддерживать нормы социального взаимодействия. Волевая регуляция при этом обеспечивает не только надежность и обязательность в контактах, но и регуляцию эмоциональных состояний в сложных взаимодействиях, моральный выбор «честно – нечестно», «порядочно – непорядочно» и позволяет создавать именно позитивные отношения с другими людьми

[8] См.: *Борисов Г. И.* Указ. соч. С. 167.

[9] См.: *Федотова Е. Е.* Субъективное благополучие студентов и его факторы : теоретический анализ // Вестник Омского ун-та. 2020. № 3. С. 63.

[10] *Чумаков М. В.* Эмоционально-волевая регуляция деятельности (структура, типы, особенности функционирования в социальном взаимодействии) : монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 10.

в отношениях различного порядка: от межличностных до профессиональных.

Без волевой регуляции сложно представить достижение автономии, которая предполагает формирование независимости от давления социума, способности противостоять ему даже при угрозе негативных последствий или лишении выгоды.

Управление окружающей средой и наличие жизненных целей выполняются посредством волевой регуляции, так как смыслообразование и целеполагание реализуются на основе принятия волевых решений по достижению поставленных целей, выбору средств, определению их смыслов как личностных, так и социальных.

Личностный рост возможен при условии выхода из так называемой «зоны комфорта», что предполагает столкновение с неудобствами, необходимость приложения усилий при преодолении препятствий и затруднений. Таким образом, можно отметить включенность волевой регуляции во все компоненты психологического благополучия. Это определило гипотезу нашего исследования: уровень волевой регуляции студенческой молодежи будет определять уровень ее психологического благополучия. Целью исследования выступило изучение связи между ними.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Воронежская государственная академия спорта», в исследовании приняли участие 74 респондента (34 юноши и 40 девушек) – студенты второго курса.

Для получения данных, отвечающих цели исследования, был использован опросный метод, представленный следующими методиками: тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверьков, Е. В. Эйдман) и опросник «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф); в качестве методов обработки результатов были использованы качественный и количественный методы (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

По результатам оценки уровней волевой регуляции можно сделать выводы о преобладании высокого (48,2 % опрошенных) и среднего (44,2 % опрошенных) уровней. Большинство опрошенных студентов второго курса обладают устойчивыми намерениями, планомерно следуют им, контролируют свое поведение, обладают эмоциональной зрелостью. Среди опрошенных 7,6 % второкурсников проявили низкий уровень волевой регуляции, они неустойчивы, импульсивны, ненадежны и излишне эмоциональны.

Проведено исследование психологического благополучия обучающихся в академии спорта. Большинство студентов, принявших участие в исследовании, отличаются высоким (47,4 %) и средним (44,2 %) уровнями психологического благополучия, благодаря высоким показателям автономии и способности к управлению средой.

Ориентация на личностный рост, осознание жизненных целей, самопринятие, позитивные отношения с другими у большинства респондентов проявляются на среднем уровне.

Наибольшее число опрошенных с низкими уровнями сформированности выявлены по шкалам «позитивные отношения» (17,9 % опрошенных) и «личностный рост» (13,7 % опрошенных), что может быть обусловлено спецификой спортивной деятельности (высокий уровень конкуренции и постоянная занятость на сборах, тренировках и соревнованиях). Идентификация спортивных результатов и личностного роста у респондентов отсутствует, для них это ступени спортивного мастерства.

При оценке корреляции волевой регуляции и психологического благополучия был получен результат $r_x = 0{,}465$ ($\rho \leqslant 0{,}01$), что подтверждает нашу гипотезу о наличии связи между волевой регуляцией и психологическим благополучием студентов. То есть мы можем утверждать, что высокий уровень волевой регуляции может рассматриваться в качестве условия достижения психологического благополучия. Для предотвращения нарушений психологического благополучия молодых людей в образовательном пространстве вуза необходима целенаправленная работа по созданию условий для развития волевой регуляции или повышению ее уровня. В качестве форм такой работы могли бы быть предложены групповые и индивидуальные беседы, интерактивные занятия (тренинги), просмотры видеоматериалов с последующим обсуждением.

Библиографический список

Борисов Г. И. Подходы к изучению психологического благополучия // Психология образования : современный вектор развития : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 157–174.

Бородовицына Т. О. Особенности психологического благополучия студентов различных профилей подготовки // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. Т. 8. С. 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN420.pdf

Григоренко Е. Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. 2009. № 4 (48). С. 98–104.

Клепцова Е. Ю., Орел Э. С. Проблемы эмоционально-волевой регуляции студентов // Концепт : науч.-метод. электронный журнал. 2016. Т. 32. С. 69. URL: http://e-koncept.ru/2016/56666

Тихомирова Е. В., Самохвалова А. Г., Вишневская О. Н. Психологическое благополучие студентов в условиях высокой неопределенности будущего // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121). С. 88–96.

Федотова Е. Е. Субъективное благополучие студентов и его факторы : теоретический анализ // Вестник Омского ун-та. 2020. № 3. С. 63–69.

Усынина Т. П., Цветнова А. Д. Психологическое благополучие студентов и факторы его определяющие // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2020. № 1 (16). Т. 2. С. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-studentov-i-faktory-ego-opredelyayuschie/viewer

Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция деятельности (структура, типы, особенности функционирования в социальном взаимодействии) : монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007.

References

Borisov G. I. Approaches to the Study of Psychological Well-Being // Psychology of Education : The Modern Vector of Development: Monograph. Ekaterinburg : Ural University Press, 2020. P. 157–174.

Borodovitsyna T. O. Features of Psychological Well-Being of Students of Various Profiles of Training // The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2020. No. 4. Vol. 8. P. 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN420.pdf

Grigorenko E. Yu. Psychological Well-Being of Students and the Factors Determining It // Problems of Territory Development. 2009. No. 4 (48). P. 98–104.

Kleptsova E. Yu., Orel E. S. Problems of Emotional-Volitional Regulation of Students // Concept : Scientific and Methodological Electronic Journal. 2016. Vol. 32. P. 69. URL: http://e-koncept.ru/2016/56666

Tikhomirova E. V., Samokhvalova A. G., Vishnevskaya O. N. Psychological well-being of students in conditions of high uncertainty of the future // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2021. No. 4 (121). P. 88–96.

Fedotova E. E. Subjective well-being of students and its factors: theoretical analysis // Bulletin of Omsk University. 2020. No. 3. P. 63–69.

Usynina T. P., Tsvetnova A. D. Psychological well-being of students and factors that determine it // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2020. No. 1 (16). T. 2. P. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-studentov-i-faktory-ego-opredelyayuschie/viewer

Chumakov M. V. Emotional-volitional regulation of activity (structure, types, features of functioning in social interaction) : monograph. Kurgan : Publishing house of Kurgan. State University, 2007.

Воронежская государственная академия спорта

Зыкова Н. Ю., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физической культуры, педагогики и психологии

E-mail: zikova_natalya@inbox.ru

Грачев Н. П., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры, педагогики и психологии

E-mail: gra4ev_n@mail.ru

Voronezh State Academy of Sports

Zykova N. Y., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Culture, of Pedagogy and Psychology

E-mail: zikova_natalya@inbox.ru

Grachev N. P., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Culture, of Pedagogy and Psychology

E-mail: gra4ev_n@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.01.2025

Для цитирования:

Зыкова Н. Ю., Грачев Н. П. Волевая регуляция как фактор психологического благополучия личности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 330–335. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/330-335

Received: 20.01.2025

For citation:

Zykova N. Yu., Grachev N. P. Volitional regulation as a factor in psychological well-being of a personality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 330–335. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/330-335

УДК 347.4
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/336-339

ВЛИЯНИЕ ВОЛИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Косарева
Воронежский государственный университет

THE INFLUENCE OF WILL ON THE FORMATION OF GOOD FAITH IN THE MODERN CIVIL LAWOF THE RUSSIAN FEDERATION

E. A. Kosareva
Voronezh State University

Аннотация: рассматривается влияние воли субъекта гражданских правоотношений на формирование добросовестности. Исследуется актуальная судебная практика, подчеркивающая важность для правоприменителя анализировать не только фактическое волеизъявление стороны, но и внутреннее отношение лица к совершаемым действиям.
Ключевые слова: добросовестность, воля, стандарт поведения, злоупотребление, сделка.

Abstract: the influence of the will of the subject of civil legal relations on the formation of good faith is considered. The current judicial practice is studied, emphasizing the importance for the law enforcement officer to analyze not only the actual expression of the will of the party, but also the internal attitude of the person to the actions performed.
Key words: good faith, will, standard of conduct, abuse, transaction.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1] определяет, что участники гражданских отношений при установлении, осуществлении и защите и при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно.

Верховный Суд Российской Федерации указывает, что, «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны»[2].

Как известно, действующее законодательство устанавливает презумпцию добросовестного поведения, в то время как участники гражданских правоотношений могут доказать обратное.

Говоря о том, а как же в целом правоприменитель должен оценить это добросовестное поведение, не стоит забывать и о следующем важном постулате: субъектам гражданского права предоставлена возможность приобретать и осуществлять свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

Воля в качестве категории гражданского права представляет собой внутренний психический процесс, результатом которого является совершение юридического действия, регулируемого гражданским правом.

Возникает разумный вопрос – а должен ли правоприменитель, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, анализировать действительную волю субъекта? Или правоприменителю достаточно по-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Рос. газета. 1994 № 238–239.

[2] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

© Косарева Е. А., 2025

смотреть на волеизъявление, т. е. внешнее выражение воли?

И, в целом, как правоприменителю оценивать ситуацию, когда внешнее выражение воли субъекта гражданского права выглядит вполне себе правомерным и достойным поведением, преследующим породить правовые последствия, т. е., например, абсолютно действительной сделкой, но мы понимаем, что внутренняя воля была иной и «лукавой»?

Изменение общественных отношений, а также развитие дистанционного способа продажи товаров заставляют нас анализировать классические принципы и основы гражданского права с разных плоскостей. Так, ставшее известным в 2023–2024 гг. «Дело ЦУМа»[3] наводит на большое количество рассуждений.

Общеизвестно, что сторона спора, а именно популярный торговый дом «ЦУМ», зарегистрированный как ОАО «ТД ЦУМ» в ЕГРЮЛ, осуществляет деятельность по продаже весьма дорогостоящей брендовой одежды и аксессуаров. Ситуация, которая стала предметом огромного количества дискуссий и обсуждений, весьма банальна: при оформлении заказа покупателем произошел некий сбой (природа его не установлена судами), по причине которого товары на сайте ЦУМа стали стоить в пределах 100 рублей. Сложившейся ситуацией воспользовался покупатель, безусловно, оформив заказ по многим позициям и товарам, однако заказ продавцом был отменен. Требования, которые стали предметом спора, во многом очевидны: покупатель требовал признать договор заключенным, продавец в целом оспаривал факт наличия заключенной сделки, но при этом просил признать ее недействительной. Итогом стало установление факта заключения договора (без удовлетворения требования, т. е. суд в решении признал этот факт сам по себе), а также отказ в признании этого договора недействительным.

Анализируемая сделка с точки зрения условий ее действительности соответствовала всем критериям: действие было явно волевым, оно было направлено на возникновение правоотношений и совершалось в соответствии с требованиями закона.

Но вопрос, которым разумно задаться, анализируя указанные судебные акты, выглядит следующим образом: «А не позволяет ли правоприменитель в указанных судебных актах право защищаться недобросовестным субъектам, воля у которых при вступлении в правоотношение уже заранее не учитывала интересы другой стороны?».

На что в анализируемом случае была направлена воля, из чего состоял так называемый «психический процесс»? Не возникло ли ситуации, где воля получила свой «недобросовестный порок», ведь очевидно, что покупатель безумно был счастлив, когда приобретал дорогостоящие товары по «смешным ценам»?

Иными словами, стоит ли оценивать тот факт, что воля подобного субъекта уже изначально была «испорчена»?

Испорчена тем, что покупатель понимал, что таких цен не бывает у продавца, что сложившаяся ситуация вызвана какими-то техническими или организационными причинами, тем самым, такой покупатель преследовал цель «обогатиться» в неожиданной ситуации. Таким образом, воля на момент совершения сделки сама по себе была недобросовестной, ведь интересы другой стороны покупателем не были учтены, хотя при прочих равных условиях покупатель должен был явно усомниться в добросовестности совершаемых им действий.

Ю. П. Свит определяет в качестве составляющей добросовестного поведения «отсутствие противоречия законодательству РФ, обычаям делового оборота, отсутствие направленности или осознаваемой возможности причинения убытков (вреда) другим лицам»[4]. Подобный подход заставляет суд оценивать не только внешнюю составляющую правоотношений, но и их содержание, в частности юридических фактов, как волевых действий участников оборота.

Не стоит забывать, что в целом добросовестность в доктрине разделяют на объективную и субъективную. По мнению И. Б. Новицкого, объективная добросовестность представляет собой обеспеченное императивной силой закона некое всеобъемлющее мерило, которым руководствуется и рядовой участник оборота, реализуя свои интересы и действия, и суд, используя его в качестве инструмента для расширительного тол-

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] *Свит Ю. П.* Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России : опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 7.

кования формальных предписаний закона для искоренения всякого злоупотребления.

В субъективном смысле добросовестность понимается И. Б. Новицким как правомерное заблуждение лица насчет фактов, имеющих юридическое значение, или ошибочная уверенность в их наличии. Безусловно, такое заблуждение также должно основываться на объективной обстановке, которую придется анализировать в суде[5].

Но насколько актуально в современном мире деление добросовестности на объективную и субъективную? Ведь в ГК РФ закреплено общее правило о необходимости добросовестного поведения участников оборота, а прочие нормы, сходные с общим правилом, дополняют или конкретизируют его применительно к определенным правоотношениям. Можно ли сделать вывод, что по общему правилу в современном гражданском праве добросовестность рассматривается в объективном смысле, как общее «мерило»?

А. В. Егоров утверждает, что «совершенно неправильно усматривать в принципе добросовестности предписание возлюбить ближнего своего больше, чем самого себя. Задача этого принципа абсолютно иная. Он призван сдерживать проявления личного эгоизма там, где этот эгоизм начинает выступать препятствием для жизни социума, и не более того»[6].

Так вот, возвращаясь к влиянию воли, раз современное гражданское законодательство пропитано духом «добросовестности», и все участники должны заботиться друг о друге и учитывать интересы, не должен ли правоприменитель задаваться вопросом – а на что была направлена воля стороны при вступлении в правоотношение?

Принципы гражданского права должны быть оценены правоприменителем в совокупности: да, осуществление прав должно осуществляться своей волей и в своем интересе, но при этом учитывая и интересы других лиц. Только такое толкование важнейших постулатов может стать хорошей основой для правоприменителя.

Другим образом, если участник правоотношений реализует свои права и интересы, создает для себя определенный правовой результат, но понимает, что при такой ситуации будут нарушены интересы другой стороны, то его воля в таком случае является недобросовестной. Как, например, с покупателем в описанном выше деле: он приобретал товары на сайте магазина (вполне себе правомерная ситуация), но, оценивая условия сделки («нереально» заниженная цена), он понимал, что магазин в таком случае явно терпит какие-то убытки, соответственно, такое желание совершить сделку при подобных условиях не должно быть оценено как добросовестное поведение, а следовательно, иметь право на защиту.

Иными словами, если мы хотим добиться от правоприменителя полноценного анализа правоотношений и серьезного погружения в спор, то в таком случае не стоит забывать и оценивать действительную волю сторон, поскольку она может стать важнейшей составляющей для решения вопроса о добросовестном или недобросовестном поведении.

Таким образом, именно неюридический термин и неправовая категория «воля» играет огромную роль в возникновении, исполнении и прекращении гражданских правоотношений, поэтому субъектам правоприменения не стоит относиться поверхностно к анализу психического отношения лица к своим действиям, а наоборот, стоит рассматривать волю как важную категорию, влияющую на гражданские правоотношения.

Библиографический список

Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ : первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4–10.

Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.

Свит Ю. П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России : опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 3–9.

References

Egorov A. V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform // Legal Insight. 2013. No. 2. P. 4–10.

Novitsky I. B. The principle of good faith in the draft law of obligations // Bulletin of Civil Law. 2006. No. 1. P. 124–181.

[5] См.: *Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 130.

[6] *Егоров А. В.* Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ : первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 9.

Sweet Yu. P. The concept and meaning of good faith and reasonableness in modern Russian law // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2010. No. 9. P. 3–9.

Воронежский государственный университет
Косарева Е. А., преподаватель кафедры гражданского права и процесса
E-mail: k.cosareva2012@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.01.2025

Для цитирования:
Косарева Е. А. Влияние воли на формирование добросовестности в современном гражданском праве Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 336–339. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/336-339

Voronezh State University
Kosareva E. A. Lecturer at the Department of Civil Law and Process
E-mail: k.cosareva2012@yandex.ru

Received: 20.01.2025

For citation:
Kosareva E. A. The influence of will on the formation of good faith in modern civil law of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 336–339. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/336-339

УДК 347.918
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/340-349

РОЛЬ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ АРБИТРА И СТОРОН АРБИТРАЖА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА

Ю. С. Артемова
Воронежский государственный университет

THE ROLE OF THE ARBITRATOR AND THE PARTIES IN THE COMPOSITION OF THE ARBITRAL TRIBUNAL

Iu. S. Artemova
Voronezh State University

Аннотация: анализируется порядок формирования состава третейского суда через призму категорий воли и волеизъявления как самого арбитра, так и сторон третейского разбирательства. Исследуются случаи, когда арбитры выбираются непосредственно сторонами, когда состав третейского суда формируется компетентным органом институционального арбитража или государственным судом. Выявлено, что степень учета воли участников третейского разбирательства меняется в зависимости от того, в каком порядке происходит назначение арбитра. Констатируется отсутствие законодательной регламентации обязательности волеизъявления арбитра на принятие данной функции. Обосновывается необходимость учета воли арбитра при его назначении судом в рамках реализации функции содействия, рассматриваются возможные варианты получения согласия арбитра до вынесения государственным судом определения о его назначении. Третейское разбирательство является частной процедурой разрешения спора, соответственно, арбитр приобретает полномочия только от сторон третейского разбирательства и по своей воле. Его назначение государственным судом лишь отражает необходимое взаимодействие между судом и арбитражем.
Ключевые слова: третейский суд, назначение арбитра, волеизъявление стороны третейского разбирательства, содействие государственного суда в назначении арбитра, согласие арбитра.

Abstract: the article analyzes the procedure for forming the composition of the arbitration court through the prism of categories of will and will of both the arbitrator himself and the parties to the arbitration proceedings. Cases where arbitrators are chosen directly by the parties are investigated, when the composition of the arbitral tribunal is formed by the competent body of institutional arbitration or a state court. It was revealed that the degree of consideration of the will of the participants in the arbitration proceedings varies depending on the order in which the appointment of the arbitrator takes place. It is stated that there is no legislative regulation of the obligation to express the will of the arbitrator to accept this function. The need to take into account the will of the arbitrator in his appointment by the court as part of the implementation of the assistance function is justified, possible options for obtaining the consent of the arbitrator before the state court makes a decision on his appointment are considered. Arbitration is a private procedure for resolving a dispute, the arbitrator acquires authority only from the parties to the arbitration and of his own free will. His appointment by a state court only reflects the necessary interaction between the court and arbitration.
Key words: arbitration tribunal, appointment of an arbitrator, expression of the will of the party to the arbitration, assisting a state court in appointing an arbitrator, the consent of the arbitrator.

Широко распространено представление о том, что одним из ключевых преимуществ третейского разбирательства (по сравнению с государственным правосудием) является представление сторонам права выбора арбитра. Как уместно отмечает Г. Борн: «Этот аспект арби-

© Артемова Ю. С., 2025

тражного процесса призван предоставить сторонам, которые лучше всего знают причину своих разногласий и больше всего заинтересованы в том, чтобы выбрать наиболее компетентный суд, возможность выбирать арбитров, обладающих наилучшим опытом»[1]. Поэтому далее будут рассмотрены особенности выражения и учета воли как сторон, так и самого арбитра при формировании состава третейского суда.

Выбор и назначение арбитра в рамках третейского разбирательства

Федеральный закон № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»[2] (далее – Закон об арбитраже) и Закон Российской Федерации № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»[3] (далее – Закон о МКА), в зависимости от того, в каком составе (единолично или коллегиально) третейский суд будет рассматривать спор, предусматривают различные подходы к порядку выбора арбитра.

Первый вариант предполагает, что стороны самостоятельно выбирают третейского судью (ч. 2 ст. 11 Закона об арбитраже, ч. 2 ст. 11 Закона об МКА). Соответственно, если дело рассматривается единолично, то стороны могут либо выбрать арбитра заранее в соглашении, либо же предусмотреть порядок согласования кандидатуры арбитра после начала третейского разбирательства. В случае если дело рассматривается коллегией из трех арбитров, то каждая из сторон выбирает по одному третейскому судье, которые, в свою очередь, назначают председателя такой коллегии (п. 1 ч. 3 ст. 11 Закона об арбитраже, п. 1 ч. 3 ст. 11 Закона об МКА). Отметим, что изложенный подход в большей степени характеризует арбитраж ad hoc, который считается примером классического третейского разбирательства, где стороны активно проявляют свою волю и действительно во многом определяют процедуру арбитража. В связи с этим Г. В. Севастьянов указывает: «Арбитраж ad hoc … предполагает более доверительные отношения сторон и состава арбитров. Непосредственный выбор сторонами арбитров обусловливает принятие ответственности за осуществленный выбор»[4].

Когда спор рассматривается при администрировании постоянно действующим арбитражным учреждением (далее – ПДАУ), фиксируется несколько иной подход к необходимости выражения воли сторон, направленной на выбор арбитра. Так, правила российских ПДАУ не всегда позволяют именно сторонам выражать свою волю на выбор арбитра, если дело рассматривается третейским судьей единолично. К примеру, в ч. 8 параграфа 12 Правил арбитража внутренних споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ[5] (далее – МКАС при ТПП РФ), а также в ч. 9 параграфа 16 Правил арбитража международных коммерческих споров МКАС при ТПП РФ[6] установлено, что если дело рассматривается единоличным арбитром, то он назначается Комитетом по назначениям из соответствующего списка арбитров. В правилах иных российских институциональных арбитражных центров (Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Арбитражное учреждение при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России», Арбитражный центр при Автономной некоммерческой организации «Национальный инсти-

[1] *Борн Г.* Международный арбитраж : право и практика / пер. с англ. под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т современного арбитража, 2020. С. 18.

[2] Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ // Рос. газета. 2015. № 297.

[3] О международном коммерческом арбитраже : закон Рос. Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 // Рос. газета. 1993. № 156.

[4] *Севастьянов Г. В.* Институионализация арбитража ad hoc в России. «Институциональные» третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1. С. 8–13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Правила арбитража внутренних споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации : приложение № 3 к приказу Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 11 января 2017 г. № 6 (в ред. от 09.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/upload/iblock/7d7/7d7e05d758d10b15cee0e0db971fc89a.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

[6] Правила арбитража международных коммерческих споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации Федерации : приложение № 2 к приказу Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 11 января 2017 г. № 6. URL: https://mkas.tpprf.ru/download.php?GET=PmPaa7lG%2F4kseyV9csQonLNXMsKFtSqv1eEbQWWICANhYWFhYWFhYWFhYWFhYWFhB8BSQu1M (дата обращения: 15.12.2024).

тут развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе») указано, что если при рассмотрении дела единолично стороны не выбрали арбитра за определенный срок путем заключения соглашения или посредством обмена предложениями, то функцию назначения выполняет соответствующий компетентный орган ПДАУ (комитет по назначениям, секретариат, председатель, аппарат и т. д.).

Если же спор надлежит рассматривать в составе коллегии из трех арбитров, то каждая из сторон спора оставляет за собой право выбора по одному из них. Вопрос о назначении председательствующего третейского судьи решен в отечественных правилах арбитражей по-разному. Так, Арбитражный регламент арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей[7] (далее – Арбитражный центр при РСПП) в ч. 7 ст. 17 устанавливает, что третьего арбитра назначает Председатель Арбитражного центра. Правила арбитража внутренних споров МКАС при ТПП РФ, а также Правила арбитража международных коммерческих споров МКАС при ТПП РФ также устанавливают, что третьего арбитра назначает именно Комитет по назначениям, а не арбитры, выбранные сторонами. В остальных действующих арбитражных регламентах предусмотрено, что председатель третейского суда выбирается двумя арбитрами избранными сторонами. Только в случае, если такой выбор не состоялся, председательствующий коллегии арбитров назначается уполномоченным органом ПДАУ.

Рассмотренный порядок назначения арбитров не отражает в полной мере идею о том, что именно стороны сами выбирают арбитра для разрешения своего спора. Однако такое ограничение свободы выражения воли сторон имеет под собой основания. Так, назначение арбитра компетентным органом институционального арбитража призвано обеспечить проведение третейского разбирательства, ведь стороны порой не хотят пользоваться предоставленной возможностью выбирать и нередко уклоняются от решения о том, кто будет рассматривать их спор. Так же, как и самим арбитрам не всегда удается прийти к соглашению об утверждении кандидатуры председательствующего при разрешении дела коллегиально. Кроме того, в современных научных работах нередко встречается позиция о том, что назначение арбитра нейтральным компетентным органом не является радикальным решением и обеспечивает защиту от односторонних назначений, которые не всегда являются нейтральными[8].

Резюмируя, отметим, что воля сторон при назначении арбитра учитывается далеко не всегда. Более того, для любого третейского разбирательства (вне зависимости от порядка назначения арбитра) существует необходимость в получении согласия третейского судьи на разрешение спора. Такое правило в полной мере отражает природу арбитража в качестве *частной* альтернативной процедуры рассмотрения гражданско-правового спора. Как отмечает С. А. Курочкин, «кандидат в арбитры должен дать свое согласие на выполнение соответствующих функций. Договоренность нередко оформляется подписываемым арбитрами и сторонами арбитражным договором, актом о полномочиях арбитров, меморандумом и др.»[9].

Идея об обязательности получения согласия арбитра является признанной и универсальной. К примеру, обратимся к руководящим принципам Международной ассоциации юристов относительно конфликта интересов в международном арбитраже (IBA Guidelines on Conflicts of Interests in International Arbitration) (далее – Руководящие принципы)[10]. Положения этого документа, как указывает М. Ю. Савранский, «выступают наиболее популярным источником “мягкого права” среди сводов правил международного происхождения, регламентирующих вопросы беспристрастности и независимости арбитров. … Руководящие принципы являются документом, на который … нередко опираются при рассмотрении вопросов, связанных с при-

[7] Регламент Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей : утв. распоряжением президента РСПП от 21 июня 2018 г. № РП-5). URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/regulation/ (дата обращения: 15.12.2024).

[8] См., например: *Полссон Я.* Идея арбитража / пер. с англ. под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т соврем. арбитража, 2021. С. 434.

[9] *Курочкин С. А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М. : Статут, 2021. С. 116.

[10] Руководящие принципы Международной ассоциации юристов относительно конфликта интересов в международном арбитраже. URL: www.ibanet.org/document?id=Guidelines-on-Conflicts-of-Interest-in-International-Arbitration-2024 (дата обращения: 11.12.2024).

нятием функций арбитров, их назначениями и отводами»[11].

Первый из рассматриваемых принципов устанавливает, что «каждый арбитр должен быть беспристрастным и независимым от сторон на момент *принятия назначения*...». В пояснениях к нему указано, что «каждый арбитр должен быть беспристрастным и независимым от сторон в момент, когда он (она) *выражает согласие на назначение* арбитром».

Однако российское законодательство об арбитраже не содержит прямых указаний на то, что перед началом разбирательства арбитр должен выразить свое согласие на рассмотрение спора. Косвенное утверждение об обязательности получения согласия можно сделать только путем толкования правил об основаниях для отвода арбитра. Так, ч. 1 ст. 12 Закона об арбитраже и ч. 1 ст. 12 Закона о МКА предусматривают, что в случае обращения к какому-либо лицу в связи с его возможным назначением в качестве арбитра это лицо должно в письменном виде сообщить о любых обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения относительно его беспристрастности или независимости. Изложенная норма опосредованно предполагает, что арбитр при сообщении стороне или компетентному органу ПДАУ об отсутствии обстоятельств, влияющих его на независимость и беспристрастность, соглашается рассмотреть конкретное дело.

На уровне локальных актов институциональных третейских центров указанная проблема разрешается иначе. Абсолютно все российские ПДАУ предусматривают правило о необходимости получения согласия арбитра на рассмотрение спора. Коснемся нескольких примеров. Так, в параграфе 3 Положения об организационных основах деятельности МКАС при ТПП РФ[12] предусмотрено, что лицо, принимающее на себя функции арбитра, заполняет и подписывает заявление, форма которого утверждается Президиумом, с *выражением согласия* принять и выполнять функции арбитра. В ст. 3 Правил о независимости и беспристрастности арбитров Арбитражного центра при РСПП[13] указано, что арбитр – избранное стороной или назначенное в установленном порядке для разрешения спора в порядке арбитража физическое лицо, которое *выразило свое согласие* на осуществление полномочий арбитра. Также в п. 5 Руководства по назначению арбитров Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража[14] указано следующее: «Президиум формирует список кандидатов в арбитры, которым направляется справка с краткой информацией по делу с целью проверки конфликта интересов и *получения согласия*».

Основываясь на изложенном, полагаем необходимым подчеркнуть, что обязательность выражения воли арбитра на рассмотрение дела следует не только из общих начал и природы третейского разбирательства, но и из международных источников «мягкого права» и локальных актов отечественных ПДАУ. Поэтому представляется, что и законодательство об арбитраже должно предусматривать ясное и недвусмысленное правило о необходимости получения согласия третейского судьи на рассмотрение дела.

Содействие государственного суда в назначении арбитра

Назначение арбитра может осуществляться государственным судом в рамках реализации функции содействия в отношении третейского разбирательства по заявлению участника арбитража в порядке главы 47.1 ГПК РФ и параграфа 3 главы 30 АПК РФ. Формально такая возможность предусмотрена и для институционального арбитража, и для арбитража ad hoc. Но нужно отметить, что фактическое применение правил о содействии в назначении третей-

[11] *Савранский М. Ю.* Новые трансграничные стандарты поведения арбитров в международном арбитраже // Lex russica. 2024. № 6. С. 140–150. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[12] Положение об организационных основах деятельности Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации : приложение № 3 к приказу Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 11 января 2017 г. № 6 (в ред. от 09.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/upload/iblock/570/57034ba4964908a936a15976d25ef20b.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

[13] Правила Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей о независимости и беспристрастности арбитров : утв. распоряжением Президента РСПП от 27 декабря 2016 г. № РП-38. URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/rules-on-independence-and-impartiality/ (дата обращения: 10.01.2025).

[14] Руководство по назначению арбитров Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража. URL: https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2022/02/4.-Руководство-по-назначению-арбитров_final.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

ского судьи возможно скорее для арбитража ad hoc, ввиду отсутствия у этой формы третейского разбирательства аппарата, который мог бы отвечать за вопросы формирования состава арбитража[15]. Для третейского разбирательства, администрируемого ПДАУ, даже теоретически сложно представить случаи, когда стороне понадобится обращение в государственный суд с заявлением о содействии в назначении арбитра. Тем не менее такое право существует и должно иметь место при выборе любой формы арбитража.

Каждый участник гражданского оборота наделен правом на судебную защиту, но при заключении арбитражного соглашения его стороны «добровольно отказываются от гарантированной государством модели и выбирают альтернативную модель, с помощью которой надеются обеспечить более эффективную защиту своих прав»[16]. Такой добровольный отказ распространяется только на функцию государственного суда, направленную на осуществление правосудия. В то же время у сторон третейского разбирательства сохраняются другие возможности реализации права на судебную защиту. Идея о том, что право на судебную защиту нужно понимать широко, уже не новá. Как правило, в этом случае речь идет о том, что право на судебную защиту не исчерпывается только исковым производством, а распространяется в том числе и на другие его виды[17]. Речь идет об иных функциях государственных судов помимо осуществления правосудия, а именно о функции содействия (назначение, отвод, прекращение полномочий арбитра; получение доказательств; принятие обеспечительных мер) и функции контроля (отмена третейского решения, выдача исполнительного листа для принудительного исполнения третейского решения, оспаривание компетенции арбитража) в отношении третейского разбирательства.

В связи с потенциальной возможностью государственных судов оказывать содействие в формировании состава третейского суда возникают вопросы, каким образом в этой процедуре учитывается воля сторон и арбитра, имеются ли для этого какие-либо процессуальные гарантии.

Анализ определений арбитражных судов[18] показал, что при рассмотрении дел о назначении арбитра вопрос о наличии или же отсутствии его согласия не исследуется. Такой подход вполне объясним. На обязательность получения согласия арбитра не указано ни в процессуальных кодексах, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее – остановление Пленума Верховного Суда РФ № 53). Также отсутствует прямое указание на необходимость получения согласия арбитра и в специальном законодательстве об арбитраже, как было указано нами ранее.

В связи с изложенным возникает вопрос о том, стоит ли вообще учитывать волю арбитра, если его назначение осуществляет суд в рамках реализации функции содействия.

С одной стороны, на вынесенное определение о назначении арбитра распространяются все свойства законной силы судебного акта, к которым относится, в том числе обязательность и исполнимость. Как указывает Е. Н. Кузнецов, «…обязательность предполагает необходимость подчинить поведение лица предписаниям суда, независимо от его желания»[19], а исполнимость – что в дальнейшем кредитор вправе обратиться за принудительным исполнением, вынесенного определения. Следуя этой логике, определение суда должно быть обязательно для всех, включая назначенного арбитра, и в случае необходимости принудительно исполнено службой судебных приставов. Иными словами, при таком подходе получение согласия арбитра не требуется, так как законная сила судебного акта устраняет такую необходимость.

---

[15] Формально законодательство об арбитраже предусматривает право стороны арбитража ad hoc на обращение в ПДАУ с заявлением об оказании содействия в формировании состава третейского суда (ч. 19 ст. 44 Закона об арбитраже).

[16] *Ануров В. Н.* Допустимость подачи иска // Третейский суд. 2018. № 1/2. С. 199–217 ; № 3/4. С. 181–195. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] См., например: *Банников Р. Ю.* Досудебный порядок урегулирования споров. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Чечот Д. М.* Субъективное право и формы его защиты. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 66–67.

[18] Определения судов общей юрисдикции по вопросам формирования состава арбитража не представляется возможным анализировать системно из-за отсутствия единой базы данных.

[19] *Кузнецов Е. Н.* Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. М. : Статут, 2022. С. 85. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С другой стороны, представляется, что рассмотренные свойства судебного акта не могут быть применимы при вынесении определения о содействии для самого назначенного таким образом арбитра. Этот тезис обусловлен правовой природой третейского разбирательства. Как отмечает О. Ю. Скворцов применительно к особенностям арбитража, «…деятельность частных лиц, основанная исключительно на согласовании их воли, придает третейскому судопроизводству частноправовой характер, выводит его из сферы тотального публичного контроля»[20]. Это означает, что для инициирования третейского разбирательства необходимо выражение не только воли сторон соглашения, но и воли арбитра. Вынесение государственным судом определения о назначении арбитра без учета на это его воли не учитывает, что у такого третейского судьи могут существовать объективные препятствия для участия в арбитраже и рассмотрении спора. К таким препятствиям, в частности, можно отнести: обстоятельства, указывающие на отсутствие его независимости и/или беспристрастности, недостаточность времени для участия в арбитраже, невозможность проведения устных слушаний очно или с использованием видеоконференцсвязи. Кроме того, анализ положений ГПК РФ и АПК РФ указывает на то, что кандидат для назначения в качестве третейского судьи не извещается судом о времени и месте судебного заседания при рассмотрении заявления о содействии, поэтому он может не знать о том, что дело о его назначении рассмотрено государственным судом. Таким образом, законная сила определения государственного суда о содействии в назначении арбитра распространяется на стороны третейского разбирательства, а не на самого арбитра.

Ранее было упомянуто, что арбитр, назначенный судом, впрочем, как и третейский судья, избранный сторонами или органом ПДАУ, наделяется *обязанностью* по рассмотрению спора. Можно ли утверждать, что природа этой обязанности должна измениться с частной на публичную, если состав арбитража был сформирован государственным судом? Для ответа на этот вопрос полагаем уместным взглянуть на содействие в назначении арбитра в историческом контексте.

Для республиканского периода в истории Древнего Рима было характерно, что тяжущиеся могли заключить соглашение с третейским судьей, которое с развитием преторского права получило оформление в виде пактов receptum arbitrii (соглашение с третейским судьей). Как указывает Д. В. Дождев, «Receptum arbitrii – это принятие на себя роли третейского судьи по предложению сторон, заключивших между собой внесудебное соглашение о том, чтобы отдать спор на рассмотрение арбитра. Лицо, принявшее на себя обязанности арбитра, должно было рассмотреть дело и вынести решение, в противном случае претор мог наложить на него штрафные санкции»[21]. А. Ф. Волков видит в наложении на арбитра штрафных санкций отход от природы третейского разбирательства и придание действиям третейского судьи по разрешению спора некоего публичного характера. Он пишет: «Принятие на себя исполнения третейско-судебных обязанностей до преторского эдикта было исключительно делом доверия. Эти отношения поддерживались обычаем и принуждение по отношению к арбитру противоречило духу института. Но когда эти гарантии оказались недостаточно прочными и перед претором возникла задача – *оказать поддержку институту* – ему не оставалось ничего другого, как подчеркнуть публичную сторону receptum и подчинить арбитра своей судебной coercitio. Указанные в эдикте принудительные средства были те же самые, которые претор применял по отношению к judex'у»[22].

Этот пример не призван обратить внимание на существование в праве Древнего Рима моделей, похожих на современную функцию государственного содействия в отношении арбитража, или же на то, что на арбитра необходимо накладывать штрафные санкции в случае неисполнения им обязанности рассматривать спор. Данная иллюстрация необходима, чтобы показать, что если судебный акт о назначении арбитра можно будет принудительно исполнить (например, штрафуя арбитра), то за этим последует неминуемое сближение представлений об основаниях власти судьи и власти арбитра.

Представляется, что идея взаимодействия между государством и третейским разбирательством как раз не предполагает сближения их

[20] *Скворцов О. Ю.* Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации : учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 22.

[21] *Дождев Д. В.* Римское частное право : учеб. для вузов. М., 2006. С. 543.

[22] *Волков А. Ф.* Торговые третейские суды. СПб. : Тип. ред. период. изданий М-ва финансов, 1913. С. 10–11.

статусов, арбитраж не должен становиться квази-судом, о чем уже давно высказываются опасения в специальной литературе[23]. Поэтому, как представляется, нормы ГПК РФ и АПК РФ, которые регулируют правоотношения, возникающие при реализации содействия (в том числе и вопросы назначения арбитра) в отношении третейского разбирательства, должны строиться не по модели сближения суда и арбитража, а по принципу *взаимодействия*. Это означает, что суд, оставаясь в рамках процессуальной формы, учитывает особенности и специфические институты арбитража, такие как правовая природа и принципы третейского разбирательства, порядок и особенности формирования состава третейского суда и т.д.

Таким образом, к назначаемому судом арбитру неприменимы правила об обязательности и исполнимости судебного акта, согласие арбитра в любом случае необходимо для его назначения. В связи с этим далее целесообразно рассмотреть вопросы о порядке получения такого согласия при реализации судом функции содействия.

Можно предположить два возможных варианта. Первый – предоставление согласия предполагаемого арбитра самим заявителем при обращении за содействием. Второй – получение согласия арбитра судом, рассматривающим заявление о назначении. Рассмотрим каждый из этих вариантов отдельно.

Первый путь предполагает, что сам заявитель должен прилагать согласие арбитра как при подаче заявления, так и в последующем, если в этом появляется необходимость. Нормы ч. 4 ст. 427.2. ГПК РФ и ч. 4 ст. 240.2. АПК РФ содержат указание на «документы, представляемые в обоснование требования заявителя», представляется, что к таким документам вполне можно отнести и согласие арбитра.

Несмотря на то что процессуальный закон не содержит препятствий для предоставления суду согласия арбитра в ходе рассмотрения дела о содействии, при использовании такого подхода государственный суд сам не назначает арбитра, а исключительно легализует волю истца на выбор конкретного третейского судьи. Судебная практика тем не менее демонстрирует именно такую модель деятельности государственного суда в процессе разрешения вопроса о содействии в назначении арбитра[24].

Специальное законодательство об арбитраже в числе принципов третейского разбирательства называет равенство сторон. Применительно к теме настоящей работы это означает, что стороны вправе определять частную процедуру рассмотрения дела, но должны делать это в равной степени. Поэтому, например, когда дело рассматривается коллегиально, выбирается по одному арбитру от каждой из сторон, но при этом ни одна из их не праве назначить председательствующего в одностороннем порядке. Как отмечает Я. Полссон применительно к вопросам избрания и назначения арбитров: «Свобода сторон» – это не то же самое, что свобода стороны». Полагаем, что если назначение арбитра проводит государственный суд, то его порядок должен быть аналогичен назначению компетентным органом институционального арбитража, т. е. когда сторона в нем не участвует, а третейский судья назначается компетентным органом нейтрально.

Второй вариант получения согласия арбитра предполагает, что его запрашивает сам суд. Этот путь, хотя и более правильный с точки зрения природы и особенностей третейского разбирательства, о которых было сказано выше, но всё же не лишен сложностей теоретического характера и законодательных пробелов. Каким образом суд должен получать согласие арбитра? Требуется ли для этого вызывать его в судебное заседание или же достаточно получить согласие в письменной форме? Каждый из способов получения согласия от третейского судьи предполагает достаточно серьезную дискуссию о его процессуальном статусе при рассмотрении государственным судом заявления о содействии. Как указывает Е. И. Носырева, «…участником процесса является лицо, которое наделяется законом процессуальными правами и обязанностями по отношению к суду. Поэтому для отнесения того или иного лица, упоминаемого в процессуальных кодексах, к участникам процесса необходимо выявить его процессуальную взаимосвязь с судом. При этом не важно, где, когда и в каком

[23] См., например: *Севастьянов Г. В.* Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 41–59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] См., например, определения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14 сентября 2022 г. по делу № А56-82619/2022 и от 15 мая 2023 г. по делу № А56-1270/2023. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 12.01.2025).

объеме соотношения прав и обязанностей эта связь прослеживается»[25].

В настоящий момент можно однозначно утверждать, что действующее процессуальное законодательство не содержит таких правил, которые могли бы указать на процессуальную взаимосвязь между судом и назначаемым арбитром. Представляется, что основой для установления процессуальной взаимосвязи между судом и арбитром могла бы послужить именно процессуальная обязанность суда в получении согласия арбитра перед его назначением.

Вместе с тем специальное законодательство об арбитраж устанавливает, что суд при рассмотрении заявления о содействии учитывает такие соображения, которые могут обеспечить назначение независимого и беспристрастного арбитра (ч. 5 ст. 11 Закона об арбитраже, ч. 6 ст. 11 Закона об МКА). Кроме того, в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 указано, что незаконность состава третейского суда может проявляться в том числе в несоблюдении принципа независимости и беспристрастности арбитра. То есть государственный суд при формировании состава арбитража должен учитывать, что в последующем (к примеру, при выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения третейского решения) выводы о законности или незаконности состава арбитража будут зависеть от процессуальных действий в процессе его назначения.

Поэтому в процессуальные кодексы целесообразно включить положение о необходимости получать от потенциальных арбитров заявление, в котором, помимо непосредственно согласия, также будут содержаться сведения об отсутствии обстоятельств, могущих повлиять на их независимость и беспристрастность. В этом случае арбитр при рассмотрении судом заявления о содействии в назначении вполне может занять в системе субъектов процессуальных отношений место среди иных участников процесса наряду с представителями и лицами, содействующими осуществлению правосудия.

Следующим возникает вопрос о том, каким именно образом суд может получить согласие арбитра. Согласно п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 для целей подбора кандидатов суд может использовать рекомендованные списки арбитров, которые ведут постоянно действующие арбитражные учреждения. В то же время максимальное количество информации, которое можно почерпнуть из таких списков арбитров, – это город, место работы, ученая степень. Эта информация не дает суду технической возможности направить арбитру запрос о предоставлении сведений о согласии/несогласии на рассмотрение спора, а также сведений об обстоятельствах, влияющих на независимость и беспристрастность или же об отсутствии таковых.

В связи с этим можно предложить следующий вариант получения согласия третейского судьи при рассмотрении заявления о содействии. Государственный суд может быть наделен правом направлять запросы в институциональный арбитражный центр для получения сведений об адресе арбитров для того, чтобы иметь возможность получить их согласие, а также иные необходимые сведения от кандидатов для назначения. Важно отметить, что такие процессуальные действия суда, бесспорно, увеличат срок рассмотрения заявления о содействии. Однако представляется, что вопрос о законности состава третейского суда, который в дальнейшем может возникнуть и негативно отразиться на возможности принудительного исполнения арбитражного решения, должен преобладать над стремлением уложиться в кратчайшие сроки.

Подводя итог, следует констатировать, что степень учета воли участников третейского разбирательства меняется в зависимости от того, в каком порядке происходит назначение арбитра. Кандидатура третейского судьи полностью зависит от воли сторон, если его выбирают непосредственно. К примеру, если спор разрешается арбитражем ad hoc или же если дело рассматривает коллегия арбитров в институциональном арбитраже, и участники арбитража выбирают по одному арбитру от каждой стороны. Во всех остальных случаях назначения арбитров в рамках третейского центра воля сторон не учитывается, а назначение проводится компетентным органом ПДАУ. Вопрос об учете воли сто-

[25] *Носырева Е. И.* Другие (иные) участники процесса» и их место в классификации субъектов гражданских процессуальных правоотношений // Очерки современного цивилистического процесса : In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой / под ред. Е. И. Носыревой, И. Н. Лукьяновой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. С. 134.

роны при назначении третейского судьи в рамках реализации функции содействия в процессуальном законодательстве однозначно не решен. Представляется, что назначение арбитра в рамках функции государственного содействия также не предполагает учета воли стороны третейского разбирательства в целях соблюдения нейтральности и объективности такого назначения.

Напротив, обязательность учета воли самого арбитра должна оставаться неизменной вне зависимости от того, кем (сторонами, уполномоченным органом ПДАУ или государственным судом) и в каком порядке осуществляется его назначение. Это обусловлено тем, что третейское разбирательство является частной процедурой разрешения спора, соответственно, арбитр приобретает свои полномочия только от сторон третейского разбирательства, поэтому даже его назначение государственным судом не сближает правовой статус судьи и арбитра, а лишь отражает необходимое взаимодействие между судом и арбитражем.

Библиографический список

Ануров В. Н. Допустимость подачи иска // Третейский суд. 2018. № 1/2. С. 199–217 ; № 3/4. С. 181–195. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Банников Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования споров. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 240 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Борн Г. Международный арбитраж : право и практика / пер. с англ. под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т современного арбитража, 2020. 928 с.

Волков А. Ф. Торговые третейские суды. СПб. : Тип. ред. период. изданий М-ва финансов, 1913. 292 с.

Дождев Д. В. Римское частное право : учеб. для вузов. М., 2006. 419 с.

Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. М. : Статут, 2022. 336 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М. : Статут, 2021. 416 с.

Носырева Е. И. Другие (иные) участники процесса» и их место в классификации субъектов гражданских процессуальных правоотношений // Очерки современного цивилистического процесса : In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой / под ред. Е. И. Носыревой, И. Н. Лукьяновой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. С. 126–137.

Полссон Я. Идея арбитража / пер. с англ. под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т соврем. арбитража, 2021. 527 с.

Савранский М. Ю. Новые трансграничные стандарты поведения арбитров в международном арбитраже // Lex russica. 2024. № 6. С. 140–150. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Севастьянов Г. В. Институионализация арбитража ad hoc в России. «Институциональные» третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1. С. 8–13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Севастьянов Г. В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 41–59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации : учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 234 с.

Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 72 с.

References

Anurov V. N. Admissibility of Filing a Claim // Arbitration Court. 2018. No. 1/2. P. 199–217; No. 3/4. P. 181–195. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Bannikov R. Yu. Pre-trial dispute resolution. Moscow : Infotropic Media, 2012. 240 p. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Born G. International arbitration: law and practice / translated from English under the editorship of N. A. Babadzhanyan. Moscow : Russian Institute of Modern Arbitration, 2020. 928 p.

Volkov A. F. Commercial arbitration courts. St. Petersburg : Type. ed. period. publications of the Finance Ministry, 1913. 292 p.

Dozhdev D. V. Roman private law : a textbook for universities. Moscow, 2006. 419 p.

Kuznetsov E. N. The right to enforce judicial acts in the Russian Federation. Moscow : Statut, 2022. 336 p. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Kurochkin S. A. Arbitration and international commercial arbitration. Moscow : Statut, 2021. 416 p.

Nosyreva E. I. Other (other) participants in the process and their place in the classification of subjects of civil procedural legal relations // Essays on the modern civilistic process : In Memoriam of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Tamara Evgenievna Abova / ed. E. I. Nosyreva, I. N. Lukyanova, D. G. Filchenko. Moscow : Statut, 2023. P. 126–137.

Paulsson J. The Idea of Arbitration / trans. from English ed. by N. A. Babajanyan. Moscow : Rus. Institute of Modern Arbitration, 2021. 527 p.

Savransky M. Yu. New Cross-Border Standards of Conduct for Arbitrators in International Arbitration // Lex Russica. 2024. No. 6. P. 140–150. Access from the reference and legal system «Garant».

Sevastyanov G. V. Institutionalization of ad hoc arbitration in Russia. «Institutional» arbitrators. Problems and tasks of arbitration development in Russia // Arbitration court. 2021. No. 1. P. 8–13. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Sevastyanov G. V. Theory of private procedural law vs. «sudization and materialization of arbitration» // Zakon. 2017. No. 9. P. 41–59. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Skvortsov O. Yu. Arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation : textbook for universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow : Yurait, 2024. 234 p.

Chechot D. M. Subjective right and forms of its protection. Leningrad : Publishing house of Leningrad University, 1968. 72 p.

Воронежский государственный университет
Артемова Ю. С., преподаватель кафедры гражданского права и процесса
E-mail: artemova_vsu@mail.ru

Voronezh State University
Artemova Yu. S., Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
E-mail: artemova_vsu@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.01.2025

Для цитирования:
Артемова Ю. С. Роль волеизъявления арбитра и сторон арбитража при формировании состава третейского суда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 340–349. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/340-349

Received: 20.01.2025

For citation:
Artemova Yu. S. The role of the arbitrator and the parties in the composition of the arbitral tribunal // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 340–349. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/340-349

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

– индекс УДК;

– название статьи на русском и английском языках;

– инициалы и фамилию(-и) автора (соавторов);

– наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);

– дату направления материала в редакцию журнала;

– аннотацию статьи на русском и английском языках;

– ключевые слова на русском и английском языках;

– текст статьи;

– библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;

– сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем

могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

– несоответствия статьи профилю и специфике журнала;

– грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;

– несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;

– отрицательного заключения редакционной коллегии;

– опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;

– несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.-

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION, REVIEW AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

– UDC identifier;

– article heading in Russian and in English;

– author's (coauthors') initials and surnames;

– name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);

– date of directing materials to the editorial board of the journal;

– summary of the article in Russian and in English;

– key words in Russian and in English;

– text of article;

– list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);

– data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

– article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;

– the rough violations in citing including references to statute rules;

– article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;

– negative conclusion of the editorial board;

– the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;

– non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПРАВО. 2025. № 2 (61)

Дата выхода в свет 21.07.2025

Ведущий редактор *Ю. С. Гудкова*
Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Формат 60×84/8.
Уч.-изд. л. 42,3. Усл. п. л. 41,1. Тираж 70 экз. Заказ 250

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3